МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023 **№ 85**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Барабанова К.С. Медицинская корпорация против эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г.: экспертное знание и истоки недоверия к врачам 5
Вячистый Д.Д., Шевцов В.В. Томское бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в контексте регламентации краеведческой деятельности в регионе (1927–1928 гг.) 13
Гергилёв Д.Н., Леопа В.П., Леопа А.В. Политика чрезвычайных мер советской власти в сибирской деревне в период НЭПа 20
Зайцев М.В., Шешнёв А.С. М.Т. Лорис-Меликов и санитарные проблемы Саратова 1870-х гг.: неудавшаяся попытка реформирования городского пространства 29
Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю., Харитонов Г.П. Церковно-приходские библиотеки Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в. 39
Илюшин Б.А. Служилые татары в войнах Московского государства в 1533–1557 гг. 47
Макаров И.В. Проблемы формирования сети поверочных учреждений в Западной Сибири (на примере Новониколаевской поверочной палаты мер и весов) 54
Мицук А.А. «Миссионерство – это цель церкви»: противораскольническая деятельность церковного братства свт. Димитрия Ростовского в Томской епархии (конец XIX – начало XX в.) 60
Симонов М.А. Разработка генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР в 1924–1932 гг. как обоснование строительства социализма в одной стране 70
Хабалева Е.Н. Среднее женское медицинское образование в Российской империи в начале XX в. (на примере Орловской земской фельдшерско-акушерской школы) 81
Харусь О.А. Профессиональные союзы как организационная форма идейно-политической самоидентификации сибирской интеллигенции в 1905 г. 87

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глинкин В.С., Гнездилова Н.С. Взгляд из Китая: новостные заголовки в китайских медиа как зеркало отношений Ирана и КНР 95
Ильин С.К. Дискуссия в Конгрессе США об участии американского контингента в Многонациональных силах в Ливане после теракта в Бейруте 23 октября 1983 г. 100
Никитин Л.В. Мировые банковские центры в 1970-е гг.: разворот к новой географии глобальной кредитной системы 106
Рабуш Т.В. Основные виды антисоветской пропаганды в афганском региональном вооруженном конфликте (1980–1989 гг.) 118
Чжан Синьсинь. Практическая значимость опыта советских реформ 1985–1991 гг. для Китая в рамках концепции «основа жизни народа» 126
Юрк А.В. Значение войны в Афганистане для американского глобального лидерства: Вьетнам 2.0 или нечто большее? 132

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Абилова Р.О. Путешествие Курта и Марго Любински по Сибири (1928 г.) 140
Бойко В.П., Савинцева М.Е., Михайлицина Е.А. История проектирования, строительства и эксплуатации Транссибирской железнодорожной магистрали в освещении современной англо-американской историографии 148

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Barabanova K.S. Medical corporation against the plague epidemic in Sevastopol in 1830: expert knowledge and the origins of distrust of doctors 5
Vyachisty D.D., Shevtsov V.V. Tomsk Bureau of the Society for the Study of Siberia and its productive forces in the context of the regulation of local history activities in the region (1927–1928) 13
Gergilev D.N., Leopa V.P., Leopa A.V. The policy of extreme measures of the soviet authorities in the Siberian village during the new economic policy period 20
Zaytsev M.V., Sheshnev A.S. M.T. Loris-Melikov and sanitary problems of Saratov in the 1870s: failed attempt to reform urban space 29
Ierusalimskiy Yu.Yu., Ierusalimskaya S.Yu., Haritonov G.P. Parish libraries of the Yaroslavl diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries 39
Ilyushin B.A. Serving Tatars in wars of the Moscow State in 1533–1557 47
Makarov I.V. Problems of formation of a network of verification institutions in Western Siberia (on the example of the Novonikolayevsk Verification Chamber of Weights and Measures) 54
Mitsuk A.A. "Missionary is the goal of the Church": anti-schismatic activities of the church brotherhood St. Dimitry of Rostov in the Tomsk diocese (late XIX – beginning XX centuries) 60
Simonov M.A. Development of the General plan for the reconstruction of the national economy of the USSR in 1924–1932 as a justification for the construction of socialism in one country 70
Khabaleva E.H. Secondary female medical education in the Russian empire at the beginning of the XX century (through the example of Oryol province territorial paramedic-obstetric school) 81
Kharus O.A. Professional unions as an organizational form of an ideological-political self-identification of the Siberian intelligentsia in 1905 87

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Glinkin V.S., Gnezdilova N.S. A Look from China: News headlines in Chinese media as a mirror of Iran-China Relations 95
Ilin S.K. The discussion in the US Congress on the participation of the American troops in the Multinational Force in Lebanon after the terrorist attack in Beirut on October 23, 1983 100
Nikitin L.V. The World Centres of Banking in the 1970s: Turn to a New Geography of the Global Credit System 106
Rabush T.V. The main types of anti-Soviet propaganda in Afghan regional armed conflict (1980–1989) 118
Zhang Xinxin. The practical significance of the experience of Soviet reforms in 1985–1991 years for China: in the framework of the concept of "the people-based life" 126
Yurk A.V. The Significance of the War in Afghanistan for American Global Leadership: Vietnam 2.0 or Something Bigger? 132

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Abilova R.O. A journey into Siberia by Kurt and Margot Lubinski (1928) 140
Boiko V.P., Savintceva M.E., Mikhailitsina E.A. The history of project development, construction and operation of the Trans-Siberian Railway in the coverage of modern British and American historiography 148

Вартаньян Э.Г. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского как отправная точка болгарской историографии эпохи раннего Возрождения (XVIII – первая половина XIX в.) 157
Раздорский А.И. Таможенные книги в фонде Илимской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов 167

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Дорофеев Д.Ю. Межличностная и межкультурная коммуникация на славянском пространстве: суверенность, инаковость, общность 176
Степанова О.Б. Селькупский хлеб и его исторические контексты 183

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Сырямкин М.В. Развитие интеллектуального и научно-технического капитала академической науки Томской области в 2002–2005 гг. 192

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Берсенев М.В. Факторы риска эксклюзии студентов-инвалидов в вузах России 202

Vartanyan E.G. “The Slavic-Bulgarian History” Paisi of Hilendar as a starting point of the Bulgarian historiography of the early Renaissance (XVIII – first half of the XIX century) 157
Razdorskiy A.I. Customs books in the fund of the Ilimsk Voivodship Office of the Russian State Archive of Ancient Acts 167

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Dorofeev D.Yu. Interpersonal and intercultural communication in the Slavic area: sovereignty, otherness, community 176
Stepanova O.B. Selkup bread and its historical contexts 183

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Maxim V. Syryamkin. Development of intellectual and scientific-technical capital of academic science of the Tomsk region in 2002–2005 192

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Bersenev M.V. Risk factors for exclusion of disabled students in Russian universities 202

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 90(47)073
doi: 10.17223/19988613/85/1

Медицинская корпорация против эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г.: экспертное знание и истоки недоверия к врачам

Ксения Сергеевна Барабанова

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия;
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, barabanova13@gmail.com

Аннотация. В 1830 г. в Севастополе вспыхнул Чумной бунт, жертвой которого стал военный генерал-губернатор Н.А. Столыпин. Причиной неповиновения были противоэпидемические мероприятия, проводимые в городе с 1829 г. Севастопольские события – уникальный случай, благодаря которому мы можем рассмотреть процесс формирования медицинской корпорации в Российской империи. В это сложное время врачи оказались между властями и горожанами, в связи с чем перед нами предстают проблема отношений чиновников и профессионального сообщества и актуальная и сегодня проблема складывающегося недоверия пациентов к врачам.
Ключевые слова: медицина, корпорация, чума, Севастополь, врач

Благодарности: Результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Барабанова К.С. Медицинская корпорация против эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г.: экспертное знание и истоки недоверия к врачам // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 5–12. doi: 10.17223/19988613/85/1

Original article

Medical corporation against the plague epidemic in Sevastopol in 1830: expert knowledge and the origins of distrust of doctors

Kseniya S. Barabanova

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation;
University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, barabanova13@gmail.com

Abstract. A history of epidemics is a convenient context for studying a medical corporation. During emergencies, doctors become the main actors. This is especially true for the first half of the XIX century, when a meeting with a doctor during an epidemic could be the only one in human life. The purpose of this research is to study the Russian medical corporation during its formation in the first half of the 19th century. Our focus is the plague epidemic in Sevastopol from 1828 to 1830. We consider the medical corporation in terms of authorities and the patients. The study is based on the materials of the Russian State Historical Archive of the Navy and the memoirs of contemporaries.

In 1828, the Russian Empire was threatened by an epidemic of plague. Under the conditions of the Russian-Turkish war, the main naval base of the empire in the Black Sea - Sevastopol - was in danger. To prevent the spread of the plague, the city was quarantined. Since 1829, Sevastopol began to introduce strict anti-epidemic measures: quarantines, forced hospitalization, plague departments, swimming in the sea. It should be noted that, according to the authors, there were no contemporaries and researchers of the plague in Sevastopol, which is indirectly confirmed by the extremely low level of morbidity and mortality during this period. The experience of previous and subsequent plague epidemics shows that such indicators are extremely uncharacteristic. That is, we have a unique case of an epidemic without an epidemic. In its context, we can consider the build-ups, which are characteristic of a large epidemic, but usually written off to a high mortality rate. The measures and irregularities led to a mutiny, of which Governor-General N.A. Stolypin was the main victim. Events in Sevastopol occurred during the formation of the Russian medical corporation. The main characters in the city were doctors. It was them who made the decision about hospitalization and developed such new activities as swimming in the winter sea. Doctors acted as experts for the administration. For the population, they were the main representatives of power. Under the conditions of events in Sevastopol, we can see how distrust of doctors is being formed.

© К.С. Барабанова, 2023

Thus, we are faced with the emerging Russian medical corporation, acting on the one hand as an expert and official, and on the other as an enemy and killer. Errors and violations made during the events of 1830 did not affect the attitude of the authorities towards doctors, since the corporation was military-style and the results were not questioned. But the unethical behavior of several doctors has contributed greatly to the negative image of the doctor, with whom the authorities will unsuccessfully fight in the coming years.
Keywords: medicine, corporation, plague, Sevastopol, doctor

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Barabanova, K.S. (2023) Medical corporation against the plague epidemic in Sevastopol in 1830: expert knowledge and the origins of distrust of doctors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 5–12. doi: 10.17223/19988613/85/1

Введение

В 1830 г. в Севастополе разразился Чумной бунт, жертвой которого стал военный генерал-губернатор Николай Алексеевич Столыпин. Он приходился братом Дмитрию Алексеевичу Столыпину, деду П.А. Столыпина. Генерал-лейтенант Н.А. Столыпин был героем Отечественной войны 1812 г., кавалером ордена Святого Георгия 3-й степени [1. С. 246]. Михаил Сперанский назвал его «настоящим генералом» [2. С. 451]. Участниками Чумного бунта в Севастополе стали не только горожане, но и матросы. Причина бунта – противоэпидемические мероприятия. Главными врагами для толпы выступали чиновники и врачи, которые разрабатывали и внедряли в жизнь меры по борьбе с чумой. Отметим, что главная роль в борьбе с чумой была отдана врачам морского ведомства.

Цель данной работы – изучение формирующейся отечественной медицинской корпорации в контексте чрезвычайной ситуации – эпидемии чумы в Севастополе в 1830 г. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, следует проанализировать противоэпидемические мероприятия. Во-вторых, необходимо обратиться к фигурам ведущих врачей Севастополя в 1830 г. Это позволит проанализировать положение врачей в качестве профессиональных экспертов в отношениях с властями и отношение пациентов к медикам.

В начале XIX в. в Российской империи начинается реформа медицинского образования. Ее главной целью было обеспечение армии и флота российскими специалистами. После реформы университетского устава 1804 г. врач получал право лечить больных только после получения письменного удостоверения российского «ученого сословия» [3. С. 39]. Так начинается важнейший этап формирования отечественной медицинской корпорации, или медицинского сообщества. В данном случае мы говорим о профессиональной корпорации, членами которой могли стать лишь врачи, признанные государством.

Представляется, что медицинское сообщество формировалось по образцу военной структуры. Следует согласиться с выводом Е. Вишленковой о том, что «создатели науки» [4. С. 52] получили статус особо ценных чиновников. Мы можем выделить общие черты представителей складывающегося медицинского сообщества в начале 1830-х гг.: они прошли обучение после реформы образования в начале XIX в., получили необходимый опыт службы в условиях чрезвычайной ситуации, работали в качестве армейских врачей, а затем показали себя успешными исследователями.

Традиционно в истории медицины врачи предстают как герои, сражающиеся с ужасным монстром, – болезнью [5–7]. Так написано большинство биографий, этой же стратегии придерживался Р. МакГру [8], описывая медиков в борьбе с холерой в 1830–1831 гг. Альтернативой такому взгляду может быть история медицины глазами больного. Известный британский историк Р. Портер в статье «Взгляд пациента. История медицины “снизу”» убедительно продемонстрировал, как писать историю медицины «снизу», анализируя конкретный документальный материал. Он предлагает «заглянуть внутрь пациентов», т.е. посмотреть, как они относились к своей болезни и пытались ее классифицировать, как переживали боль [9]. Рассматривая практику родов, Юрген Шлюмбом в своей статье о родовспомогательной клинике в Гёттингенском университете также затрагивает вопрос отношения пациенток к врачу и отказа от профессиональной медицинской помощи [10].

История событий в Севастополе в 1829–1830 гг. является удобным контекстом для изучения результатов первых шагов по формированию медицинской корпорации. Статус Севастополя как главной морской базы Российской империи позволяет обратиться к положению военных врачей.

Противоэпидемические мероприятия – традиционные, новые, и повод к Чумному бунту

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. разгорелась эпидемия чумы, которая проникла в Бессарабию, Одессу. Российская империя имела богатый опыт борьбы с чумными эпидемиями. На его основе был выработан комплекс обязательных противоэпидемических мероприятий, который будет применяться в случае крупной вспышки любого заболевания.

К обязательным мероприятиям следует отнести обсервацию. В мае 1828 г. с целью предотвращения проникновения в Севастополь чумы город закрылся на карантин, правила которого были изложены в Карантинном уставе 1818 г. [11]. До июня 1829 г. карантинные мероприятия не особенно влияли на повседневную жизнь горожан, снабжение города. Ситуация изменилась с приходом на должность начальника карантинного оцепления полковника З.С. Херхеулидзе. С 18 июня

в Севастополе был объявлен полный карантинный термин, согласно которому с городом полностью прерывалось сообщение.

Объявление полного карантинного термина в случае с Севастополем не было обосновано. Ни в самом городе, ни в его окрестностях не было характерной для чумной эпидемии высокой вспышки заболеваемости и тем более смертности [12. Л. 48]. К такому же выводу приходит А. Фасенко на основании анализа сохранившихся севастопольских метрических книг [13. С. 54; 14. С. 24].

С началом оцепления в Севастополе следовало начать реализовывать и другие, уже ставшие традиционными, противоэпидемические мероприятия. На Павловском мысу были открыты чумное и карантинное отделения. Одной из первых в карантин попала часть экипажа фрегата «Эриван» вместе с их врачом Н.И. Закревским. Он диагностировал тиф, но не чуму [15. С. 90]. Следует отметить, что Закревский предполагал отсутствие чумы в Севастополе в 1828–1830 гг. По его профессиональному мнению, в городе могли быть больные «ожесточенной полу-трех-дневной дикийской горячкой (Hemitritacum Daciae)», или холерой [16. С. 290]. Не было в городе и ожидаемой вспышки заболеваемости и смертности. Сам же доктор Закревский отмечал, что при осмотре больных Карабельной слободки он «мало заботился о предосторожностях, особенно при посещении тех жилищ, в которых пришлось побывать раза два или три» [16. С. 293]. Того же мнения придерживались современники и многие исследователи [13. С. 54; 14. С. 24; 17. С. 39]. Кому же было выгодно объявление эпидемии без чумы? На самом деле, довольно широкому кругу лиц. Во-первых, самим карантинным чиновникам и врачам, так как они получали за эту работу дополнительные выплаты в виде суточных. Дополнительный доход состоял и из взяток от тех, кто хотел избежать карантина или сократить его срок. Во-вторых, местные торговцы и чиновники, связанные с ними, обогащались за счет резкого скачка цен на продукты в оцепленном городе.

Помещения на Павловском мысу не были готовы к приему пациентов, не хватало даже самых необходимых вещей: кроватей, постельного белья, провианта, воды, дров и печей. Более того, в бывшей казарме не были застеклены окна. Ночью ветер и снег проходили помещения насквозь [16. С. 290]. Словом, это были идеальные условия для приобретения новых и развития хронических заболеваний. Впоследствии все, кто умирал на Павловском мысу, объявлялись жертвами чумы. Для горожан попасть туда означало умереть. Немногие смогли пережить больничные условия.

Отметим, что для морских госпиталей проблема снабжения была крайне актуальной. В 1829 г. было выявлено, что в Херсонском морском госпитале больные лежали на грязном и ветхом постельном белье, застеленном поверх грязных, набитых старой соломой матрасов. Пациенты были одеты в запачканные и рваные халаты. Бинты и компрессы были сделаны из грязных и грубых тряпок [18. Л. 1–8 об.].

Для борьбы с эпидемией в Севастополе был учрежден временный Медицинский совет, в который вошли 15 наиболее опытных врачей. Организация временных комитетов (советов) была широко распространенной практикой не только в период эпидемий, но и при других чрезвычайных ситуациях. 1 декабря 1829 г. Медицинский совет пришел к выводу, что смертность в карантине была вызвана не чумой, а его плохой организацией [19]. Реакцией карантинного начальства стал запрет для неморских врачей посещения карантина. 7 января 1830 г. последовало ужесточение карантинных правил, поводом к чему послужило обнаружение доктором Верболозовым первого чумного больного.

Еще одним традиционным мероприятием против эпидемий была принудительная госпитализация. Обследование и принятие решения о госпитализации проводилось тремя врачами – П. Ланге, П.А. Верболозовым и Я.П. Шрамковым. Только они могли диагностировать чуму или отправить подозрительного больного на Павловский мыс. Заметим, что сами врачи не выдерживали никакого карантина, могли свободно перемещаться по городу и посещать совещания с городскими властями.

На Павловский мыс подозрительные больные доставлялись мортусами. Впервые мортусы (от лат. mortuus) появились в Средние века в Европе во время эпидемий чумы и были служителями больных в карантинах. В России мортусы задействовались во время чумных эпидемий 1771 и 1818 гг., а также в первую эпидемию холеры 1830–1831 гг. В Севастополе мортусы выполняли самую грязную и опасную работу, более остальных соприкасались с больными и умершими. На них была возложена обязанность по госпитализации подозрительных больных, они выносили из дома или подбирали с улиц тела умерших. В Севастополе мортусами стали добровольцы из арестантов. Одеты они были с ног до головы в кожу – шапку, куртку, рукавицы и белье. Чтобы предотвратить заражение, одежду промазывали дегтем с маслом или рыбьим жиром [16. С. 311].

Зимой 1830 г. в Севастополе были применены новые для эпидемий чумы практики профилактики. Одной из них стало купание населения в море зимой [12. Л. 13 об.]. Начало процедуры пришлось на самые холодные месяцы зимы и продолжалось вплоть до мая. После этой процедуры в городе резко возросло число больных горячкой [20. С. 53]. Купание сначала применялось к подозрительным больным, а затем ко всем жителям слободок. Те, кто не мог купаться в море, подвергались обливанию водой в доме. Многие подозрительные больные после обливаний скончались, что стало для врачей новым подтверждением наличия чумы. Следует отметить, что зима в тот год была ранней и суровой.

В это же время границы карантина были сокращены до дверей дома. Лишенные возможности зарабатывать на пропитание и выходить за водой, жители попали в полную зависимость от снабжения чиновниками. Была учреждена Комиссия по предмету продовольствия, отвечавшая за снабжение населения припасами, водой, дровами и сеном. Все это или отпускалось в малом количестве и плохого качества, или не отпускалось вовсе. Предполагалось, что снабжение будет осуществляться ежедневно, на практике могло проходить

по несколько дней. Эта проблема распространялась и на доставку воды, хотя на каждого жителя слободок полагалось одно ведро в день. Население слободок за копейки продавало скотину, потому что не могло ее прокормить [21. Л. 26]. Без дров люди не только замерзали в своих лачугах и заболевали простудными заболеваниями, но и не могли приготовить себе пищу, ели одну муку, разведенную с водой. Того количества дров, которое выделяла комиссия, хватало, чтобы испечь 2–3 хлеба на несколько дней. Качество же муки, которую выдавали населению, было крайне низким. Все это также способствовало развитию заболеваний, в том числе от грязной воды, которую не было возможности кипятить и которая также находилась в дефиците [17. С. 35–46].

Купание в море как профилактика чумы было мероприятием, которое ранее не практиковалось. Запрет покидать дом использовался и ранее, но только в случае, если в там уже был обнаружен подозрительный больной. Привели эти меры только к увеличению заболеваемости и смертности. За пять месяцев горожане не слышали, чтобы люди болели обычными болезнями или умирали естественной смертью, «все это было объявлено за чуму» [21. Л. 9].

3 июня 1830 г. в Севастополе разгорелся Чумной бунт, в ходе которого были убиты временный военный генерал-губернатор Н.А. Столыпин, карантинный инспектор С. Стулли, бригадный командир С. Воробьев. Многие акторы, задействованные в борьбе с чумой, в том числе и врачи, были избиты. Главные требования горожан – снятие карантинов и признание властями, что чумы в Севастополе нет. Более 6 тысяч человек оказались под судом, семь зачинщиков были повешены, жители целой слободки лишились дома [13, 17, 22].

Врачи против эпидемии

Медицинская корпорация Российской империи формировалась по военному образцу и для нужд армии. Для властей врачи были, с одной стороны, чиновниками, а с другой – профессиональными экспертами. Во время эпидемий они получали широкий круг полномочий и выступали главными представителями власти на местах. Вместе с этим любые слухи или выступления против врачей в глазах администрации были направлены против власти. Многие медики выступали в качестве экспертов, при этом экспертиза часто была заказана государством. Сама же администрация выбирала, к мнению какого эксперта следует прислушаться. Больший вес имело мнение практикующего медика с хорошей научной репутацией и военным прошлым. В Севастополе городская администрация выбрала в качестве экспертов инспектора Таврической врачебной управы Ланге (ему принадлежала идея купания зимой в море в качестве профилактики чумы) и двух врачей морского ведомства – Верболозова и Шрамкова. Их мнение о существовании чумы в городе перевесило мнение Медицинского совета.

Анализируя их биографии, мы можем говорить о том, что Ланге и Верболозов относятся к представителям русской медицинской корпорации. Медицинское образование они получили в Российской империи: окончили Императорскую медико-хирургическую академию [23, 24]. От них отличается биография Я.П. Шрамкова, который начал свою медицинскую карьеру до реформы медицинского образования. Начало его карьеры характерно для немногочисленных отечественных врачей дореформенного периода. Выходец из духовенства, он поступил в Белгородскую семинарию, а после нее стал в 1789 г. медико-хирургическим учеником в Елисаветградской сухопутной госпитали [25. Л. 4]. Схоже складывалась судьба многих других детей священников. Отметим, что и Верболозов был из того же сословия.

На выбор экспертов повлияла и их карьера. Ланге к 1830 г. зарекомендовал себя не только успешным врачом, но, что важнее, опытным чиновником. Именно он стал старшим членом Комиссии по ликвидации чумы. Карьера рассматриваемых морских медиков тоже схожа: у Верболозова и Шрамкова был опыт работы в военных госпиталях, они участвовали в морских походах.

Таким образом, основными экспертами стали врачи, зарекомендовавшие себя в качестве или лояльных чиновников, или опытных военных медиков. Ланге выступал как связующее звено между постоянным органом управления местными медицинскими учреждениями и чрезвычайными органами. Верболозов и Шрамков привносили в борьбу с чумой военный опыт, с точки зрения власти, наиболее результативный.

Врачи являются ключевыми фигурами во время чрезвычайных ситуаций, которые сопровождаются большим количеством жертв. В начале же XIX в. отечественная медицинская корпорация была все еще немногочисленной. Для многих обращение к врачу во время эпидемии стало первым и единственным. Слухи, опыт принудительной госпитализации, плохо обустроенные больницы и высокая смертность – все это приводило к формированию отрицательного образа врача. Представление о медиках как убийцах складывалось постепенно, но закрепилось в сознании пациентов очень крепко.

Откуда же образ врача-убийцы, если корпорация только начала формироваться? Мы можем предположить, что плохая репутация отечественному врачебному сообществу досталась по наследству с того времени, когда русских врачей были единицы. Врачи-иностранцы не всегда знали русский язык, не понимали пациентов, а некоторые из них были шарлатанами с поддельными документами. Те же врачи, которые в глазах властей выглядели, как надежные эксперты, для своих потенциальных пациентов были врагами. Причины такого восприятия можно понять через историю медицины «снизу», взглянув на докторов глазами пациентов.

После подавления Чумного бунта в Севастополе по распоряжению императора Николая I начали работать две следственные комиссии. Первую возглавил М.С. Воронцов (с 12 июня его представитель майор Патаниоти). Вторая комиссия «по приему жалоб разных лиц морского ведомства и жителей на карантинное управление во время бывшей в Севастополе чумы в 1830 г.» была создана по распоряжению адмирала Грейга. Руководить ею был назначен капитан 1-го ранга Патаниоти. Комиссия Грейга собрала множество жалоб на работу

врачей. Особое недовольство у пациенток вызывала деятельность Верболозова. Свидетелем сцены с осмотром пациентки стал доктор Закревский. В одном из домов в Корабельной слободке умерла женщина; как показала ее квартирантка, та давно жаловалась на острые боли в сердце. Признаков чумы на теле умершей не было обнаружено. Соседку, женщину молодую, красивую и совершенно здоровую, осматривали крайне долго и внимательно. Закревский же сделал для себя вывод, что ее не отправили в карантин только потому, что «тут вмешалась красивая женщина» [16. С. 305].

В Севастополе широко обсуждалась история жены унтер-офицера Надежды Кириловой. Она понравилась Верболозову, но отвергла его ухаживания. По короткой версии, доктор прислал Кириловой коробку отравленных конфет, которыми она отравилась, а три ее малолетние сестры скончались от кровавого поноса [12. Л. 12 об.]. По другой, более подробной версии, сначала Верболозов объявил умершим от чумы 80-летнего отца Надежды и приказал оцепить дом, как чумной. Затем он послал Ривку Зильберберг уговорить Кирилову, иначе сама бы отправилась на Павловский мыс. Наконец, не получив согласия, Верболозов послал отравленные конфеты, от которых в тот же день скончались двое малолетних детей Кириловой [26. С. 288].

Поводом к Чумному бунту и началом беспорядков стала история смерти Зинаиды Щегловой. 27 мая 1830 г. карантинное оцепление было снято с Севастополя, 3 июня планировалось снять оцепление с Корабельной слободки. Но 31 мая там умирает Щеглова, которую Шрамков объявил чумной. До этого она долго болела от нарыва на шее. В ее смерти обвинили мортусов, которые ее якобы задушили, а часовые слышали крики о помощи. Толпа женщин поймала Шрамкова, искупала в море и голого привязала к телу несчастной, вымазав его выделениями из нарыва. При этом никто из прикасавшихся к покойной, в том числе и Шрамков, не заболел, хотя последний и оказался на Павловском мысу [12. Л. 12].

Если для властей репутация Верболозова была положительной, то на флоте он был известен с отрицательной стороны. Во время Чумного бунта, справедливо опасаясь гнева горожан, пытался укрыться на Александровской и 10-й батареях. На батареи он явился в «не благородном одеянии, то есть в какой-то куртке и без шапки, и имея на голове красный сефик» [12. Л. 10]. Командующий Александровской батареей Неверовский и командующий 10-й батареей отказались укрыть Верболозова. Аргументировали они это тем, что в их распоряжении было мало верных людей. На 10-й же батарее еще и содержались 200 матросов в карантине. Появление штаб-лекаря, известного тем, что по его распоряжению людей помещали в карантин, и в свете слухов о необоснованности этого карантина могло еще более взбудоражить людей [27].

Недоверие к врачам как профессионалам только усиливалось, когда под воздействием обстоятельств они показывали свою некомпетентность. Доктор Ланге признал больным чумой нижнего чина с фрегата «Штандарт» из Одессы. Капитан судна капитан-лейтенант Ушаков вступил в спор с доктором, опровергая диагноз. Для подтверждения своих слов капитан собственными руками выдавил у больного веред (т.е. нарыв с нагноением, чирей), после чего последнего освободили из карантина. Позднее на корабле больных не было обнаружено [12. Л. 11 об.].

Чумной бунт не повлиял на дальнейшую карьеру Ланге, Верболозова и Шрамкова, последний даже получил в 1831 г. два высочайших благоволения за свою работу во время чумы [12]. Они же принимали участие в борьбе с эпидемией холеры на юге России. Здесь хотелось бы еще раз обратиться к биографии Шрамкова. За 35 лет службы он проходил по двум судным делам. Одно из них касалось подлога документов в 1826 г., по нему его приговорили к недельному аресту в 1831 г. Этот эпизод никак не повлиял на дальнейшую карьеру врача, но из-за него он не мог воспользоваться знаком отличия беспорочной службы [28].

Таким образом, в глазах властей эти три врача не совершили никакого проступка или тем более преступления. Возможно, это можно объяснить восприятием врачей в качестве чиновников, представителей власти на месте, а наказать их было равно признанию в некомпетентности администрации. Важным дополнением здесь является общее течение следствия по Чумному бунту, в ходе которого власти пытались все свести к неповиновению женщин.

Ланге, Верболозов и Шрамков были самыми ненавистными врачами в Севастополе в 1830 г., они стали воплощением образа врага, врачами-убийцами. Но были ли такими все врачи? Конечно, нет, но отрицательный опыт, подтверждающий старые слухи и представления о врачах как зле, оказался сильнее, чем положительный. В одном из рапортов упоминается, что штаб-лекаря Глаголева, который после побега главного доктора Севастопольского морского госпиталя возглавил его, «принимали больные как ангела хранителя, верили ему и повиновались» [21. Л. 12].

Важным источником по истории эпидемии чумы и бунта в Севастополе в 1830 г. стали воспоминания Н.И. Закревского. Он являлся представителем более позднего этапа становления отечественной медицинской корпорации. Эпидемия в Севастополе стала первой страницей в его медицинской практике после выпуска из Харьковского университета в 1828 г. [28]. После почти года ожидания его зачислили в 34-й флотский экипаж, вместе с которым он и попал в оцепленный город. Его пример интересен тем, что Закревскому удалось побывать в роли подозрительного больного, пережить карантин на Павловском мысу и оказаться в самом центре событий в качестве врача. С 20 января на него был возложен «врачебный надзор над всей Корабельною слободкою» [18]. Он был свидетелем осмотров Верболозова, сомнительных диагнозов Ланге, к 10 апреля сделал все возможное, чтобы вернуться к службе, и был определен на фрегат «Штандарт». До 1840 г., когда Закревский перешел в гражданское ведомство, он получил опыт в качестве ординатора Севастопольского морского госпиталя, стал первым врачом секретарем-казначеем и библиотекарем Севастопольской морской офицерской библиотеки.

Недоверие и подозрение по отношению к врачам были распространены не только во время чумной эпи-

демии в Севастополе в 1830 г. Ближайшим примером является история холерной эпидемии и бунтов, разразившихся в 1830–1831 гг. Образ врага менялся в зависимости от региональных проблем, которые были и до эпидемии, но везде присутствовала история про врача, который убивал пациентов. После Холерного бунта на Сенной площади в Петербурге 22–23 июня 1831 г. начали публиковаться истории благодарности к врачам от выздоровевших пациентов и зачитываться увещевания в церквях. Таким образом, пытались сформировать новый, положительный образ врача. Для достижения этой цели были выбраны медики, которых можно назвать эталоном представителя российской медицинской корпорации. Так, доктор С.Ф. Вольский, зарекомендовавший себя как опытный врач, обладал блестящим послужным списком. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию, где показал себя талантливым хирургом. Свою карьеру он начал в качестве военного доктора и участвовал в нескольких кампаниях, включая Отечественную войну 1812 г. После получения докторской степени был назначен главным доктором петербургского приказа общественного призрения. Когда в Петербурге вспыхнула эпидемия, его определили инспектором 4-й Адмиралтейской части.

События в Севастополе в 1830 г. не были уникальными, они хорошо вписываются в череду эпидемических бунтов. Общим врагом для населения во время эпидемий выступают врачи, которым чаще всего приписывают роль отравителей. Здесь мы можем выдвинуть предположение, что в том числе и на преодоление этого представления была направлена медицинская этика. Ее основателем в Российской империи стал М.Я. Мудров. Его поведение во время петербургской эпидемии чумы должно было послужить примером для коллег, как строить отношения врач–пациент, а больных переубедить в том, что все врачи хотят их смерти. К сожалению, Мудров погиб от холеры в 1831 г., не достигнув своей цели. Разработанная и внедренная профессиональная этика могла стать хорошим инструментом по преодолению образа врача-убийцы.

Выводы

Таким образом, кейс Севастополя уникален тем, что в городе без эпидемии были реализованы мероприятия по борьбе с ней. Нарушения, которые обычно были незаметны из-за высокой смертности, в данном случае оказались на первом плане. В борьбу с эпидемией были вовлечены врачи морского ведомства, а их пациенты не были частью системы строгой субординации. Благодаря этому у нас появляется возможность узнать больше об отношениях власти–врач–пациенты.

Для властей врачи выступали в роли профессиональных чиновников и экспертов в своей области, лояльность которых подтверждалась военным прошлым. Во время эпидемии власти наделяли медиков широкими полномочиями. Пациенты видели в фигуре врача главного представителя власти, который принимал решение, выживет ли больной. При этом экспертное знание подвергалось сомнению. Таким образом, Чумной бунт был проявлением недоверия не только к медикам, но и к властям и их противоэпидемическим мероприятиям.

События в Севастополе и более поздние эпидемические бунты серьезно повлияли на репутацию медицинской корпорации. Чрезвычайная ситуация была временем массового обращения к врачам. Для многих этот опыт, возможно, был единственным в жизни, но ярким и отрицательным. Так, всего три представителя медицинской корпорации нанесли серьезный ущерб репутации всей профессиональной группы. Работа над исправлением отрицательного образа началась только после Холерного бунта на Сенной площади, разгонять который прибыл сам император Николай I. Отметим, что попытки исправить представление о враче как враге в 1830-х гг. были ситуативными.

Настоящая работа по оформлению положительного образа врача началась одновременно с формированием памяти о медицинской корпорации. Обращаясь к истории медицинского сообщества, следует отметить, что эпидемии 1830-х гг. высвечивают один из этапов формирования профессиональной корпорации в Российской империи. При этом в исторической памяти события начала 1830-х гг. в первую очередь известны через призму бунтов, сопровождавших эпидемии чумы и холеры. Сами эпидемии забыты, подобно забытым войнам, т.е. проигранным или не укладывающимся в повестку памяти. Такое сравнение возможно и в свете того, что восприятие эпидемии как войны присутствует и в описаниях событий 1830–1831 гг., как в медицинских, так и в свидетельствах современников. Вслед за К.А. Богдановым отметим, что в текстах используются военные термины [29. С. 351].

Представляется, что завершение формирования медицинской корпорации приходится на период Крымской войны и совпадает со временем, когда начинает складываться историческая память о врачах. Именно в это время обозначаются два места памяти отечественной медицинской корпорации – Пирогов и сестра милосердия. Фигура Пирогова – центральная в исторической памяти медицинской корпорации. Он стал олицетворением врача, победившего в войне с болезнью. Для истории медицины «снизу» он может быть рассмотрен в качестве первого профессионального врача, заслужившего доверия пациентов. Фигура сестры милосердия, появившись в Крымскую войну, проходит через память о всех военных конфликтах. Женщина на поле боя или в госпитале, выхаживающая смертельно раненного бойца, стала олицетворением милосердия. Именно его не хватает в памяти о врачах на поле боя. Представляется, что использование образа сестры милосердия, или медсестры, вызвано необходимостью преодоления негативного образа врача, сформировавшегося еще до появления профессиональной корпорации.

Список источников

1. История 14-го Уланского Ямбурского Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны полка. СПб. : Тип. М.О. Эттингера, 1873. 817 с.

2. Письма Сперанского из Пензы и из Сибири к А.А. Столыпину, с послесловием Д.А. Столыпина // Русский архив. 1871. Вып. 3. С. 432–484.
3. Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память. №. 4. С. 37–65.
4. Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX в.) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–79.
5. Архангельский Г.В. С.Ф. Вольский – российский историк медицины 30–40-х гг. XIX в. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1997. № 2. С. 53–55.
6. Маргорин Е.М. Илья Буяльский. Л. : Медгиз, Ленингр. отд-ние, 1948. 120 с.
7. Попов В.Л., Дыскин Е.А. И.В. Буяльский и его роль в развитии отечественной анатомии и судебной медицины. Л. : Воен.-мед. акад. им. С.М. Кирова, 1990. 60 с.
8. McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison : University of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
9. Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб. : Европейский ун-т в С.-Петербурге, 2008. С. 41–72.
10. Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Гёттингенского университета в середине XVIII – XIX в. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб. : Европейский ун-т в С.-Петербурге, 2008. С. 73–103.
11. Устав о карантинах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 35. № 27490. С. 474–517.
12. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 17.
13. Фасенко А.А. Чумной бунт в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2011. № 204. С. 52–57.
14. Фасенко А.А. Из истории «чумного бунта» 1830 года в Севастополе. Анализ источников // Причерноморье. История, политика, культура. 2012. Вып. IX (IV). С. 22–28.
15. Закревский Н. И. Корабль «Эриван», 1829 // Морской сборник. 1861. Т. 42, № 3. С. 62–94.
16. Закревский Н.И. На берегу в Севастополе, 1830 // Морской сборник. 1861. Т. 42, № 4. С. 289–312.
17. Полканов А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферополь : Гос. изд-во, 1936. 145 с.
18. РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 320.
19. РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 22.
20. Кондораки В.Х. В память столетия Крыма. М. : Тип. В.В. Чичерина, 1883. 216 с.
21. РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21.
22. Гаврилов С. О чумном возмущении в Севастополе 1830 года. С предисл. М. Шугурова // Русский архив. 1867. Стб. 1375–1384.
23. РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 30.
24. РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 35.
25. РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 512.
26. Мордовцев Д. Русские женщины Нового времени : биогр. очерки из русской истории. СПб. : Тип. О.И. Бакста, 1874. 323 с.
27. РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 337.
28. РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 194.
29. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII XIX веков. М. : О.Г.И., 2005. 502 с.

References

1. Krestovsky, V.V. (1873) *Istoriya 14-go Ulanskogo Yamburskogo Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoy Knyazhny Marii Aleksandrovny polka* [History of the 14th Ulan Yambur Regiment of Her Imperial Highness Grand Duchess Maria Aleksandrovna]. St. Petersburg: M.O. Ettinger.
2. Speransky, M.M. (1871) Pis'ma Speranskogo iz Penzy i iz Sibiri k A.A. Stolypinu, s posleslovіem D.A. Stolypina [Speransky's letters from Penza and Siberia to A.A. Stolypin, with an afterword by D.A. Stolypin]. *Russkiy arkhiv*. 3. pp. 432–484.
3. Vishlenkova, E.A. (2011) Mediko-biologicheskie ob"yasneniya sotsial'nykh problem Rossii (vtoraya tret' XIX veka) [Medical and biological explanations of social problems in Russia (second third of the 19th century)]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 4. pp. 37–65.
4. Vishlenkova, E.A. (2011) "Carrying Out My Medical Responsibilities, I Have Grasped the Popular Spirit:" The Self-Identification of the Physician as an Enlightener of the Russian State (First Half of the Nineteenth Century). *Ab Imperio*. 2. pp. 47–79. (In Russian).
5. Arkhangelskiy, G.V. (1997) S.F. Vol'skiy – rossiyskiy istorik meditsiny 30–40-kh gg. XIX v. [S.F. Volsky – a Russian historian of medicine of the 1830–40s]. *Problemy sotsial'noy gigieny i istoriya meditsiny*. 2. pp. 53–55.
6. Margorin, E.M. (1948) *Ilya Buyalskiy*. Leningrad: Medgiz.
7. Popov, V.L. & Dyskin, E.A. (1990) *I.V. Buyal'skiy i ego rol' v razvitii otechestvennoy anatomii i sudebnoy meditsiny* [I.V. Buyalsky and his role in the development of domestic anatomy and forensic medicine]. Leningrad: S.M. Kirova Military Medical Academy.
8. McGrew, R.E. (1965) *Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison: University of Wisconsin Press.
9. Porter, R. (2008) Vzglyad patsienta. Istoriya meditsiny "snizu" [The patient's view. History of medicine "from below"]. In: Schlumbom, Ju., Hagner, M. & Sirotkina, I.E. (eds) *Bolezn' i zdorov'e: novye podkhody k istorii meditsiny* [Disease and Health: New Approaches to the History of Medicine]. Translated from English by K.A. Levinson. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 41–72.
10. Shlyumbom, Yu. (2008) "Beremennye nakhodyatsya zdes' dlya nuzhd uchebnogo zavedeniya". Bol'nitsa Gettingenskogo universiteta v seredine XVIII – XIX v. ["Pregnant women are here for the needs of the educational institution." Hospital of the University of Göttingen in the middle of the 18th – 19th century]. In: Schlumbom, Ju., Hagner, M. & Sirotkina, I.E. (eds) *Bolezn' i zdorov'e: novye podkhody k istorii meditsiny* [Disease and Health: New Approaches to the History of Medicine]. Translated from English by K.A. Levinson. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 73–103.
11. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 35. № 27490. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 474–517.
12. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 8. List 1. File 17.
13. Fasenko, A.A. (2011) Chumnoy bunt v Sevastopole [A plague riot in Sevastopol]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 204. pp. 52–57.
14. Fasenko, A.A. (2012) Iz istorii "chumnogo bunta" 1830 goda v Sevastopole. Analiz istochnikov [From the history of the "plague riot" of 1830 in Sevastopol. An analysis of sources]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. IX(IV). pp. 22–28.
15. Zakrevskiy, N.I. (1861a) Korabl' "Erivan", 1829 [The Erivan, 1829]. *Morskoy sbornik*. 42(3). pp. 62–94.
16. Zakrevskiy, N.I. (1861b) Na beregu v Sevastopole, 1830 [On the shore in Sevastopol, 1830]. *Morskoy sbornik*. 42(4). pp. 289–312.
17. Polkanov, A. (1936) *Sevastopol'skoe vosstanie 1830 g.* [The Sevastopol uprising of 1830]. Simferopol: Gos. izd-vo.
18. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 33. List 1. File 320.
19. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 33. List 1. File 22.
20. Kondoraki, V.Kh. (1883) *V pamyat' stoletiya Kryma* [In memory of the Crimean centenary]. Moscow: V.V. Chicherin.
21. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 8. List 1. File 21.
22. Gavrilov, S. (1867) O chumnom vozmushchenii v Sevastopole 1830 goda. S predisl. M. Shugurova [About the plague riot in Sevastopol in 1830. With a preface by M. Shugurov]. *Russkiy arkhiv*. Coln. 1375–1384.

23. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 34. List 1. File 30.
24. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 34. List 1. File 35.
25. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 34. List 1. File 512.
26. Mordovtsev, D. (1874) *Russkie zhenshchiny Novogo vremeni: biogr. ocherki iz russkoy istorii* [Russian women of modern times: Biographical essays from Russian history]. St. Petersburg: Tip. O.I. Baksta, 1874. 323 s.
27. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 33. List 1. File 337.
28. The Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 34. List 1. File 194.
29. Bogdanov, K.A. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVIII – XIX vekov* [Doctors, patients, readers: Pathographic texts of Russian culture of the 18th – 19th century]. Moscow: O.G.I.

***Сведения об авторе*:**
Барабанова Ксения Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: barabanova13@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Barabanova Ksenia A. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Historical Research Laboratory of Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation); Leading Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research of University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: barabanova13@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2020; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 26.03.2020; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94:908 (571.16) “1927/1928”
doi: 10.17223/19988613/85/2

Томское бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в контексте регламентации краеведческой деятельности в регионе (1927–1928 гг.)

Дмитрий Дмитриевич Вячистый[1], Вячеслав Вениаминович Шевцов[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия,
[1] DimDimVyachisty@yandex.ru
[2] totleben@yandex.ru

Аннотация. Представлена характеристика деятельности Томского бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил как структуры, координирующей краеведческие изыскания в регионе. Кратко обозначены основные вехи его существования, проанализированы основные направления деятельности и их итоги. Сделан вывод о наличии системных проблем бюро, затруднявших качественное отправление им профильных обязанностей и послуживших причиной его вынужденной реорганизации путем слияния с другими краеведческими организациями города.
Ключевые слова: Общество изучения Сибири и ее производительных сил, Томск, М.А. Усов, краеведение

Для цитирования: Вячистый Д.Д., Шевцов В.В. Томское бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в контексте регламентации краеведческой деятельности в регионе (1927–1928 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 13–19. doi: 10.17223/19988613/85/2

Original article

Tomsk Bureau of the Society for the Study of Siberia and its productive forces in the context of the regulation of local history activities in the region (1927–1928)

Dmitry D. Vyachisty[1], Vyacheslav V. Shevtsov[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] DimDimVyachisty@yandex.ru
[2] totleben@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the history of the Tomsk bureau of the Society for the study of Siberia and its productive forces. It was a local history organization that had to not only conduct its own research, but also coordinate the activities of all other local history societies in Tomsk. The purpose of this article is to try to find a number of problems, due to which the activities of the Tomsk bureau of the society for the study of Siberia were interfered. Main steps of the development of the organization were briefly described, as well as main activities. There is a conclusion about system problems of the bureau, which made it very difficult to execute its main duties. Due to these problems the bureau was forcibly reorganized by collaboration and unification with other Tomsk organizations of local history.
The source base of the study includes the office materials of the bureau (such as protocols and correspondence), different statements of its head department (the Society for the Study of Siberia), and materials of periodical press.
Thus, in the 1920s the Soviet government tried to find information about the resource potential of various regions of the country in order to create a plan for future industrialization. A huge number of local history structures were created specifically for it. Their researches needed to be coordinated, and so in 1925 in Novonikolaevsk (Novosibirsk) there was created the Society for the Study of Siberia and its productive forces. This society should coordinate different attempts of exploration of Siberia, and in that case in different Siberian cities there were created a number of regional departments. One of them was a Tomsk bureau and it began its work in 1927.
The staff of the bureau included a large number of famous Tomsk scientists, and most of them were excited by such opportunity. But at the very start the bureau had a lot of financial and organizations problems. The bureau didn’t have enough authority to coordinate and manage other organizations of local history. Its staff was too small for the bureau to develop effectively. The bureau's insufficient resources led to it not being able to work continuously – it was only called after numerous requests from Novosibirsk. Due to the bureau's low activity, the Society for the Study of Siberia decided to reorganize it. The history of the bureau is interesting source of information, because it clearly demonstrated the key problems of local history organizations of that period and main prerequisites for the Soviet authorities to crush it in the late of 1920s.
Keywords: Society for the Study of Siberia and its Productive Forces, Tomsk, M.A. Usov, local history

For citation: Vyachisty, D.D., Shevtsov, V.V. (2023) Tomsk Bureau of the Society for the Study of Siberia and its productive forces in the context of the regulation of local history activities in the region (1927–1928). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 13–19. doi: 10.17223/19988613/85/2

© Д.Д. Вячистый, В.В. Шевцов, 2023

В 2022 г. почти незамеченным прошел знаковый юбилей для отечественной локальной истории – сто лет с момента основания Центрального бюро краеведения – структуры, курировавшей в 1920-е гг. все одноименные изыскания на территории страны. Созданное в духе того времени, бюро должно было централизовать все исследования по раскрытию потенциала регионов, регламентируя и направляя действия подотчетных подразделений. Правительство, в свою очередь, заинтересованное в получении актуальных сведений о положении дел в стране, способствовало этим начинаниям. Подобный симбиоз крайне положительно сказался на общем состоянии краеведения того периода – с подачи С.О. Шмидта 1920-е гг. стали известны в отечественной историографии как «Золотое десятилетие краеведения» [1].

Результатом этой плодотворной деятельности явилось создание сети организаций, ставящих своей целью изучение культурных, исторических, этнографических, географических, экономических и тому подобных особенностей регионов. И одной из таковых структур стало Общество изучения Сибири и ее производительных сил. Просуществовав всего пять лет (с 1926 по 1931 г.), оно тем не менее внесло немалый вклад в сбор материалов по истории, культуре, экономике, географии и другим сторонам повседневной жизни Сибири. Кроме непосредственно исследовательской функции общество также занималось координацией и направлением изысканий других краеведческих структур, действовавших на территории тогдашнего Сибирского края. Хотя само общество имело полномочия вступать с ними в контакты и выступать надзорным органом, оно полагалось на сеть собственных местных подразделений – так называемые бюро, которые, действуя на локальном уровне, собирали соответствующие сведения и передавали их в центр в Новосибирске.

В отечественной историографии популярна точка зрения, что советская власть к концу 1920-х гг. начала наступление на краеведческое движение с целью его чистки от дореволюционных кадров [2]. Кроме того, указывается на усугублявшийся со временем разрыв в целях краеведения: если власти видели в нем средство по оцениванию ресурсного потенциала регионов, то специалисты делали упор на выявление различных культурных и исторических аспектов изучаемых народностей и территорий. Предполагается, что именно подобное несоответствие между декларируемыми задачами и итоговыми результатами побудило правительство начать чистку краеведческих организаций и их деятелей. Результатом этого явилась перестройка всей краеведческой вертикали, вершиной чего стали аресты и репрессии в отношении сотрудников Центрального бюро краеведения.

Однако вместе с тем необходимо констатировать, что у советской власти были и иные мотивы относительно судьбы краеведческого движения 1920-х гг. [3]. Так, очевидной проблемой, вставшей перед правительством, явились плохая управляемость краеведческих организаций и их высокая степень автономии. Контролирующим органам зачастую было тяжело координировать и направлять изыскания на местах в силу ряда внешних и внутренних факторов. Показательный пример в этом плане – судьба одного из подразделений Общества изучения Сибири и ее производительных сил – его Томского бюро. Созданное специально для координации деятельности томских краеведческих объединений, бюро столкнулось с многочисленными организационными трудностями и было реорганизовано по прошествии менее двух лет. Таким образом, цель данной статьи – выявить основные проблемы, затруднявшие деятельность Томского бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в качестве курирующей краеведческое движение структуры.

Хронологические рамки исследования охватывают период с марта 1927 г., когда было проведено первое установочное собрание бюро, по декабрь 1928 г., когда бюро было реорганизовано и объединено с другими краеведческими организации Томского округа.

Методология исследования базируется на комплексном применении различных специально-исторических методов. Так, путем историко-генетического анализа выявлены причины, приведшие к упадку бюро, посредством историко-хронологического метода восстановлен событийный ряд его существования, за счет историко-описательного метода дан краткий экскурс в исторический контекст, в рамках которого оно развивалось.

Историография проблемы представлена неравномерно. Непосредственно бюро до сих пор не попадало в исследовательский фокус, информацию о нем можно получить только из трудов, посвященных более мощным краеведческим организациям Томска того периода. Так, отдельные сведения о нем можно обнаружить в статье Н.Л. Сенюковой об Обществе изучения Томского края, в которой кратко охарактеризованы становление бюро и его значение для местной краеведческой деятельности [4]. Также в статье В.П. Зиновьева и С.Г. Суляка «Научные и технические общества Томской губернии» содержится информация об общем развитии краеведческих структур региона, в том числе и бюро [5].

Поскольку бюро являлось подразделением Общества изучения Сибири и ее производительных сил, возможно обращение к его историографии с целью заполнения возникших лакун. Впервые устойчивый интерес к данной проблематике сформировался во второй половине XX в.; историки того периода в основном концентрировались на реконструкции истории общества, анализируя его устройство [6], кадровый состав и направления деятельности [7]. Среди современных исследователей необходимо выделить В.Г. Кокоулина, последовательно разрабатывающего различные аспекты существования общества [8]. Кроме того, им были обнаружены и в составе коллектива авторов опубликованы не преданные огласке документы по исследовательской (археологической [9] и этнографической [10]) деятельности организации. Таким образом, историография исследования, с одной стороны, достаточно полно освещает историю головной организации – Общества изучения Сибири, однако, с другой стороны, сведения по томскому аспекту проблемы чрезвычайно малы.

Источниковая база базируется на нормативной, делопроизводственной документации бюро и его переписке с томскими и новосибирскими организациями. Часть этой документации поступила на хранение в архив Томского областного краеведческого музея, где была оформлена в соответствующие единицы хранения, объединяющие документы по истории бюро разных жанров. Помимо этого, в рамках исследования были использованы выдержки из советского законодательства и периодической печати Сибири с целью более детального восстановления контекста, в котором действовало бюро.

Переходя непосредственно к повествованию, стоит отметить, что бюро столкнулось с затруднениями уже в самом начале своего существования. Изначально предполагалось, что оно полноценно приступит к работе в начале весны 1927 г., однако по состоянию на 11 марта бюро по-прежнему не было официально учреждено, и Общество изучения Сибири направило в Томск своего сотрудника Г.А. Краснова с целью выяснения причин такого промедления в работе. Тому удалось выяснить, что профессор Сибирского технического института (СТИ) М.А. Усов, который должен был возглавить бюро, в городе отсутствовал в связи с командировкой, в связи с чем официальное учреждение организации откладывалось. Более того, было выявлено, что никаких подготовительных мероприятий (в том числе утверждения устава бюро) проведено не было, все контакты с Обществом изучения Сибири замыкались на М.А. Усова, и поэтому Г.А. Краснову пришлось для разъяснений обратиться к ректору СТИ Н.В. Гутовскому [11. Л. 73–73 об.]. С учетом отсутствия альтернатив правление Общества изучения Сибири приняло решение дожидаться возвращения М.А. Усова и пока выслать имевшиеся протоколы своих заседаний в Томск, а также продублировать проект устава 11. Л. 73 об.] (именно проект, поскольку само общество на тот момент внесло в него коррективы в связи с решениями I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, проходившего с 15 по 21 декабря 1926 г., и ожидало его окончательного утверждения органами госбезопасности) [12. Л. 12].

Возвратившись в Томск, М.А. Усов с подачи ректора Томского университета профессора В.Н. Саввина организовал первое заседание организационной группы бюро 21 марта 1927 г [13. Л. 1]. Сам он присутствовал в качестве временного председателя встречи, кроме него на призыв принять участие в работе бюро откликнулись:

1) ректор Томского государственного университета профессор В.Н. Саввин;

2) ректор СТИ Н.В. Гутовский, возглавлявший также Западно-сибирское отделение Всесоюзной ассоциации инженеров;

3) профессор СТИ Б.Л. Степанов;

4) профессор ТГУ В.В. Ревердатто, возглавлявший Общество изучения Томского края;

5) профессор ТГУ Б.К. Шишкин;

6) профессор ТГУ В.А. Хахлов, возглавлявший Сибирское орнитологическое общество;

7) доцент ТГУ А.К. Иванов, возглавлявший краеведческую секцию Общества естествоиспытателей и врачей;

8) председатель Краевого музея М.Б. Шатилов [13. Л. 1].

Собравшимися подчеркивался экстраординарный характер собрания – фактически оно созывалось для того, чтобы бюро приступило к своему функционированию до созыва пленума Общества изучения Сибири, чтобы иметь возможность принять в нем участие [13. Л. 1]. Соответственно, для официального начала своей деятельности требовалось решить ряд организационных моментов. Первым из них стал выбор руководства бюро: по итогу единогласно было утверждено, что его возглавит М.А. Усов, заместителем станет В.В. Ревердатто, а ученым секретарем – А.К. Иванов, втроем они образовали президиум бюро. Помимо этого, члены бюро сразу же направили в Общество изучения Сибири запрос о финансировании секретаря, который мог бы полноценно заниматься канцелярской работой [13. Л. 1 об.].

Далее прошло обсуждение высланного проекта устава, который планировалось принять в качестве руководящего [13. Л. 10]. Фактически он регламентировал деятельность Общества изучения Сибири, однако его действие также распространялось на все подразделения на местах, одним из которых и должно было стать бюро в Томске.

Так, целью общества (и, соответственно, бюро) провозглашалась исследовательская деятельность по изучению производительных сил Сибири как со стороны ее естественных богатств, так и со стороны народонаселения и его культуры, а также содействие наиболее рациональному использованию естественных богатств Сибири и ее культурно-экономическому развитию. Исходя из такой формулировки, бюро получало широкий спектр полномочий как по изучению различных сторон экономической и культурной жизни региона, так и по их улучшению [13. Л. 5].

В свою очередь, задачами бюро являлись распространение научных сведений о Сибири и вовлечение широких масс населения в научно-исследовательскую деятельность [13. Л. 5]. При этом в уставе отдельно были приведены способы достижения заявленной цели; к ним относились:

1) организация научно-исследовательских экспедиций;

2) систематизация полученных сведений о регионе;

3) координация исследований;

4) издательская деятельность;

5) организация различных публичных просветительских мероприятий (съездов, конференций и т.д.);

6) организация научно-вспомогательных учреждений (например, библиотек);

7) создание местных отделений и краеведческих объединений [14. Л. 6].

Таким образом, Общество изучения Сибири и ее производительных сил, основываясь на данном уставе, получало широчайшие полномочия в деле сбора и систематизации сведений о регионе. Что касается бюро в Томске, становится очевидно, что подобный размах

деятельности был несоизмеримо больше, чем возможности отделения. Осознавая это, члены бюро решили запросить у руководства общества разъяснений по поводу собственного юридического статуса и границ полномочий, предлагая в случае необходимости соответствующим образом скорректировать устав [14. Л. 1 об.].

Административно Общество изучения Сибири и все его отделения были подчинены Народному комиссариату просвещения и сосредоточены по линии одного его ведомства – Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениям (Главнаука) [14. Л. 5].

Разрешив все текущие организационные вопросы, члены бюро по поступившему из Новосибирска приглашению отобрали кандидатов для поездки и выступления на пленуме совета Общества изучения Сибири. Было решено, что поедут М.А. Усов (он же выступит с докладом о положении дел в Томске), а также Н.В. Гутовский, В.В. Ревердатто и В.Н. Саввин [14. Л. 1 об.].

Также на установочном собрании было решено как можно скорее установить контакты с ключевыми научно-просветительскими организациями Томска. Бюро выделило 16 таковых:

1) Томский университет;
2) Сибирский технический институт;
3) Западно-сибирское Всесоюзное отделение Геологического комитета;
4) Общество сибирских инженеров (Западно-сибирское отделение Всесоюзной ассоциации инженеров);
5) Общество естествоиспытателей и врачей;
6) Отделение Русского ботанического общества;
7) Сибирское орнитологическое общество;
8) Институт прикладной физики;
9) Томский краевой музей;
10) Общество изучения Томского края;
11) Западно-сибирское отделение общества сельского хозяйства;
12) Сибирское отделение Геодезического комитета;
13) Переселенческое управление;
14) Окружной статистический отдел;
15) Станция защиты растений;
16) Окрплан.

Каждой из организаций было предложено направить своего представителя в состав бюро. Кроме того, М.А. Усов запросил у этих организаций отчет по исследованиям и экспедициям, произведенным в 1926 г., а также планы по аналогичным мероприятиям на 1927 г. На составление подобного графика отводилась неделя – к 29 марта данные сведения следовало предоставить в бюро, чтобы их можно было обобщить и представить на пленуме совета общества, который должен был состояться 2 апреля [14. Л. 3]. В срок сведения предоставить смогли только Институт прикладной физики, Общество сибирских инженеров, Сибирское отделение Геологического комитета, Сибирское отделение Геодезического комитета и Окружной статистический отдел [14. Л. 54]. Тем не менее этого оказалось достаточно для подготовки доклада и выступления на пленуме.

Стоит отметить, что, несмотря на решение большого количества административных вопросов и начало прямого исполнения предписанных обязанностей, бюро вело свою деятельность спорадически – вся его деятельность до осени 1927 г. оказалась сосредоточена вокруг сбора сведений о томских организациях, интересующих Общество изучения Сибири. Взаимодействовал с ним на правах председателя М.А. Усов, отвечая на запросы и ведя переписку. Объяснялось это как отсутствием полноценного кадрового аппарата бюро, с одной стороны, так и достаточно тесными связями между его учредителями – с другой; путем личных связей можно было быстро получить требуемую информацию и переслать ее в Новосибирск.

Определенное оживление в деятельности бюро наметилось к концу 1927 г. Дело в том, что Общество изучения Сибири начало подготовку ко II пленуму Совета общества, на котором предстояло выработать генеральный план проведения исследований Сибири [14. Л. 14]. В этой связи в августе 1927 г. общество повторно запросило у бюро перспективные планы развития и деятельности Сибирского орнитологического общества, Общества изучения Томского края, СТИ, Томского университета, Отделения Русского ботанического общества, Института прикладной физики и Томского краевого музея [14. Л. 14].

Помимо этого, бюро неоднократно получало пожелания усилить ведущуюся краеведческую работу, сосредоточив ее на экономических изысканиях, что отвечало бы духу времени. На тот момент в Томске действовали краеведческая секция Общества естествоиспытателей и врачей, Общество изучения Томского края, а также Томский краевой музей, однако руководство из Новосибирска подчеркивало, что краеведение в регионе поставлено слабо и ему необходимы поддержка и направление [14. Л. 14].

Стоит отметить, что с задачей по сбору сведений от упомянутых организаций бюро успешно справилось. На собрании организационной группы бюро от 14 ноября 1927 г. было решено обязать 16 упомянутых ранее научно-просветительских и научно-исследовательских организаций предоставить в срок до 25 ноября сведения о своей текущей работе (согласно протоколу собрания, всего было создано 18 экземпляров опросной анкеты: одна должна была остаться в бюро, еще одна выслана в Новосибирск, оставшиеся 16, скорее всего, направлены в учреждения). В анкете следовало охарактеризовать работу своей организации за 1927 г., обозначить список произведенных полевых работ с указанием задания, сроков исполнения, результатов и сумм, затраченных на их проведение, а также привести примерные планы на 1928 г. Кроме того, отдельным пунктом организация должна была обязательно обосновать свое участие в генеральном плане научно-исследовательских работ в Сибирском крае [14. Л. 2–2 об., 69–69 об.].

В протоколах бюро не сохранилось информации, какие объединения вовремя подали информацию, однако известно, что на II пленуме Совета общества, состоявшемся с 3 по 7 декабря 1927 г., выступил М.А. Усов, подробно описавший состояние научной работы в Томске, ее текущие результаты и возможные перспективы развития [15. С. 242].

На самом же пленуме было вынесено несколько резолюций, в том числе о необходимости как можно скорее составить перспективный план научных исследований региона (на предстоящий год, а также генеральный – на следующие 15 лет) [15. С. 243]. В связи с этим 24 декабря 1927 г. Общество исследования Сибири разослало соответствующие письма-запросы в свои бюро по всему региону, чтобы те, в свою очередь, запросили соответствующие сведения у подотчетных научно-просветительских и научно-исследовательских организаций [13. Л. 46]. Главный упор предполагалось сделать на сбор сведений о запланированных экспедициях.

Обусловлено это было жесткой позицией правительства: 9 сентября 1927 г. был издан декрет Совнаркома № 833 «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР», в котором четко указывалось на необходимость согласования любых краеведческих экспедиций с органами Народного комиссариата просвещения. Более того, всем краеведческим учреждениям строго предписывалось немедленно перейти в подчинение комиссариата. Прочие же народные комиссариаты с этого момента должны были запрашивать у него официальные разрешения на осуществление краеведческих изысканий, осуществлять которые должны были только соответствующие профильные структуры [13. Л. 13]. Фактически правительство взяло курс на централизацию и регламентирование краеведческой деятельности, что было обусловлено как необходимостью запуска индустриализации страны, так и отсутствием четкого регулирования в этой сфере.

В таких условиях Общество изучения Сибири требовало формальные отчеты, отвечавшие традиционным бюрократическим требованиям, и бюро было вынуждено срочно приступить к опросу томских научно-исследовательских организаций. Однако вплоть до 24 февраля 1928 г. (т.е. спустя 2 месяца после задания общества) никакой информации не поступило. Дело в том, что из-за не вполне устоявшегося статуса бюро местные объединения проигнорировали его и выслали сведения напрямую в Новосибирск. Как оказалось, данная проблема оказалась характерной для большинства регионов Сибири, – только Иркутское бюро сумело организовать учет через себя [13. Л. 46]. Правление общества указало на эти недостатки и велело бюро как можно скорее повторно запросить все сведения. М.А. Усов лично занялся рассылкой писем, однако в срок ему успели прислать информацию только Тельбессбюро (при Тельбесском руднике), Западно-сибирское Всесоюзное отделение Геологического отделения, Общество изучения Томского края, Сибирское орнитологическое общество и Томский университет, – фактически из изначальных 16 организаций, в которые осуществлялась рассылка, осталось только четыре [13. Л. 47–49, 70–71 об.].

Кризис бюро прослеживается по отношению к регистрации не только экспедиций томских организаций, но и внешних исследователей, приезжавших проводить изыскания в Томский округ. Перед началом исследований они в обязательном порядке должны были регистрироваться в бюро, однако практически все его игнорировали. Как указал М.А. Усов в письме Обществу изучения Сибири от 2 июня 1928 г., все экспедиции, работавшие на территории Томского округа, не вступали в контакт с бюро [13. Л. 87]. Причинами этому явились как малая известность самого бюро, так и низкий его организационный авторитет – зачастую организации самостоятельно проводили экспедиционные работы, игнорируя призывы бюро регистрироваться, считая это излишней и ненужной бюрократической проволочкой.

Итогом явилось постепенное замирание деятельности Томского бюро; фактически всю деятельность в нем осуществлял М.А. Усов, занятый также в сфере преподавания и состоявший в ряде других научных организаций. В результате к осени 1928 г. бюро впало в такую глубокую стагнацию, что правление из Новосибирска прислало циркуляр с просьбой возобновить работу [13. Л. 52].

Стоит отметить, что само Общество изучения Сибири осознавало, что сеть его подразделений на местах находится в кризисе. В переписке с М.А. Усовым председатель общества Г.Е. Черемных указывал, что причинами этому явились обилие канцелярской работы, слабые связи с научно-исследовательскими организациями, малая известность в городе и отсутствие рычагов административного воздействия на ситуацию у бюро [13. Л. 52–53]. Следствием стало то, что научные изыскания стали проводиться бесконтрольно: Новосибирск не получал вовремя информацию о них. Кроме того, зачастую от этого страдала и репутация Общества исследования Сибири, поскольку организуемые в Томске экспедиции осуществляли самовольные исследования, несогласованные и не соответствующие текущим нуждам региона. Неспособность же полноценно регулировать их также демонстрировала несостоятельность общества как руководящей структуры.

Оценивая данные кризисные явления с исторической перспективы, можно предположить, что в случае с Томским бюро свою роль сыграло промедление при оформлении официального статуса объединения: его своеобразная жизнь от одного новосибирского пленума до другого не способствовала росту популярности в томской научной среде; более того, бюро, по сути, прекращало свою деятельность в перерывах между ними. Как итог, все организации, проводящие краеведческие изыскания, выпускали из внимания необходимость активного взаимодействия с бюро – о его существовании попросту забывали. И если в 1927 г. за счет личных связей и контактов М.А. Усову удавалось собирать сведения и отправлять их Новосибирск, то в 1928 г. этот ресурс оказался исчерпан. Более того, кадровый состав бюро со временем из его преимущества превратился в недостаток: так, входящие в него выдающиеся ученые и специалисты при столкновении с бюрократической и канцелярской работой, которой постепенно обрастало бюро, оказались неприспособленными к ней. Почти каждый из них состоял в других научных объединениях и работал по специальности, отдавая свои силы и знания бюро исключительно из энтузиазма, который со временем стал иссякать.

Общество изучения Сибири предприняло еще одну попытку возобновить деятельность бюро: осенью 1928 г. оно направило в Томск циркуляр с просьбой актуализировать сведения по деятельности научных объединений за прошедшее лето, а также предоставить отчет о деятельности бюро за весь период своего существования [13. Л. 52 об.].

Тем не менее бедственное положение бюро проступало все яснее, и здесь выход предложил В.В. Ревердатто. Он возглавлял другую краеведческую организацию, действовавшую в городе, – Общество изучения Томского края, также переживавшую не лучшие времена [14. Л. 1]. Им было высказано предложение объединить ключевые краеведческие организации Томска (Томское бюро Общества изучения Сибири, Общество изучения Томского края и краеведческую секцию Общества естествоиспытателей и врачей) под эгидой Общества изучения Сибири, – за счет этого был бы получен единый кадровый состав, подчиненный одному центру, а также устранено дублирование в научно-исследовательской работе [14. Л. 2]. Новосибирск был заинтересован в подобном слиянии: во-первых, он получил бы полноценно функционирующее отделение, а во-вторых, обрел бы полный контроль над краеведческими изысканиями, о слабом развитии которых шла речь еще весной 1927 г. [13. Л. 14].

Каких-либо препятствий на пути объединения встречено не было, и в декабре 1928 г. Томское бюро Общества изучения Сибири было преобразовано за счет слияния в Томское отделение Общества изучения Сибири [14. Л. 9]. Возглавил новую структуру В.В. Ревердатто. Однако уже в 1929 г. над краеведческими структурами стали сгущаться тучи – было инициировано знаменитое «академическое дело», которое Общество изучения Сибири и ее производительных сил пережить не сумело. В 1931 г. оно было упразднено в рамках кампании по зачистке враждебных элементов в гуманитарной среде. Вместе с ним было ликвидировано и Томское отделение.

Таким образом, несмотря на короткий период своего существования, деятельность Томского бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил является показательным примером развития краеведческой организации второй половины 1920-х гг. Рассматривая ее как курирующую местное краеведение организацию, необходимо констатировать полную несостоятельность бюро. В течение всего срока существования бюро так и не обрело четкого статуса – является ли оно именно координирующим учреждением, или же, согласно уставу, оно должно также ведать исследовательскими вопросами. Из-за подобной широты и неопределенности обязанностей бюро не могло эффективно отправлять свои функции. В итоге его деятельность свелась к периодическим созывам, приуроченным к отчетным мероприятиям Общества изучения Сибири.

Если же рассматривать бюро с точки зрения попытки властей контролировать и направлять краеведческое движение в регионе, то здесь результаты также оказались неутешительными. С одной стороны, бюро оказалось лишено соответствующих полномочий по ревизорской деятельности, с другой – само Общество изучения Сибири также не смогло изменить сложившуюся ситуацию. Директивы, отсылаемые в томское бюро, безусловно, принимались к сведению, однако из-за занятости его членов, отсутствия авторитета самого объединения и чрезвычайной широты обязанностей они не могли быть полноценно воплощены в жизнь. Как результат, учет краеведческих изысканий в Томске был практически прекращен. Все это негативно сказывалось на репутации Общества изучения Сибири, демонстрируя его несостоятельность властям, терпение которых было небезграничным. Наблюдая схожие с томским случаем проблемы, а также видя периодический отход в краеведческой деятельности от производственных изысканий, правительство инициировало масштабную чистку всего краеведения в стране с целью раз и навсегда перевести его на государственные рельсы. Кейс же Томского бюро продемонстрировал как нарастающие кризисные тенденции в организации краеведческого движения периода 1920-х гг., так и самоотверженность томских специалистов, готовых в стесненных условиях по максимуму содействовать изучению родного края.

Список источников

1. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : краеведческий альманах. М. : Профиздат, 1990. Вып. 1. С. 11–28.
2. Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930–2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 70–81.
3. Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 53–83.
4. Сенюкова Н.Л. Общество изучения Томского края при Томском краевом музее (1925–1928 гг.) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. Т. 7. С. 168–188.
5. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920.
6. Курочкина Е.Ф. Из истории организации научно-исследовательской работы в Сибири // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск, 1968. Вып. 3: Сибирь в эпоху социализма. С. 134–147.
7. Красильников С.А. Общественные формы организации науки в Сибири во второй половине 1920-х гг. // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск : Наука, 1988. С. 120–144.
8. Кокоулин В.Г. Краеведческие исследования в Сибири по материалам фонда «Общество изучения Сибири и ее производительных сил» Государственного архива Новосибирской области // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. Омск : Омск. гос. историко-краеведческий музей, 2022. С. 154–159.
9. Автушкова А.Л., Кокоулин В.Г., Самарин И.В. Археологические исследования в Сибири в рамках деятельности «Общества изучения Сибири и ее производительных сил» // Сибирский архив. 2022. № 2 (12). С. 1–28.
10. Автушкова А.Л., Кокоулин В.Г., Самарин И.В. Этнографические исследования в Сибири в рамках деятельности «Общества изучения Сибири и ее производительных сил» // Сибирский архив. 2023. № 1 (15). С. 24–35.

11. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 12.
13. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 84.
14. ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 137.
15. Пленум совета Общества изучения Сибири // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 240–243.

References

1. Shmidt, S.O. (1990) “Zolotoe desyatiletie” sovetskogo kraevedeniya [“Golden decade” of Soviet local history]. *Otechestvo: kraevedcheskiy al'manakh*. Vol. 1. pp. 11–28.
2. Dmitrienko, N.M., Butenko, M.A., Glukhov, V.S. & Lozovaya, L.A. (2016) Russian museology in the 1930s-2010s: an experience of a historiography study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 70–81. (In Russian).
3. Kozlov, V.F. (2013) “Ogosudarstvlennoe” kraevedenie. Istoriya i uroki (po stranitsam zhurnala “Sovetskoe kraevedenie”. 1930–1936) [“Nationalized” local history. History and lessons (from the pages of the magazine “Soviet Local History”. 1930–1936)]. *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 9(110). pp. 53–83.
4. Senyukova, N.L. (1994) Obshchestvo izucheniya Tomskogo kraya pri Tomskom kraevom muzee (1925–1928 gg.) [Society for the Study of the Tomsk Region at the Tomsk Regional Museum (1925–1928)]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya*. 7. pp. 168–188.
5. Zinoviev, V.P. & Sulyak S.G. (2020) Nauchnye i tekhnicheskie obshchestva Tomskoy gubernii [Scientific and technical societies of the Tomsk province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3). pp. 904–920.
6. Kurochkina, E.F. (1968) Iz istorii organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty v Sibiri [From the history of the organization of scientific research work in Siberia]. *Bakhrushinskie chteniya*. 3. pp. 134–147.
7. Krasilnikov, S.A. (1988) Obshchestvennye formy organizatsii nauki v Sibiri vo vtoroy polovine 1920-kh gg. [Social forms of organization of science in Siberia in the second half of the 1920s]. In: Soskin, V.L. (ed.) *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskiy aspect* [Forms of organization of science in Siberia. A historical aspect]. Novosibirsk: Nauka. pp. 120–144.
8. Kokoulin, V.G. (2022) Kraevedcheskie issledovaniya v Sibiri po materialam fonda “Obshchestvo izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil” Gos-udarstvennogo arkhiva Novosibirskoy oblasti [Local history research in Siberia based on the materials from the “Society for the Study of Siberia and its Productive Forces” of the State Archive of Novosibirsk Region]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Gosudarstvennoe kraevedenie v Rossiyskoy Federatsii v kontse XX – nachale XXI vekov: osnovnye problemy i perspektivy razvitiya* [State local history in the Russian Federation in the late 20th – early 21st centuries: Main problems and development prospects]. Omsk: Omsk State Museum of History and Local Lore. pp. 154–159.
9. Avtushkova, A.L., Kokoulin, V.G. & Samarin, I.V. (2022) Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri v ramkakh deyatel'nosti “Obshchestva izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil” [Archaeological research in Siberia within the framework of the activities of the “Society for the Study of Siberia and its Productive Forces”]. *Sibirskiy arkhiv*. 2(12). pp. 1–28.
10. Avtushkova, A.L., Kokoulin, V.G. & Samarin, I.V. (2023) Etnograficheskie issledovaniya v Sibiri v ramkakh deyatel'nosti “Obshchestva izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil” [Ethnographic research in Siberia within the framework of the activities of the “Society for the Study of Siberia and its Productive Forces”]. *Sibirskiy arkhiv*. 1(15). pp. 24–35.
11. The Tomsk Regional Museum of Local Lore (TOKM). Fund 1. List 1. File 9.
12. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-217. List 1. File 12.
13. The Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 3. File 84.
14. The Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 3. File 137.
15. Anon. (1927) Plenum soveta Obshchestva izucheniya Sibiri [Plenum of the Council of the Society for the Study of Siberia]. *Sibirskie ogni*. 6. pp. 240–243.

***Сведения об авторах*:**
Вячистый Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru
Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Vyachisty Dmitry D. – Postgraduate Student at the Department of Russian history of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: DimDimVyachisty@yandex.ru
Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of History, Professor at the department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 28.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 338.246.88(47+57) «1921/1929»
doi: 10.17223/19988613/85/3

Политика чрезвычайных мер советской власти в сибирской деревне в период НЭПа

Денис Николаевич Гергилёв[1], Владимир Павлович Леопа[2], Александр Владимирович Леопа[3]

[1, 2, 3] Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
[1] Turilak@yandex.ru
[2] lieopav@mail.ru
[3] alleopa@mail.ru

Аннотация. Исследуется политика советской власти в сибирской деревне в период новой экономической политики, основанная на применении репрессий и чрезвычайных мер при проведении налоговых и хлебозаготовительных кампаний. Особое внимание уделяется недостаточно исследованной в отечественной и зарубежной историографии проблеме – анализу причин применения методов политики «военного коммунизма» в условиях НЭПа. Рассматриваются мероприятия центральных и сибирских партийных органов и органов советской власти Сибири по реализации политики чрезвычайных мер в сибирской деревне. Делается вывод о том, что чрезвычайные меры применялись на протяжении всего периода новой экономической политики. Выдвинута дискуссионная проблема кулака как якобы организатора и участника классовой борьбы в сибирской деревне.
Ключевые слова: новая экономическая политика, чрезвычайные меры, продразверстка, продналог, единый сельскохозяйственный налог, репрессии

Для цитирования: Гергилёв Д.Н., Леопа В.П., Леопа А.В. Политика чрезвычайных мер советской власти в сибирской деревне в период НЭПа // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 20–28. doi: 10.17223/19988613/85/3

Original article

The policy of extreme measures of the soviet authorities in the Siberian village during the new economic policy period

Denis N. Gergilev[1], Vladimir P. Leopa[2], Alexander V. Leopa[3]

[1, 2, 3] Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
[1] Turilak@yandex.ru
[2] lieopav@mail.ru
[3] alleopa@mail.ru

Abstract. The aim of our study is to analyze the reasons for the use of emergency measures by the Soviet authorities in the Siberian countryside during the years of the NEP, to reveal the main measures taken by the central and Siberian party organs and Soviet authorities to implement the emergency measures policy in the Siberian villages.

The article was written on the basis of studying the resolutions of the 10th and 11th Congresses of the RCP (B), Joint Plenum of the Central Committee of the CPSU (B) (April 6 - 11, 1928), I. Stalin's letters and speeches, materials of the Sib Bureau of the Central Committee of the RCP (B May 1924) - Regional Committee of the RCP (b) of Siberia (since May 1924), Siberian revolutionary committee (1921 - December 1, 1925) - Siberian regional Executive Committee (since December 1, 1925), provincial (district) committees of the RCP (b) - CPSU (B) - Altai, Yenisei, Irkutsk, Novonikolayevsk, Omsk, Tomsk (plenum, conferences, meetings, meetings with party and economic assets, reports, directives and orders, etc.) stored in the State Archive of the Novosibirsk Region, published in the newspapers of the Siberian provincial (district) party committees and executive committees for 1921-1929.

In the article, the authors reveal the objective and subjective reasons for the transition of the Soviet government to the policy of emergency measures in the village as a whole, and in the Siberian village, in particular, in the years of NEP.

The authors of the article based on specific facts show that the implementation of the new economic policy in the Siberian countryside, as well as in the country as a whole, was accompanied by the dominance of the stereotypes of "war communism", the forced collection of the tax in kind, the use of repressive measures against the peasants during the 1920s.

As a result of our research, firstly, it was proved that the policy of emergency measures of the Soviet power in the Siberian countryside was carried out throughout the 1920s, and not only during the grain procurement campaigns of 1927/1928 and 1928/1929. Secondly, the main objective and subjective reasons for the use of emergency measures in

© Д.Н. Гергилёв, В.П. Леопа, А.В. Леопа, 2023

relation to the peasantry in the 1920s are disclosed. Thirdly, the course of the implementation of the policy of emergency measures in the Siberian countryside is shown on specific historical facts. Fourthly, a debatable problem about the prosperous peasantry (the kulaks) as the alleged organizer and participant of the class struggle in the Siberian countryside was put forward. Fifthly, the policy of emergency measures of Soviet power in the Siberian countryside, as well as in the country as a whole, was the prologue to the curtailment of the new economic policy, became the "dummy run" of the complete collectivization of agriculture based on the elimination of the kulaks as a class.

Keywords: the new economic policy, emergency measures, surplus-appropriation, income tax, unified agricultural tax, repression

For citation: Gergilev, D.N., Leopa, V.P., Leopa, A.V. (2023) The policy of extreme measures of the soviet authorities in the Siberian village during the new economic policy period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 20–28. doi: 10.17223/19988613/85/3

Интерес, который проявляют историки к феномену чрезвычайных мер в советской деревне, обусловлен возрастающим вниманием к изучению модернизационных процессов, в пределах исследования которых политическое насилие в разных формах его проявления исследуется в современной исторической науке как один из инструментов социалистической модернизации сталинского образца, проводившейся в СССР в 1920-е гг.

Обращение к истории политики чрезвычайных мер на региональном уровне дает возможность для более глубокого раскрытия важнейших вопросов, связанных с ее изучением: каковы ее цели; каковы были причины и факторы, обусловившие использование этой политики; какие формы и методы воздействия применялись со стороны центральных и региональных партийно-государственных структур власти; в чем заключались особенности применения чрезвычайных мер в отношении различных категорий крестьянства (бедняка, середняка, кулака)? Носила ли политика чрезвычайных мер массовый характер или была направлена на отдельные категории крестьян, отдельные населенные пункты, административно-территориальные единицы?

Политика чрезвычайных мер как феномен привлекает внимание исследователей новой экономической политики, индустриальной модернизации СССР, коллективизации сельского хозяйства, сталинизма – как отечественных (В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, С.А. Есиков, В. Наумов, Л. Курин, М.М. Кудюкина и др.), так и зарубежных (Л. Виола, Л. Грациози, В.С. Измозик, М. Левин, Х. Окуда и др.). Особенности осуществления политики чрезвычайных мер в Сибири нашли отражение в работах Л.И. Боженко, А.Г. Дианова, В.А. Ильиных, С.А. Папкова, В.Т. Шуклецова и др.

Вместе с тем изучаемая нами проблема еще не стала предметом широкого исследования, в том числе на региональном уровне, а лишь рассматривается в контексте вышеназванных тем. Кроме того, в этих исследованиях авторы соотносят чрезвычайные меры только с кампаниями по хлебозаготовкам 1927/1928 гг. и последующих лет, хотя на самом деле такие меры не прекращали использоваться на всем протяжении осуществления НЭПа. На сегодняшний день отсутствуют работы, в которых был бы дан обобщающий анализ причин применения чрезвычайных мер по отношению к крестьянству, в том числе и сибирскому.

Исходя из этого, авторы выдвигают следующую цель своего исследования: раскрыть мероприятия центральных и сибирских партийных органов и органов советской власти по реализации политики чрезвычайных мер в сибирской деревне, а также вскрыть причины этой политики и дать их анализ.

Выбор сибирского региона для изучения политики чрезвычайных мер обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, он обусловлен административно-территориальным объединением сибирских губерний под управлением Сибревкома – так называемая «Сибревкомовская Сибирь», а с декабря 1925 г. Алтайская, Енисейская, Новониколаевская, Омская и Томская губернии вошли в состав вновь образованного Сибирского края. Во-вторых, наряду с общими чертами реализация политики чрезвычайных мер в этом регионе имела свои особенности. Ее рассмотрение дает возможность углубить представление об обозначенных выше проблемах, адекватное расширение которых не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах макроисторического исследования. В-третьих, к Сибири как источнику получения налоговых поступлений, обладающему к тому же большими запасами хлеба (особенно Алтайская и Омская губернии), проявлялся особый интерес со стороны центральных партийных и советских органов. Неслучайно только сюда совершил свою поездку в начале 1928 г. И.В. Сталин.

Статья написана на основе изучения резолюций X и XI съездов РКП(б), объединенного пленума ЦК ВКП(б) (6–11 апреля 1928 г.), писем и выступлений И.В. Сталина, материалов Сиббюро ЦК РКП(б) (1921 – май 1924 г.) – Краевого комитета РКП(б) Сибири (с мая 1924 г.), Сибревкома (1921 – 1 декабря 1925 г.) – Сибкрайисполкома (с 1 декабря 1925 г.), губернских (окружных) комитетов РКП(б)–ВКП(б) – Алтайского, Енисейского, Иркутского, Новониколаевского, Омского, Томского (пленумы, конференции, собрания, совещания с партийно-хозяйственным активом, отчеты, директивы и распоряжения и др.), хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области, опубликованных в газетах сибирских губернских (окружных) комитетов партии и исполкомов за 1921–1929 гг. Принятие X съездом РКП(б) решения о замене разверстки как способа государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража натуральным налогом преследовало цель обеспечения «…правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения землевладельцев своими ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производи-

тельности» [1. С. 370]. С политической точки зрения в переходе к продналогу руководство компартии видело возможность обеспечения экономической смычки рабочего класса с крестьянством, создания благоприятных условий для построения социализма.

Предполагалось, что чрезвычайные меры, применяемые в период «военного коммунизма», будут отменены, и отношения советской власти с крестьянством будут строиться на новой, законной основе.

Вместе с тем реализация новой экономической политики в сибирской деревне, как и в стране в целом, сопровождалась господством стереотипов «военного коммунизма», принудительным взысканием продналога, применением репрессивных мер против крестьян при проведении хлебозаготовительных кампаний на протяжении всех 1920-х гг. Характеризуя период новой экономической политики, Л. Виола отмечал следующую важную сторону НЭПа по отношению к крестьянству: «Часто это время изображалось как “золотой век” крестьянства, но в действительности НЭП стал выглядеть золотым веком только из-за крепостных стен колхозов 1930-х гг. В 1920-е гг. крестьяне продолжали страдать от грабительских действий государства… оно по-прежнему выжимало из них дань, совершая часто и порой жестокие налеты на деревню, выжимая налоги, отбирая хлеб… Сельское начальство нередко применяло к крестьянству крутые меры времен Гражданской войны, особенно в начале 1920-х гг.» [2. С. 10].

И.В. Сталин утверждал, что взыскание с крестьян наряду с обычными налогами добавочного налога – это «…нечто вроде “дани”» [3. С. 159].

Опираясь на достаточно широкий круг источников, не претендуя на бесспорность и категоричность суждений и оценок, раскроем причины перехода советской власти к политике чрезвычайных мер в деревне в целом и в сибирской деревне в частности в годы НЭПа. При этом мы имеем в виду, что эти причины следует искать в комплексе факторов объективного и субъективного характера.

Как нам представляется, объективным фактором была индустриальная модернизация страны как исторически закономерное явление, которая, как свидетельствует мировой исторический опыт, всегда сопровождается лишениями и страданиями миллионов людей, в том числе и в России. То есть имеющая объективный характер модернизация всегда имеет свою цену в человеческой жизни. Что касается модернизационных процессов в истории России, то, по оценке В.В. Кондрашина, «…в силу особенностей отечественной индустриальной модернизации российская деревня… оказалась ее заложницей, важнейшим источником ресурсов» [4. С. 223]. Применительно к исследуемой нами теме речь идет о действиях советской власти в 1920-е гг. в продолжение начатой царским правительством индустриальной модернизации страны, но уже в «сталинском» варианте. В чем же заключается особенность этого варианта? Этот вопрос замыкается на проблему темпов и источников индустриализации, которая в более широком смысле является проблемой НЭПа, причин его свертывания. Принятый курс на ускоренную индустриализацию страны потребовал вложения больших финансовых средств. Делать ставку на западноевропейские страны не представлялось возможным из-за непризнания Россией царских долгов и национализации промышленности. Основной источник финансирования виделся руководством страны в сельском хозяйстве. Говоря о главных источниках индустриализации, И.В. Сталин называет рабочий класс, создающий ценности, и крестьянство. Крестьянство «…платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще приплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности – это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты – это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии… Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога… без этого страна “пока” обойтись не может» [3. С. 159]. Однако сельское хозяйство после окончания Гражданской войны представляло собой мелкие крестьянские хозяйства. «До войны, – отмечал И.В. Сталин, – у нас было индивидуальных крестьянских хозяйств около 16 млн по всей стране. Теперь у нас имеется индивидуальных крестьянских хозяйств около 25 млн… Это – самое необеспеченное, самое примитивное, самое неразвитое и самое нетоварное хозяйство» [3. С. 40]. По оценке американского историка М. Левина, произошла «археизация деревни» [5. С. 6]. Именно господством в деревне мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства определялась низкая товарность сельскохозяйственной продукции [6]. В таких тяжелых условиях крестьяне не могли и не хотели платить налоги и сдавать хлеб государству по заниженным ценам. Этот объективный фактор обусловил применение чрезвычайных мер в деревне. Здесь нужно отметить, что политика чрезвычайных мер продолжалась в течение 1920-х – начала 1930-х гг. 24 августа 1930 г. в письме В.М. Молотову И.В. Сталин писал: «…нужно бешено форсировать вывоз хлеба» [7. С. 204].

Рассмотрим субъективные причины применения чрезвычайных мер. Одна из важных причин применения методов продразверстки заключается в том, что далеко не все рабочие, крестьяне, да и значительная часть коммунистов правильно поняли сущность новой экономической политики, в основу которой были положены экономические методы управления. Зачастую новую экономическую политику рассматривали лишь с позиций меньшего или большего допущения элементов капитализма в социалистическую экономику, как уступку капитализму, как отход от социализма. Такие взгляды на НЭП присутствовали даже в высших эшелонах партийной и советской власти. «НЭП – это отступление подобно Бресту, – отмечал Г.В. Зиновьев, – подобно отступлению после июльских дней 1917 года» [8. С. 101]. Выступая на XII съезде РКП(б) в 1923 г., Л.Д. Троцкий заявлял о необходимости в срочном порядке заменить НЭП «новейшей» экономической политикой, понимая под этим «сокращение НЭПа», «больший нажим на него» [8. С. 101].

Среди деревенских коммунистов получили широкое распространение «…уныние, недопонимание линии партии в деревне, паника перед кулацкой опасно-

стью, потеря революционной перспективы». Некоторые парторганизации желали вернуться к чрезвычайных мерам времен гражданской войны: «…если бы нам дали хоть два дня 1920 г., мы бы с ними расправились» [9. С. 240].

Несогласие с буржуазным характером новой экономической политики среди определенной части коммунистов вызвало их выход из партии. «Часть коммунистов-крестьян с мелкобуржуазной психологией начинает отходить от партии, – отмечалось на XI съезде РКП(б). – Среди некоторых, преимущественно непролетарских, элементов наблюдаются упадочные настроения, дезертирство из партии» [10. С. 501].

Массовый выход из партии в сибирских партийных организациях привел к распаду ряда коммунистических ячеек в деревне [11. С. 5]. Свой выход из партии коммунисты-сибиряки объясняли «принципиальной непримиримостью» с новой экономической политикой, «несогласием с ней», «непринятием новой экономической политики» [12. С. 27].

Среди отдельных коммунистов Алтайской партийной организации, решительно выступивших против НЭПа, звучали заявления о перерождении РКП(б), ее отходе от коммунистической идеологии и политики. Только осуществляя коммунистическую политику, насаждая коммуны, заявляли они, можно построить коммунистическое общество. Группа алтайских коммунистов предприняла шаги по обоснованию новой идеологии и организации новой партии – «2-й Российской коммунистической экономической партии» [13. С. 16]. Отметим, что не только в сибирских партийных организациях, но и в парторганизациях других регионов страны НЭП расценивался как отступление от завоеваний Октябрьской революции, как уступка буржуазии. Уже находясь в ссылке, Л.Д. Троцкий следующим образом оценивал это явление: «…мы не давали подачки тем, которые пытались, хотя бы в четверть голоса, объявить Октябрьскую революцию ликвидированной, партию – термидорианской, советское государство – буржуазным. Мы беспощадно разорвали с прекрасными революционерами, когда обнаружили у них зачатки курса на вторую партию» [14. С. 62].

Социальной опорой сторонников жестких мер по отношению к крестьянству являлась молодежь – молодые коммунисты и комсомольцы. Под влиянием коммунистической идеологии, пропагандирующей необходимость борьбы со спекулянтами хлеба, с торгашеством, обещающей молодежи жить при коммунизме через 10–15 лет [15. С. 318], у молодых людей сформировалось негативное отношение к нэпманам, кулакам, укрывателям хлеба, а также позитивное отношение к чрезвычайным мерам. Японский историк Х. Окуда, исследуя проблему социальной базы сталинизма, указывал, что этой базой была молодежь города и деревни, воспитанная советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках «нового курса» [16].

Не менее важной причиной применения чрезвычайных мер в годы НЭПа была проводимая компартией и органами советской власти политика по отношению к крестьянству, в первую очередь к кулакам, основанная на теории классовой борьбы, которая, по их мнению, в условиях НЭПа продолжалась, изменив лишь свои формы. «У нас нет и не может быть в условиях диктатуры пролетариата ни одного сколько-нибудь серьезного политического или экономического факта, который бы не отражал наличие классовой борьбы в городе и деревне, – убеждал в 1928 г. членов ЦК ВКП(б) И.В. Сталин. – Разве НЭП отменяет диктатуру пролетариата? – Задает он вопрос. – Конечно, нет… Как можно после этого говорить, что классовая борьба играет третьестепенную роль в таких важных политических и хозяйственных фактах, как выступления кулачества против советской политики во время хлебозаготовок, контрмеры и наступательные действия советской власти против кулаков и спекулянтов в связи с хлебозаготовками?» [3. С. 169].

В рамках названной причины логически вытекает сегодня вопрос: правомерно ли стремление зажиточного крестьянства продать свой хлеб на рынке по более высокой цене, чем закупочная цена государства, и укрывательство хлеба расценивать как классовую борьбу со стороны этой категории крестьянства? Ведь в период НЭПа ряд партийных функционеров предлагали совершенно противоположные «чрезвычайщине» меры (Н. Бухарин, Н. Рыков и др.). Пока на этот счет нам не удалось обнаружить какого-либо однозначного подхода ни у отечественных, ни у зарубежных исследователей. Так, с позиций классовой борьбы рассматривают процессы, происходившие в сибирской деревне, В.А. Ильиных [17], Е.А. Прудникова [18], А.Г Дианов [19], Л.И. Боженко [20] и др. В.П. Данилов утверждает, что отказаться от чрезвычайных мер не позволяло «…ожесточенное сопротивление кулачества…» [21. С. 213]. В то же время А. Грациози по-иному видел причину войны с крестьянством. По его мнению, она явилась последствием социально-экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной [22]. Исследователь вопроса отношения крестьян к советской власти В.С. Измозик отмечает положительное отношение к советской власти большинства крестьян. По его данным, в 1925 г. 64,7% крестьян, высказавших отношение к советской власти, относились к ней позитивно, но 96,3% из них были недовольны местными органами власти [23]. Как нам представляется, эта тема должна стать предметом отдельного исследования.

В качестве одной из причин применения репрессий и методов продразверстки является то, что местные партийные и советские органы, имея богатый арсенал командно-административных методов проведения продовольственной разверстки в годы Гражданской войны, использовали их в условиях продналога, а также при проведении кампании по хлебозаготовкам.

Анализируя причины возврата к методам продразверстки, Гал, автор одной из статей в газете «Известия Омского губернского комитета РКП (б)» в 1924 г. отмечал: «…крестьяне-коммунисты застыли в своем развитии как коммунисты. Они не приспособлены к работе в условиях НЭПа. Они больше приспособлены выполнять буквально, что скажет город, чем руководить, учитывать обстановку, делать, творить. В годы военного коммунизма (когда это было нужно), – пи-

шет он далее, – мы очень скоро сумели превратить наших деревенских товарищей в администраторов. Всю тяжесть разверстки, классовой борьбы в деревне они вынесли на своих плечах. Сейчас другая эпоха…» [24. С. 27].

Следует иметь в виду, что не только опыт репрессивных мер, приобретенный деревенскими коммунистами в годы «военного коммунизма», послужил причиной их применения при проведении налоговой кампании. Проводя политику продовольственной разверстки в годы Гражданской войны, советская власть сформировала в деревнях «комитеты бедноты», которые помогали продотрядам искать хлеб у крестьян, а за это получали 25% от найденного хлеба. Таким образом, деревенская беднота, «вовлеченная в гражданскую борьбу, удовлетворялась внутренним перераспределением продуктов и постепенно оторвалась от непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве» [25. С. 29]. Эта «психология перераспределения», актуализированная И.В. Сталиным во время его командировки в Сибирь в начале 1928 г., также оказывала влияние на принятие решений местными партийными и советскими органами.

Немаловажное значение в применении чрезвычайных мер имели завышение правящей элитой политизированности социального расслоения и игнорирование общекрестьянских интересов, прежде всего экономических. Защита этих интересов расценивалась как кулацкие выступления [9. С. 235]. Что касается общекрестьянских интересов, то здесь следует отметить, что уже в пореформенный период XIX в. начинается расслоение крестьянства на бедняков, середняков и зажиточных (кулаков). В 1920-х гг. это расслоение еще большее усугубилось.

Нельзя сбрасывать со счетов и «военный фактор». Дело в том, что в формировании партийных и советских органов Сибири сыграли большую роль политорганы 5-й армии по мере ее продвижения на восток в 1920 г. Под их руководством в Сибири было создано более 5 тысяч советских, партийных и общественных организаций [26. С. 224]. Причем в прифронтовом тылу военные политработники не только создавали, но зачастую возглавляли уездные и губернские партийные организации, ревкомы. В организации партийной и советской работы в Сибири принимал участие член Реввоенсовета 5-й армии К.И. Грюнштейн. Другой член Военного совета 5-й армии, И.Н. Смирнов, стал Председателем Сибревкома и членом Сиббюро ЦК РКП(б). Начальник политического управления Реввоенсовета войск Сибири Н.К. Гончаров принимал участие в работе Сиббюро ЦК РКП(б). Секретарем Сиббюро ЦК стала работник политотдела 5-й армии Н.К. Гончарова. Членом Красноярского, а затем Иркутского горсовета являлся заведующий интернациональным отделением политического отдела 5-й армии Я. Гашек. Завполитотделом армии Е.А. Литкенс руководил Енисейской губернской партийной организацией [27. С. 99]. Для укрепления партийных организаций Сибири ЦК РКП(б) направил Е.М. Ярославского, являвшегося в годы Гражданской войны членом комиссии по борьбе с бандитизмом при реввоенсовете Республики, И.И. Ходоровского, члена коллегии НКВД в годы Гражданской войны [26. С. 232].

Ряд партийных работников вышли из подполья. Среди них один из организаторов партизанского движения в Сибири А.А. Ширямов, с июля 1920 г. он возглавил Омский ревком. Активный участник борьбы против колчаковцев В.Л Букатый являлся заведующим орготделом Енисейского губкома РКП(б), а затем секретарем Каменского окружкома партии [28. С. 136].

Такой состав руководящих работников партийных и советских органов, как и все вышеназванные причины, создавал предпосылки к применению на протяжении всех 1920-х гг. командно-административных и репрессивных методов работы в сибирской деревне.

Первая налоговая кампания (осень 1921 – весна 1922 г.) показала, что в период ее проведения отмечались массовые случаи применения репрессий и мер, напоминающих методы продразверстки [29. С. 24; 30]. При этом в ряде мест такие репрессивные меры применялись без всяких ограничений, зачастую к суду ревтрибунала привлекались почти целые сибирские селения [31].

Продолжив применять методы периода продразверстки в 1921 г., партийные и советские органы использовали их и после введения Декретом ВЦИК и СНК единого натурального налога в 1922 г. По-прежнему Сиббюро ЦК РКП (б) ориентировало губернские партийные комитеты: «Государство и в нынешнюю кампанию будет не менее сурово карать… преступные попытки уклониться от платежа налога» [29. С. 24]. В Инструкции по проведению единого государственного налога (ст. 105) предусматривался ряд суровых мер за неуплату налога – от административных до мер по суду: арест на 7–10 суток губернскими и уездными продкомиссарами; закрытие рынков для свободной торговли; наложение ареста на имущество неплательщика продинспектором и продажа его с аукциона в уплату продналога; предание суду ревтрибунала [32. С. 32].

Применение чрезвычайных мер к крестьянам продолжалось и после принятия в 1923 г. по решению XII съезда РКП(б) закона и едином сельхозналоге. В своей основе этот закон предусматривал возможность неравномерного распределения размера налога между налогоплательщиками и определял величину налога, исходя из крепости хозяйства, а также из особенностей и условий сельскохозяйственной деятельности.

Также в законе недостаточно учитывались интересы середняков и бедноты [33]. Не отменялась и ст. 105 Инструкции. Руководствуясь этими документами, губернские и уездные партийные комитеты, органы советской власти Сибири активно использовали полномочия, данные им. Только в Томской губернии в 1923 г. при проведении кампании по сбору продналога за невыполнение налога было наложено более 10 тысяч судебных и административных взысканий [34. С. 1].

Для сбора налога привлекались военные отряды, которые содержались за счет крестьян. Так, весной 1924 г. в село Ново-Брянь Ново-Брянской волости Верхнеудинского уезда для взыскания единого сельскохозяйственного налога прибыл военный отряд, ко-

торый простоял в селе четверо суток. Для содержания отряда представители волостного исполнительного комитета собирали с крестьян продукты и деньги [19. С. 52].

Широкий размах приобрели командно-административные методы и чрезвычайные меры по отношению к сибирским крестьянам в 1927–1928 гг. в связи с кризисом хлебозаготовок. Эти чрезвычайные меры, отмечалось на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), «…фактически являются сползанием на рельсы продразверстки» [35. С. 319].

Указания партийному активу на применение чрезвычайных мер давались И.В. Сталиным во время его поездки в Сибирь с 15 января по 6 февраля 1928 г. на заседаниях бюро Сибирского крайкома ВКП(б) в Новосибирске, на заседаниях окружных комитетов ВКП(б) и совещаниях активов барнаульской, бийской, рубцовской и омской окружных партийных организаций совместно с представителями советов и заготовительных органов [3. С. 356]. На заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) с представителями заготовительных и ряда других организаций 18 января 1928 г., на котором выступал И.В. Сталин, было принято постановление, в котором партийным комитетам округов и районов предлагалось энергично взыскать долги по сельхозналогу. При этом кулаки должны быть в обязательном порядке подвергнуты репрессивным мерам вплоть до ареста за просрочку в сдаче сельхозналога.

Дополняя постановление Сибкрайкома от 17 января 1928 г. о привлечении в каждом из основных хлебозаготовительных районов нескольких кулаков – от четырех до десяти, имеющих большой запас хлеба, спекулирующих им, используя хлебные затруднения, как спекулянтов особо злостных, это заседание решило, чтобы такие меры, согласно ст. 107 Уголовного кодекса, принимала прокуратура. Кроме того, часть дел должна быть особо срочно рассмотрена нарсудами, не соблюдая формальностей. К суду предлагалось привлечь особо злостных спекулянтов-кулаков, а приговоры по ним широко опубликовать в печати, довести до населения через сельсоветы [36].

На очередном заседании 20 января 1928 г. Сталин, отвечая на возражение председателя правления Сибкрайсельхозбанка С.И. Загуменного: «…Мне кажется, что мы слишком круто поворачиваем», – привел пример результатов применения чрезвычайных мер на Украине и Северном Кавказе. В результате этих мер заготовки выросли там в последнюю пятидневку в два раза, а в центральных губерниях – в 2,5 раза [37. С. 18].

Сталин также потребовал при конфискации хлеба у кулаков 25% конфискованного хлеба распределять среди бедняков и малоимущих середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита [3. С. 4].

Указания И.В. Сталина, решения партийных органов Сибири принимались к незамедлительному исполнению. 4 февраля 1928 г. Сибкрайком ВКП(б) направил на места директиву, в которой кампанию по хлебозаготовкам объявлял ударной и требовал усилить нажим на «хлебозаготовительном фронте» [38]. Эта директива была единодушно одобрена на совещании по хлебозаготовкам руководителей окружных и районных советских и партийных организаций.

В период всей хлебозаготовительной кампании Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком постоянно следили и строго реагировали на все упущения со стороны низовых работников. Причем меры принимались самые жесткие, вплоть до снятия с должностей [38, 39].

В целях активизации работы сибирских партийных организаций и органов советской власти использовались такие меры, как направление в районы чиновников для организации хлебозаготовок, «накачки до отказа» районных и сельских работников, «усиление нажима», написание «очень порядочного количества «солидных» бумаг в районы и села», «дача указаний по линии карательных органов» [40. Л. 33].

На места регулярно направлялись указания и распоряжения по организации и проведению судебных процессов. Рекомендовалось проводить показательные процессы в каждом районе таким образом, чтобы обеспечивалось постоянное давление на хлебозаготовителей. Сибкрайисполком требовал дела рассматривать не «пачками», а по несколько дел в день, «в плотном порядке». По требованию вышестоящих органов рассмотрение дел проводилось не только в районных центрах. Практиковалось их рассмотрение в тех селах, где имелись большие запасы хлеба. Для того, чтобы у крестьян не складывалось впечатления, что суд уехал – значит нажим будет слабее, предлагалось членов окружных судов, которые рассматривали судебные дела, а также следователей не отзывать с мест [40. Л. 7].

В целях «планового» проведения судебных процессов окружным партийным комитетам спускались разнарядки на проведение до 100 судебных процессов. Но местным парткомам это количество казалось недостаточным, и они просили Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком увеличить количество судебных процессов в два раза [40. Л. 7].

Несмотря на то, что плановые задания по хлебозаготовкам были довольно высокими, ряд руководителей местных партийных и советских органов просили увеличить эти задания «для придания бодрости». Совещания «троек» принимали решения об увеличении объемов хлебозаготовок [40. Л. 14].

В результате реализации этих мер только в 1928 г. «за саботаж и спекуляцию хлебом» по Сибири было осуждено 1 589 человек, конфисковано 700 тыс. пудов зерна [41. С. 191]. В целях выполнения плана хлебозаготовок на местах принимался ряд мер, таких как инвентаризация имущества зажиточных крестьян, изъятие «излишков». Проводились повальные обыски, облавы, конфискация скота, сельскохозяйственных машин [42. С. 37]. Были введены запреты на торговлю, между городом и деревней выставлялись заградительные отряды.

В результате нашего исследования доказано, во-первых, что политика чрезвычайных мер советской власти в сибирской деревне осуществлялась на протяжении всех 1920-х гг., а не только в период хлебозаготовительных кампаний 1927/1928 и 1928/1929 гг., как об этом говорится в большинстве работ на данную те-

му. Во-вторых, раскрыты основные объективные и субъективные причины применения чрезвычайных мер по отношению к крестьянству в 1920-е гг. В-третьих, на конкретных исторических фактах показан ход реализации политики чрезвычайных мер в сибирской деревне. В-четвертых, выдвинута дискуссионная проблема о зажиточном крестьянстве (кулачестве) как якобы организаторе и участнике классовой борьбы в сибирской деревне. В-пятых, показано, что политика чрезвычайных мер советской власти в сибирской деревне, как и в стране в целом, явилась прологом свертывания новой экономической политики, «генеральной репетицией» сплошной коллективизации сельского хозяйства на основе ликвидации кулачества как класса.

Список источников

1. О замене разверстки натуральным налогом : резолюция X съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. (КПСС в резолюциях…). М. : Политиздат, 1983. Т. 2: 1917–1922. С. 370–371.
2. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОСПЭН, 2010. 367 с.
3. Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1949. Т. 11. 381 с.
4. Кондрашин В.В. Крестьянство и власть в России: опыт и взаимодействия в условиях индустриальной модернизации // Крестьянство и власть в истории России XX века : сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола (журнал «Власть», Ин-т социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. : АПР, 2011. С. 223–233.
5. Левин М. Режимы и исторические процессы в России в XX в. // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 485–486.
6. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М. : РОССПЭН, 2010. 246 с.
7. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. док. М. : Россия молодая, 1995. 303 с.
8. Урок дает история / под общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова; сост. А.А. Ильин. М. : Политиздат, 1989. 414 с.
9. Кудюкина М.М. Крестьянство и власть в 1920-е годы // Крестьянство и власть в истории России XX века : сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола (журнал «Власть», Ин-т социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. : АПР, 2011. С. 234–244.
10. Об укреплении и новых задачах партии : резолюция XI съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях… М. : Политиздат, 1983. Т. 2: 1917–1922. С. 500–509.
11. О деятельности Сиббюро ЦК РКП(б) : резолюция по докладу-отчету т. Ходоровского на совещании секретарей губкомов в июне 1922 г. // Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1922. № 51-52. С. 5–8.
12. Ходоровский И. Решения XI партсъезда в их применении к Сибири // Известия Новониколаевского губернского комитета РКП(б). 1922. № 12-13. С. 26–29.
13. Черняк М. Состояние партработы в Сибири (по материалам собеседования секретарей губкомов) // Известия Новониколаевского губернского комитета РКП(б). 1922. № 12-13. С. 16–18.
14. Троцкий Л.Д. Письма из ссылки. 1928 / ред.-сост. и автор предисл. Ю.Г. Фельштинский. М. : Изд-во гуманит. лит., 1995. 261 с.
15. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967. Т. 41. С. 301–318.
16. Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М. : РОСПЭН, 2011. С. 495–527.
17. Ильиных В.А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской дерене в условиях нэпа (1902–1927) // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 92–107.
18. Прудникова Е.А. Битва за хлеб: от продразверстки до коллективизации. М. : Вече, 2016. 478 с.
19. Дианов А.Г. Взаимоотношения власти и крестьян в Сибири в середине 20 х гг. XX в. (по материалам рабоче-крестьянской инспекции) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (45), ч. 1. С. 50–54.
20. Боженко Л.И. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины // Вопросы истории Сибири. Томск: ТГУ, 1972. Вып. 7. С. 81–104.
21. Данилов В.П. История крестьянства России в XX в. : избр. труды : в 2 т. М. : РОСПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.
22. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 : пер. с англ. М. : РОСПЭН, 2001. 96 с.
23. Izmozik V.S. Voices from the Twenties: Private Correspondents Intercepted by the OG PU // The Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 288–289.
24. Гал. Что мы должны делать и кем должны быть деревенские коммунисты // Известия Омского губернского комитета РКП(б). 1924. № 3. С. 27–29.
25. Равдель А. Больше внимания партработе в деревне // Известия Новониколаевского губернского комитета РКП(б). 1923. № 12-13. С. 29–30.
26. Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 237 с.
27. Гребенкин Н.А. Участие коммунистов Красной Армии в партийной и советской работе в Сибири после разгрома Колчака (1919–1922 гг.) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск : НГУ, 1978. С. 97–105.
28. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. 501 с.
29. Известия Сибирского бюро ЦК РКП(б). 1922. № 51-52. С. 24.
30. Красный Алтай : орган губисполкома и губкома РКП(б). 1923. 9 окт.; 29 нояб.
31. Красное знамя : орган Томского губкома РКП(б) и губисполкома. 1923. 25 сент.
32. Известия Томского губернского комитета РКП(б). 1922. № 12-13
33. О едином сельскохозяйственном налоге : резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях… М. : Политиздат, 1983. Т. 2: 1917–1922. С. 382–383.
34. Отчетный доклад губкома РКП(б) 8-й губернской партийной конференции // Известия Томского губернского комитета РКП(б). 1924. № 3. С. 1–113.
35. О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на1928/1929 год : резолюция объединенного пленума ЦК ВКП(б), 6–11 апреля 1928 г. // КПСС в резолюциях… М. : Политиздат, 1983. Т. 4: 1926–1929. С. 315–323.
36. Командировка И.В. Сталина в Сибирь на хлебозаготовки. 18 января 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. С. 152–154.

37. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / РАН, Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада). М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. 350 с.
38. Власть труда : орган Иркутского окружкома ВКП(б), окрисполкома и окрпрофсовета. 1928. 14 янв.
39. Красное Знамя : орган Томского окружкома ВКП(б) и окрисполкома. 1928. 14 янв.
40. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 705.
41. Козлов А.Д., Клушин Д.В., Крамаренко И.И. и др. Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. 549 с.
42. Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М. : РОССПЭН, 2012. 440 с.

References

1. The CPSU. (1983a) O zamene razverstki natural'nym nalogom: rezolyutsiya Kh s"ezda RKP(b) [On the replacement of appropriation with a tax in kind: resolution of the X Congress of the RCP (b)]. In: *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 370–371.
2. Viola, L. (2010) *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the era of Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance]. Translated from English by A.V. Bardin. Moscow: ROSPEN.
3. Stalin, I.V. (1949) *Sochineniya: v 18 t.* [Works: in 18 vols]. Vol. 11. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat.
4. Kondrashin, V.V. (2011) Krest'yanstvo i vlast' v Rossii: opyt i vzaimodeystviya v usloviyakh industrial'noy modernizatsii [Peasantry and power in Russia: Experience and interaction during industrial modernization]. In: Marchen, P.P. & Razin, S.Yu. (eds) *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and power in the history of Russia in the twentieth century]. Moscow: APR. pp. 223–233.
5. Levin, M. (1996) Rezhimy i istoricheskie protsessy v Rossii v XX v. [Regimes and historical processes in Russia in the twentieth century]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Sotsial'naya transformatsiya postsovetskogo prostranstva* [Where is Russia going? Social transformation of the post-Soviet space]. Moscow: Aspekt Press. pp. 485–486.
6. Esikov, S.A. (2010) *Rossiyskaya derevnya v gody nepa: k voprosu ob al'ternativnosti stalinskoy kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Russian village during the NEP years: On alternativeness to Stalinist collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)]. Moscow: ROSSPEN.
7. Stalin, I.V. (1995) *Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1936 gg.* [Letters from I.V. Stalin to V.M. Molotov. 1925–1936]. Moscow: Rossiya molodaya.
8. Afanasiev, V.G. & Smirnov, G.L. (eds) (1989) *Urok daet istoriya* [The Lesson is Given by History]. Moscow: Politizdat.
9. Kudyukina, M.M. (2011) Krest'yanstvo i vlast' v 1920-e gody [Peasantry and authorities in the 1920s]. In: Marchen, P.P. & Razin, S.Yu. (eds) *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and power in the history of Russia in the twentieth century]. Moscow: APR. pp. 234–244.
10. The CPSU. (1983b) Ob ukreplenii i novykh zadachakh partii: rezolyutsiya XI s"ezda RKP(b) [On the strengthening and new tasks of the party: Resolution of the 11th Congress of the RCP(b)]. In: *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 500–509.
11. TsK RKP(b). (1922) O deyatel'nosti Sibbyuro TsK RKP(b): rezolyutsiya po dokladu-otchetu t. Khodorovskogo na soveshchanii sekretarey gubkomov v iyune 1922 g. [. On the activities of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP (b): Resolution on the report of Comrade Khodorovsky at a meeting of secretaries of the provincial committees in June 1922]. *Izvestiya Sibirskogo byuro TsK RKP(b)*. 51-52. pp. 5–8.
12. Khodorovskiy, I. (1922) Resheniya XI parts"ezda v ikh primenenii k Sibiri [Decisions of the 11th Party Congress in their application to Siberia]. *Izvestiya Novonikolaevskogo gubernskogo komiteta RKP(b)*. 12-13. pp. 26–29.
13. Chernyak, M. (1922) Sostoyanie partraboty v Sibiri (po materialam sobesedovaniya sekretarey gubkomov) [The state of party work in Siberia (based on interviews with secretaries of provincial committees)]. *Izvestiya Novonikolaevskogo gubern-skogo komiteta RKP(b)*. 12-13. pp. 16–18.
14. Trotsky, L.D. (1995) *Pis'ma iz ssylki. 1928* [Letters from exile. 1928]. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
15. Lenin, V.I. (1967) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Politizdat. pp. 301–318.
16. Okuda, H. (2011) “Ot sokhi k portfelyu”: derevenskie kommunisty i komsomol'tsy v protsesse raskrest'yanivaniya (1920-e – nachalo 1930-kh gg.) [“From the plow to the briefcase”: Village communists and Komsomol members in the process of de-peasantization (1920s – early 1930s)]. In: Kandrashina, E.Yu. (ed.) *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [The History of Stalinism: Results and Problems of Study]. Moscow: ROSPEN. pp. 495–527.
17. Ilinykh, V.A. (1990) Sootnoshenie form klassovoy bor'by v sibirskoy derene v usloviyakh nepa (1902–1927) [The relationship between the forms of class struggle in the Siberian village under the conditions of NEP (1902–1927)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Aktual'nye problemy istorii sovetskoy Sibiri* [Current Problems of the History of Soviet Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 92–107.
18. Prudnikova, E.A. (2016) *Bitva za khleb: ot prodrazverstki do kollektivizatsii* [The Battle for Bread: From Surplus Appropriation to Collectivization]. Moscow: Veche.
19. Dianov, A.G. (2014) Relationships of authorities and peasantry in Siberia in the mid-1920s (by the materials of workers-and-peasants’ inspection). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 7-1(45). pp. 50–54. (In Russian).
20. Bozhenko, L.I. (1972) K kharakteristike osnovnykh grupp krest'yanstva Sibiri posle osvobozhdeniya ot kolchakovshchiny [On the characteristics of the main groups of the Siberian peasantry after liberation from Kolchakism]. *Voprosy istorii Sibiri*. 7. pp. 81–104.
21. Danilov, V.P. (2011) *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX v.: izbr. trudy* [History of the Russian peasantry in the twentieth century: Selected works]. Vol. 2. Moscow: ROSPEN.
22. Gratsiozi, A. (2001) *Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933]. Translated from English. Moscow: ROSPEN.
23. Izmozik, V.S. (1996) Voices from the Twenties: Private Correspondents Intercepted by the OG PU. *The Russian Review*. 55. pp. 288–289.
24. Gal. (1924) Chto my dolzhny delat' i kem dolzhny byt' derevenskie kommunisty [What should we do and who should the village communists be?]. *Izvestiya Omskogo gubernskogo komiteta RKP(b)*. 3. pp. 27–29.
25. Ravdel, A. (1923) Bol'she vnimaniya partrabote v derevne [More attention to party work in the countryside]. *Izvestiya Novonikolaevskogo gubernskogo komiteta RKP(b)*. 12-13. pp. 29–30.
26. Shukletsov, V.T. (1981) *Sibiryaki v bor'be za vlast' Sovetov. Deyatel'nost' partii v krest'yanskikh massakh Zapadnoy Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [Siberians in the struggle for Soviet power. The activities of the party among the peasant masses of Western Siberia during the years of revolution and civil war]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
27. Grebenkin, N.A. (1978) Uchastie kommunistov Krasnoy Armii v partiynoy i sovetskoy rabote v Sibiri posle razgroma Kolchaka (1919–1922 gg.) [Participation of the Communists of the Red Army in party and Soviet work in Siberia after the defeat of Kolchak (1919–1922)]. In: *Partiynye organizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v period Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1922 gg.)* [Party organizations of Siberia and the Far East during the October Revolution and Civil War (1917–1922)]. Novosibirsk: NSU. pp. 97–105.
28. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.

29. *Izvestiya Sibirskogo byuro TsK RKP(b)*. (1922) 51-52. pp. 24.
30. *Krasnyy Altay: organ gubispolkoma i gubkoma RKP(b)*. (1923) 9th October, 29th November.
31. *Krasnoe znamya: organ Tomskogo gubkoma RKP(b) i gubispolkoma*. (1923) 25th September.
32. *Izvestiya Tomskogo gubernskogo komiteta RKP(b)*. (1922) 12-13
33. The CPSU. (1983c) O edinom sel'skokhozyaystvennom naloge: rezolyutsiya XII s"ezda RKP(b) [On the single agricultural tax: Resolution of the 12th Congress of the RCP (b)]. In: *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 382–383.
34. *Izvestiya Tomskogo gubernskogo komiteta RKP(b)*. (1924) Otchetnyy doklad gubkoma RKP(b) 8-y gubernskoy partiynoy konferentsii [Report of the provincial committee of the RCP (b) of the 8th provincial party conference]. 3. pp. 1–113.
35. The CPSU. (1983d) O khlebozagotovkakh tekushchego goda i ob organizatsii khlebozagotovitel'noy kampanii na1928/1929 god: rezolyutsiya ob"edinennogo plenuma TsK VKP(b), 6–11 aprelya 1928 g. [On the grain procurements of the current year and on the organization of the grain procurement campaign for 1928/1929: resolution of the joint plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, April 6–11, 1928]. In: *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat. pp. 315–323.
36. Anon. (1929) Komandirovka I.V. Stalina v Sibir' na khlebozagotovki. 18 yanvarya 1928 g. [I.V. Stalin's business trip to Siberia for grain procurements. January 18, 1928]. In: Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession: documents and materials]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 152–154.
37. Ivnitskiy, N.A. (2000) *Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive policy of Soviet power in the countryside (1928–1933)]. Moscow: Institute of Russian History RAS.
38. *Vlast' truda: organ Irkutskogo okruzhkoma VKP(b), okrispolkoma i okrprofsoveta*. (1928) 14th January.
39. *Krasnoe Znamya: organ Tomskogo okruzhkoma VKP(b) i okrispolkoma*. (1928) 14th January.
40. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund 47. List 1. File 705.
41. Kozlov, A.D., Klushin, D.V., Kramarenko, I.I. et al. (1985) *Ocherki istorii Altayskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Altai CPSU organization]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
42. Papkov, S.A. (2012) *Obyknovennyy terror: politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror: The politics of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN.

***Сведения об авторах*:**
Гергилёв Денис Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель министра образования Красноярского края; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: Turilak@yandex.ru.
Леопа Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор Военного учебного центра при Сибирском федеральном университете (Красноярск, Россия). E-mail: alleopa@mail.ru
Леопа Владимир Павлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор Военного учебного центра при Сибирском федеральном университете (Красноярск, Россия). E-mail: lieopav@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Gergilev Denis N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Minister of Education of the Krasnoyarsk Territory; Head of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations of the Humanities Institute of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: Turilak@yandex.ru
Leopa Alexander V. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Military training center at the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: alleopa@mail.ru
Leopa Vladimir P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Military training center at the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: lieopav@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2019; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 17.01.2019; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94:614.4(470.44)
doi: 10.17223/19988613/85/4

М.Т. Лорис-Меликов и санитарные проблемы Саратова 1870-х гг.: неудавшаяся попытка реформирования городского пространства

Максим Вячеславович Зайцев[1], Александр Сергеевич Шешнёв[2]

[1, 2] Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
[1] zaytsev-mv@mail.ru
[2] sheshnev@inbox.ru

Аннотация. Урбанизация пореформенного времени сопровождалась комплексом санитарных и экологических проблем. Череда эпидемий породила дискурс о модернизации городской среды. Одна из попыток реального улучшения условий жизни в населенных пунктах Нижней Волги произошла во время ветлянской чумы 1878–1879 гг. при генерал-губернаторе М.Т. Лорис-Меликове. В крупнейшем городе региона – Саратове – возможность решения санитарных проблем была упущена из-за несогласованности действий центральной власти и местного самоуправления.
Ключевые слова: историческая урбанистика, история природопользования, санитарное состояние, М.Т. Лорис-Меликов, Саратов

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Президента РФ (проект МК-33.2020.5) в Саратовском государственном университете.

Для цитирования: Зайцев М.В., Шешнёв А.С. М.Т. Лорис-Меликов и санитарные проблемы Саратова 1870-х гг.: неудавшаяся попытка реформирования городского пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 29–38. doi: 10.17223/19988613/85/4

Original article

M.T. Loris-Melikov and sanitary problems of Saratov in the 1870s: failed attempt to reform urban space

Maksim V. Zaytsev[1], Aleksandr S. Sheshnev[2]

[1, 2] Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation
[1] zaytsev-mv@mail.ru
[2] sheshnev@inbox.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the sanitary-hygienic and environmental problems of urban space that existed in Saratov in the second half of the 19th century, in connection with the location of Glebuchev's ravine in the city. The article discusses attempts to solve these problems by the Saratov City Duma and the crown authorities, including events organized by the interim Governor-General M.T. Loris-Melikov during the plague epidemic of 1878–79.
To solve the tasks, archival and published sources are used, including office materials of the city self-government, reference publications, publicistic works of Saratov's sanitary doctors, and memoirs of contemporaries.
The authors proceed from the fact that the complex of sanitary and environmental problems of Saratov was associated with accelerating of the process of urbanization in Russia of the Post-Reform period. The growth of the population and urban space outstripped municipality's accomplishment actions, which led a significant part of the Saratov's population to live in unsanitary conditions. The adverse living conditions of the townspeople created the basis for frequent epidemics, which, in turn, gave rise to the discourse on the need of modernization of the urban environment. The Glebuchev's ravine gradually became the most unhealthy part of the Saratov's territory, spontaneously populated by the poor and served as a place for manure and sewage dumping. The ravine and adjacent quarters had the highest morbidity and mortality rates. Since the early 1870s there was a regular discussion by local authorities about the options for its improvement, which did not lead to significant results for objective reasons. The main obstacles were legal difficulties, resistance of local residents and lack of funds of the municipality. One of the attempts to really improve living conditions in the Lower Volga settlements occurred during the «Vetlianskaya» Plague epidemic of 1878–79, when M.T. Loris-Melikov was appointed as the Governor-General of the region by the Empire government. In Saratov, his actions were aimed, inter alia, at the complete resettlement of the Glebuchev's ravine and its transformation into a public garden. However,

© М.В. Зайцев, А.С. Шешнёв, 2023

the city authorities could not fulfill this order. After the cessation of the plague epidemic and departure of M.T. Loris-Melikov from the region, the ravine problem returned to the «chronic» state.
The authors came to the conclusion that the opportunity to solve sanitary problems was missed, firstly, due to the inconsistency of the actions of the central government and local self-government, secondly, due to the lack of necessary financial resources of the City Duma and, thirdly, due to spontaneous resistance of ravine residents who did not want to move from unhealthy territory.
Keywords: urban history, history of nature management, sanitation condition, M.T. Loris-Melikov, Saratov

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a grant from the President of the Russian Federation (project MK-33.20.5) at Saratov State University.

For citation: Zaytsev, M.V., Sheshnev, A.S. (2023) M.T. Loris-Melikov and sanitary problems of Saratov in the 1870s: failed attempt to reform urban space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 29–38. doi: 10.17223/19988613/85/4

Эпидемии чумы в России были нередки в первой половине XIX в. (1803, 1812, 1829, 1837). Затем подобная эпидемия случилась после более чем 40-летнего перерыва (1878–1879), к чему власти и врачебное сообщество оказались не готовы. Волга и ее притоки традиционно представляли собой важнейший путь распространения эпидемий на огромные расстояния, а радиальная сеть железных дорог, возникшая в 1860–1870-е гг., создала условия для линейной быстрой передачи болезни [1. P. 1188]. Чума и холера, заносимые из мест своего возникновения в неподготовленные для борьбы с ними волжские города, по отзыву современника, «…быстро и отлично приспособляются к месту и собирают обильную жатву среди волгарей» [2. С. 6]. Саратов как транспортный коридор в центр России требовал, наряду с Астраханью и Царицыным, особого внимания.

Во время эпидемий переплетение реальных событий со слухами зачастую вызывало панику у населения. Между разными социальными группами возникали противоречия, что нередко приводило к беспорядкам, при этом мишенью агрессивных действий простонародья становились врачи и чиновники [3. P. 56]. В связи с этим для борьбы с эпидемиями правительство направляло из столицы чиновников высокого ранга. Такая практика впервые применена в 1830 г. при работе комиссии по борьбе с холерой при графе А.А. Закревском.

Чума проявила себя в Астраханской губернии в октябре 1878 г., но в прессе сообщения о ней появились лишь к концу декабря. Помимо внутригосударственных проблем, эпидемия чумы нанесла ощутимый экономический ущерб. К России европейскими странами применялись карантинные меры: усложнялся въезд для россиян, вводились ограничения на поставку ряда товаров и пр. Приближение эпидемии к Царицыну вынудило саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского 17 декабря сообщить об этом в МВД и просить о помощи. В соответствии с царским указом от 25 января 1879 г. для принятия мер была учреждена должность временного астраханского генерал-губернатора, которому подчинялись губернаторы Астраханской, Саратовской и Самарской губерний. На этот наделенный огромными полномочиями пост был назначен генерал от кавалерии граф М.Т. Лорис-Меликов, прибывший в Царицын 27 января [4. С. 51–54]. После Лорис-Меликова в Поволжье направлялся С.Ю. Витте для борьбы с холерой в 1892 г., в 1897 г. сенатор В.И. Лихачев обследовал города Поволжья в рамках предупреждения чумы.

Недостаточная изученность механизмов распространения инфекционных болезней служила причиной отсутствия четкой программы мер по борьбе с ними. Во время эпидемии 1878–1879 гг. власть использовала традиционные приемы: решением Лорис-Меликова вокруг очага чумы вводились санитарные кордоны и инспекции, а дома заболевших дезинфицировались либо полностью уничтожались.

Период конца XIX – начала XX в. нередко рассматривается как «золотой век российской буржуазной культуры», для которого характерен дискурс модернизации городской среды [5. С. 225]. Повышенное внимание к проблемам благоустройства характерно для пореформенной России и может быть объяснено желанием общественности принимать участие в жизни города в условиях запрета публичных дискуссий о внутриполитических проблемах [6]. Ветлянская чума послужила причиной новой волны рассуждений о пространстве городов империи.

Саратов конца XIX в. – один из самых динамично развивающихся городов Российской империи с числом жителей в 1878 г. – 101 477 чел., в 1880 г. – 114 919 чел. [7. С. 26]. К началу XX в. город займет третье место по этому показателю в границах современной России. Одновременно с экономическим ростом происходят демографические изменения за счет миграции из сельской местности, пополнявшей прежде всего маргинальный и люмпенизированный слой. Подобная категория людей составляла основную группу риска для распространения инфекционных заболеваний. Социально-географическая структура городского пространства была напрямую связана с его санитарным состоянием.

Заовраженные земли занимали значительную часть городской территории. Возникновение проблемы Глебучева оврага относится ко времени переноса Саратова на место его окончательного размещения. В 1674 г. для города избрана правобережная терраса Волги, ограниченная с одной стороны речным берегом, а с другой – глубокой и широкой балкой, что создавало выгодную с военно-стратегической точки зрения диспозицию для саратовской крепости. Уже тогда стала формироваться селитебная территория на противоположной стороне оврага, поэтому он изначально находился фактически внутри городского пространства [8. С. 14; 9. С. 18–19].

С этого времени жители близлежащих дворов пользовались им в качестве свалочного места. Процесс его заполнения нечистотами продолжался столетиями, усиливаясь по мере роста города. Приблизительно на рубеже XVIII–XIX вв. обывательские дворы начинают возникать уже на отлогих склонах и днище оврага. Контингент здешних жителей составляли главным образом малоимущие горожане, поскольку это давало возможность существовать неподалеку от центра города и крупнейших торговых средоточий – Старособорной и Хлебной площадей, где беднота находила себе заработок. Хотя с 1810-х гг. овраг формально входил в «планную» территорию Саратова, городское самоуправление изначально почти не регулировало здесь застройку и не взимало никакой платы за отвод дворовых мест, возникавших стихийно.

Высочайше конфирмованный в 1812 г. план Саратова не предусматривал построек в Глебучевом овраге. Лишь в одной местности были показаны кирпичные сараи, перенесенные в 1846 г. с одного места в овраге на другое, но за пределы реально существующей городской территории. Освободившиеся участки по духовным завещаниям и подобным документам перешли к другим лицам, положившим начало жилой застройке овражных земель [10. С. 57]. При попустительстве городских властей люди продолжали захватывать земли, ставить дворы, а по прошествии десятилетий некоторые из них получали юридическое право оформить землю в собственность «по давности владения». Днище и склоны оврага занимали 19 планных городских кварталов, 33 квартала примыкало к бортам оврага [11. С. 10].

Так постепенно складывалась «овражная» часть населения Саратова, состоявшая преимущественно из бедняков, застраивавших свои участки стихийно, используя все доступные материалы и средства. О благоустройстве территории, гигиене и санитарии в такой среде не было ни малейшего представления, что неизбежно вело с годами к ухудшению положения дел. Источником загрязнения Глебучева оврага выступали не только дворы обывателей. В 1856–1857 гг. при расширении саратовского деревянного водопровода создаются резервуары на Хлебной и Архангельской площадях. Избыток воды из них спускался по трубам в овраг, где была устроена «платьемойня» [12]. Так дефакто он превратился в путь канализационного стока. К тому же у верховий балки с 1836 г. располагалось Воскресенское кладбище, активно «заселявшееся» и довольно быстро ставшее основным городским некрополем. В конце 1870-х гг. один из врачей утверждал, что это соседство пагубно отражается на санитарном состоянии местности, поскольку весной «воды, текущие по Глебову оврагу, смешиваются с водами, стекающими с кладбища, а такая примесь отравленных разлагающимися животными веществами вод не может назваться полезной, потому что, испаряясь во время течения, наполняет воздух гнилостным паром» [13. С. 203].

Глебучев овраг к 1879 г. был довольно плотно заселен разбросанными по днищу и склонам маленькими скученными домиками. Помимо отходов местных жителей в овраг свозились навоз и прочие нечистоты со значительной части города, направлялись загрязненные стоки из бань и других заведений. Днище прорезал постоянный водоток, который местами образовывал заболоченные участки. Ряд крупных отрогов оврага целенаправленно, с разрешения властей, засыпался навозом, отчего органическое загрязнение неуклонно увеличивалось. В условиях использования вод ручья и колодцев для бытовых нужд риск инфекционных заболеваний возрастал многократно. За всю дореволюционную историю в отношении оврагов городскому управлению удались лишь действия по засыпке верховьев землей и навозом. Мероприятие не требовало средств: горожанам было разрешено сваливать навоз в определенные места, чем те активно пользовались [10. С. 59].

Помимо Глебучева, городское пространство Саратова прорезали еще Белоглинский и Кладбищенский овраги. Беднейшие классы населения проживали и работали преимущественно в береговой полосе Волги и вдоль оврагов. Подобные участки заполнялись крохотными жилищами бедняков, напоминающими современникам железнодорожные будки. Овраги и волжский берег образовывали единое «жизненное пространство» и, учитывая их естественное географическое соединение, находились в постоянном контакте. В схожих санитарных условиях местности «чрезвычайно легко могут заимствоваться одна от другой болезнями» [2. С. 27]. Особое значение для передачи инфекций имел волжский берег, где приставали суда из Прикаспийского региона, транзитного для эпидемических болезней.

Смертность в Саратове в последней четверти XIX в. устойчиво составляла 40‰: в центральных районах города – около 30‰, на окраинах значительно превосходила 40‰ при наибольшей величине в приовражных кварталах. Эта же закономерность характерна и для распространения эпидемических болезней [14]. Санитарные врачи называли крупные городские овраги «Cloaca Maxima Саратова», «очагами заразы», отмечая, что в них и прилегающих кварталах «всегда наблюдалась и наблюдается наибольшая заболеваемость заразными болезнями» [15. С. 63]. Врачи опосредовано ставили вопрос о необходимости борьбы с социальной дифференциацией населения внутри города по месту жительства и о качестве местного административного управления. «Здесь жилища поистине парий общества, среди навоза и отбросов, как собственных, так и остальных, более счастливых, жителей города. Здесь жители – во многих случаях хуже, чем логовища животных (Так в оригинале. – *М.З., А.Ш.*), здесь теснота построек поразительная; здесь все остальные условия существования настолько ужасны, что прямо удивляешься, как может человек со всем этим мириться, ко всему привыкнуть», – сообщает санитарный врач об условиях жизни населения в районах саратовских оврагов [16. С. 29]. Жить в пригородах из-за неразвитости транспортной инфраструктуры не всегда представлялось возможным. Казалось бы, для обеспечения жильем более или менее приемлемого качества необходимо расширить территориальные границы города, на свободных площадях строить дома

и организовать транспортное сообщение. Однако на муниципальном уровне идеи расширения границ Саратова всячески тормозились, что провоцировало уплотнение застройки. Традиционный мотив гласных городской думы: «…чем большую площадь займет городское население, тем благоустройство его Городскому Управлению будет стоить дороже» [10. С. 61].

У жителей окраин существовали местные санитарные проблемы: сильная загрязненность территории (из города вывозилось не более 10% отходов, остальные складировались преимущественно в оврагах); отсутствие доступа к центральному водопроводу, организованному в 1875 г., и использование нефильтрованной загрязненной воды из Волги и колодцев. В результате перенаселенности и отсутствия канализации гигиенические проблемы в городе возрастали, а положение населения ухудшалось.

Во второй половине XIX в. печальное состояние Глебучева оврага стало обращать на себя внимание властей, в связи с чем начинают высказываться идеи о его упорядочении. Еще в сентябре 1857 г. городской голова в рапорте губернатору сообщал: «Жители бедного класса людей, поселившиеся произвольно близ городской при Волге пристани и по Глебучеву оврагу, по распоряжению губернского начальства понуждались г[осподином] старшим полицмейстером к очистке тех мест» [17. Л. 1]. Однако подобные обсуждения к серьезным изменениям не приводили. Повышение внимания к санитарным проблемам наблюдается в начале 1870-х гг., после реформы городского самоуправления.

В 1871 г. недавно назначенный в Саратов губернатор М.Н. Галкин-Враский, выступая перед членами муниципалитета, предложил отвести территорию Глебучева оврага под общественный сад. «В настоящее время, – говорил он, – этот овраг по обеим сторонам протока весенних вод устлан по береговым уклонам небольшими деревянными домами и лачугами. Не говоря уже о том, что строения эти по плану города не разрешены, они служат еще притоном разных беспорядков, затрудняющих надзор полиции. К тому [же] постройка зданий на рыхлой почве сопровождается ежегодно немалыми несчастьями. Так и в этом году, не далее как на днях, часть рыхлой земли, оседая по уклону, сползла на один из домов оврага, разрушила дом и завалила живших в доме домовладельцев – старика с старухой, которые и были отрыты уже мертвыми. Обстоятельство это, не раз повторявшееся, возлагает на городское управление обязанность устранить подобные несчастья на будущее время». Он предложил городской думе сносить находящиеся здесь здания, жителей переселять за счет муниципалитета «в побережную часть города», а освободившееся место использовать в качестве парковой зоны [18. С. 119–120].

Интересно, что в цитируемой речи губернатор указывал на отрицательное значение оврага лишь с точки зрения затруднительности полицейского контроля и опасности оползней, не упоминая о неудовлетворительном санитарно-гигиеническом состоянии. Возможно, это связано с общим низким уровнем медицинской культуры и слабым распространением соответствующих знаний в указанную эпоху.

Городская дума отреагировала на пожелание начальника губернии своим постановлением от 23 апреля 1871 г., в котором среди прочего говорилось: «В видах освобождения этой местности от построек, разбросанных там бедными жителями самовольно в неблагообразном виде и в нарушение городского плана, поручить управе привести все эти постройки в известность, определить приблизительную стоимость их и затем постепенно входить в соглашение с владельцами сих строений о переносе их на другие свободные места в кварталах, назначенных для раздачи бедным жителям» [19. Л. 111–111 об.]. В качестве первоочередной локальной меры Саратовская временная санитарная комиссия на заседании 3 мая 1871 г. предложила «запретить выбрасывать нечистоты прямо в поле или в овраги» [20. Л. 51]. С этого времени началась длительная история попыток городского самоуправления решить проблему Глебучева оврага.

Целых два года понадобилось городским властям, чтобы «привести в известность» существующие в овраге постройки и выработать общие принципы их ликвидации. В мае 1873 г. дума постановила: 1) выселение жителей должно проводиться решением суда по каждой отдельной самовольной постройке; 2) выселяемым для переноса их жилищ отводятся бесплатно новые места на свободной городской территории; 3) беднейшим из них муниципалитет выдает пособие в размере 25% стоимости их строений [21. С. 36–37]. Городской управой жители оврага были разделены на три категории: 1) постоянные жители, из-за бедности не способные перенести строения без пособия, – 255 семейств; 2) жители, располагающие средствами, – 80 семейств; 3) проживающие по письменным видам неместные жители, рассматриваемые полицией как иногородние и не имеющие прав ни на постройку, ни на отвод городских земель, – 120 семейств. Стоимость построек оценивалась в 47 080 руб. [11. С. 12].

Поскольку выселение требовало судебного заключения, неизбежная бюрократическая волокита затягивала процесс. В течение 1874 г. мировые судьи вынесли 107 решений о сносе строений, 52 владельца подали прошения об отводе бесплатных мест, но переселилось в указанном году лишь три семьи [13. С. 126]. Дальше дело заглохло, поскольку город не мог обеспечить серьезную финансовую помощь овражным жителям, а переезжать на собственные средства в силу бедности они оказались неспособны. Нежелание переселяться также может объяснить выделение для этой цели территории на дальних окраинах города. Выгонять же людей на улицу, даже имея на это юридически оформленное право, муниципалитет не решился.

Такое положение дел сохранялось до конца 1878 г., когда в станице Ветлянская Астраханской губернии началась вспышка чумы и возникли опасения распространения заболевания на другие населенные пункты. В декабре городские власти Саратова, после обращения губернатора Галкина-Враского, избрали комиссию для разработки первоочередных мер по предотвращению распространения эпидемии. Комиссия предложила открыть временную больницу для тифозных больных (первое время медики и, соответственно, власти, не по-

нимали, что имеют дело с чумой, считая болезнь, появившуюся в станице Ветлянская, одной из разновидностей тифа), нанять еще одного городского врача, организовать помощь беднейшим гражданам, а также усилить санитарный надзор за городской территорией [13. С. 5–7].

По этой программе саратовский муниципалитет действовал зимой 1878–1879 гг. С целью усиления санитарного контроля 5 февраля 1879 г. дума утвердила обязательное постановление «О мерах охранения народного здравия», которым вводились санитарно-гигиенические нормы для саратовских обывателей. Подчеркивалась обязанность домовладельцев содержать в чистоте свои дворы и прилегающую часть улицы, правильно устраивать и регулярно дезинфицировать помойные и «ретирадные» ямы. Говорилось о порядке вывоза нечистот из домов, об устройстве и поддержании гигиены на скотобойнях и в местах продажи съестного, о санитарных условиях в промышленных заведениях, общественных банях и ночлежных домах. Запрещалось сбрасывать трупы павших животных в овраги, в Волгу и оставлять на улицах. Не допускалась выделка кизяков в центральной части города [22. С. 22–26].

Тем временем коронная власть, обеспокоенная размахом эпидемии, решила применить чрезвычайные методы для предотвращения ее распространения. Как отмечалось выше, в январе 1879 г. генерал-губернатором Нижнего Поволжья назначен генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов, получивший чуть ли не диктаторские полномочия в осуществлении мер, направленных прежде всего на изоляцию источника эпидемии (создание кордонов), а также на исправление местных санитарно-гигиенических недостатков. Явившись к месту новой службы, он энергично принялся за выполнение порученной ему задачи. Генерал-губернатор лично побывал в очаге эпидемии – станице Ветлянской, в Астрахани, а также в Царицынском уезде Саратовской губернии. В Саратове он так и не появился (хотя городские власти ожидали его приезда), поэтому о состоянии дел судил лишь по представленным ему губернатором документам.

Несмотря на обширные полномочия, Лорис-Меликов предпочел действовать в контакте с местным самоуправлением, что логично – вопросы охраны здоровья и городского хозяйства находились в сфере полномочий городских дум, которые под влиянием активности генерал-губернатора начали работать в мобилизационном режиме. По распоряжению Лорис-Меликова в населенных пунктах начались неотложные мероприятия по улучшению санитарных условий. Содействовать им должна была совещательно-санитарная комиссия под председательством саратовского губернатора Галкина-Враского. Со 2 февраля по 22 марта 1879 г. проводились заседания комиссии, где было принято 27 определений в форме протоколов с одобрением генерал-губернатора [4. С. 356]. Согласно циркуляру Лорис-Меликова от 2 февраля в подчиненных губерниях безотлагательно требовалось очистить населенные места от нечистот с особым контролем за качеством продуктов питания и питьевой воды. Жесткая риторика была характерна для М.Т. Лорис-Меликова. От него в случае неисполнения предписаний можно было услышать угрозу вплоть до расстрела. Как отмечает правитель канцелярии Лорис-Меликова в 1879–1881 гг. А.А. Скальковский, подобные угрозы «никогда не были бы приведены в исполнение, но они были необходимы для устранения распущенности в критическую минуту, какую переживала тогда Россия» [4. С. 373].

В такой обстановке опять вышел на повестку дня вопрос о Глебучевом овраге. Необходимость переселения его жителей рассматривалась Саратовским губернским комитетом общественного здравия 8 февраля 1879 г. Председатель сообщил, что «все предварительные действия по очищению Глебучева оврага от ныне находящегося там населения уже выполнены» [23. С. 8] (имелись в виду меры 1873–1874 гг., которые на самом деле лишь подготовили почву, но не решили вопрос). Подчеркивалось, что избранная городской думой особая комиссия для решения проблемы так и не представила окончательного доклада. По итогам заседания комитет постановил просить председателя связаться с городским управлением и, «указав на вредное влияние для города в санитарном отношении дальнейшего пребывания этого населения в означенном овраге, просить о немедленном приведении в исполнение предложений городской думы о переводе обитателей Глебучева оврага в другое место» [23. С. 9].

Из документов, пересылаемых саратовскими властями, Лорис-Меликов узнал о проблеме Глебучева оврага как главной язве городского пространства и о том, что бесплодные попытки ее решения насчитывали уже восемь лет. Основываясь на необходимости ликвидировать вредные в санитарном отношении явления, 21 марта 1879 г. он прислал думе «предложение», имевшее, по сути, характер распоряжения, следующего содержания: «1) Переселить жителей Глебучева оврага в кратчайший срок на другие места, освободив таким образом весь овраг от всяких построек; 2) Отвести теперь же переселенцам Глебучева оврага бесплатно городские участки земли в черте планных кварталов, выдав им из городских сумм вспомоществование, обеспечивающее их переселение; 3) Место нынешних построек в овраге засадить деревьями, устроив общественный сад или рощу, что в гигиеническом отношении будет, в свою очередь, иметь немаловажное значение» [13. С. 123–124] (рис. 1). Любопытно, что, выдвигая думе столь серьезные требования, генерал-губернатор в то же время отмечал ее постоянные заботы об улучшении санитарного состояния Саратова и хвалил за полезную деятельность по оздоровлению городского пространства. Именно за такой стиль общения с нижестоящими учреждениями Лорис-Меликова в историографии зачастую именуют «бархатным диктатором».

Предписание изначально носило невыполнимый характер. Принимая во внимание, что у города совершенно отсутствовали свободные средства на такое грандиозное мероприятие, переселить 15–20 тыс. человек, проживавших на территории оврага и по его склонам, в короткие сроки было абсолютно нереально. Это прекрасно осознавали люди, входившие в состав

городского самоуправления. Тем не менее дума избрала новую комиссию из 10 человек «для скорейшего и окончательного разрешения вопроса», поручив ей составить подробную опись и оценку всех находящихся в овраге построек с определением расходов на переселение на новые места. Подтверждалось действие постановления 1873 г., гарантировавшего от муниципалитета пособие в размере 25% от оценки существующих построек всем «недостаточным» жителям, которые захотят немедленно переселиться на отведенные ранее места [13. С. 127]. Учитывая ветхость строений, данные суммы оказались чрезвычайно малы.

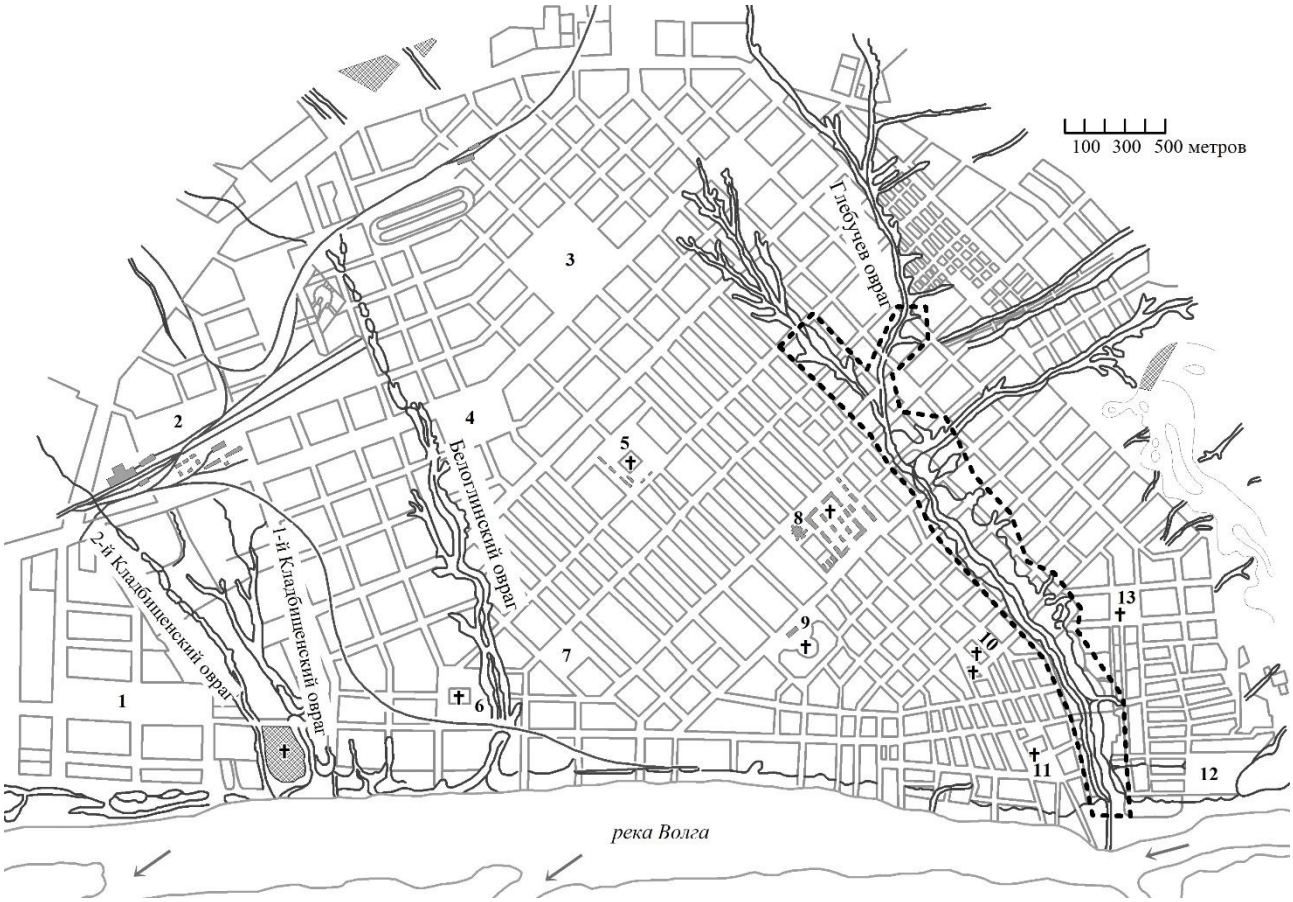


Рис. 1. Схема города Саратова конца XIX в. Пунктиром показан предполагаемый к выселению район Глебучева оврага. Цифрами обозначены площади: *1* – Дегтярная, *2* – Ямская, *3* – Московская, *4* – Полтавская, *5* – Митрофаньевская, *6* – Ильинская, *7* – Плац-парад, *8* – Хлебная (Театральная), *9* – Соборная, *10* – Михаило-Архангельская (Горянская), *11* – Старособорная (Музейная), *12* – Соляная, *13* – Духосошественская

Давление со стороны генерал-губернатора заставляло городские власти активизировать свою деятельность в сфере общественной гигиены. «Полиция, – сообщает в своих мемуарах один из гласных думы, – металась по городу, составляя акты и протоколы о разных санитарных безобразиях. Мировые судьи были завалены этими актами и протоколами, которые должны были рассматривать срочно, вне очереди. Думские комиссии с участием чинов полиции и представителей врачебного отделения губернского правления и городовых врачей осматривали рынки, заводы, фабрики, ночлежные дома и даже... дома терпимости и проч. Убирались, чистились, подтягивались...» [24. С. 100].

Но вся эта санитарная суматоха довольно быстро закончилась, поскольку вспышку чумы удалось локализовать, после чего блестяще справившийся с задачей Лорис-Меликов в апреле 1879 г. отправился руководить Харьковской губернией. Что касается Глебучева оврага, то единственным последствием генерал-губернаторского предписания стало переселение еще 23 семейств в течение 1879–1881 гг. Учрежденная для этой цели комиссия оказалась «мертворожденной». Какие-либо свидетельства ее практической работы невозможно обнаружить в протоколах думы ни за 1879 г., ни за последующие годы. Отъезд «бархатного диктатора» позволил городским властям вернуть вопрос в то состояние, в котором он находился до начала чумной эпидемии, т.е. отложить в долгий ящик.

Спокойствию, с которым городская дума продолжала взирать на овражную проблему, очевидно, способствовал тот факт, что во время эпидемии чумы заболеваний в Саратове так и не было зафиксировано, а карантинные меры ограничились учреждением наблюдательного поста в четырех верстах от города [25. С. 40].

Тем не менее и после окончания бурного «чумного» периода муниципалитет периодически возвращался к вопросу о Глебучевом овраге. Управа в 1881 г. констатировала, что отсутствие эффективного решения о выселении его жителей связано главным обра-

зом с отсутствием средств для переноса построек на бесплатно отводимые места, а не с нежеланием населения подчиниться требованиям полиции. В этих условиях переселение беднейших обывателей могло быть проведено лишь при возведении жилищ на новых местах за счет властей. Для 255 наиболее бедных семейств по разным подсчетам требовалось от 76 до 113 тыс. руб. В качестве источника средств рассматривался вспомогательный капитал Общественного банка, но оказалось, что его средства уже назначены на постройку Радищевского музея и железной дороги [11. С. 12–14].

В 1880-е гг. работа по расселению оврага почти не велась, поскольку ей препятствовали сопротивление местных жителей и отсутствие у муниципалитета необходимых средств. Важное место занимало нежелание овражного населения идти навстречу городским властям. Расход на полное расселение, по самым скромным подсчетам думы, оценивался в 60 тыс. руб. (очевидно имелась в виду 25%-ная компенсация домовладельцам), и такая сумма, безусловно, могла быть найдена в городском бюджете, составлявшем около 700 тыс. руб. в год. Но люди не хотели покидать насиженные места и переезжать на окраину, отдаленную от главных торговых пунктов и городского водопровода, да еще и без полной компенсации расходов. К 1887 г. «с помощью различных комбинаций» из оврага были выселены обитатели лишь 25 домов, тогда как располагалось в нем еще 400 жилищ [26. С. 394]. Более того, даже такой незначительный результат нивелировался тем, что муниципалитет фактически позволял обывателям продолжать застройку проблемной территории. Такая возможность существовала из-за слабого контроля должностных лиц городского самоуправления за данной сферой, а возможно, и их сознательного попустительства.

Характерный случай произошел в конце 1880-х гг. 17 июля 1887 г. думой рассматривалось ходатайство мещанки Н.Ф. Недокуневой, просившей разрешения возвести несколько флигелей на принадлежащем ей в овраге дворовом месте, оформленном в собственность крепостным актом. Гласные постановили: «Впредь до принятия общих мер по урегулированию Глебова оврага допустить перестройки и поправки строений на крепостных полномерных местах, но всякий раз с особого разрешения городской управы» [26. С. 396]. Речь шла именно о ремонте существующих строений, но не о создании новых. Однако, делая выписку из протокола для технического отделения управы, секретарь допустил ошибку и слово «перестройки» превратилось в «постройки», что означало разрешение думы на возведение новых зданий. Служащие технического отделения, призванного наблюдать за сферой городской планировки и застройки, не могли не знать о негативном отношении муниципалитета к существованию дворов в Глебучевом овраге. Главой технического отделения и одновременно гласным думы являлся городской архитектор А. М. Салько, прекрасно осведомленный обо всех нюансах проблемы. Тем не менее, исходя из формального решения думы, появившегося только благодаря канцелярской ошибке, он и его подчиненные в течение более чем двух лет допускали продолжение застройки овражной территории. Только в ноябре 1890 г., когда дело вновь попало на обсуждение думы, был подтвержден запрет на создание в овраге новых строений [27. С. 664–666].

На повышение плотности застройки в овраге наслаивалась проблема ежегодного увеличения его использования для нужд канализационного стока. Так, в 1885 г. владелец одной из гостиниц просил у думы разрешения устроить сточную трубу в овраг. Рассматривая это дело, отцы города «вдруг» выяснили, что уже существуют подобные трубы, ведущие от многих частных гостиниц и торговых бань, а также от городского корпуса мясных лавок. Гласные опять приняли постановление, фактически исключавшее решение проблемы: вопрос о ходатайстве оставить открытым и собрать сведения о всех существующих сточных трубах, проведенных в Глебучев овраг – «когда, с чьего разрешения и каким способом устроены эти трубы, не представляются ли они вредными в гигиеническом отношении и возможно ли на будущее время допускать существование этих труб» [28. С. 424–427].

В таких условиях санитарное состояние оврага ухудшалось из года в год и продолжало оказывать пагубное влияние на все городское пространство. Согласно исследованию врача И.Н. Буховцева, смертность в Саратове (как общая, так и от инфекционных болезней) в середине 1880-х гг. была выше, чем в крупнейших городах Европы и России. Общий показатель смертности на тысячу жителей в 1885 г. составлял 45,3 чел., в 1886 г. – 36,7 чел. Причины такого явления Буховцев видел в неблагоприятных санитарных особенностях городской территории (неслучайно наибольший процент смертности давали районы, прилегающие к Глебучеву оврагу), отсутствии налаженной системы удаления нечистот и невежестве населения по части гигиенических правил [29. С. 155, 157].

Весной 1897 г. ожидалось прибытие в Саратов сенатора В.И. Лихачева, проводившего осмотр санитарного состояния Поволжья в рамках мероприятий Комиссии о предупреждении занесения в Империю чумной заразы и борьбе с нею. Городская дума в апреле 1897 г. поручила управе и санитарной комиссии подготовить проект упорядочения Глебучева оврага, разрешив экстренные расходы на санитарные мероприятия. Город был разделен на санитарные участки, где создавались попечительства с санитарно-врачебными полномочиями, кроме того, нанимались особые надзиратели за оврагами. Перед сенатором предполагалось ходатайствовать о сносе построек в оврагах по праву принудительной экспроприации занятой земли [30, 31].

По итогам своей инспекции сенатор подготовил отчет, в котором особое внимание уделил Глебучеву оврагу, подчеркнув его роль как «первого рассадника эпидемий», а средством борьбы с этим злом назвал выселение более чем 500 семейств. «Но сделать какое-либо распоряжение для исполнения такой меры я не счел себя в праве, – отмечал В. Лихачев, – за отсутствием в отечественных законах разрешения на отчуждение частной собственности, представляющей вред и опасность для общественного здоровья, как это

установлено некоторыми законодательствами иностранными» [32. С. 12].

На рубеже XIX–XX вв. в районах саратовских оврагов проживало почти 30 тыс. чел., из них в Глебучевом овраге и вблизи него – около 20 тыс. [33. С. 23] В 1900 г. городским архитектором в самом овраге зафиксировано более 500 жилых зданий и до 3 тыс. жителей, для переселения которых, по его оценке, понадобилось бы не менее 200 тыс. руб. Дальнейшая засыпка оврага и благоустройство оценивались почти в 2,5 млн руб. [11. С. 26–28]. Таких средств город, безусловно, не мог выделить. В результате к 1917 г. в Глебучевом и Белоглинском оврагах находилось уже до 1 тыс. домов с более чем 5 тыс. жителей [10. С. 57].

Подводя итог исследованию, можно заключить, что с 1870-х гг. врачебно-санитарное дело стало относиться к сфере городского самоуправления и первоначально воспринималось им как новое обременение бюджета. При очередном появлении эпидемий все мероприятия сводились к выставлению кордонов и полицейского контроля во избежание заноса болезни извне; по мере же их затухания практически все действия прекращались. Подобные меры отличались низкой эффективностью во многом потому, что главная причина эпидемий, по мнению врачей, состояла «в крайней бедности, в невозможных гигиенических условиях, в которых живет население» [15. С. 10].

Центральная власть во время чумы 1878–1879 гг. продемонстрировала свою заинтересованность в проведении долгосрочных профилактических санитарных мер для улучшения санитарного состояния территории и здоровья населения в Нижнем Поволжье. Пришло осознание важности оздоровления региона для всего государства [34. P. 102]. Эффективность действий властей в момент кризиса подвергается сомнению, так как, по существу, локальная проблема из-за некомпетентности и нехватки реальной власти у местных чиновников приобрела национальный и международный масштаб и с определенного времени могла быть решена только на самом высоком уровне [35. С. 110]. Краткосрочное пребывание Лорис-Меликова в регионе все же дало положительные результаты. Чума 1878–1879 гг. не только привела к экстренным действиям, но «заставила подумать и о необходимости постоянных мероприятий» [36. С. 385]. Однако отсутствие четких нормативов и неопределенность закона не позволили в имперский период существенно уменьшить загрязнение окружающей среды, но в то же время значительно возросла гигиеническая осведомленность населения [37. P. 208–209].

Стоит отметить, что исторический шанс на решение проблемы Глебучева оврага в Саратове был упущен во многом из-за банальной несогласованности действий коронной власти и местного самоуправления. Одним из главных препятствий оказалось отсутствие у города необходимых финансовых средств на расселение. В то же время Лорис-Меликов имел в своем распоряжении огромную сумму в 4 млн руб., из которых потратил на борьбу с эпидемией всего около трехсот тысяч. Саратовская городская дума по каким-то причинам не решилась напрямую просить денежной помощи, а государство не догадалось эту помощь предложить.

Городской врач П.Н. Соколов, подытоживая дискуссии конца XIX в. о проблемах оврагов в Саратове, отмечает неизменную логику гласных городской думы, по которой «прежде чем что-либо делать, необходимо выселить жителей, а так как этого сделать мы не в состоянии, то и говорить об этом не стоит». Бездействие властей в сфере улучшения условий жизни населения городских окраин связывалось им с отсутствием представительства социальных низов в органе местного самоуправления, причиной чего он называет «злосчастный имущественный ценз» [33. С. 28–29]. В итоге другой врач, И.Н. Матвеев, резюмировал в 1907 г.: «Скоро будет уже 40 лет, как вся деятельность городского управления по этому вопросу сводится почти только к знакомству с топографией оврагов и постоянной переписке с губернской администрацией, – но решительных мер по упорядочению оврагов никаких не предпринималось» [11. С. 1].

Список источников

1. Patterson K.D. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923 // Social Science & Medicine. 1994. Vol. 38, № 9. P. 1171–1191.
2. Матвеев И.Н. Санитарные очерки берега Волги у Саратова. СПб., 1906. 56 с.
3. Cohn S. Fear and the Corpse: Cholera and Plague Riots Compared // Histories of Post-Mortem Contagion. Medicine and Biomedical Sciences in Modern History. Cham : Palgrave Macmillan, 2018. P. 55–81.
4. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М. : Центрполиграф, 2004. 987 с.
5. Мазаник А.В. «Культурный поворот» и российская историческая урбанистика // Прошлый век. М.: ИНИОН РАН, 2013. Вып. 1. С. 223–240.
6. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.
7. Памятная книжка Саратовской губернии. 19 февраля 1880 года. Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. Саратов : тип. губернского правления, 1880. 530 с.
8. Краснодубровский С.С. Рассказ про старые годы Саратова. Саратов : тип. губернского земства, 1891. 34 с.
9. Гераклитов А.А. Саратов. Краткий исторический очерк. М. ; Саратов : Изд-во В.З. Яксанова, 1923. 35 с.
10. Уткин А. Итоги деятельности Саратовского городского самоуправления по техническому отделению в дореволюционное время // Известия Саратовской городской думы. 1917. № 1. С. 49–64.
11. Матвеев И.Н. Глебучев овраг (1871–1906 гг.). Саратов : типо-лит. С.М. Панина, 1907. 51 с.
12. Z. Перемены и улучшения в Саратове в течение последнего шестилетия // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 г. Саратов : тип. Саратовского губернского правления, 1860. Отд. III. С. 11–13.
13. Протоколы Саратовской городской думы (ПСГД) за 1879 г. Саратов : тип. газеты «Волга», 1880.
14. Ковалев М.В., Шешнёв А.С. Факторы развития и распространения холерных заболеваний в Саратове (конец XIX – начало XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 1. С. 55–62.
15. Матвеев И.Н. Г. Саратов в санитарном отношении в 1906 году : отчет санитарного врача. Саратов : типо-лит. С.М. Панина, 1908. 246 с.
16. Соколов П.Н. О санитарном состоянии Саратовских оврагов Белоглинского и Глебучева // Саратовская земская неделя. 1905. № 3. С. 29–46.
17. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1387.

18. Состояние городского хозяйства в Саратове ко времени введения нового городского управления. Речь г[осподина] начальника губернии при открытии Саратовской городской управы. 6 апреля 1871 г. // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов : Саратов. губернский стат. комитет, 1872. Ч. 2. С. 117–123.
19. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4150.
20. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2053.
21. ПСГД за 1873 г. Апрель и май. Саратов : Тип. Саратовского справочного листка, 1873. 39 с.
22. Сборник изданных городскою думою обязательных для жителей г. Саратова постановлений в период времени с 23-го марта 1872 г. по 1-е января 1888 г. Саратов : типо-лит. Н.В. Петрова, 1888. 87 с.
23. Краткий обзор деятельности учебных, благотворительных, общественных и частных учреждений г. Саратова и Саратовской губернии в 1879 году / сост. И.П. Балабанов. Саратов : тип. Саратовского губернского правления, 1880. 180 с.
24. Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
25. Приложение к всеподданейшему отчету саратовского губернатора. Обзор губернии за 1879 год. Саратов : губ. тип., 1880. 44 с.
26. ПСГД за 1887 г. Саратов : типо-лит. Н.В. Петрова, 1888. 496 с.
27. ПСГД за 1890 г. Саратов : типо-лит. Н.В. Петрова, 1891. 848 с.
28. ПСГД за 1885 г. Саратов : тип. И.Т. Нерода, 1886. 1100 с.
29. Буховцев И.Н. Статистика смертности, рождаемости и браков по г. Саратову за 1886 г. // Вестник судебной медицины. 1887. Т. 4. С. 150–199.
30. Местная хроника // Саратовская земская неделя. 1897. № 15. С. 211–215.
31. Местная хроника // Саратовская земская неделя. 1897. № 16-17. С. 223–225.
32. Лихачев В.И. Всеподданнейший отчет сенатора Лихачева по командировке в Поволжские губернии. СПб., 1897. 116 с.
33. Соколов П.Н. О санитарном состоянии саратовских оврагов (окончание) // Саратовская земская неделя. 1905. № 4. С. 14–30.
34. Henze Ch.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. London ; New York : Routledge, 2011. 227 p.
35. Heilbronner H. The Russian Plague of 1878–79 // Slavic Review. 1962. Vol. 21, is. 1. P. 89–112.
36. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М. : Медгиз, 1960. 397 с.
37. Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 // Water History. 2018. Vol. 10, is. 2-3. P. 207–222.

References

1. Patterson, K.D. (1994) Cholera diffusion in Russia, 1823–1923. *Social Science & Medicine*. 9(38). pp. 1171–1191.
2. Matveev, I.N. (1906) *Sanitarnye ocherki berega Volgi u Saratova* [Sanitary essays on the banks of the Volga near Saratov]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Cohn, S. (2018) Fear and the Corpse: Cholera and Plague Riots Compared. In: Lynteris, C. & Evans, N. (eds) *Histories of Post-Mortem Contagion. Medicine and Biomedical Sciences in Modern History*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 55–81.
4. Itenberg, B.S. & Tvardovskaya, A.V. (2004) *Graf M.T. Loris-Melikov i ego sovremenniki* [Count M.T. Loris-Melikov and his contemporaries]. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Mazanik, A.V. (2013) “Kulturnyy povorot” i rossiyskaya istoricheskaya urbanistika [“ A cultural turn” and Russian historical urban studies]. *Proshlyy vek*. 1. pp. 223–240.
6. Malinova-Tziafeta, O.Yu. (2013) *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the city to the cottage: Sociocultural factors in the development of the country space around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
7. Saratov Provincial Statistical Committee. (1880) *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii. 19 fevralya 1880 goda. Adres-kalendar' i statisticheskospravochnye svedeniya* [The pamyatnaya knizhka (memorial book) of the Saratov province. February 19, 1880. Official directory and statistical reference information]. Saratov: Tip. gubernskogo pravleniya.
8. Krasnodubrovskiy, S.S. (1891) *Rasskaz pro starye gody Saratova* [The story about the old years of Saratov]. Saratov: Tipografiya gubernskogo zemstva.
9. Geraklitov, A.A. (1923) *Saratov. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Saratov. A brief historical outline]. Moscow, Saratov: V.Z. Yaksanov.
10. Utkin, A. (1917) Itogi deyatel'nosti Saratovskogo gorodskogo samoupravleniya po tekhnicheskomu otdeleniyu v dorevolyutsionnoe vremya [The results of the activities of the Saratov city government on the technical department in pre-revolutionary time]. *Izvestiya Saratovskoy gorodskoy dumy*. 1. pp. 49–64.
11. Matveev, I.N. (1907) *Glebuchev ovrag (1871–1906 gg.)* [The Glebuchev ravine (1871–1906)]. Saratov: S.M. Panin.
12. Z. (1860) Peremeny i uluchsheniya v Saratove v techenie poslednego shestiletiya [Changes and improvements in Saratov over the past six years]. *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii na 1860 g*. III. pp. 11–13.
13. Saratov City Council. (1880) *Protokoly Saratovskoy gorodskoy dumy (PSGD) za 1879 g.* [Protocols of the Saratov City Council (PSGD) for 1879]. Saratov: Tipografiya gazety “Volga.”
14. Kovalev, M.V. & Sheshnev, A.S. (2017) Faktory razvitiya i rasprostraneniya kholernykh zabolevaniy v Saratove (konets XIX – nachalo XX veka) [Factors of cholera development and dissemination in Saratov (late 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 1. pp. 55–62.
15. Matveev, I.N. (1908) *G. Saratov v sanitarnom otnoshenii v 1906 godu. Otchet sanitarnogo vracha* [The sanitary situation in Saratov in 1906. Report of the sanitary doctor]. Saratov: S.M. Panin.
16. Sokolov, P.N. (1905) O sanitarnom sostoyanii saratovskikh ovragov Beloglinskogo i Glebucheva [About the sanitary condition of ravines Beloglinskiy and Glebuchev in Saratov]. *Saratovskaya zemskaya nedelya*. 3. pp. 29–46.
17. The State Archive of Saratov Region (GASO). Fund 1. List 1. File 1387.
18. Anon. (1872) Sostoyanie gorodskogo khozyaystva v Saratove ko vremeni vvedeniya novogo gorodskogo upravleniya. Rech' g[ospodina] nachal'nika gubernii pri otkrytii Saratovskoy gorodskoy upravy. 6 aprelya 1871 g. [The state of urban economy in Saratov at the time of the new city administration. A speech by the Governor at the opening of the Saratov City Government. April 6, 1871]. *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii na 1872 g*. 2. pp. 117–123.
19. The State Archive of Saratov Region. Fund 3. List 1. File 4150.
20. The State Archive of Saratov Region. Fund 1. List 1. File 2053.
21. The Saratov City Council. (1873) *PSGD za 1873 g. Aprel' i may* [PSGD for 1873. April and May]. Saratov: Saratovskiy spravochnyy listok.
22. The Saratov City Council. (1888) *Sbornik izdannykh gorodskoyu dumoyu obyazatel'nykh dlya zhiteley g. Saratova postanovleniy v period vremeni s 23-go marta 1872 g. po 1-ye yanvarya 1888 g.* [A collection of binding decisions by the City Duma for the Saratov residents from March 23, 1872, to January 1, 1888]. Saratov: N.V. Petrov.
23. Balabanov, I.P. (1880) *Kratkiy obzor deyatel'nosti uchebnykh, blagotvoritel'nykh, obshchestvennykh i chastnykh uchrezhdeniy g. Saratova i Saratovskoy gubernii v 1879 godu* [A brief review of the activities of educational, charitable, public, and private institutions in Saratov and Saratov province in 1879]. Saratov: Saratov Provincial Government.
24. Slavin I.Ya. (2013) *Minuvshee – perezhitoe. Vospominaniya* [The Past and Bygone. Memories]. Saratov: KnigoGrad.
25. The Saratov Provincial Statistical Committee. (1880) *Prilozhenie k vsepoddaneyshemu otchetu saratovskogo gubernatora. Obzor gubernii za 1879 god* [Appendix to the Most Faithful Report of the Saratov Governor. Overview of the province for 1879]. Saratov: Gubernskaya tipografiya.

26. The Saratov City Council. (1888) *PSGD za 1887 g.* [PSGD for 1887]. Saratov: N.V. Petrov.
27. The Saratov City Council. (1891) *PSGD za 1890 g.* [PSGD for 1890]. Saratov: N.V. Petrov.
28. The Saratov City Council. (1886) *PSGD za 1885 g.* [PSGD for 1885]. Saratov: I.T. Nerod.
29. Bukhovtsev, I.N. (1887) Statistika smertnosti, rozhdaemosti i brakov po g. Saratovu za 1886 g. [Statistics of mortality, fertility, and marriages in Saratov for 1886]. *Vestnik sudebnoy meditsiny*. 4. pp. 150–199.
30. Anon. (1897a) Mestnaya khronika [Local Chronicle]. *Saratovskaya zemskaya nedelya*. 15. pp. 211–215.
31. Anon. (1897b) Mestnaya khronika [Local Chronicle]. *Saratovskaya zemskaya nedelya*. 16–17. pp. 223–225.
32. Likhachev, V.I. (1897) *Vsepoddanneyshiy otchet senatora Likhacheva. Po komandirovke v Povolzhskiye gubernii* [The most faithfil report of Senator Likhachev. On a business trip to the Volga region]. St. Petersburg: [s.n.].
33. Sokolov, P.N. (1905) O sanitarnom sostoyanii saratovskikh ovragov (okonchanie) [About sanitary condition of ravines in Saratov (the ending)]. *Saratovskaya zemskaya nedelya*. 4. pp. 14–30.
34. Henze, Ch.E. (2011) *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914*. London; New York: Routledge.
35. Heilbronner, H. (1962) The Russian Plague of 1878–79. *Slavic Review*. 1(21). pp. 89–112.
36. Vasilyev, K.G. & Segal, A.E. (1960) *Istoriya epidemiy v Rossii (materialy i ocherki)* [The history of epidemics in Russia (materials and essays)]. Moscow: Medgiz.
37. Mazanik, A. (2018) Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917. *Water History*. 2–3(10). pp. 207–222.

***Сведения об авторах*:**
Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: zaytsev-mv@mail.ru
Шешнёв Александр Сергеевич – кандидат географических наук, заведующий лабораторией геоэкологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: sheshnev@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zaitsev Maxim V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History and Archaeology of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: zaytsev-mv@mail.ru
Sheshnev Alexander S. – Candidate of Geographical Sciences, Head of the Laboratory of Geoecology of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: sheshnev@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 02.12.2019; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94(41/99)
doi: 10.17223/19988613/85/5

Церковно-приходские библиотеки Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в.

Юрий Юрьевич Иерусалимский[1], Светлана Юрьевна Иерусалимская[2], Герман Павлович Харитонов[3]

[1, 2, 3] Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
[1] osniyar@uniyar.ac.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru
[3] 89159863968@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности церковно-приходских библиотек Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. В основе исследования лежит анализ сведений о церковных библиотеках, содержавшихся в ежегодных рапортах благочинных Ярославской епархии. Делается вывод, что церковно-приходские библиотеки внесли существенный вклад в интеллектуальное развитие и духовно-нравственное воспитание паствы, способствовали популяризации чтения среди широких слоев населения.

Ключевые слова: церковно-приходские библиотеки, духовные библиотеки, Русская православная церковь, Ярославская епархия, социокультурная деятельность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01231, https://rscf.ru/project/22-28-01231/

Для цитирования: Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю., Харитонов Г.П. Церковно-приходские библиотеки Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 39–46. doi: 10.17223/19988613/85/5

Original article

Parish libraries of the Yaroslavl diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries

Yuri Yu. Ierusalimskiy[1], Svetlana Yu. Ierusalimskaya[2], German P. Haritonov[3]

[1, 2, 3] P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
[1] osniyar@uniyar.ac.ru
[2] osniyar@uniyar.ac.ru
[3] 89159863968@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the activities of the parish libraries of the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th - early 20th centuries. The main sources for the study of parish libraries were the reports by the deans of the church districts of the Yaroslavl diocese with information about church libraries, stored in the funds of the State Archives of the Yaroslavl Region. These reports were annually delivered to the Theological Consistory for the compilation of diocesan records and further forwarding to the Holy Synod. The obligation to compile such statements was established by the circular of the Holy Synod dated by January 28, 1869, regarding the delivery of information about parish trustees and church libraries.

Based on the analysis of archival sources and materials of the regional periodicals, the article examines the main characteristics of parish libraries: the size and composition of funds, sources of funding, categories of users. The classification of libraries depending on the size of funds and areas of activity is given. Particular attention is paid to full-fledged public church libraries, the collections of which numbered several hundred books, and the subjects of publications went beyond the scope of theological literature.

The authors come to the conclusion that the creation and functioning of parish libraries was a common phenomenon in the socio-cultural activities of the Yaroslavl diocese in the late 19th - early 20th centuries. Small book collections of liturgical books were available in every church. Full-fledged libraries with a variety of subject-matter books were rarer, but nonetheless common. The parish libraries made a significant contribution to the intellectual development and spiritual and moral education of the flock, and contributed to the popularization of reading among the general population. Thus,

© Ю.Ю. Иерусалимский, С.Ю. Иерусалимская, Г.П. Харитонов, 2023

church libraries developed active spiritual and educational activities, were the most important cultural and educational centers for the parish population.
Keywords: parish libraries, spiritual libraries, Russian Orthodox Church, Yaroslavl diocese, social and cultural activities

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01231, https://rscf.ru/en/project/22-28-01231/

For citation: Ierusalimskiy, Yu.Yu., Ierusalimskaya, S.Yu., Haritonov, G.P. (2023) Parish libraries of the Yaroslavl diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 39–46. doi: 10.17223/19988613/85/5

Во второй половине XIX в. как позитивное следствие либеральных реформ Александра II во всех слоях российского общества значительно возрастает интерес к образованию, культуре, приобщению к достижениям современной науки и техники, самообразованию и саморазвитию, причем не только интеллектуальному, но и духовному. Этому процессу способствовали расширение сети духовных и светских образовательных учреждений, заметное развитие книгоиздательской деятельности и книжной торговли, появление как центральных, так и провинциальных научных обществ, активная деятельность губернских и уездных земств в области народного образования, благотворительность меценатов.

Весомый вклад в повышение образовательного и культурного потенциала российского общества, духовно-нравственное воспитание население вносила Русская православная церковь. Под ее эгидой действовала сложная разветвленная система духовных образовательных учреждений: от начальных церковно-приходских школ до духовных семинарий и академий; синодальной типографией и местными епархиями велась активная издательская деятельность, церковными обществами и отдельными духовными деятелями проводилась широкая по охвату направлений и тем научная, просветительская и образовательная деятельность. Городские и сельские храмы являлись важнейшими центрами духовной и культурной жизни в российской провинции. При церквях и соборах открывались церковно-приходские школы и училища, здесь же, в стенах храмов, образовывались церковные библиотеки, которые нередко являлись единственными книжными собраниями в округе.

Изучение библиотечного аспекта в социокультурной деятельности Русской православной церкви ведется на протяжении нескольких последних десятилетий. Значительный вклад в разработку данной темы внесла исследователь С.П. Фунтикова. Ее диссертационное исследование, учебное пособие и статьи подробно освещают вопросы становления и функционирования библиотек духовного ведомства, в том числе и церковно-приходских (см.: [1; 2. С. 60–95; 3] и др.). Духовные библиотеки Русской православной церкви в сравнении с другими типами библиотек, а также вклад церкви в развитие библиотечного дела в Российской империи изучил в фундаментальном труде М.Ю. Матвеев [4]. Кроме того, в настоящее время активно исследуется региональная специфика деятельности православных библиотек, находившихся в ведении духовного ведомства [5–9]. Весомый вклад в изучение библиотек духовных образовательных учреждений Поволжья – семинарии, епархиальных училищ и церковно-приходских школ – внесла С.Ю. Иерусалимская [10].

В то же время следует отметить, что внимание исследователей было сосредоточено в первую очередь на библиотеках духовных учебных заведений и монастырей, которые являлись наиболее крупными и значимыми книжными собраниями в провинции. Наименее изученными на данный момент остаются благочинические и церковно-приходские библиотеки, действовавшие преимущественно в сельской местности и оказывавшие большое просветительское и духовно-нравственное влияние на духовенство и крестьянское население. Эти виды духовных библиотек и являются основным предметом исследования в данной статье.

Традиции церковно-приходских библиотек Ярославской епархии, в том числе учебного типа, были заложены в XVIII – первой половине XIX в. Так, в середине XIX в. стали создаваться библиотечные фонды при приходских училищах. Подобные библиотеки имелись во всех сельских образовательных учреждениях, подведомственных Ярославской епархии (см.: [11. Л. 1; 12. Л. 2] и др.).

К концу XIX в. в Российской империи процесс создания церковных библиотек находился на пике. К 1895 г. в стране насчитывалось 23 369 духовных библиотек, отличавшихся значительным видовым многообразием [13. С. 106]. По классификации С.А. Фунтиковой, среди действовавших в рассматриваемый период духовных библиотек можно выделить следующие: 1) библиотеки при центральных духовных учреждениях (например, Синодальная библиотека); 2) монастырские библиотеки; 3) епархиальные и благочинические (окружные) библиотеки; 4) церковно-приходские (храмовые); 5) библиотеки при духовных учебных заведениях (библиотеки духовных академий, семинарий, епархиальных училищ, церковно-приходских и воскресных школ); 6) библиотеки духовных просветительских и благотворительных обществ и братств; 7) личные библиотеки известных священнослужителей [3].

В Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в. действовали все вышеперечисленные виды духовных библиотек, за исключением академических, что объясняется отсутствием в епархии подобного типа высшего духовного образовательного учреждения. Кроме того, в отличие от ряда других епархий, в Ярославской не сформировалось епархиальной библиотеки, а ее функции фактически выполняла библиотека Ярославской духовной семинарии [14].

Святейший Синод Русской православной церкви, осознавая значимость духовных библиотек в распро-

странении образования и духовно-нравственном просвещении как прихожан, так и членов церковных причтов, принимал меры к побуждению местных архиереев и священнослужителей к более широкому распространению церковных библиотек, призывая создавать их повсеместно. Еще в 1832 г. Святейший Синод предписал всем епархиям иметь при каждой церкви определенный набор духовных книг. В 1861 г. этот список был дополнен новыми изданиями. В рамках исполнения циркулярных предписаний Синода при приходских церквях постепенно начинают формироваться книжные собрания, содержавшие преимущественно богословскую литературу [15. С. 97].

Статистические сведения о распространении духовных библиотек в епархиях Русской православной церкви ежегодно публиковались в Отчете обер-прокурора Святейшего Синода. В отчете за 1868 г. отмечалось, что в Ярославской епархии церковные библиотеки существуют при 872 церквях, а общее количество книг в них простирается до 170 190 томов. Из приведенных в отчете данных можно составить представление и о размерах фондов данных библиотек. Так, подавляющее большинство (75%) содержало в себе не более 100 томов, и лишь в около 200 библиотеках (25%) количество книг варьировало от 100 до 300, в двух библиотеках насчитывалось 632 книги и в одной 1 648 [16. С. 127].

Динамика численности церковных библиотек Ярославской епархии по данным Всеподданнейших отчетов обер-прокурора Святейшего Синода

Годы		1870	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905	1910	1914
Состояло к началу года	При церквях	872	872	872	872	877	877	912	877	877	877
	При благочинных округах	4	4	5	7	8	10	11	11	11	9
Учреждено вновь	При церквях	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	При благочинных округах	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1
Итого		876	876	877	880	885	888	923	888	888	887

Примечание. Таблица составлена по: [13. С. 152–153; 17. С. 122–123; 18. 118–119; 19. С. 118–119; 20. 116–117; 21. С. 104–105; 22. С. 60–61; 23. С. 78–79; 24. С. 16–17; 25. С. 18–19].

Выборка статистических данных по Ярославской епархии показывает, что начиная с 1870-х гг. число духовных библиотек почти не изменялось вплоть до начала XX в. (таблица). Приведенные в отчетах сведения, их неизменяемость год от года, дают основания предполагать о формальном подходе служащих Ярославской консистории к подсчету существовавших в епархии библиотек. За основу бралось предположение, что библиотеки априори существуют при каждом церковном приходе. Подтверждение этому находим в епархиальном отчете за 1883 г., где прямо отмечалось, что библиотеки существуют при каждой церкви [26. Л. 20]. Отчасти подобный подход при подсчете библиотек был оправдан. Ведь необходимое для совершения богослужений минимальное число церковных книг имелось в каждом храме. Однако подобное собрание, насчитывающее порой 20–30 книг, нельзя считать полноценной библиотекой. Известно, что при сборе сведений из епархий о количестве церковных библиотек Святейший Синод не давал местным церковным властям никаких разъяснений относительно обязательных критериев для выделения подобных церковных библиотек. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой отсутствия объективных статистических данных, характеризующих количество и размеры церковных библиотек в Ярославской епархии.

Компенсировать недостаток сведений официальной церковной статистики помогают архивные источники, а именно рапорты благочинных церковных округов Ярославской епархии со сведениями о церковных библиотеках. Данные рапорты ежегодно доставлялись в Духовную консисторию для составления общеепархиальных ведомостей для дальнейшей отсылки в Святейший Синод. Обязанность составления подобных ведомостей была установлена циркуляром Святейшего Синода от 28 января 1869 г. относительно доставления сведений о церковно-приходских попечительствах и церковных библиотеках [27. С. 69–70]. Форма требовала от благочинных указания числа состоящих в округе церковных и благочиннических библиотек и отдельно числа библиотек, вновь открытых в течение прошедшего года. Кроме того, рекомендовалось дополнять обязательные сведения описаниями наиболее примечательных библиотек и сообщениями о значительных пожертвованиях на их развитие.

В фондах Государственного архива Ярославской области были выявлены рапорты благочинных за 1870–1910-е гг. При рассмотрении данных рапортов мы вновь сталкиваемся с проблемой определения понятия «библиотека» уже не на уровне консистории, а среди благочинных и приходского духовенства. Так, в ряде рапортов благочинными заявлялось о полном отсутствии библиотек в церковном округе, в других, напротив, наличие библиотек приписывалось всем храмам благочиния несмотря на то, что их «фонды» состояли исключительно из богослужебных книг и не превышали 20–30 наименований. Некоторые наиболее ответственные благочинные, пытаясь внести в свой отчет ясность, присылали более развернутые рапорты, содержавшие подробные описания существующих церковных книжных собраний. Например, благочинный 2-го благочиннического округа в городе Ростове сообщал: «…при всех приходских церквях… имеются небогатые библиотеки, состоящие из необходимых книг для отправления богослужения в течение годового круга, но систематически организованных библиотек нет» [28. Л. 13].

Анализ рапортов благочинных позволяет выделить три категории церковно-приходских библиотек, распространенных в Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в. К первой категории относились немногочисленные собрания исключительно

богослужебных книг, необходимых для проведения церковных служб. Такие библиотеки имелись повсеместно, являясь частью обязательного для любого храма набора церковных предметов и утвари. Они редко пополнялись новыми изданиями и по этой причине не могли удовлетворить запросы читателей из среды прихожан и священнослужителей.

Характерное описание подобного типа библиотек в своем рапорте привел благочинный 3-го округа Романово-Борисоглебского уезда: «Церковные библиотеки округа находились в 1908 г. совершенно в том же положении, что и в предшествующие годы, то есть они продолжали существовать, книги, занесенные в церковную опись, сохранялись на том же месте, что и 20–30 лет тому назад, и большей частью (или, вернее, за очень малым исключением) ни разу за это время не потревоженные. Библиотеки только продолжали “существовать”, но давно не функционируют. Ни духовенство, ни паства ими почти не пользуются» [28. Л. 17]. Таким образом, такие немногочисленные собрания богослужебных книг, имевшиеся в каждом храме, вряд ли в полной мере стоит считать полноценной церковной библиотекой.

Ко второй категории следует отнести церковно-приходские библиотеки, в состав которых помимо богослужебных книг входили также книги богословского и духовно-нравственного содержания. Такие библиотеки выступали в качестве служебных и использовались исключительно представителями церковного причта, как правило, в целях самообразования. Прихожанам книги из таких библиотек для чтения не предоставлялись. К этой категории церковных библиотек относились и благочиннические библиотеки, которые открывались при храмах – центрах церковных округов епархии. Целью создания подобных библиотек являлось содействие духовному саморазвитию и самообразования священнослужителей, проживающих в пределах данного округа [2. С. 65].

Третья категория библиотек представляла собой полноценные библиотеки в полном понимании этого слова. Как правило, их собрания насчитывали несколько сотен книг, а тематика изданий выходила за рамки богословской литературы и была представлена изданиями по истории церкви, книгами духовно-нравственного содержания, русской классической литературой. Характерной особенностью подобных библиотек было наличие подписки на церковные журналы и газеты, которые пользовались большой популярностью у прихожан. К третьей категории библиотек следует отнести и противораскольнические библиотеки, создававшиеся преимущественно в местностях, в которых компактно проживали старообрядцы. Требование открытия подобных библиотек содержалось в циркуляре Святейшего Синода от 21 декабря 1892 г. [29. С. 316] По данным на 1913 г., в Ярославской епархии действовала 41 библиотека данного вида [30. Л. 66].

Рапорты благочинных показывают, что в Ярославской епархии преобладали первые две категории библиотек, тогда как библиотеки, относящиеся к третьей категории, являлись редкими исключениями. В 1894 г. в Ярославском уезде функционировало 13 подобных библиотек, в Мышкинском уезде – 14, в Мологском – 8, в Любимском уезде – 11, в Пошехонском уезде – 24, а в городе Любиме – 5 [9. С. 128].

Сведения из рапортов благочинных также позволяют проанализировать состав и тематическое направление книг, содержавшихся в церковных библиотеках. Так, общим для всех трех категорий перечисленных выше церковных библиотек являлось наличие богослужебных и богословских книг, творений Святых Отцов, Четьи Минеей святого Димитрия Ростовского, житий святых, сочинения П.И. Нечаева «Практическое руководство для священнослужителей». В некоторых храмах встречались единичные тома старых журналов и подшивки церковных и епархиальных газет, выписываемых по указанию епархиального руководства [30. Л. 15].

Закономерно, что подобные книги массовым спросом со стороны прихожан не пользовались. Благочинный 2-го округа Ростовского уезда сообщал, что «…книгами из церковных библиотек пользуются почти исключительно одни причты церквей, и лишь изредка только берутся Четьи Минеи Святителя Димитрия Ростовского» [31. Л. 10]. Некоторые благочинные справедливо отмечали, что по содержанию церковные библиотеки состоят из книг случайного подбора и страдают отсутствием изданий для народного чтения, а также работ, трактующих вопросы современной жизни с позиции церкви [30. Л. 52]. В то же время прогрессивные священнослужители, заинтересованные в развитии церковных библиотек, занимались пополнением собрания через покупку популярных книг, выписку газет и журналов, зачастую осуществляя это на личные весьма скромные средства [28. Л. 10]

В церковных библиотеках, отнесенных выше к третьей категории, состав книжных собраний был намного шире и многообразней, что обеспечивало их широкую популярность среди прихожан. Например, в открытой в 1907 г. в Ярославле Свято-Духовской церковно-приходской библиотеке им. Иоанна Златоуста почти четверть собрания составляли книги для детей, кроме того, в распоряжении читателей находились издания по истории, философии, более 160 томов журналов [32. Л. 13].

Фонд библиотеки постоянно пополнялся: с 360 томов в год открытия к 1915 г. он увеличился до 1 668 томов [32. Л. 5]. По данным на 1910–1911 гг. бесплатной церковной библиотекой пользовались 603 человека, в том числе 292 ребенка [32. Л. 8]. Другой ярославской приходской библиотекой, при храме Святого Симеона Столпника, насчитывавшей к 1913 г. 172 названия книг в 210 тома, активно пользовались учащиеся расположенной рядом с храмом мужской гимназии [30. Л. 54].

В Ростове в 1902 г. при Крестовоздвиженской церкви была создана библиотека-читальня ростовского духовенства. По каталогу к 1909 г. в библиотеке числилось 1 968 томов книг и 800 выпусков 36 наименований журналов. Библиотекой на условиях внесения ежегодного взноса размером 5 руб. пользовались священники города Ростова и преподаватели Ростовского Дмитриевского духовного училища. Без взимания платы за пользование библиотека была доступна для всех

учащихся церковных приходских школ Ростовского уезда [28. Л. 14].

Востребованные прихожанами богатые универсальные книжные собрания встречались и в сельских церковных библиотеках. В церковно-приходской библиотеке-читальне в селе Николо-Замошье Мологского уезда, открытой на средства приходского попечительства в 1899 г., к 1908 г. было накоплено внушительное по размерам книжное собрание, насчитывавшее 2 963 тома. При этом духовно-нравственная литература составляла менее половины фонда библиотеки (1 180 томов). Оставшуюся часть составляли беллетристика, книги по истории, географии, естествознанию, медицине, сельскому хозяйству, педагогике и праву, выписывалось 12 наименований журналов. Библиотекой постоянно пользовались 275 читателей [28. Л. 2]. В другой сельской церковной библиотеке-читальне, расположенной в селе Мормужино Пошехонского уезда, помимо книг религиозно-нравственного содержания имелись и сочинения популярных русских писателей [33. С. 776].

Таким образом, церковные библиотеки, не ограничивавшие свои фонды исключительно богословской литературой, регулярно пополнявшиеся новыми изданиями, журналами и газетами по самой широкой тематике, привлекали к себе читателей, становясь центрами духовной и культурной жизни как в городах, так и в сельской местности.

На протяжении всего рассматриваемого периода функционирования церковных библиотек остро стоял вопрос о их финансировании и пополнении фондов. Скудность книжных собраний была продиктована в первую очередь отсутствием централизованного финансирования деятельности библиотек со стороны епархиального начальства. Участие Духовной консистории ограничивалось лишь крайне редкими рассылками книг и брошюр во исполнение циркуляров Святейшего Синода и решений местного архиерея, при этом зачастую на приходских священников возлагалась обязанность полностью возместить стоимость этих изданий и расходы на их пересылку. Причтам бедных церквей разрешалось часть причитающегося взноса заимствовать из церковной суммы [34. Л. 1].

Следовательно, открытие и пополнение библиотек оставались заботой местных священнослужителей и церковно-приходских попечительств, вынужденных вкладывать в развитие библиотек собственные средства или искать дополнительные источники финансирования. В то же время в рапортах благочинных отмечалось, что зачастую искреннее желание приходских священников оформить подписку на газеты и журналы и пополнить библиотеку новинками литературы наталкивалось на противодействие старост храмов, в чьем распоряжении находились церковные средства. Старосты считали, что лучше потратить имеющиеся ограниченные денежные средства на ремонт и благоустройство храмов [28. Л. 45]. Более устойчивым в финансовом плане было положение благочинных библиотек, средства на содержание которых в обязательном порядке вносились всеми приходами церковного округа, однако и этих средств было недостаточно для регулярной закупки дорогостоящих изданий [28. Л. 10].

Пополнение фондов церковных библиотек осуществлялось и с помощью частных пожертвований, выражавшихся в форме дарения книг или предоставления денег на их покупку. Как правило, такие пожертвования были редкими и незначительными. Однако встречались примеры и крупных безвозмездных книжных даров, когда в собственность церковной библиотеки переходили целые собрания, насчитывавшие несколько сотен, а иногда и тысяч томов. Так, в 1879 г. коллежским советником, преподавателем Новгородской семинарии Георгием Семеновичем Горским для библиотеки Ильинской церкви села Бедарево Любимского уезда было пожертвовано 1 200 книг, принадлежавших раннее его брату архиепископу Херсонскому и Одесскому Ионикию [31. Л. 13]. Выбор церкви был неслучаен: в Бедареве служил отец архиепископа, в этих местах прошло его детство, и столь крупным даром жертвователь хотел увековечить память о родителях и брате [35. Л. 2].

Пожертвование Г.С. Горского не ограничилось лишь книгами. Для устройства библиотеки на собственные средства он соорудил каменную пристройку к храму в виде паперти, покрытой железом, в которой разместил 18 выкрашенных лаком деревянных шкафов для книг. Пристройка с мебелью и прочими приспособлениями для библиотеки обошлась меценату в 1 305 руб. Еще 1 000 руб. Г.С. Горский внес в качестве неприкосновенного капитала, проценты с которого должны были впредь использоваться для покупки новых книг и выписки газет и журналов [36. С. 222].

Обширное книжное собрание церковной библиотеки села Бедарево было систематизировано, все книги учтены в каталоге. Библиотека состояла из 9 отделов. Первый отдел включал в себя книги Священного писания на славянском и русском языках (54 тома), второй отдел – книги, касающиеся церковной археографии и патрологии (72), третий – книги богословского содержания (146), четвертый – книги по литургике, гомилетике, а также проповедническую литературу (143), пятый – книги по библейской и церковной истории (101), шестой отдел состоял из книг, относящихся к церковному праву (27), в состав седьмого отдела входили духовные журналы (22 наименования, 452 тома); восьмой отдел содержал книги, не принадлежащие к духовной литературе: по истории, археологии, географии, астрономии, медицине (38), 9 – смешанный – отдел включал в себя справочную литературу: месяцесловы, календари, памятные книжки (80 томов) [36. С. 222–223].

Церковная библиотека села Бедарево имела статус благочиннической библиотеки, поэтому главной целью ее деятельности являлось содействие самообразованию местного духовенства, но, несмотря на это, библиотека не пользовалась популярностью среди священнослужителей. Например, за 1884–1885 гг. услугами библиотеки воспользовались лишь восемь священников и один псаломщик, взяв в общей сложности всего 28 книг [36. С. 224].

Церковные библиотеки открывались не только при храмах и церковно-приходских школах. Стремясь использовать просветительское значение книги и чтения для моральной поддержки и духовно-нравственного

перевоспитания людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, священнослужители создавали библиотеки при благотворительных учреждениях. В 1900 г. по инициативе священнослужителей Ярославля, поддержанной архиепископом Ионафаном, при городском ночлежном доме была открыта библиотека-читальня под наблюдением священника Вознесенской церкви Николая Астрова [37. Л. 22]. На момент открытия в фонде библиотеки значилось 468 названий книг в 900 томах [38. С. 680–681].

Начиная с 1890-х гг. в Ярославской губернии под эгидой земства начался процесс создания народных библиотек-читален, которые открывались преимущественного при волостных правлениях и земских школах. Ярославское губернское земство со своей стороны стимулировало этот процесс выдачей денежных пособий [39]. Известно, что пособиями земства пользовались и некоторые церковно-приходские библиотеки [28. Л. 2].

В связи с резким увеличением численности народных библиотек и читален в 1890 г. министром внутренних дел были утверждены «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними» [40]. Церковные библиотеки под действие этого документа не попадали. Принятие решения об их открытии и надзор за ними по-прежнему осуществляло епархиальное начальство. При этом устанавливалось, что надзор за бесплатными народными читальнями возлагается на лиц учебного или духовного ведомства. Ввиду увеличивающегося с каждым годом количества вновь открываемых читален по предложению ярославского архиепископа в феврале 1888 г. было введено правило, по которому наблюдение за приобретением книг для народных читален, а также за чтениями с туманными картинами духовного содержания было возложено на местных священников [35. Л. 2]. Таким образом, законодательно священнослужители были вовлечены и в процесс создания народных библиотек.

Народные библиотеки и читальни обладали более светским по тематике изданий фондом и, ежегодно получая денежные пособия от земства, имели возможность расширять свои собрания, закупая новинки литературы. Некоторые приходские священники Ярославской епархии, осознавая, что церковные библиотеки не в состоянии конкурировать с народными библиотеками, начали передавать церковные книжные собрания народным библиотекам. Например, священник села Верхне-Никольского Мологского уезда Николай Израилев в 1901 г. подал рапорт ярославскому архиепископу, в котором просил разрешить ему передать во временное пользование в открывшуюся в селе библиотеку-читальню имеющиеся в церковной библиотеке книги: «12 книг житий святых Протопопова, 24 книги Троицких листков, Четьи Минеи за 12 месяцев Св. Димитрия, духовные журналы за прошедшие годы, проповеди и поучения… и другие полезные и удобопонятные для простого народа книги» [41. Л. 1].

Таким образом, создание и функционирование церковно-приходских библиотек являлось распространенным явлением в социокультурной деятельности Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. Небольшие книжные собрания богослужебных книг имелись в каждом храме. Полноценные же библиотеки с разнообразным по тематике книжным фондом действовали далеко не во всех приходах епархии, но в тех местностях, особенно сельских, где они разворачивали активную духовно-просветительскую деятельность, они являлись важнейшими культурными и образовательными центрами для приходского населения. Священнослужители путем развития церковных библиотек не просто стремились пробудить в прихожанах интерес к чтению как приятному времяпрепровождению, но и старались через популяризацию чтения способствовать интеллектуальному развитию и духовно-нравственному воспитанию своей паствы. Вклад церковных библиотек в развитие чтения и распространение грамотности в целом сопоставим с деятельностью подобного рода государственных, земских и частных заведений.

Список источников

1. Фунтикова С.П. История и современное состояние православных библиотечных фондов в России : автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2000. 17 с.
2. Фунтикова С.П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее. М., 2002. 256 с.
3. Фунтикова С.П. Библиотеки, которые мы потеряли // Библиотечное дело – 2000: проблемы формирования открытого информационного общества : тез. докл. Пятой междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 апр. 2000 г.). М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2000. С. 174–176.
4. Матвеев М.Ю. Российские библиотеки во второй половине XIX – начале XX века. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2014. 552 с.
5. Финогина Л.С. Православные библиотеки Кубани (конец XVIII – начало XX в.): формирование инфраструктуры и основные направления деятельности : автореф. дис. … канд. пед. наук. Краснодар, 2012. 26 с.
6. Степанова Н.А. Культурно-просветительская деятельность православных библиотек в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв.: на примере Орловской губернии : автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013. 31 с.
7. Елизарова Н.В. Библиотеки Русской православной церкви в распространении духовного просвещения среди населения Западной Сибири в 1881–1917 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.
8. Горохова О.В. Просветительная деятельность духовных и светских библиотек российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материале Костромской губернии) : дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2005. 313 с.
9. Люборец А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. : дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 214 с.
10. Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации : дис. … д-ра ист. наук. М., 2015. 585 с.
11. Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (УФ ГАЯО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1.
12. УФ ГАЯО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 26.
13. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб., 1898. XIV, 427, 159 с.
14. Тимченко М.Ю. Из истории библиотеки Ярославской духовной семинарии (1747–1918 годы) // Чтения по истории и культуре древней и новой России : материалы конф. (Ярославль, 7–9 окт. 1998 г.). Ярославль : Яросл. ист.-архит. музей-заповедник, 1998. С. 150–152.

15. Монякова О.А. Церковные и светские библиотеки российской провинции в середине XIX в. (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Библиотековедение. 2013. № 1. С. 94–99.
16. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб., 1869.
17. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1870 г. СПб., 1871.
18. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1875 г. СПб, 1876.
19. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб, 1882.
20. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1885 год. СПб., 1887. IX, 292, 127 с.
21. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. XIV, 511, 235 с.
22. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903.
23. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. XII, 304, 268 с.
24. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. СПб., 1913. X, 338, 131 с.
25. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. СПб., 1916. X, 328, 144 с.
26. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 3. Д. 2132.
27. Ярославские епархиальные ведомости. Часть оф. 1869. № 9.
28. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3055.
29. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. СПб.,1901. 444 с
30. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3226.
31. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3054.
32. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 1460.
33. Ярославские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1897. № 50.
34. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 8. Д. 351.
35. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2676.
36. Ярославские епархиальные ведомости. Часть оф. 1886. № 28.
37. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2701.
38. Ярославские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1900. № 43.
39. Локтин А.А. Народные библиотеки в Ярославской губернии // Русская школа. 1904. № 7-8. С. 76–77.
40. О бесплатных народных библиотеках и читальнях : правила от 15 мая 1890 г. М., 1905. 81 с.
41. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 2732.

References

1. Funtikova, S.P. (2000) *Istoriya i sovremennoe sostoyanie pravoslavnykh bibliotechnykh fondov v Rossii* [History and current state of Orthodox library collections in Russia]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
2. Funtikova, S.P. (2002) *Pravoslavnye biblioteki: proshloe i nastoyashchee* [Orthodox libraries: past and present]. Moscow: Profizdat.
3. Funtikova, S.P. (2000) Biblioteki, kotorye my poteryali [Libraries that we have lost]. *Bibliotechnoe delo – 2000: problemy formirovaniya otkrytogo informatsionnogo obshchestva* [Librarianship – 2000: Problems of forming an open information society]. Proc. of the Fifth Conference. Moscow, April 25–26, 2000. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts. pp. 174–176.
4. Matveev, M.Yu. (2014) *Rossiyskie biblioteki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Russian libraries in the second half of the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Russian National Library.
5. Finogina, L.S. (2012) *Pravoslavnye biblioteki Kubani (konets XVIII – nachalo XX v.): formirovanie infrastruktury i osnovnye napravleniya deyatel'nosti* [Orthodox libraries of Kuban (late 18th – early 20th centuries): Formation of infrastructure and main areas of activity]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Krasnodar.
6. Stepanova, N.A. (2013) *Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' pravoslavnykh bibliotek v rossiyskoy provintsii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: na primere Orlovskoy gubernii* [Cultural and educational activities of Orthodox libraries in the Russian province of the second half of the 19th – early 20th centuries: A case study of Oryol province]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow
7. Elizarova, N.V. (2007) *Biblioteki Russkoy pravoslavnoy tserkvi v rasprostranenii dukhovnogo prosveshcheniya sredi naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1881–1917 gg.* [Libraries of the Russian Orthodox Church in the dissemination of spiritual education among the population of Western Siberia in 1881–1917]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
8. Gorokhova, O.V. (2005) *Prosvetitel'naya deyatel'nost' dukhovnykh i svetskikh bibliotek rossiyskoy provintsii vo vtoroy nolovine XIX – nachale XX vekov (na materiale Kostromskoy gubernii)* [Educational activities of spiritual and secular libraries of the Russian province in the second half of the nineteenth– early 20th century (a case study of Kostroma province)]. History Cand. Diss. Kostroma.
9. Lyuborets, A.G. (2011) *Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' dukhovenstva Yaroslavskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v.* [Sociocultural activities of the clergy of the Yaroslavl diocese in the late 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Yaroslavl.
10. Ierusalimskaya, S.Yu. (2015) *Istoricheskiy opyt funktsionirovaniya sistemy narodnogo obrazovaniya Verkhnego Povolzh'ya v XIX v.: ot stanovleniya do modernizatsii* [Historical experience of the functioning of the public education system of the Upper Volga region in the 19th century: From formation to modernization]. History Dr. Diss. Moscow.
11. The Uglich Branch of the State Archives of Yaroslavl Region (UF GAYaO). Fund 31. List 1. File 1.
12. The Uglich Branch of the State Archives of Yaroslavl Region (UF GAYaO). Fund 31. List 1. File 26.
13. Russian Empire. (1898) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1894 i 1895 gody* [The most faithful report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for the years 1894 and 1895]. St. Petersburg: [s.n.].
14. Timchenko, M.Yu. (1998) Iz istorii biblioteki Yaroslavskoy dukhovnoy seminarii (1747–1918 gody) [From the history of the library of the Yaroslavl Theological Seminary (1747–1918)]. *Chteniya po istorii i kul'ture drevney i novoy Rossii* [Readings on history and culture of Ancient and New Russia]. Proc. of the Conference. Yaroslavl, October 7–9, 1998. Yaroslavl: Yaroslavl Historical and Architectural Museum-Preserve. pp. 150–152.
15. Monyakova, O.A. (2013) Tserkovnye i svetskie biblioteki rossiyskoy provintsii v seredine XIX v. (na materialakh guberniy Verkhnego Povolzh'ya) [Church and secular libraries of the Russian province in the middle of the 19th century (based on materials from the provinces of the Upper Volga region)]. *Bibliotekovedenie*. 1. pp. 94–99.
16. Russian Empire. (1869) *Izvlechenie iz Vsepoddanneyshego otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1868 g.* [Extract from the Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev for the Department of Orthodox Confession for 1868]. St. Petersburg: [s.n.].

17. Russian Empire. (1871) *Izvlechenie iz Vsepoddanneyshego otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1870 g.* [Extract from the Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev for the Department of Orthodox Confession for 1870]. St. Petersburg: [s.n.].
18. Russian Empire. (1876) *Izvlechenie iz Vsepoddanneyshego otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispoveda-niya za 1875 g.* [Extract from the Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev for the Department of Orthodox Confession for 1875]. St. Petersburg: [s.n.].
19. Russian Empire. (1882) *Izvlechenie iz Vsepoddanneyshego otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1880 g.* [Extract from the Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev for the Department of Orthodox Confession for 1880]. St. Petersburg: [s.n.].
20. Russian Empire. (1887) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1885 god* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1885]. St. Petersburg: [s.n.].
21. Russian Empire. (1893) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1890 i 1891 gody* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1890 and 1891]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Russian Empire. (1903) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 god* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1900]. St. Petersburg: [s.n.].
23. Russian Empire. (1910) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gody* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1905–1907]. St. Petersburg: [s.n.].
24. Russian Empire. (1913) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 god* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1910]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Russian Empire. (1916) *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 god* [The Most Faithful Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1914]. St. Petersburg: [s.n.].
26. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 2132.
27. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. (1869) 9.
28. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 3055.
29. The Holy Synod. (1901) *Tsirkulyarnye ukazy Svyateyshego pravitel'stvuyushchego sinoda 1867–1900 gg.* [Circular decrees of the Holy Governing Synod of 1867–1900]. St. Petersburg: [s.n.].
30. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 3226.
31. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 3054.
32. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 1118. List 1. File 1460.
33. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. (1897) 50.
34. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 8. File 351.
35. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 2676.
36. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. (1886) 28.
37. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 2701.
38. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. (1900) 43.
39. Loktin, A.A. (1904) Narodnye biblioteki v Yaroslavskoy gubernii [Public libraries in the Yaroslavl province]. *Russkaya shkola*. 7-8. pp. 76–77.
40. Russian Empire. (1905) *O besplatnykh narodnykh bibliotekakh i chital'nyakh: pravila ot 15 maya 1890 g.* [On free public libraries and reading rooms: Rules of May 15, 1890]. Moscow: [s.n.].
41. The State Archive of Yaroslavl Region (GAYaO). Fund 230. List 3. File 2732.

***Сведения об авторах*:**
Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Иерусалимская Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Харитонов Герман Павлович – младший научный сотрудник, аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, член лаборатории военной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). E-mail: 89159863968@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Ierusalimskiy Yuri Yu. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Ierusalimskaya Svetlana Yu. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Scientific and Educational Laboratory “Russia and Europe: Comparative study of Pre-industrial societies” of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Kharitonov German P. – Junior Researcher, Post-Graduate Student of the Department of Russian Medieval and Modern History, Senior Lecturer of the Department of Advertising and Public Relations, member of the Laboratory of Military History of P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: 89159863968@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 22.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94(47).043
doi: 10.17223/19988613/85/6

Служилые татары в войнах Московского государства в 1533–1557 гг.

Борис Анатольевич Илюшин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, arunta-desert@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена военная история служилых татар Московского государства 1533–1557 гг. Эта категория служилых людей принимала активное участие в войнах Московского государства с Великим княжеством Литовским, Шведским королевством, Крымским и Казанским ханствами. Рассмотрение отдельных эпизодов позволяет выяснить или делать предположения о месте татар в полковой структуре русского войска, их боевых задачах, командовании, особенностях тактики, разнообразии служилых корпораций, а в отдельных случаях – численности, снабжении, особенностях провианта и количестве лошадей.
Ключевые слова: служилые татары, военное искусство, войско Московского государства, военная история

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Илюшин Б.А. Служилые татары в войнах Московского государства в 1533–1557 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 47–53. doi: 10.17223/19988613/85/6

Original article

Serving Tatars in wars of the Moscow state in 1533–1557

Boris A. Ilushin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, arunta-desert@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the military history and warfare of the serving Tatars of the Moscow state in 1533–1557 (from the death of Vasily III to the beginning of the Livonian War). To achieve the purpose the author set the following scientific tasks: to view all the episodes of participation of the serving Tatars in the military campaigns in 1533–1557, to define the geographic of service, position in the structure of Russian troops, the command structure, and combat tasks. The sources base of study comprises the Russian chronicles, «Razryad» books and documents of Russian and Lithuanian origin. The historiography of the issue is very limited, and a detailed analysis of this theme has not been conducted before.

The study obtained the following conclusions. The serving Tatars took an active participation in most of the wars of the Moscow state in 1533–1557. The Tatar cavalry was used on the battlefields and in the destruction of enemy territories in military campaigns against the Lithuanians, Kazan Tatars and Swedes. Serving Tatars were busy on these fronts, so they rarely went to the banks of the Oka for repelling of the Crimean raids. The important area of military activity of the Gorodetsky Tatars remained patrolling the southern and south-western outskirts of the Kazan Khanate to prevent diplomatic relations between the Kazan people and their neighbors and to investigate the situation in the khanate and the Steppe.

In time of Vasily III the serving Tatars were mainly placed in the Forward regiment. In 1533–1557 their contingents are marked in the Right-hand regiment, Forward, Guard, and Yartoul regiments (possibly also in the Large and Left-hand regiments). Changing the place in the army also involves changing the combat tasks, tactics, and, obviously, weapons. Apparently, during this period the Tatar cavalry finally lost the importance of a striking force for close combat, which the Russian command inflicted flanking and rear strikes, and Tatar contingents now consisted of light cavalry, whose main weapons were bows and arrows. The refusal to permanently include the Tatars in a particular regiment indicates that they lost their specificity.

Among the commanders of the Tatar contingents there were Tatar "tsarevics" with bailiffs (Gorodetsk Tatars), princes (Temnikovsky and Kazan) and Russian people (Tatars of other "Tatars served corporations") in unclear status.In the latter case, as in the previous period, we could see repeated appointments of the same persons; however, it is still impossible to talk about a clear specialization.

In addition to the former Gorodetsky Tatars, the Russian service also included the Tatars of Temnikov, Kashira, and Tatars without specifying the counties. Due to the weakening and conquest of the Kazan Khanate, a number of Kazan princes, murzas, and Cossacks also found themselves in the Russian service.
Keywords: serving Tatarian, art of warfare, Moscow state’s army, military history

© Б.А. Илюшин, 2023

Acknowledgements: The study was conducted as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation: Ilyushin, B.A. (2023) Serving Tatars in wars of the Moscow State in 1533–1557. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 47–53. doi: 10.17223/19988613/85/6

Для многонациональной России немаловажным является факт того, что ее основа – Великое княжество Московское, созданное в ходе многих войн, изначально не было моноэтничным, а в состав основного инструмента его внешней политики (поместного войска) с самого начала входили татары. Военная история служилых татар только начинает исследоваться в последние годы. Такие исследования помогают не только лучше понять военную историю России, но и выявить особенности военного дела служилых татар.

Общий обзор событийной истории касимовских «царей», а вместе с ними и их дворов, состоявших из татар, дал еще в XIX в. В.В. Вельяминов-Зернов [1]. Однако его исследование не касалось анализа военных мероприятий и военного дела. Позже данная тема также обходилась стороной исследователями, предпочитавшими заниматься политической, социальной и экономической историей служилых татар, а в фундаментальном для своего времени исследовании вооруженных сил России XV–XVII вв. А.В. Чернова [27] служилые татары почти не рассматриваются. В современной российской историографии военное дело и военная история служилых татар все так же редко интересуют историков. Так, в фундаментальной монографии о Чингисидах в России XV–XVII вв. лишь перечисляются военные акции, в которых участвовали их дворы, с краткими выводами по ряду вопросов (например, о месте татар в полковой организации, о степени их самостоятельности и боеспособности). Однако вопросы военной истории служилых татар требуют более глубокого рассмотрения. Особенно это относится к первой половине XVI в., поскольку она традиционно привлекает меньше внимания, чем эпоха Ливонской войны. Военная история служилых татар до 1533 г. была рассмотрена нами в отдельных статьях [3, 4]. Период Ливонской войны – тема более чем обширная, превышающая рамки данной публикации. Тем более что участие татар в этой войне уже рассматривалось некоторыми исследователями [5, 6]. Тем самым определяются хронологические рамки данной статьи: между кончиной Василия III и началом войны в Ливонии. Сразу отметим, что начало правления Ивана IV действительно совпало с некоторыми изменениями в военной службе татар.

Исследование основано на сведениях русских летописей, разрядных записях и актовом материале, а также на анализе исследовательской литературы последних лет по военной истории Руси XVI в.

Вскоре после смерти Василия III литовцы предприняли попытку вернуть завоеванные им и его отцом города (так называемая Стародубская война 1534–1537 гг.). На случай литовского вторжения весной и в начале лета 1534 г. на Северщине находились царевич Ак-Деулет со служилыми татарами и теми же приставами, что и в 1533 г. [7. С. 244]. На Вязьме стояли несколько воевод с ратями, а также Шигалей и Мухаммед б. Канбар с татарами. Приставами у царевича был Александр Семенович Упин, у татар – Постник Сатин. 20 июля Шигалей с Д.Д. Пронским были переведены в Дорогобуж [8. С. 84]. Также упоминаются стоявшие на Вязьме каширские татары [9].

Зимой 1534/1535 гг. в ответ на литовские набеги был организован масштабный поход. С Передовым полком на правом фланге шли царевич Шигалей и Мухаммед б. Канбар с касимовскими татарами [7. С. 252; 8. С. 85–86; 10. С. 52]. Положение татарской конницы на правом фланге (как и в предыдущие десятилетия) позволяет предположить использование ими тактического приема правосторонняя «тулгама», представляющего собой круговой маневр с интенсивной стрельбой (с левого фланга она, как правило, не проводилась) [11]. За февраль–март 1535 г. великокняжеское войско прошло через значительную часть литовской территории, разорив земли почти до Вильны [10. С. 56; 12. С. 81–83]. После похода войскам было выплачено жалованье [13].

В июне 1535 г. русско-татарские рати снова были посланы в литовские пределы, хотя и не в таком количестве. В литовской земле были царевич «Шигалей Акдовлетев сын да Канбар мурзин сын» и служилые татары. С царевичем был снова А.С. Упин, с татарами – князь В.Ф. Лопатин [21. С. 87; 23. С. 253]. Тут отмечен сын Ак-Деулета – Шах-Али [4. С. 67]. Войско дошло до Мстиславля, пожгло посад, захватило полон, неудачно осаждало сам Мстиславль. Произошло это в конце июля – начале августа [14. С. 62–63]. В апреле 1536 г. по западным городам были распределены воеводы с полками. В Торопце с воеводами стоял «шибанский царевич Шигалей да Конбар мурзин сын» [7. С. 262; 8. С. 90]. Однако военные действия стихли, и начались переговоры о мире.

Обеспокоившись повторным воцарением в Казани Сафа-Гирея, русские власти направили на восточные окраины полки. В июле 1537 г. во Владимир прибыл с Ю.Д. Шеиным Шибанид Шах-Али, видимо, со своими татарами [8. С. 91–92]. Осенью 1537 г. готовился поход на Казань; в состав конной рати входили служилые татары (под командованием князей Ф.А. Прозоровского, Б.И. Деева и Ю.Г. Мещерского) [8. С. 93–94]. Однако поход окончился без боя, так как Сафа-Гирей запросил мира.

Избежав войны, Сафа-Гирей через некоторое время начал нападать на русские земли. В противостоянии казанским набегам время от времени отмечаются служилые татары. В декабре 1540 «царь» Шах-Али с татарами на Мещере побил ногайских загонщиков, действовавших вместе с казанцами, захватил «языков» и отбил полон [7. С. 290; 12. С. 135; 14. С. 38–39]. Узнав

о выступлении «царевича» и воевод, Сафа-Гирей отступил от осажденного Мурома.

В мае 1541 г. казанская оппозиция сообщала в Москву о притеснениях в ханстве со стороны крымского окружения Сафа-Гирея и просила великого князя помочь, для чего во Владимир были посланы на «казанское дело» войска из ратников 17 городов под началом И.В. Шуйского. Однако вскоре стало известно о выступлении на помощь Сафа-Гирею крымского хана Сахиба с большим войском, включавшим также астраханских, азовских и белгородских татар. В этой ситуации боярское руководство смогло разобраться в ситуации и приготовиться к отражению противника на Оке, собрав на Берегу значительные силы. При этом владимирскую группировку значительно усилили костромскими и мещерскими ратниками, включая мещерских (городецких) татар. Интересно отметить, что в летописи отряд царя Шигалея, прибывший во Владимир, назван «Городецкой ордой». Видимо, позже владимирскую группировку было решено перебросить против крымцев, но, как ниже отмечено в том же источнике, снаряженные для «казанского дела» большие рати из Мурома и Владимира на Берег не поспели. Значительных боестолкновений не случилось, так как крымцы при виде больших войск на Оке отступили [12. С. 99–109, 137–139]. Во Владимире полки по «казанским вестям» оставались еще в декабре. В полку Правой руки находились Шибанид Шах-Али (с приставом) и мурза Мухаммед б. Канбар. С ними были, по-видимому, и татары [8. С. 103]. Если так, то это редкое упоминание служилых татар в полку Правой руки.

В 1546 и 1551–1552 гг. касимовские татары находились в Казани в качестве гвардии посаженного Москвой на ханство Шаха-Али. Причем в последнем случае они занимались диверсионной деятельностью, расправляясь с антимосковским элементами и портя боеприпасы [14. С. 65–66, 68–69; 15. С. 111–113; 16. С. 82–84].

Отсутствие упоминаний служилых татар в регулярных выездах ратей в приграничные с Полем города (на случай набегов степняков) можно объяснить наличием у них иных задач – на «невидимом» фронте. К первым годам правления Ивана IV относится несколько сообщений о занятии касимовских татар разведкой и патрулированием границ с Казанским ханством: осенью 1535 г. [14. С. 20] (причем обращает на себя внимание то, что сотня городецких татар располагалась на острове; это позволяет предположить, что они патрулировали приграничье и занимались сбором разведданных не только верхом, но и на судах по Волге); в июне 1536 г. [14. С. 27] (500 касимовских татар мурзы Галдея для перехвата посольств от казанцев и к казанцам от других ханств); летом 1546 г. [14. С. 48]; весной 1549 г. [15. С. 56]. Если вспомнить послание Менгли-Гирея Ивану III, где тот сообщает об ограблении своих людей мещерскими казаками [17. С. 170–180], можно предполагать, что таким «патрулированием» и грабежом мещерские казаки занимались уже больше полувека. Такая ситуация напоминает то, что происходило обычно в «мирное» время и в пограничных районах между Московским и Литовским великими княжествами (только набегами там занимались местные дворяне). Перехват посольств из Казани сыграл важную роль в ослаблении и последующем завоевании ханства.

Кроме того, продолжалось использование татарских казаков в качестве сопровождения послов и просто посыльных по дипломатической части [14. С. 31, 37, 43, 44].

Незаменимость служилых татар для оперативной деятельности в Поле проявилась и летом 1546 г., когда Шах-Али, посидев несколько недель на ханском троне Казани, бежал от заговорщиков в неизвестном направлении. На поиски этого ценного лица Иван IV выслал в степи детей боярских и татар, которые и нашли Шах-Али, уже получившего лошадей от городецких татар, которых он встретил в низовьях Волги [12. С. 148].

Служилые татары принимали участие во всех походах Ивана IV на Казань.

Во время неудачного зимнего похода 1547/1548 гг. касимовский «царь» Шах-Али и «царевич» Едигер с Ф.А. Прозоровским шли до р. Цивиль, потом к ним присоединились остальные конные полки, и вместе они нанесли поражение казанцам под стенами их столицы (в то время как Иван IV с «нарядом» повернул назад еще в русских землях, потеряв часть артиллерии из-за оттепели) [8. С. 113–114; 14. С. 154].

Во время похода зимы 1549/1550 гг. Шах-Али и Едигер находились при Иване IV [8. С. 119–120]. Служилые татары (с приставом Г.М. Шестовым) и недавние казанские перебежчики Табая-князя (с Ф.И. Челищевым) отмечены отдельно [7. С. 373; 8. С. 122–123]. Постояв под Казанью некоторое время, Иван IV повернул назад из-за сырой погоды и невозможности использовать артиллерию. Известно, что Шигалей находился с Большим и Передовым полками на Арском поле, а Едигер – за рекой Казанкой с полками Правой и Левой руки (где были служилые татары – неясно) [14. С. 157].

Весной 1551 г. составе Сторожевого полка к месту строительства Свияжска (для стеснения Казани) шли помимо русских воинов также казанские перебежчики – беки и мурзы Костров, Чапкун, Бурташ «с товарищи», 500 человек («много бо их тогда бяше у государя») [14. С. 61]. Позже для усиления гарнизона были присланы новые контингенты: с Мещеры вышли князь Д.И. Хилков с братьями. Были с ними служилые татары (приставы – Б.И. и Г.Н. Сукины) [8. С. 131] и, видимо, русские дворяне.

После того как Иван IV выступил в последний поход на Казань, к нему присоединился касимовский Ак-Сеит Черевсеев со всем касимовскими татарами; этот контингент был направлен в Ертаульный полк. У Алатыря царя нагнал темниковский князь Еникей Тенишев со своими татарами и мордвой [12. С. 199]. Присоединилось к войску также много казанских татар, чувашей, марийцев [12. С. 200]. 16 августа на казанскую сторону через Волгу переправились полки Яртоульный, Передовой, Большой и Правой руки [12. С. 201]. Вскоре Казань была осаждена. Начались стычки между казанцами и осаждающими. Случилось «дело» и у Ертаульного полка, в котором, как отмеча-

лось выше, находились касимовские татары. Полк был послан 25 августа с Арского поля за Казань, но против него вышли «многие люди Казанские». «И бились стрелами на обе стороны на много время». Ертаулу на помощь подоспел воевода Передового полка Д.И. Хилков. В итоге казанцев «втопташа» назад в город [12. С. 205]. Позже, 29 августа, Ертаул и полк Правой руки ставили за Казанью по берегу р. Казани туры (укрепления) [12. С. 207].

Татары под началом Ак-Сеита и Е. Тенишева вместе с русскими полками продвинулись на полторы сотни верст по Каме для пресечения ударов казанской конницы и подавления сопротивления на том направлении (было взято 2 острога, включая Арский городок) [12. С. 211].

Перед последним штурмом города великокняжеские рати были распределены по определенным участкам и получили свои задачи. Шигалей со всеми городецкими князьями, мурзами и татарами встал на Арском поле и на Арской и Чувашской дорогах. С ними же были полк под командованием И.Ф. Мстиславского и перебежчики с Горной стороны [12. С. 214–215].

С падением Казани война не кончилась: население ханства до 1557 г. активно сопротивлялось царским войскам. В этой так называемой Черемисской войне также участвовали служилые татары. Посланная против Луговой стороны и «арских изменников» в декабре 1553 г. рать включала касимовских татар под руководством сначала князя Ф.И. Татева, а затем, видимо, Еникея Тенишева, и остальных служилых татар под началом Ф.В. Вокщерина [18. С. 31]. В сентябре 1554 г. на Луговую сторону снова были посланы рати. Включали они и касимовских (городецких) татар с Ф.В. Сыссевым и, видимо, Ак-сеитом (или Аксентей-мурзой), татар двора Шаха-Али (с Ара-князем), «темниковских людей» с Еникеем и служилых татар с Т.Ф. Игнатьевым [8. С. 148; 18. С. 40].

Весной–летом 1556 г. состоялось сразу 3 похода на правобережье, по Вятке, Каме и др., под командованием П.В. Морозова и Ф.И. Салтыкова. Вместе с детьми боярскими и русскими казаками в них принимали участие служилые татары и новокрещены [12. С. 269–270]. Легкость, с которой совершались эти походы, объяснялась тем, что объектом нападения стали в основном села с трудовым населением, а не отряды военных людей бывшего ханства [19. С. 21–22].

Сведений об участии служилых татар в завоевании Астрахани у нас нет, однако И.В. Зайцев приводит сообщение московского посла в Ногайскую Орду о захвате московскими городецкими казаками еще до 1550 г. Астрахани, пленении ими Дервиш-хана и разорении астраханских улусов (чему способствовало ослабление ханства после разгрома его крымцами в 1547 г.) [20. С. 142–143]. И если в те годы нападение на Азов совершали донские русские казаки, то под городецкими казаками все еще должны были подразумеваться касимовские служилые татары.

В 1554–1557 гг. была война со Швецией. Активные боевые действия начались только с 1555 г. В ответ на разорение нескольких приграничных уездов шведами Иван IV направил в Швецию большое войско с целью нанесения максимального ущерба. В ноябре в новгородской округе начались сборы. В состав рати входили «царевич» Кайбула (пристав – Х.И. Салтыков), городецкие князья и мурзы «со всеми мещерскими людьми и с царевыми Шигалеевыми людьми», включая городецкого сеида, Ара-князя и Ураслы-мурзу (пристав – Д.Г. Плещеев), служилые татары с Г.Н. Сукиным, а также недавно инкорпорированные казанские князья, мурзы, казаки и новокрещены (пристав – П.П. Заболоцкий) [8. С. 154–155; 21. С. 129]. В связи с выдвижением царевича и татар от Москвы к Новгороду и далее были написаны грамоты об обеспечении их кормом для людей и коней. Уместно будет рассмотреть их подробней.

Новгородская администрация должна была разослать по ямам (станциям) на дороге по маршруту Торжок–Великий Новгород–Корела–«Немецкий рубеж» съестные припасы, включающие кормы «людские и конские»: яловицы, баранов, кур, крупы овсяные, солому, сено, овес. Проходящие по стране служилые люди не должны были терпеть нужды и из-за этого отнимать провиант у крестьян. Отмечается, что с Кайбулой князей, улан, мурз, татар и их людей 1,5 тыс. человек, «опричь стрельцов и казаков», а лошадей у татар – 4 тыс. (по 2–3 лошади на человека). Из документа можно также узнать, что контингент включал поместных и беспоместных татар, а также новокрещенов. Городецкие татары с сеидом, Ара-князем и Ураслы-мурзой шли, видимо, отдельно – с Д.Г. Плещеевым. Было также отмечено, что администрация Новгорода должна обеспечить корм татарам и на обратном пути [21. С. 128–131].

Полки выступили из Новгорода 26 декабря и направились к Выборгу [8. С. 154]. «Царевич» Кайбула с городецкими татарами должен был «ходити с передовым полком» [22. С. 504; 23. С. 187]. Были разорены земли до Выборга, под которым случился бой со шведской конницей и пехотой. Яртаул был «потоптан», а его воеводы ранены. Тогда по шведам ударил Передовой полк и обратил в бегство. Через версту, однако, у шведов стояли свежие силы, включавшие пищальников, засевших, видимо, среди камней и валунов так, что к ним трудно было подобраться. Исход боя решил комбинированный удар полка «царевича» Кайбулы и полка Правой руки, обративший шведов в бегство.

После неудачной трехдневной осады Выборга русские и татарские рати прошли на северо-восток до р. Вуокса, после чего повернули на Русь. С сеунчем (вестью о победе) были посланы Шемяка князь Дмитрий Гагарин и (от «царевича») Уразлы-мурза Канберов (Канбаров). Прибыли они (видимо, в Новгород) 7 февраля [24. С. 48–49; 25. С. 113–114].

Такой демонстрации силы вполне хватило, чтобы король запросил мира. Отметим, что служилые татары были направлены на северо-запад во время Черемисской войны, т.е. их не направляли постоянно на какой-то определенный фронт, а туда, где в данный момент от них могло быть больше пользы. Вероятно, с политической точки зрения важным было участие в войне за Ивана Грозного «царевича» с его татарами, дабы показать «вселенность» власти московского царя.

Несмотря на то, что оберегать южные окраины Руси от крымских набегов приходилось постоянно, и в такие города, как Тула, Калуга, Серпухов, Таруса и др., регулярно посылались полки, служилые татары редко принимали участие в этих мероприятиях. Ниже мы рассмотрим основные случаи участия служилых татар в таких операциях. По «крымским вестям» служилые татары значатся в 1537 г. в Одоеве [7. С. 267–268; 8. С. 91], летом 1547 г. в Калуге [8. С. 111; 23. С. 186] (причем в обоих случаях упомянуты «царевичи», поэтому можно лишь предполагать присутствие с ними их дворов), летом 1553 г. в Калуге (Дербыш-Алей астраханский) и Коломне с царем («царевич» Кайбула и Шах-Али с приставами) [12. С. 233–234], в июле 1556 г. в Тарусе с полком Правой руки и Передовым («Да в Тарусе же велено быти царевичю Кайбуле, а пристав у нево Михайло Матвеев сын Лыков. Да з Городецкими князьми и татары и царя Шиголеевым дворовыми татары Дмитрей Григорьев сын Плещеев, да с служилыми татары Игнатей Загряской» [8. С. 156; 12. С. 270–272]), летом 1557 г. на Туле в Передовом полку («царевич» Тохтамыш) [8. С. 165]. Причем такие выезды, как правило, проходили без боестолкновений; крымцы отступали.

Рассмотрев случаи участия служилых татар в военных мероприятиях 1533–1557 гг., мы можем сделать ряд выводов, важных для лучшего понимания их военной истории и военного дела. Служилые татары приняли активное участие почти во всех военных конфликтах Великого княжества Московского 1533–1557 гг. Татарская конница в этих военных мероприятиях была задействована как на поле боя (против казанцев, шведов, причем она проявляла себя хорошо), так и для разорения территорий противника. Редкость упоминаний татар на «Берегу» (против крымских набегов – только в 1537, 1547, 1553, 1556, 1557 гг.) может быть вызвана занятостью их на казанском направлении и в войнах с литовцами и шведами.

Как и раньше, городецкие татары постоянно разъезжали по «украинам» Московского государства и Казанского ханства, пресекая проезд посольств из Казани и в Казань на случай антирусского сговора, а также следя за ситуацией в ханстве и в Поле. В отдельных случаях можно подразумевать использование городецкими казаками судов для передвижения по Волге и ее островам. Такое патрулирование, как было показано выше, иногда приводило к весьма важным с военно-политической точки зрения результатам.

Сведений о положении татарских контингентов в составе конкретных полков применительно к этому периоду немного. В Стародубской войне они упоминаются в Передовом полку на правом фланге, в 1541 г. – в полку Правой руки. В походе 1549/1550 гг. татарские «царевичи» шли с Большим, Передовым (Шигалей), Правой и Левой руки (Едигер), но неизвестно, были ли при них татары. В 1552 г. служилые татары числились в Яртаульном (практика создания которого появилась как раз в эти годы) и Большом полках. В 1555/1556 гг. отмечается, что городецким татарам велено ходить с Передовым полком. Казанские перебежчики находились в Сторожевом полку. В некоторых случаях татары находились там, где стоял Передовой полк, хотя в источниках не говорится о их включении в него. При этом стоит отметить, что изменение места татар в войске еще не привело к практике распределения татарских контингентов по разным полкам (что отмечал применительно к третьей четверти XVI в. А.В. Беляков [23. С. 203]), и они чаще всего сохраняют свою «компактность».

Изменение места в войске предполагает и изменение боевых задач, тактики и, видимо, вооружения. В период наибольшей автономности татарских контингентов (вторая треть или вторая половина XV в.) находились они в полку Правой руки или правофланговой группировке войск [8. С. 30; 26. С. 316; 27. С. 186]. Судя по некоторым описаниям и логике, их задачами были совершение глубоких обходных маневров и нанесение неожиданных ударов с флангов и тыла. При Василии III, когда татар активно стали брать под контроль (широкое распространение приставов, случаи подчинения татар непосредственно русским командирам), они помещались в основном в Передовой полк «направе» [8. С. 38, 41–43; 28. С. 90, 95–96], что подразумевает переход служилых татар к тактике дистанционного лучного боя с использованием приема правосторонняя «тулгама» (охват фланга противника с выходом в тыл, сопровождаемый массированной лучной стрельбой), в отличие от предыдущего периода, когда они могли сохранять значительное количество панцирных воинов, способных атаковать противника в «съемном» (ближнем) бою, возможно, с использованием копий [3. С. 17–19].

Отказ от практики постоянного включения татар в какой-то определенный полк может говорить о потере ими своей специфики: особые задачи, которые в предыдущие десятилетия на них возлагались, теперь может успешно выполнять дворянская конница, почему и непринципиальным становится вопрос о месте татар. Однако чаще они находятся все же в Передовом и Яртаульном полках, что, по нашему мнению, было вызвано отсутствием сколько-нибудь значимого числа панцирных воинов среди служилых татар, которых имелся смысл приберечь для серьезных баталий и в составе основных сил (Большом полку или засадной рати).

В источниках встречаются имена нескольких татарских командующих не из «царевичей». Степень их самостоятельности установить трудно. Во всяком случае, упоминаются они в основном с приставами. Относительно самостоятельным выглядит темниковский князь Еникей Тенищев: при нем приставы не обозначены. Нами учтено четыре случая командования им татарскими контингентами, причем в одном из них он командовал не только темниковскими татарами и мордвой, но и городецкими татарами.

Служилые татары, не относящиеся к какой-то определенной территориальной корпорации (одной из городецких или темниковской) находились под командованием русских людей (нами отмечено более 10 таких случаев). Казанские «новобранцы» упоминаются как со своими князьями (при которых находился пристав), так и под командованием русского.

Как и раньше, обращают на себя внимание случаи повторного назначения на должность пристава или

татарского головы: Александр Семенович Упин (1534, 1535), Постник Сатин (1534, 1528), Григорий Никитин сын Сукин (1551, 1556 – в последнем случае он, видимо, был головой у татар). В 1533 и 1534 гг. при Ак-Деулете и татара по три пристава: Д.И. Данилов, А. Повадин (Паводин), Крячко (Кринка) Чемоданов, В. Невежин, С. Батюшков и Т. Чемоданов. В остальных случаях на должность пристава назначались новые лица.

Расширяется количество служилых татарских корпораций: помимо городецких (касимовских), теперь делящихся на людей Шигалея и просто городецких татар под командованием Ак-Сеита, Ара-князя и др., упоминаются темниковские татары (и мордва) князя Еникея Тенишева, каширские татары. Кроме них в источниках встречаются служилые татары без уточнения места проживания и испомещения.

По мере ослабления Казанского ханства наблюдается переход части воинского сословия на русскую службу. Казанские князья, мурзы и казаки пополняли слой служилых татар. Однако их было сравнительно немного; судя по имеющимся источникам, численность перебежчиков-татар могла насчитывать только несколько сотен.

К рассматриваемому периоду относятся ценные сведения о численности некоторых татарских контингентов и сведения логистического характера. В источниках в одном случае говорится о пяти сотнях городецких татар. В другом – о полутора тысячах князей, мурз, казаков под командованием «царевича» Кайбулы и пристава. К этому периоду относятся и данные, позволяющие судить о среднем количестве лошадей на служилого татарина в походе (2–3 головы), о снабжении татарских отрядов, передвигающихся по территории Руси, о видах съестных припасов для них.

Таким образом, мы показали, что татары приняли самое активное участие в военной истории России 1533–1557 гг. Вместе с русскими дворянами, стрельцами и казаками они ходили в походы и отражали вражеские вторжения, а иногда действия именно татарских отрядов имели важнейшее военно-политическое и историческое значение.

Список источников

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1863. Ч. I. XIII, 558 с.
2. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М. : Воениздат, 1954. 224 с.
3. Илюшин Б.А. Служилые татары в военных походах Василия Тёмного и Ивана Великого (1430-е – 1505 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 2 (64). С. 5–11.
4. Илюшин Б.А. Участие служилых татар в войнах Василия III (1505–1533 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2020. Спец. вып. IX: Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв., ч. 3. С. 236–259. URL: http://www.milhist.info/2020/05/21/ilyushin_2 (дата обращения: 21.05.2020).
5. Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // Русская армия в эпоху царя Ивана Грозного : материалы к науч. дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб. : Шико-Севастополь, 2015. С. 159–178.
6. Пилипчук Я.В. Татары в Ливонской войне // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре 1480–2015, ч. 2. С. 496–515. URL: http://www.milhist.info (дата обращения: 28.03.2016).
7. Разрядная книга 1475–1605 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Т. I, ч. II. С. 189–406.
8. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Наука, 1966. 615 с.
9. Копия вестового листа Мстиславского державцы Ю.Ю. Зеновьевича Сигизмунду I с изложением информации, полученной от смольнян-перебежчиков и от разведчиков // Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Москва–Варшава : Древлехранилище, 2002. Т. VI. Док. 31. С. 85–86.
10. Кром М.М. Стародубская война 1534–1537 : из истории русско-литовских отношений. М. : Рубежи XXI, 2008. 140 с.
11. Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре 1480–2015, ч. 2. С. 247–254. URL: http://www.milhist.info (дата обращения: 28.03.2016).
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1904. Т. 13, ч. 1. 302 с.
13. Список расспросных «речей» детей боярских, взятых в плен под Полоцком // Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Москва–Варшава : Древлехранилище, 2002. Т. VI. Док. 55. С. 135–136.
14. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1965. Т. 29. 390 с.
15. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд., доп. М. : ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.
16. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань : Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.
17. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, ч. 1 (годы с 1474 по 1505). Док. 39. С. 170–180.
18. Разрядная книга 1550–1636 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Наука, 1975. Т. I. 430 с.
19. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань : Изд-во Казанс. ун-та, 1982. 224 с.
20. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М. : Вост. лит., 2004. 303 с.
21. Грамоты новгородским дьякам Фёдору Еремееву и Казарину Дубровскому (ноябрь–декабрь 1555 г.) // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. Док. 70. С. 128–131.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1978. Т. I, ч. III. С. 408–516.
23. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мір, 2011. 512 с.
24. Летописец русский (Московская летопись 1552–1562 гг.) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1895. Кн. 3. 654 с.
25. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М. : Эксмо, 2004. 572 с.
26. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М. ; Л. : Наука, 1949. Т. 25. 464 с.

27. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 464 с.
28. Разрядная книга 1475–1605 гг. / ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1977. Т. I, ч. I. 188 с.

References

1. Velyaminov-Zernov, V.V. (1863) *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research about the Kasimov kings and princes]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Chernov, A.V. (1954) *Vooruzhennye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. (s obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I)* [Armed forces of the Russian state in the 15th–17th centuries (from the formation of a centralized state to the reforms under Peter I)]. Moscow: Voenizdat.
3. Ilyushin, B.A. (2020) The serving Tatars in the military campaigns of Vasily The Blind and Ivan The Great (1430s – 1505). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(64). pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/1
4. Ilyushin, B.A. (2020) Uchastie sluzhilykh tatar v voynakh Vasiliya III (1505–1533 gg.) [Participation of serving Tatars in the wars of Vasily III (1505–1533)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Special Issue 9(3). pp. 236–259. [Online] Available from: http://www.milhist.info/2020/05/21/ilyushin_2 (Accessed: 21st May 2020).
5. Belyakov, A.V. (2015) "Nevidimki" russkoy armii XVI veka ["Invisibles" of the Russian army in the 16th century]. In: Lobin, A.N. (ed.) *Russkaya armiya v epokhu tsarya Ivana Groznogo* [Russian army in the era of Tsar Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Shiko-Sevastopol'. pp. 159–178.
6. Pilipchuk, Ya.V. (2016) Tatary v Livonskoy voyne [Tatars in the Livonian War]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Special Issue 5(2). pp. 496–515. [Online] Available from: http://www.milhist.info (Accessed: 28th March 2016).
7. Buganov, V.I. (ed.) (1977a) *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Rank book 1475–1605]. Vol. 1(2). Moscow: USSR Institute of History. pp. 189–406.
8. Buganov, V.I. (ed.) (1966) *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Rank book 1475–1598]. Moscow: Nauka.
9. Zinovievich, Yu.Yu. (2002) Kopiya vestovogo lista Mstislavskogo derzhavtsy Yu.Yu. Zenov'evicha Sigizmundu I s izlozheniem informatsii, polu-chennoy ot smol'nyan-perebezhchikov i ot razvedchikov [A copy of the message sheet of the Mstislavsky state power Yu.Yu. Zenovievich Sigismund I with a presentation of information received from Smolensk defectors and from intelligence officers]. In: Gralya, I. (ed.) *Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia)* [Monuments of the history of Eastern Europe (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia)]. Vol. 6. File 31. Moscow; Warsaw: Drevlekhranilishche. pp. 85–86.
10. Krom, M.M. (2008) *Starodubskaya voyna 1534–1537: iz istorii russko-litovskikh otnosheniy* [The Starodub War 1534–1537: From the history of Russian-Lithuanian relations]. Moscow: Rubezhi XXI.
11. Bobrov, L.A. (2016) Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV – serediny XVII vv. [Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the late 15th – mid-17th centuries]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Special Issue 5. pp. 247–254. [Online] Available from: http://www.milhist.info (Accessed: 28th March 2016).
12. Platonov, S.F. (ed.) (1904) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13(1). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
13. Anon. (2002) Spisok rassprosnykh "rechey" detey boyarskikh, vzyatykh v plen pod Polotskom [List of questioning "speeches" of boyar children taken prisoner near Polotsk]. In: Gralya, I. (ed.) *Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia)* [Monuments of the history of Eastern Europe (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia)]. Vol. 6. File 55. Moscow; Warsaw: Drevlekhranilishche. pp. 135–136.
14. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 29. Moscow: Nauka.
15. Khudyakov, M.G. (1991) *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. 3rd ed. Moscow: INSAN, Council for the Preservation and Development of Cultures of Small Nations.
16. Alishev, S.Kh. (1995) *Kazan' i Moskva: mezhgosudarstvennye otnosheniya v XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: Interstate relations in the 15th–16th centuries]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
17. Anon. (1884) Posol'stvo ot tsarya Mengli-Gireya k velikomu knyazyu Ivanu Vasil'evichu [Embassy from Tsar Mengli-Girey to Grand Duke Ivan Vasilyevich]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41(1). St. Ptersburg: [s.n.]. pp. 170–180.
18. Buganov, V.I. (ed.) (1975) *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* [Rank book 1550–1636]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
19. Ermolaev, I.P. (1982) *Srednee Povolzh'e vo vtoroy polovine XVI–XVII vv. (upravlenie Kazanskim kraem)* [Middle Volga region in the second half of the 16th – 17th century (administration of Kazan region)]. Kazan: Kazan State University.
20. Zaytsev, I.V. (2004) *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow: Vost. lit.
21. Anon. (1846) Gramoty novgorodskim d'yakam Fedoru Eremeevu i Kazarinu Dubrovskomu (noyabr'–dekabr' 1555 g.) [Letters to Novgorod clerks Fyodor Eremeev and Kazarin Dubrovsky (November–December 1555)]. In: *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1. File 70. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 128–131.
22. Buganov, V.I. (ed.) (1978) *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Rank book 1475–1605]. Vol. 1(3). Moscow: USSR Institute of History. pp. 408–516.
23. Belyakov, A.V. (2011) *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Chingisids in Russia in the 15th–17th centuries: A prosopographical study]. Ryazan: Ryazan'. Mir.
24. Anon. (1895) Letopisets russkiy (Moskovskaya letopis' 1552–1562 gg.) [Russian Chronicler (Moscow Chronicle of 1552–1562)]. In: *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 3.
25. Volkov, V.A. (2004) *Voyny i voyska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaya polovina XVII vv.)* [Wars and troops of the Moscow state (late 15th – first half of the 17th centuries)]. Moscow: Eksmo.
26. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1949) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow; Leningrad: Nauka.
27. Alekseev, Yu.G. (2009) *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III* [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
28. Buganov, V.I. (ed.) (1977b) *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Rank book 1475–1605]. Vol. 1(1). Moscow: USSR Institute of History.

***Сведения об авторе*:**
Илюшин Борис Анатольевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ilyushin Boris A. – Candidate of Historical Sciences, Junior researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2021; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 03.05.2021; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94(571.1)
doi: 10.17223/19988613/85/7

Проблемы формирования сети поверочных учреждений в Западной Сибири (на примере Новониколаевской поверочной палаты мер и весов)

Илья Вадимович Макаров

Томский государственный университет, Томск, Россия, makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос создания сети сибирских поверочных учреждений во время метрической реформы 1920-х гг. На примере Новониколаевской поверочной палаты мер и весов отмечаются основные проблемы и сложности, возникавшие как в ходе создания в Сибири данных научно-технических учреждений, так и в ходе организации их работы. Особое внимание уделяется жилищному вопросу, имевшему большое значение для организации работы поверочной палаты в силу специфики развития г. Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е гг.
Ключевые слова: раннесоветский период, метрическая реформа, палаты мер и весов, Новониколаевск (Новосибирск)

Для цитирования: Макаров И.В. Проблемы формирования сети поверочных учреждений в Западной Сибири (на примере Новониколаевской поверочной палаты мер и весов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 54–59. doi: 10.17223/19988613/85/7

Original article

Problems of formation of a network of verification institutions in Western Siberia (on the example of the Novonikolayevsk Verification Chamber of Weights and Measures)

Ilya V. Makarov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to an important part of the history of Siberian metrology – the history of the creation of the Siberian verification chambers of weights and measures in the 1920s, which were the main bodies for the metric reform and the introduction of the metric measurement system. The purpose of the article was to identify the problems and difficulties faced by the Main Chamber of Weights and Measures and its employees when creating Siberian verification institutions, using the example of the Novonikolayevsk Verification Chamber of Weights and Measures.

The main sources for writing the article were the files of the funds of the State Archive of the Novosibirsk region, in which there were the clerical documentation of the Siberian Revolutionary Committee, its Department of Affairs and other administrative bodies on the creation and activities of the verification chambers. The article also used the monograph by G.M. Emelyanov «In the past and present» about history of the Novosibirsk Center for Standardization and Metrology.

The article touches upon the main decisions of the central and local administrative and metrological bodies that preceded the creation of the verification chambers of weights and measures in Siberia; the history of the creation of the verification chamber of weights and measures in Novonikolayevsk is considered in detail; special attention was paid to the housing issue which was the most important for the Novonikolayevsk Verification Chamber due to the specifics of the development of Novonikolaevsk in 1920s. The study revealed the problems that arose during the organization of the work of the verification chambers of weights and measures in Siberia: the lack of qualified metrologists, the absence of factories and workshops for the production of measuring instruments (including metric), the lack of premises for the placement of the verification chambers and their employees, the lack of assistance from the local administration.

Based on the results of the study, the conclusions were drawn about the main problems and difficulties in the creation of Siberian verification institutions in 1920s.
Keywords: Early Soviet Period, metric reform, chamber of weights and measures, Novonikolayevsk (Novosibirsk)

For citation: Makarov, I.V. (2023) Problems of formation of a network of verification institutions in Western Siberia (on the example of the Novonikolayevsk Verification Chamber of Weights and Measures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 54–59. doi: 10.17223/19988613/85/7

© И.В. Макаров, 2023

Метрическая реформа, являвшаяся неотъемлемой частью социально-экономической модернизации СССР в 1920-е гг. и одной из необходимых предпосылок для индустриализации страны, по отношению к другим реформам и мероприятиям, проводимым в советской экономике в этот период, воспринималась и находилась на втором плане. В силу этого данной реформе далеко не всегда уделялось должное внимание – как в Москве, так и на местах; постоянные переносы и выполнение требований, содержащихся в обязательных постановлениях Центральной междуведомственной метрической комиссии, с запозданием были свойственны для всех аспектов и всего хода метрической реформы. Особые сложности в ходе проведения реформы возникали в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке. В данных регионах, в отличие от Европейской России, практически полностью отсутствовала материально-техническая и кадровая основа для реформы в виде специализированных метрологических научно-технических учреждений – поверочных палат мер и весов, созданных в конце XIX – начале XX в. в ходе метрологической реформы Д.И. Менделеева.

Следует отметить, что вопросу создания сети сибирских поверочных учреждений, на которые вместе с губернскими (позднее – окружными) и другими региональными метрическими комиссиями возлагалась основная нагрузка по проведению метрической реформы в жизнь, внимание также уделялось по остаточному принципу. Процесс, который должен был быть проведен в сжатые сроки, буквально за несколько месяцев конца 1923 г., в итоге растянулся почти на два года, завершившись 1 октября 1925 г.

Подобное отношение к метрической реформе и основным органам, отвечавшим за внедрение метрической системы измерений на территории СССР в 1920-е гг., сложилось и в отечественной историографии, где как тема метрореформы, так и тема становления поверочного дела остаются малоизученными до настоящего времени. Историография второй темы (применительно к истории сибирских поверочных учреждений) на данный момент исчерпывается тремя работами по истории центров стандартизации и метрологии – Иркутского («На страже точности» Д.И. Могилевского [1]), Новосибирского («В прошлом и настоящем» Г.М. Емельянова [2]) и Томского («Золотой стандарт» С.И. Никифорова [3]). Из данных работ наиболее ценной является публикация Г.М. Емельянова, где во второй главе он приводит общую информацию о состоянии ряда сибирских поверочных органов в раннесоветские годы, однако и в ней данный период освещается довольно кратко и с неточностями.

На примере истории открытия Новониколаевской поверочной палаты, ставшей впоследствии на несколько десятилетий главным метрологическим учреждением Западной Сибири, наиболее наглядно можно рассмотреть, с какими трудностями могли сталкиваться сибирские поверочные палаты в период своего формирования и как эти трудности влияли на их работу, в чем и заключается цель настоящей статьи.

В рамках изучения истории Сибири исследования по истории метрологии в 1920-е гг. важны и существенны по двум причинам. Во-первых, именно в 1920-е гг. была заложена сеть поверочных учреждений в виде поверочных палат мер и весов, ставшая в будущем опорой для всей сибирской метрологии, во-вторых, в период метрической реформы именно на сибирские поверочные палаты Сибревкомом были возложены задачи по всестороннему консультированию государственных и частных учреждений и предприятий по вопросам, связанным с внедрением и применением метрических мер [4. Л. 2].

Законодательным основанием для создания на территории РСФСР (а впоследствии и СССР) сети поверочных учреждений стало постановление Совета труда и обороны РСФСР № 120 от 27 января 1922 г., также известное как Положение о местных поверочных палатах мер и весов [5]. В числе основных задач поверочных палат обозначались поверка и клеймение мер и весов, проведение ревизий, начальная подготовка лиц, желающих занять должности поверителей, выдача разрешений мастерским на ремонт мер и весов.

Начало процессу создания сети поверочных палат в Сибири положило заседание Комиссии при Сибплане по вопросу о мерах и весах, прошедшее 13 июля 1923 г. Наиболее важным предложением, выработанным комиссией, являлось предложение о создании поверочных учреждений во всех губернских центрах, подконтрольных Сибревкому, либо же хотя бы в трех наиболее крупных городах Сибири – Омске, Новониколаевске и Иркутске. В качестве центральной палаты, которая обладала бы полномочиями по регулированию деятельности всех других сибирских палат мер и весов, предлагалась палата, планируемая к учреждению в Новониколаевске. Аргументация комиссии основывалась на том, что Новониколаевск представлял собой динамично развивающийся административно-хозяйственный центр Сибири и крупный перевалочный пункт, находящийся на пересечении таких важных транспортных путей, как Транссибирская магистраль и р. Обь [6. Л. 1–1 об., 6 об.].

На своем заседании 1 августа Сибревком одобрил внесенные Комиссией предложения [7. Л. 1], принял предоставленный Сибпланом проект постановления [6. Л. 3], в котором утвердил вариант с созданием трех поверочных палат, и 20 августа направил в Поверочный институт Главной палаты мер и весов (Главмервеса) отношение № 5983, где сообщал о данном постановлении и запрашивал кадры и оборудование для организации палат [6. Л. 9].

Важно отметить, что действия Сибревкома совпали с намерениями Главной палаты мер и весов, которая за некоторое время до решения Сибревкома постановила приступить к созданию сети поверочных учреждений в Сибири. 13 октября 1923 г. Поверочный институт отношением № 4711 дал ответ Сибревкому по вопросу организации поверочных палат, полностью поддержав его идею и отметив, что Главная палата уже постановила начать данную работу. Особое внимание в отношении уделялось временному отделению Томской поверочной палаты, находившемуся в это время в Новониколаевске. Институт указывал на необходимость создания в городе самостоятельного научно-техничес-

кого учреждения и передачи ему надлежащего помещения для ведения постоянной деятельности. Разрешение этого вопроса напрямую увязывалось с открытием палаты в Иркутске – руководство Поверочного института полагало, что ее открытие могло произойти только после того, как будут разрешены все вопросы, связанные с началом работы палаты в Новониколаевске. Управляющий Томской поверочной палатой Г.И. Пузанков предупредил Главную палату, что могут возникнуть большие сложности как минимум с тем, чтобы подобрать нужное для постоянной работы помещение [6. Л. 9 об].

Три главных проблемы, с которыми на практике столкнулась Главная палата (и в частности Поверочный институт) при решении вопроса об организации работы сибирских поверочных учреждений, заключались в нехватке специалистов-метрологов на местах, отсутствии производств измерителей в Сибири и отсутствии точных данных о возможности предоставления помещений для работы палат и проживания служащих. С целью разрешить возможные спорные ситуации на месте Поверочный институт командировал в Сибирь Н.А. Бермана, наделив его также правами уполномоченного Главной палаты по вопросам организации поверочного дела в Западной Сибири.

Стоит отметить, что, несмотря на существование в Новониколаевске временного отделения палаты еще осенью 1923 г., временные отделения открывались только на период поверки и клеймения мер и весов, и по этой причине дату учреждения временного отделения нельзя считать датой основания палаты (и, как следствие, датой основания Новосибирского центра стандартизации и метрологии, который является ее преемником). Историю Новониколаевской поверочной палаты, равно как и Новосибирского ЦСМ, надлежит отсчитывать от решения коллегии Поверочного института Главной палаты мер и весов от 10 декабря 1923 г. и изданного на его основании приказа № 337 Главной палаты мер и весов от 11 декабря 1923 г. Данный приказ воплощал в жизнь озвученную выше «программу-минимум», выдвинутую Комиссией при Сибплане по вопросу о мерах и весах в июле 1923 г. и утверждал создание Омской поверочной палаты № 30, Новониколаевской поверочной палаты № 31 и Иркутской поверочной палаты № 32 с началом их деятельности с 1 января 1924 г. [2. С. 26].

31 декабря 1923 г. штат и оборудование учреждавшейся Новониколаевской поверочной палаты прибыли из Петрограда, а с 1 января 1924 г. палата, согласно приказу Главной палаты, считалась действующей. За ней были закреплены Новониколаевская, Алтайская и Семипалатинская губернии (в последней действовало постоянное отделение палаты в г. Семипалатинске), а также Ойратская автономная область [2. С. 27].

Представляется необходимым обратить внимание на то, что штат и оборудование палаты были присланы из Петрограда. Эти сведения, приводимые в работе Г.М. Емельянова, служат подтверждением существовавшим в Сибири проблемам, связанным с кадровой базой для работы поверочных учреждений. Косвенно это подтверждается и адресно-справочной книгой «Весь Новониколаевск» на 1924–1925 гг., где присутствует информация о кадровом составе поверочной палаты [8. II отд. С. 14]: предварительно установлено, что из пяти сотрудников, приведенных в данной книге, местным жителем являлся только один, поступивший на службу уже после создания палаты, в марте 1924 г. [9. Л. 2–3].

В то же время, несмотря на сложную ситуацию с кадрами, в 1923 г. в Западной Сибири уже существовала Томская поверочная палата, и, как следует из изученных на данный момент документов, ее сотрудники к организации работы палаты, создаваемой в Новониколаевске, привлечены не были. Фамилий ни одного из семи сотрудников Томской палаты на 1923 г. [2. С. 64] в кадровом составе Новониколаевской палаты также не фигурирует. Кроме того, необходимо упомянуть, что кадровый состав Омской палаты, изначально являвшейся отделением Екатеринбургской палаты и учрежденной одновременно с Новониколаевской, был сформирован из жителей Омска [2. С. 75–76].

Относительно оборудования палаты следует отметить, что в течение всей второй половины 1923 г. Комиссия при Сибплане по вопросу о мерах и весах занималась в том числе решением вопроса организации производства измерителей в Сибири. Например, на территории Омской губернии к концу 1923 г. производством метрических мер и весов, переделкой русских мер на метрические, ремонтом мер и весов занимался ряд производственно-ремонтных единиц, в том числе «Металлтрест» в Омске [6. Л. 7–7об.], 2-й механический завод и 26 мастерских [2. С. 72]. Однако то, что в ходе организации работы палаты ее инвентарь был привезен из Петрограда, а не закуплен на месте хотя бы частично, показывает, что на тот момент производство измерителей на местах находилось еще на довольно низком уровне.

Наиболее важным и проблемным для учреждения стал жилищный вопрос, который представляется возможным и необходимым рассмотреть подробно, поскольку, во-первых, данный вопрос стал самым существенным камнем преткновения на пути создания палаты, во-вторых, ситуация с предоставлением палате постоянного помещения является крайне наглядным отражением того положения, которое сложилось в жилищном фонде Новониколаевска (Новосибирска) в период бурного роста и развития города.

Несмотря на открытие работы палаты де-юре, де-факто она не имела возможности начать свою деятельность по причине того, что постоянное помещение поверочной палате заранее выделено не было. Только спустя более чем две недели, 17 января 1924 г., жилищный отдел Новониколаевского городского отдела местного хозяйства (ГОМХ) выдал Н.А. Берману справку № 328 о передаче в двухнедельный срок частновладельческого дома на ул. Гуляевской, 11, который на тот момент занимал Сибгосспирт. 24 января в Новониколаевск телеграфировал директор Поверочного института А.Н. Доброхотов: «Настоятельная просьба оказать энергичное содействие приисканию помещения поверочной палате мер и весов. Отсутствие помещения сделает невозможным открытие Новониколаевской поверочной палаты» [6. Л. 11].

Тем не менее в положенный двухнедельный срок передача здания поверочной палате не состоялась. 13 февраля Н.А. Берман вынужден был обратиться в ГОМХ, указав, что если просьба о выдаче помещения не будет удовлетворена, будет сделано представление в Ленинград о закрытии вопроса о создании в Новониколаевске поверочной палаты по причине отказа в отводе помещения [10. Л. 19–19 об.]. Спустя неделю, 20 февраля, ГОМХ сообщил Н.А. Берману о причинах сложившейся ситуации: выезд Сибгосспирта из здания на ул. Гуляевской, 11 задерживался в связи с тем, что в другом доме, на углу Красного проспекта и Октябрьской улицы, который был отведен Сибгосспирту вместо дома на ул. Гуляевской, еще находился Промбанк, а в здании 1-й хирургической больницы на углу Красного проспекта и Коммунистической улицы, отведенном Промбанку, еще не был закончен ремонт [10. Л. 20–20 об.].

Сибгосспирт съехал только 5 марта; 7 марта поверочная палата наконец въехала в отведенное ей здание. Однако на следующий же день жилищный отдел ГОМХа выписал ордер Управлению кишечной промышленности по Сибири (Сибрайкишпроду) на половину дома, так как, по утверждению проверяющего Кузнецова, во-первых, управляющий палатой занял половину дома под свою квартиру, а не под нужды палаты (что сам Н.А. Берман категорически отрицал, указывая, что занял только одну из двух комнат в 1,5 кв. сажени, изначально отведенных для служителей), во-вторых, поверочная палата и не нуждалась в таком большом помещении, учитывая ее штат всего в 4 человека и немногочисленный инвентарь [10. Л. 17].

Поверочной палате не удалось договориться с Сибрайкишпродом о мирном решении вопроса. Сложившаяся ситуация привела к личному вмешательству Президента Главной палаты академика Д.П. Коновалова. 5 апреля в отношении № 1957 Новониколаевскому губисполкому он указывает, что поверочная палата была открыта в Новониколаевске по настоятельному требованию Сибревкома, а не по инициативе Главной палаты. Здесь же высказывалось мнение о том, что если бы Сибревком не высказал такого требования, то имеющиеся ресурсы были бы направлены на расширение Томской палаты, а в Новониколаевске оставлено только отделение.

Д.П. Коновалов уже, в свою очередь, говорил о необходимости скорейшей передачи палате надлежащего помещения в полном объеме, указывая, что, во-первых, даже здание на ул. Гуляевской будет пригодно для палаты лишь на первых порах, поскольку со временем предполагается открытие ряда лабораторий, а во-вторых, что срыв открытия палаты приведет к бессмысленной крупной растрате народных средств, о чем будет обязательно сообщено в соответствующие инстанции [10. Л. 31]. Однако на основании изученных документов можно заключить, что никакого реального эффекта на положение дел это отношение, по всей видимости, не возымело.

Спор был передан в народный суд 5-го участка г. Новониколаевска, который 16 апреля вынес решение в пользу палаты и предписал Сибрайкишпроду освободить здание. В ответ Сибрайкишпрод предпринял попытку затянуть выселение, подав 30 апреля кассационную жалобу в Новониколаевский губернский суд, которую приняли к рассмотрению, и просьбу о приостановке решения народного судьи о выселении, которая была удовлетворена, о чем палата получила извещение 9 мая [10. Л. 22–23 об.]. К сожалению, на данный момент материалы дела ни в фонде Новониколаевского губернского суда, ни в других фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАНО) не обнаружены, поэтому подробно рассмотреть вопрос с этой точки зрения не представляется возможным.

22 мая, спустя почти пять месяцев после прибытия в Новониколаевск, Н.А. Берман написал председателю Сибревкома М.М. Лашевичу, где изложил всю ситуацию, начиная с прибытия штата палаты в город вплоть до подачи кассационной жалобы. Настаивая на необходимости передачи помещения, Н.А. Берман указывал, что данная ситуация наносит ущерб не только торговле, но и ведению пропаганды метрической системы среди горожан. Более того, так как палата не имела должного помещения, она даже не могла официально объявить о своем открытии. По утверждению Н.А. Бермана, палата ежедневно получала меры и весы на поверку, но всем приходилось отказывать. Вывод, сделанный управляющим палатой, заключался в следующем: палата при вышеуказанных обстоятельствах существовать в Новониколаевске не может, в связи с чем перед Главной палатой будет возбуждено ходатайство о переводе палаты в другой город, если палата не получит удовлетворяющее ее помещение [10. Л. 18–18 об.].

На первом листе пакета документов, направленных Н.А. Берманом председателю Сибревкома [10. Л. 17], наложено три резолюции, отражающих ход процесса после отправки документов в Сибревком.

Первая резолюция: «т. Тростникову. Разберитесь с этим делом. Мне кажется, что прав тов. из Повер. палаты и Кишпрод надо бы выселить. 24 V 24 г.»

Вторая резолюция: «Вызвать зав. Сибкишпродом. Был поверенный Сибкишпрода Никольский и просил разрешения отсрочки на 10 дней до приезда Уполномоченного. 24 V 24 г. Вызвать Бермана»

Третья резолюция: «[два слова нечитаемы] пост. суда обжаловано выселения не было. 26 V 24 г»

24 мая Н.А. Берман направляет телеграмму в Ленинград, где в связи с сильным износом рабочих гирь и отсутствием помещения для поверки запрашивает временное прекращение работы поверочной палаты до получения помещения во избежание снабжения населения неправильными мерами веса [10. Л. 25 об.] и дублирует ее председателю Сибревкома. На копии телеграммы две резолюции:

«Тростникову. Я просил вызвать Бермана. 24 V 24»

«тов. Берман приглашен на 26/V»

Как прошла и чем закончилась встреча Н.А. Бермана с представителями Сибревкома 26 мая [10. Л. 16], в документах Управления делами Сибревкома не отражается. Можно утверждать, что по ее итогам помещение палате передано не было, поскольку 3 июня А.Н. Доброхотов направляет в адрес Сибревкома отношение № 3070, вновь указывая на проблему с по-

мещением, предупреждая, что в случае непредставления палате помещения немедленно, палата будет вынуждена выехать [10. Л. 30]. На отношении очередная резолюция: «Вызвать кишпрод сегодня 14 VI-24 г.».

Неизвестно, как долго могла бы продолжаться данная ситуация, если бы в начале июля в Новониколаевск не был направлен А. Иосифов, управляющий отделом поверочных палат Главной палаты мер и весов. К сожалению, в документах не отражено, каков был результат его визита, однако стоит отметить, что в номере «Советской Сибири» за 9 июля 1924 г. в разделе объявлений присутствует следующая заметка:

«ПОХИЩЕНЫ: открытый лист Главмервеса от 2 июня 1924 г., за № 3065; мандат и командировочное удостоверение Главмервеса от 2 июля –24 г.; трудовая книжка Московско-Нарвского района Ленинграда 1921 г.; все документы на имя Аркадия Иосифова, управляющего отделом поверочных палат Главмервеса СССР. Нашедшего просят вернуть по адресу Новониколаевск, Гуляевская 11, в Поверочную палату» [11. С. 10].

Своеобразным итогом, завершившим спор, стала телеграмма А.Н. Доброхотова от 17 июля Сибревкому о том, что в связи с отсутствием надлежащего помещения для работы поверочная палата в Новониколаевске ликвидируется, её имущество и штат передаются Томской поверочной палате, а управляющий по окончании ликвидации может покинуть город [10. Л. 45]. Позднее Томская палата в докладе Сибревкому указывала, что Новониколаевская палата с 1 августа 1924 г. была переведена в статус отделения [6. Л. 22]; Семипалатинское отделение в это же время перешло в ведение Омской палаты.

Учитывая отмеченные в «Советской Сибири» обстоятельства визита А. Иосифова, представляется возможным предположить, что вопрос о работе Новониколаевской палаты был в итоге закрыт не только по объективной причине в виде отсутствия решения жилищного вопроса на протяжении полугода, но и в силу человеческого фактора, заключавшегося в личных впечатлениях управляющего отделом поверочных палат от пребывания в Новониколаевске.

Описывая поверочные учреждения Сибири по состоянию на апрель 1925 г., Г.И. Пузанков называет три палаты: 15-ю Томскую с отделением в Новониколаевске, 30-ю Омскую с отделением в Семипалатинске и 32-ю Иркутскую с отделением в Чите [12. Л. 7–7 об.]. К июлю 1925 г. отделение разместилось в двух домах на Трудовой улице, № 4 (собственно отделение) и № 4а (квартиры сотрудников), однако поверители еще надеялись получить более новое и приспособленное для своих нужд помещение. 28 июля 1925 г. управляющий Новониколаевским отделением В.П. Балюра по согласованию с управляющим Томской поверочной палатой Г.И. Пузанковым подал в управление Новониколаевского губернского инженера проект постройки нового двухэтажного дома на углу Красного проспекта и Потанинской улицы [13. Л. 1–2]. Губернский инженер одобрил проект, однако новое здание для палаты построено не было.

8 сентября 1925 г. управляющий Томской поверочной палатой Г.И. Пузанков посредством сделки купли-продажи через Новониколаевскую государственную нотариальную контору выкупает у К.М. Афанасьевой два дома по Трудовой улице (места № 9 и 10, квартал 67) за 21 500 руб.; общая площадь земельного участка составила 1 150,92 м^2, полезная площадь двух домов – 281,47 м^2 [2. С. 40]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что до покупки эти дома К.М. Афанасьева сдавала палате в аренду, в то время как сами сотрудники поверочной палаты надеялись на строительство для нее нового здания и с этой целью и подавали проект. Когда же им в этом было отказано, и была произведена покупка зданий. После того как отделение наконец получило постоянное помещение для работы, последнее препятствие для ее перевода в статус самостоятельной палаты отпало, и с 1 октября 1925 г. оно было официально реорганизовано в отдельную палату.

Как итог можно отметить, что в ходе создания сети сибирских поверочных учреждений Главная палата мер и весов столкнулась с рядом проблем и сложностей, наиболее существенными из которых были проблема кадров, проблема технического обеспечения и жилищный вопрос. Несмотря на то, что техническое обеспечение и кадры, необходимые для создания поверочной палаты в Новониколаевске, удалось перевезти из Петрограда, жилищный вопрос оказался основной проблемой, вставшей перед палатой и не давшей ей возможности своевременно начать свою работу. В результате окончательное открытие Новониколаевской палаты состоялось на 21 месяц позже открытия Омской и Иркутской палат, приступивших к своим задачам в январе 1924 г.

Важно отметить, что существенную роль в возникновении данной ситуации сыграла и местная администрация. В частности, именно пассивная позиция Сибревкома по отношению к вопросу обеспечения палаты помещением стала причиной задержки начала ее работы. К сожалению, причины данной позиции объяснить крайне затруднительно, особенно с учетом того, что, как было отмечено выше, в 1923 г. и Сибревком, и отчитывавшаяся перед ним Комиссия при Сибплане по вопросу о мерах и весах сами выступали за создание в Новониколаевске поверочного учреждения, более того – поверочного учреждения, которое бы являлось центральным для всех поверочных палат и отделений на территории, находившейся в ведении Сибревкома. Как результат, непоследовательная позиция Сибревкома по данному вопросу стала одной из важных причин увеличения сроков создания основы для сети сибирских поверочных учреждений.

Список источников

1. Могилевский Д.И. На страже точности. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 46 с.
2. Емельянов Г.М. В прошлом и настоящем: из истории Новосибирского центра стандартизации, метрологии и сертификации с момента его образования до сегодняшних дней. Новосибирск, 1997. 431 с.
3. Никифоров С.И. Золотой стандарт : посвящается 100-летию основания Томского центра стандартизации, метрологии и испытаний. Томск : Дарт-Ком, 2019. 174 с.

4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 851.
5. Постановление Совета Труда и Обороны РСФСР. Положение о местных поверочных палатах мер и весов. 27 января 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1922 г. М. : Изд. Управ. делами Совнаркома СССР, 1950. № 12. 9 марта. Отд. 1-й. Ст. 120.
6. ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 177.
7. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 993.
8. Весь Новониколаевск : адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925. Новониколаевск : Сиб. отд-ние Рос. телеграфного агентства, 1925. 252 с.
9. ГАНО. Ф. Р-1317. Оп. 1А. Д. 102.
10. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 26.
11. Советская Сибирь. 1924. № 154 (1396). 9 июля.
12. ГАНО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 1003.
13. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 15.

References

1. Mogilevsky, D.I. (1975) *Na strazhe tochnosti* [On guard of accuracy]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
2. Emelyanov, G.M. (1997) *V proshlom i nastoyashchem: iz istorii Novosibirskogo tsentra standartizatsii, metrologii i sertifikatsii s momenta ego obrazovaniya do segodnyashnikh dney* [In the past and present: From the history of the Novosibirsk Center for Standardization, Metrology and Certification from the moment of its formation to the present day]. Novosibirsk: [s.n.].
3. Nikiforov, S.I. (2019) *Zolotoy standart: posvyashchaetsya 100-letiyu osnovaniya Tomskogo tsentra standartizatsii, metrologii i ispytaniy* [Gold Standard: Dedicated to the 100th anniversary of the foundation of the Tomsk Center for Standardization, Metrology and Testing]. Tomsk: Dart-Com.
4. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1053. List 1. File 851.
5. USSR Sovnarkom. (1950) Postanovlenie Soveta Truda i Oborony RSFSR. Polozhenie o mestnykh poverochnykh palatakh mer i vesov. 27 yanvarya 1922 g. [Resolution of the Council of Labor and Defense of the RSFSR. Regulations on local verification chambers of weights and measures. January 27, 1922]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g.* [Collection of laws and regulations of the Workers 'and Peasants' Government]. Vol. 12. 9th March. Moscow: [s.n.]. Col. 120.
6. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1180. List 1. File 177.
7. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1. List 1. File 993.
8. Siberian Branch of the Russian Telegraph Agency. (1925) *Ves' Novonikolaevsk : adresno-spravochnaya kniga s kratkoy istoriey i planom goroda, 1924–1925* [All Novonikolaevsk: address and reference book with a brief history and city plan, 1924–1925]. Novonikolaevsk: Siberian Branch of the Russian Telegraph Agency.
9. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1317. List 1A. File 102.
10. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-19. List 1. File 26.
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1924) 9th July.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1981. List 1. File 1003.
13. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1993. List 1. File 15.

***Сведения об авторе*:**
Макаров Илья Вадимович – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Makarov Ilya V. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: makarov.ilyamakarov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 21.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 93/94:2-78
doi: 10.17223/19988613/85/8

«Миссионерство – это цель церкви»: противораскольническая деятельность церковного братства свт. Димитрия Ростовского в Томской епархии (конец XIX – начало XX в.)

Алексей Алексеевич Мицук

Томский государственный университет, Томск, Россия, rixalos@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена миссионерской и просветительской деятельности томского епархиального церковного братства свт. Димитрия Ростовского, целью которого являлось обращение старообрядцев в официально принятую в государстве православную веру. Несмотря на незначительные итоги религиозных переходов последователей староверия, сотрудниками братства был накоплен материал по истории старообрядчества, который является ценным корпусом источников для специалистов по истории отечественного религиоведения.
Ключевые слова: церковное братство, противораскольническая миссионерская практика, история старообрядчества, Томск

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-39-90007 «Коммуникативные практики православных противораскольнических миссионеров Томской епархии конца XIX – начала XX вв.: механизмы, формы и содержание».

Для цитирования: Мицук А.А. «Миссионерство – это цель церкви»: противораскольническая деятельность церковного братства свт. Димитрия Ростовского в Томской епархии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 60–69. doi: 10.17223/19988613/85/8

Original article

“Missionary is the goal of the Church”: anti-schismatic activities of the church brotherhood St. Dimitry of Rostov in the Tomsk diocese (late XIX – beginning XX centuries)

Alexey A. Mitsuk

Tomsk State University, Tomsk, Russia Federation. E-mail: rixalos@mail.ru

Abstract. The subject of the scientific article is the activity of the church brotherhood named St. Demetrius, Metropolitan of Rostov, which acted as the coordinator and organizer of the anti-schismatic missionary work of the Tomsk diocese of the late 19th - early 20th century. It was the Tomsk diocese during this period that was the place of the rapid growth in the number of old-believers of various directions. Although the old-believer communities adhered to eschatological teachings that were dissimilar in terms of radicality, differed in the type of social organization, but together they represented a serious force by which the Russian Orthodox Church opposed the propaganda of the Old Believers.

The sources of the study were the issues of the local diocesan newspaper «Tomsk Diocesan Vedomosti», containing information about the trips of missionaries and reviews of the current state of the old-believers and sectarians, as well as the anti-schismatic measures that were taken. Together with the involvement of archival materials, they are able to show the contribution of missionaries to the anti-schismatic mission of the Tomsk diocese at the turn of the 19th-20th centuries.

In the course of studying of the anti-schismatic missionary activity of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov, the following conclusions were drawn. At the first stage of the brotherhood's activity, those who converted from the old-believers to Orthodoxy became its employees. In the future, missionaries were appointed deanery priests and persons who received a higher spiritual education and were professionally trained to conduct «exhortations» – special conversations organized to convince the old-believers of the fallacy of their beliefs. However, the financial instability of the brotherhood, which existed at the expense of voluntary donations, did not allow hiring more than three such employees, which seemed insufficient for the huge size of the Tomsk diocese.

In general, in a short period of time, the brotherhood was able to achieve tangible success in organizing missionary trips around the diocese and training new qualified missionary personnel in cooperation with existing theological educational institutions. But in the context of the ongoing mass migrations of old-believers to this region and the religious indifference of the rural congregation of the Russian Orthodox Church, the brotherhood could not achieve the predicted results.

© А.А. Мицук, 2023

Brotherhood of St. Demetrius of Rostov suffered a complete failure of its mission, however, the notes, reports and diaries of the anti-schismatic missionaries left behind are not only evidences of the attempts being made to solve the problem of the church schism with the help of «dialogue», but also an illustration of the vitality, high adaptability of the Old Believers communities.
Keywords: church brotherhood, anti-schismatic missionary practice, the history of old-believers, edinoverie, Tomsk

Acknowledgements: The research was supported by a grant Russian Foundation for Basic Research, project № 20-39-90007 “Communicative practices of Orthodox anti-schismatic missionaries of the Tomsk diocese in the late XIX – early XX centuries: mechanisms, forms and content”.

For citation: Mitsuk, A.A. (2023) “Missionary is the goal of the Church”: anti-schismatic activities of the church brotherhood St. Dimitry of Rostov in the Tomsk diocese (late XIX – beginning XX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 60–69. doi: 10.17223/19988613/85/8

Нормы имперского законодательства в религиозной сфере определяли строгую иерархию официально признанных вероисповеданий и конфессиональных объединений. Доминирующее положение, конечно, занимала Русская православная церковь. На следующей ступени находились «терпимые» и «вредные» вероисповедания, куда приписывались отдельные группы христиан-старообрядцев. Переход из официального православия в старообрядчество предусматривал суровые наказания и порицания со стороны духовных и светских властей и рассматривался как прецедент, угрожающий политическому существованию государственного строя [1. С. 14–15]. Такое понимание ситуации предполагало активную деятельность православных епархий по недопущению «совращения в раскол», но в XIX в. в сибирских епархиях, а особенно в образованной Томской епархии, меры борьбы с расколом носили ограниченный характер. Для исправления данной ситуации в Томской епархии была создана специальная миссионерская организация – церковное братство свт. Димитрия, митрополита Ростовского, которое с самого основания в 1884 г. являлось главным епархиальным органом для обращения последователей староверия в православие. Поэтому цель данной статьи – выявить вклад церковного братства свт. Димитрия Ростовского в формирование антистарообрядческой миссии Томской епархии конца XIX – начала XX в.

Согласно статистическим данным, к 1885 г. наблюдается резкое увеличение числа старообрядцев – до 35 417 последователей, что составляло около 3% от населения Томской губернии [2. С. 3–4]. Обеспокоенность широким распространением церковного раскола в епархии привела в 1883 г. к обсуждению на общеепархиальном съезде духовенства Томской епархии вопроса о мерах противодействия старообрядчеству. Съезд постановил, во-первых, открыть в Томской духовной семинарии на местные средства штатную кафедру раскола, как это уже сделали Московская и Саратовская епархии; во-вторых, обязать церковные причты закупать рекомендованные церковными учеными противораскольнические книги, в-третьих, назначить особых миссионеров в главных центрах раскола Томской епархии. Под влиянием таких постановлений духовенство и местные жители г. Бийска приходят к обоюдному согласию в учреждении специального церковного братства [3. С. 2–3].

Для осуществления антистарообрядческой миссионерской деятельности епископ Бийский Макарий (Невский), назначенный в феврале 1884 г. на кафедру, после долгого согласования с начальником губернии И.И. Красовским утверждает устав братства, а уже 21 сентября 1884 г. состоялось торжественное открытие томского епархиального противораскольнического братства свт. Димитрия, митрополита Ростовского. Через месяц (22 октября) учреждается центральный орган по координации деятельности миссионеров – Совет братства в г. Бийске под председательством епископа Макария, имевшего опыт миссионерской работы. В уставе братства была обозначена его главная цель: «Для утверждения чад Православной Церкви, в пределах Томской епархии, в истинах Православной веры и благочестия и для охраны православной паствы от пропаганды раскола, с другой стороны, для ослабления посягательств раскола на целость православной Церкви» [4. С. 10–11].

Открытие церковного братства было приурочено к 25-летию со дня открытия Томской духовной семинарии, а покровителем выбран свт. Димитрий, митрополит Ростовский (1651–1709). Он являлся одним из выдающихся просветителей, воспитанником Киево-Могилянской академии, переехавшим в Москву после присоединения Левобережной Украины к России. Святейшим Синодом в 1757 г. он был причислен к лику святых [5].

Выбор покровителя определялся, во-первых, «связью» Димитрия Ростовского с Сибирью. В 1701–1702 гг. он был назначен руководителем первой из созданных в регионе епархий – Тобольской, но все это время жил на Сибирском подворье московского Чудова монастыря. Во-вторых, святитель был известен как один из полемистов со старообрядцами. Именно вторая половина XIX в. лучше всего отражала димитриевское понимание борьбы с церковным расколом – «сопоставление их [старообрядческого] учения с духом евангельским, следствием чего… открывается его слепая привязанность к одним видам внешним, оцеждающим комаров и пожирающая вельбудов» [6. С. 602]. Оно предполагало вместо открытого опровержения несостоятельности учений староверов работу по их переубеждению, подготовке самостоятельного принятия ими фактов, опровергающих «фундамент» раскола.

После открытия Совета братства в Бийске было образовано Бийское отделение, а в течение следующих двух лет (1885–1886) открыты Барнаульское, Томское, Каинское, Мариинское, Усть-Каменогорское, Нарымское, Кузнецкое и Семипалатинское отделения [7. С. 22].

По положению братства свт. Димитрия Ростовского, принятому в 1884 г., оно должно состоять из лиц православного вероисповедания любого сословия и пола, которые подразделялись на следующие категории: а) «почетные братчики» – те, кто пожертвовал крупные денежные суммы на деятельность миссионеров или мог оказывать поддержку братчикам в силу своего служебного положения и влияния; б) «непременные братчики» – священнослужители, в чьих приходах проживают старообрядцы; в) «соревнователи» – все оказывающие помощь личным участием в распространении противораскольнических книг, изучении состояния «раскола» на местах и борьбе с ним; г) «благотворители», вносившие пожертвования не менее 1 руб. в год; д) «учредители», ходатайствовавшие об учреждении Совета или отделений братства [4. С. 11]. К примеру, в Томское отделение изъявили желание вступить обеспеченные и известные горожане, такие как купцы Ф. Пушников и А. Карнаков, городской голова П.В. Михайлов, преподаватели и сотрудники духовной семинарии В. Юновидов и иеромонах Иннокентий [8. С. 158].

Совет братства детально прописал задачи, на решении которых следовало сосредоточиться отделениям и Совету, а именно: а) сбор сведений о местоположении, численности и количестве толков старообрядцев с приведением информации о состоянии их религиозно-нравственной жизни и возможных притеснениях православных верующих; б) доклады в местные органы власти в случае переселения православных в старообрядческие поселки и деревни; в) приглашение и подготовка специально обученных миссионеров для оказания воздействия на старообрядцев и сектантов, контроль над деятельностью миссионеров; г) открытие в местах с высокой концентрацией староверов православных приходов, церквей, молитвенных домов и школ, назначение в братские школы учителей, способных дать отпор в личных и публичных беседах с «раскольниками»; д) создание миссионерских библиотек для общего пользования всех желающих читателей и снабжение их необходимой литературой «в видах ограждения от пропаганды раскола и сектантства»; е) организация общественных собеседований и чтений; ж) направление в каникулярное время в населенные пункты епархии, где живут старообрядцы, преподавателя по кафедре истории и обличению раскола семинарии с выдачей ему командировочных денег с целью обновления практического и лекционного курса по истории направлений старообрядчества в Томской епархии [4. С. 10–12].

Летом 1885 г. в Казани состоялось собрание преосвященных архиереев, посвященное проблемам внутренней миссии, где обсуждался вопрос о старообрядчестве. В ходе заседаний было отмечено сокращение численности старообрядцев в тех епархиях, где проводились публичные собеседования, поэтому было рекомендовано при каждой епархии учредить хотя бы по одному епархиальному миссионеру, освобожденному от других обязанностей, с назначением ему обязательного денежного довольствия в размере 1 200 руб. в год и компенсацией расходов на разъезды [9. С. 7–9].

Томская епархия приняла рекомендации Казанского собора, и с 14 октября 1888 г. на заседании Совета Бийского Свято-Димитриевского братства был поднят вопрос об учреждении специальных миссионеров. Но денежных средств для учреждения должности епархиального миссионера не хватало, и было предложено назначить на первое время нескольких уездных миссионеров в самых «зараженных» районах. По Бийскому и Кузнецкому округам миссионерскую функцию исполнял единоверческий священник Михаил Кандауров с жалованием в 500 руб., помимо прогонных денег. По Барнаульскому и Каинскому отделениям был рекомендован крестьянин Тимофей Чешуин, проживавший по поручению Совета в селе Тюменцево, населенном старообрядцами. Место по Томскому и Мариинскому отделению оставалось вакантным до января 1893 г. [10. С. 12], а в Усть-Каменогорском, Нарымском округах и Семипалатинской области Томской губернии, где не было зафиксировано активной деятельности староверов, так и не были созданы миссионерские противораскольнические отделения, вся работа возлагалась на местных священников [11. С. 24–25].

При рассмотрении биографий первых миссионеров церковного братства выясняется важная особенность – как минимум двое из них (М. Кандауров и Т. Чешуин) в прошлом принадлежали к старообрядчеству, но по разным причинам перешли в официальное православие.

Михаил Кандауров вышел из среды старообрядческого согласия «странников», или «бегунов». В 1859 г. он вместе с женой и двумя детьми «ушел от мира» в ожидании скорого Страшного суда. Семья жила в таежных скитах Томской губернии, но десять лет аскетичной жизни привели Михаила Кандаурова к вопросу о пророках Енохе и Илии, которые по эсхатологическим предсказаниям должны появиться до наступления «последних времен», и «если нет их, то и антихрист еще не воцарился… Следовательно, и бегать не от кого; следовательно, и старообрядчество – заблуждение» [12. С. 12]. В дальнейшем он снискал большую популярность в беседах с православными и старообрядцами и по предложению томского архиерея стал единоверческим священником в Бийском округе. Эрудированность М. Кандаурова отмечалась в епархиальной газете, так как он «все вопросы, поднимаемые тем или другим [*старообрядческим*] толком и решения их в духе православия знает не хуже человека, получившего специальное образование по расколу, хотя сам не учился ни в одной школе» [12. С. 12–13].

Тимофей Тихонов Чешуин был выходцем из староверов-крестьян Вятской губернии. О его жизни до вступления в братство свт. Димитрия Ростовского практически ничего не известно, но деятельность как братчика регулярно отмечается на страницах «Томских епархиальных ведомостей»: его усилиями «возвращены в лоно церкви» старообрядцы в пос. Кулунда и дер. Плотниковой, открыта церковная школа грамотности в дер. Выдрихе [13].

В дальнейшем Совет братства в течение нескольких лет учреждает трех епархиальных миссионеров, причем главным критерием для назначения становится квалификация, т.е. наличие богословского образования. При этом в обязанности миссионеров вводится представление письменного отчета Совету братства, в ко-

тором должны были отражены основные данные по собеседованиям со старообрядцами (где, когда и о чем разговаривали). Данные путевые дневники публиковались в местной печати и предназначались для ознакомления духовенства с особенностями «раскола» в епархии [14. С. 26–27].

Одним из епархиальных миссионеров по Томскому, Мариинскому и Каинскому отделениям был поставлен Арсений Кикин. Согласно отчету братства, за 1893–1894 гг. он провел более 100 собеседований и обратил из «раскола» в православие 25 человек, содействовал открытию четырех церковных школ [15. С. 2–3]. По Бийскому и Змеиногорскому отделениям за противораскольническую миссию по-прежнему отвечал Михаил Кандауров, хотя и не имевший церковно-богословского образования, но очень активный миссионер: за 1892–1893 гг. он посетил чуть ли не все округа епархии, объездив суммарно более 1 тыс. верст и организовав более 100 собеседований. Результатом этих бесед стало строительство приходского храма в с. Солонечном, где он стал постоянно проживать и исполнять обязанности единоверческого священнослужителя [16. С. 19]. В Барнаульском и Кузнецком отделениях епархиальным миссионером состоял Павел Соколов, слушателей которого «собиралось столько, сколько могли вместить дома, в которых устраивались эти беседы». Например, в г. Барнауле из-за наплыва слушателей пришлось перенести встречу из помещения церковно-приходской школы в здание городской думы» [15. С. 14].

Для помощи епархиальным миссионерам некоторым священникам, способным наряду со своими обязанностями по приходу организовывать беседы со старообрядцами, присваивался статус «окружного» или «уездного миссионера» [17. С. 11–12]. Так, в одной из публикаций о деятельности братства назван владелец столярной мастерской Стефан Галкин (Змеиногорский округ, с. Айское), исполнявший одновременно должности псаломщика, окружного антистарообрядческого миссионера и учителя в школе грамоты [15. С. 13–14].

Интересны сведения о православном «братчике-соревнователе» Автоманове из благочиния № 18 Барнаульского округа. Автоманов обучился грамоте в зрелом возрасте и под руководством протоиерея Смирнова (одного из окружных противораскольнических миссионеров) смог обучиться основам полемики со староверами. Получая от братства скромные 8 руб. в месяц, он забросил все имеющееся хозяйство и на лошади с книгами и брошюрами противораскольнического содержания разъезжал по старообрядческим населенным пунктам, «останавливаясь в них на более или менее продолжительное время» [18. С. 13].

Неудобство управления и осуществления контроля за деятельностью братства со стороны епархиального епископа приводит к переносу в 1893 г. Совета братства из Бийска в губернскую столицу [19. С. 4]. Предположительно, это произошло по инициативе Макария, ставшего в 1891 г. епископом Томским и Семипалатинским и стремившегося сосредоточить все миссионерские структуры в одном месте для того, чтобы оперативно решать возникающие проблемы [14. С. 26–27]. К тому же были внесены уточнения в прежнюю расплывчатую формулировку последнего пункта устава 1884 г., согласно которому братство должно было «принимать другие непринудительные меры, служащие к утверждению Православия и ослабления раскола». Результатом стало появление трех дополнительных направлений работы, в соответствии с которыми братству предписано: «з) озаботиться сбором пожертвований для умножения своих средств и изыскивать другие постоянные или временные источники доходов; и) поощрять ревностных на миссионерском поприще деятелей и поддерживать их материальными пособиями; к) принимать живое участие в судьбе лиц, переходящих в православие, оказывая им всевозможное покровительство, а малолетним из них давая на время и приют» [20. С. 6].

Одним из самых сложных для братства был вопрос денежного обеспечения, оплаты труда миссионеров и получения денег на прогоны и разъезды. Сам принцип формирования бюджета братства предполагал, что организация будет существовать за счет пожертвований, при этом размер членского взноса определял градацию «братчиков». Например, при открытии братства было собрано 1 054 руб., при этом из 46 человек один являлся «почетным братчиком» (внес 200 руб.), 10 стали «пожизненными братчиками» (внесли по 100 руб.), 27 – «благотворителями братства» (внесли от 3 до 10 руб.), 5 – простыми братчиками (внесли менее 1 руб.) [21. С. 1].

Однако на протяжении всего существования братства добровольные пожертвования оказывались недостаточными, и для пополнения его бюджета организовывались специальные духовные концерты со сборами «доброхотных подаяний». Так, в день открытия барнаульского отделения братства за счет продажи пригласительных билетов на мероприятие удалось привлечь дополнительных 128 руб. и 15 коп. [8. С. 158].

Продажа книжных изданий стала еще одним источником средств для братства. Например, объявление в «Томских епархиальных ведомостях» о продаже сочинения профессора Томского университета Д.Н. Беликова «Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным)» [22] по 40 коп. за один экземпляр сопровождалось указанием, что «поступающие суммы от продажи книг будут обращены на усиление средств противораскольнического братства свт. Димитрия Ростовского» [23. С. 16].

Для пополнения денежных средств братство учреждало при каждой церкви епархии специальные кру́жки для добровольных пожертвований. Их поступление должно было обеспечить приходское духовенство, на которое возлагалась обязанность рассказывать о уставе и деятельности братства в личных собеседованиях с сочувствующими мирянами и во время праздничных и воскресных богослужений. Собранные деньги вместе с расчетными денежными книгами по сбору пожертвований отправлялись в августе каждого года местному благочинному, который передавал все в ближайшее отделение братства [19. С. 5–6]. Данная мера существенно увеличивала бюджет братства: в 1886 г. поступило 1 972 руб. 22 коп., в 1889 г. – 4 865 руб. 65 коп., в 1893 г. – 5 294 руб. 36 коп. Расходы братства произ-

водились сообразно доходам: в 1886 г. было израсходовано 1 181 руб. 82 коп., в 1889 г. – 3 897 руб. 73 коп., а в 1894 г. – 5 063 руб. 76 коп. Профицит бюджета позволил за первое десятилетие существования братства скопить запасной капитал, который к 1896 г. составлял более 6 тыс. руб. и использовался на финансирование разъездов миссионеров по епархии, закупку необходимых противораскольнических книг и учебной литературы, строительство школ [24. С. 16–17].

Первоочередной задачей братства являлся сбор информации о «расколе» в епархии. Составленная инструкция показывает, что противораскольническую миссию интересовали: число старообрядцев и их местонахождение; разновидности толков и согласий староверия; данные о наставниках, скитах и об особенных случаях в религиозно-общественной жизни «поборников старины»; сведения о взаимоотношениях с православными; оценка эффективности борьбы со старообрядчеством духовными и светскими властями; реакция прихожан русской православной церкви на «старообрядческую пропаганду» [25. С. 146].

В рекомендациях по борьбе с «расколом», составленных делопроизводителем братства и преподавателем истории и обличения раскола И.П. Новиковым, высокая степень его распространения в епархии связана с составом волостных и сельских органов управления, где нередко руководящие посты занимали старообрядцы. Как обычную он описывает ситуацию, когда «с разными препятствиями миссионер приезжает в селение, где он намерен устроить собеседование. Узнает об этом староста, предрасположенный к расколу или сам раскольник, призывает десятского и дает ему приказ: иди по сельчанам, скажи всем, чтобы никто к миссионеру на беседу не ходил, беседовать его к себе в дом не впускал…» [26. С. 22–23].

В таких условиях нужны были дополнительные каналы для воздействия на старообрядцев. Одним из них являлась печатная продукция.

26 марта 1897 г. епископ Томский и Барнаульский Макарий ходатайствует в Святейший Синод об открытии миссионерского органа печати, направленного на защиту православия от религиозных диссидентов. «Печатное слово» имело преимущество в распространении, в то время даже самый опытный миссионер ограничен территорией, на которой он действует. Не менее важный аргумент в пользу открытия журнала Макарий приводит, когда сравнивает речь миссионера с тем, что написано на бумаге: «Самая безукоризненная образцовая устная беседа миссионера способна занять умы слушателей только на самое короткое время. Уже с отъездом миссионера впечатление беседы начинает сглаживаться, а вскоре и совсем исчезает… сами местные раскольники ценят печатное слово и отдают ему преимущество перед беседами устными. Некоторые из раскольнических начетчиков вовсе отказываются от собеседований, предлагая или свои письменные вопросы, прося на них ответа, или изъявляют полную готовность отвечать таким же путем на вопросы, сколько бы их не предложил им представитель» [27. Л. 1–2].

Недостаток средств, выделяемых Святейшим Синодом, привел к решению епархиального начальства открыть в «Томских епархиальных ведомостях» новый раздел газеты – «миссионерский отдел», для чего учредили собственную братскую типографию. В этом отделе с 1898 по 1904 г. публиковались отчеты и беседы миссионеров со старообрядцами, которые давали возможность любому читателю познакомиться с полемикой и аргументами обоих сторон.

Признанными церковной и светской властью способами борьбы с расколом выступали просвещение и открытие церковных школ. Путем обучения детей в духе официального православия предполагалось лишить старообрядчество будущего, создать условия для их отхода от веры родителей. Однако была и другая причина открытия братских школ. Миссионеры и духовенство отмечали появление школ у старообрядчества, в которых готовили будущих начетчиков, например в селах Верх-Убинском и Новошульбинском. В своих школах староверы щедро платили учителям за изучение «азов» чтения и письма на церковнославянском языке около 5 руб., а за изучение Псалтыри – около 15 руб. [28. С. 311].

По сравнению с этими расценками оплата труда учителей в школах епархиального братства была мизерной. В 1894 г. их жалование варьировало от 8 до 12 руб. в месяц. Понимая свое бедственное положение, учителя различными способами старались поддерживать достойное существование школьного дела. Например, учитель дер. Огневой Бийского округа Иван Козмин на праздник Рождества, разъезжая по приходу с обученным им хором из учеников, смог собрать пожертвований на 29 руб., которые потратил на приобретение нужной утвари и принадлежностей: 12 руб. на заведение учительского стола, 8 руб. на шкаф, 7 руб. на переплет учебных книг и пособий и 2 руб. на покупку «писчей» бумаги [29. С. 16].

Значительные капиталы, находившиеся в резерве, стали использоваться братством для открытия новых школ. На выплату жалованья и строительство школьных зданий приходилось 3/4 всех расходов братства в 90-х гг. XIX в., что отразилось как на увеличении количества школ (8 школ в 1889 г. и 30 в 1894 г.), так и на росте численности детей старообрядцев в составе обучающихся. В 1893–1894 учебном году в 33 школах учились 848 человек, в том числе 69 из семей староверов, а к 1895/1896 учебному году их насчитывалось уже 83 [15, 30].

Согласно учебным программам Св. Синода в церковных школах основное внимание уделялось преподаванию Закона Божьего и церковного пения. Но в братских школах проявлялась особенность в использовании дидактического материала, включающего книги единоверческой печати и прописи вятского протоиерея Стефана Кашменского с цитатами из сочинений, которые признавались старообрядцами. Обучающихся старообрядцев не обязывали исполнять «никоновские» обряды, например трехперстное крестное знамение. Другой немаловажной чертой преподавания в братских школах стало обучение учеников элементарным знаниям по истории церковного раскола в трактовке русской православной церкви. По воскресным и праздничным дням школы выполняли функции молитвен-

ного дома, поскольку вместе с учащимися для участия в богослужении приходили и их родители. Сам учитель в свободное время нередко исполнял роль миссионера – беседовал со старообрядцами, собирал сведения о расколе в близлежащих населенных пунктах, организовывал внебогослужебные религиозные чтения, куда собирались начетчики [28. С. 312].

С целью подготовки учителей для школ братства и миссионеров для Бийского отделения братства 14 октября 1888 г. было предложено открыть противораскольническое направление в Бийском катехизаторском училище и выделить 300 руб. на содержание 5 пансионеров (на каждого по 60 руб.), которые после обучения несколько лет должны отработать учителями церковных школах [11. С. 3–4]. Братство увеличивало количество мест, и уже в 1893/1894 учебном году за счет средств братства здесь обучалось 10 человек [31. С. 33].

Программа катехизаторского училища предполагала четырехлетнее обучение: первые три года ученики проходили общеобразовательные предметы по программе духовных училищ, за исключением древних языков (латинский, древнегреческий), вместо которых изучались «русская церковная и гражданская история» и «изъяснительное чтение Евангелия»; на 4-м курсе появлялась специализация с рядом дисциплин миссионерского направления – 1) катехизис «с пояснительными добавлениями», 2) «пояснительное чтение Евангелия Иоанна Богослова, важнейших мест из пророческих книг Ветхого Завета и апостольских посланий», 3) начальные сведения по психологии, воспитанию и обучению, 4) алтайский язык (для инородцев), 5) крюковое пение (на противораскольническом отделении) и 6) краткая история и обличение раскола старообрядчества (ведение начиналось с конца 3-го курса).

На уроках «обличения раскола» (4 часа в неделю) обучающиеся знакомились с краткой историей «церковного раскола», практическими приемами полемики со старообрядцами и использованием противораскольнической литературы [31. С. 23–26]. Основным учебным пособием юных миссионеров являлось «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского [32, 33].

Катехизаторское училище было не единственным учебным заведением в Томской епархии, где готовили будущих миссионеров. Так, в Томской духовной семинарии с 1886/1887 учебного года была учреждена кафедра по истории русского раскола и сектантства с окладом на одного штатного преподавателя, на которого накладывалось множество дополнительных обязанностей. Во-первых, в учебное время он исполнял обязанности семинарского библиотекаря (без дополнительного вознаграждения) [34. С. 1–2], во-вторых, по поручениям томского братства свт. Димитрия Ростовского в каникулярное время разъезжал по старообрядческим населенным пунктам с целью сбора сведений о числе староверов и их изменениях в религиозной жизни. Например, преподаватель В.В. Юновидов в 1886 г. вместе с единоверческим священником Михаилом Кандауровым (позднее – епархиальный миссионер братства) посетил деревни Бийского округа – Сибирячиху, Верх-Убинское, Секисовское, Бобровское, Карпово, Лопарево, Гилево, Выдриху, Быструху и Большой Бащалак. По результатам поездки он выделил главную характеристику алтайских беглоповцев, которые, «похуляя господствующую церковь, обвиняя ее в еретичестве, однако считают вполне законной и согласной с церковными постановлениями существующую в их обществе практику – принятие к себе бежавших из православной церкви священников как истинных совершителей таинств» [35. С. 1–2].

Необходимой мерой для борьбы с сообществом грамотных и начитанных старообрядцев стали создание и комплектование противостарообрядческими, апологетическими и старопечатными изданиями библиотек церковно-приходских школ и приходских церквей. Уже к 1893 г. все братские и некоторые церковные школы имели такие специализированные библиотеки. В первые 10 лет деятельности братства на закупку литературы было израсходовано более 6 тыс. руб. и заведено 15 благочинных противораскольнических библиотек [25. С. 148].

На пользу церковного братства и всего противораскольнического миссионерства работало законодательство в отношении старообрядчества. Во второй половине XIX столетия были приняты указы, облегчающие жизнь староверов, а в 1883 г. им были даны широкие гражданские права. Последователи «древлего благочестия» теперь имели право на свободное передвижение по территории Российской империи, занятие торговлей и избрание на общественные должности. Кроме того, были даны небольшие свободы в осуществлении религиозной деятельности: возможность совершать богослужения, распечатывать и восстанавливать храмы и молитвенные дома. Все перечисленное могло реализовываться при условии отсутствия публичного характера религиозных действий и с разрешения местного епархиального начальства [36. С. 38].

Законы в отношении старообрядцев показали малую эффективность для церковной и светской властей, поскольку сами староверы самовольно возводили и «распечатывали» уже построенные молитвенные дома и реализовывали свою религиозную деятельность, направленную в том числе на соседей-«никониан», несмотря на сохранение строго запрета переходов из православия в старообрядчество [37. С. 170].

По этим причинам, после долгого обсуждения в правительственных кругах, 17 апреля 1905 г. был издан указ «Об укреплении начал веротерпимости», ликвидирующий наименование «раскольник» и официально позволивший переходить из государственного православия в любую другую конфессиональную группу, кроме сектантов [38]. В императорском указе Сенату от 17 октября 1906 г. было подтверждено право на ритуальные действия и образование старообрядческих общин [39]. Для создания общины требовалось собрать не менее 50 подписей совершеннолетних лиц. После регистрации общества в реестре она получала возможность выбирать себе духовное лицо, воздвигать храмы, создавать собственные школы, подписывать и заключать договоры. Это позволяло старообрядческой

общине вести дела от имени легально разрешенного юридического лица. Духовным лицам вменялось в обязанность фиксировать рождения, бракосочетания и смерти в метрических книгах [40. С. 45].

Постепенно в Томской епархии стали появляться прошения о переходе из православия в старообрядчество. К таковым относится, например, прошение братьев Шадриных, крестьян дер. Ключи Барнаульского уезда, от 29 июля 1908 г., в котором они просят разрешить их семьям переход в часовенное согласие. После обязательной в таких случаях процедуры увещевания, проведенного священником, последовало распоряжение духовной консистории о внесении их в старообрядческие метрические книги, которые хранятся в полиции [41. Л. 1–5].

Именно указ 1905 г. позволил старообрядчеству уравнять свой статус с православием, и церковному братству свт. Димитрия Ростовского после Четвертого Всероссийского миссионерского съезда в г. Киеве пришлось переключиться на сектантов, сообщества которых вовлекают все больше молодежи и осознаются как новая угроза православной церкви и нравственности [42].

В целом деятельность братства свт. Димитрия, митрополита Ростовского сложно оценить однозначно. Главными успехами братства можно считать: полный сбор сведений о состоянии старообрядчества Томской епархии (определены центры раскола, охарактеризованы и классифицированы толки и согласия старовериа); «завоевание доверия» староверов; создание сети церковных школ и библиотек противораскольнической направленности.

В свою очередь, следует отметить очевидные минусы: по данным братчиков, к 1905 г. из 40 благочиний всего лишь в трех отсутствовали старообрядческие общины и сохранялись территории с высокой долей старообрядцев в составе населения (3/4 «раскольников» Томской епархии были сконцентрированы на юге – в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах) [37. С. 167–168]; за первое десятилетие существования братства было присоединено к православию 6 тыс. человек, но столько же староверов в период с 1894 по 1896 г. переселилось из европейской части России в алтайский горный округ [7. С. 23; 24. С. 19].

В целом томское епархиальное церковное братство в конце XIX – начале XX в. за короткий промежуток добилось серьезных результатов, организовав систему обучения миссионеров и учителей и каналы ее материального обеспечения. Но в условиях массовых переселений, нехватки на первых порах квалифицированных кадров и религиозной индифферентности основной массы сельского населения сами сотрудники братства считали, что ожидаемые результаты так и не были достигнуты. Однако оставленные записки и отчеты противораскольнических миссионеров в местной епархиальной газете позволяют выявить коммуникативные практики, которые были использованы представителями двух оппозиционных православных конфессий в публичном и межличностном взаимодействии.

Список источников

1. Гостюшева Е.М., Должиков В.А. Конфессиональный состав населения Томской губернии по данным первой Всероссийской переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 12–19.
2. Памятная книжка Томской губернии за 1885 год // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1885. 15 окт. (№ 20). С. 1–10.
3. Открытие противораскольнического братства святого Димитрия Ростовского в г. Томске // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1884. 1 окт. (№ 19). С. 1–4.
4. Устав святого Димитрия, митрополита Ростовского, противораскольнического братства Томской епархии, составленный применительно к правилам Высочайше утвержденным 8-го мая 1864 года // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1884. 1 сент. (№ 17). С. 10–16.
5. Фефелова О.А. Томское православное братство // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея : сб. ст. Томск, 1996. Вып. IX. С. 129–135.
6. Святой Димитрий, митрополит Ростовский // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1883. 15 окт. (№ 20). С. 595–603.
7. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 29 с.
8. Ильин В.Н. Противораскольническое братство святителя Димитрия, митрополита Ростовского в Томской епархии // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 157–161.
9. Постановления бывшего в Казани собрания преосвященных архиереев (окончание) // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1886. 15 июля (№ 14). С. 7–17.
10. Известия // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1893. 15 февр. (№ 4). С. 11–12.
11. Макарий, епископ Бийский, председатель братства. Отчет братства Святителя Димитрия, митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/1888 четвертый отчетный год // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1889. 1 февр. (№ 3). С. 1–25.
12. Собеседования со старообрядцами в г. Барнауле в сентябре 1885 года // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1885. 15 дек. (№ 24). С. 1–11.
13. Из записок Т. Чешуина // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1892. 15 апр. (№ 8). С. 4–12.
14. Известия и заметки // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1893. 15 марта (№ 6). С. 26–31.
15. Новиков И.П. Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии в 1893–[18]94 году. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1895. 51 с.
16. [Новиков И.П.] Записка о состоянии раскола в Томской епархии и противораскольнической деятельности епархиального духовенства и братства Св. Димитрия Ростовского // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1893. 1 сент. (№ 17). С. 16–24.
17. Отчет братства св. Димитрия, митрополита Ростовского в г. Бийске за 1888/1889 г. // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1889. 15 дек. (№ 24). С. 9–26.
18. Новиков И.П. Томское епархиальное противораскольническое братство Св. Димитрия Ростовского в 1895/1896 году. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1897. 55 с.
19. Распоряжения епархиального начальства // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1894. 15 янв. (№ 2). С. 1–6.
20. Устав противораскольнического братства Томской епархии во имя Св. Димитрия, митрополита Ростовского // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1893. 15 сент. (№ 18). С. 5–10.
21. Отчет о состоянии братства Святого Димитрия митрополита Ростовского, читанный в общем собрании 22 октября 1885 года, по истечении первого года открытия братства (окончание) // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1886. 1 июня (№ 11). С. 1–17.

22. Беликов Д.Н. Старообрядческий раскол в Томской губернии : (по судебным данным). Томск, 1894. 40 с.
23. Известия // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1894. 15 мая (№ 10). С. 9–16.
24. [Новиков И.П.] К десятилетию Томского епархиального противораскольнического братства Св. Димитрия Ростовского // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1894. 15 нояб. (№ 22). С. 11–20.
25. Иванов К.Ю. Томское епархиальное братство св. Димитрия митрополита Ростовского // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона : тезисы докл. и сообщений межрег. науч.-практ. конф., Кемерово, 24–25 мая 1996 г. Кемерово, 1996. С. 145–148.
26. [Новиков И.П.] Нужно ли и в каких именно проявлениях содействие гражданской власти в деле борьбы с нашим расколом? // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1895. 1 февр. (№ 3). С. 11–25.
27. Дело по представлению преосвященного Томского с ходатайством о разрешении издавать при Совете противораскольнического братства Св. Димитрия Ростовского журнала под названием «Томский миссионерский вестник» // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 178. № 3551.
28. Иванов К.Ю. Роль церковной школы в борьбе со старообрядчеством в Томской епархии в конце XIX – начале XX века // Мир старообрядчества: живые традиции : результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества : материалы междунар. науч. конф., Москва, 21–24 ноября 1995 г. М., 1998. С. 310–314.
29. Новиков И. Раскол в Томской епархии и борьба с ним в 1892/[18]93 году (окончание) // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1894. 15 сент. (№ 18). С. 12–21.
30. Историко-статистический обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884/[18]85–1893/[18]94 у[чебный] г[од] // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1897. 1 дек. (№ 23). С. 14–23.
31. Отчет Алтайского миссионерского катехизаторского училища за 1893/[18]94 учебн[ый] год (продолжение) // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1895. 1 апр. (№ 7). С. 23–33.
32. Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1886. Ч. 1. 264 с.
33. Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1887. Ч. 2, 3. 238 с.
34. Определения Святейшего Синода от 30 июля – 8 августа 1886 года за № 1623 об открытии в духовных семинариях преподавательских кафедр по истории и обличению русского раскола и сектантства // Томские епархиальные ведомости. Отд. оф. 1886. 15 окт. (№ 20). С. 1–4.
35. [Юновидов В.В.] Краткий очерк состояния раскола и единоверия в Алтайской, Ануйской, Алейской, Шиманаевской, Владимирской и Бобровской волостях Бийского округа // Томские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1887. 1 янв. (№ 1). С. 1–15.
36. Васильева С.В., Ахмадулина С.З. Правовое регулирование положения старообрядчества в имперской России // Православие и общество: грани взаимодействия : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. в рамках IX Забайкальских рождественских образоват. чтений, Чита, 3 дек. 2019 г. Чита, 2019. С. 36–40.
37. Ильин В.Н. Старообрядчество на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2021. № 3 (26). С. 161–173.
38. Об укреплении начал веротерпимости : Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату № 26125 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. : Гос. тип., 1908. Т. XXV, отд-ние 1-е: 1905. С. 257–259.
39. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов : Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату. М., 1906. 24 с.
40. Иванов К.Ю. Генеалогическая информация в делах о регистрации старообрядческих общин о переходе в старообрядчество в Томской губернии в 1907–1917 гг. // Материалы II межрегиональной Западно-Сибирской родоведческой науч.-практ. конф., Новосибирск, 13 окт. 2019 г. Новосибирск, 2020. С. 44–49.
41. Дело о переходе из православия в старообрядчество крестьян д. Ключи Кулундинской волости Барнаульского уезда В.Е. и С.Е. Шадриных // Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1351.
42. Шишкевич П.П. Церковь и переселенцы в Сибири (на примере переселений 1906–1913 гг.) // Омские научные чтения – 2018 : сб. материалов II Всерос. науч. конф., Омск, 10–15 дек. 2018 г. Омск, 2018. С. 593–595.

References

1. Gostyusheva, E.M. & Dolzhikov, V.A. (2019) The confessional structure of the population of the Tomsk province according to the first Russian census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 12–19. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/2
2. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1885a) Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii za 1885 god [Memorial book of the Tomsk province for 1885]. 15th October. pp. 1–10.
3. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1884a) Otkrytie protivoraskol'nicheskogo bratstva svyatogo Dimitriya Rostovskogo v g. [Opening of the anti-schism brotherhood of St. Demetrius of Rostov in Tomsk]. 1st October. pp. 1–4.
4. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1884b) Ustav svyatogo Dimitriya, mitropolita Rostovskogo, protivoraskol'nicheskogo bratstva Tomskoy eparkhii, sostavlennyy primenitel'no k pravilam Vysochayshe utverzhdennym 8-go maya 1864 goda [Charter of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov, anti-schism brotherhood of the Tomsk diocese, drawn up in relation to to the rules approved by the Highest on May 8, 1864]. 1st September. pp. 10–16.
5. Fefelova, O.A. (1996) Tomskoe pravoslavnoe bratstvo [Tomsk Orthodox Brotherhood]. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk State United Historical and Architectural Museum]. Vol. 9. pp. 129–135.
6. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1883) Svyatoy Dimitriy, mitropolit Rostovskiy [Saint Demetrius, Metropolitan of Rostov]. 15th October. pp. 595–603.
7. Ivanov, K.Yu. (2001) *Staroobryadchestvo yuga Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Old Believers in the south of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
8. Ilin, V.N. (2013) Protivoraskol'nicheskoe bratstvo svyatitelya Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v Tomskoy eparkhii [Anti-schism brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the Tomsk diocese]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2(80). pp. 157–161.
9. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1886a) Postanovleniya byvshego v Kazani sobraniya preosvyashchennykh arkhiereev (okonchanie) [Resolutions of the meeting of the bishops who were held in Kazan (end)]. 15th July. pp. 7–17.
10. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1893a) Izvestiya [News]. 15th February. pp. 11–12.
11. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1889a) Makariy, episkop Biyskiy, predsedatel' bratstva. Otchet bratstva Svyatitelya Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v g. Biyske za 1887/1888 chetvertyy otchetnyy god [Macarius, Bishop of Biysk, chairman of the brotherhood. Report of the brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in Biysk for the fourth reporting year 1887/1888]. 1st February. pp. 1–25.
12. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1885b) Sobesedovaniya so staroobryadtsami v g. Barnaule v sentyabre 1885 goda [Interviews with Old Believers in Barnaul in September 1885]. 15th December. pp. 1–11.
13. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1892) Iz zapisok T. Cheshuina [From T. Cheshuin's notes]. 15th April. pp. 4–12.
14. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1893b) Izvestiya i zametki [News and notes]. 15th March. pp. 26–31.

15. Novikov, I.P. (1895) *Missionerskoe protivoraskol'nicheskoe delo v Tomskoy eparkhii v 1893–[18]94 godu* [Missionary anti-schism work in the Tomsk diocese in 1893–[18]94]. Tomsk: P.I. Makushin.
16. [Novikov, I.P.] (1893) Zapiska o sostoyanii raskola v Tomskoy eparkhii i protivoraskol'nicheskoy deyatel'nosti eparkhial'nogo dukhovenstva i bratstva Sv. Dimitriya Rostovskogo [Note on the state of the schism in the Tomsk diocese and the anti-schism activities of the diocesan clergy and the brotherhood of St. Demetrius of Rostov]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st September. pp. 16–24.
17. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1889b) Otchet bratstva sv. Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v g. Biyske za 1888/1889 g. [Report of the Brotherhood of St. Dimitri, Metropolitan of Rostov in Biysk for 1888/1889]. 15th December. pp. 9–26.
18. Novikov, I.P. (1897) *Tomskoe eparkhial'noe protivoraskol'nicheskoe bratstvo Sv. Dimitriya Rostovskogo v 1895/1896 godu* [Tomsk diocesan anti-schism brotherhood of St. Demetrius of Rostov in 1895/1896]. Tomsk: P.I. Makushin.
19. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1894a) Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva [Orders of the diocesan authorities]. 15th January. pp. 1–6.
20. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1893c) Ustav protivoraskol'nicheskogo bratstva Tomskoy eparkhii vo imya Sv. Dimitriya, mitropolita Rostovskogo [Charter of the anti-schism brotherhood of the Tomsk diocese in the name of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov]. 15th September. pp. 5–10.
21. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1886b) Otchet o sostoyanii bratstva Svyatogo Dimitriya mitropolita Rostovskogo, chitannyy v obshchem sobranii 22 oktyabrya 1885 goda, po istechenii pervogo goda otkrytiya bratstva (okonchanie) [Report on the state of the brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov, read at the general meeting on October 22, 1885, after the first year of the opening of the brotherhood (end)]. 1st June. pp. 1–17.
22. Belikov, D.N. (1894) *Staroobryadcheskiy raskol v Tomskoy gubernii: (po sudebnym dannym)* [Old Believer schism in the Tomsk province: (according to judicial data)]. Tomsk: [s.n.].
23. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* (1894b) Izvestiya [News]. 15th May. pp. 9–16.
24. [Novikov, I.P.] (1894) K desyatiletiyu Tomskogo eparkhial'nogo protivoraskol'nicheskogo bratstva Sv. Dimitriya Rostovskogo [To the tenth anniversary of the Tomsk diocesan anti-schism brotherhood of St. Demetrius of Rostov]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th November. pp. 11–20.
25. Ivanov, K.Yu. (1996) Tomskoe eparkhial'noe bratstvo sv. Dimitriya mitropolita Rostovskogo [Tomsk Diocesan Brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov]. *Dukhovnaya i svetskaya kul'tura kak faktor sotsial'nogo razvitiya regiona* [Spiritual and Secular Culture as a Factor in the Social Development of the Region]. Proc. of the Conference. Kemerovo, May 24–25, 1996. Kemerovo. pp. 145–148.
26. [Novikov, I.P.] (1895) Nuzhno li i v kakikh imenno proyavleniyakh sodeystvie grazhdanskoy vlasti v dele bor'by s nashim raskolom? [Is the assistance of civil authorities necessary in the fight against our split and in what manifestations?]. *Tomskie epar-khial'nye vedomosti*. 1st February. pp. 11–25.
27. The Russian State Historical Archive. (n.d.) *Delo po predstavleniyu preosvyashchennogo Tomskogo s khodataystvom o razreshenii izdavat' pri Sovete protivoraskol'nicheskogo bratstva Sv. Dimitriya Rostovskogo zhurnala pod nazvaniem "Tomskiy missionerskiy vestnik"* [The case on the submission of the Right Reverend Tomsky with a petition for permission to publish the magazine "Tomsk Missionary Bulletin" under the Council of the Anti-Schismatic Brotherhood of St. Demetrius a Rostov]. Fund 796. List 178. № 3551.
28. Ivanov, K.Yu. (1995) Rol' tserkovnoy shkoly v bor'be so staroobryadchestvom v Tomskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX veka [The role of the church school in the fight against the Old Believers in the Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Mir staroobryadchestva: zhivye traditsii: rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy russkogo staroobryadchestva* [World of the Old Believers: Living Traditions: Results and Prospects of Comprehensive Studies of the Russian Old Believers]. Proc. of the International Conference. Moscow, November 21–24, 1995. Moscow. pp. 310–314.
29. Novikov, I. (1894) Raskol v Tomskoy eparkhii i bor'ba s nim v 1892/[18]93 godu (okonchanie) [Schism in the Tomsk diocese and the fight against it in 1892/[18]93 (end)]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th September. pp. 12–21.
30. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1897) Istoriko-statisticheskiy obzor tserkovno-shkol'nogo dela v Tomskoy eparkhii za 1884/[18]85–1893/[18]94 u[chebnyy] g[od] [Historical and statistical review of church and school affairs in the Tomsk diocese for the 1884/[18]85–1893/[18]94 academic year]]. 1st December. pp. 14–23.
31. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1895) Otchet Altayskogo missionerskogo katekhizatorskogo uchilishcha za 1893/[18]94 uchebn[yy] god (prodolzhenie) [Report of the Altai Missionary Catechetical School for the 1893/[18]94 academic year (continued)]. 1st April. pp. 23–33.
32. Ivanovskiy, N.I. (1886) *Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedeniy o sektakh ratsionalisti-cheskikh i misticheskikh* [A guide to the history and denunciation of the Old Believer schism with the addition of information about rationalistic and mystical sects]. Kazan: Kazan Imperial University.
33. Ivanovskiy, N.I. (1887) *Rukovodstvo po istorii i oblicheniyu staroobryadcheskogo raskola s prisovokupleniem svedeniy o sektakh ratsionalisti-cheskikh i misticheskikh* [A guide to the history and denunciation of the Old Believer schism with the addition of information about rationalistic and mystical sects]. Kazan: Kazan Imperial University.
34. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1886c) Opredeleniya Svyateyshego Sinoda ot 30 iyulya – 8 avgusta 1886 goda za № 1623 ob otkrytii v dukhovnykh seminariyakh prepodavatel'skikh kafedr po istorii i oblicheniyu russkogo raskola i sektantstva [Resolutions of the Holy Synod of July 30 – August 8, 1886, No. 1623 on the opening of teaching departments in theological seminaries on the history and denunciation of the Russian schism and sectarianism]. 15th October. pp. 1–4.
35. [Yunovidov, V.V.] (1887) Kratkiy ocherk sostoyaniya raskola i edinoveriya v Altayskoy, Anuyskoy, Aleyskoy, Shimanaevskoy, Vladimirskoy i Bob-rovskoy volostyakh Biyskogo okruga [A brief outline of the state of schism and common faith in the Altai, Anui, Aleysk, Shimanaevsk, Vladimir, and Bobrovsk volosts of the Biysk district]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st January. pp. 1–15.
36. Vasilieva, S.V. & Akhmadulina, S.Z. (2019) Pravovoe regulirovanie polozheniya staroobryadchestva v imperskoy Rossii [Legal regulation of the position of the Old Believers in Imperial Russia]. *Pravoslavie i obshchestvo: grani vzaimodeystviya* [Orthodoxy and Society: Facets of Interaction]. Proc. of the third International Conference. Chita, December 3, 2019. pp. 36–40.
37. Ilin, V.N. (2021) Staroobryadchestvo na Altae vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Old Believers in Altai in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Narody i religii Evrazii*. 3(26). pp. 161–173.
38. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 25. St. Petersburg: Gos. tip. pp. 257–259.
39. Russian Empire. (1906) *O poryadke obrazovaniya i deystviya staroobryadcheskikh i sektantskikh obshchin i o pravakh i obyazannostyakh vkhodyashchikh v sostav obshchin posledovateley staroobryadcheskikh soglasiy i otdelivshikhsya ot pravoslaviya sektantov: Imennoy Vysochayshiy ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu* [On the procedure for the formation and operation of Old Believer and sectarian communities and on the rights and responsibilities of the followers of Old Believer agreements included in the communities and sectarians who separated from Orthodoxy: Nominal Highest Decree to the Governing Senate]. Moscow: [s.n.].
40. Ivanov, K.Yu. (2020) Genealogicheskaya informatsiya v delakh o registratsii staroobryadcheskikh obshchin o perekhode v staroobryadchestvo v Tomskoy gubernii v 1907–1917 gg. [Genealogical information in cases of registration of Old Believer communities about the transition to the Old Believers in the Tomsk province in 1907–1917]. *Materialy II mezhregional'noy Zapadno-Sibirskoy rodovedcheskoy nauch.-prakt. konf.* [Proc. of the Second West Siberian Obstetric Conference]. Novosibirsk, October 13, 2019. Novosibirsk. pp. 44–49.
41. The State Archive of Tomsk Region. (n.d.) *Delo o perekhode iz pravoslaviya v staroobryadchestvo krest'yan d. Klyuchi Kulundinskoy volosti Barnaul'skogo uezda V.E. i S.E. Shadrinykh* [The case of the transition from Orthodoxy to the Old Believers of peasants V.E. and S.E. Shadrin in the village of Klyuchi, Kulundinskaya volost, Barnaul district]. Fund 3. List 44. File 1351.
42. Shishkevich, P.P. (2018) Tserkov' i pereselentsy v Sibiri (na primere pereseleniy 1906–1913 gg.) [Church and settlers in Siberia (a case study of resettlement in 1906–1913)]. *Omskie nauchnye chteniya – 2018* [Omsk Scholarly Readings]. Proc. of the Conference. Omsk, December 10–15, 2018. pp. 593–595.

***Сведения об авторе*:**
Мицук Алексей Алексеевич – ассистент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rixalos@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mitsuk Alexey A. – Assistant at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rixalos@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 30.08.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 141.824/827 + 94(47) + 338.26
doi: 10.17223/19988613/85/9

Разработка генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР в 1924–1932 гг. как обоснование строительства социализма в одной стране

Максим Анатольевич Симонов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, m.a.simonov1@yandex.ru

Аннотация. Анализируется процесс разработки генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР в годы НЭПа и первого пятилетнего плана. Дается характеристика генерального плана как проекта, включающего в себя три пятилетки и нацеленного на построение социалистического общества в СССР. Рассматриваются политические условия разработки генерального плана, повлиявшие на отраженные в нем приоритеты инвестирования и пропорции народно-хозяйственного развития. Делается вывод о том, что генеральный план был не только хозяйственным, но и идеологическим документом.
Ключевые слова: СССР, планирование, генеральный план реконструкции народного хозяйства, социализм, коммунизм

Для цитирования: Симонов М.А. Разработка генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР в 1924–1932 гг. как обоснование строительства социализма в одной стране // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 70–80. doi: 10.17223/19988613/85/9

Original article

Development of the General plan for the reconstruction of the national economy of the USSR in 1924–1932 as a justification for the construction of socialism in one country

Maxim A. Simonov

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, m.a.simonov1@yandex.ru

Abstract. The Relevance of the chosen topic is to study the positive experience of sustainable development planning in several countries. The General plan for reconstruction of the national economy of the USSR, designed for 15 years, is taken as an important historical example. In this regard, the object of research can be designated as the process of Soviet planning, and the subject as the main provisions and the development of the General plan for the reconstruction of the national economy of the USSR.

The lower chronological boundary of the study shall be determined by decision of the Presidium of Gosplan to start the work on the revision of the GOELRO plan in the General plan of reconstruction of national economy of the USSR in 1924. The upper chronological boundary is the actual termination of work on the General plan for the reconstruction of the national economy of the USSR in 1932.

The source base of the research are the minutes of the meetings of the Presidium of Gosplan and publications of the developers of the General plan on the subject of long-term development of the Soviet Union in the open press. These documents contain detailed information about the priorities of investment policy and the proportions of economic development of the USSR for 15 years. Transcripts of party congresses and conferences were also used as additional sources.

Among the main results of the study, the following can be mentioned: in 1924, due to a number of political and economic factors, the question of building a socialist society was re-actualized in the top Soviet leadership. For its detailed development, the Gosplan of the USSR began preparing a General plan for the reconstruction of the national economy of the Soviet Union, which was designed for 15 years or three five-year plans. The main focus of the first version of the General plan was on doubling per capita income, supporting agriculture and accelerating the development of industry in the NEP, but after the launch of the first five-year plan, the main provisions of the master plan were revised to a significant increase. The actual termination of work on the plan in 1932 was due to the failure of the "Great leap" policy during the first five-year plan. By 1939, however, the idea of developing a master plan had been revived, but this time its main goal was no longer to build socialism, but to build a full-fledged communist society.
Keywords: USSR, planning, General plan for reconstruction of the national economy, socialism, communism

For citation: Simonov, M.A. (2023) Development of the General plan for the reconstruction of the national economy of the USSR in 1924–1932 as a justification for the construction of socialism in one country. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 70–80. doi: 10.17223/19988613/85/9

© М.А. Симонов, 2023

Для всестороннего изучения сталинского периода истории СССР необходимо проследить генезис проводимого под его руководством политико-экономического курса. В этом ключе вполне обоснованной представляется точка зрения о двойственном характере сталинского курса. С одной стороны, он развил представления, дискутировавшиеся в среде высших советских руководителей в 1920-е гг., а с другой – кардинально их изменил [1. С. 180–203]. При этом общим для дискуссий 1920-х и политико-экономического курса 1930-х гг. являлась ориентация на строительство общества нового типа– социализма. Наиболее интересной и наименее изученной в этом контексте представляется попытка перехода к социалистическому обществу в СССР, осуществлявшаяся в 1926–1932 гг., с помощью разработки генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР, рассчитанного на 15 лет, или три пятилетних плана.

Историография темы прошла несколько этапов своего развития. Непосредственно на протяжении 1920-х гг. и начала 1930-х гг. идеи, связанные со строительством социалистического общества в СССР в течении 15 лет, открыто обсуждались в профессиональной печати, прежде всего в таких изданиях для хозяйственных работников, как «Плановое хозяйство», «Торгово-промышленная газета», «Электричество» и др. В последующем, до начала 1960-х гг., какие-либо публикации в открытой печати на эту тему отсутствовали. Лишь с началом преобразований Н.С. Хрущева и провозглашением им курса на строительство коммунистического общества тема была вновь актуализирована в небольшом количестве публикаций [2. С. 42; 3; 4]. Как правило, их авторами являлись люди, так или иначе связанные с разработкой Генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР в прошлом. После распада Советского Союза и последовавшей за ним «архивной революции» ученые по-новому взглянули на Генеральный план реконструкции, разрабатывавшийся в 1926–1932 гг. Произошло разделение проблематики на ряд более узких тем. Прежде всего отдельные исследователи сосредоточились на восстановлении хронологии разработки Генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР [5], а также на анализе заложенных в него пропорций развития отдельных отраслей народного хозяйства [6. С]. В ряде работ была предпринята попытка связать процесс разработки Генерального хозяйственного плана с общеэкономическим и политическим развитием страны в 1920-е гг. [7. С. 179–183; 8]. Однако, несмотря на созданный историографический задел, на сегодняшний день разрабатывавшийся проект Генерального плана реконструкции СССР остается малоизвестным даже среди профильных специалистов. До сих пор не определены его место в системе советского планирования 1920–1930-х гг. и влияние на последующее экономическое планирование в Советском Союзе. Попытка ответить на эти вопросы представлена в настоящей статье.

Сразу же после Октябрьской революции стратегическая цель советского руководства была закреплена в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой на III съезде советов в конце января 1918 г. Она была сформулирована как установление «социалистической организации общества и победа социализма во всех странах» [9. С. 240]. Для реализации этой установки В.И. Ленин в январе 1920 г. предложил главе комитета государственных сооружений ВСНХ Г.М. Кржижановскому разработать план, который позволит «увлечь массы рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10–20 лет» [10]. Специально для его разработки в феврале 1920 г. была создана Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая подготовила масштабный план электрификации РСФСР. Он предполагал в течение десятилетнего периода увеличить в 1,85 раза объем промышленного производства в стоимостном измерении, а также увеличить выплавку чугуна в два раза – с 250 до 500 млн пудов, и довести совокупную мощность советских электростанций до 1,5 млн кВт [11. С. 191–192].

Представляя план ГОЭЛРО на VIII Всероссийском съезде советов, В.И. Ленин отметил, что в стране еще не сформировалась база для перехода к социалистическому типу общества, так как основой экономического уклада советской России является масса мелких крестьянских хозяйств, и для того чтобы «перевести хозяйство страны… на техническую базу современного крупного производства» [12. С. 158–159], необходимо провести крупномасштабную электрификацию, которая потребует продолжительного периода времени. Подчеркивая значение плана ГОЭЛРО, В.И. Ленин указывал, что «у нас есть программа партии… это… программа политическая… она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» [12. С. 158].

Однако выполнение плана ГОЭЛРО фактически не велось из-за того, что он был разработан в условиях Гражданской войны и не в полной мере учитывал ресурсные возможности страны. Также в последние годы жизни В.И. Ленина препятствием на пути его выполнения стало обострение политического противостояния Л.Д. Троцкого, отстаивавшего курс на мировую революцию, и И.В. Сталина, который выступал за построение социализма в одной стране. На фоне этих противоречий Госплан СССР 21 июня 1924 г. принял решение о переработке плана ГОЭЛРО в новый масштабный план, рассчитанный на кардинальное переустройство всего народного хозяйства страны [13. Л. 3]. Для этого при Президиуме Госплана СССР была создана комиссия по пересмотру плана электрификации в Генеральный план реконструкции народного хозяйства СССР. Скорее всего, такое название нового плана было выбрано потому, что в официальных документах середины 1920-х гг. ГОЭЛРО расшифровывали не только как «Государственный план по электрификации России», но также иногда обозначали как «*Генеральный* план электрификации СССР (курсив мой. – *М.С.*)» [14. С. 89].

Первые результаты работы комиссии по пересмотру плана ГОЭЛРО Г.М. Кржижановский представил на пленарном заседании Президиума Госплана СССР

23 июня 1925 г. В своем выступлении он обосновал необходимость разработки Генерального плана реконструкции народного хозяйства тем, что начиная с 1925 г. СССР вошел в завершающую стадию восстановления экономики, и, следовательно, появилась объективная потребность в определении дальнейших перспектив экономического развития[1]. В связи с этим Г.М. Кржижановский предлагал выделить на территории страны 7 крупных экономических районов: Северо-Западный, Центрально-Промышленный, Южно-Горно-Промышленный, Юго-Восточный, Уральский, Туркестанский и Сибирский [15. С. 26]. Производственной основой каждого такого района должна была стать сеть мощных электростанций, обеспечивающая расположенные на его территории крупные промышленные предприятия. Для каждого района заранее должны были устанавливаться комплексные экономические задания, индикаторами выполнения которых должны были стать показатели конечного гражданского потребления – подушевая обеспеченность продуктами питания, одеждой, средствами связи, жилой площадью и т.д. [15. С. 18] Открытым оставался лишь вопрос о сроках выполнения Генерального плана реконструкции народного хозяйства. В этой связи Г.М. Кржижановский подчеркнул необходимость проведения политики «быстрого накопления… [так как она составляет] вопрос жизни и смерти» [15. С. 25–26]. Отдельно докладчик отметил, что за год, прошедший с начала разработки Генерального плана реконструкции народного хозяйства, работа не сдвинулась с начального этапа, и для ее успешного завершения необходимо привлечение широкого круга специалистов. В связи с этим был намечен срок окончания разработки плана – конец декабря 1925 г. К этому моменту итоговый документ должен был состоять из двух полутомов: в первом должны содержаться сведения о развитии отдельных отраслей народного хозяйства, а во втором – информация о развитии экономических регионов. Конечной целью представленного Председателем Госплана СССР проекта пересмотра плана ГОЭЛРО должно было стать создание экономических условий для построения в СССР социалистического общества; как выражался сам Г.М. Кржижановский, «мы… держим руль на социализм» [15. С. 11].

Первоначально намеченная дата презентации плана пересмотра ГОЭЛРО – конец декабря 1925 г. – совпала с подготовкой и проведением XIV съезда ВКП(б), в связи с чем она была перенесена на более поздний срок. На самом съезде произошло окончание острой фазы борьбы между сторонниками мировой революции и национальной версии социализма в высшем руководстве. В подготовленном Генеральным секретарем И.В. Сталиным политическом отчете ЦК была провозглашена главная экономическая цель партии – превращение СССР в «самостоятельную экономическую единицу… [в условиях] временной стабилизации капитализма» [16. С. 28–29]. В свою очередь, апологет теории мировой революции Л.Д. Троцкий к моменту съезда уже потерял свое влияние, не выступал с докладом и не участвовал в прениях, что свидетельствовало о снижении его роли и роли его сторонников в выработке политических решений. По результатам работы съезда был окончательно закреплен курс на строительство социализма в Советском Союзе, что особо подчеркивалось в резолюциях по его итогу: «Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» [17. С. 515].

При этом за полгода до съезда И.В. Сталин публично называл электрификацию средством «сближения деревни с городом и уничтожения противоположности между ними» [18. С. 157], т.е. на самом верху признавалось, что с помощью электрификации можно добиться одного из фундаментальных условий, обеспечивающих построение социалистического общества. Совокупность двух факторов – принятия партией курса на строительство социализма в СССР и признания значительной роли электрификации в этом процессе – создавала благоприятные условия для дальнейшей реализации инициативы Г.М. Кржижановского.

Рассмотрение плана пересмотра ГОЭЛРО, подкрепленное установками съезда партии, состоялось уже на I съезде Президиумов Госплана СССР и госпланов союзных республик в марте 1926 г. В ходе подготовки к этому съезду с мест были получены и учтены замечания по поводу заседания Президиума Госплана СССР 23 июня 1925 г. Развивая их на съезде, Г.М. Кржижановский высказал идею о создании системы народно-хозяйственных планов – так называемой «цепочки Кржижановского» [7. С. 180]: контрольные цифры, рассчитанные на один год; перспективный план, задающий ориентиры для развития экономики на пять лет; и Генеральный план, охватывающий несколько перспективных планов, т.е. рассчитанный на 10–15 лет [19. С. 14].

С конкретными предложениями о содержании Генерального плана выступили сотрудники Госплана СССР А.А. Горев и Л.Л. Никитин. В их докладах констатировалось, что готовившийся Генеральный план реконструкции народного хозяйства требовал дальнейшей разработки, для чего создавалась специальная комиссия, которая должна была его детализировать в виде порайонных планов [20]. Главой комиссии по разработке Генерального плана был назначен первый заместитель Председателя Госплана СССР П.С. Осадчий [2. С. 42].

Разработанный под его руководством проект Генерального плана реконструкции народного хозяйства ставил своей целью построение в СССР основ социалистической экономики, способной «противостоять длительной враждебной блокаде извне» [21]. Но несмотря на внешнюю милитаристскую риторику, главным показателем выполнения плана являлось удвоение среднего реального дохода на душу населения в 15 лет [21]. Для выполнения этой установки комиссия П.С. Осадчего предлагала прежде всего увеличение продуктивности труда в сельском хозяйстве, так как именно в этом секторе экономики было сосредоточено подавляющее большинство трудоспособных граждан СССР. Добиться этого предполагалось за счет предоставления крестьянам экономической инициативы посредством масштабного учета, перераспределе-

ния и рационального использования сельскохозяйственных земель, что «даст возможность… вывести… сельское хозяйство на широкую арену рационального производства» [22].

В сфере промышленности комиссия ставила несколько тесно связанных между собой задач. Прежде всего – строительство крупных электростанций, таких как ДнепроГЭС, которые должны были стать источником энергии для будущих заводов, затем – новых объектов транспортной инфраструктуры: судоходного Волго-Донского канала, железнодорожной «сверхмагистрали» Семиреченской железной дороги (будущего Турксиба) и т.д. Такое масштабное строительство должно было привести к сокращению «импорта сырья на добрую сотню миллионов в год [за счет снижения издержек производства внутри страны и увеличения]… вывоза нашего сырья и главных наших экспортных грузов» [23. С. 22, 24].

Проект Генерального плана, готовившийся в комиссии под председательством П.С. Осадчего, был разработан с помощью метода экстраполяции темпов экономического развития последних лет существования Российской империи на будущее развитие Советского Союза. Этот вариант плана находился в русле «генетического направления», которое предполагало «рыночный механизм хозяйствования, опирающийся в значительной мере на тщательное изучение стихийных процессов, выявление законов их развития, учет конъюнктуры» [24. С. 7].

В целом предложения комиссии П.С. Осадчего предполагали относительно умеренный вариант развития СССР с сохранением естественных темпов урбанизации и доминирующей роли сельского хозяйства. Поэтому основной социальной группой, на которую должны были направляться усилия государства при реализации плана, было крестьянство. Промышленности в проекте Генерального плана комиссии П.С. Осадчего отводилось вспомогательное место. Она должна была развиваться умеренными темпами, прежде всего за счет экспортных производств, которые обеспечивали бы приток капиталов с внешних рынков. Этот вариант Генерального плана предусматривал эволюционное развитие НЭПа и постепенное наращивание индустриальной мощи СССР.

Такое видение экономических перспектив страны вошло в прямое противоречие с продолжавшим набирать силу курсом на форсированную индустриализацию. Уже в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) была утверждена директива о составлении пятилетнего плана, в которой военная опасность была использована в качестве предлога для радикализации экономической политики. В ней констатировалось, что, «учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств… необходимо… уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны» [25. С. 1292]. Также отдельно отмечалось, что в области сельского хозяйства «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» [26. С. 1308]. Таким образом, сталинское партийное большинство ориентировало весь хозяйственный механизм страны на форсированную индустриализацию, источником средств для которой должно было выступать сельское хозяйство.

Эти установки съезда прямо противоречили идеям экономистов, сторонников генетического метода планирования, а также сторонников начавшего оформляться после XV съезда «правого уклона» внутри ВКП(б). Впоследствии В.М. Молотов так описывал идеологический аспект противостояния с «правыми»: «…фактически они хотели отставать (по темпам роста экономики от передовых стран. – *М.С.*). <…> перспективы (у правых. – *М.С.)* никакой… Улучшить положение народа – это же не перспектива!» [27. С. 201]. При этом И.В. Сталиным был выдвинут четкий экономический ориентир – «закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и… догнать и перегнать передовые капиталистические страны» [28. С. 303].

В целях реализации установки, заданной И.В. Сталиным в конце 1927 – начале 1928 г., П.С. Осадчего как экономиста-генетика на посту руководителя комиссии по разработке Генерального плана сменил член Президиума Госплана СССР и ответственный редактор журнала «Плановое хозяйство» Н.А. Ковалевский. Он придерживался телеологического подхода к планированию, предполагавшего более высокие темпы развития экономики и опиравшегося на «примат целевых установок в плане, на директивные методы управления» [24. С. 7].

Свое видение разработки проекта будущего Генерального плана реконструкции народного хозяйства Н.А. Ковалевский представил в виде серии докладов в декабре 1927 – начале 1928 г. С некоторыми поправками членов комиссии доклад был принят на III Всесоюзном съезде плановых работников СССР в марте 1928 г. как руководство для дальнейшей работы «на переломе к новому этапу строительства социализма в стране» [29. С. 291].

Несмотря на резолюцию XV съезда ВКП(б), доклад Н.А. Ковалевского о разработке нового варианта Генерального плана исходил из мирного характера развития СССР в течение 15 лет. Однако это было сделано, скорее, из практических соображений: как критически заметил заместитель председателя Госплана СССР Э.И. Квиринг, невозможно «хозяйственно оценить результаты любой сколько-нибудь серьезной войны… Генеральный план не может предусмотреть ту или иную войну и ее последствия» [30. С. 6].

Для точного решения задачи создания «экономического плана… движения к социализму» Н.А. Ковалевский предлагал использовать метод встречных последовательных приближений, который позволил бы найти оптимальный путь развития всего народного хозяйства, а для вычисления масштабов производства конкретной продукции предлагал метод перекрестного исчисления объемов производства [31. С. 8–9]. При этом он скрыто полемизировал с П.С. Осадчим, характеризуя применяемый им метод экстраполяции эконо-

мических данных как «затрудняющий творческую работу»[2].

При этом в исчислении срока выполнения Генерального плана Н.А. Ковалевский опирался на расчеты, сделанные членами комиссии еще под руководством П.С. Осадчего, – 15 лет [31. С. 18–19]. Также в его варианте плана наблюдалась преемственность и относительно предполагаемого промышленного развития. Комиссия по разработке Генерального плана под руководством Н.А. Ковалевского декларировала необходимость развития транспортных «сверхмагистралей» и ряда отраслей промышленности, которые должны были работать как на внутренний спрос, так и на экспорт – это топливная и химическая промышленность, производство металлов, текстиля и т.д. Принципиальные отличия от предыдущего проекта заключались во взглядах на развитие сельского хозяйства. В новой версии Генерального плана была четко обозначена необходимость «коллективизации сельского хозяйства и перехода на массовую машинизированную продукцию» [31. С. 37–38]. Такая расстановка приоритетов больше соответствовала положениям резолюции XV съезда ВКП(б).

Составление Генерального плана реконструкции народного хозяйства заняло у членов комиссии Н.А. Ковалевского более двух лет. Результаты этой работы он представил в феврале–марте 1930 г. на заседаниях Института экономических исследований Госплана СССР. Прежде всего он уточнил главные задачи, которые необходимо было решить при выполнении Генерального плана: «1) догнать и перегнать передовые по технике и масштабам продукции страны мирового капитализма; 2) выполнить кооперативный план Ленина и завершить новую экономическую политику примерно ко времени выполнения пятилетки… 3) развернуть социалистические формы хозяйства в следующем периоде генплана с постепенным переходом по мере созревания материальной базы к более совершенным формам коммунистического общества в пределах, которые только будут доступны при мировом сочетании сил капитализма и коммунизма (речь идет о периоде после первой пятилетки. – *М. С.*)» [32. С. 143–144].

При этом Н.А. Ковалевский, вторя широко известному положению И.В. Сталина о характере классовой борьбы по мере продвижения к социализму[3], уточнил, что в первой пятилетке Генерального плана необходимо «вести ожесточенную классовую борьбу внутри СССР… и одновременно защищаться от все усиливающегося напора капиталистического окружения» [32. С. 143–144], а к решению задачи о строительстве бесклассового общества необходимо было приступить только во вторую и третью пятилетки Генерального плана.

Более детально Н.А. Ковалевский обозначил и основные показатели, которые необходимо учесть при разработке Генерального плана, – суммарное количество трудоспособных граждан СССР, общее доступное количество человеко-часов и среднюю часовую производительность труда. Из них в последующем должны были выводится все остальные значимые для Генерального плана показатели – объем валовой продукции, количество производственных фондов и т.д. [32. С. 122–123]. Главной установкой Генерального плана был назван «рост производительности труда в хозяйстве СССР в 14 раз. Вместе с ростом человеко-часов труда лишь в 1,32 раза (в соответствии с ростом населения) это дает рост чистой продукции Союза в 19 раз» [32. С. 128]. При этом доля тяжелой промышленности в указанном росте чистой продукции должна была увеличиваться на протяжении всего Генерального плана, а легкой, соответственно, снижаться [32. С. 140]. Территориальное размещение промышленности предполагало строительство большого количества новых мощностей в восточных регионах страны, богатых природными ресурсами. Толчок в развитии должны были получить Урал, Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток [32. С. 142].

В исследовательской литературе существуют различные оценки Генерального хозяйственного плана, разработанного комиссией Н.А. Ковалевского. С одной стороны, явным его достоинством считается «анализ значения эффективности производства для темпа развития народного хозяйства» [3. С. 63, 65]. С другой стороны, недостаток заключался в «допущении, что амортизация не является источником расширенного воспроизводства» [3. С. 63, 65]. Это противоречие можно объяснить прямым влиянием политической конъюнктуры, которая постоянно требовала увеличения декларируемых темпов роста любой ценой.

В целом, несмотря на различия, обусловленные противоположными подходами к планированию, между проектами Генерального плана П.С. Осадчего и Н.А. Ковалевского имелось много общего. В частности, это положения, касающиеся промышленного и транспортного развития. В определенном смысле можно говорить не о разных проектах Генерального плана реконструкции народного хозяйства, а о двух его версиях – умеренной и более радикальной.

С принятием первого пятилетнего плана в 1928 г. приоритет в работе Госплана был отдан конкретизации плановых заданий по пятилетнему планированию и уточнению годовых контрольных цифр. Для того чтобы разработка и принятие проекта Генерального плана не отошли на периферию, в Госплане была активизирована дискуссия о различных аспектах его разработки. В результате появился альтернативный вариант Генерального плана.

Автор этого варианта Л.М. Сабсович сначала представил его в виде статьи [34], а затем, в 1929 г., расширенную и дополненную версию опубликовал в виде отдельной книги. Представленный им проект касался промышленного развития и почти не уделял внимания сельскому хозяйству. Как и комиссия под председательством Н.А. Ковалевского, Л.М. Сабсович разработал проект Генерального плана построения социализма в СССР, рассчитанный на три пятилетки (15 лет). Этот проект также предполагал хозяйственное развитие Советского Союза в мирных условиях на основе только собственных ресурсов. При этом вопрос о скорости накопления средств в руках государства Л.М. Сабсович обошел стороной.

Главным показателем выполнения плана Л.М. Сабсович предлагал сделать достижение значительных

темпов роста выпуска промышленной продукции. Им были намечены следующие темпы: «…к концу I пятилетия – примерно 23,5%, к концу II пятилетия – примерно 27%, в III пятилетии – примерно на уровне 27,5%, в IV пятилетии – до уровня 30% ежегодного прироста» [35. С. 29]. Как видно из представленных показателей, Л.М. Сабсович, так же как Н.А. Ковалевский, предполагал начать реализацию Генерального плана после окончания первой пятилетки и вел при этом сквозной счет пятилетних планов. На первое место он ставил развитие тяжелой промышленности. Он предполагал 3–5% ежегодного прироста в этой отрасли, что к концу реализации Генерального плана должно было привести к ситуации, в которой «продукция легкой индустрии увеличится примерно в 40 раз, а тяжелой индустрии – примерно в 185 раз» [35. С. 31].

Параллельно с рассмотрением представленных проектов Генерального плана в Госплан СССР в 1927–1930 гг. поступали территориальные варианты общесоюзного Генерального плана, подготовленные местными плановыми органами [36–39]. Их разработка получила дополнительный стимул после прошедшего в марте 1928 г. III Всесоюзного съезда плановых работников, который отметил важность работы «над Генеральным планом развития хозяйства СССР *с детальной проработкой его местными плановыми органами, демонстрирующей нам рост плановой мысли на местах* (курсив мой. – *М.С.*)» [29]. Наиболее обсуждаемыми в среде плановых работников Госплана были проекты развития Урала и Сибири [40, 41]. Обилие поступающих проектов привело к тому, что работа над разработкой Генерального плана постепенно затягивалась. Сами сотрудники Госплана СССР объясняли возникшую заминку «недостаточной развитостью методов отраслевого и комплексного планирования, а также несводимостью материалов, присланных в Госплан местными органами» [42].

Эта ситуация вынудила Председателя Госплана СССР Г.М. Кржижановского заявить в феврале 1930 г. на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР о необходимости немедленно приступить к работе над новым, «эскизным проектом Генерального плана», чтобы вторая пятилетка уже находилась в его русле. В предполагавшемся к разработке варианте Генерального плана должны были быть детально очерчены вопросы экономического районирования, транспорта, строительства, а «энергетика должна была стать основным ведущим звеном и для того, что мы называем царством крупной машинной индустрии» [41. С. 294].

На основе этой установки работники Госплана СССР не успели разработать новый проект Генерального плана, так как практически одновременно началась массовая кампания борьбы с «правым уклоном». В 1930 г. «под тщательным контролем Сталина ОГПУ фабриковало многочисленные дела об “антисоветских организациях”, в планах которых так или иначе в качестве союзников фигурировали лидеры “правого уклона”» [43. С. 83]. Внутри Госплана СССР эта кампания приняла специфическую форму критики экономистов-генетиков, сторонников построения пятилетних и генеральных планов на основе теории «затухающей кривой» и экстраполяции на будущее ранее достигнутых экономических показателей. Так, по «делу Промпартии» были арестованы член Президиума Госплана СССР А.А. Горев, делавший в марте 1926 г. доклад о подготовке Генерального плана реконструкции народного хозяйства, и первый заместитель Председателя Госплана СССР, руководитель первого состава комиссии по составлению Генерального плана СССР в 1925–1927 гг. П.С. Осадчий.

Эти аресты заставили их коллег в спешном порядке отмежеваться от бывших соратников. Г.М. Кржижановский прямо называл своего заместителя П.С. Осадчего двурушником, причастным к диверсионной деятельности [44. С. 405], а член президиума Госплана СССР и редактор газеты «Экономическая жизнь» Р.Е. Вайсберг критиковал разработанную под руководством П.С. Осадчего версию Генерального плана за чрезмерно низкие темпы экономического развития, что, в свою очередь, означало: «Никаких задач по строительству социализма… генплан Осадчего не ставил перед собою» [45. С. 34].

На фоне разгромной критики «правых» И.В. Сталиным в ноябре–декабре 1930 г. были произведены перестановки в руководстве ВСНХ, Госплана и Наркомата финансов, которые подготовили отставку председателя СНК А.И. Рыкова [43. С. 80]. В результате этой волны отставок 10 ноября 1930 г. во главе Госплана СССР вместо назначенного еще во время Гражданской войны Г.М. Кржижановского встал В.В. Куйбышев, близкий соратник И.В. Сталина.

Первое совещание Президиума Госплана СССР в декабре 1930 г. под руководством нового председателя совпало с празднованием десятилетия плана ГОЭЛРО. В связи с этим В.В. Куйбышев в широкой печати предложил разработать новый Генеральный план строительства социализма в СССР, который должен был соединить в себе наработки ГОЭЛРО и разных версий Генерального плана. В.В. Куйбышев отмечал, что прежде всего необходимо было сделать упор на «проработку Генерального плана электрификации, на базе которого должен быть проработан весь план развития народного хозяйства» [46]. Таким образом, предполагалось введение двухуровневой системы планов – сначала разработка и реализация Генерального плана электрификации, а затем на его основе разработка аналогичного плана для всей экономики. Последовательная реализация обоих планов и должна была привести к построению социализма.

В соответствии с установкой В.В. Куйбышева Постановлением президиума Госплана СССР 25 февраля 1931 г. был образован оргкомитет по составлению Генерального плана электрификации СССР [47. С. 3] под руководством первого заместителя председателя Госплана СССР Г.И. Ломова [48. С. 14]. Для решения наиболее важных вопросов предстоящего плана электрификации СССР – методологии и основных установок – оргкомитет принял решение «созвать в апреле 1931 г. компетентное совещание, а в ноябре всесоюзную конференцию» с участием ведущих ученых и инженеров страны [48. С. 14–15].

Намечавшееся на апрель 1931 г. Всесоюзное совещание энергетиков в итоге состоялось в мае 1931 г. В своем программном выступлении Г.И. Ломов отметил, что «план по электрификации будет основой для второй и ближайшей, третьей пятилетки» [49. С. 21], т.е. он должен был быть рассчитан на десять лет [6. С. 64]. Это уменьшение срока плана электрификации по сравнению с проектом Генерального плана реконструкции было связано с разделением единого Генерального плана на два разноуровневых плана.

Среди главных приоритетов будущего плана электрификации Г.И. Ломов отмечал «кольцевание» энергосети СССР и делал ставку «на комбинированное использование тепла и электроэнергии» [49. С. 10]. В области сельского хозяйства Г.И. Ломовым предполагалась электрификация животноводческих колхозов. Председатель оргкомитета еще раз подтвердил, что разрабатывавшийся план представлял программу «социалистического строительства… с которым мы выйдем не только к нашей стране, но и ко всему миру» [49. С. 21, 25]. Тем более что условия для этого, по мнению Г.И. Ломова, складывались благоприятные, так как падение производства в развитых странах Запада, вызванное кризисом 1929 г., достигло максимальных показателей. Позиция Г.И. Ломова находилась в русле предстоящей XVII конференции ВКП(б). На ней в феврале 1932 г. были приняты директивы II пятилетнего плана, в которых было установлено, что «ведущая роль в завершении технической реконструкции принадлежит советскому машиностроению… важнейшим элементом технической реконструкции народного хозяйства является создание новейшей энергетической базы, основанной на широчайшей электрификации промышленности и транспорта и постепенном внедрении электроэнергии в сельское хозяйство» [50. С. 278].

Для конкретизации установок Всесоюзного совещания энергетиков и директив XVII партийной конференции в мае 1932 г. была созвана Всесоюзная конференция по составлению Генерального плана электрификации СССР. В рамках подготовки к ней «был созван ряд энергетических съездов в областях и краях; к участию в составлении плана был привлечен большой коллектив работников… свыше тысячи человек только в Москве» [47. С. 3–4]. По итогам этих съездов были изданы материалы в 11 томах, которые обсуждались на конференции. В результате был утвержден список районных электростанций, которые необходимо было ввести в эксплуатацию к 1937 г. Их общая мощность должна была составить 22,7 млн кВт[4].

После проведения конференции и публикации ее результатов попытки дальнейшей разработки или реализации инициатив в рамках Генерального плана электрификации СССР не предпринимались. Возможно, это было связано с новой волной репрессий против хозяйственных руководителей, прошедшей в 1932–1933 гг., связанной с провалом политики «большого скачка» в конце первой пятилетки [43. С. 167–175], а также с показательными процессами против технических специалистов, одним из которых было дело о вредительстве на электростанциях, рассматривавшееся в специальном присутствии Верховного суда СССР в середине апреля 1933 г. [51].

Указанные события обозначили отказ от разработки и реализации строительства социалистического общества в СССР на основе длительного, рассчитанного на несколько пятилеток народно-хозяйственного плана. Тактическое отступление сталинского режима от курса на избыточное применение насилия, получившее название в историографии «неонэп» [43. С. 180–184], вызвало необходимость переформатировать практику социалистического строительства в СССР. Начиная примерно с 1933 г. взгляды И.В. Сталина и его окружения стали стремительно меняться. В качестве обоснования строительства социалистического общества в одной стране стали рассматриваться не экономические народно-хозяйственные планы, рассчитанные на несколько пятилеток, а документы политического характера, готовившиеся к принятию новая Конституция СССР и Программа ВКП(б), значение которых И.В. Сталин обозначил в письме В.М. Молотову в 1935 г., где отметил, что Конституцию СССР «ни в коем случае не следует смешивать с парт[ийной] программой. *В ней должно быть то, что уже достигнуто. В программе же кроме того – и то, чего добиваемся* (курсив мой. – *М.С.*)» [52]. Конституция СССР была принята 5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайным съездом Советов СССР. В 1937–1938 гг. шел процесс разработки новой Программы ВКП(б) [53. Л. 1]; она не была принята, но на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1939 г., была образована программная комиссия, которая была призвана закончить ранее начатое дело [54. С. 55]. На том же съезде недавно назначенный председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский заявил о необходимости вновь поставить «…вопрос о разработке Генерального хозяйственного плана, рассчитанного на несколько пятилеток, *рассчитанного на переход от социализма к коммунизму*, на завершение задачи догнать и перегнать передовые в экономическом отношении капиталистические страны (курсив мой. – *М.С.*)» [55][5]. После этого, в 1939–1941 гг., в Госплан СССР приступил к разработке Генерального хозяйственного плана СССР на 1943–1957 гг. [56, 57], но реализации этого плана помешала Великая Отечественная война.

Таким образом, можно заключить, что советское руководство, исходя из идеократического характера выстроенного им политического режима, считало главной целью общественного развития построение социалистического общества. В 1924–1932 гг. оно полагалось в большей степени на экономические планы, однако после провала заданий первой пятилетки произошло переформатирование представлений о строительстве социалистического общества в одной стране. Это отразилось в приоритете политических, а не экономических документов, декларировавших курс на строительство социализма в одной стране, а затем в относительно быстром развитии идеи строительства социализма в СССР в идею строительства коммунистического общества, которая окончательно закрепилась в качестве основополагающего идеологического принципа до периода перестройки.

Примечания

[1] «…хозяйство наше возрождается и приближается к довоенным размерам» (цит. по: [15. С. 7]).
[2] Для усиления своей позиции Н.А. Ковалевский сослался на методологическую записку комиссии П.С. Осадчего, написанную еще в 1926 г.: «Метод простой экстраполяции, на долгие годы вперед довоенных данных… представляется для Комиссии генерального плана глубоко ошибочным» (цит. по: [31. С. 14–15]).
[3] Указанное положение звучит следующим образом: «…продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» (цит по: [33. С. 172]).
[4] Хотя общий объем заявок отдельных районов и краев на электростроительство на 1937 г. составлял 36 млн кВт; см.: [48. С. 4]
[5] Можно предположить, что вождь не стал сам озвучивать цель построения коммунизма, с тем чтобы избавить себя от лишней ответственности, и перепоручил это дело своему недавно назначенному подчиненному.

Список источников

1. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации СССР. 1924–1928 гг. М. : Дело, 2010. 248 с.
2. Сорокин Г.М. Первый генеральный план развития народного хозяйства (из истории разработки перспективных планов) // Плановое хозяйство. 1961. № 2. С. 36–48.
3. Альтер Л., Почкин П. Первая советская модель экономического роста // Плановое хозяйство. 1968. № 8. С. 60–70.
4. Погребинская В.А. Разработка методологии Генерального плана в конце 20-х – начале 30-х годов. М. : Наука, 1979. 120 с.
5. Верхотуров Д.Н. Созидатели будущего. Возникновение планирования в СССР // Передовая наука. Красноярск, 2013. URL: http://slavnauka.ru/arhiv/verkhoturov/documents/Созидатели будущего.pdf (дата обращения: 15.09.2019).
6. Беляков Ю.П. Второй генеральный план электрификации СССР 1931–1941 // Электричество. 2018. № 11. С. 64–69.
7. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929 : очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М. : Дело, 1993. 256 с.
8. Фельдман М.А. Между генеральным планом и планом первой пятилетки: продвижение советского индустриального проекта в мифологическом пространстве (1927–1932 гг.) // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. фед. ун-та. С. 304–317.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всерос. съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987. С. 239–261.
10. Ленин В.И. Кржижановскому // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е. изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 40: Декабрь 1919 – апрель 1920. С. 62–63.
11. План электрификации Р.С.Ф.С.Р. : введение к докладу 8-му Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М. : Гостехниздат, 1920. 230 с.
12. Ленин В.И. Доклад всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е. изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 42: Ноябрь 1920 – март 1921. С. 128–162.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 22. Д. 34. Л. 3.
14. Из материалов к отчету правительства СССР за 1925/26 г. // Индустриализация СССР 1926–1928 : документы и материалы. М. : Наука, 1969. С. 84–107.
15. Кржижановский Г.М. К пересмотру плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. 1925. № 7. С. 7–28.
16. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета // XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1926. С. 9–57.
17. Резолюция по отчету ЦК : (по докладам тт. Сталина и Молотова) // XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1926. С. 512–520.
18. Сталин И.В. Вопросы и ответы : речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М. : Политиздат, 1952. Т. 7. С. 156–211.
19. Кржижановский Г.М. О задачах и организации плановой работы // Проблемы планирования (итоги и перспективы) : стенографический отчет I съезда Президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве, 10–17 марта 1926 года. М. : Плановое хозяйство, 1926. С. 4–21.
20. Резолюция о пересмотре плана ГОЭЛРО // Проблемы планирования (итоги и перспективы) : стенографический отчет I съезда Президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве, 10–17 марта 1926 года. М. : Плановое хозяйство, 1926. С. 322.
21. Очерки по экономике генерального плана. 1. Целевая установка // Правда. 1927. 19 июня. № 136. С. 3.
22. Очерки по экономике генерального плана. 3. Предпосылки для планирования в сельском хозяйстве // Правда. 1927. 10 июля. № 154. С. 4.
23. Осадчий П.С. Генеральный план реконструкции народного хозяйства и крупное строительство // Плановое хозяйство. 1926. № 11. С. 11–25.
24. Возвращение к истокам // Каким быть плану : дискуссии 20-х годов : статьи и современный комментарий. Л. : Лениздат, 1989. С. 3–9.
25. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л. : Госиздат, 1928. С. 1290–1304.
26. О работе в деревне // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л. : Госиздат, 1928. С. 1304–1318.
27. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым : из дневника Ф. Чуева. М. : Терра, 1991. 623 с.
28. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М. : Политиздат, 1949. Т. 10. С. 271–353.
29. Резолюция III Всесоюзного съезда плановых работников по основным докладам об организации и достижениях в области планирования народного хозяйства // Индустриализация СССР 1926–1928 : документы и материалы. М. : Наука, 1969. С. 289–291.
30. Квиринг Э.И. Проблемы генерального плана // Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 5–25
31. Ковалевский Н.А. Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 7–45.
32. Ковалевский Н.А. К построению генерального плана // Плановое хозяйство. 1930. № 3. С. 117–144.
33. Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме : речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М. : Политиздат, 1949. Т. 11. С. 157–187.
34. Сабсович Л.М. Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 54–103.
35. Сабсович Л.М. СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана как плана построения социализма в СССР. М. : Плановое хозяйство, 1929. 159 с.

36. Основные положения генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края 1926/27–1940/41. Новосибирск : Изд. Сибирской Краевой Плановой Комиссии, 1927. 132 с.
37. Нерсесов М. Проблемы населения ЗСФСР в построении генерального плана. Тифлис : Экономический вестник Закавказья, 1927. 24 с.
38. Генеральный хозяйственный план Урала и перспективы пятилетнего развития. Свердловск : Уралполиграф, 1927. 847 с.
39. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 768 с.
40. Фельдман М.А. «Генеральный план развития Уральской области на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 322–332
41. Кржижановский Г.М. Вопросы построения генерального плана // Кржижановский Г.М. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. : Объединенное науч.-техн. изд-во, 1933. Т. 1: Электроэнергетика. С. 277–297.
42. Сафронов А.В. Основные организационные условия реализации долгосрочных планов развития России // Социальный компас. URL: http://www.socialcompas.com/2015/06/27/osnovnye-organizatsionnye-usloviya-realizatsii-dolgosrochnyh-planov-razvitiya-rossii-2 (дата обращения: 02.05.2019).
43. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : Рос. полит. энцикл., 2010. 478 с.
44. Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике // Кржижановский Г.М. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. : Объединенное науч.-техн. изд-во, 1933. С. 401–418.
45. Вайсберг Р. «Объективная» наука госплановских вредителей // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 27–59.
46. На очереди составление генерального плана электрификации (беседа с председателем Госплана СССР тов. В.В. Куйбышевым) // Известия. 1931. № 63. С. 3.
47. Генеральный план электрификации СССР : в 11 т. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. Т. 8: Сводный план электрификации. 480 с.
48. Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики в Российской империи предыстория ГОЭЛРО. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 302 с.
49. Проблемы генплана электрификации СССР. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. 284 с.
50. Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) // XVII конференция Всесоюзной Коммунистической Партии (б) : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1932. 296 с.
51. Вышинский А.Я. Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР // Вышинский А.Я. Судебные речи. М. : Госюриздат, 1955. С. 304–381.
52. Сталин И.В. Письмо № 83 от 26 сентября 1935 г. // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. документов. М. : Россия молодая, 1996. С. 250.
53. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 122.
54. Трушков В.В. Неизвестная Программа ВКП(б). М. : Полит. просвещение, 2018. 288 с.
55. Речь тов. Вознесенского // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М. : Политиздат. С. 340.
56. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б.
57. Вознесенский Н.А. Служебная записка Н.А. Вознесенского И.В. Сталину и В.М. Молотову от 5 сентября 1940 г. // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения 1931–1947 гг. М. : Наука, 2018. С. 394.

References

1. Erlikh, A. (2010) *Diskussii ob industrializatsii SSSR. 1924–1928 gg.* [Discussions about the industrialization of the USSR, 1924–1928]. Moscow: Delo.
2. Sorokin, G.M. (1961) Pervyy general'nyy plan razvitiya narodnogo khozyaystva (iz istorii razrabotki perspektivnykh planov) [The first General plan of the national economy development (From the history of development perspective plans)]. *Planovoe khozyaystvo*. 2. pp. 36–48.
3. Alter, L. & Pochkin, P. (1968) Pervaya sovetskaya model' ekonomicheskogo rosta [The first Soviet model of economic growth]. *Planovoe khozyaystvo*. 8. pp. 60–70.
4. Pogrebinskaya, V.A. (1979) *Razrabotka metodologii General'nogo plana v kontse 20-kh – nachale 30-kh godov* [The development of the master plan methodology in the late 1920s – early 1930s]. Moscow: Nauka.
5. Verkhoturov, D.N. (2013) *Sozidateli budushchego. Vozniknovenie planirovaniya v SSSR* [Creators of the Future. The Emergence of Planning in the USSR]. Krasnoyarsk: Peredovaya nauka. [Online] Available from: http://slavnauka.ru/arhiv/verkhoturov/documents/Sozidateli budushhego.pdf (Accessed: 15th September 2019).
6. Belyakov, Yu.P. (2018) Vtoroy general'nyy plan elektrifikatsii SSSR 1931–1941 [The second master plan of electrification of the USSR, 1931–1941]. *E'lektrichestvo*. 11. pp. 64–69.
7. Mau, V.A. (1993) *Reformy i dogmy. 1914–1929: ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma* [Reforms and dogmas, 1914–1929. Essays on the history of the formation of the economic system of Soviet totalitarianism]. Moscow: Delo.
8. Feldman, M.A. (2018) Mezhdu general'nym planom i planom pervoy pyatiletki: prodvizhenie sovetskogo industrial'nogo proekta v mifologicheskom prostranstve (1927–1932 gg.) [Between the general plan and the first five-year plan: promotion of the Soviet industrial project in the mythological space (1927–1932)]. In: Gorbachev, O.V. (ed.) *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [The Soviet project. 1917–1930s: Stages and mechanisms of implementation]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 304–317.
9. RSFSR. (1987) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki : prinyata V Vseros. s"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 goda [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: Adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets in Session of July 10, 1918]. In: Kukushkin Yu.S. & Chistyakov O.I. (eds) *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the History of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat. pp. 239–261.
10. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works. In 55 vols]. 5th ed. Vol. 40. Moscow: Politizdat. pp. 62–63.
11. The State Commission for Electrification of Russia. (1920) *Plan elektrifikatsii R.S.F.S.R.: vvedenie k dokladu 8-mu S"ezdu Sovetov Gosudarstvennoy komissii po elektrifikatsii Rossii* [The RSFSR electrification plan. Introduction to the report of the 8th Congress of Soviets of the State Commission for Electrification of Russia]. Moscow: Gostekhnizdat.
12. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works. In 55 vols]. 5th ed. Vol. 42. Moscow: Politizdat. pp. 128–162.
13. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 22. File 34. p. 3.
14. USSR. (1969a) Iz materialov k otchetu pravitel'stva SSSR za 1925/26 g. [From the materials to the report of the USSR government for 1925/26]. In: Voronetskaya, A.A. & Zvezdin, Z.K. (eds) *Industrializatsiya SSSR 1926–1928: dokumenty i materialy* [Industrialization of the USSR in 1926–1928. Documents and materials]. Moscow: Nauka. pp. 84–107.
15. Krzhizhanovskiy, G.M. (1925) K peresmotru plana GOELRO [To the revision of the GOELRO plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 7. pp. 7–28.
16. Stalin, I.V. (1926) Politicheskiy otchet Tsentral'nogo Komiteta [Political report of the Central Committee]. In: *XIV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). Dekabr' 1925 goda: stenograficheskiy otchet* [The 14th Congress of the All-Union Communist Party (b). December 1925: A shorthand report]. Moscow: Politizdat. pp. 9–57.
17. The CPSU. (1926) Rezolyutsiya po otchetu TsK: (po dokladam tt. Stalina i Molotova) [Resolution on the report of the Central Committee: (on the reports of the Stalin and Molotov)]. In: *XIV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). Dekabr' 1925 goda: stenograficheskiy otchet* [The 14th Congress of the All-Union Communist Party (b). December 1925: A shorthand report]. Moscow: Politizdat. pp. 512–520.

18. Stalin I.V. (1952) *Sochineniya : v 18 t.* [Works. In 18 vols]. Vol. 7. Moscow: Politizdat. pp. 156–211.
19. Krzhizhanovskiy, G.M. (1926) O zadachakh i organizatsii planovoy raboty [About the tasks and organization of planned work]. In: *Problemy planirovaniya (itogi i perspektivy): stenograficheskiy otchet I s"ezda Prezidiumov Gosplana SSSR i Gosplanov soyuznykh respublik s uchastiem predstaviteley mestnykh planovykh organov v Moskve, 10–17 marta 1926 goda* [Problems of planning (results and prospects): A verbatim report of the First Congress of the Presidium of Gosplan USSR and State Planning Committees of the Union republics with the participation of representatives of local planning authorities in Moscow. March 10-17, 1926]. Moscow: Planovoe khozyaystvo. pp. 4–21.
20. USSR. (1926) Rezolyutsiya o peresmotre plana GOELRO [Resolution on the revision of the GOELRO plan]. In: *Problemy planirovaniya (itogi i perspektivy): stenograficheskiy otchet I s"ezda Prezidiumov Gosplana SSSR i Gosplanov soyuznykh respublik s uchastiem predstaviteley mestnykh planovykh organov v Moskve, 10–17 marta 1926 goda* [Problems of planning (results and prospects): A verbatim report of the First Congress of the Presidium of Gosplan USSR and State Planning Committees of the Union republics with the participation of representatives of local planning authorities in Moscow. March 10-17, 1926]. Moscow: Planovoe khozyaystvo. p. 322.
21. *Pravda*. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 1. Tselevaya ustanovka [Essays on the economy of the master plan. 1. Target installation]. 19th June. p. 3.
22. *Pravda*. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 3. Predposylki dlya planirovaniya v sel'skom khozyaystve [Essays on the economy of the master plan. 3. Prerequisites for planning in agriculture]. 10th July. p. 4.
23. Osadchiy, P.S. (1926) General'nyy plan rekonstruktsii narodnogo khozyaystva i krupnoe stroitel'stvo [General plan of reconstruction of the national economy and large-scale construction]. *Planovoe khozyaystvo*. 11. p. 11–25.
24. Anon. (1989) Vozvrashchenie k istokam [Return to the origins]. In: Koritskiy, E.B. (ed.) *Kakim byt' planu: diskussii 20-kh godov: stat'i i sovremennyy kommentariy* [What to plan: discussions of the 20s: articles and modern commentary]. Leningrad: Lenizdat. p. 3–9.
25. The CPSU. (1928a) O direktivakh po sostavleniyu pyatiletnego plana narodnogo khozyaystva [On directives for drawing up a five-year plan of the national economy]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [The 15th Congress of the All-Union Communist party (b): A verbatim report]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. p. 1290–1304.
26. The CPSU. (1928b) O rabote v derevne [About work in the village]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [The 15th Congress of the All-Union Communist party (b): A verbatim report]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. p. 1304–1318.
27. Chuev, F.I. (1991) *Sto sorok besed s Molotovym: Iz dnevnika F. Chueva* [One Hundred and Forty Conversations with Molotov: From F. Chuev's Diary]. Moscow: Terra.
28. Stalin, I.V. (1949a) *Sochineniya: v 18 t.* [Works. In 18 vols]. Vol. 10. Moscow: Politizdat. pp. 271–353.
29. USSR. (1969b) Rezolyutsiya III Vsesoyuznogo s"ezda planovykh rabotnikov po osnovnym dokladam ob organizatsii i dostizheniyakh v oblasti planirovaniya narodnogo khozyaystva [Resolution of the Third All-Union Congress of Planners on the main reports on the organization and achievements in the field of national economy planning]. In: Voronetskaya, A.A. & Zvezdin, Z.K. (eds) *Industrializatsiya SSSR 1926–1928: dokumenty i materialy* [Industrialization of the USSR in 1926–1928. Documents and materials]. Moscow: Nauka. pp. 289–291.
30. Kviring, E.I. (1930) Problemy general'nogo plana [Problems of the master plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 4. pp. 5–25.
31. Kovalevskiy, N.A. (1928) Metodologiya plana rekonstruktsii [Methodology of the reconstruction plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 4. pp. 7–45.
32. Kovalevskiy, N.A. (1930) K postroeniyu general'nogo plana [Towards the construction of a master plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 3. pp. 117–144.
33. Stalin I. V. (1949b) *Sochineniya: v 18 t.* [Works. In 18 vols]. Vol. 11. Moscow: Politizdat. pp. 157–187.
34. Sabsovich, L.M. (1929a) Gipoteza masshtabov produktsii osnovnykh otrasley narodnogo khozyaystva SSSR v period general'nogo plana [A hypothesis of production scales by branches of the USSR national economy at the time of the master plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 54–103.
35. Sabsovich, L.M. (1929b) *SSSR cherez 15 let. Gipoteza general'nogo plana kak plana postroeniya sotsializma v SSSR* [The USSR in 15 years. A hypothesis of the General plan as a plan for building socialism in the USSR]. Moscow: Planovoe khozyaystvo.
36. USSR. (1927a) *Osnovnye polozheniya general'nogo plana razvitiya narodnogo khozyaystva Sibirskogo kraya 1926/27–1940/41* [Basic provisions of the master plan for the development of the national economy of the Siberian Territory 1926/27–1940/41]. Novosibirsk: Siberian Regional Planning Commission.
37. Nersesov, M. (1927) *Problemy naseleniya ZSFSR v postroenii general'nogo plana* [Problems of the population of the TSFSR in the construction of the General plan.]. Tiflis: [s.n.].
38. USSR. (1927b) *General'nyy khozyaystvennyy plan Urala i perspektivy pyatiletnego razvitiya* [General economic plan of the Urals and prospects for five-year development]. Sverdlovsk: Uralpoligraf.
39. USSR. (1930) *Materialy k general'nomu planu razvitiya narodnogo khozyaystva Sibirskogo kraya* [Materials for the master plan for the development of the national economy of the Siberian region]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
40. Feldman, M.A. (2017) "General'nyy plan razvitiya Ural'skoy oblasti na 1926–1941 gg.": mezhdu mifom i real'nost'yu ["The General Plan of Development of the Ural Region for 1926–1941": Between myth and reality]. In: Gorebachev, O.V. (ed.) *Epokha sotsialistiche-skoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 322–332.
41. Krzhizhanovskiy, G.M. (1933a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Ob"edinennoe nauch.-tekhn. izd-vo. pp. 277–297.
42. Safronov, A.V. (2015) *Osnovnye organizatsionnye usloviya realizatsii dolgosrochnykh planov razvitiya Rossii* [Basic organizational conditions for the implementation of long-term development plans for Russia]. [Online] Available from: http://www.socialcompas.com/2015/06/27/osnovnye-organizatsionnye-usloviya-realizatsii-dolgosrochnyh-planov-razvitiya-rossii-2 (Accessed: 2nd May 2019).
43. Khlevnyuk, O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: Rosspen.
44. Krzhizhanovskiy, G.M. (1933b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols]. Moscow: Ob"edinennoe nauch.-tekhn. izd-vo. pp. 401–418.
45. Vaysberg, R. (1930) "Ob"ektivnaya" nauka gosplanovskikh vrediteley ["Objective" science of Gosplan pests]. *Planovoe khozyaystvo*. 10–11. pp. 27–59.
46. Kuybyshev, V.V. (1931) Na ocheredi sostavlenie general'nogo plana elektrifikatsii (beseda s predsedatelem Gosplana SSSR tov. V.V. Kuybyshevym) [Next in line is drawing up a master plan for electrification (conversation with the Chairman of the USSR State Planning Committee, Comrade V.V. Kuibyshev)]. *Izvestiya*. 63. p. 3.
47. USSR. (1932a) *General'nyy plan elektrifikatsii SSSR: v 11 t.* [Master plan for the electrification of the USSR: in 11 volumes]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
48. Simonov, N.S. (2016) *Razvitie elektroenergetiki v Rossiyskoy imperii. Predystoriya GOELRO* [Development of electric power industry in the Russian Empire. Prehistory of GOELRO]. Moscow: Dmitry Pozharsky University.
49. USSR. (1932b) *Problemy genplana elektrifikatsii SSSR* [Problems of the master plan for the USSR electrification]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
50. USSR. (1932c) Direktivy k sostavleniyu vtorogo pyatiletnego plana narodnogo khozyaystva SSSR (1933–1937 gg.) [Directives for drawing up the second five-year plan for the national economy of the USSR (1933–1937)]. In: *XVII konferentsiya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy Partii (b): stenograficheskiy otchet* [The 17th Conference of the All-Union Communist Party(b): A verbatim report]. Moscow: Politizdat.
51. Vyshinskiy, A.Ya. (1955) *Sudebnye rechi* [Judicial speeches]. Moscow: Gosyurizdat. pp. 304–381.

52. Stalin, I.V. (1996) *Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1936 gg.* [Letters from I.V. Stalin to V.M. Molotov. 1925–1936] Moscow: Molodaya Rossiya.
53. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 122. p. 1.
54. Trushkov, V.V. (2018) *Neizvestnaya Programma VKP(b)* [An Unknown Program of the VKP(b)]. Moscow: Politicheskoe prosveshchenie.
55. USSR. (1939) Rech' tov. Voznesenskogo [Comrade Voznesensky's speech]. In: *XVIII s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). 10–21 marta 1939 g.: stenograficheskiy otchet* [The 18th Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10-21, 1939: A verbatim report]. Moscow: Politizdat. p. 340.
56. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 43. File 125b.
57. Voznesensky, N.A. (2018) *Akademik N.A. Voznesenskiy. Sochineniya 1931–1947 gg.* [Academician N.A. Voznesensky. Works of 1931–1947]. Moscow: Nauka. p. 394.

***Сведения об авторе*:**
Симонов Максим Анатольевич – научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Simonov Maxim A. – Researcher at the Interdisciplinary Humanities Research Laboratory of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2020; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 23.04.2020; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 377.5
doi: 10.17223/19988613/85/10

Среднее женское медицинское образование в Российской империи в начале XX в. (на примере Орловской земской фельдшерско-акушерской школы)

Екатерина Николаевна Хабалева

Орловский государственный университет им. М.С. Тургенева, Орел, Россия, katya.e2011@yandex.ru

Аннотация. Анализируется среднее женское медицинское образование в Орловской губернии начале XX в. на примере земской фельдшерско-акушерской школы. Выявляются особенности организации учебного процесса, содержание курса, социальный состав учащихся и профессиональная подготовка учителей. Новизна исследования определяется тем, что, помимо общероссийских тенденций развития здравоохранения в вопросе подготовки специалистов, автор анализирует состояние этой сферы на примере конкретного региона – Орловской губернии. Приводятся данные архивных материалов, которые позволяют судить о специфике подготовки специалистов среднего медицинского звена в Орловской губернии.
Ключевые слова: среднее женское медицинское образование, фельдшерско-акушерская школа, Орловская губерния

Для цитирования: Хабалева Е.Н. Среднее женское медицинское образование в Российской империи в начале XX в. (на примере Орловской земской фельдшерско-акушерской школы) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 81–86. doi: 10.17223/19988613/85/10

Original article

Secondary female medical education in the Russian empire at the beginning of the XX century (through the example of Oryol province territorial paramedic-obstetric school)

Ekaterina H. Khabaleva

I.S. Turgenev Oryol State University, Oryol, Russian Federation, katya.e2011@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the fact that at present, both the education system and the healthcare sector are on the path of radical transformations that pursue a common goal - to bring them to a new level of development that meets the modern realities of the society development. In the context of the ongoing search for the optimal path of development of the two most important areas in the life of any state, the appeal to the experience of previous generations is of particular importance.

The purpose of the research is to study the history of the formation and development of the system of secondary female medical education in the Oryol province at the beginning of the 20th century.

The source base of the study includes both published and unpublished documents and materials.

The most valuable are unpublished documents located in the State Archives of the Oryol Region - F. 525 Oryol Provincial Zemstvo and F. 571 Oryol Zemstvo paramedic-obstetric school.

Among the published sources, statistical materials should be highlighted. This is, first of all, «Reviews of the Oryol province». «Reviews» covered the state of public education and health care in the province, in particular, the number of educational institutions, hospitals and doctors, as well as their growth dynamics. An important statistical source was the published results of the First All-Russian Population Census of 1897, including information on the Oryol province.

The article analyzes the state of healthcare system both in the Russian Empire in general and in the Oryol province in particular at the beginning of the 20th century, which important criterions for the success are the mortality rate and the number of medical workers and hospitals per capita. The statistics of the beginning of the century confirm the existence of a number of problems in this area - terrifying data on the number of deaths among adults and children, the lack of doctors and paramedics. At the beginning of the 20th century, the problem of insufficient provision of the population with medical workers continued to be relevant. A large role in solving this issue for the Oryol province was played by the local zemstvo, which initiated and financially supported the opening of a paramedic-obstetric school for girls in the provincial center.

The training course, which lasted three years, was designed for girls with a certain level of education, and its specificity was that it was built in such a way that the students acquired practical skills from practicing specialists in this field, who acted as mentors for them.

© Е.Н. Хабалева, 2023

The Oryol paramedic-obstetric school for girls has become a popular educational institution for residents of the Oryol province, as evidenced by the data on the constant excess of the number of applications to the number of vacant places. This educational institution made it possible to acquire a profession that is in demand for the region and the country, considering the fact that the number of fields available for the professional realization of women in the Russian Empire was highly limited.
Keywords: secondary female medical education, paramedic-obstetric school, Oryol province

For citation: Khabaleva, E.H. (2023) Secondary female medical education in the Russian empire at the beginning of the XX century (through the example of Oryol province territorial paramedic-obstetric school). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 81–86. doi: 10.17223/19988613/85/10

Актуальность

Уровень развития медицины и образования, их доступность для населения являются важнейшими показателями реализации социальной политики государства. В настоящее время в Российской Федерации развитие этих областей приоритетно. В сфере здравоохранения идет реализация национального проекта с одноименным названием, главные цели которого – снижение смертности в стране, в том числе детской, решение кадровой проблемы, обеспечение доступности медицинских учреждений для населения [1].

О необходимости решения вопросов подготовки специалистов и восполнения существующего дефицита медицинских работников неоднократно говорил Президент РФ В.В. Путин [2]. При этом решение кадрового вопроса невозможно без подвижек в системе образования. Именно в этой области две важнейшие сферы жизни общества тесно взаимосвязаны. С одной стороны, от уровня развития образования и науки зависит подготовка специалистов, их квалификация, а также внедрение новых, передовых методов диагностики и лечения заболеваний. С другой стороны, высокий уровень развития медицины напрямую влияет на подготовку кадров, так как практические навыки приобретаются в поликлиниках и больницах, а в качестве наставников, как правило, выступают практикующие врачи. Поэтому решение данной проблемы носит комплексный характер. В рамках национального проекта «Здравоохранение» выделяются значительные средства на всестороннюю модернизацию данной сферы и решение поставленных задач. Однако нужно учитывать, что даже рациональное использование средств не всегда может привести к намеченным целям. В таком вопросе особенно важно опираться на положительный опыт развития медицины в предыдущие годы, сохранять и преумножать лучшие традиции. Национальный проект «Здравоохранение» ставит единые цели и задачи перед всей страной по уровню развития медицинского обслуживания населения, однако его реализация в отдельных регионах приобретает свою специфику, которая во многом определяется социально-экономическим развитием различных территорий страны.

В этой связи обращение к опыту дореволюционной России на примере отдельных ее регионов может позволить провести сравнительный аналииз с сегодняшним днем, проанализировать, насколько успешно были решены проблемы в тот временной период и степень их актуальности в настоящее время. Обращение к опыту Орловской губернии, расположенной в пределах центральной черноземной полосы, позволит расширить представление о подготовке медицинских работников на региональном уровне, проанализировать ключевые проблемы и достижения, с которыми сталкивались обучающиеся и педагоги. Специфика Орловской губернии заключалась в том, что это был преимущественно аграрный край, тогда как промышленность и производство развивались крайне слабо, а в социальной структуре общества преобладало крестьянское население, причем как в уездах, так и в городах. По результатам Первой всеобщей переписи населения, в конце XIX в. крестьяне в уездах составляли 96,47%, а в городах – 45,18% [3. С. 17]. По этническому и вероисповедальному признакам более чем 90% населения региона принадлежали к великороссам и православным. Все эти факторы в совокупности напрямую влияли на уровень развития как образования, так и здравоохранения. Невысокие показатели грамотности населения в Орловской губернии, которые были ниже общероссийских цифр, также отражались на нехватке медицинского персонала и высокой смертности населения. Многие характеристики региона не утратили своей актуальности и сегодня. Орловская область продолжает оставаться сельскохозяйственным краем, в ее экономике данная сфера занимает весомое место. Это, в свою очередь, сказывается на социальной структуре общества, 1/3 которого проживает в сельской местности. Сохраняется и моноэтнический состав населения: более 90% составляют русские. Как и в дореволюционное время, современная система здравоохранения региона сталкивается с целым рядом проблем, в числе которых особое место занимает кадровый дефицит медицинских работников, особенно на селе и в области узкопрофильных направлений. В этой связи опыт Орловской губернии по подготовке медицинских работников среднего звена важен не только для оценки состояния системы здравоохранения и образования как в регионе, так и в стране в целом в начале XX в., но и для установления причинно-следственных связей между низким уровнем социально-экономического развития региона и наличием кадровых проблем в системе здравоохранения, которые не утратили своей актуальности по прошествии столетия.

Состояние здравоохранения в Орловской губернии в начале XX в.

Важнейшими показателями налаженной и успешно функционирующей системы здравоохранения являются данные о смертности населения и обеспеченности

медицинским персоналом, возможности своевременно и без чрезмерных усилий обратится за квалифицированной помощью. В Орловской губернии в начале XX в. ситуация в этой сфере оставалась тревожной, несмотря на то что за предыдущие десятилетия система здравоохранения претерпела целый ряд реформ и изменений.

Для Российской империи в целом и Орловской губернии в частности в обозначенное время были характерны высокие показатели смертности населения. Так, в начале XX в. в стране на 1 000 жителей приходилось в среднем 34 умерших, в Орловской губернии эти показатели были еще выше – на 1 000 жителей в среднем 37 умерших [4. С. 185].

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что в начале XX в. в регионе наблюдалась устойчивая динамика снижения смертности населения, которая была обусловлена целым рядом факторов, в том числе и реформами в сфере здравоохранения. В целом в сравнении со второй половиной XIX в. до начала нового столетия эти показатели снизились на 37,2%.

Таблица 1

Динамика смертности населения в Орловской губернии в начале XX века

Регион	Число умерших на 1 000 населения				
	1891–1895 гг.	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.	1906–1910 гг.	1911–1913 гг.
Орловская губерния	38	37	34,5	32,2	27,6

Однако при этом количество смертей среди детей продолжало оставаться ужасающе высоким. В начале XX в. число умерших в возрасте до пяти лет составляло 3/5 от общей суммы смертей. Особенно высокой была смертность детей в грудном возрасте. В Орловской губернии на 1 000 родившихся умирало в возрасте до одного года в середине XIX в. 302 младенца, в конце XIX в. – 319, в начале XX в. – 294. При этом показатели смертности среди детей до пяти лет были еще больше и приближались к половине: так, в середине XIX в. на 1 000 родившихся приходился 461 умерший ребенок, в конце XIX в. – 475, в начале XX в. – 435 [4. С. 198].

Причина таких высоких показателей детской смертности кроется в целом ряде причин: низком уровне благосостояния подавляющего большинства населения губернии, доминирующим сословием которого являлись крестьяне, нехватке врачей, в том числе во время родовспоможения (как правило, роды принимали повивальные бабки, которые основывались в своей практике на опыте, а не на медицинских знаниях), низком уровне образованности самих матерей и их подчиненном и зависимом положении в семье, неподвижности сложившихся представлений о способе вскармливания младенцев, уходе за ними, неподобающем уровне санитарно-бытовых условий и др.

Например, великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в своих работах затрагивал тему детской смертности. Он отмечал, что ее высокие показатели в младенческом возрасте были связаны со способом вскармливания, когда, особенно в крестьянской среде, детям с рождения давали «соску», которая представляла из себя ничто иное, как пережеванный хлеб или кашу, которую закладывали в тряпочку и давали сосать малышу. Толстой подчеркивал, что в европейских государствах, к примеру в Англии, детская смертность была в разы меньше. Связывал он это с тем, что в этой стране родившийся ребенок находится на грудном вскармливании. Выводы писателя по этому поводу стали нарицательными: «Соска убила на Руси людей больше, чем чума и холера и все болезни». Безусловно, такая традиция вскармливания была вызвана объективной необходимостью: женщина не могла весь день находиться возле ребенка, ей приходилось вскоре после родов включаться в работу, вести хозяйство [5. С. 681].

На рубеже XIX–XX вв. количество грамотного населения в Орловской губернии было ниже общероссийского уровня (21,1%), в регионе же он составлял 17,6%. Традиционным как в целом для Российской империи, так и для Орловской губернии в частности был большой разрыв в количестве образованных мужчин и женщин, в последней безграмотными были 2/3 всех мужчин и 13/14 женщин.

В начале XX в. количество уездных врачей составляло 66 человек на всю Орловскую губернию, за пять лет – с 1905 по 1910 г. – оно возросло лишь до 68. Безусловно, по сравнению с серединой XIX в., их количество увеличилось более чем в пять раз, но, исходя из расчета на душу населения, в уездах и городах региона число врачей продолжало оставаться недостаточным и возрастало крайне медленно. Так, в 1905 г. на одного уездного доктора приходилось 31 409 человек, а в 1910 г. даже 33 771 [6. С. 92]. При этом количество женщин, занимавшихся врачебной практикой, было несопоставимо меньшим в сравнении с мужчинами-врачами. В том же 1905 г. в Орловской губернии было 6 женщин-врачей, а в 1913 г. их количество увеличилось до 27 [7. С. 21].

Начиная с 1905 г. в «Обзорах Орловской губернии» наряду со сведениями о врачах стали фиксироваться данные о среднем медицинском персонале – фельдшерах, акушерках. На рубеже XIX–XX вв. количество среднего медицинского персонала в стране возросло в 2,5 раза и по состоянию на 1912 г. превысило число врачей. Этому способствовало открытие целого ряда фельдшерских и фельдшерско-акушерских школ, одна из которых при активном участии Орловского земства была открыта в Орле.

Специфика учебного курса и преподавательский штат Орловской земской фельдшерско-акушерской школы

В Орловской губернии в 1898 г. по инициативе и при активном содействии местного земства была открыта фельдшерская школа, которая в 1911 г. была преобразована в женскую фельдшерско-акушерскую школу. В должности ее директора был утвержден коллежский советник Владислав Станиславович Щербинский, оставивший ради этого назначения службу в Военно-медицинском ведомстве. Его кандидатура была

неслучайной, так как он имел хороший послужной список: окончил курс в императорском Варшавском университете – лекарь, служил в военном временном № 79 госпитале младшим ординатором, удостоен многочисленных наград – Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 2-й и 3-й степеней, светло-бронзовой медали в память войны с Турцией 1877–1878 гг., серебряной медали на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III.

Подбирая штат сотрудников школы, Щербинский делал ставку на практикующих специалистов, поэтому большинство вакантных должностей были заняты действующими врачами. Подобный подход при комплектовании штата школы объяснялся тем, что в регионе было сложно найти преподавателей медицинских дисциплин, поэтому выходом из сложившейся ситуации стало привлечение действующих докторов. Так, преподавателями на 1911–1912 учебный год были назначены: физиологии – ординатор Орловской психиатрической больницы В.И. Петропавловский, фармацевтических предметов – управляющий Орловской губернской земской аптекой С.И. Гольберг, анатомии – доктор В.Е. Фарафонов, зоологии и уходу за больными – врач С.С. Блохин, общей и частной патологии, теории и практических занятий по внутренним болезням – ординатор Орловской губернской земской больницы врач И.Н. Севостьянов, хирургии – ординатор той же больницы врач Д.И. Христочевский, дессмургии и механургии – сверхштатный ординатор врач В.М. Ширяев и т.д. [8. Л. 7 об., 8 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12, 13 об., 39]. В 1913 г. для преподавания гигиены впервые приглашается женщина-врач – сверхштатный ординатор Орловской губернской земской больницы Раиса Григорьевна Гинцберг.

Архивные данные свидетельствуют, что в последующие годы штат сотрудников постоянно менялся, возможно, из-за занятости врачей-преподавателей по основному месту работы и невозможности совмещать два рода деятельности. Особенно существенная ротация кадрового состава произошла в 1914 г., что, безусловно, было вызвано вступлением Российской империи в Первую мировую войну.

Продолжительность обучения в земской фельдшерско-акушерской школе составляла три года. Учебный курс включал в себя общеобразовательные предметы, которые изучались на протяжении первого года обучения и специальные, которые постигали в течение всех трех лет. Помимо специальных предметов все три года ученицы изучали Закон Божий, что подтверждает неизменную и значимую религиозную составляющую в системе обучения в Российской империи (табл. 2).

Таблица 2

Учебный курс Орловской земской фельдшерско-акушерской школы

1-й класс	2-й класс	3-й класс
– Закон Божий – латинский язык – математика – геометрия – зоология – ботаника – физика – анатомия – фармакогнозия – фармация и фармацевтическая химия – уход за больными – практические занятия по внутренним болезням	– Закон Божий – физиология – фармация и фармацевтическая химия – фармакология – патология и терапия – хирургия – десмургия и механургия – массаж – глазные болезни – детские болезни – практические занятия по внутренним болезням	– Закон Божий – фармация – патология и терапия – хирургия – десмургия и механургия – массаж – гигиена – эпидемические болезни – венерические и кожные болезни – оказание помощи внезапно заболевшим и мнимоумершим – зубные болезни – уход за душевнобольными – акушерство – женские болезни – осмотр – практические занятия по внутренним болезням

Данные табл. 2 свидетельствуют, что учебный курс земской фельдшерско-акушерской школы имел практическую направленность, а выпускницы данного учебного заведения должны были помимо теоретических знаний получить и практические навыки. Последние, в свою очередь, приобретались благодаря суточным дежурствам и занятиям в больницах, назначению лечения больным под руководством наставника, выполнению предписаний врача по уходу за ними [9. Л. 37].

Социальный состав учениц Орловской фельдшерско-акушерской школы

К поступающим в данное учебное заведение девушкам предъявлялись определенные требования по уровню образования – так называемый образовательный ценз. Те из претенденток, кто закончил 8, 7 или 6 классов гимназии, а также епархиальные училища, принимались по баллам аттестата; если же девушки поступали после 4-го или 5-го класса гимназии, они должны были сдать вступительные экзамены по русскому языку, арифметике, географии и истории. Безусловно, в приоритете были те, кто имел более высокий уровень знаний. Также при поступлении от претенденток требовали метрическое свидетельство, медицинское свидетельство о прививании оспы, аттестат [10. Л. 3 об.].

С момента открытия Орловская земская фельдшерско-акушерская школа пользовалась популярностью, поэтому количество прошений о зачислении всегда превышало число вакантных мест. Так, в год открытия

в школу подали прошение 68 девушек, из них зачислено было 30, все они имели высокий уровень образования и были зачислены по баллам аттестатов. В следующем 1912–1913 учебном году подали документы в 1-й класс школы 27 девушек, закончивших 8-й, 7-й, 6-й классы гимназии или епархиальные училища, из них был зачислен 21 человек. Для замещения остальных свободных мест было подано 20 прошений лицами с более низким образовательным цензом, т.е. закончившими 4-й и 5-й классы гимназии. После вступительных испытаний 9 были зачислены в школу. В 1913–1914 учебном году было подано 40 прошений с полным образовательным цензом для зачисления в ряды учениц [9. Л. 5, 27, 54].

При поступлении в школу, помимо образовательного ценза, учитывалось вероисповедание девушек. Существовала норма принятия лиц иудейской веры, которая не должна была превышать 10%. Поэтому из вакантных 30 мест в первом классе иудейки могли занять только три [9. Л. 27 об.]. Все остальные ученицы были православного вероисповедания.

В Орловской земской фельдшерско-акушерской школе обучались девушки различного звания и возраста от 16 до 32 лет, как замужние, так и те, кто не состоял в браке. По социальному составу это были преимущественно выходцы из мещанского и крестьянского сословий.

После каждого года обучения ученицы сдавали переводные экзамены. Например, в 1912–1913 учебном году из 28 учениц первого класса одна была не допущена до экзаменов, 8 имели оценки «неудовлетворительно» по одному или нескольким предметам, и 6 из них смогли пересдать экзамены в августе, повысив свои баллы [11. Л. 1]. При этом все 29 учениц второго класса сдали переводные экзамены на положительные оценки [10. Л. 3 об.].

Обучение в фельдшерско-акушерской школе было платным, но по решению директора и педагогического совета 10% учениц, отличившихся в учебе, могли быть освобождены от оплаты [9. Л. 10]. Также при учебном заведении действовало Общество вспомоществования бедным ученицам.

Заключение

В начале XX в. в Российской империи в целом и Орловской губернии в частности проблема высокой смертности населения и нехватки квалифицированных медицинских работников стояла остро, несмотря на наметившуюся положительную динамику в этой сфере в сравнении с серединой и второй половиной XIX в. Немаловажную роль в решении этого вопроса сыграли земства, которые выделяли средства не только на медицину, но и на образование медицинского персонала. Именно по инициативе и при финансовой поддержке орловского земства в губернском центре открылась фельдшерско-акушерская школа для девушек. Ее появление и было обусловлено обозначенными выше проблемами, которые, если обращаться к данным статистики, были еще более серьезными в сравнении с общероссийским уровнем.

Фельдшерско-акушерская школа в Орле не испытывала нехватки желающих обучаться в ее стенах: число прошений всегда превышало количество вакантных мест. По окончании полного курса обучения, ориентированного на освоение практических навыков, выпускницы приобретали востребованную профессию и возможность самостоятельного заработка. Однако стоит отметить, что в Российской империи медицина была монополизирована мужчинами и считалась их прерогативой. Лишь на рубеже XIX–XX вв. постепенно стало расти число женщин, занятых в этой сфере, хотя процентное соотношение врачей – мужчин и женщин – в регионе было не в пользу последних, и даже среди преподавателей фельдшерско-акушерской школы для девушек была только одна женщина. Однако, несмотря на невысокие темпы вовлечения женщин в трудовую деятельность, именно в начале нового столетия стали открываться новые возможности для самореализации и финансовой независимости, в том числе и в медицине. Но патриархальные устои и прочно укрепившийся в обществе за любой девушкой и женщиной статус жены и матери существенно влиял на скорость этого процесса.

Список источников

1. Опубликован паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Правительство России. М., 2019. 11 февр. URL: http://government.ru/info/35561/ (дата обращения: 23.10.2019).
2. Совещание по вопросам модернизации первичного звена здравоохранения // Президент России. М., 2019. 20 авг. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/61340 (дата обращения: 23.10.2019).
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центрального стат. комитета М-ва внутренних дел. 1904. XXIX: Орловская губерния. 284 с.
4. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М. : Худож. лит., 1936. Т. 27: Произведения 1889–1890 гг. 745 с.
6. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд-во О.М. Поповой, 1911. Т. 4. 836 с.
7. Обзор Орловской губернии за 1913 г. / Орловский губ. стат. комитет. Орел : Тип. губ. правления, 1914. 151 с.
8. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп. 1. Д. 1052.
9. ГАОО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАОО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАОО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 3.

References

1. *Pravitel'stvo Rossii*. (2019) Opublikovan pasport natsional'nogo proekta “Zdravookhranenie” [The passport of the national project “Healthcare” has been published]. 11th February. [Online] Available from: http://government.ru/info/35561/ (Accessed: 23rd October 2019).
2. *Prezident Rossii*. (2019) Soveshchanie po voprosam modernizatsii pervichnogo zvena zdravookhraneniya [Meeting on the modernization of primary healthcare]. 20th August. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/news/61340 (data obrashcheniya: 23.10.2019).

3. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
4. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [Population of Russia for 100 years (1811–1913)]. Moscow: Gos. stat. izd-vo.
5. Tolstoy, L.N. (1936) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 27. Moscow: Khudozh. lit.
6. Veselovskiy, B.B. (1911) *Istoriya zemstva za sorok let* [History of zemstvo for forty years]. Vol. 4. St. Petersburg: O.M. Popova.
7. Orel Province Statistics Committee. (1914) *Obzor Orlovskoy gubernii za 1913 g.* [Review of the Orel province for 1913]. Orel: Tip. gub. pravleniya.
8. The State Archive of the Orel Region (GAOO). Fund 525. List 1. File 1052.
9. The State Archive of the Orel Region (GAOO). Fund 571. List 1. File 1.
10. The State Archive of the Orel Region (GAOO). Fund 571. List 1. File 5.
11. The State Archive of the Orel Region (GAOO). Fund 571. List 1. File 3.

***Сведения об авторе*:**
Хабалева Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия). E-mail: katya.e2011@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khabaleva Ekaterina N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, I.S. Turgenev Oryol State University (Oryol, Russian Federation). E-mail: katya.e2011@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2019; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 28.12.2019; accepted for publication 03.10.2023.

Научная статья
УДК 94(571.16)"1905/1917"
doi: 10.17223/19988613/85/11

Профессиональные союзы как организационная форма идейно-политической самоидентификации сибирской интеллигенции в 1905 г.

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Предложен оригинальный ракурс в определении роли профессиональных союзов интеллигенции в общественно-политическом пространстве Сибири в 1905 г. Основной акцент сделан на характеристике их как инструментов формирования и репрезентации коллективной идентичности по принципу сходства политических взглядов и представлений о перспективах переустройства Отечества. Выявлены факторы, оказавшие значимое влияние на процесс политического самоопределения сибирской интеллигенции на начальном этапе первой российской революции.
Ключевые слова: интеллигенция, политика, идентичность, профессиональные союзы

Для цитирования: Харусь О.А. Профессиональные союзы как организационная форма идейно-политической самоидентификации сибирской интеллигенции в 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 87–94. doi: 10.17223/19988613/85/11

Original article

Professional unions as an organizational form of an ideological-political self-identification of the Siberian intelligentsia in 1905

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The author's purpose is to determine the role of professionally-political unions in the process of constructing the intelligentsia's collective identity in Siberia according to the principle of similarity of political views. To realize research intent the article cites unpublished documents of professional unions (resolutions of meetings, proclamations, policy documents) stored in funds of local and central archives. Materials of local periodicals as well as unpublished documents of judicial bodies and police have also been used as additional sources that helped reconstruct the event outline of the process being researched. An analysis of the position of the trade unions of the intelligentsia on topical issues on the political agenda of 1905 confirmed their consistency with the main directions of the Liberation Union's program, on whose initiative they were created. In discussing scenarios of liberal democratic development, the members of these unions have established themselves in the choice of their political preferences. However, this choice had been made earlier. It was determined by the pattern of thinking, moral principles, social settings of the Siberian intelligentsia representatives rather than the affiliation with the Liberation Union. Professional political unions established let them realize the need for consolidation that intensified sharply under the conditions of transformation of the habitual way of life according to the principle of common political views. Communication with "the significant others" that was being built during outreach activities of the members of the unions, as well as in contacts with public organizations different in their social composition and political attitudes who allied themselves in the Union of Unions was an important factor in the formation of collective identity of the initiative minority. In general, the analysis of the process of ideological and political self-identification of the Siberian intelligentsia made it possible to reveal in many ways situational nature of collective identity, the institutional embodiment of which was the professional unions. The mobile nature of the identity formed on the basis of the similarity of political views and attitudes caused the short-term existence of these organizations. Having fulfilled their role as an organizational form of political self-determination of the intelligentsia, they had already lost their significance by the beginning of 1906 and had given up their place in the social movement to political parties.
Keywords: intelligentsia, politics, identity, professional unions

For citation: Kharus, O.A. (2023) Professional unions as an organizational form of an ideological-political self-identification of the Siberian intelligentsia in 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 87–94. doi: 10.17223/19988613/85/11

© О.А. Харусь, 2023

Калейдоскоп исторически значимых событий 1905 г. в Российской империи стал для многих социально активных групп и слоев населения одновременно и стимулом, и фоном для политического самоопределения, напряженного поиска своего места в новом общественном пространстве, характеризовавшемся заметной трансформацией привычного жизненного уклада. Резко возрос запрос на определение возможных вариантов и сценариев политических преобразований. Интеллигенция с присущей ее представителям склонностью к рефлексии, а также идеями общественного долга и служения народу реагировала на этот запрос действиями по консолидации единомышленников, имевших общее видение перспектив общественного переустройства Отечества. Одной из организационных форм, позволявших реализовать потребности в идейно-политической самоидентификации посредством обсуждения злободневных политических вопросов, а также выработки программных и тактических установок для их решения, стали созданные по инициативе «Союза освобождения» профессиональные союзы интеллигенции.

Несмотря на значительный массив солидных научных трудов, посвященных событиям первой российской революции в Сибири, деятельность профессионально-политических союзов интеллигенции в регионе остается на периферии исследовательских интересов. Во многих работах отсутствуют даже упоминания об этих организациях. В тех же редких случаях, когда профессиональные союзы интеллигенции попадают в поле зрения историков, они предстают как акторы «второго плана», а отдельные факты, свидетельствующие о их участии в событиях 1905 г., имеют по преимуществу иллюстративный характер и приводятся исключительно в контексте общей характеристики расстановки политических сил. Исключением в этом отношении является научная статья А.Е. Плотникова, предпринявшего «попытку воссоздать историю возникновения и деятельности профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих в Сибири в период первой российской революции» с целью объективно оценить «вклад либерально-демократических слоев населения в общенародную борьбу за изменение государственно-политического строя России» [1. С. 96–97]. Несомненной заслугой автора является систематизированное изложение фактического материала, связанного с созданием и деятельностью этих организаций. Но при этом ставшая в историографии традиционной фокусировка на оценке их роли и места в расстановке политических сил осталась неизменной. Безусловно, такой подход и такие исследовательские задачи весьма важны в плане комплексной исторической реконструкции общественно-политических процессов в регионе в 1905 г. Но не менее значимой для понимания их глубинной сущности представляется попытка определить роль различных институтов (в том числе и профессиональных организаций) как своеобразных инструментов конструирования новых форм коллективной идентичности социально активных групп населения в ситуации, отличавшейся повышенным динамизмом общественно-политической жизни. Именно в этом и состоит исследовательский замысел данной статьи, предполагающий смещение акцента на проблему политического самоопределения, поиски решения которой предпринимались интеллигенцией с опорой на существовавшие в рамках профессиональных сообществ коммуникации.

Проблема идейно-политической самоидентификации для многих представителей сибирской интеллигенции стала актуальной именно в 1905 г. неслучайно. Катализатором процесса политического самоопределения послужило издание Высочайшего рескрипта 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о создании законосовещательного органа. Предоставленное рескриптом право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» было воспринято интеллигенцией как сигнал о готовности верховной власти реагировать на запросы и ожидания общества. Получив легальную и легитимную возможность принять участие в определении перспектив социально-политического переустройства Отечества, инициативная общественность региона с энтузиазмом включилась в их обсуждение. При этом для большинства выбор политических предпочтений, поддержка тех или иных проектов реформ не были связаны со сколько-нибудь глубоким теоретическим их осмыслением, погружением (или хотя бы поверхностным ознакомлением) в доктринальные основы сложившихся к этому времени различных направлений общественно-политической мысли (исключение в этом отношении составлял лишь весьма ограниченный круг интеллектуалов из числа профессоров Томского университета). Доминантой общественного сознания была, скорее, импульсивная реакция на стремительно развивавшиеся события начавшейся революции. Однако сама эта реакция во многом была продиктована глубинными социальными установками, стилем мышления, нравственными принципами, паттернами культуры, возможно, не всегда отчетливо осознаваемыми самими их носителями, но побуждавшими занять определенную позицию по актуальным вопросам политической повестки. Можно предположить, что подобные мотивы сыграли свою роль и при объединении представителей сибирской интеллигенции в профессиональные союзы, инициатива создания которых принадлежала «Союзу освобождения».

Вопрос об организации профессионально-политических союзов обсуждался еще в январе 1904 г. на первом съезде Союза, однако в связи с начавшейся русско-японской войной активность «освобожденцев» резко снизилась, и реализация намеченных планов была отложена на неопределенное время [2. С. 236]. Совет Союза вернулся к ним в октябре 1904 г. Было принято решение об образовании союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей и других профессий, объединявших представителей либерально настроенной интеллигенции. после чего развернулась активная агитационная и организационная работа по их созданию, подготовке съездов и проектов резолюций [3. С. 886].

В Сибири начало созданию союзов, формировавшихся по профессиональному признаку, но фактически сразу же заявивших о себе как об организациях

с ярко выраженной политической позицией, было положено учреждением в мае 1905 г. в Иркутске «Восточно-Сибирского отдела Всероссийского союза инженеров и техников», объединившего к концу июня в своих рядах 74 члена [4. Л. 113]. Красноярский отдел этого союза был образован 13 июня 1905 г., а томский филиал появился в октябре [1. С. 113]. Первой же и наиболее влиятельной профессиональной организацией томской интеллигенции стал созданный в августе 1905 г. Академический союз, насчитывавший в своих рядах 83 члена (55 преподавателей технологического института и 28 – университета) [1. С. 103, 113; 5. С. 154; 6. 27 окт.]. Адвокаты организовали профессиональное объединение лишь в одном сибирском городе – Иркутске. Первое организационное собрание местного союза адвокатов состоялось 21 сентября 1905 г. [7. Л. 221].

Интересно, что летом 1905 г. к инициированному «Союзом освобождения» процессу создания профессионально-политических организаций присоединились и чиновники правительственных учреждений в Иркутске (губернского, акцизного, тюремного и прочих управлений). Впрочем, едва ли этот факт заслуживает особого удивления, если принять во внимание очень точное замечание К.А. Соловьева об отсутствии в России начала XX в. жесткой грани, отделявшей бюрократические круги от общественности, поскольку их представители «зачастую принадлежали к одной социальной среде, обладали схожим опытом, разделяли вкусы, читали одни и те же книги» [8. С. 25]. Частным подтверждением этой констатации может служить содержание составленного инициаторами организации союза чиновников в Иркутске воззвания. Заявление о решительной поддержке освободительного движения сопровождалось в нем требованием созыва Учредительного собрания с тем, чтобы все «реформы были проведены возможно скорее и безусловно мирным путем». Столь ярко выраженный либеральный настрой вызвал вполне предсказуемую реакцию местных властей. Угрозы увольнений и других административных мер, последовавшие со стороны вице-губернатора В.А. Мишина, стали причиной отказа чиновников от своих намерений [9. С. 8]. Лишь позднее, на волне декларированной в Манифесте 17 октября либерализации режима, возникли союзы чиновников правительственных учреждений в Красноярске (ноябрь 1905 г.), Иркутске (начало декабря 1905 г.) и Чите (не позднее 16 декабря 1905 г.) [1. С. 113; 6. 6 дек., 29 дек.; 10. 17 дек.; 11. 4 янв.].

Сам по себе факт создания местной интеллигенцией профессиональных организаций в соответствии с тактикой, намеченной «Союзом освобождения», может расцениваться как принципиальная поддержка политической платформы Союза, поскольку таковая к моменту формирования организаций в Сибири уже вполне определилась, а в марте 1905 г. была закреплена в программном документе, принятом на III съезде. Ключевые положения этой платформы стали предметом обсуждений на собраниях профессиональных союзов, звучали в заявлениях, с которыми члены союзов выступали по поводу различных событий и процессов, получавших общественный резонанс. В результате оттачивались формулировки, появлялись новые аргументы в пользу либерально-демократического по своему содержанию сценария политического развития страны.

Возможности реализации этого сценария связывались в первую очередь со скорейшим созывом Учредительного собрания на основании всеобщего избирательного права по четырехчленной формуле для выработки конституции на демократических началах. Иркутская группа Всероссийского союза адвокатов поддержала принятое на съезде адвокатов в Санкт-Петербурге (28–30 марта 1905 г.) постановление об определении государственного устройства России конституционным актом, который должен быть выработан Учредительным собранием народных представителей, избранных всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов. Выразили местные адвокаты согласие и с предполагавшимися принципами конституции: наделение народного представительства в качестве постоянного самостоятельного учреждения правом законодательной власти и контроля над исполнительной властью; признание исполнительной власти за ответственным перед народными представителями кабинетом министров [12. Л. 128]. Фактически эти принципы предрешали парламентскую форму правления, оставляя открытым вопрос о выборе в пользу монархического или республиканского начала. Комиссия по разработке устава «Союза служащих в общественных учреждениях г. Читы» констатировала, что «все члены союза – сторонники освободительного движения и в общем сходятся на сознании необходимости созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права». В этой связи было сделано заявление о политической окраске деятельности союза, поскольку последний «может быть полезен в общем деле государственного устройства» [11. 4 янв.]. В качестве «политического лозунга момента» включил в свой устав положение об Учредительном собрании на основе четырехчленной формулы выборов и союз чиновников в Красноярске [10. 17 дек.].

В июне 1905 г., констатировав утрату народом, общественностью и армией веры в возможность перемены существующего строя в соответствии с рескриптом 18 февраля, члены Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников пришли к выводу, что промедление с созывом Учредительного собрания чревато народной революцией, «ответственность за которую падет на правительство» [4. Л. 113]. В качестве необходимых предварительных условий для созыва Учредительного собрания в программном документе союза перечислялись меры по обеспечению гражданских прав и свобод личности, а именно: уничтожение положения об усиленной охране; полная отмена всех исключительных и ограничительных законов; уравнение женщин в правах перед законом; неприкосновенность личности и жилища; передача полиции в ведение органов самоуправления; свобода совести, слова, печати, стачек, собраний, союзов и манифестаций; полная амнистия всем преследуемым и осужденным за так называемые политические и религиозные преступления [12. Л. 125; 13. Л. 5]. Таким

образом, радикализм требования передачи конституционных полномочий Учредительному собранию уравновешивался в платформе союза классическим для либерализма признанием необходимости начинать преобразования с реформ гражданского общества и недопустимости забегания вперед в осуществлении политических свобод по отношению к гражданским. В этом смысле представления иркутян о перспективах общественного переустройства России оказались созвучными общественному идеалу «дворянского либерализма» XIX в., представители которого рассматривали гражданские свободы как основу для подготовки народа к политическому представительству, а политические свободы – как продолжение и гарант гражданских свобод.

Сочетание в представлениях интеллигенции о перспективах политической модернизации классических либеральных принципов с радикальными мотивами во многом было обусловлено обострением общественного недовольства положением в стране, накалом политических страстей на волне революционного подъема, а также незавершенностью процесса дифференциации разнородных по своим мировоззренческим позициям общественно-политических сил. В таком контексте вполне объяснимо заявление иркутского союза адвокатов о допустимости использования для достижения поставленных целей таких радикальных средств, как всеобщая забастовка и солидарность с деятельностью революционных партий [12. Л. 125]. Сходных тактических установок придерживались и члены Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников. Союз не только заявил о принципиальном признании за рабочими права на свободу стачек (предусмотрев, впрочем, организацию примирительных камер из равного числа предпринимателей и рабочих для предупреждения острых столкновений труда и капитала), но и считал необходимым «в соответствующих случаях применение как своей частичной забастовки, так равно участие во всеобщей забастовке» [13. Л. 5, 7]. 4 июня 1905 г. общее собрание Восточно-Сибирского отдела союза приняло постановление «забастовку и всякую стачку считать желательными средствами достижения цели Союза», а также «безусловно при всяких условиях присоединиться к всероссийской забастовке, если таковая будет объявлена Центральным Комитетом». Это решение было объявлено обязательным для всех членов союза [12. Л. 125].

В таких условиях сохранить умеренность в политических пожеланиях и стремлениях, соответствующую духу классического либерализма XIX в., удалось лишь представителям профессорско-преподавательского состава вузов. «Общие положения Союза профессоров и преподавателей высших учебных заведений» намечали в качестве основной цели Союза «разрешение вопросов академической жизни и улучшение условий академического быта в духе прогрессивных начал» [14. Л. 71]. «Прогрессивные начала» при этом ассоциировались прежде всего с признанием академической свободы и автономии, немедленным введением самостоятельности учебных заведений в их управлении с выборными ректорами или директорами во главе. Однако, уделяя особое внимание реформам системы просвещения, члены Академического союза возможности их полноценной реализации связывали с предоставлением гражданских свобод и осуществлением конституционных идеалов. Так, группа Академического союза профессоров, преподавателей и лаборантов Томского технологического института (ТТИ) в сентябре 1905 г. приняла резолюцию с требованиями упразднения профессорского суда и удаления из института инспекции, аргументировав это тем, что студенческие беспорядки вызваны существующими политическими условиями, а потому ответственность за них следует возлагать не на учащуюся молодежь, а на политический строй, лишивший общество элементарных гражданских прав [15. Л. 89]. Необходимым условием для восстановления нормального хода занятий представители профессорского-преподавательского состава ТТИ объявили проведение политических реформ [16. Л. 18]. Признавала невозможным начало занятий при существующем государственном строе и профессура Томского университета [17. Л. 53].

Таким образом, подчеркнутая концентрация внимания на проблемах академической жизни отнюдь не означала политической индифферентности членов Академического союза. Более того, в своих политических предпочтениях вузовская интеллектуальная элита Томска определилась еще до того, как приняла решение присоединиться к Всероссийскому Академическому союзу. Поводом для выражения принципиальной политической позиции стал разгон состоявшейся в Томске 18 января 1905 г. демонстрации. Выразив негодование по поводу «избиения беззащитной публики», профессора и преподаватели технологического института в тот же день приняли на своем собрании следующее постановление: «Необходимым и неизбежным условием мирного выхода из настоящего безвременья является обеспечение правового порядка, состоящего в неприкосновенности личности и жилищ, свободе совести, слова, печати, собраний, союзов, в уравнении общегражданских и политических прав всех лиц без различия сословия, нации, вероисповедания и пола, независимости суда, участии свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией». Излагая фактически программу политической модернизации России, преподаватели ТТИ подчеркивали, что она отражает их искренние убеждения, сформировавшиеся в течение последнего десятилетия на основании наблюдения всех явлений русской жизни [16. Л. 18]. Этот факт можно расценивать как показатель того, что выбор интеллигенцией региона политической позиции не был обусловлен исключительно аффилиацией с «Союзом освобождения» и созданными по его инициативе в Европейской части России профессиональными союзами. Скорее, имела место иная причинно-следственная связь: появление сибирских отделов этих союзов было обусловлено сходством политических взглядов представителей сибирской интеллигенции с программными установками общероссийских организаций. Через создание местных филиалов профессионально-политических союзов

прогрессивно настроенные группы общественности региона нашли возможность реализовать резко обострившуюся в условиях трансформации привычного уклада жизни потребность в консолидации единомышленников, объединении по принципу общности политических предпочтений.

Объединение в рамках профессионально-политических союзов не только способствовало кристаллизации представлений интеллигенции о желательных перспективах общественного развития России, но и поставило членов союзов перед выбором поведенческих стратегий, призванных способствовать реализации политических идеалов. Этот выбор стал дополнительным и весьма значимым фактором формирования коллективной идентичности инициативного меньшинства на основе политического самоопределения. Поскольку стратегия поведения общности, являясь результатом внутренних и внешних социальных интеракций, основывается на единстве установок, норм и ценностей, она становится дополнительным цементирующим началом. Поведенческие стратегии выступают в роли «опознавательных», идентификационных знаков и символов общности. Они определяют основные направления деятельности общности и становятся эксплицитным выражением их «миссии» [18. С. 626].

Стратегия поведения профессионально-политических союзов выстраивалась в полном соответствии с доминировавшими в среде интеллигенции представлениями о ее исторической миссии и общественном долге, заключавшемся в «служении народу» посредством распространения просвещения. Убежденность в неразрывной связи народной свободы и просвещения являлась одним из важных маркеров социальной идентичности российской интеллигенции в целом и сибирской в частности. В контексте традиционной просветительской парадигмы, во многом определявшей стратегию поведения интеллигенции как социальной общности, вполне логичной выглядит концентрация ресурсов и усилий профессионально-политических союзов на пропаганде конструируемого их членами идеала общественного устройства.

Наибольшую активность в популяризации своих программных установок проявил Восточно-Сибирский отдел союза инженеров и техников. В тактической платформе Всероссийского союза, к которой присоединились иркутяне, указывалось: «Союз считает своей непременной обязанностью наиболее широкую пропаганду среди самых широких слоев и классов населения своей платформы. Для этого как Союз, так и все его отделения обязаны оказывать всевозможное содействие лицам, способным пропагандировать платформу устно или в печати» [13. Л. 8]. Руководствуясь этим положением, бюро Восточно-Сибирского отдела подготовило и распространило письменное обращение к своим членам, предписывавшее «проявить величайшую энергию к ускорению торжества наших идеалов и к проведению их в сознание возможно больших кругов избирателей» [4. Л. 112]. Осознание слабости реальных позиций «сознательных прогрессивных партий», к числу которых Союз примкнул, отсутствия у них сколько-нибудь значительной поддержки среди населения являлось стимулом для активных действий по политическому просвещению. В воззвании Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников отмечалось: «…Сознательные прогрессивные партии… в громадной массе русских избирателей представят значительную силу качественно своей возвышенной идеальной программой, но количественно могут оказаться в меньшинстве» [4. Л. 112]. Незавершенность процесса консолидации «прогрессивных элементов» перед лицом грядущих изменений государственного режима побудила руководство Восточно-Сибирского отдела обратиться к каждому члену Союза с напоминанием об обязанности «развить в той среде, в которой Вы вращаетесь, или с которой приходите в столкновение, самую усиленную агитацию в пользу нашей платформы». «Только при дружном и усиленном труде каждого из нас в политическом развитии масс и привлечении их на сторону наших идеалов, – подчеркивалось в воззвании, – мы можем рассчитывать на победу прогрессивных партий и на их благотворное влияние на судьбу нашего Отечества» [4. Л. 112]. Для всех желающих был открыт свободный и бесплатный доступ на организовывавшиеся Восточно-Сибирским отделом собрания в зданиях Географического музея, музыкальной школы, общественного собрания, на частных квартирах [4. Л. 112; 12. Л. 125]. Приток публики на эти собрания был довольно велик. Например, на собрании, состоявшемся 1 октября 1905 г. в доме купца Замятина, присутствовали более 200 человек, из которых только 17 являлись членами отдела [4. Л. 208].

Впрочем, особого эффекта пропагандистская деятельность профессиональных союзов интеллигенции в 1905 г. не имела. С одной стороны, местные власти, руководствуясь полученными из Департамента полиции распоряжениями о запрещении собраний союзов, стали принимать соответствующие меры (роспуск собраний, перепись их участников и т.п.) [4. Л. 211–212; 19. Л. 322, 326–327]. С другой стороны, привлечение на эти собрания представителей «широкой общественности» в ряде случаев повлекло за собой переход инициативы в их проведении от либералов к активистам революционных партий. Как сообщал в донесении Директору Департамента полиции начальник Иркутского охранного отделения, «члены революционных организаций постепенно становятся почти полными хозяевами заседаний, вводя свои программы» [4. Л. 207].

Однако, признавая ограниченность возможностей влияния профессиональных организаций интеллигенции на массовые настроения в обществе, необходимо отметить значимость пропагандистской деятельности для идейно-политической самоидентификации их членов. Расширение контактов с различными группами общественности стало существенной компонентой процесса формирования коллективной идентичности интеллигенции на основе сходства политических установок, поскольку вне выстраивания коммуникаций со «значимыми другими» этот процесс в принципе неосуществим. В таком контексте и присоединение профессиональных союзов сибирской интеллигенции к созданному в октябре 1905 г. в Иркутске Союзу Союзов может рассматриваться как фактор, способствовавший

политическому самоопределению их членов, поскольку и социальный состав вошедших в это объединение организаций, и их установки в отношении происходящих событий отличались заметным разнообразием. В журнале «Сибирские вопросы» сообщалось, что в Союз Союзов вошли 8 общественно-политических организаций: союзы инженеров и техников, адвокатов, врачей, учителей, приказчиков, почтово-телеграфных служащих, служащих городского самоуправления и равноправия женщин [1. С. 107]. «Справка по делу о Союзе Союзов», сохранившаяся в фонде Иркутской судебной палаты, дополняет этот перечень союзом служащих и рабочих Забайкальской железной дороги [20. Л. 115]. Некоторые документальные данные позволяют предположить, что круг общественных формирований, представленных в Союзе Союзов, был еще более широк. В донесении, поступившем в феврале 1906 г. на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления из районного охранного отделения, в числе членов Союза Союзов указывались делегаты от торгово-промышленного союза, польского общества «Огниво», «Еврейского общества», союза конторщиков, союза лавочников, союза служащих правительственных учреждений и даже два представителя иркутского комитета РСДРП [21. Л. 39–40]. Однако, несмотря на противоречивость сведений различных источников о составе Союза Союзов, все они дают основание полагать, что Союз не стал объединением единомышленников. Именно поэтому контакты либерально настроенной интеллигенции с «другими значимыми» в рамках этого объединения могли придать дополнительный стимул ее идейно-политической самоидентификации.

Вместе с тем формирующаяся в рамках профессионально-политических союзов коллективная идентичность создавала основу для выстраивания сети коммуникаций между этими организациями как на локальном (региональном) уровне, так и в более широком (общероссийском) формате. Делегаты Томска С.Е. Сабинин, Д.В. Алексеев, П.М. Богаевский, Н.И. Карташев приняли участие во втором съезде Академического союза, проходившем в Москве в августе 1905 г. [14. Л. 56]. Томская группа Академического союза поддерживала переписку с группами Европейской России [15. Л. 89]. Связывали томскую группу с центральным руководством и финансовые дела. В отчете казначея Союза были зафиксированы поступления членских взносов от томской группы с 12 января 1905 г. по 12 января 1907 г. [15. Л. 64–65, 71]. Перечислял средства в Центральный комитет Всероссийского союза инженеров и техников и Восточно-Сибирский отдел этого союза [4. Л. 113]. В сентябре 1905 г. Московское центральное бюро Союза Союзов для установления контактов между местными отделами сообщило адреса, через которые они могли бы обмениваться корреспонденцией. В числе прочих упоминались адреса томичей С.Е. Сабинина и Н.И. Карташева [15. Л. 38]. В 1905 г. Центральное бюро Всероссийского Союза Союзов отправило два письма в Томск и по одному в Красноярск и Енисейск, а в 1906 г. – два в Тобольск и по одному в Томск, Барнаул, Тюкалинск. В письмах поднимались финансовые вопросы, указывались адреса для установления контактов, наводились справки о членах местных союзов, сообщалась информация о Союзе Союзов, Лиге образования и т.д. [22. Л. 4–6, 11, 13, 16].

Предпринимались попытки координации деятельности профессионально-политических союзов и в масштабах региона. Так, получив от красноярцев уведомление об образовании местного отдела союза инженеров и техников, общее собрание отдела этого союза в Иркутске в июне 1905 г. приняло постановление «поддерживать возможно более тесные сношения между всеми бюро сибирских отделов». Постановление указывало также на желательность организации делегатских съездов сибирских отделов для выяснения наиболее сложных вопросов [4. Л. 113]. 16 июня 1905 г. бюро Восточно-Сибирского отдела признало необходимым иметь по линии Забайкальской, Сибирской и Китайско-Восточной железных дорог собственных корреспондентов, уполномоченных собирать взносы, принимать новых членов и устраивать местные собрания, поддерживая постоянные контакты с бюро. Предусматривалось и делегирование представителей районных филиалов на центральные общие собрания в Иркутске, а также своевременное уведомление их членов о всех решениях бюро. Постановление иркутского бюро намечало 13 пунктов на железнодорожной линии, с которыми предполагалось наладить тесные связи. На общем собрании Восточно-Сибирского отдела 24 июня было указано на целесообразность расширения сети членов-корреспондентов бюро посредством распространения ее на приисковые районы [4. Л. 113].

Расширение контактов между профессионально-политическими союзами интеллигенции, способствуя усилению социального взаимодействия, сыграло определенную роль в активизации общественного движения. Однако гораздо большее значение создание этих организаций имело для политического самоопределения их членов. Коллективная идентичность, формировавшаяся в рамках профессиональных союзов на основе сходства политических взглядов, стала катализатором участия интеллигенции в оппозиционном движении, стимулом для отстаивания необходимости социального переустройства России в интересах общественного прогресса. Однако следует иметь в виду, что коллективная идентичность (в отличие от идентичности социальной) представляет собой весьма мобильное культурное явление, ее возникновение, как правило, связано с действием ситуативных факторов, продиктовано резкими изменениями внешних условий и является реакцией на обострение социально-экономических и / или политических проблем, как это и случилось в 1905 г. Важным мотивом создания профессионально-политических союзов являлось стремление представителей интеллигенции определиться «здесь и сейчас» по отношению к конкретным обстоятельствам и событиям, которые разворачивались очень стремительно, обрести единомышленников и за счет этого найти некую точку опоры в столь динамичной ситуации. Поэтому то обстоятельство, что существование профессионально-политических союзов интеллигенции оказалось весьма кратковременным, представляется вполне естествен-

ным и закономерным. Выполнив свою роль в качестве организационной формы политического самоопределения и репрезентации идейно-политической идентичности интеллигенции, они утратили значение уже к началу 1906 г. и уступили свое место в общественном движении политическим партиям.

Список источников

1. Плотников А.Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С.96–117.
2. Соловьев К.А. Общественное движение накануне 1905 г.: формы и практики // История российской государственности : доклады Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М., 2021.С.234–244.
3. Ульянова Л.В. Союз Союзов // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2010. С. 886–888.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп. 1. Д. 65.
5. Спутник избирателя на 1906 год. СПб., [б. г.].
6. Восточное обозрение. Иркутск, 1905.
7. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 234.
8. Соловьёв К.А. Политик рубежа столетий: в поисках самоидентификации // Российская история. 2020. № 2. С. 25–30.
9. Серебренников И. «Красные» дни в Иркутске // Сибирские вопросы. 1907. № 26. С. 6–12.
10. Красноярский рабочий. Красноярск, 1905.
11. Азиатская Русь. Чита, 1906.
12. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
13. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 236.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233 (1905, II). Д. 999. Ч. 4.
15. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 29.
16. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1073.
17. ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 178.
18. Амбарова П.А. Жизненные и поведенческие стратегии в зеркале общностного подхода // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2015. С. 620–630.
19. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 54.
20. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
21. ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 81.
22. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 21.

References

1. Plotnikov, A.E. (1995) Professional'no-politicheskie soyuzy intelligentsii Sibiri v 1905–1907 gg. [Professional and political unions of the intelligentsia of Siberia in 1905–1907]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp.96–117.
2. Soloviev, K.A. (2021) Obshchestvennoe dvizhenie nakanune 1905 g.: formy i praktiki [Social movement on the eve of 1905: forms and practices]. In: Shapovalova, L.D. (ed.) *Istoriya rossiyskoy gosudarstvennosti* [History of Russian Statehood]. Moscow: RSUH. pp.234–244.
3. Ulyanova, L.V. (2010) Soyuz Soyuzov [Union of Unions]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian liberalism of the mid-18th – early 20th centuries: Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2010. pp. 886–888.
4. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 65.
5. Efron, I.A. (ed.) (n.d.) *Sputnik izbiratelya na 1906 god* [Voter's Companion for 1906]. St. Petersburg: I.A. Efron.
6. *Vostochnoe obozrenie*. (1905)
7. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 234.
8. Soloviev, K.A. (2020) Politik rubezha stoletiy: v poiskakh samoidentifikatsii [A politician at the turn of the century: in search of self-identification]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 25–30.
9. Serebrennikov, I. (1907) “Krasnye” dni v Irkutske [“Red” days in Irkutsk]. *Sibirskie voprosy*. 26. pp. 6–12.
10. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1905)
11. *Aziatskaya Rus'*. (1906)
12. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List 3. File 322.
13. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 236.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 233 (1905, II). File 999. Part 4.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 518. List 1. File 29.
16. The Center for Documentation of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 4204. List 4. File 1073.
17. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 178.
18. Ambarova, P.A. (2015) Zhiznennye i povedencheskie strategii v zerkale obshchnostnogo podkhoda [Life and behavioral strategies in the mirror of the community approach]. In: Grunt, E.V., Merenkov, A.V., Rybtsova, L.L. & Starshinova, A.V. (eds) *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 620–630.
19. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 54.
20. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List 3. File 322.
21. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 81.
22. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 518. List 1. File 21.

***Сведения об авторе*:**
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 327:81’42
doi: 10.17223/19988613/85/12

Взгляд из Китая: новостные заголовки в китайских медиа как зеркало отношений Ирана и КНР

Виталий Сергеевич Глинкин[1], Наталия Сергеевна Гнездилова[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия, glinkinvs@yandex.ru
[2] Томский политехнический университет, Томск, Россия, natal-gnezdilova@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано 134 уникальных новостных заголовка на сайте xinhuanet.com главного новостного агентства КНР «Синьхуа», охватывающих период с июня по сентябрь 2021 г. На описанном лексическом материале выделяются основные точки интереса Китая к международному положению Ирана, его внешней, внутренней политике и жизни граждан страны.
Ключевые слова: ядерная проблема Ирана, китайско-иранские отношения, иранско-американские отношения

Для цитирования: Глинкин В.С., Гнездилова Н.С. Взгляд из Китая: новостные заголовки в китайских медиа как зеркало отношений Ирана и КНР // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 95–99. doi: 10.17223/19988613/85/12

Original article Научная статья

A Look from China: News headlines in Chinese media as a mirror of Iran-China Relations

Vitaly S. Glinkin[1], Natalia S. Gnezdilova[2]

[1] Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation, glinkinvs@yandex.ru
[2] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, natal-gnezdilova@yandex.ru

Abstract. The objective of the present article is the interstate relations between the People’s Republic of China and the Islamic Republic of Iran. The subject of the paper is the news headings concerning Iran, which are published on Xinhuanet.com, the website of main state news agency, Xinhua. Xinhua agency is the official organ of Communist Party of China, so we can say that Xinhua news reflects the official position of CCP and China as a country on any issue which China needs or has to react. The paper consists of brief description of Sino-Iranian relations development history, news headings grouping and its analysis and a conclusion.

The Chinese scholars trace contacts between Iran and China back to as early as Han Wudi Emperor’s times, when he sent one of his diplomats to “Western lands” which are assured to be ancient Iran. However, the relations of modern type between China and Iran were officially established in 1971 and had been intensified in the 1990s.

The article researches 134 news headings, covering the period from June, 2021 to September, 2021. The headings were divided into a few groups, including international position, internal and foreign policy of Iran, internal life, nuclear issue, economics, military affairs, culture and sport.

The described lexical data shows main points of interest of China towards Iran, its foreign and domestic policies and existence of Iranian citizens. The headings show us the following: the main interest for China and thus the biggest amount of headings are devoted to international position of Iran and factors, which could influence its stability. What concerns the internal situation in Iran, China expresses the main interest in issues of Iran oil and gas producing abilities and infrastructure. It shows almost no attention to any other issue of Iran internal life.

China also concerns much about the Iran nuclear problem, because it influences directly the international position of Iran and thus can influence abilities of Iran as energy sources supplier for China.

© В.С. Глинкин, Н.С. Гнездилова, 2023

The number of mentions of Iran-US relations is almost three times bigger than the number of headings on China-Iran relations. It says that the Iran-US relations are even more important for China, than the relations with China itself. China, in its turn, is ready to develop relations with Iran with great caution, taking into consideration the possible consequences and influence of any steps towards Iran for Chinese relations with other countries in the Persian Gulf region and over the world, such as Israel, Saudi Arabia, USA, etc.
Apart from that, China does not show directly its commitment to relations with Iran. It is shown by the neutral tone of major part of the headings and broad usage of quotations.
Keywords: Iran nuclear issue, Sino-Iranian relation, Sino-American Relations

For citation: Glinkin, V.S., Gnezdilova, N.S. (2023) A Look from China: News headlines in Chinese media as a mirror of Iran-China Relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 95–99. doi: 10.17223/19988613/85/12

Актуальность исследования

Иран – одно из ключевых государств Персидского Залива, контролирующее важнейший морской путь, а также обладающее огромным объемом полезных ископаемых. Китай, в свою очередь, бесспорно, является одним из мировых центров силы, одной из первых (а по многим показателям – и первой) экономик в мире. Исламская Республика Иран – одна из основных стран региона, с которой Китай выстраивает долгосрочные отношения [1. С. 96].

Оба эти государства являются важнейшими экономическими и политическими партнерами Российской Федерации, имеющими с нашей страной протяженную сухопутную (КНР) и морскую границу (Иран).

Эти государства также составляют конкуренцию США, и конкуренция эта в последние годы усиливается. Таким образом, понимание взаимоотношений между КНР и ИРИ важно для России как непосредственно, так и в качестве фактора анализа дальнейшего развития ситуации в магистральном для мировой экономики и политики регионе Персидского Залива.

Цель исследования – рассмотрение отношений КНР и ИРИ. Объектом исследования являются отношения КНР и ИРИ, а предметом – отражение этих отношений в новостных заголовках, найденных на информационном сайте xinhuanet.com, официальном органе крупнейшего государственного средства массовой информации – агентства «Синьхуа»[1].

Отношения КНР и Ирана

Современные международные отношения между КНР и Ираном были установлены в 1971 г. [2. С. 91], однако китайские авторы находят первые контакты между китайским государством и древним Ираном еще во II в. до н.э., в правление императора Хань У-ди, когда он послал своего сановника, известного дипломата и путешественника древности Чжан Цяна, в «Западный край», современную Центральную Азию, который, по мнению китайских исследователей, принадлежал тогда Ирану [3. С. 33].

Несмотря на установление дипломатических отношений в современном понимании, первые годы после их начала не характеризовались большой активностью. Активизация отношений произошла только после Исламской Революции в Иране 1979 г. и была во многом обусловлена антиамериканской направленностью политики Ирана: государству после разрыва отношений с США требовались новые партнеры [4. С. 105]. Китай в этот период столкнулся с необходимостью обеспечить бесперебойную поставку энергоносителей для обеспечения потребностей растущей экономики. Таким образом, отношения с Ираном для Китая приобрели большое значение. Одним из свидетельств этой важности можно считать подписание 27 марта 2021 г. главами МИД КНР и Ирана Ван И и Мухаммадом Джавад Зарифом Программы сотрудничества между двумя странами сроком на 25 лет. Программа подразумевает, по некоторым данным[2], вложение Китаем до 400 млрд долларов в экономику Ирана, строительство транспортной инфраструктуры в Иране, сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь», сотрудничество в военной сфере и др. [5].

Несмотря на важность отношений с КНР для Ирана, отношения с Ираном для КНР могут представлять определенную опасность. Прежде всего, КНР не хочет усугублять охлаждение в отношениях с США, намного более важным для себя партнером, чем Иран. Кроме того, Иран имеет очень напряженные отношения со многими арабскими государствами региона Персидского залива, тем более с Израилем. В свою очередь, все они, и особенно Израиль, – важные партнеры КНР. Неслучайно Ван И, подписав договор в Тегеране, побывал в рамках одного турне в Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейне и других государствах [6]. В качестве короткого резюме скажем, что отношения Ирана и Китая определяются не только этими двумя государствами, но и многочисленными связями и системами баланса сил, в которых эти страны находятся.

Новостные заголовки как источник данных о китайско-иранских отношениях

Говоря о роли заголовка в газетной статье, его функции, следует дать определение понятию *заголовок*. Словарь С.И. Ожегова для термина *заголовок* предлагает следующую дефиницию: «Название какого-нибудь произведения (литературного, музыкального) или отдельной его части» [7. С. 202].

Заголовок газетной статьи – это важный сигнальный элемент, который заставляет нас обратить внимание на ту или иную статью. Он несет определенную информацию о содержании статьи и в то же время имеет эмоциональную окраску, пробуждающую интерес и привлекающую внимание читателя. Исследова-

ния психологов показали, что около 80% читателей уделяют внимание только заголовкам. Поэтому журналисту так важно выбрать подходящий заголовок для своей публикации. В нескольких словах заголовка необходимо не только передать посыл и содержание статьи, но и привлечь, заинтересовать читателя. Часто под сенсационными и «крикливыми» заголовками ничего не скрывается и ничего не стоит [8. С. 119].

Газетный заголовок, являясь сильной позицией текста, представляет собой, на наш взгляд, смысловой узел, который выполняет следующие функции: собственно номинативную функцию, информативную (она призвана привлечь внимание потенциального читателя, как бы установить контакт с ним), эмотивную.

Заголовок в современном средстве массовой информации (печатном, электронном) является одним из основных способов привлечения внимания читателя. [9. С. 118]. Он должен сочетать в себе единство формы и содержания, передавать отношение автора и редакции к происходящим событиям, подчеркивать значение сообщаемого факта и, таким образом, воздействовать на читателя [9. С. 118].

Новостной заголовок – самый краткий и емкий элемент новости, призванный привлечь внимание читателя и выражающий ценностные установки автора статьи максимально полно [10. С. 16].

Для проводимого нами анализа был отобран языковой материал с сайта xinhuanet.com, который является интернет-ресурсом, принадлежащим главному новостному агентству КНР «Синьхуа». Поскольку «Синьхуа» – основное и самое крупное государственное средство массовой информации, которое, в частности, задействовано в создании позитивного имиджа Китая в мире [11. С. 103], можно сказать, что заголовки новостей на подчиненном агентству портале отражают официальную государственную позицию по освещаемому вопросу.

Отбор материала проводился с помощью поисковой системы сайта xinhuanet.com, поисковым словом было название Ирана на китайском языке – 伊朗. За период с июня по сентябрь 2021 г. было найдено 134 уникальных новостных заголовка. Лексический материал был нами разделен на следующие тематические группы:

Международное положение Ирана	48 заголовков
Внутренняя политика Ирана	24 заголовка
Международная политика Ирана	19 заголовков
Внутренняя жизнь	16 заголовков
Ядерная проблема	12 заголовков
Экономика	4 заголовка
Военная сфера	4 заголовка
Культура	4 заголовка
Спорт	3 заголовка

Отнесение заголовков к той или иной тематической группе не всегда однозначно. Например, заголовок «*Французские СМИ: переговоры по иранской ядерной проблеме могут начаться в скором времени*» может быть отнесен как к группе «международное положение», так и к группе «ядерная проблема», но в целом распределение достаточно точное.

Содержание групп

Рассмотрим более подробно каждую группу по возрастанию количества заголовков. В группе «Спорт» указано три заголовка: «*Отборочные соревнования среди 40 сильнейших команд: Иран и ОАЭ побеждают в ключевых матчах, Узбекистан покидает турнир*»; «*Отборочные соревнования среди 12 сильнейших команд: Иран одержал победу над Ираком*»; «*Стрельба: Ян Цин подстрелила себе первое олимпийское золото, иранский медбрат властвует в стрельбе из пневматического пистолета*». Заголовки в группе «Культура» говорят о сотрудничестве Ирана и Китая в сфере культуры: «*Китай и Иран будут сотрудничать в сфере археологии*»; «*Китайский телесериал впервые попал на телевидение в Иране*»; «*Пекинский университет и Государственный музей Ирана будут развивать сотрудничество*»; «*Многие китайские фильмы попали на телеэкраны в Иране*». В тематической группе «Военное дело» находится четыре заголовка: «*Иран нарастил количество обогащенного урана – еще один шаг к обладанию ядерным оружием*»; «*Новый радар с радиусом действия 450 км поступил на вооружение*», и два заголовка об учениях КСИР[3]. В группе «Экономика» также представлено четыре заголовка, два из которых освещают проблемы функционирования АЭС в Бушере, а два посвящены планам правительства Ирана построить газопровод, огибающий Ормузский пролив.

В обозначенных тематических группах заголовки написаны нейтральным языком, без использования каких-либо выразительных средств (за исключением выражений *射落*, дословно «*сбить выстрелом*» и *称霸* дословно «*называться гегемоном, господствовать*» в группе «Спорт»).

Вопрос о развитии ядерного потенциала – одна из наиболее известных неспециалистам сфер иранской внешней и внутренней политики. Очевидно, что группа «Ядерная проблема» значительно более многочисленна, чем предыдущие группы – в нее попало 12 заголовков. Заголовки этой группы отличаются большей экспрессивностью, например: «*Переговоры под угрозой абсолютно неприемлемы*»; «*Америке и Западу нельзя доверять в переговорах по ядерной проблеме*». При этом стоит отметить, что в целом заголовки указывают на то, что ядерная проблема является предметом обсуждения и работа по ее решению может и должна быть продолжена. Большой исследовательский интерес представляет также активное использование цитат из иностранных медиа: «*Иностранные СМИ: Чиновник ЕС заявил, что переговоры по иранской ядерной сделке могут быть продолжены в сентябре*». Для выделения экспрессивных выражений используются кавычки: «*Президент Ирана: “неконструктивные” методы [поведения] МАГАТЭ расстроят переговоры по ядерной проблеме*».

Группа «Внутренняя жизнь» насчитывает 16 заголовков, но 15 из них посвящены развитию ситуации с COVID-19 в Иране, и только один – атаке хакеров на транспортные учреждения Ирана: «*Учреждения транспорта Ирана подвергаются постоянным атакам ха-*

керов»; «*Иран: количество смертей от новой коронавирусной инфекции растёт. Тегеран снова "закрывается*"»; «*Дневной максимум подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции в Иране снова вырос*»; «*Дневной прирост подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции в Иране превысил 30 тысяч случаев*»; «*Дневной прирост подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции в Иране впервые превысил 50 тысяч случаев*»; «*Количество смертей от новой коронавирусной инфекции в Иране превысило 100 тысяч*».

Группа «Международные отношения Ирана» насчитывает 19 заголовков. Вопросы, освещенные в новостях под ними, касаются:

– ядерной проблемы (6 заголовков): «*МИД Ирана: в переговорах по ядерной проблеме Ирана по-прежнему есть нерешенные вопросы*»; «*МИД Ирана: переговоры по ядерной проблеме Ирана приблизились к "результату"*»;

– отношений с Францией (1 заголовок): «*Президент Ирана: Иран приветствует развитие отношений с Францией*»;

– отношений с Японией (1 заголовок): «*Президент Ирана выразил готовность углублять двусторонние отношения с Японией*»;

– атаки на израильский танкер[4] (2 заголовка): «*Иран не признает атаку на нефтяной танкер под управлением израильской компании*»;

– отношений с Израилем (2 заголовка): «*Иран возлагает на Израиль ответственность за повреждение иранских ядерных объектов*»;

– политических спекуляций на тему происхождения COVID-19 (2 заголовка): «*МИД Ирана: возражаем против политизации вопроса о происхождении новой коронавирусной инфекции*»;

– отношений с США (1 заголовок)

–отношений с Афганистаном (4 заголовка): «*Правительство Афганистана проводит в Иране диалог с представителями движения Талибан*[5]»; «*Иран возобновляет поставки топлива в Афганистан*».

Как видно по количеству заголовков, Китай в большой степени уделяет внимание иранской ядерной проблеме, а также отношениям Ирана с важными странами-партнерами, такими как Израиль, Япония, Франция, США. Эти же страны являются важными партнерами КНР.

В группу «Внутренняя политика» отнесено 24 заголовка. Среди них большая часть (15 из 24) посвящена новому президенту Ибрахиму Раиси. Остальные заголовки информируют о взрывах на севере Тегерана, отношениях с США и аресте предполагаемых агентов израильской разведки Моссад.

Группа «Международное положение» является самой многочисленной, в нее входит 49 заголовков. Заголовки освещают круг проблем, уже упоминавшихся ранее: отношения с США, различные упоминания ядерной программы Ирана, конфронтация с Израилем и др. Также дважды упоминается Россия: «*Американские СМИ: "Россия передаст Ирану высокоточную спутниковую систему"*»; «*Отборные войска России отправились в Иран для участия в армейских соревнованиях*».

Необходимо отметить, что отношения с Китаем упоминались в этой группе всего семь раз (в том числе протокольные новости о поздравлении, переданном лидером КНР Си Цзиньпином и главой МИД КНР Ван И новоизбранному президенту Ирана Эбрахиму Раиси), в то время как отношения Ирана с Америкой упоминались 20 раз. При этом ни в данной группе, ни во всех 134 рассмотренных заголовках нет упоминаний о 25-летнем плане сотрудничества КНР и Ирана, о котором говорилось выше.

Выводы

Проанализированные в настоящей статье новостные заголовки позволяют сделать некоторые выводы относительно отношений Китайской Народной Республики и Ирана. Прежде всего заголовки новостей освещают международное положение Ирана и факторы, которые могут повлиять на стабильность данного положения. Во-вторых, внутреннее развитие Ирана интересует Китай в основном с точки зрения развития его нефтегазового комплекса и возможностей транспорта нефти, газа и их продуктов: «*Неопределенность в вопросе поставок иранской сырой нефти стимулирует рост цен на нефть*»; «*Иран запустил новый нефтепровод в обход Ормузского пролива*»; «*Французские СМИ: Иран запустил новый нефтяной терминал, позволяющий обойти Ормузский пролив*».

Большое внимание Китай уделяет ядерной проблеме Ирана. Вероятно, это вызвано тем, что данная проблема непосредственно влияет на международное положение Ирана: «*Байден заявил, что во время своего президентства не позволит Ирану получить ядерное оружие*»; «*Французские СМИ: переговоры по иранской ядерной проблеме могут начаться в скором времени*»; «*Иран объявил о производстве 6,5 кг урана со степенью обогащения 60%*».

Количество упоминаний отношений Ирана с США, особенно в сравнении с упоминаниями отношений собственно с КНР, позволяет говорить о том, что отношения Ирана и США для Китая даже более важны, чем отношения Ирана с самим Китаем. А Китай, в свою очередь, готов выстраивать отношения с Ираном с большой осторожностью, внимательно взвешивая возможные риски от своих шагов в сторону Ирана, оценивая отношения с другими игроками в регионе и мире в целом.

Также Китай старается не выказывать напрямую свою заинтересованность в иранской проблематике. Об этом, на наш взгляд, говорят значительное количество в целом нейтральных заголовков новостей и использование цитат.

Примечания

[1] Синьхуа – 新华 – «Новый Китай» – главное информационное агентство КНР.

[2] Полный текст соглашения ни на английском, ни на китайском языке в Интернете недоступен. По словам иранских коллег – участников российско-иранской научной конференции по истории, проведенной в ноябре 2021 г. в ТГУ, в открытом доступе на персидском языке они его тоже не нашли.

[3] КСИР – Корпус Стражей Исламской Революции – иранское элитное военно-политическое формирование.
[4] Нефтяной танкер Mercer Street, принадлежащий израильской компании, подвергся атаке БПЛА 30 июля 2021 г. в Аравийском море. США и Израиль обвинили в атаке Иран.
[5] Организация запрещена на территории РФ.

Список источников

1. Абылгазиев И.И., Васецова Е.С. Отношения Китая и Ирана в условиях меняющегося миропорядка // Век глобализации. 2020. № 1. С. 93–101.
2. Полончук Р.А., Шашок Л.А. Ближневосточная политика Китайской Народной Республики. М. : АНО ЦСОиП, 2021. 168 с.
3. Лю Сюэли, Чэнь Цзюньхуа. Чжунго юй Илан гуаньси яньцзю хуэйгу цзю фачжань [Ретроспективный взгляд на исследования отношений Китая и Ирана] // Шицзе дили яньцзю. 2016. Т. 25, вып. 1. С. 31–38.
4. Неронова А.В. Ирано-китайские отношения как фактор сохранения суверенитета Ирана: современность и перспектива // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13, № 6. С. 105–108.
5. Чижевский А. Подробности секретного 25-летнего стратегического партнерства между Китаем и Ираном вряд ли обрадуют власти США // Neftegaz.ru. 2020. 7 июля. URL: https://neftegaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/
6. Срочный друг: Китай и Иран станут стратегическими партнерами на 25 лет // Известия. 2021. 31 марта. URL: https://iz.ru/1144341/kirill-senin/srochnyi-drug-kitai-i-iran-stanut-strategicheskimi-partnerami-na-25-let
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Аймагамбетова М.М. Источники газетных заголовков (на материале казахстанских газет) // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Грайфсвальд – Санкт-Петербург – Загреб : Ernst Moritz Arndt Universitaet Greifswald, 2017. С. 119–123.
9. Корнилова К.Е. Функции заголовков современных журналистских текстов // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвып. С. 118–119/
10. Залесова Н.М., Коленко В.Ю. Образ России по данным новостного канала CNN // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 16–22.
11. Ткачёва Н.В. Национальные медиа как средство продвижения мягкой силы Китая. // Вестник Московского Университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 6. С. 94–128.

References

1. Abylgaziyev, I.I. & Vasetsova, E.S. (2020) The relations between China and Russia within the changing world order. *Vek globalizatsii – Age of Globalization.* 1. pp. 93–101. (In Russian). DOI: 10.30884/vglob/2020.01.08
2. Polonchuk, R.A. & Shashok, L.A. (2021) *Blizhnevostochnaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Middle East Policy of the People's Republic of China] Moscow: ANO TsSOiP.
3. Liu Xueli & Chen Junhua. (2016) Chzhungo yuy Ilan guan'si yan'tszyu khueygu tszyu fachzhan' [China and Iran relations and its retrospection *Shitsze dili yan'tszyu*. 25(1). pp. 31–38.
4. Neronova, A.V. (2013) Irano-kitayskie otnosheniya kak faktor sokhraneniya sovereniteta Irana: sovremennost' i perspektiva [Iranian-Chinese relations as a factor in preserving the sovereignty of Iran: modernity and prospects]. *Vestnik KRSU*. 13(6). pp. 105–108.
5. Chizhevskiy, A. (2020) *Podrobnosti sekretnogo 25-letnego strategicheskogo partnerstva mezhdu Kitaem i Iranom vryad li obraduyut vlasti SShA* [Details of the secret 25-year strategic partnership between China and Iran are unlikely to please the US authorities]. [Online] Available from: https://neftegaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/
6. Senin, K. (2021) Srochnyy drug: Kitay i Iran stanut strategicheskimi partnerami na 25 let [Urgent friend: China and Iran will become strategic partners for 25 years]. *Izvestiya*. 31st March. [Online] Available from: https://iz.ru/1144341/kirill-senin/srochnyi-drug-kitai-i-iran-stanut-strategicheskimi-partnerami-na-25-let
7. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
8. Aymagambetova, M.M. (2017) Istochniki gazetnykh zagolovkov (na materiale kazakhstanskikh gazet) [Sources of newspaper headings: On Kazakhstan newspaper material]. In: Mokienko, V.M. (ed.) *Slavyanskaya frazeologiya v sovremennykh SMI (publitsisticheskiy diskurs)* [Slavic phraseology in modern media (publicistic discourse)]. Greifswald; St. Petersburg; Zagreb: Ernst Moritz Arndt Universitaet Greifswald. pp. 119-123
9. Kornilova, K.E. (2007) Funktsii zagolovkov sovremennykh zhurnalistskikh tekstov [Functions of modern journal texts headings]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki.* Special Issue. pp. 118–119.
10. Zalesova, N.M. & Kolenko, V.Yu. (2014) Obraz Rossii po dannym novostnogo kanala CNN [The image of Russia in the CNN materials]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 66. pp. 16–22.
11. Tkacheva, N.V. (2019) Natsional'nye media kak sredstvo prodvizheniya myagkoy sily Kitaya [National media as a source of China's soft power promotion]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 94–128.

***Information about the authors*:**
Глинкин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: glinkinvs@yandex.ru
Гнездилова Наталия Сергеевна – старший преподаватель Отделения общественных наук Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: natal-gnezdilova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Glinkin Vitaly S. – PhD in History, Senior Teacher, Department of Oriental Studies, Faculty of History and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: glinkinvs@yandex.ru
Gnezdilova Natalia S. – senior lecturer at the Department of Social Sciences of the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: natal-gnezdilova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94+339.9
doi: 10.17223/19988613/85/13

Дискуссия в Конгрессе США об участии американского контингента в Многонациональных силах в Ливане после теракта в Бейруте 23 октября 1983 г.

Семен Константинович Ильин

Томский государственный университет, Томск, Россия, sem-ilin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются дискуссии в американском Конгрессе по вопросу пребывания американского корпуса в составе Многонациональных сил (МНС) в Ливане после взрыва казарм в аэропорту Бейрута. Проанализированы как выступление президента Р. Рейгана после теракта, так и обсуждение данной проблемы в ходе заседаний Конгресса. Сделан вывод о том, что теракт и массовая гибель американских солдат лишили президента поддержки Конгресса в вопросе продолжения участия американских сил в МНС.
Ключевые слова: Ливан, Многонациональные силы, внешняя политика США, Р. Рейган, Ближний Восток, Первая ливанская война

Для цитирования: Ильин С.К. Дискуссия в Конгрессе США об участии американского контингента в Многонациональных силах в Ливане после теракта в Бейруте 23 октября 1983 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 100–105. doi: 10.17223/19988613/85/13

Original article

The discussion in the US Congress on the participation of the American troops in the Multinational Force in Lebanon after the terrorist attack in Beirut on October 23, 1983

Semen K. Ilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sem-ilin@mail.ru

Abstract. The article aims to follow the discussion in the US Congress on the participation of US marines in the course of the operation of the Multinational Force in Lebanon (MNF). The primary sources for this study were the transcripts of meetings of the Senate and the House of Representatives, as well as the hearings in congressional committees (the Committee on Foreign Affairs and the Committee on Finance). Other sources were the US President's address to the nation, publications in American newspapers. The article begins with a brief description of the prerequisites for intra-Lebanese contradictions and the need to bring an international military contingent into Lebanon. The Marines completed their stated mission – ensuring the withdrawal of PLO units from Lebanon by mid-September 1982. The Reagan administration took the time to announce the termination of participation in the international mission, considering this as a chance to expand the sphere of influence in the region to confront the USSR in Syria. The main part of the article is devoted to the discussion by congressmen of the possibility of continuing participation in the Lebanese mission after the terrorist attack in Beirut on October 23, 1983. Disagreements among the participants in the discussion revealed not only dissatisfaction with the Lebanese dossier itself, but also with the legal position of the President and Congress in military powers. Reagan's supporters called for a powerful retaliatory strike against the terrorists, while his opponents asked questions about the lack of technical staffing, problems with command and goal setting. The key argument of the president's opponents, according to the author, was the number of dead servicemen. Politicians compared the Lebanese dossier and the Vietnamese campaign. The last part of the article briefly describes the outcome of the debate in Congress. Despite the attempts to justify himself and maintain his presence in Lebanon, Reagan announced the withdrawal of US Marines. In fact, the Mission accomplished its assigned task of facilitating the withdrawal of the PLO. However, the reason that led to the withdrawal of the US military from Lebanon reflected more of a flight. A tense and meaningful discussion in Congress once again demonstrated the ability of the legislature to influence the decision-making of the President of the United States.
Keywords: Lebanon, Multinational Force, USA foreign policy, R.Reagan, Middle East, First Lebanon war

For citation: Ilin, S.K. (2023) The discussion in the US Congress on the participation of the American troops in the Multinational Force in Lebanon after the terrorist attack in Beirut on October 23, 1983. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 100–105. doi: 10.17223/19988613/85/13

© С.К. Ильин, 2023

Изучение парламентских слушаний по различным вопросам было и остается важнейшим инструментом, который позволяет проанализировать взгляды провластных и оппозиционных политических сил на происходящие процессы в стране и за ее пределами. Стоит обратить внимание и на тот факт, что стенограммы дают возможность отследить позицию общества по затрагиваемым вопросам, так как члены парламента избираются этим самым обществом и, следовательно, отстаивают мнение своих избирателей. Каждому сенатору необходимо в своей работе отчитываться перед избирателем, и это позволяет удерживаться в кресле как можно дольше. Непрекращающееся участие американских сил в военных операциях под разными флагами (национальным, под эгидой НАТО как часть сил ООН) заставляет вновь и вновь возвращаться к изучению этого опыта. О ливанской миротворческой кампании известно немало фактов, но она не стала хрестоматийной по ряду причин. Сами американцы предпочитают не вспоминать эту операцию, которая повлекла за собой гибель нескольких сотен бойцов из-за тактического провала военных. В истории миротворческих операций под мандатом ООН она также упоминается редко – вероятно, по той причине, что не смогла уберечь Ливан от навязанного извне палестино-израильского конфликта. Как бы то ни было, в ходе проведения этой операции была выполнена первоначально поставленная задача – вывод сил Организации освобождения Палестины (ООП) из Ливана. В представленной работе фокус внимания будет обращен к дискуссии в американском Сенате о продолжении американского участия в МНС после гибели более 400 морских пехотинцев в результате теракта 23 октября 1983 г. Цель работы – определить степень влияния слушаний в Конгрессе на положение американского военного контингента в Ливане.

Внешняя политика президента Р. Рейгана в Ливане активно изучалась как отечественными, так и иностранными авторами. Среди представителей российской науки необходимо отметить фундаментальную работу В.Н. Конышева «Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.)» [1]. В ней автор на основе внушительного массива источников дает анализ позиций администрации президента и Конгресса по узловым вопросам, которые возникали в ходе участия американских военных в операциях в Ливане, Гренаде и т.д. Тем не менее ливанское досье представлено как часть общих событий, что не позволяет сполна отразить все противоречия вокруг этой операции. Другая не менее значимая работа за авторством И.Д. Звягельской «История государства Израиль» раскрывает события 1983 г. в разрезе израильской истории [2]. Из монографии Е.М. Савичевой «Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране» читатель сможет почерпнуть арабский взгляд на события и роль МНС в них [3]. В статьях А.С. Евтушенко [4], Е.Т. Дзахсорова [5] и Л.Р. Хлебниковой [6] указанная тема упоминается как элемент дипломатической стороны курса американского президента. В работе Г.А. Сатарова и С.Б. Станкевич упор сделан на количественные методы при изучении голосований в Конгрессе США, но почти не уделяется внимания их трактовке [7]. При этом роль американского Конгресса как зеркала американского общества в описываемых событиях практически не затрагивается. Долгое время изучению этого сюжета мешали естественные причины: для ознакомления с дискуссиями в Конгрессе необходимо было проводить много времени в архивах на территории США. На данный момент архив слушаний Конгресса оцифрован и представляет собой уникальный объект для научной работы, позволяющий буквально поминутно воссоздать события тех дней.

В зарубежной историографии тема дискуссий в Конгрессе по вопросу участия в МНС разработана более полно. Работы Ф. Трабулси [8], Дж. Лемана [9], Д. Уэстерфилда [10], Л. Фишера [11] содержат анализ интервенционалистской политики Рейгана, в них рассматривается и влияние парламента на этот процесс. Однако эти авторы не придавали значения комплексному изучению работы Конгресса, указывая лишь на отдельные заседания и доклады. Работа Дж. Лемана интересна еще и потому, что он представляет в ней свой взгляд как непосредственного участника (в период работы МНС занимал пост министра ВМС США).

Ливан до 1960-х гг. часто называли «Ближневосточная Швейцария», таким образом подчеркивая относительно высокий уровень благосостояния и безопасности в стране. Представители западных элит приобретали там недвижимость, вкладывали средства в местные банки. Этому статусу способствовала и система распределения власти в стране, основанная на Национальном пакте 1943 г. (устная договоренность лидеров религиозных общин, которые закрепили пост президента за христианами-маронитами, портфель премьер-министра достался мусульманам-суннитам, а спикера парламента решили назначать из мусульман-шиитов). Несмотря на внешнюю архаичность такой формы правления, она сполна отразила имеющуюся этно-религиозную картину и явила собой одну из форм демократии, которую позже назвали «консоциальной демократией» [12. С. 90].

Относительная устойчивость системы пошатнулась после того, как в 1958 г. в Ливане начались волнения, вскоре переросшие в настоящую гражданскую войну. Причиной волнений было недовольство мусульманского населения этой арабской страны действиями президента-христианина К. Шамуна, который, пользуясь коррумпированностью ливанских политиков и чиновников, собирался выставить свою кандидатуру для повторного избрания на пост президента, что противоречило конституции Ливана. Сам К. Шамун пользовался поддержкой американских властей и ранее [13. С. 88].

Многонациональные силы в Ливане (МНС) возникли на фоне обострения отношений между Организацией освобождения Палестины и Израилем. После покушения на убийство израильского посла в Великобритании Шломо Аргова в начале лета 1982 г. ответственность за это бездоказательно была возложена на ООП. ЦАХАЛ (Силы самообороны Израиля) объявили о начале военной операции «Мир Галилее» против ООП на территории Южного Ливана. В действитель-

ности целями израильского вторжения были ликвидация присутствия ООП у северной границы своего государства и приведение к власти в Ливане христиан-фалангистов для обеспечения собственной безопасности [14. С. 109]. Однако действия израильских сил, как отмечает А.А. Кузнецов, были предельно жесткими и привели к гуманитарной катастрофе в Западном Бейруте [15. С. 63]. На этом фоне была достигнута договоренность о выводе сил ООП в Иорданию, а контролировать процесс обязывались специально созданные для этого Многонациональные силы (США, Франция, Великобритания, Италия).

Несмотря на привлечение каждой из стран-участниц в состав МНС отлично подготовленных военных специалистов из числа морских пехотинцев и десантников, в сущности, МНС являлись военной полицией западных держав и своим присутствием намеревались охладить ситуацию. Как позже будет отмечено в одном из выступлений американского сенатора Джеймса Сассера, именно ливанская армия должна была осуществлять оборону баз МНС, подчеркивая этим их практически полную беспомощность перед лицом реальных угроз [16. P. 30607]. Таковыми угрозами были нападения просирийских «милиций» и шиитских формирований. Первым крупным терактом против американских сил в Ливане стал взрыв 18 апреля 1983 г. в посольстве США в Бейруте, в результате которого погибли 63 человека. Его осуществил террорист-смертник, направивший грузовик в здание дипмиссии. В тот же день сенатор Говард Бейкер отметил, что атака на посольство являлась атакой на суверенную территорию страны, и США не могли оставить это без ответа [16. P. 8790]. Однако жесткой реакции не последовало, и 23 октября 1983 г. случился второй теракт по схожему сценарию, но теперь целью стало расположение американского контингента МНС в здании бейрутского аэропорта. Грузовик протаранил ворота и взорвался ночью, когда большинство морпехов спали в расположении. Гибель 241 военнослужащего стала одной из самых кровавых трагедий для США со времен войны во Вьетнаме.

Учитывая общественный резонанс по поводу бейрутской трагедии, Конгресс не мог остаться в стороне от происходящих событий. Общим мотивом всех выступлений и высказываний стала жажда общественности к справедливому наказанию за содеянное. Однако в том, кого стоит наказывать, мнения расходились. Одна часть политической элиты, главным образом республиканцы, призывала президента к решимости нанести ответный удар по боевикам, совершившим этот удар. Таким образом предлагалось восстановить справедливость, подчеркнуть силу американской военной машины и напомнить всем противникам о неотвратимости расплаты. Сенатор Стром Турмонд, бывший военный, 25 ноября призывал к удвоению усилий по установлению мира и порядка в Ливане при участии американских войск [16. P. 29097]. Рвение решить вопрос военными мерами было обусловлено тем, что Турмонд за период своего участия во Второй мировой войне дослужился до звания подполковника, а в отставку из резерва Вооруженных сил ушел в звании генерал-майора. Тем не менее прямо он все же не уточнил формы и методы, которыми надлежало выполнить эти задачи. Также сенатор оставил без внимания тот факт, что статус МНС не предполагал их участия в наведении порядка в Ливане.

Другая часть парламента, состоявшая в основном из членов Демократической партии США, обвиняла президента Р. Рейгана в отсутствии должного внимания к безопасности солдат США в Ливане, выдвигая под разными предлогами требования о выводе корпуса. Например, сенатор Уильям Проксмайр, выступавший в тот же день, акцентировал внимание на огромном потоке телефонных звонков в его офис в Висконсисе. По его словам, 78 из 79 звонивших граждан заявили о необходимости покинуть Ливан как можно скорее. Однако насколько этот пример можно считать показательным при условии, что других подобных наблюдений не отметил никто из сенаторов, остается под вопросом.

Основываясь на анализе стенограмм Конгресса, можно выявить основные вопросы, которые задавались оппозиционно настроенной частью законодательной власти президенту. Во-первых, от главы государства требовали указать четкие цели военной миссии в Ливане. Как упоминалось ранее, Корпус морской пехоты США в составе Многонациональных сил первоначально обеспечивал эвакуацию подразделений ООП. Однако после окончания этого процесса президент не вернул солдат домой и не обозначил публично новых задач Корпуса. Спустя 4 дня после трагедии член Палаты представителей Джим Гиббонс в своем выступлении задавался вопросами: «Какова наша миссия? Какова наша цель в Ливане?» [16. P. 29597]. Бывший кандидат в президенты США от Демократической партии Алан Крэнстон в статье для «Лос-Анджелес Таймс» от 25 октября 1983 г. призывал президента «объяснить на простом английском языке, как именно морские пехотинцы должны продвигать наши интересы в мирном урегулировании» [17]. Ответ президента последовал в его обращении к нации 27 октября: «Какова именно оперативная задача морских пехотинцев? Ответ таков: обезопасить часть Бейрута, поддерживать порядок в своем секторе и не допустить, чтобы этот район превратился в поле боя. Наши морские пехотинцы не просто сидят в аэропорту. Частью их задачи является охрана этого аэропорта. Благодаря их присутствию аэропорт продолжал функционировать. Кроме того, они патрулируют окрестности» [18. P. 57–58]. Такой ответ на фоне гибели более 400 военных выглядел откровенно слабым. К тому же американские военные, практически закрывшись на территории аэропорта, в действительности не могли и не пытались реально контролировать ситуацию в столице Ливана. Наиболее опасными были южные окраины Бейрута и его южный пригород, где большинство составляли шииты, беженцы из еще более южных районов, по которым в 1982 г. нанес удар Израиль. Их радикальные настроения по отношению к американским военным в этом контексте понятны, как и нежелание этих военных посещать такие опасные места без особой надобности. Позже генерал Келли, командовавший

Корпусом морской пехоты США в Ливане, в своем выступлении перед Сенатом заявил, что «наша миссия заключается в присутствии», не уточнив важность присутствия в Ливане, Бейруте или конкретной части аэропорта [16. P. 30607].

Во-вторых, сомнению подвергались комплектование, вооружение и размер Корпуса. Сенатор Сэм Нанн из Джорджии, который являлся высокопоставленным членом Комитета по вооруженным силам, написал очень острую редакционную статью, опубликованную в номере «Нью-Йорк Таймс» от 1 ноября 1983 г. под названием «Следующие шаги в Ливане», и в ней упомянул численность 1 600 морских пехотинцев [19]. С одной стороны, для ограниченного контингента, выполнявшего надзорно-контрольные функции, такая численность оправдана. С другой стороны, вышеуказанная проблема дальнейшего пребывания Корпуса в Ливане действительно требовала пересмотра численности сил в сторону увеличения. Формат большинства миротворческих операций предполагал организацию патрулей на важных маршрутах с расширением «зоны безопасности» для пребывания самих миротворцев. Также миротворцы нуждались в механизированных подразделениях, обслуживание которых требовало расширения штата военных и технических специалистов. Все это стремительно увеличило бы расходы и привело к необходимости привлечения еще больших сил флота для бесперебойного обеспечения потребностей контингента. Одновременно с этим необходимо отметить, что подобное расширение было невозможно ввиду юридических ограничений. Увеличение числа иностранных военных и изменение технической составляющей вряд ли могло пройти легитимно через СБ ООН. Также такой поворот мог быть расценен как ползучая аннексия с целью превращения Ливана в военную базу западных стран. Таким образом, в рамках обозначенных изначально границ численности и вооружений Миссия не могла выполнять какие-либо задачи, кроме контрольно-полицейских.

18 ноября 1983 г. в своем выступлении сенатор Холлингс сослался на статью военного аналитика Джеффри Рекорда в газете «Вашингтон Пост» под названием «Бейрутской катастрофы можно было избежать». В ней автор подробно указывает на просчеты военного командования, о которых, по его мнению, президент не мог не знать. Как отмечено в статье, морские пехотинцы по своему характеру являются «элитными, узкоспециализированными десантно-штурмовыми соединениями с традицией неожиданных высадок на вражеские берега. Морские пехотинцы исторически уделяли мало внимания приобретению инженерных и других навыков, связанных с фортификационными и позиционными действиями». Также разгрому подвергалась выбранная дислокация – штаб и казарма располагались в аэропорту, такая точка не могла обеспечить должный уровень безопасности. В аэропорт ежедневно прибывали различные грузы на разных видах транспорта, и доскональный досмотр всего объективно было невозможно осуществить [20]. Это подтвердил сенатор Гордон Хамфри, находившийся в Бейруте в день трагедии и лично помогавший в эвакуации раненых: «Ливанские силы, которые охраняют контрольно-пропускной пункт на въезде в аэропорт, лишь время от времени обыскивают транспортные средства. В некоторых случаях они обыскивают грузовики, в некоторых случаях они обыскивают салоны, в некоторых случаях они обыскивают днища транспортных средств; но ни в коем случае на постоянной основе они тщательно не обыскивают каждое транспортное средство». Такого «частичного» досмотра удалось добиться только спустя 3 недели после взрыва. До этого, как отмечал сенатор Г. Хамфри, положение обстояло куда хуже, что и привело к теракту. Шоком для многих американцев стала информация о том, что оружие солдат, находившихся в момент нападения в карауле, не было заряжено. В этом Сенату признался генерал Келли, сославшись на особенности юридического статуса МНС [16. P. 30607].

В-третьих, сенаторы критиковали правовой статус МНС, который не соответствовал сложившейся ситуации. Солдаты не имели права вступать в бой, обеспечивать навязывание мира воюющим вокруг группировкам, и в итоге сами стали объектом постоянных снайперских и минометных обстрелов [16. P. 30608]. Мандат МНС не был изменен в соответствии с новыми условиями существования после выполнения ими первичной цели осенью 1982 г., и Контингент воспринимался как классические миротворческие силы, только без существенных прав на огневой ответ [2. С. 226].

Также к вопросам, беспокоившим сенаторов, стоит отнести «бесконечность» Миссии, сопряженную с отсутствием конкретной цели. Как указывалось ранее, первичная цель, а именно сопровождение операции по выводу ООП, была выполнена, но после нее МНС не получили следующей конкретной задачи с четкими критериями выполнения и сроками. Бессрочность задач грозила ростом финансовых расходов на финансирование МНС, но стоит отметить, что вряд ли этот аргумент можно было считать сколько-нибудь серьезным. Доля расходов на подобные операции в общем бюджете Вооруженных сил и Пентагона была ничтожно мала. Другой проблемой становилось информационно-идеологическое обеспечение работы МНС. Растущие потери личного состава вкупе с непониманием временных рамок и ощутимых результатов ставили правящую партию в уязвимое положение и давали оппонентам дополнительные аргументы на приближающихся выборах 1984 г. Нахождение в составе МНС американского Корпуса регламентировалось Резолюцией о военных полномочиях (РВП), которая не позволяла Сенату прозрачно и открыто осуществлять контроль за полномочиями президента в вопросе управления миротворцами. На конфликт в этой плоскости указывают вынесенные на рассмотрение Комитета по иностранным делам изменения в Резолюцию о военных полномочиях от группы сенаторов [16. P. 32444]. Сенаторы критиковали Р. Рейгана за поверхностность отчетов, которые он предоставлял им согласно РВП. Сторонники президента уклонялись от упоминания этой темы вовсе или осторожно предлагали «дождаться прояснения ситуации».

Последним из выделенных в процессе изучения стенограмм вопросов являлся многократно осуждаемый

длительный срок пребывания Корпуса – 18 месяцев. Алан Крэнстон в статье «Объясните нам причину или верните наших людей» характеризовал 18-месячный срок как «карт-бланш президенту» и отмечал, что он «руководил борьбой в Комитете по международным отношениям против» него [17]. Сенатор Джон Мельхер от Демократической партии также определял принятие Резолюции о военных полномочиях с полуторагодовым пребыванием как «ошибочное» [16. P. 32444]. Такой длительный срок продления работы Корпуса не позволял адекватно реагировать на стремительно меняющуюся внутриполитическую ситуацию в Ливане. В 1980-е гг. в Ливане проходила полноформатная гражданская война с параллельной оккупацией севера страны сирийскими силами, которые считались «рукой» СССР в этом эпицентре интересов. Сенат же как актор-противовес президенту был заинтересован через уменьшение срока пролонгации получить больше контроля над ситуацией.

Таким образом, следует отметить, что парламентская дискуссия о пребывании Корпуса морской пехоты США в Ливане в составе МНС после взрыва 23 октября 1983 г. носила многогранный характер и была наполнена не популистскими обвинениями президента Рейгана, а содержала комплексную оценку происходившего от разных представителей американского истеблишмента. Сторонники президента взывали к духу «холодной войны», выдвигая на первый план противостояние Советскому Союзу в лице Сирии. Также отмечалась важность сохранения и укрепления отношений с Израилем. Этот аргумент в начале 1980-х гг. был актуализирован после крушения надежд на «союзничество» с шахским Ираном. Аргументация оппозиции президенту подкрепляется отсылками к заявлениям военных и данными очевидцев с места трагедии (главным образом СМИ и сенатор Г. Хамфри). Откровенно слабое в политическом смысле обращение президента Рейгана к нации 27 октября 1982 г. не только не успокоило американское общество, но и дало дополнительные аргументы его противникам. В последующие месяцы американский флот несколько раз производил масштабные обстрелы территорий, занятых сирийскими войскам и просирийскими «милициями». Однако эти ассиметричные действия только усугубляли ситуацию, превращая неудачную попытку миротворчества в плохую оккупацию. Закономерным итогом стал выход американского контингента из Ливана в феврале 1984 г. Пребывание сохранили только французские силы, имевшие исторически обусловленные «особые интересы в Ливане» [2. С. 226]. Несмотря на то, что свою главную задачу по содействию выводу сил ООП подразделения МНС выполнили успешно, необходимость их дальнейшего пребывания в Ливане объяснялась только стремлением США усилить свое влияние на Ближнем Востоке. Но поспешный вывод войск, больше похожий на бегство, наоборот, ослабил позиции Соединенных Штатов как одного из гарантов мира на Ближнем Востоке в противостоянии с Советским Союзом, чьи подразделения в Сирии оставались на своих местах.

Список источников

1. Конышев В.Н. Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.). СПб. : Вирд, 1999. 160 с.
2. Звягельская И.Д. История государства Израиль. М. : Аспект-Пресс, 2012. 357 с.
3. Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране: историко-хронологическое исследование. М. : РУДН, 2009. 373 с.
4. Евтушенко А.С. Дипломатия США во время Первой военной кампании в Ливане (1982 год) // Известия РГПУ им. Герцена. 2009. Вып. 115. С. 50–60.
5. Дзахсорова Е.Т. Некоторые аспекты ливанского кризиса 1982г. В контексте проблемы обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Достижения вузовской науки. М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2016. Вып. 20. С. 29–33.
6. Хлебникова Л.Р. Первая ливанская война в контексте американо-израильских отношений // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. Вып. 3. С. 142–176.
7. Сатаров Г.А., Станкевич С.Б. Применение неметрического многомерного шкалирования при изучении расстановки и соотношения сил в конгрессе США // Анализ нечисловых данных в системных исследованиях : сб. трудов. М. : ВНИИСИ, 1982. Вып. 10. С. 76–83.
8. Traboulsi F. A history of the modern Lebanon. London : Pluto Press, 2012. 308 p.
9. Lehman J. Making war: the 200-year-old Battle between the President and Congress over how America Goes to War. New York : Schribners, 1992. 295 p.
10. Westerfield D. War Powers: The President, the Congress, and the Question of War Hardcover. Westport : Praeger, 1996. 272 p.
11. Fisher L. The Law: Scholarly Support for Presidential Wars // Presidential Studies Quarterly. 2005. Vol. 35, is. 3. P. 590–607.
12. Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциональная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО. 2019. № 4 (67). С. 89–112.
13. Румянцев В.П. Д. Эйзенхауэр и решение об отправке американских войск в Ливан в 1958 г. // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 305. С. 88–92.
14. Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967–2013 гг.) : дис. … канд. ист. Наук : 07.00.15. Н. Новгород, 2015. 195 с.
15. Кузнецов А.А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. М. : Первая оперативная тип., 2017. 224 с.
16. Congressional Record (CR). Washington DC, 1983. Vol. 129: Proceedings and Debates of the 98th Congress. First Session. 34996 p.
17. Los Angeles Times. 1983. Oct. 27.
18. Тэтчер М., Рейган Р. Англосаксонская мировая империя. М. : Алгоритм, 2014. 286 с.
19. New York Times. 1983. Nov. 1.
20. Washington Post. 1983. Nov. 17.

References

1. Konyshev, V.N. (1999) *Prinyatie resheniy o voennykh interventsiyakh: otnosheniya prezidenta i kongressa SShA (1982–1991 gg.)* [Making decisions about military interventions: the relationship between the President and the US Congress (1982–1991)]. St. Petersburg: Vird.
2. Zvyagelskaya, I.D. (2012) *Istoriya gosudarstva Izrail'* [History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt-Press.

3. Savicheva, E.M. (2009) *Livan: mesto v istorii, rol' v politike, situatsiya v strane: istoriko-khronologicheskoe issledovanie* [Lebanon: Its place in history, role in politics, situation in the country: historical and chronological study]. Moscow: RUDN.
4. Evtushenko, A.S. (2009) Diplomatiya SShA vo vremya Pervoy voennoy kampanii v Livane (1982 god) [US diplomacy during the First Military Campaign in Lebanon (1982)]. *Izvestiya RGPU im. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 115. pp. 50–60.
5. Dzakhsorova, E.T. (2016) Nekotorye aspekty livanskogo krizisa 1982g. V kontekste problemy obespecheniya regional'noy bezopasnosti na Blizhnem Vostoke [Some aspects of the Lebanese crisis of 1982 in the context of the problem of ensuring regional security in the Middle East]. *Dostizheniya vuzovskoy nauki*. 20. pp. 29–33.
6. Khlebnikova, L.R. (2017) Pervaya livanskaya voyna v kontekste amerikano-izrail'skikh otnosheniy [The First Lebanese War in the context of American-Israeli relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 3. pp. 142–176.
7. Satarov, G.A. & Stankevich, S.B. (1982) Primenenie nemetricheskogo mnogomernogo shkalirovaniya pri izuchenii rasstanovki i sootnosheniya sil v kongresse SShA [Application of non-metric multidimensional scaling in the study of the arrangement and balance of forces in the US Congress]. In: Voronov, A.A. (ed.) *Analiz nechislovykh dannykh v sistemnykh issledovaniyakh* [The analysis of non-numerical data in systems research]. Vol. 10. Moscow: VNIISI. pp. 76–83.
8. Traboulsi, F. (2012) *A History of the Modern Lebanon*. London: Pluto Press.
9. Lehman, J. (1992) *Making war: the 200-year-old Battle between the President and Congress over how America Goes to War*. New York: Schribners.
10. Westerfield, D. (1996) *War Powers: The President, the Congress, and the Question of War Hardcover*. Westport: Praeger.
11. Fisher, L. (2005) The Law: Scholarly Support for Presidential Wars. *Presidential Studies Quarterly*. 35(3). pp. 590–607.
12. Sarabiev, A.V. (2019) Livan: obyknovennaya «konsotsional'naya demokratiya» v regional'nom kontekste [Lebanon: ordinary "consociational democracy" in a regional context]. *Vestnik MGIMO*. 4(67). pp. 89–112.
13. Rumyantsev, V.P. (2007) D. Eyzenkhauer i reshenie ob otpravke amerikanskikh voysk v Livan v 1958 g. [D. Eisenhower and the decision to send American troops to Lebanon in 1958]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 88–92.
14. Berenkova, N.A. (2015) *Fenomen shiitskogo aktivizma v Livane i ego vliyanie na mezhdunarodnye otnosheniya Blizhnego Vostoka (1967–2013 gg.)* [The phenomenon of Shiite activism in Lebanon and its influence on international relations of the Middle East (1967–2013)]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
15. Kuznetsov, A.A. (2017) *Politicheskiy protsess v Livane na rubezhe XX–XXI vekov* [Political process in Lebanon at the turn of the 21st century]. Moscow: Pervaya operativnaya tip.
16. USA. (1983) *Congressional Record (CR). Washington DC, 1983*. Vol. 129: Proceedings and Debates of the 98th Congress. First Session.
17. *Los Angeles Times*. (1983) 27th October.
18. Thatcher, M. & Reagan, R. (2014) *Anglosaksonskaya mirovaya imperiya* [Anglo-Saxon World Empire]. Moscow: Algoritm.
19. *New York Times*. (1983) 1st November.
20. *Washington Post*. (1983) 17th November.

***Сведения об авторе*:**
Ильин Семен Константинович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sem-ilin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ilin Semen K. – Postgraduate Student, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sem-ilin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 26.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94(100)“1970/80”
doi: 10.17223/19988613/85/14

Мировые банковские центры в 1970-е гг.: разворот к новой географии глобальной кредитной системы

Леонид Витальевич Никитин

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия;
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, lnd2001nikitin@mail.ru

Аннотация. На основе статистических и иных источников прослеживается, как менялось соотношение сил между крупнейшими банковскими центрами мира на протяжении 1970–1980 гг. Показано, что в это время происходили, в частности, ослабление позиций Нью-Йорка и других городов США, быстрое развитие азиатских центров во главе с Токио и т.д. Отдельное внимание уделяется вопросу о том, какие изменения произошли на глобальной банковской арене в результате «нефтяных шоков» 1973–1974 и 1979–1980 гг. При подведении итогов рассматривается долгосрочное (вплоть до нынешних дней) значение тенденций, которые возникли или четко оформились еще в 1970-е гг.
Ключевые слова: 1970-е гг., банки, глобальная конкуренция, США, Восточная Азия, Европа, нефтегазовый фактор

Для цитирования: Никитин Л.В. Мировые банковские центры в 1970-е гг.: разворот к новой географии глобальной кредитной системы // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 106–117. doi: 10.17223/19988613/85/14

Original article

The World Centres of Banking in the 1970s: Turn to a New Geography of the Global Credit System

Leonid V. Nikitin

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation;
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, lnd2001nikitin@mail.ru

Abstract. The article is focused on fundamental shifts in the global geography of banking, which occurred during the 1970s. The special attention paid to this decade is determined by the profound transformations that took place then in the world monetary system, in the energy markets and in many other aspects of the global economy. For a more accurate and complete recording of historical events, their consideration is sequentially carried out in three chronological segments: 1970–1973, 1973–1975 (i.e. the period of global economic crisis), and 1975–1980.

The study is based primarily on large statistical massifs, including annual rankings of the largest banks of the world (from the UK-based *The Banker* magazine), and macroeconomic data from the UN Statistical Division. Besides, sources of non-quantitative information (like memoirs and periodicals) were also used.

The study reveals five main trends that arose (or definitely manifested themselves) in the 1970s and retained their significance for the following decades.

First, in the 1970s the total assets of the world's largest banks grew considerably faster than the global economy as a whole. This trend (with the proviso of a correction due to the crisis of 2008–2009) continued later on. Since 2002, the assets of the 300 largest banks have constantly exceeded the world GDP.

Second, since the 1970s (or since the crisis and collapse of the Bretton Woods monetary system) there was a significant reduction in the share of New York and other US cities in the global banking. Despite some moderate corrections, this trend has generally continued to the present. The banking system of the USA remains large and influential, but it is still far from recovering its leadership lost in the 1970s.

Third, the rapid growth of the Japanese economy contributed to the emergence of that country in high positions in the banking sector, too. In 1973, Tokyo became the world's largest banking centre for the first time, overtaking New York. Such events, together with the achievements of South Korea and Taiwan, make it possible to state general success of East Asia. This trend also continued in the later decades, although the leadership within the region in the early 2010s passed from Japan to the PRC.

© Л.В. Никитин, 2023

Fourth, despite the strengthening of Asian actors, Europe was able to retain an important collective role in the banking business of the 1970s. This line, as well as the intense competition among the large group of European centres (Paris, London, Frankfurt, Zurich, etc.), remained an essential component of the global banking geography throughout the main part of the 1970–2010s.
Fifth, the "oil shocks" of 1973–1974 and 1979–1980 became powerful impulses for the development of banking in the leading cities of the countries, which are major exporters of hydrocarbons. While Tehran was the main example of that kind in the 1970s, Dubai, Kuala Lumpur, Moscow and some other cities made significant progress in the following decades.
Keywords: 1970s, banks, global competition, USA, East Asia, Europe, oil and gas factor

For citation: Nikitin, L.V. (2023) The World Centres of Banking in the 1970s: Turn to a New Geography of the Global Credit System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 106–117. doi: 10.17223/19988613/85/14

Исследования о становлении и развитии мировых финансовых центров, занявшие за последнее время видное место в исторической науке (см., напр.: [1, 2]), закономерно отличаются большим вниманием к событиям 1970-х гг. – периода, когда происходили очень важные экономические, политические и технологические сдвиги.

Между тем постоянной (и имеющей объективные причины) проблемой для подобных работ является некоторая ограниченность доступных количественных данных; действительно, совсем непросто составить единую шкалу, которая могла бы сразу охватить банки, биржи, брокерские агентства, страховые компании и другие сегменты финансовой деятельности. Конечно, задача еще больше усложняется, если речь идет о необходимости собрать и систематизировать статистические материалы полувековой давности. Подобные препятствия делают почти невозможными рассмотрение (в рамках единой системы надежных количественных оценок) большого круга городов, выстраивание различных иерархий и т.д. В результате исследователи вынуждены фокусировать почти все свое внимание на Нью-Йорке, Лондоне, Токио и некоторых других несомненных «мега-столицах» финансового дела, оставляя в стороне множество менее очевидных, но также достаточно важных центров.

Однако существует еще одно перспективное направление подобной аналитики, в рамках которого упомянутые трудности вполне преодолимы. Решение заключается в том, чтобы сфокусировать все внимание на банковском секторе, оставляя в стороне другие компоненты финансовой деятельности. Даже после такого существенного сужения отраслевого поля объектом исследования все еще остается очень большая и важная часть мирового хозяйства, суммарные обороты в которой давно измеряются многими триллионами долларов. При этом однородность и относительная доступность необходимой ретроспективной статистики позволяют рассматривать большую группу банковских центров, проводить различные сопоставления между ними, а также, что представляется особенно важным, выявлять существующие в этой сфере тенденции.

Именно в таком ключе построена данная работа. В ее основу положены, прежде всего, подробные рейтинговые сводки по крупнейшим коммерческим банкам мира, которые с 1970 г. регулярно публикует лондонский журнал The Banker [3–5]. Изначально каждая из ежегодных таблиц The Banker охватывала по 300 ведущих корпораций. Даже такой относительно узкий круг позволяет сегодня воссоздать в целом репрезентативную картину: расчеты показывают, что банки, которые постоянно или же эпизодически попадали в эти ряды на протяжении 1970-х гг., в общей сложности представляли свыше 200 городов из 45 стран. С 1980 г. количество банков в рейтингах журнала было увеличено до 500, а с 1989 г. – до 1 000. Соответственно, для 1980 г., который является завершающей хронологической точкой в данном исследовании, вычисления были проведены в двух вариантах – и по всему кругу из 500 корпораций, и отдельно по первым трем сотням (очевидно, что второй вариант обеспечивает более корректное сопоставление с показателями за предыдущий период). Также во внимание принимались и данные за последующие десятилетия, – подобное расширение исторических горизонтов помогает понять значение сдвигов, наблюдавшихся в 1970-е гг., для долгосрочных трансформаций мирового финансового пространства на протяжении второй половины XX – начала XXI в.

Для уточнения и верификации некоторых сведений из журнала The Banker привлекались архивные материалы по кредитной системе США, публикуемые Федеральным резервным банком Сент-Луиса [6]. Дополнительное обращение именно к американским сводкам объясняется как их большей (в сравнении с данными из других стран) доступностью, так и огромным долевым весом Соединенных Штатов в рассматриваемой отрасли. Важную роль в проведенном исследовании играли исторические показатели ВВП всего мира и ряда ведущих государств, доступные на сайте Статистического отдела ООН [7]. Наконец, использовалась информация неколичественного плана, содержащаяся, например, в периодической печати и мемуарной литературе [8–11].

Теперь попробуем, опираясь на комплекс проведенных расчетов и по возможности следуя хронологическому принципу, проследить наиболее важные изменения на глобальном банковском поле 1970-х гг. Это десятилетие, внутри которого очень важным рубежом стал мировой экономический кризис 1973–1975 гг., логично рассматривать с постоянным учетом подобного ориентира, т.е. разделяя события на те, которые происходили до, во время и после названного кризиса.

Итак, данные на 1970 г., как и следовало ожидать, свидетельствуют об уверенном лидерстве США и их ведущих городов. Названная страна стала одним из мировых финансовых гигантов еще в 1910-е гг. (чему,

в свою очередь, предшествовал выход на первое место по общему объему национальной экономики в 80-е гг. XIX столетия) [12. С. 67–68; 13]. Но безусловный Pax Americana в глобальных финансах сложился главным образом после Второй мировой войны. Особенно большое значение в этом плане имел переход к Бреттон-Вудской системе валютного регулирования, при которой (по вполне объективным причинам) только доллар США непосредственно имел фиксированную стоимость в золоте. Тогда же наступил период доминирования американских финансовых корпораций. Так, в 1945 г. Bank of America со штаб-квартирой в Сан-Франциско, заметно опережая других игроков из своей страны, стал крупнейшим частным банком в мире по величине активов [14. P. 477], а в 1960 г. во главе аналогичного рейтинга находилось сразу три американских конгломерата (тот же Bank of America из Калифорнии, а также нью-йоркские First National City Bank и Chase Manhattan Bank) [1. P. 208].

Первенство не было утрачено и к 1970 г. (с которого, повторимся, благодаря журналу The Banker открывается возможность для уже не фрагментированных, а системных наблюдений). First National City, Chase Manhattan, Manufacturers Hanover и другие гиганты позволяли Нью-Йорку оставаться крупнейшим банковским узлом на планете. Сан-Франциско находился на четвертом месте; всего же в «большой двадцатке» было представлено шесть американских городов. Даже самая заметная из остальных стран, Федеративная Республика Германия, смогла делегировать в это элитное сообщество лишь три своих центра (табл. 1). Общее лидерство США в банковском деле, представленное через суммарный долевой показатель всех городов (35,8%), закономерно сочеталось с аналогичным лидерством в мировом ВВП (31,5%). (Здесь и далее, как в таблицах, так и непосредственно в тексте, абсолютные, долевые или ранговые показатели стран и городов в банковской сфере приводятся по результатам обработки исходных данных The Banker [3–5]; аналогичные сведения о ВВП различных государств даются в соответствии с историко-статистическими сводками ООН [7].)

Таблица 1

Крупнейшие банковские центры мира и активы местных кредитных корпораций (млрд долл., в текущих ценах) в 1970 и 1973 гг.

Место	1970	1973
1	Нью-Йорк (106,2)	Токио (153,9)
2	Токио (72,1)	Нью-Йорк (145,6)
3	Лондон (59,6)	Лондон (93,7)
4	Сан-Франциско (38,7)	Париж (70,8)
5	Париж (34,1)	Франкфурт (60,2)
6	Милан (23,8)	Сан-Франциско (59,2)
7	Франкфурт (22,9)	Милан (51,4)
8	Осака (22,4)	Осака (51)
9	Рим (20,4)	Рим (42,6)
10	Лос-Анджелес (20,3)	Лос-Анджелес (32,3)
11	Монреаль (19,5)	Чикаго (30,5)
12	Чикаго (19,1)	Монреаль (30,2)
13	Торонто (18,9)	Брюссель (28,9)
14	Дюссельдорф (14,4)	Торонто (28,8)
15	Цюрих (12,2)	Дюссельдорф (27,2)
16	Мюнхен (10,4)	Мюнхен (24,5)
17	Детройт (10,3)	Цюрих (21,4)
18	Филадельфия (9,9)	Амстердам (18,1)
19	Сидней (9,9)	Мадрид (16,8)
20	Амстердам (9,4)	Сидней (15)

Примечание. Расчеты автора на основе: [3].

Однако эти, на первый взгляд, внушительные результаты в действительности отражали движение не по восходящей, а по нисходящей траектории.

На протяжении уже ряда десятилетий в банковскую систему США были встроены мощные механизмы, которые в различных контекстах могли рассматриваться и как дополнительное основание ее силы, и как источник относительной слабости. Почти полный запрет для обычных коммерческих банков выходить на фондовый рынок, а также строгий контроль над уровнем депозитных ставок – решения, послужившие в свое время ответом на тяжелейший кризис 1929–1933 гг., – явно снижали вероятность новых потрясений. Но эти же «правила игры» во многом подрывали конкурентоспособность американских банков на международной арене. Корпорации из некоторых других стран, не сталкивавшиеся в своем национальном законодательстве со столь же жесткими ограничениями, с конца 1950-х гг. стали развивать рынок «евродолларов» – кредитов, депозитов и иных финансовых инструментов, номинированных в валюте США, но выпускавшихся в Западной Европе или Азии. Таким образом, финансовые центры, расположенные на других континентах, получали важное стратегическое преимущество перед, например, Нью-Йорком или Сан-Франциско. Кроме этого, очень большую роль играло и такое фундаментальное обстоятельство, как длительное отставание США от ряда других стран (особенно от Японии и ФРГ) по темпам экономического роста [1. P. 220–227; 12. С. 90–91].

Даже при рассмотрении в статике показателей за 1970 г. нельзя не обратить внимание на сравнительно

небольшой разрыв между Нью-Йорком и его ближайшим преследователем в лице Токио (см. табл. 1). Но, конечно, намного более информативными являются аналогичные данные, изучаемые в развитии.

В качестве первой хронологической дистанции для мониторинга и сопоставлений уместно взять период 1970–1973 гг. (т.е. до наступления нового циклического кризиса, речь о котором пойдет позднее).

В общем плане это время было отмечено дальнейшим снижением вклада США в мировое хозяйство (с 31,5 до 27,2% [7]). Конечно, сравнительно медленное развитие экономики ослабляло национальную валюту. В августе 1971 г., на фоне таявших государственных резервов, президент Р. Никсон был вынужден объявить о прекращении конвертации доллара в золото по неизменному, продержавшемуся более 20 лет, курсу [15. 59–60, 74]. Затем рухнула и вторая из опор Бреттон-Вудской системы – привязка других ведущих валют к доллару. С приходом свободного рынка котировки японской иены, западногерманской марки и некоторых других денежных единиц, за которыми стояли мощные и динамичные национальные хозяйства, решительно двинулись вверх.

Девальвация доллара, в свою очередь, придала новый импульс ранее наметившимся тенденциям, причем именно в кредитном секторе относительное ослабление Америки было особенно заметным. Хотя суммарные активы нью-йоркского банковского кластера по итогам периода 1970–1973 гг. увеличились в 1,4 раза, Токио отличился более чем двукратным приростом аналогичного показателя. В абсолютных числах это означало, что в 1973 г. Токио с активами 154 млрд долл. впервые оказался выше Нью-Йорка (146 млрд) (см. табл. 1). (Необходимо отметить, что все подобные результаты, вслед за исходными данными в журнале The Banker, приводятся в текущих ценах. При таком способе расчетов девальвация доллара тоже вносит свой вклад в очень высокие темпы роста у различных городов, но, конечно, не препятствует проведению корректных сопоставлений в рамках единой шкалы для каждой хронологической точки. Добавим также, что в табл. 1 и 2 представлена лишь небольшая часть полученных результатов; полные расчеты проводились по всему кругу городов и с шагом в один год.)

Итак, статистика 1973 г. зафиксировала, несомненно, очень важное и достаточно редкое событие. Предыдущая передача лидерства (от Лондона Нью-Йорку) произошла, насколько можно судить по довольно ограниченным данным, на четыре или даже пять десятилетий раньше, а до следующего подобного транзита (который предстоит упомянуть позднее) оставалось более 30 лет.

Подъем Токио на такую высоту стал результатом длительных исторических процессов, истоки которых относились еще к «эпохе Мэйдзи». В 1872 г., почти в самом начале прорыва Японии в современность, было принято национальное банковское законодательство, которое опиралось главным образом на американские юридические образцы. Вскоре на Японских островах стали появляться первые кредитные корпорации [16. P. 22–23, 135, 152]. По совпадению от этих событий до превращения Токио в крупнейший банковский центр мира прошло ровно 100 лет. Но, конечно, основную роль играл другой фактор, более близкий в хронологическом отношении, а именно «японское экономическое чудо», начавшееся со второй половины 1950-х гг. Если на заре XX в. предшествующий рывок всей экономики Соединенных Штатов способствовал финансовому возвышению Нью-Йорка, то теперь такая же последовательность событий повторилась в случае с Японией и Токио [1. P. 238].

Флагманом токийского банковского сообщества на данном этапе был Dai-Ichi Kangyo Bank, возникший в 1971 г. в результате слияния Dai-Ichi Bank и Nippon Kangyo Bank. Представители обеих сторон, участвовавших в альянсе, подчеркивали, что новая группа создается для более успешной конкуренции с иностранными (особенно американскими) финансовыми силами, расширявшими свой бизнес в Японии [9. 1973. 1 Oct.]. Правда, в «индивидуальном зачете» Dai-Ichi Kangyo все равно уступал по объему активов самым большим банкам США и Западной Европы, но за ним тянулась очень внушительная группа сопоставимых по величине корпораций (Fuji Bank, Mitsubishi Bank, Industrial Bank of Japan, Mitsui Bank и др.). К тому же на близком уровне находились показатели у Sumitomo Bank, Sanwa Bank и Daiwa Bank в Осаке, что обеспечивало и этому японскому городу присутствие в первой глобальной десятке (см. табл. 1).

Вместе с тем банковская система Японии в начале 1970-х гг. отличалась большим своеобразием и даже некоторой архаичностью. В стране, например, действовали серьезные ограничения на конвертацию иены в другие валюты (и обратно), жестко регламентировалась деятельность иностранных кредитных компаний и т.д. [17. С. 139–143]. О далеко не полной интеграции Японии в транснациональные финансовые рынки свидетельствовал и тот факт, что Токио заметно отставал от Лондона и Нью-Йорка по количеству представленных там зарубежных банков [18. P. 75]. На внутреннем рынке правительство, стремясь стимулировать экспортную промышленность, нередко задавало желаемое направление кредитных потоков; также использовалась «система конвоев» – практика, при которой обеспечивался рост банков с примерно одинаковыми скоростями [16. P. 276]. С последним обстоятельством, несомненно, было связано упоминавшееся наличие очень большой группы банков, имевших близкие показатели.

Но все же Токио и некоторые другие города Японии все более уверенно заявляли о себе как о мощных банковских центрах. При всех особенностях местных финансовых правил выдающиеся промышленные достижения в любом случае могли стать отличной основой для впечатляющего продвижения и на финансовом поле. По неполной, но четко просматривающейся аналогии с банковскими успехами традиционных индустриальных центров США, рассмотренными в одной из работ автора [19], в 1973 г. период преобладания Токио в мировой кредитно-финансовой системе еще только начинался.

Еще одной страной с огромным объемом экономики, хорошими темпами роста и, соответственно, с от-

личными перспективами в банковской сфере являлась тогда ФРГ. Здесь также не обошлось без исторического влияния американцев. «Столицей» их оккупационной зоны в послевоенной Германии был Франкфурт-на-Майне, где разместилось центральное кредитно-финансовое учреждение формирующейся страны – Банк немецких земель, позднее ставший основой для Бундесбанка. Этот очень важный не только для Германии, но и для всей Западной Европы институт в значительной мере строился по образцу Федеральной резервной системы (ФРС) Соединенных Штатов [1. P. 216; 20. P. 151].

Завершившееся в 1957 г. оформление Бундесбанка сделало Франкфурт очень привлекательным и для частных финансовых структур. Именно тогда, окончательно уйдя от послевоенной фрагментированности германского банковского дела, успешно закончили свою повторную консолидацию и зарегистрировались во Франкфурте два исторических гиганта – Deutsche Bank и Dresdner Bank [1. P. 217]. Дальнейшему подъему этих и других финансовых домов Франкфурта способствовали такие факторы, как «немецкое экономическое чудо» второй половины 1950-х – 1960-х гг. и усиление дойчмарки в условиях кризиса Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х гг. За период 1970–1973 гг. активы франкфуртских банков увеличились в 2,6 раза, что превосходило даже динамику Токио. Поднявшись в 1973 г. на пятое место в мире (см. табл. 1), Франкфурт сохранял отличный потенциал для дальнейшего роста – как минимум по той причине, что на берега Майна постепенно переводил свою администрацию очень крупный Commerzbank пока еще располагавшийся в Дюссельдорфе. (Пресса, несколько опережая события, уже тогда начинала относить Commerzbank к Франкфурту (см., напр.: [9. 1973. 6 Aug.].) Наконец, Франкфурт со временем становился очень крупной и фактически единственной в Германии точкой активного притяжения иностранных банков [18. P. 75; 21. C. 83].

Впрочем, в том, что касалось распределения именно внутренних банковских сил, ФРГ по-прежнему отличалась некоторой децентрализацией. Дюссельдорф и Мюнхен, существенно отставая от Франкфурта, все же являлись большими финансовыми узлами и были достаточно заметны на глобальной арене (см. табл. 1).

Некоторые другие страны европейского континента, хотя и уступавшие Западной Германии по объему ВВП, также обладали мощными банковскими метрополиями.

Очень любопытным представляется случай Лондона: при медленном росте национальной экономики и слабости фунта столица Соединенного Королевства обладала огромным историческим достоянием в виде Barclays Bank, Midland Bank, National Westminster Bank (до 1968 г. – Westminster Bank и National Provincial Bank) и ряда других корпораций с их давно накопленным финансовым, кадровым и репутационным багажом. Со второй половины 1950-х гг. к названным обстоятельствам, которые помогали поддерживать высокий банковский ранг Лондона, добавилось еще одно – ведущая роль этого города на рынке «евродолларов» [1. P. 220].

За Лондоном, находившимся в начале 1970-х гг. на третьем месте в мире, тянулся Париж, в котором уже много десятилетий было сконцентрировано управление почти всем банковским бизнесом Франции [22. P. 19–23].

Привлекает внимание и феномен Брюсселя, поднявшегося за рассматриваемый период с 21-й на 13-ю позицию (см. табл. 1). Для успехов бельгийской столицы была важна не только стабильная работа местных финансовых групп (Societe Generale de Banque и др.), но и политические факторы. Кризис Бреттон-Вудской системы заставил страны Европейского экономического сообщества (ЕЭС) запустить процесс региональной валютной интеграции. Брюссель, в котором располагалась основная штаб-квартира ЕЭС, получил в этих условиях дополнительные конкурентные преимущества (особенно после территориального расширения Сообщества в 1973 г.). Один из наиболее авторитетных аналитиков того времени, американский экономист и историк Ч. Киндлбергер, говорил о том, что у Брюсселя есть шанс превратиться в важнейший финансовый перекресток всей Западной Европы [22. P. 70–71].

Таким образом, на рассмотренном интервале 1970–1973 гг. постепенное отступление Нью-Йорка и других американских городов с привычных позиций в банковской сфере сопровождалось подъемом конкурентов на противоположных от США берегах и Тихого, и Атлантического океана.

Между тем в октябре 1973 г. мировая экономика столкнулась с новым вызовом, истоки которого на этот раз находились в политической сфере. Одним из последствий очередной войны на Ближнем Востоке стало решение арабских государств прекратить поставки нефти в США и другие страны, поддержавшие в том конфликте Израиль. Хотя уже в марте 1974 г. нефтяное эмбарго было отменено, его прямые и косвенные последствия (мировой экономический кризис 1973–1975 гг., наступление эпохи дорогих энергоносителей, усиление инфляции и т.д.) оказались не такими краткосрочными.

Особенно сильный удар кризис середины 1970-х гг. нанес по Японии, которая (в отличие, например, от Великобритании и США) фактически не имела возможности для наращивания собственной добычи нефти и других видов энергетического сырья. Долевой вклад Японии в мировую экономику, который – после многолетнего и очень быстрого роста – в 1973 г. достиг рекордной отметки 8,2%, в 1975 г. снизился до 7,9% [7]. Некоторое торможение (в относительных величинах) наблюдалось и в банковском секторе: Токио в целом уверенно держался во главе мировой иерархии, но по скорости увеличения показателей (в 1,52 раза) он на данном этапе не имел большого преимущества перед Нью-Йорком (1,44 раза) (табл. 1, 2).

Разнонаправленные тенденции наблюдались тогда же в Западной Европе. В кризисном 1974 г. регион пережил несколько громких банкротств [23], однако речь шла об относительно небольших финансовых корпорациях, крушение которых не могло существенным образом повлиять на расстановку ведущих деловых центров. Лондон, Париж и Франкфурт, несмотря на заметные

экономические сбои в их странах (что особенно ярко проявлялось в Великобритании), по-прежнему сохраняли свои очень высокие позиции. Вопреки недавним ожиданиям довольно медленно на этапе 1974–1975 гг. рос Брюссель, зато по соседству наблюдался мощный рывок Амстердама (Algemene Bank Nederaland, Amsterdam Rotterdam Bank и др.) (см. табл. 1, 2). В последнем случае просматривалась связь с общим состоянием экономики Нидерландов: данная страна, экспортируя газ со своих месторождений и играя важную роль в посреднической торговле нефтью, извлекала определенные плюсы из новой ситуации на рынке энергоносителей.

Таблица 2

Крупнейшие банковские центры мира и активы местных кредитных корпораций (млрд долл., в текущих ценах) в 1975 и 1980 гг.

Место	1975	1980
1	Токио (234,7)	Токио (755,8)
2	Нью-Йорк (209,4)	Париж (527,4)
3	Лондон (147,1)	Нью-Йорк (352,8)
4	Париж (134)	Франкфурт (278,9)
5	Франкфурт (113,2)	Лондон (257,4)
6	Сан-Франциско (83,7)	Мюнхен (142,6)
7	Осака (74,4)	Сан-Франциско (139,6)
8	Милан (59,9)	Брюссель (136,8)
9	Рим (50,7)	Дюссельдорф (131)
10	Чикаго (46,1)	Торонто (129,3)
11	Дюссельдорф (45,1)	Милан (128,9)
12	Монреаль (44,6)	Амстердам (120,3)
13	Мюнхен (43)	Рим (111,6)
14	Лос-Анджелес (37,1)	Цюрих (88,4)
15	Амстердам (36,7)	Осака (87,7)
16	Брюссель (35,2)	Мадрид (85,5)
17	Цюрих (34)	Чикаго (75,8)
18	Торонто (30,1)	Стокгольм (62,9)
19	Мадрид (27,9)	Вена (61,8)
20	Стокгольм (26,7)	Лос-Анджелес (53,7)

Примечание. Расчеты автора на основе: [3, 4].

В целом, рассматривая кризис 1973–1975 гг. с позиций расширенной исторической перспективы, надо заметить, что он внес лишь умеренные поправки в географию мировой банковской системы (и это, конечно, не выглядит удивительным для столь короткой хронологической дистанции). Другое дело, что экономические неурядицы середины десятилетия стали очень важным импульсом для ряда реформ, затрагивающих изучаемую отрасль.

Попробуем теперь более подробно проанализировать события второй половины 1970-х гг., ориентируясь на уже привычную географическую последовательность (США – Восточная Азия – Западная Европа) и добавляя к этой панораме некоторые новые штрихи.

В Соединенных Штатах рецессия 1973–1975 гг. сопровождалось рядом неординарных событий (таких как окончательный уход американской армии из Вьетнама, Уотергейтское дело и вынужденная отставка президента Р. Никсона), но особенно большое значение в русле рассматриваемой тематики имел бюджетный кризис 1975 г. в Нью-Йорке. Там к названному моменту уже в полной мере проявился накопленный эффект от давно начавшегося процесса – миграции населения в пригороды, лишавшей муниципалитет значительной части налоговых поступлений. Решение было найдено через договоренность с крупнейшими банками, которые согласились рефинансировать долги нью-йоркской мэрии, но при условии сокращения расходов и приватизации ряда городских служб. Эти события стали прологом к общему дерегулированию национальной экономики, которому предстояло развернуться на несколько лет позже [24. P. 44–48]. Также в 1975 г. была проведена реформа Нью-Йоркской фондовой биржи, направленная на усиление механизмов свободной конкуренции [1. P. 238].

Более того, во второй половине 1970-х гг. относительные неудачи банков США на мировой арене стали одним из тех факторов, которые заставили американский истеблишмент задуматься о необходимости перемен непосредственно в кредитном секторе. На этом этапе наметился некоторый прогресс в преодолении самой архаичной особенности национальной банковской системы – запрета для корпораций создавать филиалы за пределами своих штатов (а иногда даже и городов). Впрочем, продвижение пока что было минимальным; основные события в этой сфере произошли только в 1980–1990-е гг. [12. С. 93, 119–128, 190–192].

При таких обстоятельствах финансовым гигантам Америки никак не удавалось набрать высокую скорость. За период 1975–1980 гг. активы банков Нью-Йорка, Сан-Франциско и Чикаго выросли примерно в 1,7 раза, что с учетом сильной инфляции тех лет представлялось сравнительно небольшой величиной. С 1979 г. Нью-Йорк в мировой иерархии стал проигрывать не только Токио, но и Парижу, а уже с 1980 г. отставание от французской столицы казалось практически непреодолимым (см. табл. 2). Еще хуже ситуация выглядела при сравнении с японскими конкурентами. Всего за семь лет Токио прошел путь от примерного паритета до двукратного превосходства над Нью-Йорком (см. табл. 1, 2). Изменилась картина и на уровне стран: если еще с 1973 г., как неоднократно упоминалось, Токио находился выше Нью-Йорка, то в 1979 г. и коллективный результат японских городов,

вошедших тогда в рейтинг The Banker, впервые оказался выше аналогичного суммарного результата городов США. Все отмеченные изменения сочетались с заметным сокращением доли Соединенных Штатов в глобальной экономике (с 25,4% в 1975 г. до 23,2% в 1980 г. [7]).

Тем временем важные перемены происходили и в самой Японии. Кризис 1973–1975 гг. потребовал серьезной корректировки той экономической модели, которая обеспечивала превосходные результаты на протяжении первых послевоенных десятилетий, но теперь выглядела несколько устаревшей. В частности, большой дефицит госбюджета, закономерно возникший при высоких ценах на импортируемую страной нефть, заставил правительство расширить выпуск облигаций, что, в свою очередь, придало мощный импульс токийскому фондовому рынку (частично заменившему привычные банковские кредиты для «своих» промышленных групп). Не менее важной тенденцией стало постепенное снятие барьеров для конвертации иены и трансграничного движения капиталов [1. P. 240; 17. С. 143]. Японские банки все активнее работали за рубежом, одним из приоритетных направлений их деятельности являлось Тихоокеанское побережье США [17. С. 146–147]. Окончательное выдвижение японского капитала за пределы своей страны становилось настолько уверенным, что позднее, в 1980-е гг., именно он обеспечил возможность для одного из крупнейших банковских слияний даже на внутреннем американском рынке [11. P. 152]. Развивался и обратный вектор: по такому показателю, как присутствие ведущих иностранных банков, Токио к концу 1970-х гг. оказался выше Лондона и вплотную приблизился к Нью-Йорку [18. P. 75; 25. P. 50].

Таким образом, некоторое замедление роста, которое японский кредитный сектор демонстрировал в 1974–1975 гг., со временем стало выглядеть как короткая корректирующая пауза перед новым (и иным по его качественным параметрам) взлетом. На пороге следующего десятилетия деловые кварталы токийского района Тиёда не только превосходили нью-йоркский Манхеттен по объему контролируемых банковских активов, но и успешно конкурировали с ним по степени интернационализации бизнеса.

Наконец, различные ситуации, напоминавшие японский прорыв, стали воспроизводиться и в других частях Восточной Азии. Параллельно с Токио (а в чем-то даже опережая его по хронологии восхождения еще в прошлые десятилетия) поднимались к финансовым вершинам Гонконг и Сингапур [1. P. 238, 275]. Однако более близким аналогом – хотя бы из-за объема и структуры национальной экономики – выглядела Южная Корея. «Чудо на реке Ханган», как нередко называли начавшийся с 1960-х гг. индустриальный взлет данной страны, напоминало японскую историю успеха по таким исходным компонентам, как дешевая рабочая сила, иностранные инвестиции, ориентация на экспорт, прямое и активное участие государства в модернизационных процессах. Правда, Южной Корее было еще далеко даже до той частичной финансовой свободы, которой Япония обладала во второй половине 1970-х гг. Но все же Korea Exchange Bank, Commercial Bank of Korea, Bank of Seoul и другие подобные госкорпорации показывали вместе со всей страной поразительную динамику. Подъем Сеула за период 1970–1980 гг. с 62-го на 29-е место в мировом рейтинге стал, несомненно, одним из самых феноменальных достижений, фиксируемых на основе статистики The Banker. Более того, к 1980 г. еще один «азиатский тигр» нового поколения – Тайвань во главе с его столицей Тайбэем – тоже стал просматриваться в качестве кредитно-финансового центра со значительным потенциалом.

Достаточно важные изменения произошли после кризиса 1973–1975 гг. и на огромном банковском поле Европы.

Пожалуй, основным в своем регионе неудачником выглядел на данном этапе Лондон. Несмотря на упоминавшийся исторический фундамент и «запас прочности», против банкиров из Сити все больше работали такие обстоятельства, как медленное развитие экономики Соединенного Королевства и слабость фунта стерлингов. Уже достаточно скоро стране предстояло обрести новую динамику (благодаря реформам правительства М. Тэтчер и началу полномасштабной добычи углеводородного сырья в Северном море), но пока что Лондон, являвшийся в свое время безусловной банковской столицей мира, продолжал терять позиции: к началу 1980-х гг. он в изучаемом рейтинге перешел с третьего на пятое место (см. табл. 2).

Совсем иная ситуация наблюдалась в Западной Германии – стране, чья экономика не только уверенно росла, но и являлась главным локомотивом для всего немалого рынка ЕЭС, и чья денежная единица играла очень большую роль в европейской валютной интеграции. (Этот объединительный процесс, что уместно в данной связи вспомнить, стал развиваться после отмены Бреттон-Вудских механизмов и вышел в 1979 г. на новый исторический рубеж – создание коллективной расчетной единицы ЭКЮ.) Франкфурт, оставаясь очевидным банковским лидером в своей стране, поднялся с пятой на четвертую строку в глобальной таблице. К тому же от относительно децентрализованной кредитной системы ФРГ в ведущую мировую десятку образца 1980 г. вошли еще два города (Мюнхен и следом за ним Дюссельдорф), обеспечивая для своего государства самое широкое представительство в этой элитной группе (см. табл. 2). Показательной была и новейшая внутригерманская рокировка: к концу 1970-х гг. высокотехнологическая экономика Баварии (во главе с Мюнхеном) по многим параметрам выглядела более успешной, чем экономика Дюссельдорфа и всей Федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия с ее непростым старопромышленным багажом, и это стратегическое преимущество Мюнхена теперь отчетливо проявлялось также и в банковской сфере.

Но все же главным триумфатором в гонке европейских кредитно-финансовых метрополий оказался на этом этапе Париж. За период 1975–1980 гг. суммарные активы огромного сообщества парижских банков увеличились в 3,9 раза, что превосходило даже отличную динамику Токио (3,2 раза). Поднявшись за такой короткий срок сразу на две ступени, столица Франции

стала крупнейшим банковским узлом в Европе и вторым, после того же Токио, во всем в мире (см. табл. 2).

Именно в Париже, что пока упоминалось лишь очень кратко, было сфокусировано почти все управление банковским бизнесом большой 53-миллионной страны. Хотя Лилль и Страсбург еще сохраняли некоторое значение в качестве региональных кредитных центров, они точно не могли рассматриваться как французские аналоги Мюнхена или Дюссельдорфа. Париж, в отличие от Франкфурта в соседней ФРГ, не оставлял другим городам шансов на хотя бы вспомогательную роль в магистральных финансовых потоках.

В центре столичного созвездия находилась четверка крупнейших корпораций (Credit Agricole, Banque Nationale de Paris, Credit Lyonnais и Societe Generale), которую удачно дополняли банки меньшего масштаба, ориентированные преимущественно на розничную работу с небогатыми клиентами или же на международные транзакции. Еще одной сильной стороной этого делового сообщества была готовность к согласованным действиям в общих интересах (особенно тогда, когда речь шла о вопросах международного уровня). Так, в 1979 г. парижские банки успешно договорились о совместном обслуживании дорожных чеков системы American Express [9. 1979. 29 Sept.]. В том же году, когда КНР под руководством Дэн Сяопина еще только начинала политику открытости и реинтеграции в мировой рынок, именно банки с берегов Сены (вновь действовавшие в скоординированном ключе) оказались самыми активными кредиторами китайской стороны [8. 1979. 30 Mars; 9. 1979. 10 May]. Деловое величие Парижа к концу 1970-х гг. можно было наблюдать и визуально. В это время на некотором отдалении от исторического центра стремительно поднимались этажи нового коммерческого района Ла-Дефанс, где параллельно с представителями других отраслей размещали свои штаб-квартиры Societe Generale и иные финансовые компании.

Особую международную роль Парижа косвенным образом иллюстрировал и тот факт, что выдающийся американский финансист Д. Рокфеллер за долгий период работы на высоких постах в нью-йоркском Chase Manhattan Bank (до 1981 г.) отправлялся в деловые поездки во Францию 41 раз – чаще, чем в любую другую страну (и, например, почти в три раза чаще, чем в Японию) [10. P. 198].

Наряду с тремя крупнейшими узлами, выстроившимися к 1980 г. в новой последовательности Париж–Франкфурт–Лондон, Европа на тот момент обладала множеством заметных банковских центров следующего уровня (см. табл. 2). В частности, продолжали уверенное движение вверх Брюссель и Амстердам (первый – после краткосрочной коррекции в середине 1970-х гг.); об экономических и политических факторах, которые стояли за успехами этих городов, уже было сказано ранее. Среди центров примерно такого же «банковского класса» вновь следует отметить Мюнхен и Дюссельдорф, которые прежде упоминались в связи с общими достижениями ФРГ.

В Южной Европе, несмотря на существенное ухудшение ранговых позиций по итогам десятилетия, наиболее значительную роль продолжали играть города Италии. Эта страна, подобно Западной Германии, сохраняла исторически сложившуюся децентрализацию банковского дела. В результате в верхней части мирового рейтинга находилось два примерно равных конкурента с Апеннинского полуострова – Милан (Banca Commerciale Italiana, Credito Italiano, Cassa di Risparmio delle Provincie Lombarde) и Рим (Banca Nazionale del Lavoro, Banco di Roma).

От небольшой, но известной своей банковской специализацией Швейцарии в глобальную элиту довольно уверенно выдвигался Цюрих. Швейцарский опыт трансформации политического нейтралитета в международные финансовые успехи воспроизводили также Швеция и Австрия во главе, соответственно, со Стокгольмом и Веной. Во всех этих случаях новым благоприятным фактором стала разрядка 1970-х гг., позволявшая извлекать выгоду из коммерческого посредничества между остальным западным миром и странами социалистического блока.

Наконец, политическое измерение банковского бизнеса заставляет присмотреться к еще одной европейской стране, которая, не попадая в «высшую лигу», была, однако, примечательной в другом отношении. Речь идет о Югославии – единственном на тот момент государстве социалистического лагеря, которое обладало, хотя и с большими оговорками, рыночной экономикой, конвертируемой валютой и децентрализованной кредитной системой. В разные годы среди 300 крупнейших банков мира оказывалось от четырех до семи компаний из Белграда и других югославских городов (исключительно из административных центров союзных республик или автономных краев СФРЮ). Лучшие ранговые позиции Белграда – 34-е место в 1970–1971 гг. и 37-е место в 1980 г. – вряд ли можно было назвать впечатляющими, но все же это были достойные результаты для столицы сравнительно небольшой (и зависевшей от нефтяного импорта) страны. Однако еще важнее было то, что Югославия с ее передовой во многих отношениях банковской отраслью прокладывала путь для других государств позднесоциалистического и постсоциалистического мира, которым предстояло осуществить глубокие финансовые реформы и войти в международные рейтинги в 1980–1990-е гг.

В целом, если еще раз оглянуться на рассмотренное банковское пространство Европы от Лондона до Белграда, нельзя не отметить очень высокую и неуклонно возраставшую плотность деловых метрополий именно в этой части света. В 1970 г. среди первой мировой двадцатки было представлено девять европейских городов, в 1973 г. их насчитывалось уже 11, в 1975 г. – 12, а в 1980 г. – 13 (см. табл. 1, 2). Более того, рядом с ними имелся немалый резерв в виде других заметных центров кредитной активности как в странах Европейского экономического сообщества, так и за его пределами.

Наконец, изучение глобальной банковской панорамы конца 1970-х гг. было бы неполным без переноса внимания с трех территориальных ориентиров (США, Восточная Азия, Европа) на один, но зато особенно важный отраслевой фактор, – феноменальное подоро-

жание нефти и природного газа. Ранее отмеченный «первый нефтяной шок» 1973–1974 гг., а и затем «второй нефтяной шок» 1979–1980 гг. (связанный с Исламской революцией в Иране и началом ирано-иракской войны) привели к невиданному обогащению экспортеров углеводородного сырья. За этим обстоятельством последовала знаменитая практика «переработки нефтедолларов» (recycling of petrodollars): получатели новейших сверхприбылей вкладывали свободные средства в ведущие банки США и Европы, а те, в свою очередь, расширяли кредитование ряда стран (чаще всего в Латинской Америке), которые пострадали от подорожания энергетического сырья [1. P. 236–237].

Кроме этого, достаточно важным, хотя и не настолько масштабным, результатом «нефтяных шоков» стало быстрое наращивание активов в некоторых банках, расположенных гораздо ближе к скоплениям буровых вышек и скважин.

Безусловно, самым значительным примером в этом отношении являлся в 1970-е гг. Иран. В данном случае наряду с нефтяным бумом важную роль играли большие масштабы страны и ее экономики, а также серия реформ, приводившихся тогда по инициативе шахской власти. Тегеран во времена «белой революции» представлял собой быстро развивавшийся и открытый для внешнего мира город, обладавший также значительным банковским кластером. Хотя амбиции высшего руководства страны, надеявшегося, что в будущем их столица сможет конкурировать с Лондоном и Нью-Йорком [10. P. 359], выглядели чрезмерными, Тегеран действительно продвигался на большой финансовой арене с очень высокой скоростью. За период 1975–1980 гг. активы местных банков выросли в пять с лишним раз, что почти не имело аналогов в мире. Находясь по стартовым версиям таблиц в The Banker за пределами первой сотни, к 1980 г. Тегеран дотянулся до 32-го места в мире (примерно до уровня Сеула).

Конечно, резкая смена исторического вектора в развитии страны, произошедшая после Исламской революции 1978–1979 гг., поставила под вопрос дальнейшие перспективы Тегерана как международного банковского узла. Зато к этому времени довольно заметными в рассматриваемой отрасли успели стать некоторые другие города, расположенные в нефтедобывающих странах с более стабильными режимами, например Джидда в Саудовской Аравии и Абу-Даби в Объединенных Арабских Эмиратах. Словом, уже в первые годы после своего появления фактор дорогой нефти начал вносить существенные поправки в привычную картину мировой финансовой географии.

Теперь, после рассмотрения наиболее значительных сдвигов, произошедших непосредственно в 1970-е гг., для подведения итогов следует обратиться к основной концептуальной линии данной статьи – вопросу о том, какие тенденции, заданные этим ярким десятилетием, оказались особенно устойчивыми и сохранили свое значение до настоящего момента. Комплекс данных, охватывающих длительный исторический интервал 1970–2020 гг., позволяет говорить о пяти магистральных векторах в развитии мировой кредитно-финансовой системы и ее пространственных характеристик.

1. Более высокие темпы расширения банковского бизнеса по сравнению с темпами роста мирового хозяйства в целом.

Этот вопрос, выходящий за рамки географического анализа, не рассматривался на предыдущих страницах. Зато сейчас уместно отойти от территориальной дифференциации и подчеркнуть, что в 1970 г. три сотни крупнейших банков мира управляли активами на общую сумму 841 млрд долл., тогда как глобальный ВВП составлял 3,4 трлн долл. [3, 7]. Поскольку и данные The Banker по активам, и сводки Статистического отдела ООН, отражающие общие масштабы мировой экономики, приводятся на основе одинаковых правил (используются рыночные курсы валют и текущие цены), у исследователей появляется возможность для корректного сравнения показателей. Таким образом, в 1970 г. активы этой элитной группы банковских корпораций составляли 24,7% от мирового ВВП. Неуклонно возрастая (даже в условиях «нефтяного шока» в середине десятилетия), это соотношение в 1980 г. достигло 42,6%.

Подъем продолжался и в дальнейшем, в результате чего в 2002 г. активы банков категории «топ-300» впервые превысили весь объем мировой экономики (более того, для 1 000 крупнейших корпораций, появившихся со временем в расширенном списке The Banker, аналогичное превышение фиксируется еще с 1996 г.). Конечно, такие результаты не должны восприниматься как абсурдные: учтем, что, например, кредиты, являющиеся очень важной частью активов, могут растягиваться на несколько лет, а ВВП включает в себя производство товаров и услуг в течение только одного года. Но в любом случае через эти цифры перед нами открывается очень быстрая рыночная экспансия банков, которая надежно наблюдалась именно с 1970-х гг. и почти непрерывно продолжалась до кризиса 2008–2009 гг. Затем последовал период коррекции и частичной стабилизации, – однако на таких уровнях, которые, как и прежде, далеко превышают мировой ВВП.

2. Относительное ослабление позиций Нью-Йорка и других городов США.

Как уже отмечалось, Нью-Йорк потерял лидерство среди мировых банковских центров в 1973 г., а еще через шесть лет и Соединенные Штаты в целом, несмотря на внушительный резерв в лице Сан-Франциско, Чикаго и множества иных городов, лишились верхней строки в аналогичном рейтинге для стран. Подобное отступление продолжалось до середины 1990-х гг., затем наметился осторожный и неполный разворот тенденции. Конечно, то, что началось в 1970-е гг., нельзя в полной мере назвать банковским «закатом Америки». США, особенно после некоторой корректировки за последние 20–25 лет, остаются одной из ведущих сил в изучаемой отрасли. Но в любом случае речь уже не может идти о восстановлении первенства – по крайней мере в обозримой перспективе. Современная доля США в банковском бизнесе значительно меньше, чем была полвека назад; кроме этого, их нынешний вклад в суммарные показатели отрасли уступает вкладу в мировой ВВП. (Последнее обстоя-

тельство, впрочем, частично можно объяснить высоким уровнем развития небанковских финансовых институтов.)

3. Выход на ведущие позиции стран и городов Восточной Азии.

Произошедшая в 1973 г. смена Нью-Йорка на Токио в качестве крупнейшего узла мировой банковской системы стала вполне закономерным результатом «японского экономического чуда», продолжавшегося к этому времени более 15 лет. Токио очень уверенно наращивал отрыв до начала 1990-х гг.; за своей столицей тянулись Осака и некоторые другие города. Японское доминирование на банковской арене, хотя и не в такой степени, сохранялось даже после того, как с 1990-х гг. страна вошла в затяжной период экономических неудач. Лишь в 2005 г. Токио отдал место во главе мировой иерархии следующему мегацентру – Парижу. Впрочем, и это событие вовсе не свидетельствовало об отступлении восточноазиатских акторов: во-первых, Япония в любом случае осталась большой финансовой величиной; во-вторых,и это было еще важнее, сравнительно недалеко, за Корейским проливом и Желтым морем, набирал ход новейший феномен – колоссальная банковская система Китайской Народной Республики. Частично воспроизводя токийскую траекторию 40-летней давности, Пекин поднялся на мировую банковскую вершину в 2012 г. и остается там к настоящему моменту. До уровня очень крупных кредитно-финансовых центров выросли и такие представители КНР, как Шанхай и Шэньчжэнь. Если также учесть уверенное пребывание в мировой лидирующей группе Сеула, Тайбэя и некоторых других городов, начинавших свое восхождение в далекие 1970-е гг., то можно определенно констатировать коллективный успех Восточной Азии – огромного и динамичного региона, где имеются достаточные резервы для рокировок и выдвижения вперед новых центров в случае относительных неудач их предшественников.

4. Сохранение большого банковского веса Европы, а также острого соперничества между европейскими банковскими центрами.

Несмотря на мощное наступление географически отдаленных конкурентов (США в начале и середине XX в. и Восточной Азии в последующие десятилетия), Европа, которая является исторической колыбелью банковского дела в его современном понимании, попрежнему остается важным участником «большой игры». В данной части света не было чего-либо, близкого по размаху и динамике к японским или китайским прорывам (соответственно, 1970–1980-х и 2000–2010-х гг.), а также к общему подъему тихоокеанских стран, о котором было сказано ранее. Но при этом к 1970 г. сумма активов у всех банковских корпораций Европы была больше, чем аналогичная сумма у всех корпораций из США или из Восточной Азии. Подобное преимущество европейской стороны, даже с поправкой на очень серьезное отступление после кризиса 2008–2009 гг., сохранялось на протяжении почти всего последующего периода наблюдений. Европа, особенно в ее западной части, отличается высокой концентрацией сильных банковских узлов на сравнительно небольшой территории и острой конкуренцией между ними. Правда, с 1976 г. неизменное европейское лидерство сохраняется за Парижем; этот же город в период 2005–2011 гг. (т.е. после отступления Токио и до восхождения Пекина) занимал первое место и на глобальном уровне. Такая ситуация обеспечивается давней ролью Парижа как консолидатора практически всех банковских сил Франции, а с относительно недавнего времени – их активной экспансией на едином экономическом пространстве Евросоюза. Однако в данном случае постоянное лидерство неравнозначно полному доминированию: в пределах нескольких сотен километров от Парижа находятся его серьезные конкуренты в лице Лондона, Франкфурта, Цюриха, Амстердама и ряда других городов. Огромное внутреннее разнообразие Европы остается, в том числе и в банковских вопросах, одним из традиционных источников ее коллективного успеха.

5. Усиление банковских позиций ряда стран, являющихся крупными экспортерами углеводородного сырья. «Нефтяные шоки» 1973–1974 и 1979–1980 гг. существенно изменили последующую экономическую географию мира, затронув, конечно, и кредитный сектор. Наблюдавшееся в 1970-е гг. возвышение Ирана и его столицы стало лишь первым – и не самым устойчивым – примером такого рода. Последующий период был довольно неудачным для международной банковской роли Тегерана, чему способствовали многочисленные политические причины. Зато хорошо заметными на кредитно-финансовом пространстве стали к настоящему времени города Малайзии (Куала-Лумпур), ОАЭ (Абу-Даби и Дубай), Саудовской Аравии (Эр-Рияд и отчасти Джидда) и некоторых других стран. Сюда же можно отнести и Москву, чей значительный (со второй половины 2000-х гг.) банковский вес во многом связан с огромным нефтегазовым экспортом из России. Надо заметить, что даже самые большие успехи городов из рассматриваемой группы обеспечивают им подъем лишь до 30-х (и в очень редких случаях до 20-х) мест в мировой иерархии. Однако и этот результат выглядит вполне достойным для тех центров, чья отраслевая роль несколько десятилетий назад была крайне незначительной или же по большей части находилась за пределами рыночных финансовых процессов.

Конечно, в очень динамичной мировой экономике XXI столетия и тем более в ее финансовых сегментах могут происходить неожиданные сдвиги и стремительные развороты. Но в любом случае к настоящему моменту на мировом банковском поле, хотя и с оговорками, сохраняттся пять рассмотренных магистральных линий, основы которых были в немалой степени заложены еще в 1970-е гг.

Список источников

1. Cassis Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005. New York : Cambridge University Press, 2006. 400 p.
2. Kynaston D. City of London: the History. London : Vintage Books, 2012. 704 p.

3. The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979. URL: https://www.thebanker.com
4. The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1988. URL: https://www.thebanker.com
5. The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2020. URL: https://www.thebanker.com
6. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. All-Banks Statistics, United States. URL: https://www.fraser.stlouisfed.org/data/#!21:title:39
7. United Nations Statistical Division (UNSD). National Accounts Main Aggregates Database. URL: http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp
8. Le Monde. 1979.
9. New York Times. 1971, 1973, 1979.
10. Rockefeller D. Memoirs. New York : Random House, 2003. 532 p.
11. Seidman L.W. Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas. Washington DC : Beard Books, 2000. 315 p.
12. Никитин Л.В. Продолжение Уолл-стрит: Нью-Йорк и другие банковские столицы США на рубеже XX–XXI веков. Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. 545 с.
13. Maddison Project Database 2020 // Groningen Growth and Development Center. URL: https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020
14. James M., James B.R. The Story of Bank of America: Biography of a Bank. Washington DC : Beard Books, 2002. 566 p.
15. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2011. 224 p.
16. Grossman R.S. Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2010. 408 p.
17. Матюхин Г.Г. Мировые финансовые центры. М. : Междунар. отношения, 1979. 216 с.
18. Schenk C.R. International Financial Centres, 1958–1971: Competitiveness and Complementarity // European Banks and the American Challenge: Competition and Cooperation in International Banking under Bretton Woods / eds.: S. Battilossi, Y. Cassis. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 74–102.
19. Никитин Л.В. От домны к банку: развитие кредитного сектора в традиционных промышленных центрах США (1980-е – начало 2010-х гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 2 (25). С. 172–182.
20. LeBor A. Tower of Basel: The Shadowy History of the Secret Bank that Runs the World. New York : Public Affairs, 2013. 360 p.
21. Шустов Е.А. География банковской системы Германии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2015. № 3. С. 79–85.
22. Kindleberger C.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History. Princeton, NJ : Princeton University, Department of Economics, 1974. 78 p. (Princeton Studies in International Finance; № 36).
23. Schenk C.R. Summer in the City: Banking Failures of 1974 and the Development of International Banking Supervision // English Historical Review. 2014. Vol. 129, № 540. P. 1129–1156.
24. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. New York : Oxford University Press, 2005. 247 p.
25. Choi S.R., Tschoegl A.E., Yu C.M. Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1986. Vol. 122, № 1. P. 48–64.

References

1. Cassis, Y. (2006) *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*. New York: Cambridge University Press.
2. Kynaston, D. (2012) *City of London: The History*. London: Vintage Books.
3. *The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979*. [Online] Available from: https://www.thebanker.com
4. *The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1988*. [Online] Available from: https://www.thebanker.com
5. *The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2020*. [Online] Available from: https://www.thebanker.com
6. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). *Economic Data. All-Banks Statistics, United States*. [Online] Available from: https://www.fraser.stlouisfed.org/data/#!21:title:39
7. United Nations Statistical Division (UNSD). *National Accounts Main Aggregates Database*. [Online] Available from: http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp
8. *Le Monde*. (1979)
9. *New York Times*. (1971, 1973, 1979)
10. Rockefeller, D. (2003) *Memoirs*. New York: Random House.
11. Seidman, L.W. (2000) *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*. Washington DC: Beard Books.
12. Nikitin, L.V. (2019) *Prodolzhenie Uoll-strit: N'yu-York i drugie bankovskie stolitsy SShA na rubezhe XX–XXI vekov* [Extension of Wall Street: New York and other US banking capitals at the turn of the 21st century]. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian and Pedagogical University.
13. Maddison Project Database 2020. Groningen Growth and Development Center. [Online] Available from: https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020
14. James, M. & James, B.R. (2002) *The Story of Bank of America: Biography of a Bank*. Washington DC: Beard Books.
15. Eichengreen, B. (2011) *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar*. Oxford; New York: Oxford University Press.
16. Grossman, R.S. (2010) *Unsettled Account: The Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
17. Matyukhin, G.G. (1979) *Mirovye finansovye tsentry* [World financial centers]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya.
18. Schenk, C.R. (2002) International Financial Centres, 1958–1971: Competitiveness and Complementarity. In: Battilossi, S. & Cassis, Y. (eds) *European Banks and the American Challenge: Competition and Cooperation in International Banking under Bretton Woods*. Oxford: Oxford University Press. pp. 74–102.
19. Nikitin, L.V. (2014) Ot domny k banku: razvitie kreditnogo sektora v traditsionnykh promyshlennykh tsentrakh SShA (1980-e – nachalo 2010-kh gg.) [From blast furnace to bank: development of the credit sector in traditional industrial centers of the USA (1980s – early 2010s)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2(25). pp. 172–182.
20. LeBor, A. (2013) *Tower of Basel: The Shadowy History of the Secret Bank that Runs the World*. New York: Public Affairs.
21. Shustov, E.A. (2015) Geografiya bankovskoy sistemy Germanii [Geography of the German banking system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 3. pp. 79–85.
22. Kindleberger, C.P. (1974) *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*. Princeton, NJ: Princeton University, Department of Economics.
23. Schenk, C.R. (2014) Summer in the City: Banking Failures of 1974 and the Development of International Banking Supervision. *English Historical Review*. 129(540). pp. 1129–1156.
24. Harvey, D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.
25. Choi, S.R., Tschoegl, A.E. & Yu, C.M. (1986) Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 122(1). pp. 48–64.

***Сведения об авторе*:**
Никитин Леонид Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ) (Челябинск, Россия); доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) (Челябинск, Россия). E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Nikitin Leonid V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University (SUSHPU) (Chelyabinsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies of the South Ural State University (SUSU) (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2020; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 30.12.2020; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/85/15

Основные виды антисоветской пропаганды в афганском региональном вооруженном конфликте (1980–1989 гг.)

Таисья Владимировна Рабуш

Санкт-Петербургский государственный университет промышленной технологии и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, taisarabush@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные виды антисоветской пропаганды, развернутой в связи со вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан и его последующим военным вовлечением во внутреннюю гражданскую войну в Афганистане. Автор разделяет антисоветскую пропаганду в афганском региональном вооруженном конфликте на три основных направления: по территориальному принципу (выделяя три разных группы государств, проводивших антисоветскую пропаганду); по направленности пропаганды (выделяя пропаганду, направленную на мировое сообщество и население зарубежных государств, на население Афганистана, на советских граждан); по ее формам и методам. Применительно к каждому методу пропаганды приводятся конкретные примеры.
Ключевые слова: афганская война, холодная война, советские войска в Афганистане, пропаганда, советско-американские отношения

Для цитирования: Рабуш Т.В. Основные виды антисоветской пропаганды в афганском региональном вооруженном конфликте (1980–1989 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 118–125. doi: 10.17223/19988613/85/15

Original article

The main types of anti-Soviet propaganda in Afghan regional armed conflict (1980–1989)

Taisiya V. Rabush

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation, taisarabush@mail.ru

AbstractIn this article, the author explores the main types of anti-Soviet propaganda deployed in connection with the entry of a limited contingent of Soviet troops into Afghanistan and its military involvement in the internal civil war in Afghanistan in 1980-1989. The purpose of the author is to identify the main forms and methods of anti-Soviet propaganda in connection with the participation of the USSR in the Afghan conflict and to consider their effects. As the methodological basis of the article, the author applied the concept of a linear model of communication of H. Lasswell. At the beginning of the article, the author gives an overview of the few historiographies existing on the stated subject and notes that there are no special studies, either Russian, Soviet or foreign, dedicated specifically to the issue of anti-Soviet propaganda in the Afghan armed conflict of 1979 – 1989. To work on the article, the author attracted not only monographs and articles of prior scientists, but also documents (mostly of foreign origin).

The author divides anti-Soviet propaganda in the Afghan regional armed conflict into three main directions: on the territorial principle (three different groups of states conducting anti-Soviet propaganda – here, the author identifies Western countries led by the United States, Muslim states of Asia, and the propaganda of Afghan anti-government rebel groups as a separate section); by the nature of the orientation of the propaganda (the propaganda directed at the world community and the population of foreign states, aimed at the people of Afghanistan and aimed at Soviet citizens). And, finally, the third type of anti-Soviet propaganda, outlined by the author, is based on its forms and methods. The author pays most attention to this kind, singling out anti-Soviet propaganda conducted at the official level, propaganda in the media, propaganda in broadcasting, and, finally, agitation methods (for example, the distribution of leaflets). With reference to each method of propaganda, the author gives concrete examples. In addition, the author shows on the certain examples that the propaganda aspect was also contained in the UN resolutions discussing the "Afghan issue"; and in the debates in the US Congress, and so on.

In conclusion, the author points out that anti-Soviet propaganda as a whole was well-coordinated, conducted in all possible directions of information influence, and used various forms and methods that contributed to its success in the information war against USSR, which began after the Soviet invasion of Afghanistan.
Keywords: the Afghan war, the cold war, Soviet troops in Afghanistan, propaganda, Soviet-American relations, broadcasting

© Т.В. Рабуш, 2023

For citation: Rabush, T.V. (2023) The main types of anti-Soviet propaganda in Afghan regional armed conflict (1980–1989). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 118–125. doi: 10.17223/19988613/85/15

Пропаганда занимает существенное место практически во всех вооруженных конфликтах XX в., хотя, разумеется, она применялась и ранее. И региональный вооруженный конфликт в Афганистане – не исключение. Буквально с первых же недель после ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан против Советского Союза была развернута крайне разносторонняя и широкомасштабная пропаганда.

Вначале следует дать собственно определение пропаганды. В настоящее время под пропагандой преимущественно понимается деятельность, имеющая своей целью распространение идей, фактов, аргументов и тому подобного с целью воздействия на массовое сознание и формирования определенного общественного мнения, выгодного распространителям данной информации. Пропаганда нередко осуществляется посредством СМИ и даже через дипломатическую деятельность, примеры чего будут приведены в настоящей статье.

Хочется отметить, что практически все вооруженные конфликты современности неизменно сопровождают разной степени интенсивности пропагандистские «войны», и чтобы успешно противостоять современным пропагандистским усилиям, необходимо изучать опыт прошлого, – в том числе и то, какие формы и виды пропаганды применялись в прошлых конфликтах. Именно в представлении и разборе основных форм и видов антисоветской пропаганды в одном из региональных вооруженных конфликтов недавнего прошлого и состоит значимость настоящей работы. Региональный вооруженный конфликт в Афганистане с участием советских войск – хороший пример конфликта, в котором применялись самые разнообразные формы и виды пропагандистской «войны», что и будет исследовано в данной статье.

Мы рассмотрим только основные виды антисоветской пропаганды в связи с событиями в Афганистане и вокруг него. Не будет затрагиваться ни пропаганда, проводимая СССР, ни пропаганда официального Кабула – это темы для отдельного исследования. Также мы не ставим перед собой задачи проанализировать всю возможную антисоветскую пропаганду и все случаи таковой – это уместилось бы в монографию.

Основная задача настоящей статьи – разделить антисоветскую пропаганду на группы (виды) и дать краткую характеристику каждой из них, попутно приводя примеры.

В качестве методологического обоснования настоящей статьи мы использовали теорию линейной модели коммуникации, разработанную американским политологом и социологом Г. Ласуэллом еще в 1930–1940-е гг. [1]. Известно, что этот исследователь описывал модель массовой коммуникации как состоящую из пяти элементов: источника информации, информации, способа передачи информации, получателя информации и эффекта коммуникации. Используя основные постулаты этой теории, мы будем в настоящем небольшом исследовании рассматривать антисоветскую пропаганду со следующих позиций: какие акторы (в нашем исследовании под акторами подразумеваются прежде всего государства и группы государств) проводили антисоветскую пропаганду; на какие социальные группы (на какие группы государств) эта пропаганда была нацелена; наконец, каковы были способы, формы и методы проведения антисоветской пропаганды. Именно на такой методологической основе и будет базироваться статья.

Перейдем к историографии вопроса. Следует отметить, что каких-то специальных исследований, посвященных именно теме антисоветской пропаганды касательно пребывания и действий ОКСВ в Афганистане, нет – ни отечественных, ни зарубежных. Новизна работы состоит в том, что это, по сути, первое специальное исследование, посвященное именно видам и формам антисоветской пропаганды в Афганистане.

Начнем с отечественной историографии вопроса, и сначала рассмотрим работы советского периода. Необходимо отметить, что это работы преимущественно публицистического характера, монографических исследований почти нет (точнее, их совсем немного). Есть исследования, затрагивающие отдельные аспекты антисоветской пропаганды, – как правило, они посвящены какому-то крупному направлению антисоветской пропаганды в целом, а не одним только событиям в Афганистане. Например, в работе советского исследователя А.Ф. Панфилова «Радиовойна: история и современность» [2] рассматривается западная антисоветская пропаганда в радиоэфире и некоторое внимание уделяется антисоветской радиопропаганде в Афганистане; аналогичные вопросы рассматриваются в работе советского ученого В.Н. Ярошенко «Черный эфир. Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания» [3], вышедшей в серии «Империализм: события, факты, документы». Разумеется, советскую серию «Империализм: события, факты, документы» с позиций настоящего дня нельзя не упрекнуть в пристрастности и односторонности освещения, но тем не менее в работах этой серии присутствуют не только лишь одни советские пропагандистские штампы, – авторы публикаций также приводят ссылки на источники, документы, прессу, иностранные монографии и т.п., словом, в работах этой серии, несмотря на пристрастность и определенную тенденциозность, содержится и немалый фактологический материал, подкрепленный ссылками на литературу и источники. Так что для современного исследователя представляется вполне целесообразным ссылаться на работы из этой серии.

Из советских работ 1980-х гг., посвященных антисоветской зарубежной пропаганде, также можно отметить труд В.А. Артемова «Психологическая война в стратегии империализма» [4] и работы Ю. Кашлева, например статьи «Конвейер дезинформации» [5], «Информационный взрыв и информационный империализм» [6] и т.д.

Отечественный исследователь истории журналистики В.М. Кондратенко защитила диссертацию «Эволюция редакционной политики газеты “Нью-Йорк Таймс” в освещении курса США во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в отношении разрядки международной напряженности» [7], а несколько позже была издана ее монография «Под маской объективности» [8], посвященная одной из крупнейших и влиятельнейших американских газет «Нью-Йорк Таймс» как источнику информации, освещающему внешнюю политику США. В монографии есть сведения в том числе и про позицию газеты касательно ввода ОКСВ в Афганистан, а также приводятся данные об освещении на страницах газеты политики администрации США в этом конфликте. Отметим, что в первой половине 1990-х гг. американские авторы выпустили аналогичное исследование, рассматривающее освещение в «Нью-Йорк Таймс» вопросов афганского вооруженного конфликта с участием в нем СССР, но об этом речь пойдет ниже.

Также отметим диссертацию советского журналиста В.Н. Снегирева «Антисоветская кампания СМИ США в связи с событиями в Афганистане», написанную целиком на материале Афганистана [9] (журналист работал в Афганистане в период описываемых событий). В конце 1980-х гг. была издана научная работа О.А. Алякринского «Внешнеполитическая пропаганда в США в 1980-е годы (аппарат, формы, методы)» [10], в которой также содержится информация об антисоветской пропаганде (на примере США), развернутой в связи с пребыванием ОКСВ в Афганистане.

Что касается исследований постсоветского времени, то можно сказать, что очень хорошо отдельные аспекты антисоветской пропаганды в связи с событиями в Афганистане исследованы украинским историком М.Ф. Слинкиным, особенно в его работе «Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.)» [11]. Некоторые сведения об антисоветской пропаганде в афганском вооруженном конфликте можно найти и в книге Г.Г. Почепцова «Информационные войны» [12], – впрочем, данная работа носит не исследовательский, а, скорее, научно-популярный характер.

Из зарубежных исследований можно отметить, например, статью “Speaking of America: public diplomacy in our life” [13], рассматривающую в том числе вопрос о роли американского радиовещания как средства пропаганды в государствах так называемого Третьего мира, к которым авторы относили и Афганистан. Существуют интересное (хотя и небольшое) исследование “The Evil empire revisited: New-York Times coverage of the Soviet Intervention in and withdrawal from Afghanistan” об освещении афганского регионального вооруженного конфликта (с участием советских войск) в газете «Нью-Йорк Таймс» [14] и работа “Justifying Jihad: US politics, propaganda and the Afghan Mujahedeen, 1979–1989” [15], рассматривающая причины и движущие силы начала пропагандистской поддержки афганских моджахедов американской администрацией.

Тем не менее у зарубежных авторов – как и у отечественных – тоже нет отдельных исследований по антисоветской пропаганде в афганском региональном вооруженном конфликте.

Теперь кратко охарактеризуем документальную базу исследования. Прежде всего это документы Конгресса США, в которых содержатся конкретные законодательные решения (например, по усилению направленных на СССР пропагандистских мероприятий или же обсуждение каких-либо действий СССР в Афганистане в соответствующем пропагандистском ключе), – в частности, это дискуссия в Конгрессе США в 1984 г. по вопросу ведения Советским Союзом боевых действий в Афганистане, в ходе которой действия СССР представлялись в определенном негативном освещении [16]. Также очень полезен бюллетень Госдепартамента США, в котором публиковались в том числе и материалы пропагандистской направленности. Нельзя не упомянуть статьи в прессе (не только в американской, но и в прессе европейских государств, хотя в настоящей работе мы преимущественно использовали американскую прессу, так как именно США «задавали тон» всей антисоветской пропаганде в связи с событиями в Афганистане). Кроме того, крайне интересны документы афганских оппозиционных группировок, но, к сожалению, они малодоступны для исследователей. Использовались также в качестве источников документы ООН, в частности ежегодные (с 1980 г. и далее) резолюции ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», о чем подробнее будет написано далее.

Перейдем непосредственно к теме исследования. Итак, сначала разделим антисоветскую пропаганду по «государственному» признаку и посмотрим, какие же акторы проводили антисоветскую пропаганду в связи с участием СССР в афганском региональном вооруженном конфликте. Сделав это, мы, согласно теории массовой коммуникации Г. Ласуэлла, как бы ответим на вопрос «кто?» и увидим, кто является актором коммуникации.

Итак, здесь следует выделить: пропаганду, проводимую против СССР западными государствами (США и страны Западной Европы); пропаганду азиатских государств (из числа каким-либо образом имеющих интерес в афганском вооруженном конфликте); пропаганду моджахедов, т.е. афганских антиправительственных вооруженных группировок. Наиболее массированной, изощренной в средствах и методах и широкомасштабной была пропаганда западных государств, среди которых задавали тон США. Также стоит отметить пропагандистские усилия ФРГ и Великобритании, хотя в сравнении с усилиями США они были скромнее. Методы пропаганды западных государств были самыми разными: начиная от регулярных резолюций ООН, осуждающих действия СССР в Афганистане (что будет рассмотрено далее), и до направленного на население СССР и Афганистана специализированного радиовещания.

Пропаганда незападных государств была менее масштабной в сравнении с западной антисоветской пропагандой. Преимущественно ее проводили сопредельные (но и не только сопредельные) с Афганистаном исламские государства, в той или иной мере заинтересованные в продолжении афганского вооруженного конфликта – Саудовская Аравия, Иран, Египет, Паки-

стан и т.д. (прежде всего, конечно, эти вышеназванные четыре государства). Каждое из этих государств имело собственные цели, преследуемые в афганском вооруженном конфликте, и мы объединили их в группу по единственному признаку: во всех этих странах государственной религией был (и есть) ислам, и цели этих государств были так или иначе завязаны на использовании «исламского фактора» в афганских событиях. Отдельно стоит выделить антисоветскую пропаганду, проводимую в связи с событиями в Афганистане и вовлечением в них Советского Союза Китаем, но об этом направлении антисоветской пропаганды совсем мало информации.

То же самое (относительно небольшая масштабность) касается и антисоветской пропаганды моджахедов, причем у нее была еще одна отличительная особенность – эта пропаганда сравнительно редко выходила на международную арену. Пропаганда афганских повстанческих группировок была направлена преимущественно на афганцев (население Афганистана и афганских беженцев) и в меньшей степени – на личный состав ОКСВ. Этот вид пропаганды на настоящий момент является крайне малоизученным (как отдельный вид антисоветской и антиафганской пропаганды) и еще ждет своего дотошного исследователя. Из немногочисленных доступных нам образцов этого рода пропаганды хотелось бы отметить, например, работу афганского историка Абд ал-Хафиз Мансура «Панджшер в эпоху джихада», переведенную на русский язык петербургским афганистом С.Е. Григорьевым [17].

Второй способ анализа антисоветской пропаганды – по направленности ее аудитории. Выделив целевую аудиторию антисоветской пропаганды, мы в соответствии с принятой нами за методологию исследования концепцией массовой коммуникации Г. Ласуэлла ответим на вопрос «кому?» (т.е. определим адресатов пропаганды). Здесь тоже следует выделить три направления: антисоветская пропаганда, рассчитанная на мировое сообщество и население зарубежных государств (в основном европейских и североамериканских); антисоветская пропаганда, рассчитанная на афганцев; пропаганда, рассчитанная на граждан СССР, которую мы разделим еще на два вида – пропаганда, рассчитанная на население Советского Союза, и пропаганда, рассчитанная на личный состав ОКСВ, находящийся в Афганистане.

Самый большой массив – это антисоветская пропаганда, рассчитанная на мировое сообщество и население зарубежных стран, и в данном случае использовались практически все возможные виды пропагандистского воздействия. Население СССР было достаточно трудно сколько-нибудь плотно охватить антисоветской пропагандой, и вызвано это было не в последнюю очередь закрытым характером советского общества. Поэтому основной вид пропаганды, рассчитанный на советских граждан, – это зарубежные «радиоголоса». Причем усердствовали в этом вопросе отнюдь не американские радиостанции, хотя, казалось бы, именно США были наиболее заинтересованы в негативном освещении советских действий в Афганистане. Наибольшие усилия проявляли «Радио Свободная Европа» и известная британская телерадиовещательная компания «Би-Би-Си» [3. С. 190]. Также эти радиостанции вели пропаганду на территории Афганистана (антисоветскую и антиафганскую) на языках его народов.

Что же касается пропаганды, рассчитанной на личный состав ОКСВ, то здесь большой популярностью у организаторов этого пропагандистского направления пользовались листовки и «фальшивые» газеты – например, сфальсифицированные выпуски газеты «Красная Звезда», сообщающие данные о потерях личного состава (обычно завышенные), осуждении действий СССР мировым сообществом и ненависти афганцев к советским военным.

Третий выделяемый нами способ классификации антисоветской пропаганды – по методам и формам пропагандистского воздействия. Он будет рассмотрен наиболее подробно (согласно лассуэловской теории, методы и формы пропаганды – это «способ передачи информации»). Первый метод, на который хотелось бы указать особо, – это антисоветская пропаганда на официальном уровне. Сюда можно отнести ежегодные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающие к осуждению СССР (первая из них была принята уже в январе 1980 г., практически сразу после ввода ОКСВ в Афганистан), регулярные сообщения в бюллетене госдепартамента США касательно «советской оккупации Афганистана», обсуждение действий СССР в Афганистане в Конгрессе США, проведение в США специальных «дней Афганистана» и т.д.

Второй метод, который в антисоветской массированной пропаганде был одним из основных, – антисоветская пропаганда в СМИ. В данном случае, говоря о СМИ, мы прежде всего будем подразумевать прессу и телевидение (последнее в меньшей степени). Антисоветскую пропаганду средствами радиовещания стоит вынести в отдельный третий метод ввиду ее необычайной широкомасштабности (в конкретно взятом афганском вооруженном конфликте) и большого охвата аудитории. Наконец, четвертый метод – распространение листовок, фальшивых выпусков газет и прочих средств наглядной агитации, рассчитанных преимущественно на афганских беженцев, население Афганистана и личный состав ОКСВ. На население Афганистана и афганских беженцев печатные текстовые средства наглядной агитации и пропаганды были рассчитаны в меньшей степени, что объяснимо высоким уровнем неграмотности среди афганцев, особенно в сельской местности.

Остановимся подробнее на формах и методах антисоветских пропагандистских мероприятий, связанных с вводом советских войск в Афганистан и последующим участием ОКСВ в боевых действиях в Афганистане. Начнем с антисоветской пропаганды на официальном уровне (употребим именно такое выражение, оно представляется уместным).

Уже 10–14 января 1980 г. на 6-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», содержащая открытое осуждение действий СССР в Афганистане и призывы к «немедленному» выводу войск [18].

В дальнейшем аналогичные резолюции принимались ежегодно, вплоть до вывода ОКСВ из Афганистана и даже позже [19]. Разумеется, мировое сообщество было обеспокоено действиями СССР в Афганистане (который традиционно не входил в зону влияния Советского Союза, – собственно, не в последнюю очередь по этой причине ввод ОКСВ в Афганистан вызвал такую обеспокоенность мирового сообщества [20. С. 177–179]), но это объяснимое беспокойство было не единственной причиной регулярного принятия таких резолюций. Как нам представляется, одна из причин ежегодного принятия резолюций на самом высоком международном уровне – это желание привлечь внимание мирового сообщества к акциям СССР в Афганистане и спровоцировать международное осуждение его действий. Начиная с 1986 г. к резолюциям «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» прибавились также ставшие ежегодными резолюции «Вопрос о правах человека и основных свободах в Афганистане» [21]. Они были рассчитаны на привлечение внимания широкой общественности к нарушениям прав человека в Афганистане. Да, нарушения прав человека в Афганистане, осуществляемые кабульскими властями при попущении советских союзников, к сожалению, имели место, но в ряде государств, которые считались союзниками (например США), нарушения прав человека регулярно осуществлялись в не меньших масштабах – достаточно назвать хотя бы Сальвадор, Иран до событий исламской революции 1979 г., Никарагуа до Сандинистской революции 1979 г. и т.д.

Официальный периодический орган Госдепартамента США – бюллетень Госдепартамента США – начиная с 1981 г. ежегодно посвящал один из своих номеров (точнее, его часть) какой-то очередной годовщине «оккупации Афганистана советскими войсками» [22. P. 37; 23. P. 28–35]. Эти публикации были призваны воздействовать прежде всего на мнение дипломатов и руководства государств так называемого «первого мира» (согласно терминологии периода холодной войны, под «первым миром» имелись в виду капиталистические государства), поскольку сложно допустить, что большинство рядовых обывателей США и стран Западной Европы регулярно читали бюллетень Госдепартамента США. Тем не менее определенное общественное мнение со знаком «минус» о действиях СССР в Афганистане вследствие таких публикаций все же формировалось.

Вопрос об «оккупации» Афганистана советскими войсками регулярно поднимался в Конгрессе США [16, 24], принимались соответствующие резолюции, осуждающие действия СССР в Афганистане и декларирующие поддержку США афганскому народу в его борьбе «за самоопределение» и право выбирать свой собственный путь. Здесь же стоит отметить, что с марта 1982 г. президентом США Р. Рейганом была введена практика проведения ежегодных «дней Афганистана» [25], в ходе которых проходили мероприятия, должные продемонстрировать поддержку представителями «свободного мира» афганских «борцов за свободу», – сбор финансовых средств для оказания помощи афганским моджахедам и беженцам, показ фильмов, посвященных борьбе афганских повстанцев против правительственных и советских войск, выпуск информационных сообщений и т.д. Эти «дни Афганистана» не столько позволяли оказать помощь афганским беженцам и антиправительственным повстанческим группировкам, сколько являлись пропагандистскими мероприятиями, направленными на широкую аудиторию внутри США и за их пределами.

Перейдем к антисоветской пропаганде в СМИ. Прежде всего это многочисленные статьи (в том числе и научные публикации), содержащие осуждение деятельности советских войск в Афганистане (как ее отдельных аспектов, так и в целом самого факта нахождения в Афганистане советских войск). Особенно усердствовала пресса в США, хотя и пресса других задействованных в афганском вооруженном конфликте государств тоже вносила свою лепту. Так, по подсчетам отечественного исследователя американской прессы В.М. Кондратенко, за один только 1980 г. в крупнейшей газете США «Нью-Йорк Таймс» событиям в Афганистане было посвящено 143 публикации [8]. Авторы работы “The Evil empire revisited: New-York Times coverage of the Soviet Intervention in and withdrawal from Afghanistan” отмечают, что наибольшее количество упоминаний афганских событий в газете «Нью-Йорк Таймс» приходится на 1980 г. [14. P. 650]. Со временем, конечно, в прессе США и других государств тема Афганистана несколько отошла на задний план, так как в мире происходили другие острые и притягивающие внимание общественности события, и конечно же, в 1985 г. она привлекала не столько внимания, как в 1980 г., но тем не менее «афганская» тема в зарубежных (и особенно американских) СМИ не исчезала с повестки дня вплоть до самого вывода советских войск из Афганистана.

Какие же темы были преобладающими в зарубежной прессе в связи с пребыванием и действиями СССР в Афганистане?

Во-первых, активно муссировалась тема о «превращении» Афганистана в «16-ю республику», в «колонию» СССР и т.п. Во-вторых, с первых же дней ввода ОКСВ в Афганистан активно обсуждался вопрос стремления СССР к «теплым морям» (в данном случае имелись в виду в первую очередь Индийский океан и нефтеносный Персидский залив) и последующего «продвижения на юг» [26, 27]. В-третьих, популярной была тема боевых действий советских войск в Афганистане, особенно вопросы «военных преступлений» против афганского мирного населения, применения советскими войсками химического оружия и т.п.

Кроме того, западные журналисты (преимущественно представители США, Франции и Великобритании) снимали документальные фильмы, посвященные действиям афганских антиправительственных группировок против афганских и советских войск, изображая в этих кинематографических произведениях афганских мятежников как «борцов с неверными» и за «правое дело» свободы [10. С. 102; 28. С. 104].

Отдельно следует рассмотреть антисоветскую радиопропаганду. Как отмечалось выше, по причине не

в последнюю очередь закрытости советского общества этот вид пропаганды был едва ли не единственным доступным для ведения пропагандистских мероприятий, рассчитанных на население СССР. Радиопропаганду также активно использовал поддерживающий афганских мятежников Пакистан – этот вид пропаганды очень широко применялся как среди личного состава самих моджахедов, так и среди афганского мирного населения. Дело в том, что крайне высокий процент афганцев составляли неграмотные люди, которые не могли прочесть газету или листовку с текстом, и поэтому радиопропаганда (или же пропаганда телевизионными средствами, но данный метод дороже радиопропаганды, поскольку радиоприемник проще в эксплуатации и значительно дешевле, чем телевизор) становилась единственным доступным для работы с ними видом пропагандистских мероприятий.

Подробно вопрос антисоветской радиопропаганды в связи с событиями в Афганистане рассматривается в монографиях советских авторов А.Ф. Панфилова «Радиовойна: история и современность» [2] и В.Н. Ярошенко «Черный эфир» [3]. Несмотря на то, что эти работы были изданы в СССР, они в интересующем нас вопросе не утратили своей актуальности. Также данную тему рассматривает в своей работе «Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.)» украинский исследователь «афганской войны» М.Ф. Слинкин [11. С. 140], он же довольно детально описывает в целом антисоветскую пропаганду, проводимую на территории Афганистана.

Огромную роль радиопропаганды подчеркивал президент США Р. Рейган [29]. Здесь можно привести цитату из его выступления на предвыборном митинге в поддержку вице-президента Дж. Буша в Сан-Диего, штат Калифорния, 7 ноября 1988 г.: «Завтра на равнинах Афганистана и в тропических джунглях борцы за свободу прильнут к своим приемникам в надежде услышать, что правительство Америки продолжает быть их другом. В тюремных казематах по всему миру политические заключенные будут с нетерпением ждать подтверждения того, что Америка предпочла силу, а не слабость, потому что для многих из них надежда жива лишь благодаря нашей силе» [30. С. 366–368].

Наконец, нельзя не упомянуть средства наглядной агитации. Из них наибольшей популярностью пользовались листовки. Они преимущественно распространялись среди мирного населения Афганистана, афганских беженцев в лагерях на территории Пакистана и личного состава ОКСВ. Кроме того, среди военнослужащих Ограниченного контингента распространялись фальшивые выпуски газет (преимущественно «Красной Звезды»), о чем речь шла выше.

Ниже мы приведем отрывки из листовки, распространявшейся среди личного состава ОКСВ в Афганистане усилиями НТС (Народно-трудовой союз):

«По всей России советская пропаганда делает вид, будто в Афганистане происходят лишь стычки с “бандитами” и “агентами империализма”. Но вы-то хорошо знаете, что это ГРЯЗНАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ВОЙНА, ВОЙНА КОММУНИСТОВ ПРОТИВ ПОДАВЛЯЮЩЕГО БОЛЬШИНСТВА АФГАНСКОГО НАРОДА (так в тексте, выделение заглавными буквами. – *Т.Р.*), война на покорение и истребление, и что длится эта война уже пятый год – дольше, чем длилась Великая Отечественная…

Цель КПСС в этой войне – навязать афганцам такой же режим, как у нас в Советском Союзе. Но так ли уж хорошо мы живем, чтобы переделывать на свой лад жизнь других народов, сея смерть и разрушения? В Афганистане так называемая «народная» коммунистическая армия с помощью нашего «ограниченного» контингента… истребила сотни тысяч афганцев, в основном – мирных жителей. А каков, в случае победы, будет реальный социализм, который афганские коммунисты Кармаля, опять же с нашей «братской» помощью и за наш «братский» счет, построят в Афганистане?..

…Солдат! Тебя взяли в армию по мобилизации. Тебя не спрашивали, где ты хочешь служить, и хочешь ли ты вообще служить. Тебя, не спрашивая, призвали, направили в часть, обучили, привели к воинской присяге и отправили в Афганистан. Ты служишь недобровольно. Ты служить по принуждению. Ты с отвращением несешь постылую службу, с отвращением идешь разорять кишлаки и считаешь дни до дембеля. А при демобилизации с тебя возьмут подписку о неразглашении безобразий, в которых тебя заставили участвовать. Эту подписку возьмут с тебя для того, чтобы советская пропаганда могла по-прежнему безнаказанно лгать в печати, в докладах, по радио и по телевидению, а ты, боясь нарушить подписку, своим молчанием помогал бы ей утаить правду от народа. Так кто ты, человек с совестью и душой или раб с кляпом во рту?

…Солдаты! Сержанты! Офицеры! К вам обращается НТС, Народно-трудовой союз российских солидаристов. Мы боремся против диктатуры КПСС за правду и свободу. Мы служим России, а не коммунистическим вождям.

…Конечно, война есть война, и у нее свои жестокие законы. Конечно, афганцы стреляли в вас, и вы стреляли в афганцев. Но бои, в которых вы участвовали, были не защитой Родины, а грязной колониальной войной. Так скажите об этом людям. Скажите, что мобилизованные в так называемую “народную” армию Кармаля афганцы при первой возможности перебегают к повстанцам. Скажите, что Кармаль и его правительство – марионетки, куклы в руках уполномоченных КПСС. Скажите, что те, кого советская пропаганда называет “душманами”, “басмачами” и “бандитами”, борются с чужеземным нашествием, как наши партизаны боролись с гитлеровскими оккупантами во время прошлой войны. Скажите, что Афганистан полон партизанских отрядов, что в городах – комендантский час, что по дорогам нельзя проехать без военного конвоя, что ЕСЛИ НАШИ ГОРЕ-ВОЖДИ НЕ ОПОМНЯТСЯ, ТО ВОЕВАТЬ НАМ ЗДЕСЬ ПРИДЕТСЯ ЕЩЕ ВСЕ ПЯТЬ, А ТО И ДЕСЯТЬ ЛЕТ, И ЧИСЛО УБИТЫХ И РАНЕНЫХ БУДЕТ ВЫРАЖАТЬСЯ НЕ В ДЕСЯТКАХ, А В СОТНЯХ ТЫСЯЧ.

Солдат! Рассказывая правду о войне в Афганистане, ты наносишь крепкий удар по власти изолгавшихся кремлевских стариков, разоблачаешь их пропа-

гандистскую ложь и приближаешь час освобождения России…

С ВЕРОЮ В РОССИЮ
НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ

российских солидаристов» (цит. по: [31. С. 233–236].

Следует отметить, что НТС вел достаточно активную деятельность в Афганистане на протяжении 1980-х гг. В 1990-е гг. и далее эта тема – роли НТС в афганском вооруженном конфликте – ушла на задний план, и вплоть до настоящего времени она не нашла своего тщательного исследователя. Автору известны только две советские работы (и те не научного, а, скорей, публицистического характера), отчасти проливающие свет на роль НТС в Афганистане в период афганского вооруженного конфликта с непосредственным участием советских войск, – это работа советского журналиста Б.Г. Баннова «Афганские басмачи и российские солидаристы» – совсем небольшая брошюра объемом всего в 84 страницы [32], и столь же небольшая книга авторства советского журналиста Б.В. Марбанова «ЦРУ, НТС и афганская контрреволюция» [33].

Какие же выводы представляется возможным сделать? Каких целей удалось достичь в афганском вооруженном конфликте антисоветской пропаганде и проводившим ее действующим лицам? Самый очевидный вывод: во-первых, антисоветская пропаганда (касательно пребывания ОКСВ в Афганистане и его действий там) была широкомасштабной, всеохватывающей и разнообразной по применяющимся формам и методам, что на конкретных примерах показано в настоящей статье.

Во-вторых, отметим, что наибольших успехов в вопросе создания определенного отрицательного образа СССР как агрессора в Афганистане в глазах мирового сообщества достигли такие пропагандистские усилия, как публичное осуждение действий СССР с трибун международных организаций (прежде всего ООН и в меньшей степени ОИК), антисоветские публикации в периодических изданиях, радиопропаганда. В данной статье мы не рассматриваем советскую ответную пропаганду и пропаганду официального Кабула, но вкратце скажем, что их усилия и итоги этих усилий были скромней.

Список источников

1. Lasswell H. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. New York : Harper and Brothers, 1948. P. 215–228.
2. Панфилов А.Ф. Радиовойна: история и современность. М. : Искусство, 1984. 239 с.
3. Ярошенко В.Н. Черный эфир. Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М. : Искусство, 1986. 207 с.
4. Артемов В.А. Психологическая война в стратегии империализма. М. : Междунар. отношения, 1983. 148 с.
5. Кашлев Ю.Б. Конвейер дезинформации и лицемерия. М. : Знание, 1985. 65 с.
6. Кашлев Ю.Б. Информационный взрыв и информационный империализм // Международная жизнь. 1984. № 11. С. 5–10.
7. Кондратенко В.М. Эволюция редакционной политики газеты «Нью-Йорк Таймс» в освещении курса США во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в отношении разрядки международной напряженности : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.
8. Кондратенко В.М. Под маской объективности. М. : Мысль, 1986. 240 с.
9. Снегирев В.Н. Антисоветская кампания СМИ США в связи с событиями в Афганистане : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.
10. Алякринский О.А. Внешнеполитическая пропаганда в США в 1980-е годы (аппарат, формы, методы). М. : Ин-т США и Канады, 1988. 115 с.
11. Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.). Симферополь : ТГУ, 2003. 279 с. (Культура народов Причерноморья; № 41).
12. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М. : Рефл-бук, 2002. 526 с.
13. Kenneth A. Speaking of America: public diplomacy in our life // Foreign affairs. 1981. Spring. P. 913–936.
14. Krishnaiah J., McLeod D.M., Signorielli N. The Evil empire revisited: New-York Times coverage of the Soviet Intervention in and withdrawal from Afghanistan // Journalism Quarterly. 1993. Vol. 70, № 3. P. 647–655.
15. Fitzgibbon J. Justifying Jihad: US politics, propaganda and the Afghan Mujahedeen, 1979–1989 : PhD Thesis. Snapshots of doctoral research at University College Cork, 2011. P. 62–65.
16. Congressional records. 1984. Vol. 130, № 34.
17. Григорьев С.Е. Панджшер в 1975–1990 гг. глазами афганского историка. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 128 с.
18. Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 января 1980 года № A/RES/ES-6/2. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_№_A/RES/ES-6/2 (дата обращения: 03.12.2018).
19. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН / Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml (дата обращения: 03.12.2018).
20. Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М. : Междунар. отношения, 1999. 448 с.
21. Вопрос о правах человека и основных свободах в Афганистане : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 года 40/137. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/40/137 (дата обращения: 03.12.2018).
22. Reagan R. Anniversary of the Soviet invasion of Afghanistan // Department of state bulletin. 1984. Vol. 84, № 2083. P. 37.
23. Karp C., Trottier P. Afghanistan: five years of occupation // Department of state bulletin. 1985. Vol. 85, № 2095. P. 28–35.
24. Congressional records. 1984. Vol. 130, № 122.
25. Congressional records. 1982. Vol. 128, № 39.
26. Nitze P. Strategy in the decade of the 1980s // Foreign Affairs. 1980. P. 84–101. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1980-09-01/strategy-decade-1980s (accessed: 03.12.2018).
27. Walter L. Oil and the decline of West // Foreign Affairs. 1980. Summer. P. 999–1015.
28. Хроника советско-американских отношений. М. : Ин-т США и Канады АН СССР, 1983. Ч. 6: 1982 г. 174 с.
29. Грачев А.С. Администрация Рейгана: психологическая война в эфире // США – Экономика. Политика. Идеология. 1984. № 3. С. 51–58.
30. Рейган Р. Откровенно говоря : избранные речи. М. : Новости, 1990. 398 с.
31. Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М. : Москва, 1998. 240 с.
32. Баннов Б.Г. Афганские басмачи и «российские солидаристы». М. : Изд-во АПН, 1983. 84 с.
33. Марбанов Б.В. ЦРУ, НТС и афганская контрреволюция. М. : Воениздат, 1985. 111 с.

References

1. Lasswell, H. (1948) The structure and function of communication in society. In: Bryson, L. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers. pp. 215–228.

2. Panfilov, A.F. (1984) *Radiovoyna: istoriya i sovremennost'* [Radio War: History and Modernity]. Moscow: Iskusstvo.
3. Yaroshenko, V.N. (1986) *Chernyy efir. Podryvnaya propaganda v sisteme burzhuaznogo vneshnepoliticheskogo radioveshchaniya* [Black air. Subversive propaganda in the system of bourgeois foreign policy broadcasting]. Moscow: Iskusstvo.
4. Artemov, V.A. (1983) *Psikhologicheskaya voyna v strategii imperializma* [A psychological war in the strategy of imperialism]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
5. Kashlev, Yu.B. (1985) *Konveyer dezinformatsii i litsemeriya* [A conveyor belt of misinformation and hypocrisy]. Moscow: Znanie.
6. Kashlev, Yu.B. (1984) Informatsionnyy vzryv i informatsionnyy imperializm [Information explosion and information imperialism]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 11. pp. 5–10.
7. Kondratenko, V.M. (1979) *Evolyutsiya redaktsionnoy politiki gazety "N'yu-York Tayms" v osveshchenii kursa SShA vo V'etname, na Blizhnem Vostoke i v otnoshenii razryadki mezhdunarodnoy napryazhennosti* [The evolution of the editorial policy of the "New York Times" newspaper in covering the US course in Vietnam, the Middle East and in relation to détente international tension]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
8. Kondratenko, V.M. (1986) *Pod maskoy ob"ektivnosti* [Under the guise of objectivity]. Moscow: Mysl'.
9. Snegirev, V.N. (1987) *Antisovetskaya kampaniya SMI SSHA v svyazi s sobytiyami v Afganistane* [Anti-Soviet campaign of the US media in connection with the events in Afghanistan]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. Alyakrinsky, O.A. (1988) *Vneshnepoliticheskaya propaganda v SSHA (apparat, formy, metody* [Foreign policy propaganda in the USA (apparatus, forms, methods)]. Moscow: Institute of the USA and Canada.
11. Slinkin, M.F. (2003) *Afganistan. Stranitsy istorii (80–90-e gg. XX v.)* [Afghanistan. Pages of History (1980-90s)]. Simferopol: TSU.
12. Pocheptsov, G.G. (2002) *Psikhologicheskie voyny* [Psychological Wars]. Moscow: Refl-book.
13. Kenneth, A. (1981) Speaking of America: public diplomacy in our life. *Foreign Affairs.* Spring. pp. 913–936.
14. Krishnaiah, J., McLeod, D.M. & Signorielli, N. (1993) The Evil empire revisited: New-York Times coverage of the Soviet Intervention in and withdrawal from Afghanistan. *Journalism Quarterly.* 70(3). pp. 647–655.
15. Fitzgibbon, J. (2011) *Justifying Jihad: US politics, propaganda and the Afghan Mujahedeen, 1979 – 1989*. PhD Thesis. Univeristy College Cork. pp. 62–65.
16. USA. (1984a) *Congressional Records.* Vol. 130.
17. Grigoriev, S.E. (1997) *Pandzhsher v 1975–1990 gg. glazami afganskogo istorika* [Panjshir in the 1975–1990 through the eyes of a Afghan historian]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
18. UNO. (1980) *Polozhenie v Afganistane i ego posledstviya dlya mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti : rezolyutsiya General'noy Assamblei OON ot 14 yanvarya 1980 goda № A/RES/ES-6/2* [The situation in Afghanistan and its consequences for international peace and security: UN General Assembly resolution dated January 14, 1980 No. A/RES/ES-6/2]. [Online] Available from: http://www.un.org/en/documents/ods.asp?m=S/RES/462%20(1980) (Accessed: 3rd December 2018).
19. UNO. (n.d.) *Rezolyutsii General'noy Assamblei OON* [Resolutions of the UN General Assembly]. [Online] Available from: http://www.un.org/en/ga/documents/gares.shtml (Accessed: 3rd December 2018).
20. Allan, P. & Clay, D. (1999) *Afganskiy kapkan. Pravda o sovetskom vtorzhenii* [The Afghan Trap. The Truth About the Soviet Invasion]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. UNO. (1985) *Vopros o pravakh cheloveka i osnovnykh svobodakh v Afganistane : rezolyutsiya General'noy Assamblei OON ot 13 dekabrya 1985 goda 40/137* [Question of human rights and fundamental freedoms in Afghanistan: UN General Assembly Resolution 40/137 of December 13, 1985]. [Online] Available from: http://www.un.org/en/documents/ods.asp?m=A/RES/40/137 (Accessed: 3rd May 2018).
22. Reagan, R. (1984) Anniversary of the Soviet invasion of Afghanistan. *Department of State Bulletin.* 84. 2083. pp. 37.
23. Karp, C. & Trottier, P. (1985) Afghanistan: five years of occupation. *Department of State Bulletin.* 85. 2095. pp. 28–35.
24. USA. (1984b) *Congressional Records.* Vol. 130. # 122.
25. USA. (1982) *Congressional Records.* 128. # 39.
26. Nitze, P. (1980) Strategy in the decade of the 1980s. *Foreign Affairs.* Fall. pp. 84–101.
27. Walter, L. (1980) Oil and the decline of West. *Foreign Affairs.* Summer. pp. 999–1015.
28. Institute of the USA and Canada of USSR AS. (1983) *Khronika sovetsko-amerikanskikh otnosheniy* [Chronicle of Soviet-American relations]. Vol. 6. Moscow: Institute of the Moskva USA and Canada of USSR AS.
29. Grachev, A.S. (1984) Administratsiya Reygana: psikhologicheskaya voyna v efire [Reagan Administration: Psychological warfare on the air]. *SShA – Ekonomika. Politika. Ideologiya*. 3. pp. 51–58.
30. Reagan, R. (1990) *Otkrovenno govorya: izbrannye rechi* [Frankly speaking: selected speeches]. Translated from English. Moscow: Novosti.
31. Plastun, V.N. & Andrianov, V.V. (1998) *Nadzhibulla. Afganistan v tiskakh geopolitiki* [Nadzhibulla. Afghanistan is in the Grip of Geopolitics]. Moscow: Moskva.
32. Bannov, B.G. (1983) *Afganskie basmachi i "rossiyskiye solidaristy"* [Afghan Basmachi and "Russian Solidarists"]. Moscow: APN.
33. Marbanov, B.V. (1985) *TSRU, NTS i afganskaya kontrrevolyutsiya* [CIA, NTS and Afghan counter-revolution]. Moscow: Voenizdat.

***Сведения об авторе*:**
Рабуш Таисия Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: taisarabush@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rabush Taisiya V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: taisarabush@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2018; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 12.05.2018; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/85/16

Практическая значимость опыта советских реформ 1985–1991 гг. для Китая в рамках концепции «основа жизни народа»

Чжан Синьсинь

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, zhangxinxin@mail.ru

Аннотация. Распад Советского Союза был обусловлен множеством факторов, таких как институциональные недостатки, внутрипартийный кризис, мирная эволюция, провал горбачевской реформы, этнические конфликты, коррупция и т.д. После распада СССР не было единого понимания вопроса; автор придерживается точки зрения, что все вышеперечисленные факторы имеют свою определенную рациональность, и предостерегает от односторонней оценки проблемы. Мы изучаем эту тему не ради того, чтобы установить единственно верную истину, для чего пришлось бы выбрать один фактор и пренебречь другими. Несомненно, что на процесс распада Советского Союза влияли и внешние, и внутренние факторы. При этом внутренние факторы, связанные с КПСС, являются основными. В сложной системе не может быть одной фундаментальной проблемы, анализ которой с разных точек зрения способствует лучшему пониманию ее сути.
Ключевые слова: перестройка, советско-китайские отношения, КПСС, реформы СССР, распад СССР, китайские реформы, КПСС

Для цитирования: Чжан Синьсинь. Практическая значимость опыта советских реформ 1985–1991 гг. для Китая в рамках концепции «основа жизни народа» // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 126–131. doi: 10.17223/19988613/85/16

Original article

The practical significance of the experience of Soviet reforms in 1985-1991 years for China: in the framework of the concept of “the people-based life”

Zhang Xinxin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, zhangxinxin@mail.ru

Abstract. The collapse of the Soviet Union was caused by many factors, such as institutional weaknesses, intraparty crisis, peaceful evolution, the failure of Gorbachev's reform, ethnic conflicts, corruption, etc. After the collapse of the USSR there was no single understanding of this process, the author of this article believes that the above factors have their own certain rationality, warns against a unilateral assessment of the problem. Studying this topic was not for establishing the only true truth, for which we would have to choose one factor and neglect the others. There is no doubt that the process of the collapse of the Soviet Union was influenced by external and internal factors, which played a common role. All internal factors that manifested themselves in the CPSU are basic. In a complex system there cannot be one fundamental problem, the analysis of which from different points of view contributes to a better understanding of its essence.

The reasons for the collapse of the USSR and the failure of the CPSU were complex, but Chinese scientists believe that the human factor in this process also plays an important role as the other reasons. There is no doubt that the erroneous policy of Gorbachev, formed during his reign, played a decisive role in the development of the Soviet Union. Studying the reform process of the Soviet Union, after the failure of his economic reform, Gorbachev, having incorrectly analyzed the root causes of his defeat, blamed the failings of the traditional system for failures. The erroneous lines of political reform and the idea of “humane democratic socialism” led the country onto the path of capitalism. Gorbachev's “New Thinking” shocked the foundation of all socialist construction. The goal of political reform was not to improve and renew socialism, but to abandon the socialist system and shift to capitalism.

Therefore, the author of this article also wanted to analyze the inevitable factors that led to the collapse of the Communist Party of the Soviet Union and the collapse of the Soviet Union in terms of traditional Chinese philosophy. As the core of Chinese traditional political idea, the people-based political idea gives prominence to the basic status of people in the country and stresses the people-oriented management. And the current modern theory of building socialism with Chinese characteristics combined with the ideas of people-oriented thinking can not only help us better understand this

© Чжан Синьсинь, 2023

problem, but also exploring the collapse of the USSR and the failure of the CPSU has a very practical significance for China's socialist construction.
Keywords: perestroika, Soviet-Chinese relations, the CPSU, USSR reforms, the collapse of the USSR, Chinese reforms, the CPSU

For citation: Zhang Xinxin (2023) The practical significance of the experience of Soviet reforms in 1985-1991 years for China: in the framework of the concept of "the people-based life". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 126–131. doi: 10.17223/19988613/85/16

Как относиться к перестройке советской модели и попытке содействовать процессу демократизации? Советские лидеры попробовали провести реформы, но очевидно, что эта попытки не увенчалась успехом. Эта проблема привлекает внимание ученых многих стран, которые приходят к противоположным выводам. После кардинальных изменений в Советском Союзе и Восточной Европе среди китайских ученых также состоялись многочисленные дискуссии о причинах распада советской Коммунистической партии и Советского Союза. Бывший министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин во время пребывания на своем посту опросил более 30 иностранных лидеров о причинах распада Советского Союза. Ответы были самые разные: это и коррупция в высшем руководстве, превращение советской компартии в правящий класс, сосредоточение ее исключительно на собственных материальных интересах, несовершенство правовой системы, закоснелость экономической системы, большой разрыв между богатыми и бедными, поражение в гонке водружений с США и т.д. [1]. Распад СССР до сих пор имеет большую практическую значимость и актуальность для китайского строительства. В данной работе проводится анализ данного вопроса с точки зрения традиционной китайской философии и современной теории строительства социализма с китайской спецификой.

Идея «основа жизни народа» – сущность традиционной китайской культуры и философии, также является одной из основных идей древних китайских мыслителей и политиков в управлении государством. С непрерывным развитием современного общества идея «основа жизни народа» постоянно развивалась и обогащалась; с ее помощью сегодня мы можем еще раз рассмотреть горбачевскую реформу. В чем ее суть?

Во-первых, необходимо уделять внимание людям, приносить пользу людям и обогащать людей, всегда сохранять «веру народа».

В древней китайской философии упоминалось, что «люди – единственная основа страны, если эта основа твердая, то страна всегда может быть спокойной» [2]. Мэнцзы также выдвинул идею «народ – благороден, монарх – презренен» (образно в значении «народ значительнее правителя») [3]. В период династии Тан чиновник Вэй Чжэн сказал: «Государь – лодка, люди – вода; вода может нести лодку, а может и ее перевернуть» [4]. Все эти мысли являются выражением идеи «основы жизни народа выше всего». Китайские древние философы считали, что с народом будет создана страна. Есть страна, и там будет государь. Только когда народ мирно живет и работает, страна процветает и развивается. Кроме того, Конфуций придавал большое значение вопросу об осуществлении народного благоденствия. Конфуцианство считает, что государство должно проводить гуманное правление; для реализации этой идеи прежде всего необходимо «удовлетворять народ достаточным количеством пищи, оружием и получить доверие людей к правительству». По мнению Конфуция, «пища, оружие, доверие народа» являются тремя необходимыми факторами управления страной, и доверие людей важнейшее из всех [5].

Проанализировав советские реформы, можно прийти к выводу, что советские руководители потеряли «веру народа»; другими словами, Советский Союз неправильно оценил вопросы народного благоденствия, которые заключаются в двух аспектах

Советские экономические реформы в первую очередь решали не основные материальные потребности людей. Отставание реформы сельского хозяйства стало серьезным препятствием на пути к осуществлению экономических реформ в СССР. С другой стороны, реформа экономической системы изначально проводилась не в секторе сельского хозяйства, что привело к отставанию его развития. Это является другой важной причиной неуспешного проведения экономических реформ.

В СССР сельскохозяйственное производство развивалось по экстенсивному пути. Так, несмотря на наличие в Советском Союзе большого количества тракторов, из-за нехватки комплексного оборудования эффективность их использования была очень низкой. Химические удобрения были некачественными и подходили не для всех видов выращиваемых культур; площадь орошаемых земель составляла всего около 8%. Посевная площадь сельскохозяйственных культур была очень большой, но урожайность с единицы площади – низкой. Скота было немало, но средний удой молока с каждой коровы и среднее качество скота были невысокими. Структура сельскохозяйственных посевов не отличалась рациональностью. К примеру, посевная площадь кукурузы и соевых бобов была довольно маленькой. По сравнению с развитыми странами общая производительность труда сельского хозяйства СССР сильно отставала. По официальным показателям, с 1966 г. и до перестройки уровень производительности труда в области сельского хозяйства СССР достиг 20–25% от соответствующего уровня в США [6].

В области выращивания, закупки, хранения, транспортировки, обработки и сбыта сельскохозяйственной продукции также оставалось много нерешенных проблем; убытки в этой сфере достигли 20–30%. Из-за нехватки оборудования для хранения продукции, неудобства использования транспорта, отставания технологий производства пищевых продуктов, недостаточного количества и распространения сбытовых

пунктов, расходы, которых можно было избежать, были очень большими. 1990 год в Советском Союзе для сельского хозяйства был очень урожайным, объемы производства продовольствия, овощей и фруктов были значительно больше, чем в предыдущие годы. Однако возникла серьезная проблема, связанная с трудностью сбора урожая. С июля 1990 г. центральные комитеты непрерывно получали срочные телеграммы, в которых сообщалось о том, что местные правительства не в силах осуществить уборку такого богатого урожая. Полки городских магазинов пустовали, на «вольных» рынках цены на продукты постоянно повышались. Значительная часть городского населения отправлялась на сбор урожая; даже советскому правительству пришлось посылать туда работников своей сферы [7].

М.С. Горбачев предложил немало стратегий по реформе советского сельского хозяйства, которые не были реализованы. К распаду Советского Союза основные сельскохозяйственные проблемы все еще существовали, а проблема материальных потребностей советских людей не была решена. Несмотря на то, что в современном обществе основой национальной экономики является промышленность, сельское хозяйство по-прежнему выступает важной ее составляющей. Дэн Сяопин считал, что оно является фундаментом развития народного хозяйства Китая, поэтому необходимо ставить сельское хозяйство на первое место. «Управление страной не должно использовать богатство и интересы в качестве отправной точки, а должно быть направлено на благотворительность и справедливость» [8]. В ходе советской реформы, игнорируя интересы людей, М.С. Горбачев в первую очередь проводил реорганизацию государственной собственности, центр его стратеги «ускорения» был направлен на тяжелую промышленность. Основной целью было получение большей экономической выгоды, а не повышение уровня жизни народа.

Далее, важной ошибкой являлось чрезвычайное стремление к ускорению развития экономики без рационального регулирования ее структуры, что также стало субъективным фактором провала реформы. Первоначальной экономической реформе не хватало всестороннего планирования в высшем эшелоне. Сначала М.С. Горбачев на низовом уровне провел элементы экономических реформ, которые дали определенные результаты. Однако небольшие экономические эксперименты были проведены только на предприятиях тяжелой промышленности, некоторые из них даже не достигли ожидаемых целей, поэтому и их результаты были ограниченными. Однако М.С. Горбачев, всесторонне не оценив опыт экономического эксперимента, бросился проводить экономические реформы по всей стране. С самого начала реформа не имела конкретного плана, не хватало научного обоснования.

При проведении экономических реформ руководитель государства несвоевременно внес коррективы в экономическую структуру. В течение долгого времени в связи с односторонним развитием тяжелой промышленности (в особенности военной) в Советском Союзе в структуре национальной экономики уже был сформирован серьезный дисбаланс, который и считается пороком ее развития. Целью ускорения являлось усиление общей государственной мощи, а не урегулирование экономической структуры, облегчение рыночной напряженности и удовлетворение потребностей народа. Политики советской экономики отходили от лозунга «все для благосостояния людей». Прямые последствия ускорения привели к еще большей диспропорции национальной экономики и всеобщему дефициту основных потребительских товаров на рынке. Несмотря на серьезное повышение цен и падение рубля, в обществе потребность покупать все равно была очень высокой. Народ разочаровался в такой экономической ситуации и постепенно потерял уверенность в надобности проводимой реформы.

Осуществление практики реформ в Китае и других странах показало, что социалистическая плановая товарная экономика обладает основным свойством социалистических производственных отношений, является сущностью социалистической экономики, а также основным знаком отличия от капиталистической экономики. Проведение плановой экономики и одновременно развитие товарной экономики не исключают друг друга, а способствуют объединению. Но этот факт не был взят на вооружение в процессе реформирования советской экономики, что и привело к неизбежному провалу [9].

Таким образом, управление государством в первую очередь требует удерживать «народную веру». Воля управленческих кадров и народа неразделимы. Воля руководящих кадров должна подчиняться и служить воле народа. Государство должно быть идентифицировано волей народа. Как только правящая партия теряет доверие народа, ситуация становится похожей на корни большого дерева, отрывающегося от земли и теряющего опору. Очевидным примером является избрание Б.Н. Ельцина. Меры, предложенные М.С. Горбачевым, не принесли ощутимых выгод советским людям, их основные потребности не были удовлетворены, и недовольство правящей партией росло. Политические взгляды Б.Н. Ельцина дали новую надежду для Советского Союза. Люди стремились к реформе, поэтому они обратились к новому лидеру и хотели, чтобы он смог внести новые изменения в Советский Союз. Успех Б.Н. Ельцина не означает, что его таланты превосходили М.С. Горбачева. После распада Советского Союза внутренний экономический кризис стал более серьезным. Причина провала КПСС заключалась в потере поддержки со стороны народа. Неэффективность КПСС в качестве правящей партии привела к тому, что советским людям пришлось найти новую правящую партию и нового руководителя.

Исторический материализм говорит нам: люди являются решающей силой, движущей историческим развитием. Роль политической партии в историческом процессе зависит от ее взаимоотношений с народом. Коммунистическая партия Китая считает, что все должно быть для людей, все зависит от людей, и народ есть основа основ. В своем поздравительном выступлении к новому 2019 году Си Цзиньпин отметил, что люди – это прочная основа Китая и величайшая сила нашего управления.

Идея «человек как основа основ», или «человек превыше всего», – новое требование, которое было выдвинуто на 3-м пленуме ЦК КПСС 16-го созыва в Китае в декабре 2003 г. Эта идея является основой концепцией научного развития. Это основная цель партии; китайская коммунистическая партия настаивает на том, чтобы служить народу всем сердцем. История показывает, что социально доминирующие политические взгляды всегда связаны с лидерами страны. Поэтому построение политической системы станет важным фактором формирования политического убеждения людей. Если политическое развитие теряет свое убеждение, оно потеряет свои политические цели и движущую силу, будет трудно выполнить цель объедения государства и единства нации. Политические взгляды и ориентиры – это первый вопрос выживания и развития политической партии, он имеет тесную связь с будущей судьбой руководящей партии, с ее успехом или провалом. Это отправная точка для правящей партии и управления страной. Почему Советскому Союзу не хватило необходимой политической прозорливости?

Выход идеологии из-под контроля является отправной точкой государственных беспорядков. В руководящей идеологии Советского Союза произошло существенное отклонение от марксизма-ленинизма, что также являлось причиной трансформации политических реформ в политическую борьбу со всех сторон. Идеологическое отклонение привело к тому, что советский руководитель не увидел самых основных национальных устоев Советского Союза. Стремление к экономическим интересам было сущностью экономической реформы, проведение которой не исходило из основных интересов широких масс народа. При отсутствии понимания научного социализма, после неудачи экономических реформ, М.С. Горбачев стремился распространять идеи западной демократизации и осуществлять демократические политические преобразования. Можно сказать, что с самого начала экономической реформы руководящая идеология М.С. Горбачева отошла от марксизма-ленинизма, а затем через лозунги «демократизации» и «гласности» полностью отказалась от социалистического идеала. В напряженной социальной ситуации отказ от идеологического контроля стал необратимым. Игнорировалось то обстоятельство, что социализм – это новая социальная практика и социальная система, которая возникла и строилась в стране с относительно отсталой экономикой и культурой. Это в корне определяло, что социализм не мог быть результатом естественного процесса развития, он должен был возглавляться ведущим классом, авангардно-революционной партией. Когда такое руководство было отвергнуто, партия оказалась во власти стихийных масс, в результате чего неизбежно проявились серьезные последствия, поскольку экономическая и культурная отсталость могла привести только к беспорядкам в стране. Именно такая ситуация возникла в Советском Союзе.

Следует отметить, что для марксистской партии мощная идеология является основой консолидации народа и государства. Когда идеология и воля были разрушены, сама партия также не смогла существовать.

Китайские эксперты считают ошибкой переход М.С. Горбачева к западной «конституционной демократии». Ван Тин, доцент Народного университета Китая, дал этому такую оценку: «М.С. Горбачев проводил политические реформы в соответствии с западной конституционной демократией. За несколько коротких лет в Советском Союзе появились трагические последствия, а конституционная демократия разрушила Советский Союз. Поэтому после 1988 г. его руководящая идеология превратилась в демократический социализм, и он хотел переименовать коммунистическую партию в социально-демократическую партию. Он не нашел пути для проведения реформ в рамках советской системы. При различных давлениях внутри и вне партии, по его мнению, для спасения Советского Союза осталось только введение западной системы разделения властей и многопартийной конкуренции. В мае 1989 г. он учредил Съезд народных депутатов СССР как высший орган государства. В феврале 1990 г. он отменил статью о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в Конституции и установил президентскую систему в Советском Союзе. Он был первым президентом, а также последним. В феврале 1990 г. пленум ЦК КПСС единодушно согласился с многопартийной системой, и в стране появилось более 100 политических партий, политическая ситуация в Советском Союзе вступила в полосу хаоса [10].

Советская «конституционная демократия», многопартийная система и свободные выборы обострили противоречия внутри партии. В этот период появились партийные фракции, недовольство которых руководством КПСС принесло нестабильность не только внутри партии, но и внутри страны. Раскол стал неотвратимым. Это в значительной степени ускорило процесс развала КПСС и распада СССР.

Наконец, эксперты отметили потерю политического вектора развития страны. Советская политическая реформа поменяла суть общества. В реформе политической системы М.С. Горбачев совершил большую ошибку: политическая реформа не реформирует, а разрушает социалистическую систему, разделение функций партийных и правительственных органов ослабляет позиции руководства КПСС. В социалистических странах никакая политика реформ не может отклоняться от общего направления социализма. Сохранение социалистической системы исходило из предпосылок защиты интересов народа.

Движение демократизации, начатое М.С. Горбачевым, попало в ловушку, и политические реформы также зашли в тупик. Демократические социалистические политические мысли под знаменем «демократии и человечества» не только сбивали советскую реформу, но и разрушали советский социализм, просуществовавший в течение 74 лет, и похоронили самую влиятельную коммунистическую партию с 90-летней историей. Можно сказать, что предыдущие советские экономические реформы все еще проводились в рамках социалистической системы в целях улучшения советского социализма. Однако после того как Советский Союз начал реформу политической системы, М.С. Горбачев полностью отказался от социализма и стремился в Совет-

ском Союзе реализовать западную демократическую политическую систему.

Руководство КПСС, советский социалистический режим и союзное государство являются тремя столпами советской политической системы. Потеря партией роли ядра политической системы привело к разрушению основы советского государства и конституции путем радикальной политической реструктуризации. Распад СССР и кардинальные изменения в Восточной Европе привели к кризису мирового социалистического движения, из-за чего в идеологии руководящих кадров партий возникли сомнения о правильности марксизма и социализма, и у капитализма появился шанс покончить с историей социализма [11]. Чтобы избежать возникновения такого сомнения, твердое отстаивание политических убеждений является необходимостью и помогает нам не терять направление в процессе реформ и развития.

Конечной целью экономической или политической реформы, установления экономической, политической и культурной доминанты является удовлетворение основных интересов людей. Единство и сплоченность масс, в свою очередь, способствует плавному прогрессу реформы.

В древнем Китае Конфуций уже выдвинул идею «заслужить доверие у людей», он считал, что сила народа бесконечна: только в случае, если государь получил доверие народа и его народ с охотой отдал власть правителю страны, господствующее положение может быть устойчиво, политическая власть может быть стабилизирована, а государственная политика может быть успешно осуществлена. Современные руководители Китая заявили, что «воля народа – это величайшая политика» и «позиция народа является фундаментальной политической позицией партии». Си Цзиньпин отметил: «По сути, партийность – приверженность народности, народность – приверженность партийности» [12].

В 1917 г. Российская коммунистическая партия, в которой было всего около 30 тыс. членов, захватила политическую власть и основала первое в мире социалистическое государство, в 1945 г. Коммунистическая партия СССР с более чем 5 млн членов победила могущественный третий рейх – немецкий фашизм, а в 1991 г. Коммунистическая партия Советского Союза с 19 млн членов объявила самороспуск. Это еще раз доказало, что традиционная китайская философская идея «основа жизни народа» не устарела, воля народа всегда является основой стабильности государства. Страна должна опираться на доверие и поддержку народа, чтобы объединить величайшие силы и в конечном итоге добиться больших достижений.

Список источников

1. 李肇星. 史鉴清明, 理念温暖—读«全球化背景下的中国大党建». 新华文摘. 2010.12. 136–137 页. [Ли Чжаосин. По прошлому можно различить, что хорошо и плохо. Разум и долг. – Чтение «Большое партийное строительство Китая на фоне глобализации» // Рефераты Синьхуа. 2010. № 12. С. 136–137].
2. 尚书·五子之歌. 第八章 [Шан Шу. Песня о пяти сыновьях. Т. 8]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjQxNjQzMA==&mid=2768391579&idx=1&sn=355c163c440bd49e0c4a468870dfb938&chksm=bf70ebda880762cc461d6726dd4c10debeae36ce2c02ccdaf582fd717243ccf1f1a40fa23749&scene=27 (дата обращения: 28.09.2018).
3. 孟子·尽心下. 第十章 [Мэнцзы. Вторая часть Цзинь Синь. Т. 10]. URL: https://www.pinshiwen.com/cidian/shujing/2019042911618.html (дата обращения: 29.04.2019).
4. **刘淑强. 水可载舟，**亦可覆舟. 光明日报. 12.12.2017. [Лю Шуцян. Вода может нести лодку, а может и перевернуть ее] // Гуанмин жибао. 2017. 12 дек.
5. 罗安宪.论语.·颜渊. 人民出版社出版. 2017 年. 193 页. [Ло Аньсянь. Конфуций. Беседы и суждения. Лунь Юй, Янь Юань. Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2017. 193 с.].
6. 王崇杰. 苏联的粮食生产和食品供应问题. 瞭望周刊. 30.03.1987. [Вань Чунцзе. Проблемы производства продовольствия и снабжения продукции в СССР // Ляо Вань. 1987. № 13. С. 34–35].
7. 周象光. 苏联农业丰产喜与忧. 人民日报. 27.08.1990 [Чжоу Сянгуан. Радость и волнение о советском сельскохозяйственном производстве // Жэньмин жибао. 1990. 27 апр.].
8. 杨洪. 中庸·大学. 安徽人民出版社. 2002 年. 28 页. [Ян Хонг. Чжунъюн·Дасюе. Аньхой : Анхойский Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 28].
9. 牛国必. 戈尔巴乔夫改革及其国际前景. 求是杂志. 29.08.1986. 29–30 页. [Ню Гоби. Цель горбачевской реформы и международные перспективы // Нюши. 1986. № 08. С. 29–30].
10. 深入剖析苏联解体因果教训, 准确把握世界社会主义运动发展趋势. «中国社会科学论坛—苏联解体 20 周年国际学术研讨会»发言摘要. 光明日报. 20.05.2011. [Углубленный анализ причин и следствий распада Советского Союза, точное понимание тенденций развития мирового социалистического движения : краткое содержание выступления на Социально-научном форуме Китая – Международном симпозиуме, посвященном 20-летию распада Советского Союза // Гуанмин жибао. 2011. 20 мая].
11. 杨莘. 略论“政治信仰缺失”的成因与对策. 人民论坛理论研究中心. [Янь Шэнь. Причины и меры в цели противодействия отсутствию политических убеждений // Национальное управление. 2016. № 45]. URL: http://theory.people.com.cn/GB/n1/2016/1230/c40531-28988572.html?ivk_sa=1024320u/ (дата обращения: 30.12.2016).
12. 王伟光. 坚持党性就是坚持人民性.人民日报. 27.08.2013. [Ван Вэйгуан. Партийность – приверженность народности // Жэньминь жибао. 2013. 27 авг.].

References

1. Li Zhaoxing. (2010) From the past, one can distinguish what is good and bad. Reason and duty - reading “China's Great Party Building Against the Background of Globalization”. *Xin Hua Wen Zhai*. 12. pp.136–137.
2. Shang Shu. (n.d.) *Songs of the Five Sons*. Vol. 8. [Online] Available from: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjQxNjQzMA==&mid=2768391579&idx=1&sn=355c163c440bd49e0c4a468870dfb938&chksm=bf70ebda880762cc461d6726dd4c10debeae36ce2c02ccdaf582fd717243ccf1f1a40fa23749&scene=27 (Accessed: 28th September 2018).
3. Menzi. (n.d.) *The second part of Jin Xin*. Vol. 10. [Online] Available from: https://www.pinshiwen.com/cidian/shujing/2019042911618.html (Accessed: 29th September 2018).

4. Liu Shuqiang. (2017) Water can carry the boat, or it can turn it over. *Guangming Ribao*. 12th December.
5. Luo Anxian. (2017) *Confucius. Lun Yu Yan Yuan* [The Analects of Confucius. Yan Yuan]. Beijing: Ren Min Chu Ban She.
6. Wan Chongjie. (1987) Problems of food production and product supply in the USSR. *Liao Wan Zhou Kan*. 13. pp. 34–35.
7. Zhou Xiangguan. (1990) Excitement and worry about Soviet agricultural production. *Ren Min Ri Bao*. 27th August.
8. Yang Hong. (2002) *Zhongyun·Dasue* [The Doctrine of the Mean University]. Anhui, Shanghai: Ren Min Chubanshe.
9. Niu Gobi. (1986) The goal of Gorbachev's reform and its international prospects. *Qiu Shi Za zhi*. 8. pp. 29–30.
10. *Guangming Ribao*. (2011) In-depth analysis of the causes and consequences of the collapse of the Soviet Union, an accurate understanding of the development trends of the world socialist movement. Summary of the speech from the "social and scientific forum of China – the International Symposium on the 20th anniversary of the collapse of the Soviet Union". 20th May.
11. Yang Shen. (2016) Causes and measures to counter the lack of political beliefs. *Guo Jia Zhi Li*. 45. [Online] Available from: http://theory.people.com.cn/GB/n1/2016/1230/c40531-28988572.html?ivk_sa=1024320u (Accessed: 30th December 2016).
12. Wang Weiguang. (2013) Partisanship is a commitment to nationality. *Ren Min Ri Bao*. 27th August.

***Сведения об авторе*:**
Чжан Синьсинь – научный сотрудник, аспирант исторического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: zhangxinxin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Zhang Xinxin – Researcher, Graduate Student of the Faculty of History of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhangxinxin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2019; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 16.12.2019; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/85/17

Значение войны в Афганистане для американского глобального лидерства: Вьетнам 2.0 или нечто большее?

Алексей Владимирович Юрк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, alexey.yurk@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ трех крупных асимметричных военных конфликтов – войны во Вьетнаме, советско-афганской войны и войны в Афганистане – с целью определить потенциальные последствия вывода войск США из Афганистана. Опираясь на концепцию неоклассического реализма, автор приходит к выводу, что развитие ситуации будет зависеть не только от системных, но и от внутренних факторов. При нарастающем давлении как извне, так и изнутри уход из Афганистана и переход США к обороне способны запустить «цепную реакцию» и ускорить процесс падения американского глобального лидерства.
Ключевые слова: холодная война, война во Вьетнаме, советско-афганская война, война с терроризмом, война в Афганистане

Для цитирования: Юрк А.В. Значение войны в Афганистане для американского глобального лидерства: Вьетнам 2.0 или нечто большее? // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 132–139. doi: 10.17223/19988613/85/17

Original article

The Significance of the War in Afghanistan for American Global Leadership: Vietnam 2.0 or Something Bigger?

Alexey V. Yurk

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, alexey.yurk@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to find an answer to this problematic question: will the withdrawal of troops from Afghanistan become "Vietnam 2.0" for the United States, will it be forgotten within a year, or will it become a tombstone over superpower ambitions, as it happened to the Soviet Union in the 1980s? To answer this question, the author made a comparative analysis of three asymmetric irregular military conflicts: the Vietnam War, the Soviet-Afghan War, and the War of the International Coalition in Afghanistan. The study was carried out within the framework of the theory of neoclassical realism, which allows to consider both systemic and domestic factors that influenced the origin, course and result of the conflict.

The research is based on various sources: official statements, statistical materials, results of public opinion polls, as well as various expert opinions and scientific literature on the topic.

During the course of the comparative analysis, a number of features inherent in all three considered conflicts were identified. A similar picture was observed in all three cases in the military aspect: the global superpower was unable to cope with the guerrilla war in a third world country, and the system created “on the ground” collapsed after the withdrawal of foreign ground troops. In addition, similarities were found in systemic and domestic factors: each time the country was drawn into the conflict mainly for systemic reasons, and in domestic political life the situation was complicated by public discontent, huge expenses and the emergence of problems in the country’s economy. At the same time, the war in Afghanistan for a number of reasons differs from the Vietnam and Soviet-Afghan wars: the government of the Islamic Republic of Afghanistan was toppled even before the end of the withdrawal of American troops, the withdrawal itself took place mostly voluntarily, and in American society and elites, despite the absence of a mass anti-war movement, there is a serious split and massive pressure on several issues, including the Afghan one, from both the left and right political forces.

Based on the results of the comparison, the author comes to the conclusion that the development of the situation will largely depend not only on systemic, but also on domestic factors. With growing pressure from both outside, from non-Western countries, and from within, from the extreme right and left political forces, the withdrawal from Afghanistan and the transition of the United States to “strategic defense” can set off a “chain reaction” and accelerate the decline of American global leadership.
Keywords: the Cold War, the Vietnam War, the Soviet-Afghan War, the War on Terror, the War in Afghanistan

© А.В. Юрк, 2023

For citation: Yurk, A.V. (2023) The Significance of the War in Afghanistan for American Global Leadership: Vietnam 2.0 or Something Bigger? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 132–139. doi: 10.17223/19988613/85/17

Актуальность

В середине августа 2021 г. внимание всего мира было приковано к событиям в Афганистане. Окончание 20-летнего военного присутствия США в этой центральноазиатской стране моментально привело к развалу афганской армии, падению проамериканского режима Исламской республики Афганистан, бегству президента Ашрафа Гани и возвращению к власти исламского фундаменталистского движения «Талибан» (радикальное движение, запрещенное в России). До сих пор перспективы «старого нового» правительства талибов остаются весьма туманными, как и перспективы западного мира во главе с США договориться с ними.

В американском экспертном сообществе тут же родились сравнения с войной во Вьетнаме, поражение в которой больно ударило как по международному престижу Вашингтона, так и по внутриполитической обстановке в самих США. Официальный Вашингтон в ответ на появившиеся подобные параллели заявил, что «это определенно не Сайгон» [1], и оказался в меньшинстве. Мнения экспертов, однако, разделились. Одни говорили, что Афганистан станет для США «вторым Вьетнамом» [2], другие – что подобные сравнения не могут быть корректными ввиду принципиальных различий между указанными конфликтами [3], а третьи поспешили связать якобы некорректные сравнения Вьетнама–1975 и Афганистана–2021 исключительно с американским «правым» дискурсом [4].

В то же время дискуссия, заданная ими, является на данный момент крайне актуальной и требует непременного научного рассмотрения. Для понимания того, к чему потенциально может привести Соединенные Штаты исход из Афганистана, необходимо ответить на ряд вопросов: Насколько корректны подобные сравнения? Станет ли Афганистан для США «Вьетнамом 2.0»? – Забудется через год или же, как для Советского Союза в 1980-х гг., станет надгробным камнем над сверхдержавными амбициями? В поиске ответов на эти проблемные вопросы и заключается цель данной статьи.

Ввиду переплетения в рассматриваемых кейсах различных системных и внутриполитических факторов данное исследование проводилось в рамках неоклассического реализма. Неоклассический реализм представляет собой один из подходов к исследованию международных отношений в рамках реалистской парадигмы. Его отличие от классического реализма Ганса Моргентау заключается в том, что неоклассиками признается примат влияния системных факторов на внешнюю политику государства. В свою очередь, от неореализма Кеннета Уолтца неоклассический реализм отличает открытие «черного ящика» государства. Это значит, что при анализе какой-либо внешнеполитической ситуации к рассмотрению принимаются и внутренние факторы, такие как имидж лидеров стран, стратегическая культура, отношения между властью и обществом и т.д.

Главным же научным методом в данной работе выступил сравнительный анализ. Это общенаучный метод, направленный на сравнение двух и более объектов между собой. В данном случае метод сравнительного анализа был применен, чтобы выявить как различия, так и сходства между рассматриваемыми конфликтами. Это необходимо, чтобы в дальнейшем на основе проведенного сравнения выстроить некий прогноз дальнейшего развития ситуации.

Объектами предлагаемого сравнения выступили три крупных военных конфликта: война во Вьетнаме (1965–1973), советско-афганская война (1979–1989) и, наконец, война Международной коалиции в Афганистане (2001–2021). При выборе конфликтов для сравнения автор исходил из ряда объективных сходств между ними, таких как иррегулярность и асимметричность конфликтов, противоречивость системных стимулов, широкое влияние на ход и результат конфликтов внутриполитических переменных.

Исходя из этого, а также из положений неоклассического реализма, принятого в качестве основного теоретического подхода к изучению рассматриваемой проблемы, были выделены и основные критерии сравнения: ход конфликта, влияние системных стимулов и влияние внутриполитического давления.

Ход войны

В ходе войны во Вьетнаме достижения американской армии были весьма ограниченными. Ряд стратегических наступательных операций, предпринятых США в первые два года войны, не принес сколь-нибудь значимых результатов. Несмотря на размещение гигантского воинского контингента, численность которого на пике, в 1969 г., достигала 543 тыс. человек [5. P. 78], под контролем американцев находились главным образом лишь прибрежные районы и крупные города. Южновьетнамские партизаны, объединенные в Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, совместно с армией Северного Вьетнама проводили провальные в военном отношении, зато успешные в психологическом плане массированные наступательные операции (такие как Тетское и Второе Тетское наступления). Эти наступления деморализовали американское общество и, кроме того, продемонстрировали, что американские войска не контролируют ситуацию даже в столице Южного Вьетнама – Сайгоне.

Основные достижения Соединенных Штатов в войне во Вьетнаме были связаны главным образом с массированными авиационными бомбардировками. Однако операция «Раскаты грома», продолжавшаяся более трех лет, с марта 1965 по октябрь 1968 г., привела к огромным потерям не только среди северовьетнамских военных и сопутствующей инфраструктуры, но и среди гражданского населения, включая сожжение целых деревень и уничтожение посевов с целью вызвать в Северном Вьетнаме неурожай и голод. Кроме того, в ходе

операции американцы потеряли почти тысячу самолетов и столько же летчиков. Все это в совокупности определенно не позволяет назвать «Раскаты грома» успешной операцией.

На завершающем этапе войны правительством нового президента США Ричарда Никсона был взят курс на ее «вьетнамизацию», заключавшуюся в передаче ответственности за оборону Южного Вьетнама южновьетнамской армии и постепенном выводе американского воинского контингента. После подписания Парижского соглашения в 1973 г. и полного вывода войск США правительство в Сайгоне продержалось всего 2 года.

В случае с советско-афганской войной наблюдается схожая ситуация. Первоначально предназначенный для выполнения своего рода «миротворческой операции» и несения охранных функций, Ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВА) уже в начале 1980-х гг. перешел к прямым боям с исламской афганской оппозицией. Советские войска в Афганистане столкнулись с той же проблемой, что и американские во Вьетнаме: полномасштабной партизанской войной. С одной стороны, ОКСВА был в разы меньше по численности, чем вьетнамский контингент США (на пике его численность составляла 104 тыс. человек) [6. С. 402]. Однако это не помешало ему на протяжении почти всей войны контролировать крупные города страны и не давать моджахедам проводить крупные военные операции против советских и правительственных афганских войск. В то же время жизнь за пределами Кабула и других опорных пунктов зачастую находилась полностью за пределами советского и правительственного влияния. Так, в 1986 г. под контролем моджахедов находилось до 70% всей территории страны и 22 тыс. из 30 тыс. афганских кишлаков [7. С. 105].

Как и в случае с Соединенными Штатами во Вьетнаме, у Советского Союза в Афганистане было одно важное преимущество – господство в воздухе. До 1986 г. оно было практически неоспоримым ввиду отсутствия у моджахедов адекватных средств противовоздушной обороны. Однако после начала поставок моджахедам Соединенными Штатами переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер» советскому господству в воздухе был нанесен серьезный удар.

Это в совокупности с рядом внутриполитических факторов, о которых будет подробнее рассказано ниже, привело советское руководство в 1988 г. к решению о выводе советских войск из Афганистана. Правительство в Кабуле в соответствии с этим также взяло курс на «национальное примирение». За год советские войска были полностью выведены, однако материально-техническая поддержка Афганистана Советским Союзом продолжалась вплоть до его развала в 1991 г. Без поддержки извне правительство Мохаммада Наджибуллы смогло просуществовать лишь несколько месяцев и пало в апреле 1992 г.

Что же касается американской войны в Афганистане, то здесь надо отметить некоторое ее отличие от вьетнамской и афганской войн. В рамках операции «Несокрушимая свобода» армия США вместе с союзниками быстро нанесла поражение движению «Талибан», которое заполучило власть в стране в результате гражданской войны, разразившейся в Афганистане после свержения режима Наджибуллы. Несмотря на военное поражение, талибы не сложили оружие и перешли к партизанской войне. Силовые структуры нового правительства в Кабуле не могли обеспечить безопасность, что приводило к новым и новым увеличениям численности американского воинского контингента в стране. Через 10 лет, в 2011 г., начался постепенный вывод войск коалиции. На тот момент в стране находилось до 110 тыс. солдат армии США [8]. Кроме того, начался переход к «афганизации» (по аналогии с «вьетнамизацией») конфликта – операция «Несокрушимая свобода» завершилась, начались операции «Страж свободы» (точечные удары американского спецназа) и «Решительная поддержка» (обучение и оснащение непосредственно афганских сил).

Тем временем афганцы начали более активно поддерживать «Талибан», поскольку тот взял на себя роль движения сопротивления иностранной оккупации. Сами талибы также постепенно дрейфовали в сторону от крайне фундаменталистских позиций. В итоге к 2017 г. «Талибан» уже активно действовал на 70% территории Афганистана [9]. Более того, в провинциях работали так называемые «теневые правительства» талибов. Местные жители и чиновники свидетельствовали, что «“Талибан” правил более согласованно, чем когда-либо прежде» и де-факто контролировал жизнь за пределами Кабула и других крупных городов, взимая налоги и следя за распределением социальных благ [10].

В феврале 2020 г. администрация президента США Дональда Трампа и «Талибан» подписали Дохийское соглашение, предусматривающее вывод всех американских военных к маю следующего года. Таким образом, к январю 2021 г. в стране оставалось лишь 2,5 тыс. американских военных, выполнявших главным образом вспомогательные функции. Однако администрация нового президента США Джо Байдена фактически отменила условия сделки с талибами, перенеся срок вывода войск на 11 сентября 2021 г. В итоге талибы, не чувствуя себя более стесненными никакими обязательствами перед Западом, начали успешное наступление, приведшее к тотальному дезертирству в афганской армии, взятию Кабула и поспешной эвакуации оставшегося американского воинского персонала.

Таким образом, все эти конфликты объединяет одна главная общая черта: невозможность глобальной сверхдержавы справиться с партизанской войной в стране третьего мира и крушение созданной «на земле» системы после ухода наземных войск. Однако есть и нечто особенное, что отличает войну в Афганистане от двух других кейсов, – это чрезвычайно быстрый развал афганской армии летом 2021 г. Правительство Южного Вьетнама и режим Наджибуллы продержались два и три года соответственно, в то время как проамериканский режим в Кабуле пал еще до окончания вывода американских войск. Это кажется тем более удивительным, если вспомнить, что у США было несравнимо больше времени на создание из местных сил боеспособной армии, чем у них же во Вьетнаме или у СССР в том же Афганистане.

Системные стимулы

Вступления США в войну во Вьетнаме требовала сама логика биполярной системы. Вашингтону было необходимо воспрепятствовать продвижению коммунизма в Юго-Восточной Азии. Политику противодействия коммунистическому влиянию в Белом доме в тот период рассматривали с точки зрения «теории домино» [11. P. 383]: если одна страна попала под власть коммунистического режима, она неизбежно подтолкнет в том же направлении соседние страны, в точности как одна падающая костяшка домино толкает другую. Будущее, однако, показало, что значимость «теории домино» была сильно переоценена, так как установление социалистического режима во Вьетнаме не привело к широкому распространению коммунизма в регионе.

Кроме того, еще один системный фактор влиял на сам ход войны во Вьетнаме – это поддержка Северного Вьетнама Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Хорошо осведомленные о внутриполитических процессах в Соединенных Штатах и о том, какое влияние общественное мнение в США может оказывать на их внешнюю политику, коммунистические страны стремились нанести как можно больший урон именно американским частям, чтобы принудить американское правительство к уходу из Вьетнама. В то же время, по всей вероятности, американское руководство долгое время воспринимало этот фактор как стимул в совершенно ином направлении. За упорством, с которым СССР и КНР противостояли США во Вьетнаме, в Вашингтоне видели значимость этой страны для своих противников и потому продолжали тратить ценные ресурсы на эту далекую войну.

Введение советских войск в Афганистан также происходило в русле биполярной логики. Во-первых, дружественный режим Демократической Республики Афганистан объективно нуждался в поддержке в борьбе против возникшей в стране оппозиции социалистическим реформам. В случае же победы исламской оппозиции СССР рисковал получить прямо на своей границе центр религиозного экстремизма, который мог захлестнуть среднеазиатские союзные республики.

Во-вторых, за Афганистан развернулась ожесточенная борьба между СССР и США. Однако на сегодняшний день остается открытым вопрос, насколько это противостояние было реальным, и насколько – лишь созданной Соединенными Штатами ловушкой, призванной устроить Советскому Союзу «свой Вьетнам». Согласно воспоминаниям бывшего начальника Управления нелегальной разведки КГБ Ю.И. Дроздова, к моменту ввода войск в Афганистан США всячески демонстрировали свое вовлечение в афганские дела, а советские войска первоначально планировали покинуть Афганистан уже в 1980 г. [12]. В то же время советник по национальной безопасности президента США Дж. Картера Збигнев Бжезинский впоследствии вспоминал, что в Вашингтоне делали все возможное для вовлечения Москвы в «афганское болото» [13].

Нельзя забывать и про влияние американской помощи непосредственно на ход советско-афганской войны. Речь идет об операции ЦРУ под кодовым наименованием «Циклон». То, что начиналось как небольшой транш Пакистану в $500 тыс. на закупки средств «нелетальной помощи» для афганских моджахедов [14. P. 99], обернулось тратами, доходящими до $700 млн в год. Общие же расходы на операцию составили минимум $3 млрд (что, к слову, обошлось США в 100 раз дешевле, чем вся война во Вьетнаме) [14. P. ix]. Зарубежное финансирование серьезно увеличило боевые возможности исламистов и не позволило советским войскам быстро разобраться с ними.

На объявление Соединенными Штатами войны Афганистану в 2001 г. влияли несколько другие системные факторы. США было необходимо ответить на брошенный им как мировому гегемону 11 сентября 2001 г. вызов. Примечательно, что вызов этот является двусоставным. Первую его часть составили непосредственно теракты, совершенные боевиками «Аль-Каиды». Второй же стали действия «Талибана», управлявшего Исламским Эмиратом Афганистан и отказавшегося выдать США лидера «Аль-Каиды» Осаму бен Ладена. И если на первый вызов точно можно было ответить исключительно ракетными ударами по базам террористов, то при появлении второго ситуация усложнилась, и администрацией США в конечном счете был выбран вариант с наземной операцией и оккупацией страны.

Кроме того, следует отметить, что США смогли воспользоваться событиями 11 сентября для укрепления своей мировой гегемонии. Место «великого зла», исполненное в духе конструктивизма, после развала соцлагеря и падения Советского Союза к тому моменту пустовало уже почти 10 лет. Это начало раздражать европейских союзников США, которым было непонятно, почему они продолжают делегировать полномочия по обеспечению собственной безопасности за океан. Разрушение же башен-близнецов продемонстрировало всему миру, что на международной арене появилось новое «великое зло» в лице исламского терроризма, что требовало сплочения всех стран (естественно, вокруг США), а также вызвало по всему миру невероятный рост сочувствия к американцам.

Уход же США из Афганистана, растянувшийся на 10 лет, также во многом был вызван системными причинами. Переориентация внешней политики США с Ближнего Востока на Азиатско-Тихоокеанский регион, вызванная подъемом Китая и провозглашенная еще Б. Обамой, вынуждает Вашингтон перераспределять ресурсы. Война в Афганистане уже давно не входила в список приоритетов американской внешней политики: страна перестала быть оплотом международного терроризма, и главной причиной, по которой США продолжали держать там свои войска, оставалась невозможность спрогнозировать последствия их вывода оттуда.

Следовательно, главным общим признаком всех трех рассматриваемых конфликтов является втягивание в них главным образом по системным причинам, будь то необходимость дать отпор лидеру противостоящего политического блока или ответить на брошенный мировому гегемону вызов. Однако, как и в прошлом случае, война в Афганистане несколько отличается от первых двух. Дело в том, что уход США из Афганистана происходил по большей части добровольно, хоть

и также из-за возникновения новых системных стимулов. Если во Вьетнаме американские войска потерпели явное поражение, а ОКСВА был выведен из Афганистана из-за внутриполитических проблем, то США вышли из Афганистана потому, что решили главную декларируемую задачу, которую поставили перед собой при вторжении туда, – ликвидировали террористическую угрозу.

Внутриполитическое давление

Если на начало всех рассматриваемых конфликтов влияли главным образом системные факторы, то внутриполитические факторы в основном влияли на ход и результаты конфликтов. Забегая вперед, стоит отметить, что у каждого кейса были свои особенности внутриполитической реакции на конфликт. В случае с Вьетнамом особенностью выступили широкомасштабные кампании гражданских протестов. В протестном движении участвовали самые различные деятели и социальные группы (студенты, меньшинства, деятели культуры, хиппи) по самым разным причинам (против войны во Вьетнаме, против войн в целом, против призывной армии) [15]. Кроме того, американское общество приобрело так называемый «вьетнамский синдром», заключающийся в нежелании поддерживать долгие заокеанские войны без явно определенных целей, к тому же сопровождающиеся потерями среди американских военнослужащих.

Что касается политических элит, то в Вашингтоне и «ястребы», и «голуби» в целом видели Вьетнамскую войну как нужную и важную, расходясь лишь в оценках фактического положения вещей. Если первые считали, что во Вьетнаме можно даже еще немного поднажать, то вторые полагали, что противостоять мировому коммунизму необходимо, но война ведется неправильными методами, которые должны быть пересмотрены. Лишь меньшая часть «голубей» (главным образом демократы) настаивали на переговорах и прекращении войны.

Война во Вьетнаме также отрицательно сказалась на состоянии экономики Соединенных Штатов. Примечательно, что точная стоимость войны до сих пор неизвестна. По самым минимальным расчетам только прямые расходы на военные действия составили $110 млрд. Однако сюда следует также прибавить стоимость утраченного снаряжения, расходы на поддержку правительства Южного Вьетнама, послевоенные выплаты ветеранам и многое другое. В итоге некоторые экономисты доводят цифру расходов на Вьетнам до $1 трлн, причем без учета инфляции [16].

В случае советско-афганской войны картины, схожей с Вьетнамом в плане общественного мнения, не наблюдалось. Главную роль здесь сыграли особенности советского общества: население в большинстве своем мало знало о войне, поскольку ему о ней не рассказывали. В то же время серьезные волнения в народе были вызваны отменой отсрочки от службы в армии для студентов, вызванной в том числе войной в Афганистане.

Куда более серьезную роль сыграли две следующие особенности внутриполитической реакции на афганскую войну. Первую из них можно назвать непостоянством в оценках и решениях советского руководства касательно войны. Со стороны может показаться, будто в Кремле сами не до конца понимали, в чем заключаются цели и задачи военного присутствия в Афганистане. Особенно ярко это проявилось у М.С. Горбачева, который сначала раскритиковал военных за недостаточно активное ведение боевых действий, а затем занял совершенно противоположную позицию и стал ратовать за вывод ОКСВА из страны [17. С. 332–333].

Другой же внутриполитической особенностью советско-афганской войны стали огромные расходы на ее ведение. Сумма финансовых потерь не ограничивалась тратами непосредственно на войну: сюда входили еще и расходы на поддержку афганского правительства в Кабуле, а также разного рода издержки от эмбарго со стороны западных стран. По воспоминаниям бывшего командующего 40-й армией генерала Б.И. Громова, даже неполные результаты работы группы экономистов, которая должна была подсчитать все траты и издержки, связанные с Афганской войной, по всей видимости, получились настолько ужасающими, что так до сих пор и остаются неопубликованными [18]. Учитывая общие особенности советской экономики и ее изношенность к середине 1980-х гг., Афганская война хоть и обошлась Москве в 7 раз дешевле, чем США обошелся Вьетнам [19], все равно стала одной из главных причин краха Советского Союза.

Американская война в Афганистане на удивление может характеризоваться отсутствием масштабного антивоенного движения. Отчасти это может быть объяснено тем, что эффект от «вьетнамского синдрома» был в значительной степени нивелирован реальной угрозой со стороны «Аль-Каиды», поэтому война в самих Соединенных Штатах воспринималась положительно: в 2001 г. ее поддержали 88% американцев [20]. Вместе с тем массовая поддержка войны быстро улетучилась. Уже к 2007 г. количество граждан США, поддерживающих войну, сократилось до 42% [21. P. 24]. Во второй половине 2010-х гг. давление на американское руководство начало отчетливо ощущаться как слева, так и справа. Оба полюса требовали выхода из Афганистана, но по разным причинам: первые обвиняли правительство в несправедливом характере войны, вторые же делали упор на то, что афганские проблемы не являются проблемами США.

Одной из главных причин подобного явления было непостоянство Белого дома в предполагаемых целях войны. К изначально преследовавшейся цели борьбы с международным терроризмом посредством свержения режима талибов и устранения угрозы со стороны «Аль-Каиды» добавились масштабные планы по государственному строительству в Афганистане, а затем и на всем Ближнем Востоке по западным образцам [22]. Затем на фоне неудачи в выполнении поставленных целей в Афганистане, Ираке и странах, подвергшихся воздействию «арабской весны» 2011 г., данная цель в Вашингтоне была постепенно убрана из оборота. В июле же 2021 г. президент Байден заявил, что целью США в Афганистане никогда не было государственное строительство, только борьба с терроризмом [23].

Другой причиной как общественного недовольства, так и в конце концов вывода войск стали колоссальные траты на войну в Афганистане. Как и в случаях с войной во Вьетнаме и советско-афганской войной, точные цифры расходов определить практически невозможно. По подсчетам Пентагона, общая стоимость войны составила $825 млрд. Однако многие, включая самого президента Байдена, называли цифру, почти в два раза большую, – $2 трлн [24]. Важно отметить, что зачастую критиковались не сами расходы, а нецелевое расходование средств и связанный с этим повальный рост коррупции в самом Афганистане.

Таким образом, все три кейса объединяют все те же проявления внутриполитических факторов: общественное недовольство, огромные расходы и возникновение проблем в экономике. Однако есть кое-что, что объединяет советскую и американскую войны в Афганистане и отличает войну во Вьетнаме, – трудности с консенсусом даже среди политических элит, которых в США на рубеже 1960–1970-х гг. особо не наблюдалось.

Выводы

После ухода из Афганистана президент США Джо Байден официально провозгласил конец эпохи военного переустройства мира [25]. Большой вопрос, насколько это заявление соответствует действительности. Возможно, это попытка «сделать хорошую мину при плохой игре» на фоне стремительного развала афганской армии, подобного которому не было ни после ухода из Вьетнама, ни даже после советского ухода из Афганистана. Кроме того, в условиях серьезного внешнего давления со стороны незападных стран проводить политику военных интервенций становится куда сложнее, чем во времена «момента однополярности».

Кроме того, уход из Афганистана наложился на эру серьезных разногласий, которую сейчас переживает американское общество. Важно отметить, что разногласия эти фактически делят страну на три лагеря. США во время войны во Вьетнаме и СССР во время советско-афганской войны «кренились» только в одну сторону. Первые переживали относительно левый антивоенный и антиимпериалистический поворот, второй же вставал на волну «перестройки» и «гласности» и, соответственно, либерально-демократического движения. Сегодня же Соединенные Штаты разрываются между крайне левыми и крайне правыми идеями. Страна расколота не только по линии «республиканцы–демократы» – раскол намечается и внутри самих партий. И левый, и правый полюсы в США требовали ухода из Афганистана, но каждый по своим причинам. Теперь, когда и те и другие получили подтверждение своим словам, это может привести к дальнейшему обострению внутриполитической борьбы в Соединенных Штатах.

Из этого следует, что глобальное лидерство США сейчас находится даже в большей опасности, чем оно было во время президентства Д. Трампа. Даже во времена Вьетнама подавляющее большинство американской политической элиты было убеждено в правильности общего внешнеполитического курса. Уход же из Афганистана, при всей парадоксальности сложившейся вокруг него ситуации, когда столь желанный всей страной вывод войск не успокоил общество, а, наоборот, лишь сильнее его взбаламутил, продемонстрировал невиданное доселе отсутствие консенсуса по внешнеполитическим вопросам. Подобная неуверенность Соединенных Штатов, их переход к стратегической обороне в контексте конструктивистского противостояния по линии «демократии–автократии» в совокупности с неспособностью разобраться со своими внутренними проблемами могут привести к ускорению процесса падения американского глобального лидерства.

Список источников

1. ‘This is manifestly not Saigon’: Blinken defends US mission in Afghanistan // The Guardian. 2021. Aug. 15. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2021/aug/15/antony-blinken-us-mission-afghanistan-saigon (accessed: 03.12.2021).
2. ‘The Temperature in Saigon Is 105 and Rising’ // Politico. 2021. Aug. 21. URL: https://www.politico.com/news/magazine/2021/08/21/saigon-vietnam-kabul-afghanistan-505943 (accessed: 03.12.2021).
3. Stop Comparing Afghanistan’s Fall to South Vietnam’s // Foreign Policy. 2021. Sept. 1. URL: https://foreignpolicy.com/2021/09/01/afghanistan-vietnam-saigon-kabul-fall/ (accessed: 03.12.2021).
4. What Does the Fall of Saigon Really Have to Teach Us About Afghanistan? // Slate. 2021. Aug. 16. URL: https://slate.com/news-and-politics/2021/08/afghanistan-kabul-taliban-fall-of-saigon-vietnam-comparison.html (accessed: 03.12.2021).
5. Westheider J.E. The Vietnam War. Westport : Greenwood Press, 2007. 217 p.
6. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеина. М. : Воениздат, 1993. 415 с.
7. Никитенко Е.Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М. : АСТ, 2004. 362 с.
8. Afghanistan: What has the conflict cost the US and its allies? // BBC News. 2021. Sept. 3. URL: https://www.bbc.com/news/world-47391821 (accessed: 06.12.2021).
9. Исследование Би-би-си: влияние «Талибана» растет // BBC News. Русская служба. 2018. 31 янв. URL: https://www.bbc.com/russian/features-42885511 (дата обращения: 06.12.2021).
10. Jackson A. Life under the Taliban shadow government // Overseas Development Institute. 2018. June 28. P. 5.
11. Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower. Washington DC : Government Printing Office, 1958. 1200 p.
12. Юрий Дроздов: Россия для США – не поверженный противник // Фонтанка. 2011. 5 марта. URL: https://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/ (дата обращения: 07.12.2021).
13. Afghanistan: The Soviet Union’s Vietnam // Al Jazeera. 2003. Apr. 23. URL: https://www.aljazeera.com/news/2003/4/23/afghanistan-the-soviet-unions-vietnam (accessed: 07.12.2021).
14. Riedel B. What We Won: America’s Secret War in Afghanistan, 1979–1989. Washington DC : Brookings Institution Press, 2014. xvii, 189 p.
15. Behind the Anti-War Protests That Swept America in 1968 // Time. 2018. Jan. 19. URL: https://time.com/5106608/protest-1968/ (accessed: 07.12.2021).

16. Vietnam Statistics – War Costs: Complete Picture Impossible // CQ Almanac. 1975. URL: https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal75-1213988 (accessed: 07.12.2021).
17. Брейтвейт Р. Афган: русские на войне. М. : АСТ : CORPUS, 2013. 496 с.
18. Ограниченный контингент людей чести и долга // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10949893@cmsArticle (дата обращения: 08.12.2021).
19. Афганистан. СССР против США: операция Союза в семь раз дешевле // Известия. 2021. 22 авг. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/08/22/883035-afganistan-sssr (дата обращения: 08.12.2021).
20. Public Opinion of the War in Afghanistan // Gallup. 2001. Oct. 31. URL: https://news.gallup.com/poll/9994/public-opinion-war-afghanistan.aspx (accessed: 08.12.2021).
21. 47-Nation Pew Global Attitudes Survey // Pew Research Center. 2007. June 27. 129 p.
22. Конаровский М.А. США в Афганистане: от военно-политической эйфории до дилеммы вывода войск // Международная жизнь. 2019. 16 окт. URL: https://interaffairs.ru/news/show/24165 (дата обращения: 08.12.2021).
23. Biden: 'We did not go to Afghanistan to nation build' // BBC News. 2021. July 8. URL: https://www.bbc.com/news/av/world-us-canada-57772189 (accessed: 08.12.2021).
24. Hundreds of billions were spent by the US in Afghanistan. Here are 10 of the starkest examples of 'waste, fraud and abuse' // CNN. 2021. Oct. 7. URL: https://edition.cnn.com/2021/10/07/asia/us-afghanistan-spending-waste-intl-cmd/index.html (accessed: 08.12.2021).
25. Remarks by President Biden on the End of the War in Afghanistan // The White House. 2021. Aug. 31. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/31/remarks-by-president-biden-on-the-end-of-the-war-in-afghanistan/ (accessed: 08.12.2021).

References

1. Pilkington, E. (2021) This is manifestly not Saigon: Blinken defends US mission in Afghanistan. *The Guardian*. 15th August. [Online]. Available from: https://www.theguardian.com/us-news/2021/aug/15/antony-blinken-us-mission-afghanistan-saigon (Accessed: 3rd December 2021).
2. Caputo, P. (2021) The Temperature in Saigon Is 105 and Rising. *Politico*. 21st August. [Online]. Available from: https://www.politico.com/news/magazine/2021/08/21/saigon-vietnam-kabul-afghanistan-505943 (Accessed: 3rd December 2021).
3. Humphrey, C. (2021) Stop Comparing Afghanistan's Fall to South Vietnam's. *Foreign Policy*. 1st September. [Online]. Available from: https://foreignpolicy.com/2021/09/01/afghanistan-vietnam-saigon-kabul-fall/ (Accessed: 3rd December 2021).
4. Onion, R. (2021) What Does the Fall of Saigon Really Have to Teach Us About Afghanistan? *Slate*. 16th August. [Online]. Available from: https://slate.com/news-and-politics/2021/08/afghanistan-kabul-taliban-fall-of-saigon-vietnam-comparison.html (Accessed: 3rd December 2021).
5. Westheider, J.E. (2007) *The Vietnam War*. Westport: Greenwood Press.
6. Krivoshein, G.F. (ed.) (1993) *Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh* [The classification has been removed. Losses of the armed forces of the USSR in wars, combat operations and military conflicts]. Moscow: Voenizdat.
7. Nikitenko, E.G. (2004) *Afganistan: ot voyny 80-kh do prognoza novykh voyn* [Afghanistan: From the war of the 1980s to the prediction of new wars]. Moscow: AST.
8. *BBC News*. (2021) Afghanistan: What has the conflict cost the US and its allies? 3rd September. [Online]. Available from: https://www.bbc.com/news/world-47391821 (Accessed: 6th December 2021).
9. *BBC News.* (2018) Issledovanie Bi-bi-si: vliyanie "Talibana" rastet [BBC research: The influence of the Taliban is growing]. 31st January. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/features-42885511 (Accessed: 6th December 2021).
10. Jackson, A. (2018) Life under the Taliban shadow government. *Overseas Development Institute*. 28th June. p. 5.
11. USA. (1958) *Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower*.
12. Drozdov, Yu. (2011) Rossiya dlya SShA – ne poverzhenniy protivnik [Russian is not a defeated enemy for the USA]. *Fontanka*. 5th March. [Online] Available from: https://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/ (Accessed: 7th December 2021).
13. *Al Jazeera*. (2003) Afghanistan: The Soviet Union's Vietnam. 23rd April. [Online]. Available from: https://www.aljazeera.com/news/2003/4/23/afghanistan-the-soviet-unions-vietnam (Accessed: 7th December 2021).
14. Riedel, B. (2014) *What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979–1989*. Brookings Institution Press.
15. Levy, D.S. (2018) Behind the Anti-War Protests That Swept America in 1968. *Time*. 19th January. [Online] Available from: https://time.com/5106608/protest-1968/ (Accessed: 7th December 2021).
16. CQ Almanac. (1975) *Vietnam Statistics – War Costs: Complete Picture Impossible*. [Online] Available from: https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal75-1213988
17. Braithwaite, R. (2013) *Afgan: russkiye na voyne* [Afghanistan: Russians at War]. Translated from English. Moscow: AST: CORPUS.
18. Ministry of Defense of the Russian Federation. (n.d.) *Ogranichennyy kontingent lyudey chesti i* dolga [A limited contingent of men of honor and duty]. [Online]. Available from: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10949893@cmsArticle (Accessed: 8th December 2021).
19. Nikolsky, A. & Mishutin, G. (2021) Afganistan. SSSR protiv SSha: operatsiya Soyuza v sem' raz deshevle [Afghanistan. USSR vs USA: The Union operation is seven times cheaper]. *Izvestiya*. 22nd August. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/08/22/883035-afganistan-sssr (Accessed: 8th December 2021).
20. Newport, F. (2001) Public Opinion of the War in Afghanistan. *Gallup*. 31st October. [Online]. Available from: https://news.gallup.com/poll/9994/public-opinion-war-afghanistan.aspx (Accessed: 8th December 2021).
21. *Pew Research Center*. (2007) 47-Nation Pew Global Attitudes Survey. 27th June.
22. Konarovskiy, M.A. (2019) SShA v Afganistane: ot voenno-politicheskoy eyforii do dilemmy vyvoda voysk [The USA in Afghanistan: From military-political euphoria to the withdrawal dilemma]. *Mezhdunarodnaya zhyzn'*. 16th October. [Online] Available from: https://interaffairs.ru/news/show/24165 (Accessed: 8th December 2021).
23. *BBC News*. (2021) Biden: 'We did not go to Afghanistan to nation build'. 8th July. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/av/world-us-canada-57772189 (Accessed: 8th December 2021).
24. Paton Walsh, N. (2021) *Hundreds of billions were spent by the US in Afghanistan. Here are 10 of the starkest examples of 'waste, fraud and abuse'*. *CNN*. 7th October. [Online] Available from: https://edition.cnn.com/2021/10/07/asia/us-afghanistan-spending-waste-intl-cmd/index.html (Accessed: 8th December 2021).
25. The White House. (2021) Remarks by President Biden on the End of the War in Afghanistan. *The White House*. 31st August. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/31/remarks-by-president-biden-on-the-end-of-the-war-in-afghanistan/ (Accessed: 8th December 2021).

***Сведения об авторе*:**
Юрк Алексей Владимирович – соискатель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alexey.yurk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Yurk Alexey V. – External Postgraduate Student of the Faculty of International Relations of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alexey.yurk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.09.2021; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 12.09.2021; accepted for publication 03.10.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 77.04(091)
doi: 10.17223/19988613/85/18

Путешествие Курта и Марго Любински по Сибири (1928 г.)

Рамина Олеговна Абилова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ramina.abilova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена фотографиям супружеской пары Любински, сделанным в Советском Союзе летом 1928 г. В ней восстанавливается контекст создания и бытования фотоснимков, которые запечатлели коренное население Казакской АССР, Ойротской автономной области, Хакасского округа, способы передвижения по Сибири, городскую архитектуру Москвы, Новосибирска, Томска, Ленинграда и др. Фотографии публиковались в немецких, нидерландских, британских изданиях в 1928–1938 гг. В настоящее время они хранятся в Фонде «Спаарнестад Фото» в Гааге и архиве «Уллстейн Билд» в Берлине.
Ключевые слова: фотография, Курт Любински, Марго Любински, Сибирь, советская история, коренные народы

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющем пространстве Урала и Сибири», грантовой программы Дома культуры «ГЭС-2».

Для цитирования: Абилова Р.О. Путешествие Курта и Марго Любински по Сибири (1928 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 140–147. doi: 10.17223/19988613/85/18

Original article

A journey into Siberia by Kurt and Margot Lubinski (1928)

Ramina O. Abilova

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, ramina.abilova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the photographs of Lubinskis, taken in the Soviet Union in the summer of 1928. The author reconstructs the context of the creation and existence of photographs. The research is based on digital photography collections of Spaarnestad Photo Foundation and Ullstein Bildarchiv, Kurt Lubinski`s travelogue book “This is our world” (1938), documents kept at the State archive of the Russian Federation, Soviet laws. This article presents regulation rules of taking photographs in USSR and troubles faced by Kurt and Margot Lubinski during their photographic trip. They visited Leningrad, Moscow, Novosibirsk, Semipalatinsk (*Semey*), *Biysk, Ulala (Gorno-Altaysk), Tomsk, Shira Resort, Minusinsk, Krasnoyarsk and rural areas. The main object of their photographs became* the indigenous population of the Kazak Autonomous Soviet Socialist Republic (Republic of Kazakhstan), the Oirot Autonomous Region (Altai Republic), the Khakass District (Republic of Khakassia). Lubinski’s photographs show Soviet influence on various ethnic groups rather than the Soviet achievements. They capture the emerging modernization and loss of traditions in the “nomadic” regions. The photographs focus on the life, dresses, daily activities, rituals and religious practices of indigenous peoples. At the same time, there are images of the architecture in Moscow, Novosibirsk, Tomsk, which also show the changes that occurred with the establishment of the Soviet Union. In addition, the photographs depict the photographers themselves. The Lubinskis were not free to choose photographic objects due to the legal restrictions on photographic and cinema production in the USSR. Their experience testifies to the discrepancies in the interpretation of legislative norms by representatives of local authorities, as a result of which the set of objects permitted for photography had changed. Maneuvering between obstacles in their path, the Lubinskis were able to capture the state of the “nomadic” regions before the significant transformations: the nomads were to be permanently settled and thrust into the collective farms. These photographs were published in German and Dutch newspapers and magazines in 1928-1937. Currently, the negatives were not preserved, the photographic prints are held by the Spaarnestad Photo Foundation in Hague and the Ullstein Buildarchive in Berlin.

© Р.О. Абилова, 2023

Keywords: photography, Kurt Lubinski, Margot Lubinski, Soviet history, Siberia, indigenous peoples, Nomads

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”, commissioned as part of the GES-2 House of Culture Grant Programme.

For citation: Abilova, R.O. (2023) A journey into Siberia by Kurt and Margot Lubinski (1928). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 140–147. doi: 10.17223/19988613/85/18

Установление дипломатических отношений и широкого сотрудничества между Германией и Советским Союзом в 1920-е гг. способствовало росту поездок немецких граждан в первое в мире социалистическое государство [1]. Только за период реализации новой экономической политики было опубликовано более 40 работ о визитах интеллектуалов в СССР [2. С. 253]. Среди них произведения философа Вальтера Беньямина, математика и публициста Эмиля Юлиуса Гумбеля, писателя Франца Карла Вайскопфа, драматурга Эрнста Толлера и др. [3–6]. О повышенном интересе к Советскому Союзу свидетельствует многократное переиздание за короткий срок (десять за два года) книги журналиста и писателя Эгона Эрвина Киша “Zaren, Popen, Bolschewiken”, состоящей из впечатлений о стране [7].

Помимо текстов, иностранные визитеры создавали фотографии[1], однако они до сих пор не получили пристального внимания исследователей [8]. Главными источниками в изучении системы приема иностранцев, обстоятельств визитов выдающихся гостей, социально-политической ситуации в СССР являются дневники путешествий, репортажи и путевые очерки [9–12], в то время как фотографии, несмотря на высокий источниковый потенциал, остаются не введенными в научный оборот. В данной статье предпринимается попытка частичного восполнения указанного пробела. В ней будет рассмотрена история создания и бытования фотографий супружеской пары из Германии – Курта и Марго Любински, сделанных в Сибири летом 1928 г. Источниковой базой исследования являются фотографии Любински, находящиеся в Фонде «Спаарнестад Фото» (Spaarnestad Photo Foundation) Национального архива в Гааге [13] и архиве «Уллстейн Билд» (Ullstein Bildarchiv) в Берлине [14], книга Курта Любински “This is our world” [15. P. 99–154], которая содержит травелог о путешествии в СССР и фотографии, документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, законодательные акты, регулирующие фотосъемку.

Курт Любински (1899–1969) родился в Берлине в еврейской семье. Он изучал право в Берлинском университете, но предпочел развивать свою карьеру в фотожурналистике. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. он работал в газетах и журналах немецкой медиагруппы Ullstein Verlag. К сожалению, достоверных сведений о Марго Любински (1906–?), урожденной Левин-Рихтер, выявить не удалось. Известно, что в 1927 г. они поженились, а в 1931 г. у них родился сын. В 1933 г. семья была вынуждена эмигрировать в Нидерланды из-за прихода нацистов к власти, оставив значительную часть своего фотоархива в Германии. В новой стране Курт Любински продолжил фотографическую деятельность в иллюстрированных журналах издательства Spaarnestad. В конце 1937 г. они переехали в Англию, а в 1943 г. отправились в США. Позднее Курт Любински работал и получил степень доктора философии в Нью-Йоркском университете. Его путь в области фотографии завершился.

На несколько десятилетий его творчество оказалось забыто, пока в 2008 г. не была организована ретроспективная фотовыставка «Курт Любински: фотограф в изгнании» в Еврейском историческом музее в Амстердаме и издана одноименная книга [16][2]. На выставке были показаны результаты поездок по Европе, Африке, Советскому Союзу, Турции, США и др. В фокусе его фотографий – традиции, быт, детали повседневности коренного населения. Любински интересовали изменения в образе жизни коренного населения под влиянием колонизации и процессов модернизации. Своими фотографиями он показывал их обычаи и формы культурного самовыражения [15, 17].

Актуализации фотонаследия Любински также способствовала оцифровка и онлайн-публикация его работ, которые хранятся в Фонде Spaarnestad Photo и архиве Ullstein Bild. За исключением нескольких изображений, фотографии в их коллекциях не дублируются. На сайте Spaarnestad Photo каждый снимок сопровождается краткими сведениями: номер изображения, дата, правообладатель, автор, местонахождение, подпись на нидерландском и английском языках, запечатленные люди, страна и место съемки, цвет, ключевые слова. На нем представлено около 90 фотографий, сделанных в СССР. К сожалению, не все фотоснимки верно атрибутированы или содержат полную информацию. В графе об авторстве в большинстве случаев указаны два имени – Курт и Марго Любински. Скорее всего, подобный подход вызван трудностями в установлении автора фотографий. Супруги часто путешествовали и фотографировали вместе. Из-за переездов их архив был утрачен, тем самым сделав вопрос авторства множества фотоснимков открытым.

В архиве Ullstein Bild находятся фотографии, которые публиковались в изданиях медиагруппы Ullstein Verlag. На сайте отсутствует сопроводительная информация. На нем размещены только изображения и их номер. Однако после скачивания фотографий можно обнаружить важные сведения в метаданных: авторское название, использованное при публикации в журналах и газетах; место и год съемки, авторство, место и дата публикации; правообладатель, ключевые слова. В этой цифровой коллекции выявлено 70 фотографий, сделанных в СССР. В качестве их авторов также указаны Курт и Марго Любински.

Любински отправились в Советский Союз летом 1928 г. Главная цель их поездки – путешествие по Сибири[3]. Они прилетели в Ленинград в начале июня, и оттуда добрались на поезде до Москвы. Согласование дальнейшего маршрута и оформление необходимых документов потребовали нескольких дней пребывания в столице. Тягостное ожидание супруги коротали в гостинице, так как все это время они не могли фотографировать.

В 1928 г. для фотосъемки на территории СССР требовалось разрешение Отдела административного надзора НКВД. В выдаваемом удостоверении указывались срок и территория его действия, перечислялись ограничения на съемку в соответствии с Постановлением Совета Труда и Обороны Союза ССР от 20 декабря 1923 г. о порядке производства фото- и киносъемки воинских частей и военных сооружений [18]. Нельзя было снимать воинские части, склады, здания, крепостные сооружения, лагеря, военные портовые сооружения и имеющие стратегическое значение технические сооружения железных дорог, а также производить аэрофотосъемку. В случае нарушения запретов грозила уголовная ответственность. Эти нормы распространялись как на советское население, так и на иностранных визитеров.

Запрос на получение разрешения на фотосъемку Любински сделал Отдел печати и информации НКИД. Согласно этому документу, Курт Любински приехал в СССР как специальный корреспондент газеты «Берлинер Иллюстрирте», а Марго Любински сопровождала его в качестве помощника [8. Л. 24]. Запрос был направлен 11 июня, а 15 июня получены разрешения [8. Л. 21–22].

После оформления документов Любински отправились в долгожданное путешествие на транссибирском экспрессе. Наконец они получили возможность применить свои фотоаппараты. Благодаря фотоснимкам, на которых запечатлены сами супруги (SFA006005211, SFA002006853, SFA007001804)[4], и тексту травелога можно составить общее представление об их технической оснащенности. Они взяли с собой как минимум два пластиночных складных фотоаппарата, штатив, вспышку и расходные материалы. Их фототехника вызывала завистливые взгляды советских граждан и предложения о покупке. Дело в том, что в СССР еще не было налажено фотоаппаратостроение, а на ввоз импортных фототоваров действовали ограничения. Фотоаппараты превратились в дефицитный предмет как для профессиональных фотографов, так и для фотолюбителей. Попутчики-иностранцы удивлялись наличию у Любински разрешения на съемку, так как не все запросы в НКВД удовлетворялись положительно.

Первые трудности с фотографированием возникли на вокзале в г. Свердловске (ныне г. Екатеринбург), когда сотрудники милиции заметили Курта Любински с фотоаппаратом на перроне. Они запретили проводить фотосъемку на железнодорожной станции, несмотря на наличие разрешения: «Документы в порядке, но фотографировать на железной дороге все равно нельзя. Это транспорт, и это запрещено» [15. P. 104]. На следующей остановке Любински сам подошел к дежурному на пассажирской платформе, показал разрешение и попросил проконтролировать фотосъемочный процесс. В результате желаемые фотографии пассажиров у вагонов поезда были сделаны (00068038, SFA006005196). Разная трактовка документов на съемку представителями власти повторялась во время поездки по стране не раз. Самая курьезная ситуация произошла в неназванной деревне, где председатель сельского совета запретил фотографировать местное население, будучи уверенным, что снимать можно только его [15. P. 104].

В каждом новом месте Курт Любински старался узнать о истории населенного пункта, происхождении коренного народа, традициях и верованиях. Он также фиксировал самоназвания городов и местных групп населения. С этой информации начинаются разделы его травелога. Путь из Москвы до «Сибирского Чикаго» – г. Новосибирска, занял 3 дня и 4 ночи. Здесь супруги остановились в гостинице «Центральная» и провели несколько дней. На сохранившихся новосибирских фотографиях в основном запечатлена городская архитектура – дореволюционные деревянные постройки (SFA006005169), Дворец Труда (SFA006005209), Дом Ленина (00070160, SFA006005166), консульство Германии (00068042), вид на Красный проспект (00067984). Особое внимание получило здание тюрьмы (SFA002006855). На фотографии за оградой из деревянных досок можно увидеть белокаменный фасад и сторожевую башню с охранником. Впоследствии фотоснимки тюрьмы и Дома Ленина публиковались в европейских изданиях [19].

После оформления нового набора документов для путешествия Любински поехали на поезде в г. Семипалатинск (ныне г. Семей), расположенный на северо-востоке Казахской Автономной Социалистической Советской Республики (Казакстан). В 1925 г. Киргизская АССР обрела новые границы и название – Казакская АССР, что было связано с изменением русскоязычного наименования казахов, которые в то время получили официальное написание «казаки» вместо «киргизы»[5]. В книге Курта Любински указывается актуальное на тот момент название республики, однако коренное население упоминается по-старому, несмотря на его осведомленность о ситуации [15. P. 116]. Употребление слова «киргизы» привело к дублированию этой неточности в подписях к фотографиям в коллекциях Spaarnestad Photo и Ullstein Bild. Подобная ситуация может привести пользователей цифровых фотоколлекций к ошибкам в атрибуции.

Планы супругов на дальнейшее путешествие по республике были нарушены, так как проверка документов представителями местной власти завершилась объявлением их присутствия в регионе серьезной угрозой военной тайне [15. С. 114]. Вероятно, такая реакция была связана с повышенной бдительностью из-за строительства Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиба), проходящей через Семипалатинск. Тем не менее Любински успели осмотреть город, пообщаться с редактором местной газеты (00068050), посетить рынок (00071831), о чем свидетельствуют их фотографии.

Любински необходимо было вернуться обратно. Они наняли извозчика для преодоления степных просторов

Казакской АССР. На одной из фотографий можно увидеть их средство передвижения – коляску в виде корзины, установленной на колесах (00071915). Они посетили поселение казахов-кочевников, где им оказали радушный прием. Казахи пригласили в свое жилище – юрты, показали скот и угостили традиционным кисломолочным напитком – кумысом. Одним из центральных сюжетов для фотосъемки стало доение кобыл для приготовления кумыса (рис. 1). Любински зафиксировал и в фотографиях (SFA002006854, SFA006005197, SFA006005202), и в тексте особенности этого процесса: «У киргизов [т.е. казахов] дойка – мужская работа, и они справляются с ней с хитростью. Мне пришлось стоять в стороне, пока хозяин осторожно отвязывал жеребенка и вел его к терпеливо ожидающей кобыле. Обнюхав его, кобыла убедилась, что это действительно ее жеребенок, который должен получить ее молоко. Но киргиз [т.е. казах] через несколько мгновений осторожно отодвинул голову жеребенка в сторону и быстро, ловкими руками пустил молоко в ведро. Обманутая таким образом кобыла терпеливо позволила себя подоить»[6] [15. P. 118–119]. Помимо этого, фотографы смогли снять женщин и тем самым опровергнуть услышанное в Новосибирске предубеждение о том, что казахи скрывают своих жен от незнакомцев. Фотосъемка одной из них также попала в кадр (SFA007001805). На нем столпилось около десяти человек разного возраста и пола, наблюдающих за тем, как Марго Любински фотографирует женщину в юрте. На получившемся портрете запечатлена молодая казашка с сыном, занятая работой на швейной машине (00068075).

Рис. 1. Курт и Марго Любински. Доение кобылы. Казакская АССР. Фотоколлекция Spaarnestad Photo Foundation. SFA006005197

Дальнейшее путешествие супругов проходило через водолечебницу у озера, которое в тексте описывается «черным как смоль» и называется «Ссор» (Ssor). Расположенное около него лечебное заведение включало деревянные бараки, столовую с верандой, грязевую ванну, купальные домики и спортивную площадку с гимнастическим оборудованием. Здесь были сфотографированы пациенты, их комнаты и здания, однако эти фотографии не сохранились. По признанию самого Курта Любински, он оказался виновен в ошибке при съемке тележки, на которой привозилась грязь с озера. Для того чтобы фотография получилась «живой и естественной», он попросил молодого казаха, в чьи обязанности входило таскать грязь, постоять между оглоблями, как будто собираясь сдвинуть телегу с места. Наблюдая за происходящей сценой, пациенты бурно спорили, а потом выступили с заявлением о необходимости всё переснять: «Мы требуем, чтобы гражданин снова сделал эту фотографию, на которой будет лошадь, запряженная в телегу, и казак, управляющий ею. Мы не хотим, чтобы люди за границей думали, что в Казакстане есть кто-то, кто выполняет работу кули и тянет тележки, как вьючное животное» [15. P. 120–121]. Просьба были исполнена, но в коллекциях сохранилась лишь фотография первой версии этой сцены (00068083). В них также представлены две фотографии, запечатлевшие освоение фотоаппарата казахами (00071836, 00068028).

Далее Любински доехали на поезде им. Максима Горького до Бийска, а затем наняли извозчика и отправились в столицу Ойротской автономной области (ныне Республика Алтай) – г. Улала (ныне г. Горно-Алтайск). Жаркие июльские дни в горах Алтая («Сибирской Швейцарии») произвели сильное впечатление на фотожурналиста. Они остались в его памяти как «чудесное путешествие по райскому уголку Сибири»

[15. P. 126]. В Улале Любински познакомились с руководителем области Иваном Савельевичем Алагызовым (1888–1937), который помог им разобраться с документами. Они посетили и сфотографировали заседание местных депутатов. На этом собрании Курта Любински привлекла сцена разговора по телефону. Он решил сфотографировать непривычный опыт, но без предупреждения. В результате произошел еще один курьез, связанный с фототехникой: «…я быстро сфотографировал со вспышкой ойратов [т.е. алтайцев], которые слушали [телефон]. Они с опаской посмотрели на меня и начали возбужденно переговариваться между собой. Когда я встретил Алагызова на следующий день, он, смеясь, признался, что ойраты [т.е. алтайцы] на мгновение подумали, что они стали жертвами взрыва бомбы, потому что в своих горах они уже слышали о таких вещах, но не о вспышке» [15. P. 128]. Во всех своих поездках Курт Любински обращал внимание на влияние модернизации на жизнь коренного населения, в том числе фиксируя их реакцию на появление новых технологий. Любински также побывали в школе, где обучение проходило на двух языках – алтайском (до 1948 г. – ойротский язык) и русском, и сфотографировали учительницу (00068022) и учеников (00068024).

Для знакомства с культурой и традициями алтайцев Любински покинули город и поехали в сельскую местность. Недалеко от с. Чемал они посетили шамана, где была сделана серия фотографий ритуального танца с бубном (SFA002006851, SFA006005155–SFA006005159) и записаны ритуалы шаманизма [15. P. 132–133]. Временным пристанищем для фотографов стало с. Анос, где они остановились у известного алтайского художника Григория Ивановича Чоросa-Гуркина (1870–1937). У него же они встретили другого художника – Николая Ивановича Чевалкова (1892–1937), которого сфотографировали вместе с женой и ребенком (00067950). Любински надеялись, что Чорос-Гуркин станет их гидом на время поездки в горы к шаманам. Однако их планы едва не сорвались из-за отказа сельского главы согласовать кандидатуру сопровождающего лица: «“Художник Гуркин, – сказал он, – не тот человек, которому мы доверяем”. Я узнал, что Гуркин был принят царем в Санкт-Петербургскую Академию художеств. Этот грешок нельзя оставлять без внимания» [15. P. 134]. Помимо этого, местный чиновник был против допуска иностранцев к шаманам, чьи верования и практики подвергались гонениям. Ситуацию спас звонок Алагызову, после чего был достигнут компромисс: им разрешили поехать в сопровождении заместителя сельского главы, который после выполнения ритуалов должен был произнести речь о бесполезности шаманов в излечении болезней в отличие от врачей в Улале.

В этот раз Любински отправились в поездку верхом на кобылах, каждую из которых сопровождал жеребенок. На фотографиях можно увидеть Марго и ее лошадей (SFA007001809, SFA007001812). Оказавшись на месте, они сняли ритуальную атрибутику шаманизма, но сам обряд был зафиксирован лишь в тексте. Вероятно, контроль со стороны чиновника ограничил сюжетный репертуар для съемки. Были запечатлены сельские виды (SFA006005162, SFA006005163) и портреты женщин, курящих трубку (00068061, 00067983, 00068033). Местные жители гостеприимно встретили путешественников: пригласили в свое жилище и угостили кумысом.

Набравшись впечатлений, фотографы провели ночь в Аносе, затем спешно уехали обратно в Улалу, а потом в Бийск, чтобы успеть на пароход до Томска, который ходил лишь один раз в неделю. После пятидневного вояжа по р. Оби и р. Томи они добрались до «Сибирских Афин» – г. Томска, который обладал «атмосферой европейского университетского города» [15. P. 142]. Здесь с ними произошел очередной курьезный случай, связанный с фотосъемкой. Как только Любински собрался сфотографировать столовую, расположенную в здании бывшей церкви, ему воспрепятствовал милицейский, следовавший за ними. В качестве причины такого ограничения был снова назван запрет на съемку транспорта: «Я вспомнил свои права и обязанности и сказал: “Но почему? Это обычный ресторан”. “Боюсь, именно в этом вы ошибаетесь”, – ответил полицейский. “Здесь едят железнодорожники, а фотографировать транспорт запрещено”» [15. P. 143]. Тем не менее в коллекции представлена фотография здания. Это бывшая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, построенная в 1906 г. недалеко от станции Томск II. В 1925 г. церковь была закрыта, а здание использовано в качестве клуба для железнодорожников, затем переоборудовано под столовую, а позже снесено.

В Томске Любински уделил основное внимание фотосъемке китайских торговцев. Однако ему не сразу удалось установить с ними контакт: «Первый китаец, к которому я подошел, тут же убежал от меня, словно я был дьяволом. Второй и третий поступили так же. Возможно, они подумали, что моя одежда цвета хаки была униформой. Они бросили корзины, полные чулок и ниток для продажи, и бросились бежать. А четвертый при этом не молчал, а оскорбительно кричал на меня: “Я не хочу, чтобы меня арестовали”. И он скрылся» [15. P. 144]. Такое поведение было связано со страхом представителей власти. Многие китайцы покидали свои дома без документов и отправлялись в СССР, где занимались торговлей мелким товаром и выполняли различные услуги. Любински запечатлел их на рынке и городских улицах (SFA006005190, SFA006005191, SFA006005184 и др.). Он снял портреты китайцев, зафиксировав их внешний вид и ассортимент продукции для продажи (чулки, морковь, редис, табак и др.). Особый интерес к их одежде был вызван желанием отразить в фотографиях свои наблюдения о влиянии местного населения на китайских переселенцев: «…половина в черном костюме своего дома, половина уже в клетчатых кепках и русских рубахах своего нового окружения...» [15. P. 144].

Из Томска Курт и Марго Любински поехали на поезде в санаторно-курортное учреждение у озера Шира, находившегося в этот период в ведении Томского физико-терапевтического института. От станции они добрались до места на повозке за 25 минут по хакасским равнинам. Курорт оставил у пары приятное впечатле-

ние: «Ни на одном европейском курорте нельзя жить лучше. Завтрак был холодным, украшенным редисом и помидорами: ветчина, копченый лосось, punch tarts, пирожные с марципаном и песочное печенье. Официантки были одеты в белое. Бывший церковный колокол снаружи звонил к еде. Вечером мы сидели на скамейках вдоль набережной перед ярко освещенным музыкальным павильоном и слушали концерт курортного оркестра» [15. P. 147]. На единственной фотографии, сделанной в «сибирском спа», можно увидеть счастливых супругов на фоне построек и сада (рис. 2). Среди отдыхающих были уже знакомый Иван Алагызов со своей семьей, а также жена директора новосибирского банка с дочерью, адвокаты, врачи, артисты.

Рис. 2. Курт и Марго Любински. Фотограф Курт Любински со своей женой Марго на скамейке. Курорт у оз. Шира. Фотоколлекция Spaarnestad Photo Foundation. SFA007001807

Фотографии свидетельствуют о том, что Любински также побывали в поселении хакасов, однако в книге отсутствуют какие-либо упоминания об этом визите. В коллекциях сохранилась фотосерия из более двадцати изображений. В архиве Spaarnestad Photo они фигурируют как снимки татар. Вероятно, в первоначальных авторских заметках имелось в виду устаревшее название хакасов – минусинские или абаканские татары. В Ullstein Bild четко обозначено, что это коренное население Хакасии – хакасы. На фотографиях запечатлены преимущественно женщины – их внешний вид, домашние занятия (доение кобыл, шитье и т.д.), уход за детьми, посещение рынка (SFA006005170, 00067980, SFA006005198 и др.).

Далее пара отправилась на пароме из с. Усть-Абакана до г. Минусинска. Расположение населенных пунктов – первый на левом берегу р. Абакана при впадении в р. Енисей, а второй на противоположном берегу Енисея – напомнило Любински Будапешт, где р. Дунай разделяет две части – Буду и Пешт [15. P. 148]. В Минусинске они прошли очередную проверку документов и посетили музей, где посмотрели на останки мамонта.

Любински продолжили свое путешествие до Красноярска на пароходе «Ленин». Стоимость поездки их поразила, так как она обошлась в два раза дороже пятидневного вояжа по р. Оби. Впрочем, аргумент кассира помог оправдать эту цену: «Конечно, путешествие длиною в одну ночь гораздо приятнее, чем в пять» [15. P. 150]. В фотоколлекции представлено два портрета Курта Любински на пароходе на фоне пейзажей (SFA007001800, SFA003003525). Вероятно, это одни из последних фотографий, сделанных в Сибири. Снимков в самой восточной точке маршрута – Красноярске – выявить не удалось. Скорее всего, фотографы прибыли туда во второй половине июля, потому что в травелоге упоминается кинолекция в парке об Америке и системе Форда. Согласно газете «Красноярский рабочий», 18 июля в кинотеатре «Киносибирь (зимний)» проходили два сеанса кинолекции профессора Ключанского на тему «Форд и гиганты техники» и демонстрация фильма «Форд и фордизм» [20. С. 4].

Обратный путь домой занял две недели и прошел с несколькими остановками. Из Красноярска Любински поехали на поезде до Кузнецка (ныне г. Новокузнецк), затем пересели на поезд «Максим Горький» и за одну ночь добрались до Новосибирска. Далее на трансибирском экспрессе отправились в Москву, где произошло переосмысление первых впечатлений: «Вы должны приехать с востока, чтобы другими глазами отдать должное Москве. Тогда вы увидите, что это на самом деле столица азиатской империи. Вы подумаете: какой величественный город! Здесь вдвое меньше людей, чем во всей Сибири. Когда я шел по улицам, то те самые магазины, скромность которых не произвела на меня

впечатления в начале путешествия, теперь казались неописуемо великолепными. Приученному к сибирским стандартам, мне показалось, что даже формальности отъезда довольно просты» [15. P. 154]. В столице были запечатлены достопримечательности – Большой театр (SFA006005079) и Театр для детей (SFA006005078).

Любински вывезли с собой как минимум полторы сотни фотографий: «Мы отправились из Ленинграда обратно в Старый Свет на пароходе, увозя с собой многообразную картину страны будущего» [15. P. 154]. Сделанные в СССР фотографии были опубликованы не только в выпусках газеты Berliner Illustrirte Zeitung, но и в таких немецких и нидерландских изданиях, как Tempo, Berliner Morgenpost, Die Grüne Post, Sieben Tage, Der Querschnitt, Panorama, Libelle, Katholieke Illustratie [16]. Они появлялись на страницах этих газет и журналов вплоть до 1937 г. На ретроспективной выставке в 2008 г. было представлено десять советских фотоснимков.

Фотографии Любински демонстрируют не достижения социалистического строительства, а его влияние на разные этнические группы. Они показывают наметившуюся модернизацию и седентаризацию кочевого населения. Фотоснимки акцентируют внимание на быте, одежде, повседневных занятиях, ритуалах и религиозных практиках коренных народов. В то же время в фотоколлекциях присутствуют изображения архитектуры городов, которые также проявляют изменения, произошедшие с установлением советской власти (бывшее здание церкви, преобразованное в столовую; бывший мещанский дом, превращенный в гостиницу; появление домов советов и домов Ленина и т.д.). Помимо этого, на снимках зафиксированы сами фотографы: одиночные или совместные портреты на фоне сибирских ландшафтов и портреты с местным населением. Важно помнить, что Любински не были полностью свободны в выборе объектов для съемки из-за действующих ограничений по производству фотографий на территории СССР. Их опыт свидетельствует о разночтении законодательных норм представителями местной власти, в результате которого набор дозволенных сюжетов для фотосъемки менялся. Фотографирование транспорта и шаманских ритуалов является наиболее показательным примером отсутствия единой системы запретов. Лавируя между препятствиями на своем пути, Любински смогли запечатлеть состояние «кочевых» регионов накануне значительных трансформаций, связанных с переводом кочевников на оседлость и с одновременной коллективизацией[7]. Путешествие в Сибирь действительно стало таким «приключением, которое было невозможно вчера и будет невозможно завтра» [15. С. 99].

Примечания

[1] В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) содержатся документы, свидетельствующие о выдаче Народным комиссариатом внутренних дел разрешений иностранцам на фотосъемку на территории СССР в 1920-е гг. Например, в 1928 г. в числе немецких граждан, получивших такое право, были корреспондент газеты Vossische Zeitung Альфред Волльшлегер, корреспондентка газеты Frankfurter Zeitung Агнеса Смедлей, турист Герман Шнейдер и др. [8].

[2] В книге Луиса Звирса содержится неточность. Любински посещали СССР летом 1928 г., а не осенью, и провели в стране три месяца, а не полгода.

[3] В книге Луиса Звирса высказывается версия о том, что Курт Любински ездил в СССР с целью взять интервью у Льва Троцкого в Алма-Ате [16]. Однако ни документы ГА РФ, ни травелог Курта Любински не подтверждают ее.

[4] Здесь и далее в скобках указывается идентификационный номер изображения, о котором идет речь в тексте. Фотографии, имеющие в номере буквы SFA, хранятся в коллекции Spaarnestad Photo Foundation, без них – в коллекции Ullstein Bild.

[5] Русскоязычное написание снова изменилось в 1936 г. на «казахи», и Казакская АССР была переименована в Казахскую АССР.

[6] Здесь и далее в цитатах сохранено авторское написание. В данном случае нужно помнить, что речь идет о казахском, а не о кыргызском этносе. В квадратных скобках обозначается общепринятое написание подобного уточнения учеными. См., напр.: Michaels P.A. Curative Powers Medicine and Empire in Stalin`s Central Asia. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2003. P. 39.

[7] См. подробнее об этих процессах в публикациях Ф.Л. Синицына, Р. Киндлера и др. [21, 22].

Список источников

1. Хееке М. «Россия изнутри». Туристические поездки в СССР: между повседневностью и пропагандой // Россия и Германия в XX веке : в 3 т. / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. М. : АИРО-XXI, 2010. Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. С. 262–292.
2. Lewis B.W. Egon Erwin Kisch beehrt sich darzubieten: Paradies Amerika // German Studies Review. 1990. Vol. 13, № 2. P. 253–268.
3. Беньямин В. Московский дневник. М. : Ад Маргинем Пресс : Garage, 2021. 263 с.
4. Gumbel E.J. Vom Russland der Gegenwart. Berlin : E. Laub, 1927. 109 S.
5. Weiskopf F.C. Umsteigen ins 21. Jahrhundert. Episoden von einer Reise durch die Sowjetunion. Berlin : Malik-Verlag, 1927. 156 S.
6. Toller E. Russische Reisebilder (1926) // Quer durch Reisebilder und Reden. Berlin : Kiepenheuer, 1930. S. 81–186.
7. Kisch E.E. Zaren, Popen, Bolschewiken. Berlin : Erich Reiss Verlag, 1927. 314 S.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. 393. Оп. 77. Д. 87.
9. Галечко И.И. Образ Советской России и русских в Веймарской республике. Биробиджан : ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2018. 100 с.
10. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.
11. Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов : очерки документированной истории. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2013. 368 с.
12. Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии, 1920–1930-х гг. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2004. 272 с.
13. [Фотографии Курта и Марго Любински] // Spaarnestad Photo Foundation. URL: https://beeldbank.spaarnestadphoto.com/search.pp?flush=1&multikeyword=Kurt+Lubinski&searchtype=0#ctr-thumbnails
14. [Фотографии Курта и Марго Любински] // Ullstein Bild. URL: https://www.ullsteinbild.de/?82231788017539342720
15. Lubinski K. This is Our World. London : Hodder and Stoughton, 1938. 246 p.
16. Zweers L. Kurt Lubinski (1899–1969): fotograaf in exil. Zutphen : Walburg Pers, 2008. 95 p.
17. Lubinski K. Abessinië: Land en Volk. Amsterdam : Blitz, 1935. 171 p.

18. Постановление Совета Труда и Обороны Союза ССР от 14.12.1923 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1923. 20 дек. № 291.
19. Lubinski K. Chicago in Siberië // Panorama. 1931. Dec. 4. № 38. P. 835.
20. Красноярский рабочий. 1928. 18 июля. № 164.
21. Синицын Ф.Л. Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 446–450.
22. Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М. : РОССПЭН, 2017. 382 с.

References

1. Heeke, M. (2010) “Rossiya iznutri.” Turisticheskie poezdki v SSSR: mezhdu povsednevnost'yu i propagandoy [“Russia from the inside.” Tourist trips to the USSR: Between everyday life and propaganda]. In: Aymermakher, K., Bordyugov, G. & Fol'pert, A. (eds) *Rossiya i Germaniya v XX veke: v 3 t.* [Russia and Germany in the 20th century: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: AIRO-XXI. pp. 262–292.
2. Lewis, B.W. (1990) Egon Erwin Kisch beehrt sich darzubieten: Paradies Amerika. *German Studies Review*. 13(2). pp. 253–268.
3. Benjamin, W. (2021) *Moskovskiy dnevnik* [The Moscow Diary]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem Press: Garage.
4. Gumbel, E.J. (1927) *Vom Russland der Gegenwart*. Berlin: E. Laub.
5. Weiskopf, F.C. (1927) *Umsteigen ins 21. Jahrhundert. Episoden von einer Reise durch die Sowjetunion*. Berlin: Malik-Verlag.
6. Toller, E. (1930) *Quer durch: Reisebilder und Reden*. Berlin: Kiepenheuer. pp. 81–186.
7. Kisch, E.E. (1927) *Zaren, Popen, Bolschewiken*. Berlin: Erich Reiss Verlag.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R. 393. List 77. File 87.
9. Galechko, I.I. (2018) *Obraz Sovetskoy Rossii i russkikh v Veymarskoy respublike* [The image of Soviet Russia and Russians in the Weimar Republic]. Birobidzhan: Sholem Aleichem Amur State University.
10. David-Fox, M. (2015) *Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcases of the Great Experiment: Cultural Diplomacy of the Soviet Union and its Western Guests, 1921–1941]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 561 s.
11. Kulikova, G.B. (2013) *Novyy mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiya 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov: ocherki dokumentirovannoy istorii* [The new world through the eyes of the old. Soviet Russia in the 1920s–1930s through the eyes of Western intellectuals: Essays on documented history]. Moscow: RAS.
12. Golubev, A.V. (2004) *“...Vzglyad na zemlyu obetovannuyu”: iz istorii sovetskoy kul'turnoy diplomatii, 1920–1930-kh gg.* [“...A look at the Promised Land”: From the history of Soviet cultural diplomacy, 1920–1930s]. Moscow: RAS.
13. Nationaal Archief/Collectie Spaarnestad. (n.d.) *Photos by Kurt and Margot Lubinski*. [Online] Available from: https://beeldbank.spaarnestadphoto.com/search.pp?flush=1&multikeyword= Kurt+Lubinski&searchtype=0#ctr-thumbnails
14. Ullsteinbild.de (n.d.) *Photos by Kurt and Margot Lubinski*. [Online] Available from: https://www.ullsteinbild.de/?82231788017539342720
15. Lubinski, K. (1928) *This is Our World*. London: Hodder and Stoughton.
16. Zweers, L. (2008) *Kurt Lubinski (1899–1969): fotograaf in exil*. Zutphen: Walburg Pers.
17. Lubinski, K. (1935) *Abessinië: Land en Volk*. Amsterdam: Blitz.
18. USSR. (1923) Postanovlenie Soveta Truda i Oborony Soyuza SSR ot 14.12.1923 [Resolution of the Council of Labor and Defense of the USSR of December 14, 1923]. *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasno-armeyskikh i kazach'ikh deputatov*. 20th December.
19. Lubinski, K. (1931) Chicago in Siberie. *Panorama*. 4th December. p. 835.
20. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1928) 18th July.
21. Sinitsyn, F.L. (2019) Forsirovannaya modernizatsiya “kochevykh” regionov SSSR: tseli i zadachi (rubezh 1920–1930-kh godov) [Forced modernization of the “nomadic” regions in the USSR: Goals and objectives (the turn of 1930s)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 19(4). pp. 446–450.
22. Kindler, R. (2017) *Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazakhstane* [Stalin’s Nomads: Power and Hunger in Kazakhstan]. Moscow: ROSSPEN.

***Сведения об авторе*:**
Абилова Рамина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: ramina.abilova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Abilova Ramina O. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ramina.abilova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 15.03.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 930.23
doi: 10.17223/19988613/85/19

История проектирования, строительства и эксплуатации Транссибирской железнодорожной магистрали в освещении современной англо-американской историографии

Владимир Петрович Бойко[1], Марина Евгеньевна Савинцева[2], Елена Александровна Михайлицина[3]

[1, 2] Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
[2, 3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] vpbojko@yandex.ru
[2] msavintseva@yandex.ru
[3] mihailicina@mail.ru

Аннотация. Проведен историографический обзор работ, посвященных Транссибирской железнодорожной магистрали в англо-американской специализированной литературе, где актуализирована историческая значимость строительства и эксплуатации магистрали для экономического развития Сибирского региона. Отмечено, что по некоторым позициям точки зрения англо-американских и российских авторов совпадают, а в других случаях сведения об изучаемых процессах требуют подтверждения и уточнения.
Ключевые слова: Транссибирская железнодорожная магистраль, историография, англо-американские исследователи, Сибирь

Для цитирования: Бойко В.П., Савинцева М.Е., Михайлицина Е.А. История проектирования, строительства и эксплуатации Транссибирской железнодорожной магистрали в освещении современной англо-американской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 148–156. doi: 10.17223/19988613/85/19

Original article

The history of project development, construction and operation of the Trans-Siberian Railway in the coverage of modern British and American historiography

Vladimir P. Boiko[1], Marina E. Savintceva[2], Elena A. Mikhailitsina[3]

[1, 2] Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation
[2, 3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] vpbojko@yandex.ru
[2] msavintseva@yandex.ru
[3] mihailicina@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to make the short historiographic review of the published works of modern English and American researchers on the history of construction of the Trans-Siberian Railway and its value for economic development of the Siberian region in the late XIX – early XX century, analyse the points of view of foreign researchers about prerequisites of construction of the Trans-Siberian Railway, viability of financial and labor costs of such project and compare them with the opinion of national researchers on the subject. Positive interpretation of the chosen subject gives additional material for consideration of current and understudied problems of the history of construction of the railroad in Siberia in Anglo-American historiography. Besides, this subject has concurrently been considered in the works of the Soviet and modern national historians: V.F. Borzunov, A.A. Mukhin, V.P. Zinov'ev, V.P. Boiko and others.
Considering scholarly importance of the subject, the authors tried to make the short review of the published works of modern English and American researchers on interpretation of the history of construction and operation of the Trans-Siberian Railway since the railroad played an important role in the history of Siberia, and this problem concerns not only national, but also foreign researchers.
The source base of the research was made by a wide range of various sources: collective monographs of national historians, reference media, scientific articles and materials of conferences. The main source is the published works of modern English and American researchers.
The methodology and technique of the research include the principles of objectivity and historicism; historiographic, comparative historical, genetic historical and bibliographic methods have been used.

© В.П. Бойко, М.Е. Савинцева, Е.А. Михайлицина, 2023

While conducting the research, the authors have come to the conclusions that some English and American researchers freely define some historical facts; and the events, stated by them, require adjustment and correction. According to the authors, such inaccuracies in the interpretation of historical facts turned out to be the result of sympathy which foreign researchers were filled with to the Siberian merchants and the population of Siberia.
However, the authors have not faced rough falsification of the history of Siberia and construction of the railroad in the considered works. On the contrary, the problem of construction and operation of the Trans-Siberian Railway is covered quite objectively in the works of some Anglo-American historians and coincides with the opinion of modern national researchers of this problem. We have got acquainted with a position of the humane attitude towards the population and improvement of quality of living that is not characteristic of the Soviet and national historiography and offers new prospects in studying of social and economic history of Siberia and the Far East.
Keywords: Trans-Siberian Railway, historiography, Anglo-American researchers, Siberia

For citation: Boiko, V.P., Savintceva, M.E., Mikhailitsina, E.A. (2023) The history of project development, construction and operation of the Trans-Siberian Railway in the coverage of modern British and American historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 148–156. doi: 10.17223/19988613/85/19

Проектирование и строительство Транссибирской железной дороги, безусловно, стало событием мирового масштаба не только потому, что она является крупнейшей в мире по протяженности. Ее величайшее значение заключается в том влиянии, которое она оказала и оказывает на всю экономическую, промышленную и культурную жизнь Сибири [1. С. 102-107].

По мнению сибирского исследователя В.П. Зиновьева, транссибирская железная дорога сыграла определяющую роль в развитии производительных сил и дальнейшем внедрении капиталистических отношений в Сибири, в том числе и в Томской губернии. Подъем аграрного производства в России охватил и Сибирский регион, который был неотъемлемо связан с европейской частью России общими экономическими процессами. Магистраль сделала эту связь еще более прочной, так как укрепила рыночные отношения Центра и окраин, ускорила промышленное освоение Сибири. Таким образом, Транссибирская магистраль стала стимулом для сибирской экономики и способствовала ее подтягиванию до общероссийского уровня. Относительно дешевая доставка оборудования способствовала оснащению промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия возводились уже как фабричные, а старые мануфактуры заменяли технику и повышали квалификацию рабочего и технического персонала [2. С. 26].

Эти выводы подтверждаются в трудах известного исследователя иностранного капитала в экономике Сибири О.Н. Разумова: Транссибирская железнодорожная магистраль открыла сибирские земли для иностранного капитала, что, в свою очередь, также способствовало экономическому развитию Сибири. В целом к деятельности в горной промышленности Сибири и Дальнего Востока было допущено 22 иностранных акционерных общества с общим номинальным капиталом приблизительно 57,5 млн руб. Нидерландское Сибирское общество золотых приисков «Минусинск» с правлением в Амстердаме и капиталом 1,6 млн. руб., а в 1913 г. «Соединенное общество сибирской эксплуатации» с правлением в Лондоне и капиталом в 855 тыс. руб. стали последними из них [3. С. 255].

Наиболее серьезным было участие иностранного капитала в реализации сибирского масла. Сбыт сельскохозяйственных машин монополизировала американская «Международная компания жатвенных машин». Масштабную деятельность на территории Сибири развернуло «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности торговли» И. Лида с капиталом 8 млн руб., внедрившееся в пароходство на Енисее, торговлю лесом и горное дело [4. С. 262].

Транссибирская магистраль также устранила хозяйственную и культурную обособленность региона, что привело к оживлению экономики и притоку людей в Сибирь. До строительства и введения в эксплуатацию железной дороги Сибирь была слабо заселена, а благодаря транспортной доступности общий прирост населения Восточной Сибири с 1897 по 1917 г. составил 896 900 человек [5. С. 111–112]. Как следствие, Сибирь, испытывавшая нехватку рабочих рук до 1907 г., после 1907 г. столкнулась с их избытком, что как раз было связано с массовой миграцией из Центральной России на окраины Российской Империи [6. С. 167].

В данной публикации мы сделаем краткий историографический обзор опубликованных работ современных английских и американских исследователей, посвященных строительству Транссибирской железной дороги и ее значению для экономического развития Сибири конца XIX – начала XX в. Основной задачей является анализ работ иностранных исследователей о предпосылках строительства железной дороги в Сибири, целесообразности финансовых и трудовых затрат на такой огромный объем работ и социально-экономических последствиях строительства магистрали, а также их сопоставление с позициями советских и современных исследователей этой проблемы.

Источниковой базой нашего исследования являются труды современных американских, английских и отечественных ученых, которые опубликовали свои работы в конце XX – начале XXI в. Рассмотрим их в порядке выхода изданий.

Начнем анализ с публикации профессора истории России в университете Северного Иллинойса, США, Брюса Линкольна (1938–2000). Он провел колоссальное исследование по истории России в целом и Сибири в частности.

В своей работе американский историк сформулировал предпосылки к строительству Транссибирской железной дороги следующим образом. Волна рьяного национализма, возросшего после террористического

нападения на отца, сформировало у Александра III четкое видение курса России в 1880-х гг. По мнению Линкольна, будучи шовинистом в чистом виде, Александр III сильно увлекся идеей о железной дороге, поскольку это смогло бы сделать Сибирь более «русской» и укрепить политическое могущество, что для России было бы только к лучшему, по мнению самого императора и его советников [7. P. 225].

Многие из влиятельных деятелей той эпохи задавались вопросами: стоят ли ожидаемые выгоды расходов, сможет ли Россия, беднейшая из мировых индустриализованных стран, позволить себе построить такую железную дорогу? Но сторонники идеи настаивали, что только один престиж уже оправдывает стоимость строительства. Споры по поводу стоимости, маршрута и проекта отложили строительство Транссибирской магистрали на несколько десятков лет. К середине 1880-х гг. долг Российского государства достиг 6,5 млрд руб., а целую четверть национального бюджета – больше чем затраты на армию флот вместе взятые – необходимо потратить ради национального интереса. Министр финансов, Иван Алексеевич Вышнеградский видел в предложении по Транссибирской магистрали огромный ящик Пандоры, наполненный накрученными расходами и огромной стоимостью, и не хотел для России даже части этой магистрали [7. P. 224]. Император Александр III считал, что магистраль необходима по причинам национальной безопасности, международного престижа и ожидаемых экономических дивидендов. Он полагал, что будет достаточно сказать, что настало время строить железную дорогу, и настоять, чтобы это было сделано быстро и недорого. Открыв путь для магистрали, он оставил другим искать средства, которыми она должна быть построена. Император установил курс, остальные должны были воплотить это все в жизнь.

Министр финансов Вышнеградский считал, что Россия не должна строить никаких железных дорог до тех пор, пока не будет достигнута «целебная» экономия в правительственных расходах. И хотя цены на мировом рынке зерна резко падали, российское правительство старалось увеличить поставки зерна в Западную Европу в конце 1880-х гг. и создало тем самым предпосылки для самого страшного голода XIX в. Вышнеградский, по мнению Б. Линкольна, добавил бремя огромных расходов по борьбе с голодом к долгам Императорской казны как раз в тот момент, когда сторонники Транссибирской магистрали практически одержали победу.

Как отметил Б. Линкольн, Транссибирская железнодорожная магистраль станет самой сложной в мире дорогой не только из-за ее протяженности, но и потому, что строительные бригады вынуждены были работать в тысячах милях от баз снабжения. Рельсы поставлялись в Сибирь со сталелитейных заводов Санкт-Петербурга и Варшавы, шпалы приходилось закупать в Европейской России и перевозить по воде за Урал, поскольку в степи или тайге не было твердой древесины, а камень для мостовых опор транспортировался с карьеров на западной границе с Монголией [7. P. 223–224]. С продвижением глубже в Сибирь сложности увеличивались из-за климата. Бесконечные леса, горы Трансбайкальского региона, предательская вечная мерзлота, короткие зимние световые дни, сибирский холод – все это создавало сложности для графика, с которыми пришлось столкнуться строителям. Центральным элементом железнодорожного пути стало озеро Байкал, окруженное утесами и ущельями, в результате чего более сотни миль дорожного полотна пришлось прорубать в скалистом грунте. Помимо Байкала, пришлось столкнуться с горами и огромным количеством переработанного материала, прежде чем земля начала спускаться к Тихоокеанским низменностям Сибири.

По мнению Б. Линкольна, новый министр финансов Сергей Юльевич Витте считал, что колонизация может связать слаборазвитые земли с «мегаполисом» Европы, а природные ресурсы Сибири и ее промышленный потенциал рассматривал как гарантии величия России в грядущем столетии [7. P. 229]. Витте верил, что евроазиатской империи, которой он служил, предопределено сыграть решающую роль в судьбе обоих континентов. Он настаивал, что Россия должна смотреть и на запад, и на восток, но в ближайшей перспективе, он считал, восток будет более важен.

Из-за того что береговая линия большую часть года скована льдом, Россия никогда не была способна бороться с западными конкурентами в международной торговле, но Витте с нетерпением ждал того дня, когда вся мировая восточно-западная коммерция сместилась бы с морей на Транссибирскую магистраль. Однако этого не произошло, так как, опасаясь усиления России, Англия и США подталкивали Японию к войне с Российской империей, оснащая ее современными видами вооружений, передовым с технической точки зрения флотом, чтобы развязать на востоке страны непопулярную и проигрышную войну, приведшую страну к буржуазно-демократической революции и общенациональному кризису.

Как отмечает американский исследователь, самым удивительным городом из тех, которые «выросли как грибы», был Харбин, располагавшийся рядом с Китайско-Восточной железной дорогой, между Читой и Владивостоком. Будучи местожительством некоторых китайских предпринимателей и торговцев, менее чем за 10 лет Харбин стал фантастическим городом с численностью около 80 тыс. человек, железнодорожными магазинами, мельницами, скотными дворами и спиртоводочным заводом, производившим 3 млн галлонов (13 638 276 л) водки в год. [7. P. 267].

Признаки очевидного богатства на каждом шагу оттеняли бедность, преобладавшую в Сибири в прежние времена. Б. Линкольн отмечает, что в начале XX в. появился ряд несметно богатых предпринимателей, не только владевших помпезными особняками и предметами роскоши, но и занимавшихся благотворительностью. Один золотопромышленник отдал полмиллиона рублей, чтобы перестроить Рождественский собор в Красноярске, а торговцы чаем в Кяхте пожертвовали сумму вдвое больше, чтобы построить свой собственный собор. Особо американский исследователь выделяет Александра Сибирякова, проспонсировавшего исследование северо-восточного пути и пожертвовавшего Томскому университету миллионы рублей на стипен-

диальные программы. Но самым выдающимся покровителем просвещения на рубеже веков в Сибири Линкольн называет Геннадия Юдина, заработавшего миллионы на продаже спиртного и построившего крупнейшую частную библиотеку в Сибири. Когда в 1907 г. Юдин подарил свое книжное собрание Библиотеке Конгресса США, потребовалось 500 крупных ящиков, чтобы перевести его в Вашингтон. [7. P. 268].

На наш взгляд, американский исследователь Б. Линкольн проникся симпатией к сибирским предпринимателям, но приведенные им факты преувеличены. Без сомнения, невозможно не отдать должного меценатской деятельности А.М. Сибирякова. Однако в трудах современного отечественного историка С.А. Некрылова приводятся абсолютно другие цифры. Сибирский меценат пожертвовал 2 тыс. руб. на покупку книг великого поэта В.А. Жуковского для библиотечного фонда Томского университета [8. С. 197]. В августе 1878 г. А.М. Сибиряков пожертвовал 100 тыс. руб. на организацию и содержание учебно-вспомогательных учреждений Томского университета. В 1878 г. этот капитал был обращен в процентные бумаги Министерством народного просвещения и хранился на его депозите, а в 1889 г. капитал Сибирякова вместе с набежавшими процентами общей суммой 176 300 руб. в процентных бумагах и 56 руб. 44 коп. наличными был передан в распоряжение правления Томского университета через управление Западно-Сибирского учебного округа. За первые 10 лет существования университета из Сибиряковского капитала было потрачено 700 руб. на ученые экспедиции. Была учреждена премия им. А.М. Сибирякова на капитал в 10 тыс. руб., пожертвованный меценатом в 1883 г. Премия должна была выдаваться через каждые три года из процентов с капитала, и присуждалась она за лучшие работы по истории Сибири [8. С. 225–385].

В исторической литературе уже устоялось мнение, что сибирский купец-виноторговец Г.В. Юдин на самом деле не подарил, а продал свою огромную библиотеку. В 1903 г. он дал объявление в иностранных газетах, переживая за судьбу библиотеки и предприняв попытку ее пристроить, на это объявление откликнулись американцы. В феврале 1907 г. книги в пяти товарных вагонах были доставлены через Гамбург в Америку, а затем через три месяца в Вашингтон. Однако коммерческая выгода от сделки для Г.В. Юдина была незначительной. За свою библиотеку он просил 250 тыс. руб., в итоге отдал ее без торгов за 100 тыс. В отчете Библиотеки Конгресса США за 1906–1907 гг. данная покупка трактовалась как дар, поскольку потраченная сумма не соответствовала реальной стоимости библиотеки Юдина, поэтому общественности данное приобретение и было представлено как подарок [9. С. 293–294].

Б. Линкольн акцентировал внимание на том, что относительно ресурсов, рабочей силы, жизней и денег стоимость Транссибирской железной дороги оказалась колоссальной. Для того чтобы построить ее за десятилетие, более 70 тыс. людей перекопали 77 млн кубических футов земли для укладки рельсового пути и вырубили 100 тыс. акров (405 тыс. га) леса. Еще до границ с Маньчжурией и до того, как была построена железнодорожная ветка вокруг Байкала, было потрачено вдвое больше первоначальных подсчетов планировщиков, сделав Транссиб самым дорогостоящим мирным предприятием того времени. Все эти затраты не создали ту железную дорогу, которую представлял себе Витте. Когда Россия гордо анонсировала открытие Транссиба в 1900 г., теплоходы Амурской пароходной компании все еще являлись жизненно важным действующим транспортным сообщением. Пока Россия не построила Транссибирскую маньчжурскую ветку в 1903 г., пароходы оставались таким же способом передвижения по Сибири, как паровозы и пассажирские вагоны [7. P. 238].

Другой английский историк, Джонатан Смил из Лондонского университета королевы Марии, специализирующийся на истории России второй половины XIX – начала XX в., делает следующие выводы: строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX в. явилось экономическим стимулом, в результате чего в период с 1900 по 1912 г. число фабрик в Сибири выросло на 15,4%, промышленных рабочих – на 22,9%, а объем производства увеличился на 22,2%. Тем не менее накануне Первой мировой войны в сибирском регионе находилось только 10,5% всех российских заводов, 4,3% рабочей силы страны и, самое главное, 2,2% от объема промышленного производства Российской империи [10. P. 330].

На основании таких количественных показателей английский исследователь приходит к выводу, что сибирские фабрики были менее продуктивными, чем в целом по стране, и не такими крупными. Дж. Смил указывает, что самым крупным работодателем за Уралом являлась сама Транссибирская железная дорога. Около 82 тыс. рабочих (примерно 1/3 от общего числа рабочей силы региона) были заняты выполнением основной экономической задачи, которую Россия традиционно определяла своей восточной колонии, – это экспорт сырья и продовольствия для обеспечения тяжелой промышленности и обрабатывающей отрасли центральных районов. Рассматривая Сибирь с экономической точки зрения как дешевый источник древесины, угля, меха, золота и т.д., царское правительство не видело причин спонсировать или защищать зарождающиеся производства, которые образовались к востоку от Урала. Перед Первой мировой войной произошел всплеск закрытий фабрик в регионе. Вследствие этого к 1914 г. металлообрабатывающий сектор насчитывал только 8% от скудного промышленного производства, а производство оружия и станочных инструментов, химическое и текстильное производство фактически отсутствовали. Еще один вывод, который делает Дж. Смил: колониальное наследие Сибири заключалось в том, что единственное средство связи и снабжения, сибирская железная дорога, находилось в абсолютной зависимости от заводов из европейской части России для ремонта и содержания составов, рельсов и других нужд [10. P. 330].

Такое положение, на наш взгляд, не требует особых доказательств, но Дж. Смил считает, что открытие данного факта принадлежит именно ему. Однако такие

квалифицированные исследования были проведены еще в XX в. В.П. Зиновьевым, В.А. Скубневским и др. [11. С. 115–118].

Одним из крупных историков по названной теме является П. Вэлдрон, преподаватель истории в английском университете Сандерленд. В своей монографии «Конец императорской России, 1855–1917», опубликованной в 2002 г., он стремится пролить свет на основные проблемы, с которыми столкнулась Российская империя в этот период. П. Вэлдрон отмечает, что Российская империя была территориально самым большим государством в мире. Российские владения отличались от таковых европейских империй принципиально: русским завоевателям никогда не приходилось уезжать за моря и океаны для расширения своей империи. Российская империя расширялась экспансией пограничных территорий, что влекло бесконечные проблемы по интеграции этнически и экономически различных регионов в основную часть государства. В этой связи английский исследователь в своей работе рассматривает исторические события, ставшие предпосылками к строительству железной дороги, проходящей через всю Сибирь.

Российская имперская экспансия была «ураганной» во второй половине XIX в., по мнению английского историка, что только усиливало раздражение международных конкурентов и создало новые напряжения, обострявшиеся в случае России тем фактом, что одновременно с имперской экспансией происходила экспансия российского государства на евроазиатской земле. С середины XVIII в. Россия постепенно расширяла свой контроль над Центральной Азией от Каспийского моря на западе до Китая на востоке. Независимые государства региона доставались России одно за другим. Английский историк отмечает, что экспансия носила мирный характер. Российское завоевание Центральной Азии создавало относительно мало проблем, поскольку российские военные силы были способны покорить население региона, не сталкиваясь с каким-либо сопротивлением, которое могло бы отсрочить успех [12. P.104].

По мнению П. Вэлдрона, Россия проиграла Русско-японскую войну, потому что ее военные структуры и оснащение все еще нуждались в модернизации. И решающим был тот факт, что не было возможности снабжать и поддерживать свои военные силы, находящиеся за тысячи миль, на далекой периферии империи, поскольку Транссибирская железнодорожная магистраль была едва лишь достроена и обеспечивала только небольшой поток движения транспорта [12. С. 134].

Английский историк приходит к заключению, что индустриальный рост, переживаемый Россией в конце XIX в., на деле едва ли мог помочь государству в поддержке своих амбиций. Россия по-прежнему оставалась далеко позади остальных европейских держав в отношении промышленной производительности. Без процветающего промышленного сектора возможности осуществить общественную реформу у правительства России были существенно ограничены, поэтому условия жизни рабочих людей в городах империи оставались неблагоприятными. В то время как западноевропейские государства, такие как Германия и Британия, стремились сократить волнения такими мерами, как установление пенсионного возраста и страхование от безработицы, российское государство было не склонно и не способно предпринять такие шаги. Немодернизированная российская экономика была слишком слабой, чтобы снабжать армию и поддерживать стандарты уровня жизни крестьян и рабочих. Правительство оказалось неспособным осознать напряжения, возникшие среди простого населения империи из-за военной экономики, и отказывалось понимать, что ему необходимо заручиться поддержкой народа для достижения успеха военных усилий. К 1917 г. у русских людей не было желания поддерживать ни самого монарха, ни систему, которую он представлял. После февраля 1917 г. стало совершенно очевидно, что проблемы, с которыми столкнулась Россия, невозможно решить только лишь свержением царя. Население Российской империи не испытывало энтузиазма по поводу царского режима, а вместо этого чувствовало необходимость радикальной смены правительства [12. P. 164].

В этой связи, на наш взгляд, симпатии у российского населения завоевали не политики центра (кадеты и октябристы), и не левоцентристы (эсеры и меньшевики), а радикальные партии (большевики и левые эсеры), которые были последними в очереди за властью, они ее подобрали, так как остальным уже никто не верил. Они стали инициаторами роспуска законно избранного Учредительного собрания и захвата власти через вооруженное восстание. Железнодорожная магистраль сыграла важную роль в распространении советской власти на территории Сибири и Дальнего Востока, и в этом мы, как и большинство советских и постсоветских исследователей, солидарны с П. Вэлдроном.

Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди, старшие научные сотрудники Брукингского исследовательского института (США, Вашингтон) в своих работах исследовали вопрос миграции в Сибирь в изучаемый нами период. Они отмечают, что есть нечто общее между переселенцами, стремившимися в Сибирь, и американскими фермерами, которым пообещали земли. Тем самым Сибирь стала, по их мнению, «Северной Америкой» Российской империи. Империя таким образом освободилась от избытка доведенного до отчаяния городского населения. В период с 1871 до 1916 г. более 40% внутренних мигрантов Российской империи обосновались в Сибири. Процесс заселения Сибири достиг пика с момента введения в эксплуатацию Транссибирской железной дороги. По данным царской переписи населения, в период с 1897 по 1911 г. в Сибирь мигрировало около 1 млн человек [13. P. 77]. По мнению американских исследователей, масштабное заселение и урбанизация Сибири были просто невозможны при царском режиме, так как затраты на исследование, содержание и заселение такой огромной холодной области, как Сибирь, были обременительными для царского правительства, которое постоянно испытывало нехватку наличных средств и имело большую задолженность. Только при Советском Союзе, тоталитарном государстве с централизованным контролем перераспределения природных ресурсов, когда цена не имела значе-

ния, стало возможным «завоевать» Сибирь. Именно советское государство переселило большое количество людей из европейской части на огромные холодные пространства Сибири, построило города и снабжало товарами посредством Транссибирской железной дороги [13. P. 80]. На наш взгляд, Ф. Хилл и К. Гэдди значительно преувеличивают принуждение при освоении Сибири и недооценивают масштабы и значение переселения в Сибирь. В царское время оно шло достаточно успешно, и это переселение имело геополитическое значение, переместив почти 3,7 млн человек в Сибирь и на Дальний Восток России во второй половине XIX – начале XX в. В России не было излишнего городского населения, как считают названные авторы, а было застойное перенаселение в деревне. Целью правительства как раз являлось снятие социального напряжения в российском селе. При советской власти переселение было сопряжено с огромными людскими потерями, которые были неоправданно жестокими по отношению к спецпереселенцам из так называемых кулаков, но большая часть переселения и в это время была добровольной.

Обширное исследование истории Сибири в изучаемый период было проделано английским историком Аланом Вудом, преподавателем истории России в Ланкастерском университете, расположенном в Озерном крае на северо-западе Англии. В своих работах он ставил цель пролить свет на закономерности и особенности социокультурного и экономического развития Сибирского региона и пришел к следующим выводам: у предпринимателей Сибири возрастало недовольство финансовой политикой, диктуемой Санкт-Петербургом и влияющей на регион, поскольку эта политика продвигала и защищала интересы бизнеса европейской части России за счет интересов восточных партнеров. Особую озабоченность вызывало создание внутренних таможенных барьеров между европейской и азиатской Россией, что не только вредило интересам сибирских предпринимателей, но и вынуждало переплачивать за товары, произведенные из центральной части страны. В результате в начале 1860-х гг. появилось сибирское региональное движение – областничество. Областники высказывались о необходимости относиться к потребностям сибирского предпринимательства на равных с центральной частью и о необходимости сбросить экономический хомут Центра с Сибири. Автор исследует идею о фундаментальном делении между Сибирью и Россией и акцентирует внимание на том, что развитие сибирского региона было невозможно без решения этой проблемы. А. Вуд делает заключение, что, хотя эта проблема была широко освещена и западными, и советскими историками, в данной теме следует изучить еще много вопросов. В то же время, на наш взгляд, Вуд преувеличивает значение в сибирской истории областничества, которое основывалось в основном на сибирской интеллигенции, но не охватывало широкие массы крестьянства и городских слоев населения [14. С. 240–244].

Строительство Транссибирской магистрали А. Вуд называет «знаковым событием российского промышленного взлета». Железнодорожное сообщение между Европой и Тихим океаном должно было способствовать стимулированию и торговли, и промышленности. Это, в свою очередь, должно было обеспечить региону большее процветание, не только поднять промышленность и сельское хозяйство региона, но и принести выгоду всей стране. Эта транспортная связь создала новые потребности в промышленных товарах, увеличила коммерческие возможности, как внутренние, так и международные, способствовала транспортировке сельскохозяйственных продуктов. На политическом уровне железнодорожная магистраль способствовала усилению интеграции и единству российского государства. В стратегическом смысле железнодорожная магистраль должна была усилить военные и оборонные возможности России на Дальнем Востоке [15. P. 147–151].

По мнению А. Вуда, нехватка адекватных, быстрых средств внутреннего транспорта и системы сообщений стало важным фактором, повлиявшим на унизительное поражение России в Крымской войне (1853–1856). В этой связи железнодорожная магистраль имела большое значение не только для интенсивного заселения региона, но и для обороны, учитывая ощутимую угрозу и возможность будущей военной конфронтации с Японией или Китаем, не говоря уже об опасениях по поводу американских амбиций в регионе. Английский исследователь отмечает, что предупреждения о войне на востоке могли показаться несколько преувеличенными в те времена, но факты говорят сами за себя, и в 1904 г. Россия начала войну с Японией. Войну, которую она проиграла, несмотря на успешное строительство линии, необходимой, по мнению сторонников строительства магистрали, с военной точки зрения для обороны дальневосточных территорий государства [15. P. 151]. А. Вуд констатирует, что поражение России в 1905 г. возобновило споры по поводу строительных планов. По его мнению, оппоненты строительства из Министерства финансов заявляли, что весь проект был слишком дорогостоящим, а прогнозы о экономических выгодах чрезмерно оптимистическими. Министерские чиновники скептически относились и к увеличению необходимого финансирования за счет частных источников или сибирского населения, а также были очень осторожны в привлечении иностранных капиталов в этом случае, в отличие от других отраслей промышленности [15. P. 149–151].

Проблема заключалась еще и в том, что в 1896 г. Комитетом по Сибирской железной дороге было принято решение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги, соединявшей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром и пролегавшей через территорию Маньчжурии. Приняв во внимание послевоенную реальность японского могущества на Востоке и осознав неэффективность Китайско-Восточной железной дороги во время конфликта, правительство при поддержке Думы приняло решение построить новую ветвь Транссибирской магистрали – Амурскую железную дорогу – в этот раз полностью на российской суверенной территории. Возникшие дебаты были связаны не с фактическим маршрутом, а с тем, какое расстояние должно быть между рекой и железной дорогой. Одни заявляли, что расположение линии слишком близко от реки сде-

лает ее незащищенной перед атаками потенциальных врагов с юга. Другие возражали, что при расположении линии на 160 км (100 миль) и далее на север, хотя стратегически и более безопасном, она пройдет через незаселенную, трудную и пустынную территорию, что являлось нецелесообразным [9. С. 151–153]. В конце концов было принято решение следовать более южным маршрутом, и в 1907 г. началось строительство. Несмотря на разногласия, финальным фактором в защиту строительства стали национальная гордость, остаточные имперские амбиции, оборона России, страх перед «желтой угрозой», ярко выраженный шовинизм. По мнению А. Вуда, все эти иррациональные эмоции в конечном итоге оказали влияние на более рациональные аргументы как за, так и против, и патриотический пыл послужил аргументом в пользу «положительного ответа», а не «отрицательного». Некоторые пошли еще дальше и заявляли, что строительство Амурской железной дороги было необходимо для сохранения самой Российской империи [9. С. 153]. Сейчас-то мы знаем, что и северный вариант амурской трассы реализован строительством БАМа. Следует также считать очевидным, что если бы Транссибирская железная дорога была построена раньше, то было бы больше шансов отстоять позиции России на Востоке.

Но империя не уцелела, и последний «царь Сибири» вынужден был отречься от престола спустя всего лишь несколько месяцев после открытия Амурского железнодорожного моста в Хабаровске в 1916 г. В этом смысле, как отмечает британский исследователь, имперская задача по строительству Транссибирской железной дороги являлась химерой, фантастической концепцией. По оценке А. Вуда, строительство Транссибирской железной дороги обошлось в миллионы и миллионы рублей (в 1916 г. в долларовом эквиваленте это составляло один миллиард) и потребовало тысяч человеческих жизней, но ее практическая польза, касаемо колониального заселения, экономической выгоды и национальной защиты, была в лучшем случае сомнительной, в худшем случае ничтожной. С такой точки зрения строительство являлось конкретизацией всех этих химерных фантазий [15. P. 153].

На самом же деле дорога начала себя окупать еще до Первой мировой войны, с проведением второй колеи. И с применением термина «химера» также можно поспорить. Сам автор, А. Вуд, говорит о реальных угрозах вторжения со стороны Японии и США, которые организовали интервенцию на Дальнем Востоке в период Гражданской войны в России, и в наше сложное время, когда конфликт между Россией и Западом приобретает конкретные формы военного противостояния. Империя ушла, а Россия осталась, традиции освоения Северной Азии были продолжены, часто по тем же планам XIX в.

Общая стоимость магистрали в экономическом и человеческом смыслах была колоссальной по современным меркам. Алан Вуд отмечает, что огромные ресурсы, затраченные на этот грандиозный проект, лучше было бы потратить на обеспечение экономического процветания, образование, здравоохранение и общее социальное благосостояние людей всей Российской империи, а не только Сибири и Дальнего Востока, и тем самым предотвратить ее экономический обвал. Однако вряд ли затраты на Транссибирскую магистраль связаны с причинами революции 1917 г., поскольку эти причины гораздо более многогранны и сложны, чем приведенные аргументы, но тем не менее их стоит принять во внимание. [9. С. 153]. А. Вуд приходит к заключению, что, несмотря на краткосрочные сложности и недостатки, в долгосрочной исторической перспективе Транссибирская магистраль в конечном счете оправдала изначальные инвестиции в нее. Суммируя все факты, английский исследователь приводит цитату Виктора Моута, почетного профессора кафедры политологии Хьюстонского университета, США, штат Техас: «В течение строительства, никто не сомневался, что Транссибирская железная дорога была серьезной статьей расходов для царской экономики и позже для военной экономики. Но, несмотря на критические аргументы, Транссибирская магистраль более чем сполна окупила себя за последующий век. На самом деле, было бы сложно представить себе огромную Сибирь без этой магистрали, ставшей подлинным символом (и объединяющим фактором) региона». [15. P. 153–154].

Алан Вуд акцентирует внимание на следующих выводах: во-первых, самым важным фактором, внесшим вклад в экономическое развитие Сибири в рассматриваемый период, стало, несомненно, строительство Транссибирской железной дороги, что обеспечило жизненно важную торговую связь между европейской Россией и Тихоокеанским регионом, открыло территорию как для внутренних, так и для иностранных инвестиций. Во-вторых, в Сибири особо остро сказались последствия внезапного спада во время экономического кризиса в стране в период между 1901 и 1905 гг., что явилось результатом различных внутренних и внешних факторов (завершение строительства Транссибирской магистрали, тяжелые условия труда на заводах и полях, война с Японией, стремительно растущая иммиграция и т.д.).

Современные отечественные историки отмечают, конечно, огромное значение Сибирской магистрали для экономического, политического и общественного развития Сибири и Дальнего Востока, втягивания этих территорий и населения в общероссийский экономический рынок, создания новых экономических центров. Отмечались и социальные последствия реализации этого проекта, так как железнодорожный пролетариат наряду с демобилизованными солдатами играл решающую роль в триумфальном шествии советской власти по восточным регионам страны.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. В работах отдельных англо-американских историков освещение проблем строительства и эксплуатации Сибирской железнодорожной магистрали вполне объективно и совпадает с мнением современных отечественных исследователей этой проблемы. Однако другие авторы из Англии и США довольно свободно обращаются с историческими фактами, и их изложение изученных событий требует исправления и корректировки.

В рассмотренных работах мы не столкнулись с грубой фальсификацией истории Сибири и строительства здесь железной дороги, наоборот, познакомились с позицией якобы гуманного отношения к населению, сохранению и приумножению народа, повышению качества его жизни. Англо-американские авторы не могут избежать менторского тона по отношению к русской истории, хотя у англичан весьма скромный собственный опыт освоения экстремальных территорий. У нас же нет других, более благоприятных для жизни, земель, зеленая сибирская пустыня требует гигантских усилий для освоения природных ресурсов, геополитическое значение которых постоянно растет, а климат в Сибири становится все лучше. Оценки освоения Сибири современных англо-американских авторов – это завистливое мнение беднеющего соседа. Сопоставление же точек зрения полезно для оценки представления экспертов других стран о социально-экономической истории страны и отдельных ее регионов, в первую очередь Сибири и Дальнего Востока.

Список источников

1. Бойко В.П., Ефименко В.Н., Кадесников А.П., Картопольцев В.М., Музалев В.Н. Исторические очерки строительства дорог и мостов / отв. ред. Л.С. Ляхович, 2-е изд., перераб. и доп. Томск : Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2012. 150 с.
2. Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России / под ред. Б.К. Андрющенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 9–40.
3. Разумов О.Н. Иностранные акционерные компании в горной промышленности восточных районов России (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв. : материалы конф., посвященной памяти профессора А.А. Говоркова / под ред. А.Н. Жеравиной. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. С. 253–257.
4. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П., Ремнев А.В., Суворова Н.Г., Шахеров В.П., Шиловский М.В. Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
5. Мухин А.А. Влияние Сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 109–119.
6. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул : Азбука, 2007. 292 с.
7. Lincoln W.B. The conquest of a continent. Siberia and the Russians. New York : Cornell University Press, 1993. 479 p.
8. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
9. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Ю.Л. Александров. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
10. Smele J. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. XIX, 760 с.
11. Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А., Некрылов С.А., Скубневский В.А., Старцев А.В., Степнов А.О., Фоминых С.Ф., Харусь О.А., Храмков А.А., Шевелев Д.Н., Шевцов В.В., Шерстова Л.И. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 340 с.
12. Waldron P. The End of Imperial Russia, 1855–1917. New York : Palgrave Macmillan, 2002. 189 p.
13. Hill F., Gaddy G. The Siberian curse: How Communist planners left Russia out in the cold. Washington DC : Brooking Institution Press, 2003. 303 p.
14. Шиловский М.В. Трансформация органов городского самоуправления в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVIII–XX вв. : сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. СПб. : Медиапапир, 2020. С. 238–244.
15. Wood A. Russian's Frozen Frontier. A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London : Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.

References

1. Boyko, V.P., Efimenko, V.N., Kadesnikov, A.P., Kartopoltsev, V.M. & Muzalev, V.N. (2012) *Istoricheskie ocherki stroitel'stva dorog i mostov* [Historical essays on the construction of roads and bridges]. 2nd ed. Tomsk: TSUAB.
2. Zinoviev, V.P. (1999) Sibir' v ekonomike Rossii XVIII – nachala XX vv. [Siberia in the Russian economy of the 18th – early 20th centuries]. In: Andryushchenko, B.K. (ed.) *Sibir' v sostave Rossii* [Siberia as part of Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–40.
3. Razumov, O.N. (2003) Inostrannye aktsionernye kompanii v gornoy promyshlennosti vostochnykh rayonov Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Foreign joint-stock companies in the mining industry of the eastern regions of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XVIII–XX vv.* [Problems of history, historiography and source study of Russia in the 18th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 253–257.
4. Dameshek, I.L., Dameshek, L.M., Zinoviev, V.P., Remnev, A.V., Suvorova, N.G., Shakherov, V.P. & Shilovskiy, M.V. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy Imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Mukhin, A.A. (1961) Vliyanie Sibirskoy zheleznoy dorogi na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Vostochnoy Sibiri (1897–1917 gg.) [The influence of the Siberian Railway on the socio-economic development of Eastern Siberia (1897–1917)]. In: Dulov, V.I. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Questions of the History of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 109–119.
6. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2007) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: naselenie, ekonomika, zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Population, economy, development, and improvement]. Barnaul: Azbuka.
7. Lincoln, W.B. (1993) *The conquest of a continent. Siberia and the Russians*. New York: Cornell University Press.
8. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol .1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Bykonya, G.F., Komleva, E.V. & Pogrebnyak, A.I. (2012) *Eniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [Yenisei merchants in persons (the 18th – early 20th century)]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Smele, J. (1996) *Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak 1918–1920*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Datsyshen, V.G., Zinoviev, V.P., Lysenko, Yu.A., Nekrylov, S.A., Skubnevskiy, V.A., Startsev, A.V., Stepnov, A.O., Fominykh, S.F., Kharus, O.A., Khramkov, A.A., Shevelev, D.N., Shevtsov, V.V. & Sherstova, L.I. (2019) *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoy Azii* [Essays on the history of the development and study of North Asia]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Waldron, P. (2002) *The End of Imperial Russia, 1855–1917*. New York: Palgrave Macmillan.
13. Hill, F. & Gaddy, G. (2003) *The Siberian curse: How Communist planners left Russia out in the cold*. Washington DC: Brooking Institution Press.

14. Shilovskiy, M.V. (2020) Transformatsiya organov gorodskogo samoupravleniya v Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Transformation of city government bodies in Siberia at the turn of the 20th century]. In: Goncharov, Yu.M. & Shaydurov, V.N. (eds) *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII–XX vv*. [Modern historical Siberian studies of the 18th–20th centuries]. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 238–244.
15. Wood, A. (2011) *Russian's Frozen Frontier. A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London: Bloomsbury Academic.

***Сведения об авторах*:**
Бойко Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: vpbojko@yandex.ru
Савинцева Марина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации Томского государственного университета, аспирант Томского государственного архитектурно-строительного факультета (Томск, Россия). E-mail: msavintseva@yandex.ru
Михайлицина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mihailicina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Boiko Vladimir P. – Doctor of Historical Sciences, Professor department of the Theory and History of Architecture Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru
Savintceva Marina E. – Senior Lecturer of the Department of International Business Communication, Tomsk State University, PhD student at Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: msavintseva@yandex.ru
Mikhailitsina Elena A. – Senior Lecturer, Department of International Business Communication, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 26.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 94(497.2): 930
doi: 10.17223/19988613/85/20

«История славяноболгарская» Паисия Хилендарского как отправная точка болгарской историографии эпохи раннего Возрождения (XVIII – первая половина XIX в.)

Эгнара Гайковна Вартаньян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, vartaneg@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию «Истории славяноболгарской» великого болгарского просветителя Паисия Хилендарского на развитие болгарской исторической мысли конца XVIII – первой половины XIX в. Показаны рост интереса болгарского общества к историческому прошлому страны, расширение источников и исследований по болгарской истории. Исторические труды конца XVIII – первой половины XIX в. сыграли большую роль в росте национального самосознания и утверждении идеи национального единства болгарского народа.
Ключевые слова: Болгария, национальное Возрождение, «История славяноболгарская», Паисий Хилендарский, историография

Для цитирования: Вартаньян Э.Г. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского как отправная точка болгарской историографии эпохи раннего Возрождения (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 157–166. doi: 10.17223/19988613/85/20

Original article

“The Slavic-Bulgarian History” Paisi of Hilendar as a starting point of the Bulgarian historiography of the early Renaissance (XVIII – first half of the XIX century)

Egnara G. Vartanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, vartaneg@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to show the role and significance of "The History of Slavic-Bulgarian" by the founder of the Bulgarian national Revival Paisiy Hilendarsky for the development of the historical writing of Bulgaria at the end of the 18th - first half of the 19th centuries. The article is based on the principles of historicism and objectivity, comparative-historical, historical-cultural and historical-typological methods.

The empirical basis of the study are the materials of Bulgarian, Russian historical science, first of all, the works of researchers of the late 18th - first half of the 19th centuries, which allow to assess the objectivity of the level of development of the Bulgarian historiography and the degree of influence on the society of the fundamental work of Paisi Khilendarsky. In the period under review, there was a process of comprehensive renewal of society, in essence, the transition from the Middle Ages to the New Age. Bourgeois relations began to penetrate the Bulgarian society, works of the original national culture were created, struggle for political liberation and restoration of the Bulgarian statehood continued.

It is shown that P. Hilendarsky in the "The Slavic-Bulgarian History" used the "Zograf Bulgarian History", the "History" of Hieromonk Spiridon, the saints' lives, words of praise, works of medieval Bulgarian literature, in particular, the works of famous Bulgarian writers - Patriarch Euthymius Tyrnovsky, Gregory Tsamblak, Constantine Kostenchsky, Caesar Beronius, Mavro Orbini. Thanks to their works, P. Hilendarski introduced the factual and ideological achievements of West-Europian science of the late Renaissance and the historical thought of the Enlightenment into Bulgarian historiography. Sofroniy Vrachansky, Yuri Benelin, S. Palauzov, M. Drinov, and others had a great influence on the development of Bulgarian historical thought.

The author has demonstrated the great ideological influence of historical and literary works on the Bulgarian society. In order to awaken the patriotic feelings of the people and to increase the national consciousness, there was a reproduction of certain stories from the "History of the Slavic Bulgarian", comments were written to it, additions were made to it, the number of lists increased.

It is concluded that Paisiy Hilendarsky and his followers brought to the consciousness of the Bulgarians an understanding of their own historical significance. Historical works of the 18th - first half of the 19th centuries played a great role in affirming the ideas of national unity of the Bulgarian people and the indivisibility of the Bulgarian lands, raised the feeling of patriotism among the people, became the spiritual basis of the educational movement, Church struggle and political activism of the Bulgarian society. The Bulgarian people have embraced a common historical destiny.

© Э.Г. Вартаньян, 2023

Keywords: Bulgaria, National Revival, “Slavic-Bulgarian History”, Paisiy Hilendarsky, istoriography

For citation: Vartanyan, E.G. (2023) “The Slavic-Bulgarian History” Paisi of Hilendar as a starting point of the Bulgarian historiography of the early Renaissance (XVIII – first half of the XIX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 157–166. doi: 10.17223/19988613/85/20

Введение

Изменения, которые происходили в социальной структуре славянских государств в переходную эпоху от феодализма к капитализму, влияли на процесс становления национальных культур. Это было частью общеевропейского процесса. В славянском географическом ареале историко-культурные процессы происходили неравномерно. Причиной асинхронности процессов были различия не только в уровнях социально-экономического развития, но и в реальном политическом положении отдельных славянских народов, находившихся под чужеземным игом и в ряде случаев лишенных территориального единства. Все это накладывало отпечаток на формирование славянских национальных культур.

XVIII век для большинства славянских народов был рубежом в становлении науки и культуры Нового времени, периодом, когда закономерно происходили коренные социально-экономические сдвиги, связанные с нарастанием общего кризиса феодально-крепостнической системы и постепенным складыванием буржуазных отношений. Следствием развития этих процессов были изменения в психологии людей, духовной жизни и культуре.

В изнывающей под гнетом Османской империи Болгарии происходили аналогичные процессы. Они ознаменовали начало болгарского национального Возрождения, процессы трансформации в науке, культуре, умонастроениях людей.

Развитие исторической литературы XVIII – первой половины XIX в. определялось общественно-политическим и культурным развитием Болгарии. XVIII – 70-е гг. XIX в. – период национального Возрождения Болгарии. Первые два этапа болгарского Возрождения (вторая половина XVIII – начало XIX в. и 20–40-е гг. XIX в.) иногда называют ранним Возрождением [1. С. 255] в отличие от последующего, третьего, этапа (50–70-е гг. XIX в.), когда социально-политические и культурные процессы на болгарских землях протекали довольно интенсивно в условиях возрастающего национально-освободительного движения.

В период болгарского Возрождения происходил процесс формирования болгарской нации, всестороннего обновления общества, перехода от Средних веков к Новому времени. В болгарское общество стали проникать буржуазные отношения, создавались произведения самобытной национальной культуры, продолжалась борьба за политическое освобождение и восстановление государственности. Болгарское национальное Возрождение является своеобразным синтезом культурно-исторической традиции с экономическими, культурными, политико-идеологическими достижениями буржуазной эпохи.

Для раннего болгарского Возрождения характерно эволюционное развитие: медленное пробуждение национального и патриотического сознания, повышенное внимание к культурно-просветительской деятельности, появление учебной литературы на родном языке и становление светского образования.

Цель статьи – показать роль «Истории славяноболгарской» родоначальника болгарского национального Возрождения Паисия Хилендарского в развитии болгарской историографии конца XVIII – первой половины XIX в.

Методы исследования. Статья основана на принципах историзма и объективности, сравнительно-историческом, историко-культурном и историко-типологическом методах. Благодаря использованным методам показано влияние основополагающего труда Паисия Хилендарского на развитие болгарской исторической науки и рост национального самосознания.

Эмпирической базой исследования являются материалы болгарской, российской исторической науки, в первую очередь труды исследователей конца XVIII–первой половины XIX в., которые позволяют объективно оценить уровень развития болгарской историографии и степень воздействия на общество «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского.

Анализ

Несмотря на иноземный гнет, развитие болгарской письменности и культуры в период позднего Средневековья и Нового времени продолжалось, хотя и замедленными темпами. Очагами письменности и просвещения были монастыри. Там собирались церковные книги, рукописные сборники, трудились переписчики, функционировали келейные школы, в которых сохранялась славянская письменность. Книжная работа в монастырях, как отмечает Х. Гандев, «приобретала известную святость и считалась за благочестивый подвиг, совершаемый переписчиками» [2. С. 35].

От XVII–XVIII вв. сохранилось около 450 больших рукописных сборников – богослужебных текстов, летописных повествований, путевых заметок; это свидетельствует, что в болгарских землях в эпоху позднего Средневековья были грамотные духовные и светские лица. Именно в этой среде появились первые будители болгарского народа, которые прокладывали путь к просвещению народа и новому мировосприятию. Самым видным среди них был святогорский монах Паисий Хилендарский (1722–1773), который в 1762 г. написал свой знаменитый труд «История славяноболгарская» [3].

Просвещенные болгары уже были знакомы с «Историей славяноболгарской» монаха Паисия. Это в немалой степени определялось их интересом к историческому прошлому своего государства в конце XVIII – первой половине XIX в.

Для написания своего труда Паисий Хилендарский провел ряд лет в Зографском и Хилендарском монастырях на Афоне, где общался с образованными болгарскими, русскими, сербскими и греческими монахами.

«История славяноболгарская» – первый памятник болгарской письменности и культуры общенационального значения, в котором наиболее полно и ярко выражены новые просветительские и национально-патриотические идеи. Опираясь на источники, Паисий повествует о славном прошлом болгарского народа, деяниях царей, великих славянских первоучителях Кирилле и Мефодии, сопоставляет время принятия христианства в Болгарии и на Руси, подчеркивает величие и значимость истории болгарского народа.

Паисий первым среди болгарских просветителей обратился непосредственно к простому народу. Интересно предисловие к работе под названием «О пользе истории», которое Паисий Хилендарский обращает к соотечественникам. Автор эмоционально выражает свой призыв к болгарам, пытаясь пробудить в них гордость славной историей своей страны, осуждает тех, кто пренебрегает родным языком, предпочитая ему греческий. Паисий выступил патриотом, гуманистом, его идеи служили духовному и политическому раскрепощению болгарского народа.

Интерес к роли и месту «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского при написании трудов по истории в период национального Возрождения Болгарии возник рано и существует до сегодняшнего дня. Исследователи Болгарии признают труд Паисия Хилендарского историческим и считают, что с него начинается болгарская историографии эпохи национального Возрождения [4; 5; 6, С. 162; 7. С. 6–13; 8].

При написании своего труда Паисий использовал опубликованные и неопубликованные источники. Он с большим пиететом относился к старым рукописным болгарским книгам, эмпирическому материалу раннего периода истории Болгарии. Паисий Хилендарский в своем труде неголословен, он вводит в научный оборот грамоты болгарских царей, жития святых, исторические сочинения, повести, рассказы, похвальные слова и многие другие произведения средневековой болгарской литературы. Исследователи допускают, что Паисий был знаком с русской Кормчей книгой [1. С. 258].

Паисий Хилендарский в «Истории славяноболгарской» отталкивается от трудов известных болгарских писателей – патриарха Евфимия Тырновского (1325–1402), Григория Цамблака (1365–1420), Константина Костенчского (1380/90 – после 1431) и др. [9. С. 293], он был знаком с историческими трудами известных исследователей болгарской средневековой истории – католического историка Цезаря Бероний (1538–1607) [10] и родоначальника югославянской исторической науки священника Мавро Орбини (1563–1614) [11]. Благодаря их трудам Паисий Хилендарский внес в болгарскую историографию эпохи Возрождения фактологические и идеологические новации западноевропейской науки позднего Возрождения и исторической мысли эпохи Просвещения.

Первым ревностным почитателем творения Паисия Хилендарского стал епископ, писатель, выдающийся деятель болгарского национального Возрождения Софроний Врачанский (1739–1813) [12].

Будучи священником, Софроний встречался с Паисием и полностью воспринял его просветительские идеи. В 1792 г. С. Врачанский был рукоположен в епископы и продолжил свою общественно-культурную деятельность. Он создал ряд произведений, оставивших заметный след в болгарской культуре. В 1802 г. в г. Видин он написал два сборника на близком к разговорному болгарском языке. В них были представлены церковные проповеди к праздникам, переводы отрывков из мифологии Синтипа Философа, басни Эзопа, поучительные рассказы, вводившие читателя в круг просветительских идей. Автор размышляет о национальном и культурном развитии болгар. В «Философских мудростях» С. Врачанский призывал болгар не жалеть средств в обучение детей.

В 1806 г. С. Врачанский напечатал первую новоболгарскую книгу «Недельник». В ней, помимо поучений из Евангелия, библейских рассказов, автор говорит о необходимости распространения знаний для болгар посредством книгопечатания. В начале XIX в. в газете Георгия Раковского «Дунавски лебед» было опубликовано самое значительное произведение С. Врачанского «Житие и страдания грешного Софрония» [12]. Автор описывает положение Болгарии в условиях османской тирании, произвол властей, бесправное положение народа. С. Врачанский защищает права личности, своими идеями способствует пробуждению самосознания болгарского народа.

С. Врачанский составил первый список «Истории славяноболгарской» в 1765 г., второй – в 1781 г. [13. С. 59]. Первый список «Истории славяноболгарской» С. Врачанского наиболее близок к первоисточнику, Софроний старался не допускать отклонений от текста оригинала, вносил лишь некоторые поправки в области правописания и языка. Более того, С. Врачанский четко указал имя автора «Истории славяноболгарской», что, кстати, мы видим не во всех списках «Истории...» Паисия.

Творчество Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского явилось важным фактором, прокладывающим пути к развитию новой болгарской историографии, культуры и просвещения.

В первой половине XIX в. в болгарской историографии происходит отход от традиции старого средневекового историописания.

Первые представители критической болгарской историографии обращали внимание на направления исторической мысли постпаисиевой эпохи. Они старались сохранить памятники болгарской истории как продолжение заветов Паисия Хилендарского и популяризации его идей. Важным событием, положившим начало формированию светского, гражданского патриотического сознания, стало появление в 1824 г. «Рыбного букваря» Петра Берона (1799–1871) [14. С. 45] (полное название книги – «Букварь с различными поучениями»). Это первый болгарский учебник светского характера, своего рода энциклопедия знаний, написанная на разговорном языке, порывавшая с традицией церковного образования.

Большое влияние на развитие болгарской исторической мысли и культуры на втором этапе болгарского национального Возрождения оказала русская культура.

Ярким представителем болгарской историографии был Юрий Иванович Венелин (1802–1839), российский и болгарский историк, публицист, деятель национального Возрождения, один из создателей исторической славистики. Работа Ю. Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829) пробудила во многих болгарах любовь к родине, патриотические чувства [15]. Ю.И. Венелин проявлял глубокое уважение к историческому прошлому болгарского народа, его культуре, поддерживал идею этнической и языковой близости болгарского и русского народов: «Болгары – народ не только не татарского происхождения, но некогда они составляли с русскими один народ» [16].

Имя Ю.И. Венелина было широко известно среди болгарской общественности, его высоко ценили современники и болгарские исследователи более позднего периода, хотя не все его гипотезы получили подтверждение. Его горячая защита священного права болгарского народа быть свободным вызывала большой интерес читателей.

В конце 1837 г. Ю. Венелин опубликовал статью под названием «Об основах новой болгарской литературы». Ее условно можно разделить на две части: историческую и современную. Исторический обзор посвящен староболгарской литературе, ее становлению и расцвету в период Первого болгарского царства и другим историческим сведениям. В композиционном отношении материал по средневековой болгарской истории вплетен в общую канву повествования.

Автор пишет, что новоболгарский язык являет собой самостоятельное славянское наречие. Впечатления о культурном состоянии Болгарии Ю. Венелин получил в результате путешествия с научной целью по северо-восточным землям Болгарии. Неудовлетворительный уровень развития болгарской культуры он объяснял не только иноземным игом, но и гнетом греческого духовенства, задавшегося целью искоренить остатки старой болгарской литературы, культуры и заменить ее на греческую. Относительно северных районов Дуная Ю. Венелин подчеркивал, что там сохраняются условия для возрождения новоболгарской литературы при финансовой поддержке состоятельных болгар. В более благоприятном культурном положении находились болгары, проживавшие за пределами Османской империи. Ю. Венелин свой вклад в развитие новоболгарской культуры видел в составлении новоболгарской грамматики.

Идейные и методологические завоевания в области историографии были достигнуты благодаря деятельности ярких представителей исторической науки – Васила Априлова и Спиридона Палаузова.

Деятельность Юрия Венелина оказала большое влияние на болгарского просветителя Васила Априлова (1789–1847). Сам В. Априлов подчеркивал, что пробуждение в нем народно-патриотических идей и вся его последующая деятельность на поприще национально-культурной борьбы болгарского народа в большой степени состоялась в результате знакомства с трудами Ю. Венелина [17. С. 23]. Именно труд Ю. Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» пробудил в нем любовь к своему народу и стремление содействовать просвещению болгар. Болгарский исследователь Димитър Цанев отмечает, что влияние Ю. Венелина на В. Априлова чувствуется в методологическом подходе, идейно-теоретическом отношении, «аксиоматичном восприятии некоторых тезисов Венелина» [13. С. 113].

Большую часть жизни В. Априлов провел в Одессе, где жил в кругу болгарской демократической эмиграции и был связан с русскими славистами. Априлов был первым болгарским просветителем, который сознательно ориентировал своих соотечественников на изучение опыта русской культуры и просвещения.

В. Априлов не только собирал болгарские народные песни, записывал их, изучал, но и популяризировал болгарские средневековые книги. Среди его работ важное место занимает «Денница ново-болгарского образования», изданная в 1841 г. в Одессе на русском языке. В ней автор описывает положение болгарского народа в условиях османского гнета, состояние системы образования в обществе, отношения с Россией и т.д. [18].

В своих исторических исследованиях В. Априлов поднимал вопрос о происхождении болгар, был поборником теории Раича–Венелина, согласно которой протоболгары и славяне имеют одни этнические, славянские корни.

Первостепенное значение в своих исследованиях В. Априлов уделял двум основным событиям болгарской средневековой истории – принятию христианства и утверждению самобытной славяно-болгарской письменности и культуры. Вопрос о роли средневекового болгарского государства в распространении славянской письменности и культуры неслучайно был центральным в исторических исследованиях В. Априлова. Во-первых, он был представителем эволюционно-просветительского течения в болгарского национального Возрождения, а для эмигрантской буржуазии борьба за национальное просвещение и культуру имела большое общественное значение; во-вторых, болгарский народ чувствовал на себе миссию распространителя славянского просвещения и культуры и, соответственно, ощущал себя равным среди других славянских народов.

Априлов стремился своими историко-филологическими трудами воспитывать в болгарах чувство гордости за свой народ, способствовал росту его самосознания.

В 1830–1840-е гг. В. Априлов поддерживал связи с известными представителями российской славистики, крупными фигурами развивающейся болгаристики в России – В. Григоровичем, Ив. Срезневским, М. Погодиным, М.А. Соловьевым, Н.В. Савельевым-Ростиславичем и др. Это не только было проявлением русско-болгарских связей в области науки и культуры в первой половине XIX в., но и имело существенное значение в углублении исторических и научных знаний В. Априлова.

В. Априлов занял достойное место в ряду представителей научного и критического направления болгарской историографии. Его деятельность продемонстрировала значительные фактологические, идейные, методологические достижения болгарской исторической науки по сравнению с довозрожденческим периодом. Это было результатом не только внутреннего развития болгарской историографии, но и использования достижений исторической науки России, западноевропейских и славянских стран. В. Априлов был поборником развития болгарского светского образования.

Паисиевой традиции был верен и российский историк болгарского происхождения Спиридон Николаевич Палаузов (1818–1872). После окончания Ришельевского лицея в Одессе он продолжил обучение в Германии, получив академическое образование, испытав сильное влияние различных научных школ Западной Европы, оформившихся к середине XIX в. Там и сформировались профессиональные умения и навыки С. Палаузова.

Труды представителей европейской буржуазно-либеральной историографии – немецкой, французской и английской школ – оказали влияние на научную деятельность Спиридона Палаузова с точки зрения методологии, фактологии, идейных взглядов, сбора и систематизации источников. Ну и, конечно же, российская историческая школа способствовала формированию его как ученого, поскольку наиболее длительный и плодотворный период деятельности историка пришелся на Россию. В Петербурге он занимался вопросами славянской политической истории и культуры совместно с известным русским славистом И. Срезневским. Их длительное сотрудничество окончательно определило научные интересы С. Палаузова в контексте исторической и историко-филологической тематики и его нацеленность на изучение неразработанных вопросов славистики, болгаристики, поисков и введения в научный оборот малоизвестных или ранее неизвестных источников.

В 1851 г. С. Палаузов опубликовал первое свое значительное исследование, связанное с историческим прошлым Болгарии, – «Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII в.», а в 1852 г. была опубликована монография С. Палаузова «Век болгарского царя Симеона», которая положила начало критическому направлению болгарской возрожденческой историографии.

С. Палаузов является автором таких трудов, как «Юго-Восток Европы в XIV в.», «По вопросу о болгарском патриаршестве» и др. Ему принадлежит публикация «Синодика царя Борила», который является важным источником по истории Второго Болгарского царства [19].

В своей научной и публицистической деятельности С. Палаузов был связан с историческим прошлым и настоящим Болгарии и отражал в своем творчестве национальные интересы и насущные потребности болгарского народа. С. Палаузова с полным основанием можно считать родоначальником критического направления в болгарской историографии.

Большой практический вклад внесли В. Априлов и с С. Палаузов и в развитие болгарского образования. При поддержке бухарестских болгарских торговцев им удалось осуществить идею создания светской болгарской школы. Это была знаменитая Габровская школа, открытая в 1835 г. и ставшая впоследствии гимназией им. В. Априлова, которая сыграла важную роль в болгарском национальном образовании.

Марину Дринову (1838–1906) – известному болгарскому историку, общественному деятелю, принадлежит заслуга определения места Паисия Хилендарского в болгарском национальном Возрождении [20, 21]. Он является одним из основоположников болгарской историографии. Перу М. Дринова принадлежат работа «Поглед върху произхождението на българския народ и началото на българската история», изданная в Пловдиве в 1869 г., и другие труды.

Болгарская историческая наука приложила немало усилий в деле изучения «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского в текстуальном отношении, в контексте авторских комментариев, дополнений, переработок. Значительные достижения в этом отношении принадлежат исследователям Б. Ангелову [22–24], А. Бумову [25], В. Велчеву [26, 27], В. Златарскому [28], Н. Начову [29], Ст. Романски [30], Б. Пеневу [31, 32], М. Стоянову [33. С. 593; 34], И. Тодорову [35] и др.

Кроме «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского при написании исторических сочинений в период болгарского национального Возрождения исследователи использовали «Зографскую болгарскую историю», а также «Болгарскую историю» иеромонаха Спиридона. Они были составлены примерно в одно время с «Историей славяноболгарской» Паисия Хилендарского.

«История вкратце о Болгаро-словенском народе», известная как «Зографска българска история», или «Анонимна Зографска история», является одним из первых исторических сочинений новоболгарской литературы. Составлена неизвестным автором в Зографском монастыре на Афоне, вероятно, в начале 1760-х гг. «История…» содержит краткие сведения о деятельности болгарских правителей от основания болгарского государства до завоевания его османами. Труд использован иеромонахом Спиридоном Габровским в «Истории во кратце о болгарском народе словенском», написанной им в 1792 г. В отличие от Паисия Хилендарского иеромонах Спиридон при составлении своей истории использовал не только книгохранилища Афона, но и библиотеки молдавских монастырей, где были сосредоточены исторические сочинения на русском, польском языках, а также труды западноевропейских авторов в русском переводе. Основное внимание Спиридон сосредоточил на русском переводе сочинения Цезаря Бароний «Деяния церковная и гражданская», изданного в Москве в 1719 г., использовал также перевод выдающегося русского церковного деятеля Дмитрия Ростовского (1651–1709) известной хроники византийского историка XII в. монаха-богослова Йоанна Зонара [36], ввел в научный оборот «Синопсис», «Рай мысленный», Кормчую книгу, жития святых, летописи, предания, легенды и т.д. Исследователь Боян Пенев считает, что широко использованные иеромонахом Спиридоном источники на русском языке можно считать началом

«чувствительного» русского влияния на болгарскую возрожденческую литературу, которая к середине XIX в. вытеснила сербское и греческое влияние [32. С. 344].

Возможно, труд иеромонаха Спиридона был знаком Паисию Хилендарскому. Но были ли личные контакты между этими авторами? Этот факт нам неизвестен, однако текстологические связи несомненны, как и общая источниковая база. Болгарский исследователь Ю. Трифонов допускает мысль о том, что неизвестный нам составитель «Зографской истории» и Паисий Хилендарский, как и иеромонах Спиридон и автор «Зографской истории», могли были быть лично знакомы. Более того, он полагает возможность того, что составитель «Зографской истории» передал двум другим авторам исторические сведения из своего сочинения [37. С. 64]. Нельзя не согласиться с российским историком Д.И. Полывянным в том, что документальную основу всех трех произведений составили, во-первых, книги русской кириллической печати XVII–XVIII вв., во-вторых, сочинения южнославянских авторов, изданных в Австрийской империи, в-третьих, рукописные памятники Афонских монастырей [38. С. 15]. Однако если в труде Паисия мы видим мощный духовно-идейный заряд, провозглашающий священное право болгарского народа на свободу, равенство, независимое культурное и политическое развитие, церковную независимость, то в трудах иеромонаха Спиридона и автора «Зографской истории» больше фактологических подробностей.

В Болгарии в первой половине XIX в. усилилась борьба за церковно-культурную свободу, возросло идейное влияние исторических, литературных произведений на народные массы. С целью пробуждения в народе патриотических чувств и роста национального самосознания происходило тиражирование отдельных сюжетов из «Истории славяноболгарской», писались к ней комментарии, осуществлялись переработки, увеличивалось количество списков. Например, Преображенская рукопись 1809 г. была написана Владом Поппетковым Гладичовым в Преображенском монастыре. Автор этой рукописи обработал «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского, добавил свои мысли, пояснения, комментарии. Эти дополнения составляли не только исторические знания автора списка, но и были почерпнуты из «Истории разных славянских народов, преимущественно болгар, хорватов и сербов» сербского писателя архимандрита Йована Раича (1726–1801) [39]. Четырехтомный труд Й. Раича, изданный в 1794–1795 гг., оказал большое влияние на культурно-историческое развитие южнославянских народов, в частности в контексте пробуждения их национального самосознания. Вплоть до 1860-х гг. все исторические труды сербского народа были основаны главным образом на труде Й. Раича. Использование «Истории разных славянских народов, преимущественно болгар, хорватов и сербов» Й. Раича в процессе описания или комментирования труда Паисия – результат широкого распространения труда Й. Раича в оригинале или в болгарском переводе [34. С. 315].

В 1801 г. в Будапеште вышло сокращенное изложение болгарской части «Истории…» Й. Раича. Автор переработки – Атанасий Нескович. Полное заглавие работы – «История славяно-болгарского народа. Из г. Раича история и неких исторических книг составлена и простым языком написана сыном Отечества Атанасием Несковичем». Работа была хорошо принята болгарской общественностью и за полвека претерпела четыре издания: первое и второе в 1801 г., третье в 1811 г., последнее в 1844 г. Главное достоинство переработки А. Несковича – доступное для широкого круга читателей изложение истории Болгарии. Задача А. Несковича – изложение истории болгар как славянского народа со славным историческим прошлым. В композиционном отношении распределение материала претерпело некоторые изменения, связанные исключительно с поставленной целью – краткостью, доступностью, убедительностью, отсюда и сокращение текста. Кроме того, А. Нескович уточнил некоторые географические названия, толкования ряда слов (триумф, порфир и др.). Главная задача А. Несковича – подтвердить единую историческую судьбу славянства.

Значительный интерес представляет влияние «Истории…» Й. Раича на два главных направления болгарской историографии эпохи Возрождения – романтическое и критическое.

В Болгарии труд Йована Раича вызвал интерес исследователей Б. Пенева [31, 32], Й. Иванова [40], М. Арнаудова [41], Хр. Христова [42] в контексте литературно-исторического развития болгарского национального Возрождения, прежде всего «Истории» Паисия Хилендарского.

Факт широкого распространения в оригиналах, переводах, рукописях истории болгарского народа разных авторов свидетельствует о распространении исторических знаний среди болгар.

В первой половине XIX в. было известно уже тринадцать списков «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Такое количество списков свидетельствует о росте интереса к этому труду. В текст сочинения Паисия Хилендарского вносились дополнения. В них отражалось положение болгарского народа под владычеством Османской империи, показан возрожденческий исторический и литературный процесс в Болгарии. Исследователь В.И. Злыднев отмечает, что до настоящего времени обнаружено около 60 списков «Истории славяноболгарской», что свидетельствует о ее распространении не только в кругах низшего духовенства Болгарии, но также среди торговцев, ремесленников, в селах и городах [1. С. 259].

Интересно воспоминание известного болгарского поэта XIX в., одного из ярких представителей либерального крыла болгарского национального Возрождения Петко Славейкова (1827–1895) о труде Паисия Хилендарского: «Чтение этой истории развеяло монашеский туман… и возродило во мне другие помыслы. До сих поря я думал только о том, как спасти душу, а по прочтении этой истории стал думать о том, как спасти свой народ» [42].

Нельзя забывать и того, что к середине XIX в. расширились источники и исследования по болгарской истории. Тенденция привлечения новых источников в процессе составления списков и переработки «Исто-

рии славяноболгарской» Паисия Хилендарского усиливалась.

В 1844 г. вышел печатный вариант «Царственника, или Истории болгарской» Христаки Павловича (1804–1848). Х. Павлович за основу своего труда взял «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского. Какой список труда Паисия использовал Х. Павлович? Поскольку в его распоряжении были списки П. Славейкова (Бухарестский) и Хр. Драганова (Свищовский), то он мог использовать оба варианта.

Известно влияние идей Паисия Хилендарского на Константина Фотинова (1790–1858), прозаика, переводчика, издателя первого болгарского журнала [43]. К. Фотинов широко использовал некоторые положения «Истории славяноболгарской» Паисия в первой части своей известной статьи «Понятие (познание) древности (старости) славянской», вышедшей в издаваемом им журнале «Любословие» (1844–1845) [44]. К. Фотинов проявлял интерес и к кирилло-мефодиевской тематике. Этому вопросу он посвятил статью «Трудности познания человека самим себя», опубликованную в том же журнале. К. Фотинов указывал, что книжный староболгарский язык послужил основой церковнославянского языка, подчеркивал великое дело солунских братьев – Кирилла и Мефодия – в развитии славянской письменности [45].

Паисиеву традицию во второй половине XIX в. продолжил Георгий Раковский (1821–1867) – писатель, революционер, организатор и участник национально-освободительного движения в Болгарии. Он неоднократно в своих трудах использовал списки «Истории славяноболгарской», и это не случайно. Г. Раковский был активным пропагандистом создания болгарской историографической традиции. Он, как и другие болгарские историки, нередко искал подтверждения своим умозаключениям в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского.

Значение паисиевой традиции не ограничивается созданием исторических трудов. Из творения Паисия «История славяноболгарская» черпали патриотические идеи, исторические материалы и аргументы его достойные последователи – Васил Левски, Любен Каравелов, Христо Ботев и многие другие общественные, политические и культурные деятели болгарского общества XIX в. Паисий Хилендарский не только озвучил политические идеи болгарского национального Возрождения, но и сформулировал задачи буржуазно-демократической революции.

Есть ли еще сочинение в болгарской истории, которое сыграло такую существенную роль в развитии болгарского общества в период национального Возрождению и оставило такой глубокий след в историографии Новой истории Болгарии, подобно «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского? Думается, нет.

Хочется привести слова болгарского исследователя Димитра Цанева о значении труда Паисия Хилендарского для болгарского общества: «Болгары Нового времени относились не только к труду Паисия, но и ко всем спискам, дополнениям его труда с необыкновенным благоговением – читали ли дома или в школах, они воспринимали ее как народную библию, ставили в церкви рядом с Евангелием» [13. С. 67].

Выводы

Изучение исторических сочинений первых историков эпохи Возрождения, живших и творивших в XVIII – первой половине XIX в., позволяет прийти к следующим выводам:

1. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского явилась тем фундаментом, на основе которого формировалось здание исторической науки и историографии Болгарии эпохи национального Возрождения. Труд Паисия явился важным фактором в дальнейшей деятельности болгарских просветителей, порывавших со средневековым мировоззрением и прокладывающих пути для развития новой болгарской письменности, просвещения и культуры.

2. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского – первый памятник болгарской письменности и культуры общенационального значения, определенная национально-патриотическая программа пробуждающегося к новой жизни народа, поэтому она нашла живой отклик у широких кругов современников и последующих поколений. Паисий Хилендарский и его последователи донесли до сознания болгар понимание собственной исторической значимости и духовного сплочения.

3. Болгарские историки рассматриваемого периода оказывали влияние на широкие читательские круги и активно участвовали в политической и культурной жизни общества. Исторические сочинения XVIII – первой половины XIX в. играли активную роль в утверждении идеи национального единства и государственной неделимости болгарских земель.

4. Труды историков вызывали интерес болгарского населения к историческому прошлому своего государства, воспитывали у него чувство общности исторической судьбы болгар, способствовали пробуждению и росту самосознания народа, что являлось важным фактором борьбы за национальное самоопределение.

5. Сочинения по истории и историографии Болгарии служили духовной основой национальных и буржуазно-демократических революций, просветительских движений, борьбы за церковную самостоятельность, в целом политической активности народа.

6. Исторические труды способствовали сближению болгарского народа с идеями Нового времени и современной им культурой.

7. В исторических трудах можно увидеть первые попытки противодействия фальсификации истории Болгарии со стороны зарубежных авторов.

8. Исторические знания о прошлом болгарского народа становятся достоянием литературы, искусства и многих других областей духовной культуры.

Поколения болгар познакомились с родной историей благодаря труду Паисия Хилендарского и его последователей, составлявших списки, комментарии и дополнения к «Истории славяноболгарской». Его сочинение было доступно широким слоям читательской аудитории.

Историки Возрождения подняли факел просвещения и повели народ на борьбу за освобождение от иноземного гнета.

Можно констатировать, что «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского явилась отправной точкой развития болгарской историографии раннего периода болгарского национального Возрождения, толчком к развитию историописания болгарского народа, фундаментом для дальнейшего развития филологических, исторических, философских, этнографических трудов, способствовала росту национального самосознания народа. Болгарский народ проникся общностью своей исторической судьбы. Исторические и историографические труды вызвали интерес болгар к своему прошлому, воспитали в народе чувство патриотизма, явились духовной основой просветительского движения и Возрождения, церковной борьбы и политической активности болгарского общества.

Список источников

1. Злыднев В. И. Болгарская культура // Культура Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М. : Наука, 1988. С. 254–282.
2. Гандев Х. Проблемы на българското възраждане. София : Наука и изкуство, 1976. 855 с.
3. Паисий Хилендарски. История славянобългарска. София : Св. Климент Охридски, 1998. 330 с.
4. Дринов М. Отец Паисий – неговото време, неговата история и учениците му // Периодическо списание на Българско книжовно друштво. София, 1871. Кн. 4. С. 3–26.
5. Лаптева Л.П. Паисий Хилендарский и его «История славяноболгарская» в освещении русской историографии советского периода // Славяне и Россия. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 414–436.
6. Вартаньян Э.Г. Эпоха Предренессанса в Болгарии // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар : Эдвин, 2016. Вып. 9. С. 162–172.
7. Вартаньян Э.Г. Роль православного духовенства в деле сохранения самоидентичности болгарского народа в период османского гнета (XV–XIX вв.) // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей : материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Науч.-образ. центр «Северокавказское славяноведение» КубГУ, 2012. С. 6–14.
8. Вартаньян Э.Г. Развитие просвещения в болгарских землях эпохи Национального Возрождения (конец XVIII–XIX вв.) // Синергетика образования : четвёртые междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения. М. ; Ростов н/Д : Южное отд-ние РАО, 2008. Вып. 12. С. 168–175.
9. Драгова Н. Домашни извори на «История славяноболгарская» // Паисий Хилендарский и негова епоха. София : Изд-во БАН, 1962. С. 277–298.
10. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские. М. : Моск. печатный двор, 1719. 1443 с.
11. Орбини М. Славянское царство (историография). М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 576 с.
12. Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л. : Наука, 1976. 148 с.
13. Цанев Д. Българската историческа книжнина през Възраждането. София : Наука и изкуство, 1989. 214 с.
14. Георгиев Э. Славянские культуры и формирование наций на Балканах // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М. : Наука, 1978. С. 42–47.
15. Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: историко-критические изыскания Юрия Венелина. Изд. 2-е [печ. с изд. 1829 г.]. М. : Изд. Ивана Мольнара, 1856. 287 с.
16. Фролова М.М. Ю.И. Венелин и Общество истории и древностей российских // Славянский мир в третьем тысячелетии : межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 143–151.
17. Априлов В. Денница новоболгарского образования. Одесса : Гор. тип., 1841. 23 с.
18. Вартаньян Э.Г. Развитие светского образования в Болгарии (XIX в.) // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования. : всерос. науч.-практ. конф. Славянск : КубГУ, 2015. С. 13–17.
19. Палаузов С.Н. Синодик царя Борила. София : Изд-во БАН., 1928. 95 с.
20. Горина Л.В. Марин Дринов – основоположник на българското академично славянознание. София : Проф. Марин Дринов, 2009. 310 с.
21. Горина Л.В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. М. : Изд-во МГУ, 1986. 207 с.
22. Ангелов Б. История славяноболгарская. Никифоров препис от 1772 г. София : Изд-во БАН, 1961. 207 с.
23. Ангелов Б. Преписи на Паисиевата история // Известия на Института за българска литература. 1958. Т. 7. С 299–307.
24. Ангелов Б. Рилска преправка на История славяноболгарская. София : Изд-во БАН, 1966. 151 с.
25. Бумов А. Паисий и българската наука. Постижения и задачи // Литературен фронт. 1962. № 49. С. 3–16.
26. Велчев В. Отец Паисий Хилендарский и Цезар Бароний. София : Изд-во БАН, 1943. 120 с.
27. Велчев В. Паисий Хилендарски. Епоха, личност, дело. София : Изд-во на Отечествения фронт, 1987. 173 с.
28. Златарски В. Към въпроса за тъй наречените преправки на «История славянобългарска». По повод един новооткрит препис от тия преправки // Периодическое списание на Българското книжовно дружество в София. 1899. № LIX. С. 753–757.
29. Начов Н. Забележка за Паисиева история // Периодическое списание на Българското книжно-дружество в Средец. 1894. № 46. С. 505–525.
30. Романски Ст. Нов препис на Паисиевата история от 1781 г., съпоставен с преписа от 1765 г. София : Изд-во БАН, 1938. 186 с.
31. Пенев Б. История на новата българска литература : в 4 т. София : Български писател, 1930. Т. 1. 765 с.
32. Пенев Б. История на новата българска литература : в 4 т. София : Български писател, 1932. Т. 2. 411 с.
33. Стоянов М. Преписи на Паисиева история // Паисий Хилендарский и София, неговата епоха. София : Изд-во БАН, 1962. С. 557–596.
34. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина : в 2 т. София : Наука и изкуство. 1957. Т. 1. 958 с.
35. Тодоров И. Въпросът за критическото издание на История славяноболгарская // Литературная мисъл. 1971. № 4. С. 93–109.
36. Любарский Я.Н. Византийские историки и писатели. СПб. : Алетейя, 2012. 504 с.
37. Трифонов Ю. Зографска българска история // Списание на БАН. 1940. Кн. 60. С. 61–82.
38. Полывянный Д.И. Афонское болгарское историописание XVIII века: между средневековьем и ранним новым временем // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 4. С. 14–19.
39. История разных славенских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов из тьмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Иоанном Раичем архимандритом во Святоархангелском монастыре Ковиле». Вена, 1794. Ч. I–III; 1795. Ч. IV. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XVIII/17801800/Jovan_Raic/brief_rumjancev_08_1794.phtml?id=8268 (дата обращения: 25.08.2020).
40. Иванов Й. История славяноболгарская (собрана и нареждена йером. Паисием в лето 1762 г.). София, 1914. 91 с.
41. Арнаудов М. Паисий Хилендарский. София : Народна култура, 1962. 166 с.
42. Христов Хр. Паисий Хилендарский. София : Наука и изкуство, 1972. 380 с.
43. Ангелов Б. Паисий Хилендарский и его «История славяноболгарская». Минск : Белорус. цифровая б-ка. URL: https://library.by/portalus/modules/biographies/readme.php?subaction=showfull&id=1491150218&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 11.08.2020).
44. Шишманов И.Д. Константин Г. Фотинов, неговият живот и неговите дейност // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. 1894. № 11. С. 443–467.
45. Вартаньян Э.Г. Периодическая печать как важный фактор формирования национального самосознания и идей самоопределения болгарского народа (30-е – 70-е гг. XIX в.) // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 8–17.

References

1. Zlydnev, V.I. (1988) Bolgarskaya kul'tura [Bulgarian culture]. In: Zlydnev, V.I. (ed.) *Kul'tura Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy v epokhu Prosveshcheniya* [The Culture of Central and South-Eastern Europe in the Age of Enlightenment]. Moscow: Nauka. pp. 254–282.
2. Gandev, Kh. (1976) *Problemy na b"lgarskoto v"zrazhdane*. Sofia: Nauka i izkustvo.
3. Saint Paisius of Hilendar. (1998) *Istoriya slavyanob"lgarska*. Sofia: Sv. Kliment Okhridski.
4. Drinov, M. (1871) Otets Paisiy – negovoto vreme, negovata istoriya i uchenitsite mu. *Periodichesko spisanie na B"lgarsko knizhovno drushtvo*. 4. pp. 3–26.
5. Lapteva, L.P. (2013) Paisiy Khilendarskiy i ego “Istoriya slavyanobolgarskaya” v osveshchenii russkoy istoriografii sovetskogo perioda [Paisiy Hilendarsky and his “Slavic-Bulgarian History” in the Russian historiography of the Soviet period]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya* [Slavs and Russia]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 414–436.
6. Vartanyan, E.G. (2016) Epokha Predrenessansa v Bolgarii [The Pre-Renaissance era in Bulgaria]. In: Matveev, O.V. (ed.) *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [World of the Slavs of the North Caucasus]. Vol. 9. Krasnodar: Edvin. pp. 162–172.
7. Vartanyan, E.G. (2012) Rol' pravoslavnogo dukhovenstva v dele sokhraneniya samoidentichnosti bolgarskogo naroda v period osmanskogo gneta (XV–XIX vv.) [The role of the Orthodox clergy in preserving the self-identity of the Bulgarian people during the period of Ottoman oppression (15th – 19th centuries)]. In: Vartanyan, E.G. & Matveev, O.V. (eds) *Konfessional'nye faktory v istorii i kul'ture slavyanskikh narodov i ikh sosedey* [Confessional Factors in the History and Culture of the Slavic Peoples and Their Neighbors]. Krasnodar: KubSU. pp. 6–14.
8. Vartanyan, E.G. (2008) Razvitie prosveshcheniya v bolgarskikh zemlyakh epokhi Natsional'nogo Vozrozhdeniya (konets XVIII–XIX vv.) [Development of education in the Bulgarian lands of the National Revival era (late 18th–19th centuries)]. In: *Sinergetika obrazovaniya* [Synergetics of Education]. Proc. of the Fourth International Cyril and Methodius readings. Vol. 12. Moscow; Rostov on Don: RAE. pp. 168–175.
9. Dragova, N. (1962) Domashni izvori na “Istoriya slavyanobolgarskaya”. In: Kosev, D. (ed.) *Paisiy Khilendarskiy i negovata epokha*. Sofia: BAN. pp. 277–298.
10. Baronius, C. (1719) *Deyaniya tserkovnye i grazhdanskie* [Church and Civil Acts]. Moscow: Mosk. pechatnyy dvor.
11. Orbini, M. (2010) *Slavyanskoe tsarstvo (istoriografiya)* [Slavic kingdom (historiography)]. Translated from Italian. Moscow: OLMA Media Grupp.
12. Likhachev, D.S. & Robinson, A.N. (eds) (1976) *Sophrony Vrachansky. Zhizneopisanie* [Saint Sophronius of Vratsa. Biography]. Leningrad: Nauka.
13. Tsanev, D. (1989) *B"lgarskata istoricheska knizhnina prez V"zrazhdaneto*. Sofia: Nauka i izkustvo.
14. Georgiev, E. (1978) Slavyanskie kul'tury i formirovanie natsiy na Balkanakh [Slavic cultures and the formation of nations in the Balkans]. In: Markov, D.F., Verves, G.D., Volman, S., Zlydnev, V.I., Ritchik, Yu.I., Oti, R. & Tyurin, V.A. (eds) *Slavyanskie kul'tury v epokhu formirovaniya i razvitiya slavyanskikh natsiy XVIII–XIX vv.* [Slavic cultures in the era of the formation and development of Slavic nations in the 18th–19th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 42–47.
15. Venelin, Yu.I. (1856) *Drevnie i nyneshnie bolgare v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam: istoriko-kriticheskie izyskaniya Yuriya Venelina* [Ancient and modern Bulgarians in their political, folk, historical and religious attitude towards the Russians: historical and critical research by Yuri Venelin]. 2nd ed. Moscow: Ivan Molnar.
16. Frolova, M.M. (2011) Yu.I. Venelin i Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh [Yu.I. Venelin and the Society of Russian History and Antiquities]. In: Uzeneva, E.S. et al. (eds) *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii: mezhkul'turnyy i mezhkonfessional'nyy dialog slavyanskikh narodov* [Slavic world in the third millennium: Intercultural and interfaith dialogue of Slavic peoples]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 143–151.
17. Aprilov, V. (1841) *Dennitsa novobolgarskogo obrazovaniya*. Odessa: Gor. tip.
18. Vartanyan, E.G. (2015) Razvitie svetskogo obrazovaniya v Bolgarii (XIX v.) [Development of secular education in Bulgaria (the nineteenth century)]. In: Belyaeva, M.Yu. (ed.) *Resursy regiona: kul'turno-istoricheskoe razvitie v kontekste nauki i obrazovaniya* [Resources of the region: Cultural and historical development in the context of science and education]. Slavyansk: KubSU. pp. 13–17.
19. Palauzov, S.N. (1928) *Sinodik tsarya Borila*. Sofia: BAN.
20. Gorina, L.V. (2009) *Marin Drinov – osnovopolozhnik na b"lgarskoto akademichno slavyanoznanie*. Sofia: Prof. Marin Drinov.
21. Gorina, L.V. (1986) *Marin Drinov – istorik i obshchestvennyy deyatel'* [Marin Drinov is a historian and public figure]. Moscow: MSU.
22. Angelov, B. (1961) *Istoriya slavyanobolgarskaya. Nikiforov prepis ot 1772 g*. Sofia: BAN.
23. Angelov, B. (1958) Prepisi na Paisievata istoriya. *Izvestiya na Instituta za b"lgarska literatura*. 7. pp. 299–307.
24. Angelov, B. (1966) *Rilska prepravka na Istoriya slavyanobolgarskaya*. Sofia: BAN.
25. Bumov, A. (1962) Paisiy i b"lgarskata nauka. Postizheniya i zadachi. *Literaturen front*. 49. pp. 3–16.
26. Velchev, V. (1943) *Otets Paisiy Khilendarskiy i Tsezar Baroniy* [Father Paisius Hilendarsky and Caesar Baronius]. Sofia: BAN.
27. Velchev, V. (1987) *Paisiy Khilendarski. Epokha, lichnost, delo* [Paisiy Hilendarski. Epoch, personality, activity]. Sofia: Izd-vo na Otechestveniya front.
28. Zlatarski, V. (1899) K"m v"prosa za t"y narechenite prepravki na «Istoriya slavyanob"lgarska». Po povod edin novootkrit prepis ot tiya prepravki. *Periodicheskoe spisanie na B"lgarskoto knizhovno druzhestvo v Sofiya*. LIX. pp. 753–757.
29. Nachov, N. (1894) Zabelezhka za Paisieva istoriya. *Periodicheskoe spisanie na B"lgarskoto knizhno-druzhestvo v Sredets*. 46. pp. 505–525.
30. Romanski, St. (1938) *Nov prepis na Paisievata istoriya ot 1781 g., s"postaven s prepisa ot 1765 g*. Sofia: BAN.
31. Penev, B. (1930) *Istoriya na novata b"lgarska literatura: v 4 t.* Vol. 1. Sofia: B"lgarski pisatel.
32. Penev, B. (1932) *Istoriya na novata b"lgarska literatura: v 4 t.* Vol. 2. Sofia: B"lgarski pisatel.
33. Stoyanov, M. (1962) Prepisi na Paisieva istoriya. In: Kosev, D. (ed.) *Paisiy Khilendarskiy i negovata epokha*. Sofia: BAN. pp. 557–596.
34. Stoyanov, M. (1957) *B"lgarska v"zrozhdenska knizhnina: v 2 t*. Vol. 1. Sofia: Nauka i izkustvo.
35. Todorov, I. (1971) V"pros"t za kriticheskoto izdanie na Istoriya slavyanobolgarskaya. *Literaturnaya mis"l*. 4. pp. 93–109.
36. Lyubarskiy, Ya.N. (2012) *Vizantiyskie istoriki i pisateli* [Byzantine historians and writers]. St. Petersburg: Aleteyya.
37. Trifonov, Yu. (1940) Zografska b"lgarska istoriya. *Spisanie na BAN*. 60. pp. 61–82.
38. Polyvyannyy, D.I. (2019) Afonskoe bolgarskoe istoriopisanie XVIII veka: mezhdu srednevekov'em i rannim novym vremenem [Afon Bulgarian historical writing of the 18th century: Between the Middle Ages and early modern times]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 14–19.
39. Raich, J. (1794) *Istoriya raznykh slavenskikh narodov naipache Bolgar, Khorvatov i Serbov iz t'my zabveniya iz"yataya i vo svet istoricheskiy proizvedennaya Ioannom Raichem arkhimandritom vo Svyatoarkhangelskom monastyre Kovile* [The history of various Slavic peoples, especially the Bulgarians, Croats and Serbs, removed from the darkness of oblivion and brought into the historical light by Archimandrite John Raich in the Holy Archangel Monastery of Kovile]. Vienna: [s.n.]. [Online] Available from: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XVIII/17801800/Jovan_Raic/brief_rumjancev_08_1794.phtml?id=8268 (Accessed: 25th August 2020).
40. Ivanov, Y. (1914) *Istoriya slavyanobolgarskaya (sobrana i narezhdena yerom. Paisiem v leto 1762 g.)* [Slavic-Bulgarian history (collected and published by Father Paisius in the summer of 1762)]. Sofia: [s.n.].
41. Arnaudov, M. (1962) *Paisiy Khilendarskiy* [Saint Paisius of Hilendar]. Sofia: Narodna kultura.
42. Khristov, Khr. (1972) *Paisiy Khilendarskiy* [Saint Paisius of Hilendar]. Sofia: Nauka i izkustvo.
43. Angelov, B. (n.d.) *Paisiy Khilendarskiy i ego “Istoriya slavyanobolgarskaya”* [Saint Paisius of Hilendar and his “Slavic-Bulgarian History”]. Minsk: Belorus. tsifrovaya b-ka. [Online] Available from: https://library.by/portalus/modules/biographies/readme.php?subaction=showfull&id=1491150218&archive=&start_from=&ucat=& (Accessed: 11th August 2020).

44. Shishmanov, I.D. (1894) Konstantin G. Fotinov, negoviyat zhivot i negovite deynost. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina*. 11. pp. 443–467.
45. Vartanyan, E.G. (2013) Periodicheskaya pechat' kak vazhnyy faktor formirovaniya natsional'nogo samosoznaniya i idey samoopredeleniya bolgarskogo naroda (30-e – 70-e gg. XIX v.) [Periodicals as an important factor in the formation of national identity and ideas of self-determination of the Bulgarian people (1830s - 1870s)]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza*. 7. pp. 8–17.

***Сведения об авторе*:**
Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: vartaneg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Vartanyan Egnara G. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations of the Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vartaneg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2020; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 30.08.2020; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 339.1
doi: 10.17223/19988613/85/21

Таможенные книги в фонде Илимской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов

Алексей Игоревич Раздорский

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, torgtam@mail.ru

Аннотация. Представлена количественная, географическая и хронологическая характеристика таможенных книг XVII–XVIII вв., хранящихся в фонде Илимской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов (Москва), опубликован реестр этих документов. Приведены краткие исторические сведения о городе Илимске, дана общая характеристика фонда Илимской воеводской канцелярии, отмечена роль в изучении этого документального комплекса историка-сибиреведа В.Н. Шерстобоева, указаны таможенные книги, изученные этим исследователем при подготовке монографии «Илимская пашня».
Ключевые слова: таможенные книги, Илимск, источниковедение, археография, история торговли

Для цитирования: Раздорский А.И. Таможенные книги в фонде Илимской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 167–175. doi: 10.17223/19988613/85/21

Original article

Customs books in the fund of the Ilimsk Voivodship Office of the Russian State Archive of Ancient Acts

Alexey I. Razdorskiy

Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, torgtam@mail.ru

Abstract. The main mass sources on the history of trade in Russia in the 17th - first half of the 18th centuries are customs books. The bulk of these documents is stored in various funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow). These are the funds of various central state institutions, as well as the funds of regional state institutions (mainly the funds of customs and voivodeship offices).

A large number of customs books are available in the fund 494, which includes an extensive documentary complex of the Ilim provincial office. In total, 201 customs books were found in this fund during the frontal examination of its inventories (through 1760 inclusive). Along with customs books, this fund contains books of taverns and distilleries, books for collecting duties, income and expenditure books of state money and furs, books for issuing cash, grain and salt salaries, judicial civil and criminal cases, letters of the Siberian order, Senate decrees, materials on the preparation of the 1st and 2nd Kamchatka expeditions.

Initially, the fund of the Ilimsk Voivodship Office was kept in the State Archives of the Irkutsk Region. In the 1940s, this fund was examined by the historian V. Sherstoboev. In April 1961, the fund of the Ilimsk Voivodship Office was transferred from the State Archive of the Irkutsk Region to Moscow to the Archive of Ancient Acts. At present, this fund contains a total of 4922 documents for the period from 1649 to 1774.

37 customs books available in the fund of the Ilim provincial office date back to the 17th century, 162 - to the 18th century, two books are undated. The earliest document includes information for 1645, the last two customs books contain information for 1759. The largest number of sources refers to the 1700s and 1730–1750s. The majority of customs books (141 out of 201) contain information on customs operations in Ilimsk, 56 books contain information on the collection of customs duties in 13 settlements subordinate to the Ilimsk customs. The place of compilation of 4 books has not been identified.

Some customs books from the fund of the Ilim Voivodship Office were studied in the 1940s–1950s by V. Sherstoboev in the course of his work on the monograph “Ilim arable land”. However, the bulk of the customs books of Ilimsk and the Ilim Territory still remain almost unexplored. These documents are waiting to be reviewed and published.
Keywords: Customs books, Ilimsk, source studies, archeography, history of trade

For citation: Razdorskiy, A.I. (2023) Customs books in the fund of the Ilimsk Voivodship Office of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 167–175. doi: 10.17223/19988613/85/21

© А.И. Раздорский, 2023

Важнейшими массовыми источниками по истории торговли России XVII – первой половины XVIII в. являются таможенные книги. В них содержатся сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц.

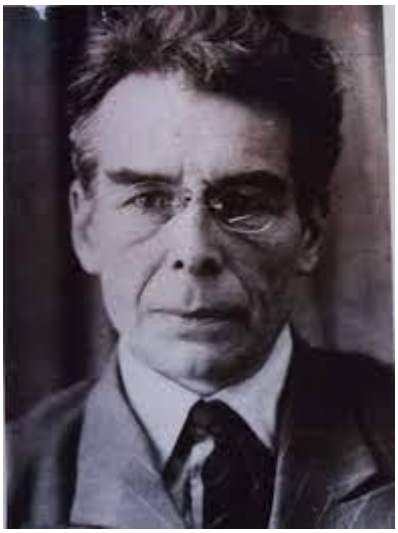
Основной массив таможенных книг XVII–XVIII вв. находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Эти документы присутствуют в фондах различных центральных учреждений – Разрядного приказа (ф. 210), Сибирского приказа (ф. 214), Камер-коллегии (ф. 273), а также в сборных фондах – «Боярские и городовые книги» (ф. 137) и «Таможни и кружечные дворы» (ф. 829). Кроме того, данные источники имеются в фондах некоторых местных учреждений, главным образом таможен и воеводских изб (канцелярий)[1].

Большое количество таможенных книг находится в фонде 494, включающем обширный документальный комплекс Илимской воеводской канцелярии. Всего в этом фонде при фронтальном просмотре его описей (по 1760 г. включительно) нами выявлена 201 таможенная книга. По данному показателю из фондов местных учреждений РГАДА с ним может быть сопоставлен только фонд 1408 (Хлыновская таможня и кружечный двор), в котором также числится 201 таможенная книга[2].

Город Илимск, ныне покоящийся на дне Усть-Илимского водохранилища, сыграл выдающуюся роль в колонизации и хозяйственном освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока. Илимское зимовье, возникшее на реке Илим (притоке Ангары) в 1630 г., в 1647 г. превратилось в острог, ставший два года спустя центром обширного Илимского воеводства. В XVII–XVIII вв. Илимск являлся важнейшим транспортно-логистическим узлом всей Восточной Сибири. Он стоял в начале ключевой транспортной артерии — Ленского волока, через который можно было попасть на Лену и по ней выйти дальше на крайний северо-восток Евразии – к Северному Ледовитому и Тихому океанам. Именно из Илимска в XVII–XVIII вв. уходили экспедиции братьев Дмитрия и Харитона Лаптевых, Владимира Атласова, Степана Крашенинникова, Григория Шелихова, Геннадия Невельского, Витуса Беринга. На юг от Илимска через Ангару пролегал путь к Байкалу.

Илимское воеводство, как отмечал в своей классической монографии «Илимская пашня» [6] выдающийся советский историк-сибиревед Вадим Николаевич Шерстобоев (1900–1963)[3], на протяжении долгого времени было наиболее заселенной и освоенной частью Восточной Сибири. Отсюда шло снабжение хлебом всего северо-востока континента вплоть до Камчатки. Из среды илимских землепашцев вышли переселенцы в Забайкалье, Даурию, на китайскую границу, в Якутск, Охотск и на Камчатку [6. Т. 1. С. 5].

В фонде Илимской воеводской канцелярии находятся дела с 1649 по 1774 г. Среди них, наряду с таможенными книгами, имеются самые разнообразные документы: книги кружечных дворов и винокуренных заводов, окладные книги сбора пошлин, приходо-расходные книги казенных денег и «мягкой рухляди», книги выдачи денежного, хлебного и соляного жалованья, судебные гражданские и уголовные дела, грамоты Сибирского приказа, сенатские указы, материалы о подготовке 1-й и 2-й Камчатской экспедиций, письма и промемории В. Беринга, И.-Г. Гмелина, братьев Лаптевых, Г.-Ф. Миллера, Г. Стеллера и др.



В. Н. Шерстобоев

«Особенностью илимского архива, – отмечал В.Н. Шерстобоев, – является преобладание тех первичных бумаг, которые в сильной степени отобразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта российской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив, они касаются лишь незначительных, повседневных вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах. Илимский архив позволяет восстановить с большой подробностью картину развития экономики северного Предбайкалья» [6. Т. 1. С. 3]. Документов XVII в. и за первые годы XVIII в. в рассматриваемом фонде сохранилось сравнительно немного. «Но тем более удивительны богатство и разнообразие бумаг за время со второго десятилетия XVIII века и до конца существования Илимского воеводства. Поразительным образом старинная канцелярия дошла почти нетронутой до наших дней со всеми ее тайниками» [6. Т. 1. С. 8].

Изначально фонд Илимской воеводской канцелярии хранился в Государственном архиве Иркутской области под № 75. Приступая в 1944 г. к работе над монографией «Илимская пашня», посвященной изучению земледельческого освоения северных частей Ангаро-Илимо-Ленского края, В.Н. Шерстобоев тщательным образом обследовал этот фонд, составивший основу источниковой базы его работы. На тот момент бóльшая часть фонда (3 461 единица хранения), включавшая книги и сборники дел, была описана и систематизирована (опись № 1). Другая часть фонда представляла собой неописанные дела, состоявшие главным образом из архивной россыпи. В ней находились связ-

ки разрозненных листов (в некоторых связках были перемешаны листы разных дел за сто лет и более). На некоторых связках имелась рукописная помета киренского уездного исправника: «Бумаги из разных разбитых дел, собранных на полу разных амбаров за разные годы». В.Н. Шерстобоев по собственной инициативе взялся за приведение этой россыпи в порядок. Колоссальная по сложности и трудоемкости работа по разборке документов была начата ученым летом 1945 г. и завершена в начале 1947 г. Из россыпи и неописанных бумаг было сформировано 1774 дела общим объемом свыше 160 тыс. листов (опись № 2). Все дела были систематизированы по годам, а в пределах одного года по повытьям. Всего в фонде Илимской воеводской канцелярии тогда насчитывалось 5235 дел [6. Т. 1. С. 8–9].

В апреле 1961 г. фонд Илимской воеводской канцелярии был перемещен из Государственного архива Иркутской области в Москву в Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА). В настоящее время в этом фонде, получившим номер 494, числится в общей сложности 4 922 единицы хранения за период с 1649 по 1774 г.[4] В описи № 1, разделенной на две части, насчитывается 3 424 единицы хранения: 2 174 в первой части (1658–1756) и 1 250 во второй (1756–1774). В описи № 2, также состоящей из двух частей, учтено 1 473 единицы хранения: 890 в первой части (1649–1759) и 583 во второй (1759–1774). Сформирована также опись № 3, в которой отражено 25 дел за период с 1730 по 1762 г.

Из 201 таможенной книги, выявленной в результате обследования описей фонда Илимской воеводской канцелярии, 37 относится к XVII в., 162 – к XVIII в., две книги не датированы. Полный список выявленных источников учтен в приложении к настоящей статье. Самый ранний документ включает сведения за 1645 г., две последние по времени таможенные книги содержат материалы за 1759 г. Наибольшее количество рассматриваемых источников в фонде 494 приходится на первое десятилетие XVIII в., а также на 1730–1750-е гг. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение таможенных книг в фонде 494 по десятилетиям (1645–1759 гг.)

Годы	Количество книг	Годы	Количество книг
1645–1649	2	1700–1709	28
1650–1659	3	1710–1719	10
1660–1669	12	1720–1729	8
1670–1679	12	1730–1739	41
1680–1689	7	1740–1749	39
1690–1699	1	1750–1759	36

Большинство таможенных книг (141 из 201, т.е. 70%), хранящихся в фонде 494, содержит информацию о таможенных операциях, протекавших непосредственно в центральном городе воеводства – Илимске (в ряде илимских книг могут содержаться сведения и по другим населенным пунктам края). В 56 книгах (все они относятся к XVIII в.) имеются сведения о сборе таможенных пошлин в 13 населенных пунктах, подведомственных Илимской таможне (в административном плане некоторые из этих населенных пунктов в состав Илимского воеводства на момент составления таможенных книг не входили). При этом сравнительно большое число источников сохранилось только по Усть-Кутскому острогу и Киренску, в несколько меньшей степени – по Новоудинской слободе. По остальным острогам и слободам имеется только от одной до четырех книг (табл. 2).

Таблица 2

Распределение таможенных книг в фонде 494 по отдельным населенным пунктам

Населенный пункт	Количество книг
Илимск	141
Усть-Кутский острог	17
Киренск (Усть-Киренский острог)	12
Новоудинская слобода	8
Бирюльская слобода	4
Кежемская слобода	3
Илгинский острог	2
Сполошенский (Сполошинский) погост	2
Чечуйский острог	2
Яндинский острог	2
Барлуцкая слобода	1
Братский острог	1
Верхнеилимская слобода	1
Орленская слобода	1
Место составления не установлено	4

Источники рассматриваемого типа, относящиеся к XVII в., именуются в описи илимского фонда чаще всего просто «таможенными книгами», без какой-либо дополнительной детализации видового назначения документов. Это вполне объяснимо, поскольку в этот период не только в илимской, но и в большинстве других русских таможен различные таможенные сборы, а также казенные расходы фиксировались в одной общей приходо-расходной книге. В XVIII в. система таможенного учета существенно усложнилась, поэтому таможенные книги этого времени отличаются значительно большим типологическим разнообразием. Так, в илимской таможне в 1720–1750-е гг. велись отдельные книги по сборам с конской торговли, с продажи игральных карт, по регистрации проезжих выписей и др.

Из 201 таможенной книги, зафиксированной нами в фонде Илимской воеводской канцелярии, 164 числится в описи № 1, 37 – в описи № 2 (т.е. ранее они находились в архивной россыпи, разобранной и упорядоченной В.Н. Шерстобоевым).

В описях фонда 494 приведены сведения о количестве (или интервале) листов 141 таможенной книги. В отношении 60 документов сведения на этот счет отсутствуют. Наиболее пространной является илимская книга таможенного пошлинного сбора 1658 г., насчитывающая 295 листов[5]. У 5 книг объем колеблется от 201 до 245 листов, у 22 – от 102 до 184, у 24 с от 50 до 98, у 53 – от 10 до 49, у 36 – от 1 до 9 листов.

Важно подчеркнуть, что приведенные в данной публикации сведения по количественному, хронологическому, географическому и типологическому составу таможенных книг, находящихся в фонде 494, носят предварительный характер, поскольку базируются только на результатах просмотра описей, и могут быть дополнены и уточнены в ходе полистного просмотра этих документов, которое целесообразно вы-

полнить в процессе подготовки сводного каталога таможенных книг XVII–XVIII вв.

В описях фонда 494 числится немало сборников дел (в том числе и «Сборников дел Илимской таможни») без указания того, какие именно документы входят в их состав. Не исключено, что в некоторых таких сборниках-конволютах могут присутствовать и таможенные книги. Кроме того, по названиям некоторых документов, учтенных в описях, не всегда можно четко понять их тип. Например, в описи № 1 под № 42 значится документ «О таможенных пошлинных сборах» за 1701 г., насчитывающий 75 листов, а под № 85 – документ «О сборе таможенных и кабацких пошлин» за 1708 г., включающий 301 лист. Это могут быть как конволюты, состоящие из разрозненных таможенных документов, так и цельные таможенные книги. Всего нами зафиксировано 75 такого рода документов (60 в описи № 1 и 15 в описи № 2). Уточнить их типологическую принадлежность можно будет только при непосредственном ознакомлении с ними de visu.

Некоторые таможенные книги из фонда Илимской воеводской канцелярии были привлечены к исследованию В.Н. Шерстобоевым в ходе работы над монографией «Илимская пашня». Так, в главе «Общая характеристика Илимского воеводства» ученым проанализированы данные таможенных книг Илимска 1649, 1658 и 1680 гг. [6. Т. 1. С. 98–111]. Здесь представлены сведения о таможенных сборах, взимавшихся на илимских заставах, количестве торговцев, зарегистрированных в 1658 г., их социальном составе, местах выхода и направлениях движения, количестве партий и совокупной стоимости «русских» товаров, привезенных в 1680 г., объемах поставок важнейших из них, количестве наименований, сумме денег, явленных на покупку, количестве и таможенной оценке хлеба, провезенного через Илимск с 1 сентября по 19 октября 1649 г., объеме хлебных поставок из Илимска на Лену в 1658 г., количестве соболей, провезенных через Илимск на запад в 1658 г. Таможенные книги XVIII в. изучены В.Н. Шерстобоевым в меньшей степени. Во втором томе «Илимской пашни» приведены, в частности, данные о количестве таможенных записей, внесенных в усть-кутскую записную книгу проезжим купцам и товарам в течение 1743 г. [6. Т. 2. С. 449].

В заключение необходимо отметить, что в РГАДА помимо фонда 494 илимские таможенные книги имеются также в фонде 214 (Сибирский приказ). Согласно указателю Н.Н. Оглоблина, в нем хранится 30 илимских книг с 1638/1639 по 1702 г. Еще две илимские книги (за 1702 и 1703 гг.) значатся в описи 5 фонда 214.

Кроме того, в Государственном архиве Иркутской области хранится конволют, в котором переплетены 13 таможенных книг Илимска и восьми населенных пунктов Илимского края (Киренск, Братский, Илгинский, Усть-Кутский, Чечуйский, Яндинский остроги, Бирюльская и Новоудинская слободы) за 1708 г. (Ф. 1. Оп. 1. Д. 3). Этот конволют по каким-то причинам не был увезен в Москву вместе с другими документами фонда Илимской воеводской канцелярии и остался на месте в Иркутске.

Уникальный по полноте и хронологическому охвату комплекс таможенных книг Илимска и Илимского края по сию пору остается почти не изученным. Эти документы ждут своего исследователя и публикатора.

Приложение

Реестр таможенных книг, хранящихся в фонде 494 РГАДА

Год	Населенный пункт / название документа	№ описи	№ дела	Листы
Барлуцкая слобода				
1747	Книга приходная пошлинному десятинному сбору с конской площадки	1	1439	3
Бирюльская слобода				
1704	Таможенные книги (списки)	2	21	…
1706	Таможенная книга	1	77	…
1707	Таможенная книга (список)	2	25	…
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
Братский острог				
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
Верхнеилимская слобода				
1754	Книга верхнеилимского целовальника	1	2009	…
Илгинский острог				
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1712	Таможенная книга (список)	1	101	…
Илимск				
1645	Расходная книга (отрывки)	1	641	631–638
1649	Книги таможенные оценочные (сент.–окт.)	2	1	103
1654	Таможенная книга (отрывки)	2	2	23
1656/57	Таможенная книга	2	2	233
1658	Книга таможенного пошлинного сбора	1	1	295
1660	Книга таможенная ценовая по енисейским проезжим грамотам	1	2	69
1661	Таможенная книга	1	3	74
1663/64	Книга таможенная ценовная[6]	2	3	45
1664	Книга таможенная ценовая по енисейским проезжим грамотам	1	4	24
1665	Таможенная книга	1	5	148
1667	Таможенная книга	1	7	92
1667	Таможенная книга (отрывки)	1	8	8
1667	Таможенная книга	1	9	62

Продолжение приложения

Год	Населенный пункт / название документа	№ описи	№ дела	Листы
1668	Таможенная книга	1	10	130
1668	Таможенная книга	1	11	130
1669	Таможенная книга	1	12	50
1669	Таможенная книга	1	13	124
1670	Книга таможенного пошлинного сбора	1	14	…
1671/ 1672	Таможенная книга[7]	2	4	10
1672	Таможенная ценовая книга	1	15	…
1673	Таможенная ценовная книга	1	16	…
1673	Книга ценовая	1	17	…
1674	Книга таможенного сбора	1	18	…
1674	Таможенная книга (отрывки)	1	19	…
1674	Книга таможенная ценовная русским всяким товарам по енисейским проезжим грамотам[8]	2	5	56
1677	Книга таможенная	1	20	49
1678	Книга таможенная пошлинного сбора	1	21	163
1679	Книга ценовная	1	22	…
1679	Таможенная книга	1	23	245
1680	Книга таможенного пошлинного сбора	1	24	124
1680	Таможенная книга	1	25	…
1680	Таможенная книга	1	26	46
1681	Книга таможенная денежному и пошлинному сбору[9]	2	6	184
1682	Таможенная ценовная книга	1	28	…
1682	Книга таможенного пошлинного сбора	1	30	102
1685	Книга таможенного пошлинного сбора[10]	1	32	98
1699	Таможенная книга (отрывок)	2	10	12
1701	Таможенная пошлинная книга (отрывок)	1	43	1
1701	Книга таможенной избы	2	12	34
1702	Книга таможенных сборов (отрывок)[11]	1	49	131–159
1703	Таможенная книга (список)	1	57	402–456
1705	Таможенная книга	1	76	201
1706	Таможенная книга (список)	1	77	…
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1709 (?)[12]	Книги конских площадок в слободах Илимского уезда о сборе пошлин с продажи, покупки и мены лошадей	1	90	189–291[13]
1712	Таможенная книга (список)	1	101	…
1713	Таможенная книга (отрывок)	1	58	122–129
1717	Книга таможенного пошлинного десятинного сбора	1	105	108
1718	Книга сбора таможенных пошлин	1	111	241
1720	Книга пошлинных сборов (таможенная?)[14]	1	120	…
1722	Книги таможенные конской площадки и таможенные книги острогов и слобод	1	144	86
1724	Таможенная книга (отрывки)	1	175	102
1724	Таможенная книга (отрывки)[15]	1	176	5–61
1726	Книга счетная таможенная	1	217	120
1727	Книга сбора конских пошлин	1	169	78–120
1728	Расходная книга	2	73	…
1730	Книги таможенные приходные и расходные	1	324	110
1730	Книга о расходе таможенной денежной казны	1	326	28
1731	Книга таможенная прихода десятинного и с конской площадки сборов	1	382	17
1731	Книга таможенная расходная	1	383	53
1731–1734	Книга о приходе и расходе соли и о сборе пошлин с перевозимых товаров	1	447	26
1732	[Таможенная книга] о сборе десятинной таможенной пошлины и о винной, шаровой и карточной продаже	1	448	7–183
1732	Книга по записи подушных проезжих грамот	1	449	73
1733	Книга таможни (ведомости о недоимках за 1724–1732 гг.)	1	490	69
1733	Книга по записям проезжих выписей (грамот и подорожных)	1	492	75
1733	Книга приходная конской площадки	2	153	14
1734	Книга приходная таможенного целовальника Шильникова	1	540	5
1734	Книга таможни (выдача проезжих грамот)[16]	1	548	111
1734	Книга конской площадки	2	179	…
1735	Книга расходная денежной и товарной казны и простого вина	1	570	47
1735	Книга о приходе и расходе денежной и товарной казны и мягкой рухляди	1	571	122
1735	Книга прихода и расхода денег и товаров	1	574	17–196
1735	Книга приходная конской площадки	1	599	13
1735	Приходная книга	2	198	…
1736	Книга конской площадки	1	697	10
1736	Приходная доимочная книга деньгам и мягкой рухляди	1	700	19

Продолжение приложения

Год	Населенный пункт / название документа	№ описи	№ дела	Листы
1737	Книга конской площадки	2	225	…
1737	Книга картяной продажи	2	240	14
1737	Книга расходная денежной и товарной казны	2	243	…
1738	Книга таможенная расходная	1	850	27
1738	Приходная книга десятинному сбору и конной площадки	2	260	…
1739	Приходная книга	1	899	31
1739	Расходная книга	1	900	62
1739	Книга о сборе таможенных пошлин	1	901	123
1739	Книга по записи подорожных	1	903	24
1739	Книга приходная доимочная денежной и товарной казны	1	904	15
1740	Книга (счетная выписка) о приходе и расходе денежной и товарной казны	1	977	66
1741	Книга расходная денежной и товарной казны	1	993	26
1743	Книга записная проезжим выписям	1	1115	…
1744	Счетная книга	1	1191	93
1744	Расходная книга	1	1192	63
1744	Приходная книга по сбору пошлин на конской площадке	1	1287	…
1744	Приходная книга	1	1287	…
1745	Книга по сбору ясачных пошлин и конской площадки	1	1253	7
1745	Приходные книги	1	1269	19
1745	Счетная книга денежной казны и товаров	1	1297	34
1745	Книга расходная денежной и товарной казны таможенного бурмистра	1	1298	56
1746	Книга записи подорожных (проезжих грамот) и копии с них по провозу товаров	1	1335	52
1746	Книга приходная таможенных, канцелярских и прочих сборов	1	1346	153
1746	Приходная книга	1	1351	23
1746	Книга по сбору пошлин с товаров и конской площадки	1	1404	15
1746	Книга расходная	2	417	…
1745–1746	Книга расходная денежной и товарной казны таможенного служителя Федора Тимофеева	1	1423-а	6
1747	Расходная книга денежной и товарной казны	1	1499	33
1747	Книга записная отъезжим выписям	1	1502	12
1747	Книга записная приезжих выписей	1	1503	8
1747	Приходная книга десятинного пошлинного сбора	1	1504	18
1748	Доимочная приходная книга	1	1578	1
1748	Записная книга отъезжим выписям	1	1579	10
1748	Книга записная приезжим купцам	1	1580	12
1748	Книга расходная денежной и товарной казны	2	496	…
1748	Книга приходная (деньги и товары)	2	496	…
1749	Книга для записи приезжих купцов	1	1668	14
1749	Книга расхода денег	1	1669	5
1749	Книга приходная доимочная	1	1670	4
1749	Книга о приходе пошлинных сборов	1	1672	13
1749	Книга по записи отъезжих выписей	1	1680	23
1750	Таможенная книга по записи приезжих выписей	1	1767	10
1750	Приходная книга товаров и денег	1	1769	16
1750	Записная книга о приезде купцов	1	1774	25
1750	Книга таможенных, канцелярских и других сборов[17]	2	551	66
1750	Книга таможенных сборов	2	571	…
1750	Книга таможни	2	573	18
1751	Книга расходная денежной и товарной казны	1	1839	8
1751	Книга прихода и расхода казны	2	607	…
1752	Книга расходная	1	1914	16
1752	Явочная книга товаров	1	1919	24
1753	Книга явочная товарам	1	2007	5
1753	Книги неокладных сборов	1	2015	22
1753	Книга отсылки таможенных сборов в Илимскую воеводскую канцелярию	1	2016	2
1753	Приходная книга таможенного десятинного сбора	1	2017	10
1753	Книга проезжим выписям	1	2020	…
1753	Таможенная книга десятинного сбора	1	2037	18
1753	Книга проезжих грамот (отъезжая) купцам	2	650	…
1754	Приходные книги	1	2057	213
1754	Книга записи товаров и денег	2	692	…
1755	Книга конской площадки	1	2126	121–133
1757	Книга приходная и расходная неокладным сборам	1	2296	11
1759	Книга денежных расходов[18]	1	2073	…
1759	Книга конской площадки (обрывок)	2	888	1
б/д	Книга таможенного десятинного сбора	1	2190	…
Кежемская слобода				
1748	Книга приходная десятинному пошлинному сбору целовальника	1	1551	3

Окончание приложения

Год	Населенный пункт / название документа	№ описи	№ дела	Листы
1749	Книга приходная десятинному пошлинному сбору	1	1632	7
1753	Книга приходная и расходная денежной и товарной казны таможенного целовальника	1	2008	39
Киренск (Усть-Киренский острог)				
1702	Таможенная книга (отрывок)	2	14	…
1706	Таможенная книга	1	77	…
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1712	Таможенная книга (список)	1	101	…
1732	Книга таможни	1	425	…
1736	Книги приходная и расходная таможенных сборов	1	699	13
1737	Книга расходная	2	243	…
1739	Книга приходная и расходная денежной и товарной казны таможенного целовальника[19]	1	905	3
1742	Книги приходная таможенного целовальника[20]	1	1047	2
1747	Книга пошлинному десятинному сбору и конской площадки	1	1451	9
1752	Книга приходная денежной и товарной казны таможенного целовальника	1	1915	36
1757	Книга сбора конских пошлин	1	2298	5
Новоудинская слобода				
1706	Таможенная книга	1	77	…
1707	Таможенная книга (список)	2	25	…
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1712	Таможенная книга (список)	1	101	…
1736	Книги приходная и расходная таможенного целовальника[21]	1	693	5
1737	Книги приходная и расходная таможенного целовальника[22]	1	795	5
1740	Книга приходная и расходная таможенного целовальника[23]	1	975	3
1747	Книга приходная пошлинному десятинному сбору	1	1452	7
Орленская слобода				
1702	Книга таможенного пошлинного сбора в таможне на р. Илге (Орленская слобода)[24]	1	47	65
Сполошенский (Сполошинский) погост				
1735	Книга приходная таможенного целовальника Алексея Чупрова	1	598	3
1753	Книга приходная денежной и товарной казны	1	2012	3
Усть-Кутский острог				
1701	Таможенная книга (отрывок)	1	44	2
1703	Таможенные книги	2	19	103
1704	Книга таможенного пошлинного и оброчного сбора	1	71	72
1706	Таможенная книга	1	77	…
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1722	Таможенная книга	2	52	…
1736	Книга приходная и расходная таможенного целовальника[25]	1	698	3
1739	Книга записная едущим купцам	1	902	95
1743–1746	Книга записная проезжим купецким людям и товарам	1	1112	…
1752	Книга явочных записей товаров	1	1913	6
1753	Явочная книга	1	1922	154
1753	Книга исходящих доношений	1	2018	56–64
1753	Книга для записи полученных указов	1	2019	64–80
1753	Книга отпускная для записи купецких людей, проехавших с товарами	1	2021	41
1754	Книга записи проезжих купцов	1	2077	41
1754	Книга записи поступивших бумаг	1	2080	46–52
б/д	Таможенная книга	1	2013	…
Чечуйский острог				
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1736	Книга приходная и расходная таможенного целовальника[26]	1	691	5
Яндинский острог				
1708	Таможенная книга (список)	1	84	…
1753	Книги приходная и расходная денежной и товарной казны	1	2006	7
Место составления не установлено				
1710	Книга записная расходная (илимская?)	2	28	…
1710	Книги записные денежные расходные (илимские?)[27]	2	28	…
1719	Таможенная книга о продаже табака (илимская?) (обрывок)	2	42	…
1739	Книга таможенного целовальника Мичурина (Илимский у.?)	1	890	4

Примечания

[1] Указатель таможенных книг, находящихся в фонде Сибирского приказа в составе описи № 1, см.: [1. С. 106–115, 119–120]. Реестры таможенных книг, имеющихся в фондах 137, 210 (Денежный стол), 273, 396, 829, а также в фондах местных таможен и некоторых других фондах РГАДА см.: [2–5].

[2] 198 книг по Хлынову, две по Филипповой слободе и одна по Шестакову (две книги относятся к концу XVII в., остальные к XVIII в.).

[3] В 1943–1962 гг. В.Н. Шерстобоев возглавлял кафедру конкретных экономик (впоследствии – экономики сельского хозяйства) в Иркутском финансово-экономическом институте. В 1943 г. он защитил в Омском сельскохозяйственном институте диссертацию на степень кандидата сельскохозяйственных наук «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области». В 1950 г. исследователь представил монографию

«Илимская пашня» в Ученый совет Института экономики АН СССР в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук и успешно защитил ее 14 ноября 1951 г. (подробнее о биографии ученого см.: [7]). В Государственном архиве Иркутской области на хранении находится личный фонд В.Н. Шерстобоева (ф. Р-2683), насчитывающий 672 единицы хранения [8. С. 149–152].

[4] Согласно реестру описей, размещенному на сайте РГАДА. В списке архивных фондов, опубликованном в путеводителе по архиву, указано, что в фонде 494 насчитывается 4 905 единиц хранения [9. Т. 3, ч. 2. С. 841]. В том же путеводителе в характеристике фонда 494 отмечено, что в нем насчитывается 45 единиц хранения за 1667–1716 гг. и 4929 единиц хранения за 1717–1774 гг. [9. Т. 3, ч. 1. С. 88, 318].

[5] По данным В.Н. Шерстобоева, усть-кутская «Книга записная проезжим купецким людям и товарам» за 1743–1746 гг. (судя по всему, конволют?), учтенная в описи без указания количества листов, насчитывает 305 листов [6. Т. 2. С. 449].

[6] Единица хранения № 3 включает также три листа из таможенной книги 1657 г., два листа (половинки) из таможенной книги 1660 г. и один лист из таможенной книги 1668 г.

[7] Единица хранения № 4 включает также обрывки таможенной книги 1672 г. и один лист из таможенной книги 1674 г.

[8] Единица хранения № 5 включает также обрывки книги таможенных расходов 1674 г.

[9] В составе единицы хранения № 6 числится также «Таможенная книга» без указания года, а также документ под заглавием «Сбор соболей с привозимой пушнины» (соболиная таможенная книга?).

[10] Включает также сведения по Усть-Кутской таможне.

[11] Населенный пункт в описи не указан (Илимск?)

[12] В описи книга не датирована. В одном деле вместе с книгой находятся указы и челобитья о казенных денежных сборах, относящиеся к 1709–1710 гг., а также «Книга пошлинных сборов со всяких извозчиков» (не датирована).

[13] Этот же интервал листов указан в описи в отношении указов и челобитий.

[14] В одном конволюте с книгой пошлинных сборов находятся также книги Илимской таможенной избы о приходе и расходе государевых карт, табаку, вина, меди и олова.

[15] В описи значится как «Записки Илимской таможни».

[16] Включает также сведения о приходе и расходе вина.

[17] Возможно, окладная книга.

[18] В описи в д. 2073 значатся «Книга денежных расходов Илимской таможни 1759 г.» и «Книга денежных расходов таможни 1759 г.».

[19] Имя в описи не указано.

[20] Имя в описи не указано.

[21] Имя в описи не указано.

[22] Имя в описи не указано.

[23] Имя в описи не указано.

[24] Так в описи. Возможно, ошибка: Орленская слобода находилась на р. Лене при впадении в нее правого притока – р. Орлинги; р. Илга – левый приток Лены, впадает в нее значительно выше по течению.

[25] Имя в описи не указано.

[26] Имя в описи не указано.

[27] В деле две книги.

Список источников

1. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М. : Унив. тип., 1897. Ч. 2: Документы таможенного управления. 394 с.
2. Раздорский А.И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // Археографический ежегодник за 2005 год. М. : Наука, 2007. С. 394–462.
3. Раздорский А.И. Таможенные и кабацкие книги XVII века в составе городовых книг московских приказов в фондах РГАДА // Русское Средневековье : сб. ст. в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М. : Древлехранилище, 2012. С. 164–198.
4. Раздорский А.И. Таможенные и кабацкие книги XVII–XVIII вв. в фонде Денежного стола Разрядного приказа // Археографический ежегодник за 2011 год. М. : Наука, 2014. С. 391–411.
5. Раздорский А.И. Таможенные и кабацкие книги в фонде Оружейной палаты РГАДА // Археографический ежегодник за 2013 год. М. : Наука, 2019. С. 239–241.
6. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня : в 2 т. Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 598 с.; 1957. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 676 с.
7. Шерстобоев, Вадим Николаевич // ИРКИПЕДИЯRU : энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/sherstoboev_vadim_nikolaevich (дата обращения: 08.04.2023).
8. Путеводитель по фондам личного происхождения Государственного архива Иркутской области. Иркутск : ГА Иркут. обл.., 2013. 178 с.
9. Российский государственный архив древних актов : путеводитель : в 4 т. / сост.: М.В. Бабич и др. М., 1997. Т. 3, ч. 1. 720 с.; Т. 3, ч. 2. С. 721–1152.

References

1. Ogloblin, N.N. (1897) *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of columns and books of the Siberian Prikaz (1592–1768)]. Vol. 2. Moscow: Univ. tip.
2. Razdorskiy, A.I. (2007) Tamozhennye knigi Evropeyskoy Rossii XVIII v. v fondakh RGADA (kolichestvennaya, khronologicheskaya i geograficheskaya kharakteristika) [Customs books of European Russia of the 18th century in the RGADA funds (quantitative, chronological and geographical characteristics)]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2005 god* [Archaeographic Yearbook for 2005]. Moscow: Nauka. pp. 394–462.
3. Razdorskiy, A.I. (2012) Tamozhennye i kabatskie knigi XVII veka v sostave gorodovykh knig moskovskikh prikazov v fondakh RGADA [Customs and tavern books of the 17th century as part of the city books of Moscow orders in the funds of the RGADA]. In: *Russkoe Srednevekov'e* [Russian Middle Ages]. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 164–198.
4. Razdorskiy, A.I. (2014) Tamozhennye i kabatskie knigi XVII–XVIII vv. v fonde Denezhnogo stola Razryadnogo prikaza [Customs and tavern books of the 17th–18th centuries in the fund of the Pay Table of the Rank Order]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2011 god* [Archaeographic Yearbook for 2011]. Moscow: Nauka. pp. 391–411.
5. Razdorskiy, A.I. (2019) Tamozhennye i kabatskie knigi v fonde Oruzheynoy palaty RGADA [Customs and tavern books in the collections of the Armory Chamber of the RGADA]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2013 god* [Archaeographic Yearbook for 2013]. Moscow: Nauka. pp. 239–241.
6. Sherstoboev, V.N. (1957) *Ilimskaya pashnya: v 2 t.* [Ilimskaya arable land: in 2 vols]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. izd-vo.
7. irkipedia.ru. (n.d.) *Sherstoboev, Vadim Nikolaevich*. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/sherstoboev_vadim_ nikolaevich (Accessed: 8th April 2023).

8. Kobeleva, O.N. et al. (2013) *Putevoditel' po fondam lichnogo proiskhozhdeniya Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoy oblasti* [A guide to the personal collections of the State Archive of the Irkutsk Region]. Irkutsk: GAIO.
9. Babich, M.V. et al. (1997) *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov: putevoditel': v 4 t.* [The Russian State Archive of Ancient Acts: A guidebook: in 4 vols]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr. pp. 721–1152.

***Сведения об авторе*:**
Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: torgtam@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Razdorskiy Alexey I. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: torgtam@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 12.04.2023; accepted for publication 03.10.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 17.021.3; 172.30; 172.1
doi: 10.17223/19988613/85/22

Межличностная и межкультурная коммуникация на славянском пространстве: суверенность, инаковость, общность

Даниил Юрьевич Дорофеев

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия, dandorof@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию межличностной и межкультурной коммуникации в контексте социогуманитарных проблем в современном мире, особенно на славянском пространстве. Рассматривается генезис актуальности проблемы коммуникации в европейской культуре, в первую очередь благодаря преодолению замкнутого эгоцентризма, открытию Другого, развитию концепта диалога и утверждению интерсубъективной проблематики в философии (например, в феноменологии).
Ключевые слова: коммуникация, славянское пространство, общность, суверенность

Для цитирования: Дорофеев Д.Ю. Межличностная и межкультурная коммуникация на славянском пространстве: суверенность, инаковость, общность // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 176–182. doi: 10.17223/19988613/85/22

Original article

Interpersonal and intercultural communication in the Slavic area: sovereignty, otherness, community

Daniil Yu. Dorofeev

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation, dandorof@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of intercultural and interpersonal communication in the historical-cultural, socio-political and philosophical-anthropological contexts. The problem of communication is of particular importance now in the Slavic area, given the relationship between Russia and Ukraine. It is particularly important to investigate the concepts of communication by critical reflection as it unites the problems of various sciences in the modern world and determines the main trends in the development of socio-humanitarian knowledge.

The mainstreaming of communication problems begins with the work of M. McLuhan in the 60s and 70s of the last century, but its origins should be found in the early 20th century. Of particular importance is the role of the historical "School of Annals" by L. Fevra and M. Blok, showing the connection of the formation of human mentality with the systems of everyday communications, and phenomenology, which laid the foundation for the contemplative setting of openness to the Other. Instead of the Cartesian principle of subjectivity, the principle of intersubjectivity is affirmed, meaning the appearance of the polyphonic reality, plurality, openness, dialogue and communication between the I and the Other.

This reality characterizes not only the relations between persons, but also the relations of socio-cultural communities, for analysis of which the anthropological model is proposed. Many key concepts, used in the anthropological approach, are applied in the space of cultural and socio-political analysis: “personality” (prosopon-persona), subject, autonomy, sovereignty, ethos.

Interpersonal and intercultural levels of communication are interconnected. The role of Max Scheler, the founder of modern philosophical anthropology, one of the founders of phenomenological sociology and sociology of knowledge, who introduces the concept of a *Gesamptperson* (collective personality) is particularly significant. Scheler criticizes Karl Marx for the historical universalization and absolutization of the principle of economic determinism, recognizing the multiplicity and historical variability of factors having influence on person.

It is very important to understand the mechanisms and principles of the formation of a community (language, religion, common history, traditions, values), including Slavic space. And here the attitude to the otherness of the Other, openness and interconnection with it is especially important. It is also important to combine community with the preservation of one’s own sovereignty in a system of holistic communication with the Other. The notion of sovereignty, which was the

© Д.Ю. Дорофеев, 2023

first to be systemically analyzed by K. Schmitt, is now of particular relevance, as shown by the work of the famous modern European thinker J. Agambena. Sovereign openness to the Other is a condition for effective communication at the interpersonal, intercultural and interstate levels.
Keywords: communication, Slavic area, community, sovereignty

For citation: Dorofeev, D.Yu. (2023) Interpersonal and intercultural communication in the Slavic area: sovereignty, otherness, community. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 176–182. doi: 10.17223/19988613/85/22

Гуманитарные исследования последних десятилетий проходят под знаком все более увеличивающейся актуальности проблематики коммуникаций. Рефлексия коммуникации, сначала осуществлявшаяся в сравнительно узких рамках языкознания, лингвистики и семиотики, расширила поле своего применения, становясь определяющей в философии, философской, визуальной, исторической антропологии, философии языка, герменевтики, культурологии, политологии, социологии, медиафилософии и даже, во многом благодаря трудам М. Маклюэна [1], заложила такие новые дисциплинарные области, как история, теория и антропология коммуникаций. Таким образом, в анализе проблемы коммуникаций сходятся интересы самых разных социогуманитарных наук.

Причины такой значимости проблемы коммуникации нужно искать в тенденциях развития гуманитарных наук в XX в., выдвинувших на первый план новые темы, неизвестные в таком масштабе классической парадигме. Вспомним, например, *историческую* «*Школу Анналов*» (*Ecole des Annales*), основанную Л. Февром и М. Блоком и продолженную целым рядом блестящих французских историков (Ж. Гофф, Ф. Бродель, Ж. Дюби, Ф. Арьес и др.). Ее подход базировался на изучении механизмов, процессов, особенностей формирования менталитета определенных социальных групп (в основном относящихся к «среднему» классу) в тот или иной исторический период (преимущественно средневековый) посредством целой системы *практик повседневных коммуникаций*, до этого почти не подвергавшихся системному анализу и осуществляющихся в основном на дорефлексивном уровне, на котором и манифестируются ценностные основания картины мира. С другой стороны, такой видный представитель этой школы, как Ф. Бродель, в своем главном труде, трехтомнике «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.» [2] хотя и продолжает исследование повседневности (этому посвящен первый том данного сочинения под названием «Структуры повседневности»), но в основном рассматривает процессы формирования европейского капитализма в контексте экономических доминант (в этом он близок Марксу), подчеркивая влияние на изменение человеческого сознания и самого образа жизни торговых коммуникаций и географических факторов.

Другой пример – *феноменология*: подвергнув критике модель познания как активного *конструирования* субъектом предметного поля, которая сложилась в период Нового времени, она выступила за установку *созерцательности, открытости, беспредпосылочности* – всего того, что позволяет выйти «к самим вещам» (Гуссерль). Это касалось не только «вещей», ведь «конец прекрасной эпохи» монистичного, замкнутого на себе, агрессивно полагающего ego, или res cogitans, трансцендентального субъекта привел к *открытию Другого*: царящий со времен Декарта принцип субъективности сменился принципом *интерсубъективности*. Мир перестал управляться принципом центризма и внезапно раскрыл свою множественность, полифоничность, разноцветность. Такой подход резко стимулировал развитие антропологической проблематики, которой уже было тесно в границах трансценденталзима («личность» Шелера, Dasein Хайдеггера, экзистенция Сартра и т.д.). Вместо изначально данного и универсального самополагания субъекта человек предстает обретающим себя исключительно через взаимосоотнесение с Другим. И эти отношения полны напряженной интенсивности, драматизма, даже порой трагизма, которые и пытается развернуть концепт «*диалога*», один из ключевых в XX в. Диалог, преодолевая монистический замкнутый центризм, открывает Я навстречу Другому, тем самым утверждая принцип *множественности*, чья актуальность уже не ограничивается одной лишь сферой межличностной коммуникации. Антропологический, даже персонологический, аспект диалога (М. Бахтин) привел к *диалогу культур*, евроцентризм, особенно на волне «заката Европы» (Шпенглер), сменился *идеалом* мультикультурализма, который, однако, оказалось легче заявить, чем осуществить (к тому же, учитывая, что этот идеал разрабатывался в Европе, сейчас складывается впечатление, что он призван реанимировать в новой форме установку евроцентризма). И развертывание проблемы коммуникации – это ответ на необходимость сначала поставить, а потом и предложить решение острой проблемы «Я и Другого» как на антропологическом, так и на культурном, социальном, этническом уровнях.

Насущность этой темы тем более усиливается, что диалог все чаще соскальзывает в свое отрицательное, а не положительное проявление: *война*, которая еще по Гераклиту выступает диалектическим диалогом противоположностей, а у Достоевского в интерпретации Бахтина становится действенным механизмом развития личностного самосознания, зачастую предстает в наше время как *неумение и неспособность слышать Другого*. Замкнутое на себе самоутверждение, в том числе за счет Другого, требует меньше усилий от человека, чем, например, любовь или уважение, высшие формы личных отношений, предполагающие открытость, взаимное признание и раскрытие *личностности* (*Personlichkeit*) друг в друге. Парадоксально, но именно в эпоху развертывания и увеличивающегося понимания значимости диалога (XX век) происходят самые острые,

основанные на крайней степени глухоты и слепоты друг к другу трагические столкновения человека и человека, человека и государства, государства и государства, несовместимые с самим смыслом как межличностной, так и межкультурной коммуникации.

Действительно, коммуникативные практики не просто выступают формой и средством общения, они, с одной стороны, полагают собой сам способ существования человека через определение его отношения к себе, Другому, миру в целом, и потому становятся средоточием антропологических исследований, а с другой стороны, в них как в лакмусовой бумажке проявляется своеобразие состояния, во всей его проблематичности и актуальности, истории, культуры, социума на данный момент [3. С. 8–73]. Можно сказать, что коммуникации связывают собой личное и коллективное, бытие и сознание, индивидуальное и социальное, «базис и надстройку» (Маркс), прошлое и настоящее. Именно рассмотрение проблемы коммуникации может в наше время открыть новые продуктивные смысловые горизонты для критического социально-экономического анализа, социально-политической герменевтики, исследований «социального конструирования реальности» методами социологии знания и феноменологической социологии, чем начинали заниматься М. Шелер, К. Мангейм, А. Шютц, П. Бергер и др. Такой социально-антропологический, социально-культурный, наряду с философско-антропологическим и межличностным, контекст изучения коммуникаций и коммуникативных практик свидетельствует о том, что они относятся и характеризуют не только отдельного человека, но и *разные общности*, от сформированных по тем или иным критериям (возрастным, образовательным, национальным, религиозным, связанным с местом проживания и т.д.) социальных групп до макрокультурных общностей. И именно изучение проблем *взаимосвязи* межличностной и межкультурной коммуникации на славянском пространстве в современном мире, учитывая особую насущность такой перспективы для России, Беларуси и Украины, представляется особо актуальным в наше, такое тревожное и беспокойное, время, постоянно ставящее новые вызовы, требующие не только политических решений, но прежде всего глубокого критического философского и историко-культурного осмысления.

В этом смысле проблемы межличностной и межкультурной коммуникации, с учетом их своеобразной специфики, могут быть поняты как коррелятивные. Вспомним, что, например, такие ключевые для философско-антропологического дискурса понятия, как «*автономия*» и «*суверенность*», возникнув и получив признание в юридическом поле, позже становятся фундаментом личностного понимания человека как существа самоопределяющегося, выступающего «законодателем» для самого себя и свободно, независимо, «самовластно» полагающего себя [4. С. 177–232]. Также история показывает, как понятия, которые утверждались в антропологическом контексте, по отношению к отдельному человеку, постепенно, не теряя этого значения, применялись для обозначения тех или иных социально-политических общностей. Самой известной здесь, наверное, является история понятия «личность» в античности: слово *prosopon* в древнегреческом языке обозначало сначала наружность, внешний вид любого предмета, затем лицо человека, театральную маску и роль, а в латинском языке, учитывая социальные тенденции римлян, *persona*, наследница древнегреческого prosopon, – слово, образование которого до сих пор является причиной лингвистических дискуссий (то ли оно произошло от этрусского phersu, означающего маску, то ли от Персефоны, греческой богини подземного царства, на празднествах в честь которой использовались маски, то ли от слов personus, personare, означающих «звучать», «оглашать», т.е. действий, которые были важны для театрального актера в маске и, соответственно, говорящего через нее), стало иметь юридически-правовое употребление, означая социальную роль, юридическое или в целом общее, собирательное лицо [5]. В дальнейшем, начиная с XVII в., эта семантическая линия разовьется и еще более утвердится в отношении понятия «*субъект*», которое, не ограничиваясь гносеологической сферой употребления в картезианстве и дальше в немецкой классической философии, быстро получит значение и юридически-правового лица и вообще активного «под-лежащего» (subjectum) любой общности. Также мы хотели бы остановиться в этом контексте на менее известной истории понятия *этос* (*ethos*), которое сперва обозначало нрав, характер, склад человека, его определенность. Так, Дамон, теоретик музыки конца V в. до н.э., учил о воздействии тех или иных музыкальных ладов на формирование соответствующего этоса человека. Как известно, именно из этого понятия произошло название центрального раздела философии – этики. Но после античности данное понятие выходит из философского лексикона, и только в начале XX в. Макс Шелер, основатель современной философской антропологии, восстанавливает его значимость, называя этосом организованную систему «фактических ценностных оценок и ценностных предпочтений», которая является «интимнейшей сущностью» как для конкретного человека, так и для исторической эпохи, семьи, народа, нации, т.е. любой формы социоисторического единства [6. С. 341].

Здесь как раз важно подчеркнуть, что Шелер, который совмещал свои философско-антропологические, аксиологические и этические исследования с обращением к социальному анализу, переносит значение этоса, применяемое им к отдельному человеку (что так ярко представлен в “Ordo amoris”), на те или иные общности. Иначе говоря, этос есть не только у конкретного человека, но и у различных этносов, социальных, религиозных, гендерных, национальных, образовательных и тому подобных групп, и его исследованием занимается феноменологическая социология, у истоков которой как раз стоял Макс Шелер, исследуя феноменологию и социологию ресентимента [7. С. 11–65]. К этому следует добавить, что немецкий мыслитель одним из первых обратился к проблематике интерсубъективности, представив глубокий анализ форм человеческой симпатии [8. S. 17–49]. Здесь наблюдается прямой выход от проблем интерсубъективности к проблемам ком-

муникации, от проблем личностности человека к проблемам этоса социокультурных общностей и уже их коммуникаций между собой. Такое развитие мыслителя, признанного основателя философской антропологии личности, приводит его к понятию *Gesamptperson* (совокупная, коллективная личность), которое он активно использует в своих социологических работах и которое оказалось чрезвычайно плодотворным именно в социально-культурной перспективе. В этом контексте нам принципиально важно отметить, что и у культур, учитывая их множественность, есть свой собственный этос, свой сложившийся на протяжении многовековой истории Habitus, который определяет самобытное «лицо» конкретного Gesamptperson и который полагает характер коммуникаций с этосами других культур. И особо значимо то, что при подходе к любой культурно-социо-политической общности необходимо стремиться *избегать соблазна монистического схематизма*, т.е. основанной на одном принципе модели объяснения. В этой связи полезна критика Максом Шелером Карла Маркса.

Шелер в общем принимает положение Маркса о том, что бытие людей определяет их сознание, знание, понимание и переживание. Однако он делает принципиальное уточнение – это бытие *не сводится* к экономической составляющей; она, конечно, является важной, но далеко не единственной, поскольку не только способ производства, но и религиозные, национальные, образовательные, вплоть до географических факторов (это показал уже Гиппократ, см.: [9]) принимают активное участие в формировании структур и моделей организации групповых форм человеческого этоса, представленного как Gesamtperson. Шелеровская социология вообще очень тесно связана с *интерсубъективным* контекстом, исследуя различные акты (мышление, воление, многообразные формы сочувствия и сопереживания), которые осуществляются «*в совместности*» (*im Miteinander*) коллективными субъектами деятельности, делящимися на «групповую душу» (преимущественно безличная, анонимная, склонная к механицизму) и «групповой дух» (проявляющийся в ярких личностных представителях и свободных спонтанных актах; именно с «групповым духом» в первую очередь и имеет дело социология знания) [10. С. 52–53]. Для Шелера это уточнение позиции Маркса чрезвычайно важно, и он несколько раз упоминает о нем. Также он категорично возражает против *универсализации* механизма экономической детерминации, т.е. переноса его действия на *всю* человеческую историю. При этом Шелер, вслед за Вернером Зомбартом и признавая его в этом историко-социологическую заслугу, отмечает, что примат экономической доминанты, который отстаивал Маркс, характерен и справедлив *лишь* для эпохи высокоразвитого капитализма [10. С. 38–43]. В этом смысле отвергается как позиция Маркса, *абсолютизировавшего и универсализировавшего* экономическую составляющую общественного бытия человека, так и постулат эпохи Просвещения, для которого есть изначально врожденный и общий для всех людей аппарат разума (Шпенглер не зря будет подчеркивать в первом томе «Заката Европы», что система категорий разума у Канта – это система категорий *европейского* разума; в России против диктата такого *просвещенческого* разума восстал Лев Шестов уже в своем первом произведении – «Апофеозе беспочвенности»). Такой подход позволяет Шелеру преодолеть монистическую и дуалистическую установку, так долго царившую в западноевропейской философии, и признать *принцип множественности*, получивший признание и развитие только во второй половине XX в.: «*Дух изначально существует только в конкретном множестве бесконечно разнообразных* групп и культур» [10. С. 17].

Итак, межкультурные, как и межличностные, коммуникации возможны лишь на основе множественных субъектов общения, что предполагает преодоление агрессивного монистичного центризма какой-либо из сторон. Общность – это всегда *результат* продуктивных коммуникативных практик, в основе которых лежит открытость сторон друг другу, способность слышать и слушать, вступать в полноценный диалог друг с другом. При отсутствии такого опыта даже переданная по традиции общность будет неотвратимо ослаблена или даже утрачена. Так, религиозная общность славянского пространства, имеющая благодаря историко-культурному значению православия огромное влияние, при отсутствии других механизмов поддержания и развития общности – экономических, политических, общекультурных – может если и не утратить полностью свою силу на уровне межличностного и тем более межгосударственного общения, то привести к постепенной активизации замкнутости со всеми вытекающими последствиями. Современные отношения России и Украины, в которых, как свидетельствуют события, связанные с предоставлением Константинопольским патриархом Украинской церкви автокефалии томосом от 5 января 2019 г., – тому яркий пример, показывают, что, казалось бы, нерушимые скрепы православного единства могут дать сильную трещину и грозить разрушением, как только становятся разменной монетой в игре на монистично слепое самоутверждение. Прошлое, конечно, может обеспечивать единение, но не беспредельно, только в определенной степени и до определенной меры, – без действий *de actu* в настоящем любое единство долго сохраняться не может. В этом плане общность – не столько основание, сколько *результат* коммуникаций (причем требующий постоянного поддержания и развития), хотя, безусловно, нельзя не ценить то исходное единство, которое обеспечивается (по крайней мере для России и Беларуси) общим языковым пространством, поскольку язык – важнейший механизм формирования общности на уровне как межличностной, так и межкультурной коммуникации, и этот фактор нельзя не ценить и не поддерживать (учитывая, обращаясь к опыту современной Украины, что и эти языковые скрепы могут быть быстро разрушены). Поэтому самые разнородные коммуникации как на уровне отдельных людей, могущих осуществлять потенциал так называемой «человеческой дипломатии», так и на уровне групповых общностей являются главным способом зарождения, поддержания, сохранения и развития межкультурной общности.

Однако подобную общность не стоит понимать упрощенно. Нужно всегда помнить, что общность не предполагает стирания отличий, она не должна стремиться к однородности, поскольку ее питательная сила в *положительно диалогической гетерогенности*. Общение в полном смысле продуктивно до тех пор, пока оно является диалогом двух (и более) разнородных субъектов, каждый из которых, открываясь инаковости другого, расширяет и обогащает свою собственную *суверенность*. Если же этого нет, мы имеем монизм, который постепенно все более абсолютизируется и замыкается в себе, рассматривая другую сторону коммуникации исключительно как alter ego, расширенную трансформацию и объективацию себя и своих интересов, мир своих сателлитов, не более. Жизнеспособность такой установки весьма относительна, хотя на каком-то этапе и может создавать иллюзию силы и мощи. Другой же, который может быть источником творческого развития и развертывания возможностей тех, кто вступает с ним в коммуникацию, и возникает как раз на пространстве диалектической взаимосоотнесенности общности с такой гетерогенностью. Общность, если она претендует на продуктивность, должна не ущемлять инаковость и множественность, но диалектически актуализировать их в системе своих коммуникаций (здесь можно вспомнить гегелевскую «хитрость разума», не раз проявляющуюся в диалектике истории; впрочем, к сожалению, в последнее время все чаще встречается «слепота разума», вызванная неспособностью субъектов разного рода коммуницировать друг с другом). Поэтому Другого в его инаковости не нужно бояться, ведь продуктивные коммуникации с ним есть необходимое условие развития собственной суверенности, которую следует понимать не как характеристику самовластного утверждения своей замкнутости, а как *открытость инаковости Другого*, способствующую развертыванию *собственной* значимости. Суверенность и общность не дуалистически противостоят друг другу, их объединяет инаковость Другого, по отношению к которой, с одной стороны, утверждается собственная суверенность, но, с другой стороны, утверждается таким образом, что она вступает с этой инаковостью в коммуникацию, постепенно формируя ту или иную степень общности. Диалогическое пространство коммуникаций – это и есть способ существования суверенного субъекта, могущего осуществлять и развивать себя в открытости инаковости Другого, и эта модель характерна как для межличностных, так и для межкультурных и межгосударственных коммуникаций.

Естественно, эта грань довольно тонкая, и неудивительно, что при взаимном попустительстве последствия могут быть трагическими, и открытость перейдет в замкнутость. Ведь положительная гетерогенность может трансформироваться в отрицательную. Тогда *Другой* превращается сначала в *Иного*, потом в *Чужого*, а затем во *Врага*; различия этих понятий важны, и их следует тщательно анализировать (в том числе с привлечением феноменологической установки). Соответственно, коммуникации с Другим, Иным, Чужим и Врагом также отличаются, характеризуясь уменьшением открытости и повышением уровня замкнутости и агрессивности. Очень важно, что такой начавшийся процесс при отсутствии необходимых мер по его преодолению может развиваться чрезвычайно быстро, разрушая веками накопленные скрепы. Если с Другим имеет место *взаимосоотнесенность*, то с Иным – уже *настороженная отстраненность*, с Чужим – *изолированность*, а с Врагом – *противостояние*; если первый подход предполагает открытость, множественность и диалог, то второй и последующие – все более увеличивающуюся замкнутость, монизм и агрессивность. Особенно такая ситуация болезненна в условиях, так сказать, *генетической общности*, которая складывалась на протяжении веков, подкрепляясь религией, языком, самой историей (в частности, нахождением в составе одного государства – Российской империи и СССР) и которая может быть быстро разрушена и, как раз в силу бывшей близости, вызвать реакцию негативного противопоставления ради собственного самоутверждения. Правда, политики обычно быстрее утрачивают память об этой общности, чем простые люди, и отношения государств могут отличаться от конкретных межчеловеческих отношений, хотя в целом между этими уровнями коммуникации при глубинном анализе также можно усмотреть определенную корреляцию.

Итак, антропологические перспективы изучения коммуникаций могут браться как некая модель для исследования межкультурных, межсоциальных, межэтнических коммуникаций; это касается в первую очередь герменевтического анализа понятий *суверенности, инаковости, общности, неоднородности*. При рефлексии феномена коммуникации, для ее проблематизации, понимания всей ее значимости и возможных перспектив развития, не обойтись без включения опыта философских установок, могущих помочь осознать исторические и социо-политические реалии. Эта проблема особенно остро встала в связи с распадом СССР на множество независимых государств. Как известно, СССР изначально выстраивался как некий эксперимент по созданию новой общности – «советского человека», который мог появиться только в новом государстве (и наоборот). Подобная общность всегда акцентировала аспект «своего» и, наоборот, недооценивала фактор инаковости, неоднородности, оценивая его по преимуществу негативно, видя в нем угрозу общности и противопоставляя себе. А ведь любая общность – это общность *неоднородных* субъектов, фундированных общими основами. Распад общности всегда осуществляется за счет ослабления (или неспособности эволюционировать) этих скрепляющих основ и, как следствие, приводит к «опьянению» собственным суверенитетом, наивному замыканию в нем. Причем если возникновение проблем с республиками, которые в значительной степени были искусственно и даже насильственно интегрированы в пространство Союза (Прибалтийские республики) или представали культурно (исторически, религиозно, ментально, географически) слишком отличными (республики Средней Азии), объяснить нетрудно, то возникновение проблем на территории славянского пространства (Россия, Беларусь, Украина), единого по вере, истории, в значи-

тельной степени по языку, требует дополнительного анализа. Не хотелось бы здесь обходиться заявлением принципа, что самые жаркие ссоры случаются внутри семьи, между своими; гораздо важнее постараться его критически исследовать. Можно вспомнить исторический пример: разделение христианства на восточное и западное, православное и католическое началось с разделения Константином империи на два центра – Константинополь и Рим, что явилось началом процесса дезинтеграции, закончившегося в 1054 г. официальным разделением христианской церкви, после чего православие и католицизм становятся во многом чужими друг для друга. С тех пор именно католики вызывали у православных богословов самое сильное неприятие – именно потому, что наличие внешней религиозной общности по ряду существеннейших положений позволяло под ее кровом развивать принципиально чуждые взгляды; так, например, это очень выразительно проявлялось по отношению к пониманию икон и в целом иконного образа.

Следует помнить, что осуществляющиеся на принципах открытости, диалога и взаимосоотнесенности целостные интеграционные коммуникации – главный путь сохранения общности без отказа от собственной суверенности. Понятие «суверенность» в наше время вновь обретает повышенную актуальность. Концепция суверенитета Карла Шмитта [11] подвергается пересмотру и критике в работах современного философа Дж. Агамбена, который, соединяя исследование этого понятия в контекстах политической философии, философии права, государства, власти и человека, предстает критиком современной организации капиталистического общества, в том числе политических коммуникаций ведущих европейских демократических государств, процессов по абсолютизации сетевой виртуальной реальности и современной медиакультуры [12]. Развивая философско-антропологический концепт суверенности, мы считаем, что она как «само-властие» человека в отношении полагания и раскрытия собственной личностности *совместима* с открытостью Другому и осуществляется в личностных коммуникациях с ней.

Суверенность личностная и культурная, социальная, государственная – не одно и то же, но определенные параллели, думаю, здесь уместны и оправданны, особенно если речь идет о коммуникационных практиках. При этом следует помнить, что государственная суверенность не тождественна культурной и политической суверенности: так, в современном Европейском Союзе состоит 27 стран, но отнюдь не каждая из них обладает полноценным суверенитетом на уровне культуры и политики. Как показывает история, полноценным реальным суверенитетом (как культурным, так и политическим) могут обладать лишь очень немногие субъекты, под патронажем которых собираются остальные. Так, в Греции V–IV вв. до н.э. почти все полисы делились по своей принадлежности либо к Афинам, либо к Спарте – двум очевидным лидерам, имеющим возможность представлять свои суверенные позиции, которые при этом были почти осуждены на столкновение. Если самим суверенным субъектам объединиться не удается (обычно это происходит под влиянием общей угрозы – например, так образовалась антигитлеровская коалиция СССР, Америки и Англии), то по крайней мере возможно установление между ними определенного *баланса*, позволяющего осуществлять коммуникации; суверенность Другого, даже если он оценивается как Иной, вызывает уважение и готовность вступать в диалог. Также возможно установление *коллективного суверенного субъекта*, некоего аналога в социально-политической сфере шелеровского Gesamptperson, – таким выступает тот же ЕС, который, однако, за счет резкого расширения и, как следствие, качественного отличия, в первую очередь по критерию экономического благополучия, своих составляющих имеет уже внутри себя определенную иерархию в отношении реальной суверенности. Точно так же как и государственная общность не означает автоматически общности культурной (собственно, любые империи, начиная с Древнего мира до мира XX в., представляли собой очень неоднородные образования, которые, однако, могли на отведенное им историей время составлять единое целое благодаря той или иной фундирующей их общность основе, – так, в Византии особое значение имело православие, а там, где его интегрирующей силы было уже недостаточно, вступали культурные, экономические, военные механизмы поддержания единства; или, например, в СССР республики Средней Азии и Прибалтики довольно сильно выделялись своей культурной инаковостью, что не мешало, однако, за счет других механизмов – экономических, идеологических, языковых – поддерживать определенную степень общности), а культурная общность может осуществляться и способствовать развитию культурного суверенитета и при наличии у двух сторон суверенитета государственного, как это есть в отношениях России и Беларуси (особый статус которых выражен и в функционировании межгосударственного союза, который является ярким примером культурной, политической, языковой взаимосоотнесенности суверенности и общности).

Подытоживая, хочется отметить, что общность держится не заданностью, не «архивным» прошлым, а постоянно поддерживаемым процессом (в том числе через актуализацию исторической памяти и исторических скреп) ее укрепления и развития, который устремлен в будущее. В открытости инаковости Другого можно видеть и находить не угрозу, а продуктивный стимул укрепления собственной суверенности на путях развития общности. Давайте еще раз вспомним важный урок принципов исторической антропологии школы Л. Февра и М. Блока, призывавших преодолевать «архивное» отношение к прошлому, т.е. к своему историческому Другому: необходимо стремиться, не модернизируя, понимать *другие типы ментальностей*, организованных в принципиально иных, чем современные, культурных, социальных, ценностных системах коммуникаций, ведь, несмотря на их инаковость, посредством открытости им современный человек может прояснить свое собственное повседневное (культурное, политическое, социальное) сознание, развить его диалогичность, преодолеть (или по крайней мере ослабить) авторитарную догматичность и центричность и в итоге актуализировать

далекое прошлое через ощущение его близости себе, даже родства, общности с ним. Суверенность человека, культуры, общества и государства может продуктивно осуществляться и развиваться только посредством открытости инаковости Другого в диалогическом пространстве множественности, и особенно это актуально для тех субъектов коммуникаций, которые близки друг другу в силу генезиса их исторического пути. Подобные проблемы кажутся чрезвычайно, подчас до боли, насущными именно на пространстве славянской общности и осуществляющейся внутри нее коммуникации, которая, очевидно, должна найти для себя более продуктивные основания. Поэтому, возможно, сейчас стоит исследовать не то, что нас объединяет и что в целом общеизвестно, а обращать акцентированное внимание на те глубинные причины, которые не позволяют нам полноценно понимать друг друга, совмещая развитие собственной суверенности с открытостью Другому в продуктивном диалоге, представляя своего рода «герменевтику непонимания». Еще лет 10–15 назад казалось, что этой проблемы нет, по крайней мере в ее остром, насущном виде, но опыт последних пяти лет на славянском пространстве показывает как она, медленно зрея, может драматично взорвать все имевшиеся связи. Уверен, межличностные и межкультурные коммуникации могут противостоять этой угрозе.

Список источников

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатной культуры. М. : Акад. проект, 2005. 432 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация. экономика и капитализм. XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Весь мир, 2006–2007.
3. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб. : РХГА, 2015. 638 с.
4. Дорофеев Д.Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной философии. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2012. 464 с.
5. Nedoncelle M. Prosopon et persona dans l’antiquite classique. Esse de bilan linguistique // Revue des Sciences Religieuses. 1948. № 22 (3-4). P. 277–299.
6. Шелер М. Ordo Amoris // Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 339–377.
7. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М. : Наука, 1999. 231 с.
8. Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie // Scheler M. Gesemmelte Werke. Bonn : Bouvier Verlag, 2009. Bd. 7. 331 S.
9. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги. М. : Сварог, 1994. С. 275–307.
10. Шелер М. Проблемы социологии знания. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2011. 302 с.
11. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб. : Наука, 2005. 326 с.
12. Агамбен Д. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.

References

1. McLuhan, M. (2005) *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man]. Translated from English. Moscow: Akad. Proekt.
2. Braudel, F. (2006–2007) *Material'naya tsivilizatsiya. Ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Material civilization. Economics and capitalism. The 15th – 18th centuries: in 3 vols]. Translated from French. Moscow: Ves' mir.
3. Dorofeev, D.Yu. (2015) *Lichnost' i kommunikatsii. Antropologiya ustnogo i pis'mennogo slova v antichnoy kul'ture* [Personality and communication. Anthropology of the spoken and written word in ancient culture]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
4. Dorofeev, D.Yu. (2012) *Pod znakom filosofskoy antropologii. Spontannost' i suverennost' v klassicheskoy i sovremennoy filosofii* [Under the sign of philosophical anthropology. Spontaneity and sovereignty in classical and modern philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanit. Initsiativ.
5. Nedoncelle, M. (1948) Prosopon et persona dans l’antiquite classique. Esse de bilan linguistique. *Revue des Sciences Religieuses*. 22(3-4). pp. 277–299.
6. Sheler, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 339–377.
7. Sheler, M. (1999) *Resentiment v strukture moraley* [Resentment in the Structure of Morals]. Translated from German. Moscow: Nauka.
8. Scheler, M. (2009) *Gesemmelte Werke*. Vol. 1. Bonn: Bouvier Verlag.
9. Hippocrates. (1994) *Izbrannye knigi* [Selected Books]. Moscow: Svarog. pp. 275–307.
10. Sheler, M. (2011) *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the sociology of knowledge]. Translated from German. Moscow: In-t obshchegumanit. issled.
11. Shmitt, K. (2005) *Diktatura. Ot istokov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by* [Dictatorship. From the origins of the modern idea of sovereignty to the proletarian class struggle]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Agamben, D. (2011) *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.

***Сведения об авторе*:**
Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dandorof@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dorofeev Daniil Yurievich – Professor Philosophy, Head of the Department of Philosophy of St. Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dandorof@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.10.2018; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 24.10.2018; accepted for publication 03.10.2023

Научная статья
УДК 39; 94
doi: 10.17223/19988613/85/23

Селькупский хлеб и его исторические контексты

Ольга Борисовна Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, stepanova67@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются исторические контексты селькупского хлеба. Хлеб был известен доселькупским и раннесклькупским историческим общностям, знакомым с земледелием. Развитие пушной торговли заставило селькупов забыть земледельческие навыки и покупать хлеб у купцов в обмен на пушнину. С появлением в селькупском обществе социального неравенства хлеб как жизненно необходимый продукт и привлекательный товар стал для выделившейся знати инструментом эксплуатации селькупов. После русского завоевания Сибири эта роль хлеба сохранилась, а в составе эксплуататоров произошли изменения: к «своей», селькупской знати добавились русские купцы, чиновники и духовенство.
Ключевые слова: селькупы, этническая история, селькупский хлеб, исторические контексты селькупского хлеба

Для цитирования: Степанова О.Б. Селькупский хлеб и его исторические контексты // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 183–191. doi: 10.17223/19988613/85/23

Original article

Selkup bread and its historical contexts

Olga B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg, Russian Federation, stepanova67@mail.ru

Abstract. The study aims to identify and examine the historical contexts of Selkup bread. The choice of purpose is justified by the need to preserve and study the Selkup cultural heritage that arose on the wave of the formation of a new ethnicity among modern Selkups, and at the same time, intends to contribute to the study of Selkups and ethnographic science as a whole.

The sources of the study were the works of some old authors - Maslov, P.I. Tretyakov, P.E. Ostrovsky, K. Donner, V.N. Skalon, L.N. Dobrova-Yadrintseva, as well as a monograph by G.I. Pelikh “Selkups of the 17th century ...” containing direct and indirect information about Selkup bread and its historical contexts.

Since the Selkups faced the food problem for most of their historical past, the content of the study is an examination of the role of bread at different stages of the Selkup history, from ancient times until the middle of the 20th century, when the issue of Selkup food was finally resolved. The study revealed that bread was not only food, but performed a number of other social functions.

As a result of the study, the author came to the following conclusions. Bread was still known to pre-Selkup and Early Selkup communities involved in agriculture. With the development of fur trade in Western Siberia, agriculture was abandoned, and bread was bought in exchange for furs from visiting merchants. As a result of the processes of social differentiation within the Selkup society, a stratum of nobles was distinguished - princes / heroes, owners of large fishing and hunting areas and merchants / traders. Bread was a vital and one of the most attractive products. It became the instrument of exploitation and enslavement of ordinary fishermen-hunters by their own nobility. The hunters paid furs to the princes, for a fee they used the fishing and hunting lands of large landowners and bought imported goods from merchants at inflated prices, gradually finding themselves in debt bondage. All three groups of aristocracy used the labor of debtor workers. With the Russian conquest of Siberia, the number of Selkup oppressors seemed to be growing: in addition to their nobility, hunter fishermen were now exploited by Russian merchants / traders, the tsarist administration and the Church. Ordinary Selkups lived in poverty and were starving. This situation continued until the first years of Soviet power. In a special historical context of Selkup bread were allocated state bakeries, which were designed to solve the problem of food of the village. In addition to social oppression, the misery of the Selkup was caused by the caprices of nature and the peculiarities of the Selkup national character. Bread was an indicator that measures the level of well-being of Selkups.
Keywords: Selkups, ethnic history, Selkup bread, historical contexts of Selkup bread

For citation: Stepanova O.B. (2023) Selkup bread and its historical contexts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 183–191. doi: 10.17223/19988613/85/23

© О.Б. Степанова, 2023

Традиционный селькупский хлеб – испеченную без дрожжей, в золе костра (а теперь чаще пожаренную на сковороде) лепешку – сегодня можно назвать национальным селькупским брэндом. Именно селькупскому, а не ненецкому, хантыйскому или эвенкийскому хлебу регулярно посвящают телепередачи и статьи региональные и районные ямальские СМИ. «Свой» хлеб – предмет национальной гордости селькупов и атрибут всех национальных праздников в тех районах ЯНАО, где они проживают. Вместе с тем он по-прежнему остается продуктом повседневного питания. Вам его с большой долей вероятности подадут к столу на стойбищах и в поселках, где нет общественной пекарни. Хотя конкуренции с дрожжевым «русским» хлебом он давно уже не выдерживает и все чаще заменяется пшеничным «кирпичиком», который там, где нет пекарни, селькупские хозяйки тоже пекут сами. В поселках, где пекарни есть, вкусить селькупского хлеба можно лишь на национальных праздниках. Но нельзя не отметить, что и в этих поселках испечь свой хлеб при желании или в случае необходимости сумеет любая женщина-селькупка.

Научных исследований о селькупском хлебе до сих пор нет. Между тем вопрос селькупского хлеба не только крайне интересен, но и в высшей степени актуален: в условиях формирования у современных селькупов новой этничности, сохранения и переосмысления традиционной культуры приобретает особую важность звучание каждого ее элемента. В этом свете актуальность исследования подчеркивается тем, что в рамках национальной политики властей ЯНАО селькупский хлеб уже подвергся определенному идеологическому апгрейду и приобрел ярлык национального символа.

С другой стороны, исследование селькупского хлеба вносит свой вклад в этнографическую науку. Хлеб всегда был и остается пищевым продуктом с высоким социальным статусом, оказывающим сильное влияние на все сферы жизни народа. Поэтому изучение селькупского хлеба может проводиться во множестве контекстов. Например, мука входила в число товаров, которые использовались русскими в качестве инструмента колонизации селькупов. Употреблением хлеба измеряется селькупское благосостояние на разных исторических этапах. Национальный хлеб – часть селькупской культуры питания и селькупского образа жизни. Изменение социального статуса селькупского хлеба, сохранение его в качестве продукта первой необходимости для очень небольшой части селькупов, превращение в символ национальной культуры – тоже «хлебный» контекст, и т.д. В данной работе в фокус исследования поставлены главные исторические контексты селькупского хлеба, – по мнению автора, изучение «хлебной» темы логично проводить в «хронологическом» порядке.

Исследование строилось на основе трудов старых авторов – П.И. Третьякова [1], П.Е. Островских [2], К. Доннера [3], В.Н. Скалона [4, 5], содержащих значительный объем прямых и косвенных материалов по истории селькупского хлеба, а также монографии Г.И. Пелих «Селькупы XVII в.» [6], несколько глав которой посвящено социальной и экономической истории селькупов. Ориентироваться в обширном пространстве проблемы селькупского хлеба автору помогали собственные наработки по селькупской этнографии [7–9].

Поскольку выбранная исследовательская тема относится к истории, а не к социологии или же культурологии, где трудно было бы игнорировать новые научные подходы и теории в изучении пищи (см: [10–12]), автор опиралась в своей работе на традиционные – нарративный, генетический, сравнительный и типологический – методы исторического исследования.

История селькупского хлеба берет свое начало в глубокой древности. Согласно археологическим данным, в праселькупских культурах кулайцев и рёлкинцев обнаруживаются следы мотыжного земледелия. К принадлежащим этим культурам археологическим находкам относятся мотыги, серпы, глиняная форма для отливки лопат, зерна ячменя [6. С. 75; 13. С. 311–312]. Древнее земледелие затронуло и раннюю селькупскую экономику. В селькупских захоронениях до XVII в. встречаются земледельческие орудия труда и глиняные горшки с растительной пищей. К XVII в. земледелие вместе с другими прогрессивно развивающимися отраслями селькупской экономики (металлургическим, гончарным и ткацким производством, разведением крупного рогатого скота и коневодством) пришли в упадок и исчезли [6. С. 75].

Г.И. Пелих связывает затухание этих отраслей с развитием западносибирской пушной торговли. В XII–XIII вв. в связи с повышением спроса на пушнину в странах Европы и Азии Приобье стало одним из основных центров концентрации интересов торговцев пушниной из различных стран. У селькупов произошло резкое расширение охотничьего промысла за счет деградации всех остальных видов производственной деятельности: продукты селькупского земледелия, металлургии, гончарства, ткачества и прочие не могли выдержать конкуренции с привозным зерном и изделиями промышленного производства [6. С. 79–90]. Таким образом, первым историческим контекстом селькупского хлеба будет существование в праселькупских и ранних селькупских общностях земледелия, хлеба из муки собственного производства и последующее их исчезновение.

С начала пушной лихорадки селькупы стали приобретать муку, чай, соль, одежду, посуду, железо и другие товары у торговцев в обмен на пушнину. Г.И. Пелих пишет: «Мукой туземцы запасались прежде всего. Охотник брал для семьи на зиму не менее 5 пудов муки» [6. С. 85]. Спрос на сибирскую пушнину резко повысил продуктивность охотничье-промыслового хозяйства, что создало условия для развития социального неравенства, эксплуатации, различных форм прямого и косвенного грабежа. Власть в селькупском обществе оказалась в руках князцов-коков, которые выполняли функции военачальников, судей, администраторов и ввели для своих соплеменников примитивную систему налогообложения (налог выплачивался пушниной). Помимо коков выделились «лучшие люди» – владельцы крупных земельных угодий, сдававшие свои участки в пользование за определенную плату бедным селькупам, а также «мощнейшие в имении» люди – торговцы /

купцы. Пользуясь абсолютной неосведомленностью охотников относительно действительной стоимости привозных товаров, купцы обманывали, грабили и спаивали селькупов. Работавшие на торговцев скупщики пушнины («бойкие люди») два раза в год развозили муку, чай, сахар, вино в самые дальние уголки Обского бассейна, прямо на места жительства промысловиков, оставляли там товар в отсутствие хозяев и записывали за ними долг. Одновременно скупалась (и собиралась за прежние долги) пушнина. Кредит обычно устанавливался до декабря или до возвращения с промысла зверя. Если охотник не мог своевременно расплатиться, его долг начинал расти в геометрической прогрессии. Не заплатив долга, охотник не мог сменить своего скупщика. Собрав у охотников пушнину, скупщики сдавали ее купцу, а тот уже вступал в контакт с русскими и иноземными торговцами. Пушнина уходила из рук охотника-промысловика за бесценок, и тот оставался жить вместе со своей семьей в нищете и всем был должен – скупщикам, владельцам крупных угодий, купцам, кокам. Появилось понятие «отцовского долга» – долга дедов и отцов, который отдается сыновьями и внуками до тех пор, пока не будет выплачен полностью. Знать имела «работников» из числа неоплатных должников [6]. Эта схема угнетения селькупов собственной знатью сложилась еще до завоевания русскими Сибири. Хлеб в ней вместе с другими товарами, приобретаемыми в обмен на пушнину, играл роль наживки, привлекавшей к себе жертву, в чем автору видится второй исторический контекст хлеба.

После того как селькупы были завоеваны казаками и вошли в состав русского государства (в конце XVI в.), хлеб сохранил эту функцию. Характерно, что, комментируя исторический факт убийства селькупами одного из своих же богатырей / князцов, выступившего против русских завоевателей, информанты Г.И. Пелих говорили, что «царя убили селькупы за сладости» [6. С. 33]. П. Третьяков пишет, что инородцы Туруханского края разбирают магазинный хлеб «как лакомство» [1. С. 231]. У тазовских селькупов был записан фольклорный текст, в котором рассказывается, что когда селькупы впервые попробовали русский хлеб, вкус его им очень понравился. Они убили богатыря – главу своего рода / племени, который видел в употреблении хлеба его соплеменниками опасность порабощения русскими.

Целое войско селькупов было у Пальны. Жили они также в лесу, вели войну. Однажды один человек ездил в поселок и привез оттуда хлеб. А до этого они ничего не знали про хлеб и даже не знали, съедобное это или нет. И собрались всем стойбищем решать, кому дать хлеб испробовать.

Была у них старая бабка, решили ей дать хлеб на пробу. Ест бабка, а они все ее спрашивают: «Как, можно это есть или нет?». А она им отвечает: «Это самая хорошая еда». А их начальник – Пальна – им не разрешал ездить в поселок и что-то брать. И начали думать, как Пальну убить. И был у них в имении старый старик, и пошли они все к нему за советом.

Старик им сказал: «Чтобы его убить, надо взять его нож, намазать собачьим дерьмом и этим только убить его, когда он будет спать. А больше его нечем убить».

Так и сделали, убили его таким способом. А Пальна когда умирал, сказал им такие слова: «Вы меня сейчас убили, отныне вы будете жить очень трудно, собачий узел будете развязывать зубами». И с этими словами Пальна умер. И с тех пор селькупы стали покупать товар у русских [9][1].

Данные материалы позволяют считать, что хлеб был одним из инструментов эксплуатации и колонизации селькупов. Завоевавшее селькупов русское государство разрушило складывающуюся военно-потестарную систему селькупских коков, но оставило прежней систему угнетения народа, дополнив ее двумя компонентами. Налог – ясак – селькупы теперь платили русскому царю, и селькупского охотника-промысловика кроме родных князцов и торговцев теперь обманывали и обирали русские купцы, русская администрация и церковь. Установившийся порядок сохранялся в период с XVII в. (окончание пушного бума на нем как-то особенно не отразилось) и до начала XX в., включая первое десятилетие советской власти. В этот период исторический контекст хлеба как инструмента, помогавшего ставить селькупов в долговую зависимость, не менялся. Хлеб также стал играть роль маркера, определявшего степень зависимости / угнетения, материального и культурного благополучия разных групп селькупов. Причем в некоторых случаях благополучие группы складывалось из того, что русскую муку в ней не употребляли.

Идентичность системы угнетения селькупов до и после русского завоевания и бедственное положение народа подтверждается материалами, собранными в 1911–1914 гг. финским исследователем К. Доннером. Данные К. Доннера также подчеркивают историческую роль хлеба / муки в этой системе.

К. Доннер пишет, что в селах, расположенных на притоках Оби, зажиточные русские вели торговлю с живущими поблизости селькупами. Торговля заключалась в простейшем товарообмене: за пушнину, рыбу и кедровые орехи аборигены получали муку, одежду, порох, свинец, табак и водку. Пользуясь тем, что селькупы не имели представления ни о правилах торговли, ни о подлинной стоимости товара, русские продавали все дорого, так, что их прибыль достигала обычно 100% и более. Каждую весну они отправлялись вверх по течению рек туда, где жили селькупы, чтобы заключать с ними «грязные, нечестные сделки», частью которых было спаивание селькупов и их прямой обман. В результате самоед постоянно платил и все равно оставался должен [3. С. 22].

Для того чтобы выплачивать бесконечные долги, селькупы вынуждены были сдавать в аренду купцам свои рыболовные песчаные отмели, а сами летом поступали на службу к русским или рыбачили для них на своих законных территориях. Как пишет К. Доннер, некоторые селькупы, покупая русские товары, «так залазят в долги, что вынуждены и зимой продолжать рабскую службу, нанимаясь к русским батраками и кучерами» [3. С. 27].

Купцы поделили между собой семьи охотников и считали, что каждый селькуп принадлежит какому-то

определенному купцу. «Это очень похоже на отношения между хозяином и слугой, а точнее, на банальное рабство. Так искусно русским удалось с помощью займов и угроз поставить самоедов в зависимость, что бедняги не решаются нарушить закон, по которому они обязаны все добытое продать определенному лицу за любую цену. Кроме того, купцы договорились не вмешиваться в зону влияния друг друга, и самоеды знают, что они окажутся на мели, если вдруг попытаются уйти от одного русского к другому». Рабская зависимость селькупов усугублялась отсутствием торговой конкуренции [3. С. 29].

Встречи купцов со «своими» селькупами происходили не только на угодьях, но и на ярмарках, где спаивание и обман первыми последних в разы возрастали. К. Доннер пишет, что за наличные деньги весь товар продается дорого, за пушнину его отдают значительно дешевле. В его описаниях ярмарки в Напасе, проходящей ранней весной и собирающей все племя окрестных аборигенов, присутствуют селькупские князцы, они состоят на службе у русской администрации и взимают с соплеменников налоги и пошлины, вершат суд и осуществляют наказание подсудимого. Селькупы, которые не в состоянии были заплатить долги, здесь же брали у купцов кредиты. Некоторые селькупы на ярмарках пропивали или проигрывали в карты все, что привезли для продажи [3. С. 39].

Купцы организовывали свой бизнес за счет селькупов, живущих по притокам Оби и сохранивших свои угодья и традиционные промыслы. К селькупам самой Оби купцы почти не имели коммерческого интереса. Обские селькупы находились в страшной нищете, обрусели, отказались от кочевания, некоторые из них пытались держать коров и лошадей. Они злоупотребляли алкоголем, что привело их к полнейшей деградации и деморализации [3. С. 29].

По материалам П.И. Третьякова, П.Е. Островских и того же К. Доннера, схожая ситуация наблюдалась в Туруханском крае. Как пишет П.Е. Островских, остяки (селькупы) нанимались к русским косить, рыбачить, возить почту, заготавливать дрова. Селькупы работали по 12–15 часов за очень скромную плату и за содержание или за одно содержание [2. С. 162]. Ежегодно селькупы (подводчики по наряду) тянули бичевой лодку-шитик с хлебом для Яновского хлебозапасного магазина – вверх по р. Туруханн. В сентябре 1902 г. подводчики везли 5 т груза всего за 24 руб. на расстояние 250–300 км [2. С. 168]. Сотни килограммов груза возил летом на Таз тазовский диакон-катихизатор Мелентов, ведущий обширную торговлю, и селькупам приходилось тянуть огромную грузовую лодку вверх по р. Туруханн, от Туруханна перетаскивать лодку волоком на притоки р. Таз [2. С. 167].

Русские подавляли селькупов не только в сфере наемного труда, но и в торговых сделках. По сведениям П.Е. Островских, селькупы вынуждены были очень дешево продавать туруханцам рыбу, уток, гусей, лебедей, рябчиков, глухарей, куропаток и лебяжий пух. Во время сделок торговцы обманывали селькупов откровенно и грубо. Так «торговец с. Монастырского Егор Пономарев продал остяку мешок муки с двумя большими камнями на дне. Торговец из уголовных ссыльных Тагер продал остяку олово вместо свинца. Туземец увез его в лес на охоту, но пуль сделать не смог» [2. С. 172].

По свидетельству К. Доннера, енисейские купцы были «хуже всех, они каждый раз старались обмануть народ». Селькупам и тунгусам они продавали водку за 20 руб. за бутылку. Один пользующийся дурной славой купец «устраивал самые настоящие грабительские набеги, он отбирал у аборигенов силой все, что хотел, а оплату производил по своему усмотрению. Со своими должниками он обращался очень жестоко, даже выкалывал им глаза» [3. С. 81]. Ища свою выгоду и невзирая на действующий в Туруханском крае сухой закон, купцы до смерти спаивали селькупов. Многие купцы на Енисее разбогатели за счет коренного населения [3. С. 79].

В класс селькупских угнетателей входили также миссионеры. К. Доннер пишет: «Однажды миссионер решил совершить поездку по Тазу, он отдал распоряжение кочевникам, и те должны были больше месяца, отложив все свои дела, сидеть в пустынной тундре в условленном месте и ждать его. Это было самое холодное время года, запасы продовольствия заканчивались. А миссионер тем временем обнаружил другие, более выгодные, охотничьи угодья и безо всякого предупреждения, отправился туда» [3. С. 80–81].

Обман селькупов происходил и при сборе ясака: «У самоедов ежегодно забиралось огромное количество пушнины. Им говорили, что мех нужен для того, чтобы сшить шубу белому царю. Пристав объяснял самоедам, что царь такой же большой или даже больше, чем церковь в Туруханске, поэтому меха на шубу нужно так много» [3. С. 80].

По данным П.Е. Островских, с назначением в Туруханск в конце 1899 г. специального податного инспектора, в обязанности которого входило обследование экономического положения, а также защита «туземцев» от неправильных обложений и эксплуатации, многие из имевших место фактов стали проясняться. Им было произведено много расследований о ввозе спирта и водки в кочевья аборигенов, об отобрании у них за долги рыболовных сетей, оленей, об избиении аборигенов, о пользовании подводами бесплатно и для целей незаконной торговли, об обременении аборигенов подвозкой леса на церкви и часовни. Такая деятельность инспектора не понравилась нечистым на руку угнетателям аборигенного населения: «Конечно, местная администрация тотчас же направила жалобы енисейскому губернатору о присвоении инспектором функций следователя и судьи, а духовенство – своему архиерею о противодействии инспектора постройке церквей и о гонении на православие» [2. С. 173].

При таком отношении со стороны русских жизнь большинства туруханских селькупов проходила в страшной нищете. По сведениям П.И. Третьякова, за неимением теплой одежды большая часть остяков во время зимы оставалась неподвижно на одном месте, помещаясь в сырых, вонючих ямах. Ему однажды пришлось встретить трех остяцких вдов с шестью малолетними детьми, которые, «будучи нагими, со вздутыми

животами и коростами, образовавшимися на груди от постоянного пребывания близ огня, глодали ивовую кору» [1. С. 229].

П.Е. Островских, указывая на бедственное положение селькупов, приводит в пример своего знакомого – 30-летнего Алексея Тетерина. Его семья состояла из жены, троих сыновей – 10, 6 и 4 лет и девочки 3 лет. Жил он в яме в окрестностях Туруханска: «…разгреб снег и обставил стенки елками». У него была одна собака, помогающая тянуть санки со скарбом. Скарб его составляли один котел, два топора, две чашки, две парки, одна оленья постель и небольшие санки. В лесу он хранил одно ружье, одну ветку (легкую долбленую лодку) и несколько берестяных тисок (брезенты из вареной бересты). За Алексеем Тетериным числилось 160 кг хлеба в качестве недоимки, за что в дальнейшем получении хлеба ему было отказано, дети его голодали [2. С. 168–171].

Было бы неверным считать, что своим бедственным положением селькупы обязаны лишь русским колонизаторам. Среди причин селькупской нищеты старые авторы называют также непромышленные годы, когда пушной зверь мигрировал в другие районы, не было урожая кедровых орехов или же пропадала рыба из водоемов [1. С. 229; 2. С. 168–171]. Каждую весну у многих селькупов случались сезонные голодовки – когда закачивались запасы рыбы и дичи, а добыть пропитание мешало таяние снега. Разорительно действовал на селькупов обычай гостевания, согласно которому всякая селькупская семья должна была кормить приехавших родственников столько, сколько они будут гостить, и давать им еды и оленей при отъезде.

Еще одна причина селькупской бедности, слабо связанная с русским влиянием – на нее указывают многие исследователи XIX – начала XX в. – это особенности национального характера селькупов. К ним относятся «тунеядство» и «страшная лень», трактуемые исследователями как отсутствие привычки думать о завтрашнем дне, нежелание делать продовольственные запасы на зиму, любовь к свободе (возможности ехать / кочевать туда, куда хочется, а не туда, куда надо) пренебрежение к тем, кто устраивает свой быт, и, конечно же, тяга селькупов к алкоголю при отсутствии физиологической способности его нормально переваривать. «Всякий остяк выпьет всегда ровно столько, сколько умудрится достать» [5. С. 61]. Алкоголизм, как уже говорилось, вел селькупов к культурной и физической деградации, деморализации и апатии [3. С. 27, 79].

«Хлебная» заинтересованность была фактором (как было показано выше, далеко не единственным), влиявшим на селькупскую задавленность, позволявшим угнетать и обманывать селькупов. Вместе с тем наличие в рационе хлеба служило определителем селькупского благополучия. При этом не следует преувеличивать значение хлеба. Кроме него селькупы покупали у русских еще множество других товаров, игравших ту же роль, – боеприпасы, одежду, железо, сахар, масло и т.д. Но нельзя и преуменьшать значение хлеба, так как хлеб среди покупных товаров был главным (после более популярной водки) – над селькупами всегда висела угроза голода. Покупка боеприпасов, одежды и железа имела значительно меньшие объемы, чем приобретение хлеба, и эти товары не относились к товарам жизненной важности и могли «ждать» (долгое время не обновляться), заменяться традиционными вещами (например, луки использовались вместо ружей) или попросту игнорироваться (без сахара и масла селькупы легко обходились).

Если селькупы Приобья покупали хлеб преимущественно у частных торговцев, то для селькупов, проживавших на севере, в Туруханском крае, главным источником хлеба были хлебозапасные магазины. Хлебозапасные магазины или общественные склады хлеба создавались правительством на случай голода и дороговизны для ссуды или продажи по дешевой цене хлеба населению. Известно, что в 1806 г. в Туруханском крае было два хлебозапасных магазина – в Туруханске и в с. Инбацком на Енисее. Ряд голодных смертей среди тунгусов вследствие нескольких непромышленных зим побудил правительство в 1815 г. увеличить количество хлебозапасных магазинов: к 1823 г. их было уже 35 в разных концах края. По мнению П.И. Третьякова, помимо благих намерений поддержать народ, местное начальство здесь также «действовало из своих видов». Увеличением числа хлебных магазинов в них привлекалось большее число инородцев с пушниной, что было выгодно для местных властей, так как рухлядь продавалась ими на месте [1. С. 231].

На практике благим намерениям правительства в обеспечении жителей хлебом не дано было осуществиться. Отпуск в магазинах хлеба в долг привел к образованию у населения огромной недоимки. По данным П.И. Третьякова, в 1830 г. совокупный долг жителей края составлял 2 700 пудов. «Редкий инородец не имел на себе значительного долга, доходящего иногда до 600 руб.» [1. С. 229]. В 1834 г. власти края «нашли необходимым» из 34 магазинов закрыть 10.

Пытаясь разрешить проблему, государство позволило, как минимум единожды, долги не отдавать. По сведениям полковника Маслова, «начальство… в пределах, по которым протекает Енисей, улучшило состояние сих дикарей, изходатайствовав им прощение значительной денежной недоимки за получаемый ими из казны хлеб» [15. С. 512]. Интересно, что Маслов связывал «хлебный» долг населения с нечестным поведением купечества: «Причиной хлебной недоимки в казне было угнетенное положение дикарей со стороны купечества, которое прежде, насчитывая на них большие суммы при меновой торговле, закабаляло их до того, что, превращало их в своих данников» [15. С. 512].

П.И. Третьяков объясняет недоимку по-другому. По его мнению, жители, и в особенности инородцы, привыкнув к мысли, что склады хлеба учреждены для их продовольствия, брали хлеб в долг нерасчетливо. Вахтеры магазинов, не имея четких правил отпуска хлеба, делали послабления, выдавая хлеб в долг на тех инородцев, которых в действительности не было, или «злоупотребляли», приписывая лишний хлеб на должников. Взыскания за одолженный хлеб производились плохо, и часто уплата, делаемая жителем, в казну не поступала. «Уследить за вахтером, а тем более открыть его злоупотребления местному начальству, не-

редко проживающему от магазина за 500 верст и более, было совершенно невозможно» [1. С. 232].

Для сокращения недоимки в 1843 г. были введены новые правила выдачи хлеба, в частности вводились нормы отпуска хлеба: на взрослую душу можно было выдавать не более 1 пуда, а на малолетнюю душу – 20 фунтов в месяц на все время, кроме лета. В долг хлеб отпускался лишь в крайнем случае, приведшие к тому исключительные обстоятельства должны были подтверждаться обществом, в котором должник состоял, оно же обязано было поручиться за то, что должник вернет долг полностью и вовремя [1. С. 233].

Однако новое положение достигло совершенно противоположной цели и побудило жителей «прибегнуть к изворотливости». Инородец просил выдать хлеб, но вахтер не мог получить ручательство его общества, так как общество было в разброде, и никто не знал, когда оно соберется. Тогда инородец объявлял, что если он не получит хлеба немедленно, то умрет с голоду вместе с семейством, которое уже несколько дней ничего не ело. Вахтер, во избежание ответственности, решался выдать хлеб по установленным нормам. Но определение количества душ также зависело от произвола инородца. Помимо этого, инородцы перед отправлением в тайгу на промысел требовали выдачи хлеба вперед на всю зиму как единственного средства, с помощью которого можно углубиться в тайгу без опасения умереть с голода. Если требования инородцев не удовлетворялись, они начинали «бродяжничать» около магазинов, и тогда хлеб все-таки выдавался и весь оставался неоплаченным, несмотря на их ручательства друг за друга в уплате за взятый хлеб к известному сроку. «Да и к чему ведут такие ручательства, когда все общество состоит пред казной в неоплатном долгу» [1. С. 234–235].

П.И. Третьяков предлагает прекратить снабжение жителей казенным хлебом, предоставив им самим находить средства для его покупки у торгующих мукой крестьян, при этом хлебные долги простить. «Если в настоящее время, по случаю задолжений, инородец таится открыто покупать на рухлядь частный хлеб из боязни, чтобы подвернувшийся вахтер не отобрал его рухлядь в казну, то с уничтожением опеки и самих долгов инородец будет покупать хлеб открыто, и всякий из торговцев, зная это, охотно повезет к ним хлеб» [1. С. 235]. По мнению П.И. Третьякова, с ликвидацией правительственной опеки в снабжении жителей хлебом и особенно с прекращением взыскания старых долгов исчезнет натянутость отношений жителей и правительства: «…ибо неизвестность к количеству состоящего на них долга и способов взыскания такового убивает в человеке всякое желание к упрочению своего домохозяйства» [1. С. 236].

Мнение П.И. Третьякова, по-видимому, властью услышано не было, так как почти 30 лет спустя П.Е. Островских фиксирует в Туруханском крае ту же самую ситуацию. Он пишет, что за баишинскими остяками числилось до 4 т хлебной недоимки. Туруханский отдельный пристав, ведавший казенными хлебными запасами, «уже много раз растолковывал остякам, что за ними недоимка состоит уже 2 года, что князь (родовой инородческий старшина) ее не собирает, что он не может по закону недоимочному обществу еще давать ссуду», и поручительство старосты ему не нужно [2. С. 170]. За знакомыми П.Е. Островских остяками Алексеем Тетериным и Иваном Кусаминым числилось хлебного долга 160 и 192 кг соответственно, но они думали, что это задолжали их однофамильцы, а они хотя и брали хлеб в прошлом году, но уже все отдали, купив его на торговом пароходе. П.Е. Островских допускает, что так оно и было, а пристав, возможно, получил от своего письмоводителя неверную справку о том, что за этими остяками имеется недоимка [2. С. 170].

Хлебозапасные магазины сохранялись в Туруханском крае и во время поездки К. Доннера; он отмечает, что из-за неурожайного во всех отношениях года хлеб весь раскупили, склады пустуют, новый подвезти зимой невозможно, цена на муку поднялась [3. С. 79], т.е. спустя еще десяток лет магазины также не справлялись со своими обязанностями.

Известные хлебозапасные магазины этого времени, доступные селькупам Туруханского края, кроме Туруханска, находились в местечке Янов Стан в верховьях Турухана, на Тазе в районе Сидоровской пристани и в с. Инбацкое на Енисее, в последний магазин выходили селькупы верховьев Таза [7].

Таким образом, хлебозапасные магазины – заметная часть селькупской «хлебной» истории и отдельный исторический контекст селькупского хлеба. Казенный хлеб выступает средством, способствующим росту селькупского обнищания и задавленности. Субъектом этого средства были корыстные государственные служащие, которых можно добавить в список селькупских эксплуататоров.

Не все селькупы, проживавшие в Туруханском крае, как уже упоминалось, покупали хлеб в хлебозапасных магазинах. Например, для некоторых групп тазовских селькупов ближе была ярмарка в с. Ларьяк, где торговля велась купцами. По отношению к остякам купцы здесь были такими же мироедами, как и всюду, они имели «своих» клиентов, привязанных к ним огромными долгами, продавали товары по завышенным ценам, обманывали, спаивали остяков и т.д. (см.: [3. С. 106; 5].

Наблюдая за работой ларьякской ярмарки, В.Н. Скалон провел анализ классового состава селькупского общества и выделил в нем прослойку эксплуататоров бедняцкой части населения – кулаков, или, как он их назвал, магнатов. Кулаки приезжали на ярмарку с пушниной для обмена / продажи и караванами из нескольких десятков порожних нарт и приобретали огромное количество товаров, чтобы затем, вернувшись в свою глушь, продать их соплеменникам по другим, более высоким ценам (в пушном эквиваленте). Большей части селькупской бедноты ярмарка была недоступна из-за отсутствия у них оленей, на которых можно было туда доехать. Олени были основным капиталом кулаков. Прикрываясь родовыми традициями взаимопомощи и укоренившимся недоверием к русским, кулаки угнетали своих «родственников» – давали им в долг оленей и «деньги» (пушнину), чтобы получить его

потом с процентами или в виде отработки. «Трудно найти местного жителя, который не имел бы долга Шатину» [5. С. 59]. Вот характерный пример из работы В.Н. Скалона: «Старый Наумка запуган до того, что даже окрик своего брата-бедняка заставляет его пугливо вздрогнуть. Он привык к несправедливостям… Дома мерзнет жена, ребятишки, сколько муки и масла привезет им Наум. Прошлую зиму Наум голодал. Он хороший промышленник, но ревматизм приковал его к грязной постели дырявого чума. Старуха пошла… Куда же больше – к Антошке. Тот дал важенку с теленком, которых съела бедная семья. За это Антон взял с Наумки две выдры за важенку и 30 белок за теленка, а обоим красная цена – 50 рублей. Только за наем оленей для проезда бедняка до фактории Антошка берет 20 белок, т.е. больше половины действительной стоимости одного оленя» [5. С. 60]. То есть угнетатели народа из его же среды с завоеванием селькупов русскими никуда не исчезли, они «прошли» со своим народом весь путь, начиная от времени развития пушной торговли и до первых лет советской власти. Селькупам приходилось все это время терпеть тройной гнет – своих «лучших» людей, русских торговцев и государственных чиновников.

Описания селькупской бедности В.Н. Скалона созвучны описаниям П.И. Третьякова и П.Е. Островских: «Самым северным пунктом нашего пути был чум оседлого поневоле остяка-самоеда... Не имея оленин даже на одежду, он построил свой чум из деревянных плах, покрыл берестой и завалил снегом. Нас встретила целая толпа народа. Мы не могли понять, откуда они могли взяться. Ведь перед нами был только один крохотный чум, напоминающий сугроб снега. Входим. Кругом у стен взрослые, впереди молодежь, ближе к очагу – дети, а у очага и дверей – собаки. Утвари буквально никакой. Какие-то отрепья. Оружие – жалкие обломки допотопных “фузей”. Одежда – лохмотья, купленные готовыми русские пиджаки и полушубки. Постели – сухая трава. Вот они, Антошкины клиенты. Их несчастные 5–7 оленей не донесут их за сотни верст в факторию. Только и свет в глазу – чумы “благодетеля”. У бедняков – ни муки, ни хлеба. Еда одна – только порса. Чай – брусничные листья. Даже табаку не было ни крошки. А ведь они бьют и белок, и песцов, так где же этот заработок? Тяжелая картина» [5. С. 62].

Наличие хлеба на селькупском столе, как уже говорилось, – мерка, исследовательский показатель, которым определяется степень селькупского благополучия. Но для разных групп селькупов оценочные подходы будут разными. Благополучной в плане достатка может считаться селькупская семья, у которой в рационе постоянно были хлеб, рыба и мясо, – тогда семья эта полноценно питалась. Судя по имеющимся материалам, такие семьи (обязательно с удачливыми рыбаками-охотниками в составе), по-видимому, были среди тымских, кетских, томских, а также верхнетазовских селькупов. Неблагополучными нужно считать нищих обских и туруханских селькупов, которые хоть и привыкли к хлебу, но при этом регулярно голодали, хлеб и другие продукты появлялись на их столе лишь эпизодически. Старые авторы объясняют нищету этих селькупов тем, что они проживали рядом с русскими и испытывали с их стороны самый сильный гнет.

В третью категорию следует выделить селькупов среднего и частично верхнего Таза, которые, как и многие другие народы севера Туруханского края, вообще обходились без хлеба, хлеб они воспринимали как лакомство [1. С. 231]. О тазовских самоедах К. Доннер пишет: «К хлебу аборигены не приучены: мука здесь большая редкость… в основном аборигены живут рыбой и мясом… Я установил общую закономерность: самоеды, живущие здесь, очень мало контактировали с русскими, но живут они значительно лучше своих южных сородичей. Благодаря тому, что они не имели дел с русскими торговцами, их экономическое положение, за небольшим исключением, можно считать вполне удовлетворительным. Относительный достаток, отсутствие долгов дают им надежду пережить трудные времена эпидемии чумы. Они здоровы физически, и число детей в каждом жилище говорит о надежном продолжении рода. Болезни здесь встречаются редко» [3. С. 95]. (Хотя и у тазовских селькупов благополучие относительное – тому же К. Доннеру принадлежит замечание: «В то время, когда я прибыл на Таз, нужда здесь достигла предела» [3. С. 94].)

Есть еще одно характерное высказывание, на этот раз В.Н. Скалона, об отношении к хлебу тазовских остяков: «Не знает остяк меры, ему незнаком расчет. И тароват, и гостеприимен бесконечно. Счастливец, удачник этого года, закупает без счета конфеты и пряники, сушку, масло и крупчатку. Приедет домой, сложит в юрте. И всякий прохожий, случайный гость будет есть до отвала, макая пряники в масло, заедая конфеты рыбьим жиром. В недели съестся то, чего хватило бы на год, сядет вся семья на щучью порсу (муку из сушеной рыбы)» [5. С. 57]. Высказывание подтверждает, что даже удачливые тазовские охотники употребляли хлеб не более одного раза в год, так как не умели делать хлебные запасы и экономить.

С укреплением в Сибири советской власти ситуация с хлебом у селькупов стала меняться. Новая власть освободила коренное население Севера от уплаты налогов (ясака), упразднила все его долги и увеличила количество факторий, где продавался хлеб. В 1921–1922 гг. Енисейским губернским союзом кооперативов была проведена кампания по снабжению туруханских племен продовольствием. Базами проведения кампании стали фактории, куда Губсоюзом были завезены продовольственные пайки на каждого едока [16. С. 72]. Прежнее социально-экономическое положение продолжало сохраняться в тундре еще в течение ряда лет, о чем свидетельствуют рассмотренные выше материалы В.Н. Скалона – они относятся ко второй половине 1920-х гг. Советская система снабжения кочующего населения хлебом через фактории, а затем и через поселковую торговлю решила хлебную (равно продовольственную) проблему у селькупов к началу 1940-х гг. [8]. Изучение вопросов хлеба в дальнейший период селькупской истории будет лежать уже, скорее, не в исторической, а социологической и культурологической плоскостях.

Итак, в результате исследования были выявлены и описаны следующие исторические контексты селькуп-

ского хлеба. Хлеб был знаком еще праселькупским и ранним селькупским общностям, занимавшимся земледелием. С развитием в Западной Сибири пушной торговли земледелие было забыто, и селькупы стали покупать хлеб у русских и иностранных купцов в обмен на пушнину. В это время в недрах селькупской общности происходит развитие социальной дифференциации: выделяются социальные прослойки князцов / богатырей, владельцев крупных земельных угодий и торговцев, которые ставят в зависимость от себя простых рыбаков-охотников. Охотники платят налог пушниной князцам, за плату пользуются промысловыми угодьями крупных землевладельцев и покупают по завышенным ценам привозные товары у купцов, оставаясь перед всеми ними в вечном долгу. Все три группы знати пользуются трудом работников-должников. Хлеб как один из жизненно необходимых товаров играет роль инструмента порабощения. Селькупский народ живет в нищете, хлебом питается нерегулярно. С русским завоеванием Сибири власть селькупской знати ослабевает, но эксплуатация простого селькупа-охотника только усиливается: теперь кроме своей знати его обманывают и угнетают русские купцы, чиновники и священнослужители, селькупы в этот период также бедствуют и голодают. Такое положение сохраняется до первых лет советской власти. В особый исторический контекст селькупского хлеба были выделены государственные хлебозапасные магазины, так и не сумевшие помочь селькупам решить продовольственную проблему. Кроме социального угнетения виновниками бедственного положения селькупов были капризы природы и особенности селькупского национального характера. Хлеб служит индикатором, измеряющим уровень благосостояния селькупов.

Примечание

[1] Существуют также свидетельства первоначального неприятия селькупами русского хлеба; в частности, об этом упоминает Н.Г. Спафарий [14]. В приведенном фольклорном тексте такое отношение селькупов к хлебу «выражает» герой Пальма.

Список источников

1. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова, 1871. 316 с.
2. Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7-8. С. 161–181.
3. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск : Ветер. 2008. 176 с.
4. Скалон В.Н. В Тундре Верхнего Таза (фактические данные о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 129–139.
5. Скалон В.Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 57–62.
6. Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: очерки социально-экономической истории. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 1981. 177 с.
7. Степанова О.Б. К истории антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Туруханa (XVII – начало XX вв.) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 16–28.
8. Степанова О.Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Туруханa // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 91–100.
9. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Часть II // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб. : МАЭ РАН, 2017. Вып. 17. С. 37–67.
10. Goody J. Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. viii, 253 p.
11. Mintz S. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. New York : Penguin, 1985. xxx, 274 p.
12. Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering Strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste // Current Anthropology. 2014. Vol. 55, № 5. P. 619–646.
13. Васильев В.И. Основные этапы этнической истории. Селькупы // Народы Западной Сибири. М. : Наука, 2005. С. 311–316.
14. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Земля Верхнекетская. Томск : Том. гос. ун-т, 1997. С. 239–256.
15. Маслов [А.П.]. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. 1833. № 9. С. 506–523.
16. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск : Изд. Сибревкома, 1925. 101 с.

References

1. Tretyakov, P.I. (1871) *Turukhanskiy kray, ego priroda i zhiteli* [Turukhansky region, its nature and inhabitants]. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova.
2. Ostrovskikh, P.E. (1931) Baishenskie “ostyaki” (ostyako-samoedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen “Ostyaks” (Ostyak-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the 19th century]. *Sovetskiy Sever*. 7-8. pp. 161–181.
3. Donner, K. (2008) *U samoedov v Sibiri* [Among the Samoyeds in Siberia]. Tomsk: Veter.
4. Skalon, V.N. (1930) V Tundre Verkhnego Taza (fakticheskie dannye o klassovom rassloenii) [In the Tundra of the Upper Taz (factual data on class stratification)]. *Sovetskiy Sever*. 3. pp. 129–139.
5. Skalon, V.N. (1929) Magnaty Severa [Magnates of the North]. *Okhotnik i rybak Sibiri*. 2. pp. 57–62.
6. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII v.: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Selkups of the 17th century: essays on socio-economic history]. Novosibirsk: Nauka.
7. Stepanova, O.B. (2018a) K istorii antropogennogo landshafta basseynov Taza i Turukhana (XVII – nachalo XX vv.) [On the history of the anthropogenic landscape of the Taz and Turukhan basins (17th – early 20th centuries)]. *Kunstkamera*. 1. pp. 16–28.
8. Stepanova, O.B. (2018b) Krasnye sel'kupy: revolyutsionnye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Red Selkups: revolutionary transformations among the population of Taz and Turukhan]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1(58). pp. 91–100.
9. Stepanova, O.B. (2017) Fol'klor severnykh sel'kupov (polevye sbory 2004, 2005, 2008 gg.). Chast' II [Folklore of the northern Selkups (field collections 2004, 2005, 2008). Part II]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*. 17. pp. 37–67.
10. Goody, J. (1982) *Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Mintz, S. (1985) *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York: Penguin.
12. Yamin-Pasternak, S., Kliskey, A., Alessa, L., Pasternak, I. & Schweitzer, P. (2014) The Rotten Renaissance in the Bering Strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste. *Current Anthropology*. 55(5). pp. 619–646.
13. Vasiliev, V.I. (2005) Osnovnye etapy etnicheskoy istorii. Sel'kupy [Main stages of ethnic history. Selkups]. In: Gemuev, I.N., Molodin, V.I. & Sokolova, Z.P. (eds) *Narody Zapadnoy Sibiri* [Peoples of Western Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 311–316.

14. Spafariy, N.G. (1997) Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya* [Verkhneketskaya Land]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 239–256.
15. Maslov, [A.P.] (1833) Brodyashchie narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Eniseyskoy gubernii [Wandering peoples of the Turukhansk region. Excerpt from statistical notes of the Yenisei province]. *Zavolzhskiy muravey*. 9. pp. 506–523.
16. Dobrova-Yadrintseva, L.N. (1925) *Tuzemtsy Turukhanskogo kraya* [Natives of the Turukhansk region]. Novonikolaevsk: Sibrevkom.

***Сведения об авторе*:**
Степанова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Сибири Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: stepanova67@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Stepanova Olga B. – Candidate of Science in History, Senior Researcher at the Department of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: stepanova67@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2020; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 02.07.2020; accepted for publication 03.10.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 001.62(091)
doi: 10.17223/19988613/85/24

Развитие интеллектуального и научно-технического капитала академической науки Томской области в 2002–2005 гг.

Максим Владимирович Сырямкин

Томский государственный университет, Томск, Россия, msyryamkin@yandex.ru

Аннотация. Затрагиваются и освещаются вопросы, связанные с трансформацией и развитием академических научно-исследовательских учреждений Сибирского отделения Российской Академии наук в г. Томске с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Рассматриваются процессы взаимодействия науки с производством, построения инновационной инфраструктуры, особенности трансфера технологий и волны «интеллектуальной миграции» данного периода.
Ключевые слова: история науки и образования, Томский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук, научно-исследовательские учреждения, кадровый потенциал

Для цитирования: Сырямкин М.В. Развитие интеллектуального и научно-технического капитала академической науки Томской области в 2002–2005 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 192–201. doi: 10.17223/19988613/85/24

Original article

Development of intellectual and scientific-technical capital of academic science of the Tomsk region in 2002–2005

Maxim V. Syryamkin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, msyryamkin@yandex.ru

Abstract. In the article the problems connected with the transformation and development of the scientific research institutions of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Tomsk from the beginning of the 1990's to the beginning of the 2000's are considered and highlighted.

The author analyzes the materials of the archive of the Presidium of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as uses a number of periodical publications of the Tomsk Oblast and reporting materials of local authorities in order to determine the peculiarities of the development of academic science in Tomsk.

According to the author, in the period from the beginning of the 1990s to the beginning of the 2000s the development process of the Tomsk scientific center of RAS was characterized by an active search for new forms of interaction between scientific institutions and the real sector of the economy. This stage can be described as a period of survival and adaptation of the scientific community to the changing conditions, as well as intensification of the search for various forms of cooperation and communication both within the scientific center itself and with external partners. The study of dynamics of various processes taking place in and around Tomsk scientific center allows to estimate their influence on formation and development of intellectual and scientific-technical capital of academic science of Tomsk Oblast.

The author considers the process of interaction between science and production, building of innovation infrastructure, peculiarities of technology transfer and waves of "intellectual migration" of this period.

The research allows to draw conclusions that the attempt to create effective interaction between science and production, as well as between education and production through innovation infrastructure did not give tangible results, but allowed some part of the departments of the institutions to commercialize the results of their activities through the creation of small-scale enterprises, sometimes through joint small businesses, both with foreign companies, and with domestic companies and organizations through organizations by the implementation of research and development work, the custom developments. These processes have led to the migration of human intellectual capital, as well as scientific and technical potential, including technology transfer and mass intellectual migration from science and education to the real sector of

© М.В. Сырямкин, 2023

the economy. Many researchers stayed in the industries they moved to, and most of them did not return to the scientific sphere, which had a negative impact on the scientific and technological development not only in Tomsk Oblast, but in the whole country.

Keywords: history of science and education, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, research institutions, human resources

For citation: Syryamkin, M.V. (2023) Development of intellectual and scientific-technical capital of academic science of the Tomsk region in 2002–2005. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 192–201. doi: 10.17223/19988613/85/24

Обращение к теме интеллектуального и научно-технического капитала академической науки в настоящее время представляет несомненный интерес. Во-первых, после распада СССР вопрос взаимодействия между наукой, образованием и производством стал значительно сложнее, и если во взаимодействии между первыми двумя существовали и существуют положительные результаты, то во взаимодействии науки с производством и образования с производством отсутствовало и отсутствует эффективное сотрудничество.

С быстрым развитием технологий в 1990-х гг. были предприняты слабые и малорезультативные попытки установить деятельные связи между этими областями через инновационную инфраструктуру, которая должна была служить мостом между теоретическим и практическим применением научных знаний, разработкой новых технологий и практическими решениями, необходимыми промышленности. Данный аспект не потерял своей актуальности и сегодня.

Во-вторых, в результате разрушения Советского Союза и значительного ослабления роли государственного регулирования увеличилась степень свободы научных и образовательных организаций, что способствовало мощной волне трансфера технологий, уровень которой недостижим в настоящем. С укреплением государства наблюдались эрозия свободы таких организаций и переход к централизованному контролю над принятием решений в различных аспектах их деятельности.

В-третьих, с начала 1990-х гг. одним из способов развития взаимодействия между наукой, образованием и промышленностью являлось привлечение специалистов, обладающих знаниями и опытом применения определенной технологии. Эти эксперты служили проводниками между различными сферами, способствуя улучшению коммуникации и сотрудничества, обмену знаниями и ресурсами, а также выявлению и совместному решению ключевых проблем. Данная волна «интеллектуальной миграции» обрушилась на учреждения ТНЦ СО РАН, что проявилось в деятельном сотрудничестве институтов с малыми и средними предприятиями и отдельными департаментами крупных предприятий, – множество сотрудников институтов вынуждены были или уменьшать продолжительность рабочего времени, или увольняться, оставляя тесные связи с бывшими коллегами.

В-четвертых, благодаря такой форме взаимодействия между наукой, образованием и промышленностью происходил как официально оформленный трансфер технологий, так и незаконный через присвоение частными организациями интеллектуальной собственности научно-исследовательских институтов.

Отдельным аспектом необходимо указать взаимодействие научно-исследовательских организаций ТНЦ СО РАН с зарубежными компаниями и научными организациями в фундаментальных и прикладных исследованиях. В рамках этого взаимодействия выполнялись научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые в разных формах отражены в источниках: в передаче интеллектуальной собственности, в передаче образцов приборов, отчетов об испытаниях и исследованиях, в совместных статьях.

Все вышеуказанные положения не утратили своей актуальности и по-прежнему являются основными аспектами, которые будут определять дальнейшее научно-техническое и инновационное развитие не только Томской области, но и России в целом.

До 1990-х гг. ведущими специалистами по исследованию истории науки в Сибири были ученые из Новосибирска: основатель школы профессор В.Л. Соскин и профессора Е.Г. Водичев, В.И. Исаев, С.А. Красильников, М.В. Шиловский. В рамках их работ велось изучение истории развития научных учреждений, вузов и высшей школы на территории Сибири в советский период.

Однако с конца 1990-х гг. преуспели в данной области исторической науки томские ученые под руководством профессора С.Ф. Фоминых. Благодаря усилиям С.А. Некрылова, М.В. Грибовского, Д.В. Хаминова, А.Г. Костерева и других исследователей томская научная школа сделала заметный вклад в разработку проблем истории науки и высшего образования в Сибири.

К вопросам изучения научных организаций и вузов советского периода обращались и исследователи под руководством профессора М.С. Кузнецова (В.В. Петрик, Д.М. Матвеев).

Необходимо отметить исследования современного периода истории научных и образовательных учреждений Сибири, биографий ученых – организаторов науки и роли академических учреждений в развитии экономического потенциала регионов Сибири представителя упомянутой ранее новосибирской школы Н.А. Куперштох.

В период с начала 1990-х до начала 2000-х гг. процесс развития Томского научного центра СО РАН характеризовался активным поиском новых форм взаимодействия научных институтов с реальным сектором экономики. Этот этап может быть описан как фаза выживания и адаптации научного сообщества к изменяющимся условиям, а также усиления поиска разнообразных форм сотрудничества и коммуникации как внутри самого научного центра, так и с внешними партнерами. Изучение динамики различных процес-

сов, происходящих внутри и вокруг Томского научного центра, позволяет оценить их влияние на формирование и развитие интеллектуального и научно-технического капитала академической науки региона Томской области.

На протяжении советской истории академическая наука играла решающую роль в научно-техническом развитии как части государственной политики. В связи с этим в разных региональных центрах были созданы филиалы Академии наук СССР для содействия постоянным научным исследованиям, которые были весьма эффективны в течение длительного периода. К сожалению, в 90–х гг. XX в. государственная поддержка науки, образования и культуры ослабла. Несмотря на это, Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук продолжал работу по своим направлениям исследований, которые представляли интерес в рамках всей страны и региона. Это высокотемпературные и быстропротекающие процессы в химии и материаловедении, оптика атмосферы, спектроскопия, сильноточная электроника, мощная импульсная энергетика, мощная релятивистская СВЧ-электроника, физическая мезомеханика материалов, климатоэкологический мониторинг, химия нефти, исследование нефтяных систем и разработка экологически безопасных методов добычи, структурная динамика вещества, сибирская гидрогеохимия и др. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. перед ТНЦ СО РАН стояли многочисленные задачи по проведению научных исследований, внедрению научных разработок в производство, организационному, методическому и информационному обеспечению деятельности научных организаций, а также по подготовке научных кадров.

Учитывая определенную специфику развития Томского научного центра, необходимо понимать, что к концу 1990-х гг. региональный научный центр начал активно занимать место уходящих отраслевых институтов. Таким образом, во-первых, фундаментальная наука постепенно уходила на второй план относительно прикладных исследований. Во-вторых, в этот период для научно-исследовательских институтов стало характерным сотрудничество с частными и государственными компаниями по коммерческим проектам. Это позволяло получать финансирование на внутренние цели и развивать фундаментальные исследования, частично или полностью связанные с основными коммерческими прикладными проектами. Кроме того, были реализованы опытные проекты по коммерциализации разработок, которые принесли институтам Томского научного центра определенный доход. Важно отметить, что плотное сотрудничество между научными институтами и частными компаниями зачастую не позволяло им четко разграничить своих сотрудников: многие сотрудники совмещали работу в научных лабораториях института с отделами разработки некоторых компаний. Из этого следует, что в тот период в регионе существовала определенная степень свободы в проведении научных исследований и их коммерциализации, и это отразилось на уникальности инновационного развития Томской области.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук был одним из крупнейших научных центров России. В состав ТНЦ СО РАН входили: Институт оптики атмосферы; Институт мониторинга климатических и экологических систем (до 2004 г. Институт оптического мониторинга ИОМ СО РАН); Институт сильноточной электроники; Институт химии нефти; Институт физики прочности и материаловедения; Конструкторско-технологический центр ТНЦ СО РАН; Томский филиал Института геологии нефти и газа; Президиум, включавший в себя отдел структурной макрокинетики, отдел проблем информатизации, международный исследовательский центр по физике окружающей среды и экологии, лабораторию региональной экономики ИЭОПП СО РАН [1. С. 2]. До 2005 г. в составе ТНЦ находился филиал Института леса им. В.Н. Сукачева.

19 декабря 1987 г. начал свою работу «Зонд–НТЦ» (научно-технический центр), учредителями которого стали ИМКЭС СО РАН – 8%, ИОА СО РАН – 12% и ООО «МНПО–ЗОНД» – 80%. Он занимался организацией использования в производстве новой техники, материалов и технологий, сотрудничал с институтами на основе хозяйственных договоров. В 2002 г. ООО «Зонд–НТЦ», а также ИОА СО РАН и ИМКЭС СО РАН учредили «Международное научно-производственное объединение ЗОНД», занимавшееся созданием и производством оптико-электронных комплексов [1. С. 7]. Институты ТНЦ (ИМКЭС СО РАН и ИХН СО РАН) совместно с ТГУ, ТУСУРом и Дирекцией Томской ассоциации научно-образовательных учреждений «МНОЦ» в 2002 г. учредили Некоммерческое партнерство «Сибирский центр климато-экологических исследований и образования», открытый для научно-исследовательской работы, организации, подготовки и выполнения совместных научных и научно-образовательных проектов в области климато-экологических исследований в Сибири, международных конференций и школ. Для данных направлений привлекались сотрудники институтов [1. С. 7].

В 1991 г. институты ТНЦ СО РАН (ИФПМ СО РАН, ИСЭ СО РАН, ИХН СО РАН, КТЦ ТНЦ СО РАН), томские вузы (ТГУ, ТПУ, ТУСУР, ТГАСУ) и Омский государственный технический университет учредили Ассоциацию учебно-научных организаций «Российский материаловедческий центр» (АУНО «РосМЦ»), под руководством В.Е. Панина. Центр занимался реализацией инновационных программ (федеральных, региональных), организацией и выпуском наукоемкой продукции, привлечением сотрудников институтов к выполнению федеральных и региональных программ [1. С. 7]. АУНО «РосМЦ» разработал свою конструкцию инфракрасного газового обогревателя малой (5–40 кВт) и большой (до 500 кВт) мощности с КПД 95% на природном и сжиженном газе, получил лицензию на серийное производство и апробировал инфракрасный газовый обогреватель в теплицах овощеводческого хозяйства «Томь». Основными потребителями являлись тепличные хозяйства, животноводческие комплексы, птицефабрики, промышленные предприятия (обогрев цехов, складских помещений), производства, где применялась технологическая сушка, частные потребители [2. С. 10].

Основные направления научной деятельности Института оптики атмосферы (ИОА) СО РАН, отделения океанологии, физики атмосферы и географии РАН утверждались Постановлением Президиума ТНЦ СО РАН от 15 ноября 2001 г. [3]. Это атмосферная оптика и спектроскопия, распространение оптического излучения в атмосфере, исследование процессов, определяющих оптическое состояние атмосферы, оптико-электронные системы и технологии исследования окружающей среды [1. С. 2]. До 2001 г. в структуру института входил Конструкторско-технологический институт «Оптика» (КТИ), возглавляемый М.В. Кабановым, позже ставший конструкторско-технологической лабораторией [4. С. 54].

В ИОА СО РАН работало отделение спектроскопии, одним из направлений деятельности которого было исследование веществ с помощью жидкостных и газовых анализаторов. Спектроскопические методы позволяли с очень большой точностью проанализировать химический состав атмосферы, что существенно облегчало как экологические исследования, так и процесс разведки полезных ископаемых, контроль за разрывами нефтяных и газовых труб. Необходимо отметить, что институтом активно велась работа над внедрением спектроскопических методов в медицину. Исследования показали перспективность их применения для ранней диагностики пораженных тканей, а также других заболеваний. Так, была разработана методика использования спектра в виде некоего образа, без подробной детализации всех содержащихся в веществе компонентов, что позволило вести работы над построением спектральных образов, отвечающих различным болезням. При их использовании диагноз новых пациентов уточнялся в течение минуты [5. С. 8].

Другим направлением, где применялись спектроскопические методы, была химия. Например, используя образ при анализе бензина, решалась практическая задача определения на таможне автомобилей с разным октановым числом (на которые действовали разные пошлины). Также была разработана технология быстрого определения любого фальсифицированного продукта путем сравнения интересующей пробы с эталоном – образцом качественного продукта [5. С. 8].

В 2004 г. совместно с университетом г. Рединга и Rutherford Appleton Laboratory (Англия) впервые в лабораторных условиях, близких к атмосферным, в полосе поглощения водяного пара 5 000–5 600 $см^{-1}$ зарегистрировали неселективное остаточное поглощение, аналогичное предсказываемому теорией диаметров воды. Результатами экспериментальных и теоретических исследований было установлено сохранение линейного режима пропускания атмосферного аэрозоля для мощных фемтосекундных импульсов.

Сибирский центр климато-экологических исследований и образования активно участвовал в международной программе IGBP, координирующей геосферно-биосферные исследования в мире. Реализовывались проекты по анализу и контролю экосистемы Васюганского болота [6. С. 102].

ИОА СО РАН в рамках договора о совместной деятельности с 23 ноября 2003 г. тесно сотрудничал с ЗАО НВП «ТОПАЗ» в области лазерных технологических систем. Проводились совместные НИОКР по лазерам на парах бромида меди для технологических применений и технологическим системам, лазерным системам с пространственным управлением пучком, лазерному комплексу УФ-излучения для сверхточной обработки [1. С. 9].

Созданием методов и средств лазерного зондирования атмосферы занималась лаборатория оптического зондирования атмосферы (ЛОЗА) под руководством директора института, доктора физико-математических наук Г.Г. Матвиенко. Лидары (лазерные локаторы) позволяли дистанционно определять профили атмосферных параметров и концентрации веществ в атмосфере с высоким пространственным разрешением, которое нельзя получить с помощью других методов. В институте были разработаны лидары различного целевого назначения: например, мобильные лидары, служащие для отслеживания температуры, влажности, скорости и направления ветра, элементного состава воздуха и аэрозоля [5. С. 8].

Основными направлениями научной и научно-технологической деятельности Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС ТНЦ СО РАН) являлись научные и технологические основы мониторинга, моделирования и прогнозирования климатических и экосистемных изменений под воздействием природных и антропогенных факторов [1. С. 2].

В 2003 г. Институт мониторинга климатических и экологических систем совместно с ООО «Сибаналитприбор» разработал газоанализатор ДОГ-1 (позже ДОГ-4). Использование метода дифференциального поглощения в УФ-области спектра в сочетании с оригинальным устройством сканирования обеспечивало долговременную и надежную работу газоанализатора ДОГ-4. Разработка позволяла осуществлять объективный экологический контроль объема реальных выбросов в атмосферу оксидов азота и серы, производя оптимизацию процесса сжигания топлива в топливосжигающих установках [7. С. 40–41]. Параллельно с этим совместно с ООО «Сибаналитприбор» осуществлялись разработка и производство автономных метеокомплексов АМК и БМК, радиошумового комплекса геодинамического мониторинга и гефизической разведки РК-01, а также другой радиоэлектронной аппаратуры на основе новых научных разработок [1. С. 9]. Изготовленные газоанализаторы ДОГ-1 поставлялись в Тобольск, а подготовленный по контракту автономный метеокомплекс АМК-01 – в КНР [8. С. 8].

По направлению диагностики технического состояния и ремонта мостов на автомобильных дорогах ИМКЭС СО РАН сотрудничал с научно-внедренческим ремонтно-строительным предприятием (НВРСП) ООО «РЕМО». Разрабатывались и изготовлялись макетные образцы новой техники для диагностики технического состояния искусственных сооружений на автомобильных дорогах, приборы «Фаза» и «Прочность» [1. С. 9]. Предложенные опытные образцы аппаратуры позволяли производить непрерывные наблюдения за процессом работы сооружения при испытании и визуально на мониторе отслеживать характер

деформаций. Многоканальная измерительная система вертикальных перемещений «Фаза» и методика экспресс-диагностики технического состояния искусственных сооружений на автомобильных дорогах предназначались для измерения, оцифровки и хранения в электронной форме параметров прогибов и колебаний пролетных строений в 10 точках конструкции, а программное обеспечение позволяло рассчитать динамические характеристики и грузоподъемность автодорожных мостов [7. С. 19–21]. В это же время прошла успешные лабораторные испытания многоканальная измерительная система деформаций верха опор при горизонтальной недвижке пролетных строений мостов [8. С. 8].

Также институт смоделировал, внедрил и усовершенствовал автомобильные измерители пройденного пути АИР «Пикет» и создал программное обеспечение для паспортизации автомобильных дорог совместно с ООО «ДОРСИБ» (Томск) [1. С. 9]. Для ООО «Строительная лаборатория» (Томск), которое занималось контролем качества строительства автомобильных дорог, ИМКЭС СО РАН выполнял работы, связанные с автоматизацией процесса измерения механических характеристик материала при лабораторных испытаниях [1. С. 9]. Совместно с ООО «Строительная лаборатория» был разработан метод контроля однородности и качества уплотнения грунтов земляного полотна и слоев дорожной одежды из несвязных материалов и создан макетный вариант малогабаритного прибора для его реализации. Измерители АИР «Пикет» использовались при диагностике технического состояния автомобильных дорог в Ханты-Мансийской АО, республиках Алтай, Башкортостан, Хакасия и Сахалинской области [8. С. 8].

Помимо этого, институт сделал и поставил ЗАО «Связьинтех» (Омск) автономное устройство сбора информации. Разработка заключалась в создании системы сбора и контроля параметров источников питания для систем связи [1. С. 10]. А для ООО «БАСТ» (Томск) была подготовлена конструкторская документация устройства автоматического контроля размеров деталей из листового материала [8. С. 10].

Отдельным направлением института являлась разработка технологии взращивания сортовых саженцев древесных пород с закрытой корневой системой, которая была апробирована в 2003–2005 гг. Кедровые саженцы с закрытой корневой системой зарекомендовали себя высококачественным и удобным посадочным материалом многоцелевого назначения. Технология была основана на впервые созданных уникальных привойных сортах кедра сибирского с использованием всего мирового генофонда, что позволяло открыто продвигать ее на рынке [7. С. 65–68].

Главным направлением деятельности Института сильноточной электроники (ИСЭ ТНЦ СО РАН) было направление «Научные основы сильноточной электроники и разработка на этой базе новых приборов, устройств и технологий». Данное направление включало: импульсную энергетику и формирование плотных пучков заряженных частиц; получение мощных потоков рентгеновского, СВЧ и оптического излучения; исследование плазмы вакуумных и газовых разрядов; исследование процессов воздействия потоков частиц, плазмы, электромагнитного излучения на поверхность [1. С. 3].

В 1999 г. на материально-технической базе Института сильноточной электроники сотрудниками института было открыто ООО «Энес», которое занималось нанесением теплосберегающих, декоративных и зеркальных покрытий на архитектурные стекла. Эта организация, помимо аренды производственных площадей института, активно привлекала к работе сотрудников данного института, а также совместно с Институтом сильноточной электроники выполняла договоры по разработке и созданию вакуумных напылительных установок [1. С. 7]. Так, проект «Создание конвейерной технологической установки для производства теплоотражающих стекол» вошел в число победителей конкурса инновационных проектов «Наука–технология–производство–рынок» в 2002 г., объявленного Министерством промышленности, науки и технологий Российской Федерации совместно с Министерством промышленности и науки Московской области, Ассоциацией Сибирских и Дальневосточных городов (АСДГ), Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российским фондом технологического развития (РФТР), Американской корпорацией «Российская технологическая инициатива» – РТИ [8. С. 8].

2004 год в работе института отмечен получением нескольких важных научных результатов. Во-первых, под руководством академика С.Д. Коровина и доктора физико-математических наук В.Ф. Лосева, была создана и запущена широкоапертурная эксимерная лазерная система, позволяющая формировать высококачественное излучение на длине волны 308 нм в пучке диаметром 40 см. Во-вторых, были получены результаты по управлению процессом горения капельных пятен вакуумной дуги (руководители доктор физико-математических наук Д.И. Проскуровский и доктор физико-математических наук А.В. Козырёв). Третьим был проект «Формирование гигаваттных наносекундных сверхширокополосных импульсов излучения с использованием многоэлементной антенной решетки», (научные руководители академик С.Д. Коровин и академик Б.М. Ковальчук) [1. С. 3].

Институт сильноточной электроники проявлял высокую активность в инновационной деятельности. В 2004 г. институт подготовил компании Sen Engineering Co. (Япония) научно-техническую документацию на свою разработку «Источник спонтанного излучения в ВУФ области спектра» [1. С. 11], французской компании DermOptics SAS – научно-техническую документацию на эксилампу. Другой японской компании – ITAC Ltd – научно-техническую документацию на импульсную электронно-лучевую установку [1. С. 10]. Следует отметить, что сотрудничество по всем трем проектам велось в форме лицензионного соглашения.

Импульсная электронно-лучевая установка РИТМ, созданная в институте, имела ряд достоинств. Высокая плотность энергии и малая длительность импульса пучка позволяли сконцентрировать его энергию в тон-

ком приповерхностном слое облучаемого материала, доводя его до плавления и даже испарения. Высокая скорость охлаждения обрабатываемого слоя позволяла осуществить сверхбыструю закалку и упрочнение поверхности материала, повысить его коррозионную стойкость, очистить от примесей, формировать поверхностные сплавы. Была подана совместная заявка на патент с японской организацией ITAC. Существовали макет и опытный образец [7. С. 45–48]. Разработка являлась типичной продукт-инновацией – научно-технической разработкой, коммерциализация которой должна привести к началу выпуска новой продукции.

Институтом сильноточной электроники в 2005 г. была осуществлена разработка приемно-передающего устройства на базе наносекундного приемопередатчика трехсантиметрового диапазона, ранее созданного в данном институте. Устройство предназначалось для работы в составе систем приповерхностной ближней радиолокации и имело пространственное разрешение по дальности порядка 1 м. Такое устройство способно обнаруживать объекты с малой поверхностью рассеивания на фоне мешающих отражений объектов (камней, кустарников). Существовал макет устройства, который в дальнейшем был доработан до промышленного образца и уже использовался различными коммерческими и государственными структурами [7. С. 49–50].

Институт физики прочности и материаловедения (ИФПМ ТНЦ СО РАН) проводил фундаментальные научные исследования в рамках основного направления «физическая мезомеханика материалов», утвержденного постановлением Президиума СО РАН № 250 от 1 августа 1997 г., которое включало: физическую мезомеханику структурно-неоднородных сред; наноструктурные объемные и наноразмерные материалы, наноструктурированные поверхностные слои, тонкие пленки и покрытия; компьютерное конструирование новых материалов и технологий их получения; научные основы технологий упрочнения и поверхностной обработки материалов; неразрушающие методы контроля [1. С. 3]. В результате совместной подготовительной работы с Государственным институтом испытания материалов при Штутгартском университете (Германия) в 1997 г. начал свою деятельность «Международный центр исследований по физической мезомеханике материалов», который проводил фундаментальные и поисковые исследования в области физики и механики твердого тела, неразрушающих методов контроля, геотектоники. Центром были получены научные результаты по пластической деформации и разрушению твердых тел, разработаны научные основы метода получения наноразмерных порошковых материалов прямым разрушением с помощью высокоэнергетических газовых потоков [6. С. 100].

В 2004 г. институт разработал принципиально новый метод упрочнения материалов путем создания в них наноструктурных поверхностных слоев с барьерным подслоем: НИОКР «Волновые механизмы пластического течения в многоуровневой модели деформируемого твердого тела и новый метод упрочнения материалов», который позволил повысить прочность материала с одновременным увеличением его пластичности. На основе данного метода разрабатывались упрочняющие технологии в ОАО «РЖД», Росатоме, Росавиакосмосе [1. С. 4].

В результате научно-исследовательских работ были выявлены особенности микроструктуры сверхтвердых нанокомпозитных покрытий, а также экспериментально обнаружено явление коррелированного движения макроскопических очагов локализованной пластической деформации [1. С. 4].

В 2003 г. проект «Отдел коммерциализации разработок в ИФПМ СО РАН» вошел в число победителей областного научно-технического конкурса. На развитие ОКР администрация Томской области выделила субвенцию в размере 200 тыс. руб. Созданный ОКР провел технологический аудит разработок ИФПМ ТНЦ СО РАН, которые могли рассматриваться как объект продвижения на рынок. В этом же году создавался орган управления – Управление инновационного развития (УИР) [9. С. 10].

В 2004 г. УИР ИФПМ сменило название на «отдел инновационного развития» (ОИР), а отдел коммерциализации разработок в ИФПМ ТНЦ СО РАН стал «бюро коммерциализации разработок». В работе отдела принимали активное участие сотрудники научных подразделений Института. В этом же году ИФПМ ТНЦ СО РАН на конкурсной основе получил на создание инновационной инфраструктуры 400 тыс. руб. (гранты Администрации Томской области).

В 2002 г. продолжалось сотрудничество с крупными промышленными предприятиями и комплексами: Газовая программа Томской области, договоры с ОАО «Газпром», ОАО «Востокгазпром», ОАО «Уренгойгазпром», договоры с Томской ГРЭС-2, Томской ТЭЦ-3, в рамках программы НИОКР с Западно-Сибирской железной дорогой, договоры с ОАО ВНК, НПФ ГЕОФИТ [8. С. 8].

В соответствии с техническим заданием по договору с Западно-Сибирской железной дорогой была внедрена разработка напыления ионо-плазменных покрытий на детали пассажирских вагонов. Изготовленная установка была запущена в эксплуатацию в Кемеровском пассажирском вагонном депо, а в локомотивном депо ст. Тайга в августе 2002 г. проводились эксплуатационные испытания установок для ультразвукового упрочнения бандажей колес локомотивов и ультразвуковых дефектоскопов для диагностики колесных тележек, что было заказом МПС [8. С. 9].

В этом же году ТОО «Спектр–Z» (Алматы, Казахстан) получило от института технологию осаждения многослойных покрытий для модификации оптических свойств архитектурного стекла с подготовленной технологической документацией и опытным образцом трехкамерной установки для магнетронного осаждения покрытий на архитектурное стекло [8. С. 9].

В южнокорейскую фирму «Суник Систем Компани» после испытаний была поставлена магнетронная распылительная система кругового планарного типа с алюминиевой мишенью на медной основе диаметром 250 мм [8. С. 9]. Для Шеньянского технологического института (КНР) была разработана, изготовлена, поставлена и запущена в эксплуатацию вакуумная уста-

новка ионно-плазменного напыления покрытий в условиях ассистирования ионным пучком, а также технология для нанесения функциональных керамических покрытий и установка нанесения керамических покрытий на детали из алюминия и его сплавов [8. С. 9]. По соглашению с фирмой Nippon Steel Trading Co. LTD (Япония) в рамках контракта передавалась ультразвуковая установка для ультразвуковой финишной обработки (УФО) и ультразвуковая установка для ударной обработки (УУО) с технической документацией [8. С. 9].

В условиях опытного производства ремонтно-механического завода Сибирского химического комбината (РМЗ СХК) была разработана технология переработки ультрадисперсных оксидных порошков и получения пористых керамических изделий. Подготовлен проект технических условий для получения керамического шликера из плазмохимического оксида алюминия применительно к производству РМЗ СХК, изготовлена опытная партия керамических изделий в условиях РМЗ СХК и передана для проведения испытаний [8. С. 9].

Институт в 2004 г. продолжил работу с крупными промышленными партнерами, такими как ОАО «Российские железные дороги», ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат» и др. Только по «Программе переоснащения базовых организаций локомотивного хозяйства» были привлечены дополнительные внебюджетные средства на сумму 4 млн руб. и поставлено оборудование в 18 локомотивных депо ОАО РЖД [1. С. 12].

Также ИФПМ СО РАН представил на конкурс Государственной программы «Старт-2004» проекты, получившие поддержку Фонда: Композиционный сорбционный фильтр (руководитель кандидат технических наук М.И. Лернер); Организация опытно-промышленного производства наноструктурных керамических композиционных материалов и изделий конструкционного и функционального назначения (руководитель доктор физико-математических наук С.Н. Кульков); Разработка и организация производства медицинской оптико-телевизионной диагностической системы (руководитель доктор технических наук В.И. Сырямкин). Комплексный проект по наноматериалам, в котором институт являлся головной организацией, стал победителем в конкурсе, проведенном в 2004 г. Министерством образования и науки РФ [1. С. 12].

Институт химии нефти (ИХН СО РАН) занимался научными основами переработки природного газа, нефти, угля, а также возобновляемого и нетрадиционного химического сырья, химией нефтей России (состав, строение, свойства, процессы и механизмы превращения нефтей и поверхностные явления), научными основами способов повышения нефтеотдачи и переработки углеводородного сырья [1. С. 4].

Институтом была создана технология чередующегося паротеплового и физико-химического воздействия на залежи высоковязкой нефти с целью увеличения нефтеотдачи, а в 2003 г. проведена закачка чередующихся оторочек композиции и пара в две пароциклические скважины на месторождении Ляохэ в Китае. Параллельно в процессе исследований было установлено, что высокая степень очистки (95%) дизельного топлива от сернистых соединений достигается сочетанием методов предварительного озонолиза дизельного топлива и последующей адсорбции окисленных сернистых соединений на силикагеле, модифицированном хлоридом никеля [1. С. 4–5].

Для грамотной организации инновационной деятельности на основе патентно-информационного отдела в 2002 г. был открыт отдел коммерциализации разработок (ОКР), на организацию которого институт получил грант по конкурсу областной администрации [8. С. 9]. В 2001–2002 гг. осуществлялось промышленное использование технологий повышения нефтеотдачи (научный руководитель доктор химических наук, профессор Л.К. Алтунина, кандидат химических В.А. Кувшинов) с применением неорганических гелеобразующих композиций ГАЛКА и термообратимой полимерной гелеобразующей композиции МЕТКА на месторождениях Западной Сибири – в ОАО «Юганскнефтегаз» и ООО «ЛУКОЙЛ – З. Сибирь» – ТПП «Лангепаснефтегаз», «Покачевнефтегаз» и «Когалымнефтегаз» [8. С. 9]. Также институт разработал и апробировал на реальных образцах сточных вод Опытного коксохимического завода АНИИ термоэнергии (Аньшань, КНР) технологию очистки сточных вод сложного состава, содержащих помимо органических загрязнителей большие количества ионов хрома (фильтро-адсорбционная технология очистки сточных вод промышленных предприятий от широкого спектра загрязнений) [8. С. 9].

Институт химии нефти ТНЦ СО РАН являлся учредителем Научно-внедренческого предприятия ЭЧТЕХ, зарегистрированного решением Томского горисполкома № 277 от 18 марта 1991 г. как малое госпредприятие и перерегистрированного в ОАО 14 июня 1996 г. В соучредителях были физические лица и Томский международный деловой центр «Технопарк». Институт подписал с НВП ЭЧТЕХ договор, в рамках которого осуществлялась совместная исследовательская работа по созданию оборудования для измельчения концентрирования отвалов шахт и рудников, содержащих ценные металлы в товарную продукцию [1. С. 8].

ИХН СО РАН активно осуществлял инновационную деятельность. В 2004 г. институт подготовил ОАО ОТО (Самара), ООО «Академойл» (Томск) и ООО «Геологические инвестиции» (Москва), а в 2003 г. ЗАО «Химеко-Ганг» (Москва) научно-техническую документацию в форме лицензионного соглашения на технологию увеличения нефтеотдачи пластов [1. С. 11; 9. С. 10]. Для НИИ «Нефтеотдача» (Уфа) была разработана научно-техническая документация в форме лицензионного соглашения, а также изготовлена жидкая товарная форма композиции ГАЛКА (РВЗП) для технологии повышения нефтеотдачи пластов. Другим организациям, ОАО «Аурат» (Москва) и ЗАО «Полиэкс» (Пермь), была передана научно-техническая документация в форме лицензионного соглашения на изготовление твердой товарной формы композиции ГАЛКА термогель для технологии повышения нефтеотдачи пластов [1. С. 11]. Также ИХН СО РАН подготовил для ООО «Сибирская экология» (Новосибирск) научно-техническую документацию в форме лицензи-

онного соглашения на свою разработку, реагент-собиратель для флотации угля, а для ООО «Биолит» (Томск) – на производство препарата «Эплир» [1. С. 11].

Основные научные направления Томского филиала Института геологии нефти и газа (ТФ ИГНГ СО РАН) заключались в выявлении механизмов мобилизации химических элементов в подземных водах природных и техногенных систем Западной Сибири, исследовании строения, закономерности формирования и нефтегазоносности юрских и палеозойских резервуаров на юго-востоке Западносибирской нефтегазоносной провинции, компьютерном моделировании гидрогеохимических и гидродинамических процессов в нефтегазоносных комплексах Сибири [1. С. 5].

Отдел структурной макрокинетики (ОСМ ТНЦ) проводил исследования по трем приоритетным направлениям СО РАН: высокотемпературные и быстропротекающие процессы в химии и материаловедении; самораспространяющийся высокотемпературный синтез и структурная макрокинетика; математическое моделирование физико-химических процессов в гетерогенных процессах [8. С. 5].

Институт осуществлял исследования в 2004 г. по двум приоритетным направлениям. Первое – «Управление процессами высокотемпературного синтеза и модификация функциональных неорганических материалов с помощью физических воздействий», научным руководителем которого являлся профессор, доктор технических наук Ю.М. Максимов. Второе направление, «Исследование процессов структурообразования и получения композитных неорганических материалов на основе оксидных, интерметаллических тугоплавких соединений», выполнялось под руководством доктора физико-математических наук В.К. Смолякова [1. С. 5].

Отделом предлагался подход к описанию разрушения деформируемых твердых тел при ударно-волновом нагружении на основе модели эрозионного типа, имитирующей на макроуровне процесс разрушения материала при интенсивных сдвиговых деформациях. Другим важнейшим научным достижением стало создание методом СВС каталитической насадки для промышленной газовой горелки – пористый керамический конвертор химической энергии [1. С. 6].

В 2004 г. Отдел структурной макрокинетики имел ряд разработок, например конвертор для промышленных радиационных горелок, который преобразует тепло сгорания природного газа в энергию инфракрасного излучения. Главная особенность конвертора – крупногабаритная термостойкая керамическая труба с пористыми стенками, полученная по принципиально новой технологии СВС. Преимущества конвертора: повышение КПД горелочного устройства и снижение расхода топлива на 10–30%, отсутствие колебательных процессов и акустического шума при горении, отсутствие токсичных выбросов, совместимость с используемыми котельными установками [1. С. 12].

В это же время проводились исследования по проекту, финансируемому Администрацией Томской области «Резистивные суспензии для высокоэффективных пленочных нагревательных элементов». Конечная цель проекта – организация производства резистивной суспензии – главного сырьевого компонента для пленочных нагревателей; организация производства пленочных нагревательных элементов и устройств нового поколения. Разработанная в результате выполнения проекта резистивная суспензия была использована для изготовления пленочных нагревательных элементов, на базе которых совместно с ООО ИТМ (Томск) был изготовлен опытный образец лабораторного сушильного шкафа [1. С. 12], принцип работы которого имел новизну и актуальность. В последующем лабораторный сушильный шкаф производился серийно.

Совместно с ООО ИТМ на базе четырех нагревательных элементов был разработан инфракрасный излучатель для сушки краски, который в дальнейшем был запущен в серийное производство. Данное устройство использовалось для сушки автомобилей после окраски: инфракрасное излучение проникает в слой краски и прогревает его равномерно по всей толщине. Использование данного устройства позволяло значительно экономить электрическую и тепловую энергию [1. С. 12].

Отдел проблем информатизации (ОПИ ТНЦ СО РАН) разрабатывал теоретические основы построения интегрированных информационно-телекоммуникационных систем с пакетной передачей данных, в том числе для подвижных и труднодоступных объектов. В 2004 г. отделом был найден способ определения оптимального упорядочения знаний на передачу навигационных данных от подвижных объектов в информационный центр [1. С. 6].

ОПИ ТНЦ СО РАН в 2002 г. было внедрено организационно-правовое информационное программно-техническое обеспечение автоматизированной системы проведения интернет- и павильонных выставок-ярмарок наукоемкой продукции, конкурсов и тендеров на базе ТМДЦ «Технопарк» (научные руководители проекта В.П. Тарасенко и С.З. Ямпольский). Также начал свою работу АНО «Томский региональный научно-технологический центр (ТРИЦ) “Технопарк”» с инновационно-технологической площадкой в ТУСУРе в составе двух научных отделов: отдела «Мониторинг и сопровождение инновационных проектов» и отдела «Проектирование и развитие инновационной инфраструктуры». ИТП ТУСУРа «Технопарк» сопровождал работу трех научно-исследовательских отделов НИИ АЭМ при ТУСУРе, двух кафедр ТУСУРа, пяти малых наукоемких предприятий. На интернет-портале ОАО ТМДЦ «Технопарк» была размещена информационная база данных «Продукция» (150 наименований) [8. С. 11].

Главным направлением Конструкторско-технологического центра (КТЦ ТНЦ СО РАН) являлось направление «Новые материалы и приборы». Основными сферами инновационной деятельности центра в 2002–2003 гг. были нанотехнологии, медицина, железнодорожный транспорт. Объем продаж составил 6,4 млн руб., в том числе 40% на зарубежном рынке [8. С. 11]. КТЦ ТНЦ СО РАН в 2003 г. совместно с ООО СМЕТ было открыто производство литоэкстракторов, а с ООО ППТ – нанопорошков [9. С. 10].

В течение 2004 г. разрабатывалась технология изготовления нового медицинского литоэкстрактора для

безоперационного удаления почечных камней, соответствующего международным стандартам. Литоэкстрактор успешно прошел медико-технические испытания в американской компании Cook Urolodical, с которой центр заключил контракт на поставку литоэкстракторов [1. С. 6].

Филиал Института леса им. В.Н. Сукачева совместно с экспериментальным лесным хозяйством «Кедр» в 2002 г. проводил работу по получению клонов кедра с улучшенными признаками продуктивности, роста и экстерьера как наукоемкой продукции. Совместно с Томской Продовольственной Компанией был создан инновационный (опытно-производственный) комплекс по селекции и выращиванию посадочного материала кедра сибирского для лесовосстановления, создания орехоплодных плантаций, озеленения и рекультивации нарушенных земель [8. С. 10].

Международный центр по физике окружающей среды и экологии ТНЦ СО РАН (МИЦ ФОСЭ) создавался как обособленное структурное подразделение при Томском научном центре СО РАН в 1999 г. Осуществлял фундаментальные исследования окружающей среды в смежных областях физики, химии и биологии, а также разработку новых диагностических методов и средств анализа окружающей среды. Основным научным направлением являлась программа «Изучение техногенных и природных факторов в формировании экосистем в пойме реки Оби», которая осуществлялась совместно с Институтом химии Макса Планка [6. С. 100–101].

В сибирском отделении Международного исследовательского центра телекоммуникаций, излучения и радиолокации (IRSTR, Нидерланды) проводились исследования по широкому спектру радиолокационных проблем. Начиная с 2001 г. велись теоретические работы по обоснованию и практическому доказательству принципа одновременного измерения полной матрицы рассеяния радиолокационных объектов на примере импульсной РЛС [6. С. 101].

Таким образом, несмотря на серьезные исторические потрясения, связанные с реформой научно-технического комплекса в 1990-е гг., которая ориентировалась на адаптацию к рыночной модели функционирования всех систем общества, институты Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук смогли выстоять и продолжить работу. Институтам приходилось в новых условиях выстраивать новую модель и финансирования, и хозяйствования. При этом институты сократили часть исследовательских направлений, что было связано с уменьшением госзаказов, и сконцентрировали свое внимание на получении финансирования помимо федеральных источников – на муниципальных, областных, коммерческих. Фундаментальные исследования оказались менее актуальными, в то время как основное внимание исследовательских институтов сосредотачивается на прикладных исследованиях. Это привело к значительному увеличению количества научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), охватывающих полный цикл.

Попытка создать эффективное взаимодействие между наукой и производством, а также между образованием и производством через инновационную инфраструктуру не дала ощутимых результатов, но позволила некоторой части подразделений институтов коммерциализировать результаты своей деятельности через создание малых предприятий, иногда через совместные малые предприятия как с зарубежными, так и с отечественными компаниями и организациями через выполнение научно-исследовательских и опытно конструкторских работ, так называемых заказных разработок. Обозначенные процессы привели к миграции человеческого интеллектуального капитала и научно-технического потенциала, включая трансфер технологий и массовую интеллектуальную миграцию из науки и образования в реальный сектор экономики. Многие исследователи остались в тех отраслях, куда перешли, и большинство из них не вернулось обратно в научную сферу, что негативно сказалось на научно-техническом развитии не только Томской области, но и всей страны.

Список источников

1. Отчет о научно-организационной и производственной деятельности учреждений Томского научного центра СО РАН за 2004 г. // Архив Президиума Томского научного центра СО РАН. 2004.
2. Большая экономия «маленького солнца» // Томские новости. 2001. 20 апр.
3. Постановление от 15 ноября 2001 г. № 12 // Архив Президиума Томского научного центра СО РАН. 2001.
4. Досье // Томская область. Управление. Экономика. Политика. Университетский проспект : информ.-аналит. журнал. 2001. № 2 (6).
5. Ученые следят за климатом и создают… звезды // Томские новости. 2001. 17 мая.
6. Разработка и реализация модели территории инновационного развития на примере Томской области : межведомственная программа : (результаты 2002–2005 гг.). Томск, 2006. 184 с.
7. Каталог научно-технических разработок и инновационных проектов Томской области. Томск, 2005. 100 с.
8. Отчет о научно-организационной деятельности Томского научного центра СО РАН за 2002 г. // Архив Президиума Томского научного центра СО РАН. 2002.
9. Отчет о научно-организационной и производственной деятельности учреждений Томского научного центра СО РАН за 2003 г. // Архив президиума Томского научного центра СО РАН. 2003.

References

1. Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS. (2004) *Otchet o nauchno-organizatsionnoy i proizvodstvennoy deyatel'nosti uchrezhdeniy Tomskogo nauchnogo tsentra SO RAN za 2004 g.* [Report on the scientific, organizational and production activities of the institutions of the Tomsk Scientific Center SB RAS for 2004]. The Archive of the Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS.
2. *Tomskie novosti*. (2001a) Bol'shaya ekonomiya “malen'kogo solntsa” [Big savings of the “little sun”]. 20th April.
3. Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS. (2001) *Postanovlenie ot 15 noyabrya 2001 g. № 12* [Resolution No. 12 of November 15, 2001]. The Archive of the Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS.
4. Anon. (2001) Dos'e [Dossier]. *Tomskaya oblast'. Upravlenie. Ekonomika. Politika. Universitetskiy prospect*. 2(6).

5. *Tomskie novosti*. (2001b) Uchenye sledyat za klimatom i sozdayut… zvezdy [Scientists monitor the climate and create... stars]. 17th May.
6. Kress, V.M., Zinchenko, V.I. et al. (2006) *Razrabotka i realizatsiya modeli territorii innovatsionnogo razvitiya na primere Tomskoy oblasti: mezhvedomstvennaya programma: (rezul'taty 2002–2005 gg.)* [Development and implementation of a model of the territory of innovative development using the example of the Tomsk region: interdepartmental program: (results of 2002–2005)]. Tomsk: [s.n.].
7. Tomsk Region. (2005) *Katalog nauchno-tekhnicheskikh razrabotok i innovatsionnykh proektov Tomskoy oblasti* [Catalog of scientific and technical developments and innovative projects of Tomsk region]. Tomsk: [s.n.].
8. Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS. (2002) *Otchet o nauchno-organizatsionnoy deyatel'nosti Tomskogo nauchnogo tsentra SO RAN za 2002 g.* [Report on the scientific and organizational activities of the Tomsk Scientific Center SB RAS for 2002]. The Archive of the Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS.
9. Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS. (2003) *Otchet o nauchno-organizatsionnoy i proizvodstvennoy deyatel'nosti uchrezhdeniy Tomskogo nauchnogo tsentra SO RAN za 2003 g.* [Report on the scientific, organizational and production activities of the institutions of the Tomsk Scientific Center SB RAS for 2003]. The Archive of the Presidium of the Tomsk Scientific Center SB RAS.

***Сведения об авторе*:**
Сырямкин Максим Владимирович – соискатель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: msyryamkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Syryamkin Maxim V. – Candidate of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: msyryamkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 21.06.2023; accepted for publication 03.10.2023

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 364.1
doi: 10.17223/19988613/85/25

Факторы риска эксклюзии студентов-инвалидов в вузах России

Максим Валерьевич Берсенев

Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, m.bersenev@gmail.com

Аннотация. В современном российском обществе эксклюзия людей с инвалидностью не выражена слишком ярко. Такая ситуация сложилась в основном из-за того, что люди с инвалидностью «не видны», нечасто показываются в поле зрения общества, из-за чего могут возникать различные мифы, препятствующие адекватному восприятию инвалидов. Неадекватное восприятие, в свою очередь, может стать фактором риска эксклюзии. Автор статьи провел исследование среди студентов российских вузов, направленное на выявление отношения к совместному обучению инвалидов и неинвалидов, и сделал выводы о факторах, которые могут способствовать исключению студентов с инвалидностью из коллектива.
Ключевые слова: эксклюзия, студенты с инвалидностью, корреляционный анализ

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013. Выражаю благодарность студентам второго курса ТУСУРа за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Берсенев М.В. Факторы риска эксклюзии студентов-инвалидов в вузах России // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 202–206. doi: 10.17223/19988613/85/25

Original article

Risk Factors for Exclusion of Disabled Students in Russian Universities

Maxim Valerievich Bersenev

Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics, Tomsk, Russian Federation, m.bersenev@gmail.com

Abstract. Russian society is currently quite tolerant towards persons with disabilities. Our surveys do not show any significant negative attitudes towards people with disabilities in the educational environment. However, the risk of exclusion in the educational space is still quite high. The author of the article connects this risk primarily with the "invisibility" of disabled people, their underrepresentation in modern society. There are often “positive” myths in society about people with disabilities as great personalities who endure suffering nobly. Our society has not yet developed a true understanding of disabled people due to their absence both in the educational environment and in other spheres of life. Therefore, in the beginning of adult life, in the conditions of higher education, it is very important to track what ideas about people with disabilities are there in students’ minds, how they see the problems of these people, whether they are ready for joint learning. Such research will help shed light on the circumstances that may become risk factors for exclusion of persons with disabilities.

The author, together with students of TUSUR, conducted a study of the opinions of students in Russian universities. With the help of Google forms, 101 students from various universities were surveyed (most of them from universities in Tomsk). After analyzing the results of this study, we came to the following conclusions. In Russian society, a neutral or positive attitude towards people with disabilities prevails. No relationship was found between the student's year of study and his attitude towards the disabled, and there is no connection between this attitude and the university. A person who confidently answers that there are disabled people in the university usually treats them better.

We confirmed our fears that people with disabilities are often invisible to society and that this can become a risk factor when they become more visible. Overly positive expectations of people with disabilities can clash with reality, which can push exclusionary tendencies. The only way to resist this is to talk about people with disabilities as often as possible, forming an adequate model of disability in the public mind.
Keywords: exclusion, students with disabilities, correlation analysis

© М.В. Берсенев, 2023

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the basic part of the state task “Science”, the code of the scientific topic FEWM-2023-0013. I express my gratitude to the second-year students of TUSUR for their help in conducting the research.

For citation: Bersenev, M.V. (2023) Risk factors for exclusion of disabled students in Russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 202–206. doi: 10.17223/19988613/85/25

Российское общество сегодня можно назвать в достаточной мере современным. В частности, это определяется по уровню толерантности по отношению к различным группам населения: инвалидам, лицам, освобожденным из мест лишения свободы, различным маргинальным группам. Тем не менее все еще высокими остаются риски эксклюзии для лиц, которые по внешнему виду либо по существующим в обществе стереотипам отличаются от понимания «нормы». Реализация таких рисков на практике угрожает в конечном счете стабильности общества. Так, если студент с инвалидностью будет исключен из образовательной среды (в социально-психологическом смысле), у него начнутся проблемы с учебой, что приведет к его отчислению, невозможности получить желаемую работу, скатыванию на «дно» общества. Увеличение числа неустроенных в жизни маргиналов угрожает стабильности общества, повышает нагрузку на систему социальной защиты. В конечном итоге проигрывают все. Следовательно, изучение факторов риска возникновения эксклюзивных тенденций для лиц с инвалидностью в образовательной среде сегодня очень актуально.

Работ, посвященных как самому феномену риска, так и конкретно эксклюзии, сегодня существует достаточно много. Так, А.И. Жмайло предполагает, что социальный риск – это показатель несоответствия социальных действий индивидов и групп изменениям социальной среды [1]. М.А. Никулина и соавт. делают вывод о том, что риски формирует конкретная деятельность людей [2]. Т.Н. Конькова выделяет и раскрывает основные черты социальных рисков [3]. Л.Л. Мехришвили и О.Ф. Севостьянова изучают сущность социальной защиты с точки зрения рисков [4].

Различные аспекты феномена эксклюзии также получили освещение в отечественной научной литературе. А.Н. Шеремет дает общую оценку объемов эксклюзии в российском обществе по разным социальным группам [5], Н.В. Муйзиник рассматривает эксклюзию как угрозу гармоничному обществу [6], И.А. Макеева устанавливает риски экслюзии в рамках образовательной среды [7]. Нельзя не упомянуть в этом контексте и работы В.И. Зиновьевой, много лет разрабатывающей темы инклюзии на материалах г. Томска [8]. Однако почти все вышеперечисленные (и многие другие) работы носят преимущественно отвлеченно-философский характер и нуждаются в подкреплении эмпирическими данными. Поэтому цель данной статьи – проведение исследования с целью выделения основных факторов эксклюзии инвалидов в российской студенческой среде.

Социальные риски – социально значимые опасности, причины которых имеют общественный характер, и индивидуальная защита от них в большинстве случаев невозможна [2. С. 50]. Риски могут быть контролируемыми и неконтролируемыми [3. С. 3], это связано с неопределенностью возможности и времени их наступления. Тем не менее мы предполагаем, что риски эксклюзии во многом могут быть отнесены к контролируемым. Наша задача в рамках образовательной среды – качественно и количественно определить вероятность наступления неблагоприятной ситуации, преодолеть неопределенность, а следовательно, предотвратить возникновение такой ситуации [4. С. 82].

С нашей точки зрения, риски эксклюзии инвалидов растут в следующих случаях:

– инвалиды не видны, что не элиминирует их проблемы;

– к инвалидам существует отрицательно-предвзятое отношение;

– существует стереотип о негативном влиянии инвалидов на социальную среду.

В декабре 2022 г. среди студентов вузов было проведено исследование на тему: «Отношение к высшему инклюзивному образованию». Исследование проводилось путем заполнения в гугл-формах ответов на вопросы, часть из которых была закрытой, часть – открытой. Респондентам задавали такие вопросы:

– как они относятся к людям с инвалидностью (закрытый вопрос);

– знают ли они о том, что в их вузе обучаются студенты с инвалидностью (закрытый вопрос);

– как, по их мнению, влияет на академическую группу совместное обучение инвалидов и неинвалидов (закрытый вопрос);

– какие ассоциации у них вызывает слово «инвалид» (открытый вопрос);

– с какими проблемами, по их мнению, сталкиваются инвалиды, обучающиеся в вузе (открытый вопрос);

– в какой помощи нуждаются студенты-инвалиды (открытый вопрос).

Гипотезы исследования:

– бóльшая часть респондентов положительно относится к инвалидам (в целом риски эксклюзии низкие и не связаны с отрицательным отношением);

– существует зависимость между возрастом респондентов и пониманием проблем инвалидов (чем меньше возраст, тем выше риски эксклюзии);

– чем более положительные ассоциации у респондента вызывает слово «инвалид», тем больше он знает о проблемах инвалидов и более положительно отзывается об инклюзивном обучении (риски эксклюзии можно снижать через просвещение);

– существует значимая взаимосвязь между полом респондентов и отношением к инвалидам (в мужском коллективе риски эксклюзии выше, чем в женском).

Среди принявших участие в опросе (101 человек) 58,4% ответивших были женщины, 41,5% – мужчины. Из них 14,9% – студенты первого курса бакалавриата, 59,4% – второго, 10,9% – третьего, 3% – четвертого, 10,9% – магистранты. 58,4% ответивших на вопросы учатся в ТУСУРе, 5,5% – в ТПУ, остальные студенты – из других вузов Томска и страны.

Отвечая на закрытый вопрос об отношении к людям с инвалидностью, 54,5% сказали, что относятся к ним нейтрально, 33,7% – положительно, 11,9% – скорее положительно. Никто из опрошенных не сказал об отрицательном отношении к инвалидам. Это соответствует картине, которая сложилась у нас на основании предыдущих исследований. В нашем обществе нет негативного отношения к инвалидам или считается непопулярным заявлять об этом даже на условиях анонимности.

Еще один закрытый вопрос был посвящен тому, знают ли студенты, что в их вузе обучаются лица с инвалидностью. Из числа ответивших 84,2% сказали, что знают, а 15,8% затруднились ответить. Отрицательно не ответил никто. Это означает, что идеи инклюзивного образования в целом закрепились в российском обществе. Вероятно, респонденты имели опыт общения со студентами-инвалидами или слышали о таком опыте.

На вопрос о том, как влияет совместное обучение инвалидов и неинвалидов на академическую успеваемость группы в целом, 68,3% ответили, что оно не влияет никак, 20,8% затруднились ответить, 9,9% ответили, что влияет положительно, и только 1% выбрал ответ «отрицательно». Господствует представление о том, что об инвалидах следует думать, как о равных остальным людям, поэтому существует стереотип (не всегда правдивый), что совместное обучение не будет вызывать никаких трудностей.

Для корреляционного анализа ответам были присвоены номера от отрицательного до положительного. Ответы на открытые вопросы нуждались в предварительной обработке. Ответы на вопрос об ассоциациях со словом «инвалид» были сгруппированы по степени оптимизма по отношению к этому явлению. Выделены следующие группы:

– сила воли / преодоление трудностей (2%);
– равенство (4%);
– особенности (15,8%);
– болезнь (10,9%);
– ограничение (54,5%);
– беспомощность (6,9%);
– безысходность (4%).

Основной стереотип об инвалидах, таким образом, – их ограниченные возможности, болезнь и особенности. Идеи о равенстве, преодолении трудностей, равно как и о беспомощности инвалидов и безысходности их жизни, пользуются значительно меньшей популярностью.

Для корреляционного анализа этим группам были присвоены номера от 1 до 7.

Ответы на вопрос о проблемах, с которыми сталкиваются инвалиды при обучении в вузе, также были сгруппированы по степени от отсутствия проблем через нехватку общения и профессиональной помощи к проблемам, требующим серьезных вложений для их решения (архитектурные барьеры, комплексные проблемы). Получилось 8 групп:

– не знаю (4%);
– никакие (4%);
– нехватка тьюторов / наставников (1%);
– пропуск занятий / понимание предметов (3%);
– нехватка общения (7,9%);
– буллинг / стигма (16,8%);
– архитектурные барьеры (56,4%);
– все проблемы (2%).

Для корреляционного анализа этим группам были присвоены номера от 1 до 8.

Ответы на вопрос о том, в какой помощи нуждаются студенты с инвалидностью, также были сгруппированы по степени затратности и сложности этой помощи. Получилось 9 групп:

– затрудняюсь (10,9%);
– не нуждаются в помощи (6,9%);
– дистантное образование (8,9%);
– стипендия / материальная помощь (4%);
– организация дополнительной подготовки (1%);
– тьютор / наставник (8,9%);
– организация комплексной социализации (6%);
– оснащение вуза дополнительным оборудованием (32,7%);
– сложная и комплексная помощь (14,9%).

В основном респонденты предполагают, что инвалиды нуждаются в дополнительном оборудовании и наставнике, а также в помощи, которая сочетает все эти виды. Для корреляционного анализа этим группам были присвоены номера от 1 до 9.

После кодирования результатов с помощью программы SPSS был проведен корреляционный анализ. Анализ по методу Колмогорова–Смирнова показал, что мы имеем дело с ненормальным распределением, поэтому для выявления корреляций был выбран метод Спирмена. Значимых корреляций получилось всего четыре (таблица).

Корреляционный анализ по результатам анкетирования респондентов

Признаки с выявленными корреляциями	Ассоциации со словом «инвалид»	Обучаются ли в Вашем вузе люди с инвалидностью?	С какими проблемами они сталкиваются?	Какое влияние оказывают на окружающих?
Пол	0,274			
Как вы относитесь к людям с инвалидностью?		0,207	–0,196	
В чем они нуждаются?				0,210

Полученные данные свидетельствуют, что мужчины чаще ассоциируют инвалидность с негативными коннотациями, женщины – с позитивными. Те, кто знает, что в их вузе обучаются люди с инвалидностью, относятся к ним лучше, чем те, кто затруднился с ответом. Чем лучше респонденты относятся к людям с инвалидностью, тем меньше они считают, что у инвалидов есть проблемы. Люди, которые считают, что инвалиды нуждаются в очень серьезной помощи, предполагают, что инвалиды в группе положительно оценивают их влияние на обучающихся вместе с ними.

Таким образом, подтвердилась первая гипотеза. Бóльшая часть респондентов обладает нейтральным и положительным отношением к инвалидам, что делает риски эксклюзии на основе ненависти невысокими. Даже если учесть, что некоторые люди отвечали неискренне, все равно они ориентировались на норму, которая требует отношения к лицам с инвалидностью, как к равным. Вторая и третья гипотезы не подтвердились, никакой взаимосвязи между курсом обучения студента и его отношением к инвалидам не выявлено. Вуз никак не влияет на установки людей в этом плане, не сокращает и не увеличивает риски эксклюзии. Отношение к людям с инвалидностью коррелирует лишь с тем, знает или не знает человек, что такие люди существуют. Знание улучшает отношение. Следовательно, для преодоления рисков эксклюзии следует больше рассказывать студентам о том, что лица с инвалидностью существуют. Разницы по отношению к инвалидам в зависимости от пола респондента мы не выявили, но поняли, что у мужчин слово «инвалид» чаще всего вызывает ассоциации, связанные с беспомощностью, горем, а у женщин – более позитивные ассоциации.

Господствующие представления об инвалидах: они практически не влияют на обучение группы, ассоциируются со словом «ограничение» (в основном в передвижении). Это в целом демонстрирует, что в российских вузах низки риски эксклюзии по принципу инвалидности. Единственное, что может вызывать тревогу, это, как ни парадоксально, сравнительно позитивное отношение к инвалидам.

В реальности, по мере появления все большего числа лиц с инвалидностью в университетах, может выясниться, что некоторые их особенности негативно влияют на обучение группы. Тем не менее мы считаем такой риск низким. По-прежнему рекомендуется как можно чаще и шире обсуждать в студенческих группах проблемы инвалидности, делать инвалидов «видимыми» (конечно, с их согласия), чтобы сделать риски эксклюзии контролируемыми. Хотя это может в результате вызывать у некоторых обучающихся разочарование и разрушить картину, в которой инвалид – это благородный человек, отважно борющийся с недугом, по большей части более адекватное представление об этой группе людей приведет к тому, что совместное обучение не будет вызывать удивления, и инвалидность станет всего лишь одним из признаков, характеризующих человека.

Список источников

1. Жмайло А.И. Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.Социальные науки . 2008. № 11. С. 83–88.
2. Никулина М.А., Джамалова Б.Б., Колодиев М.Ю., Шулова Е.Ю. Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 2. С. 48–64.
3. Конькова Т.Н. Особенности социальных рисков // Меридиан : научный электронный журнал. 2020. № 4. С. 1–4.
4. Мехришвили Л.Л., Севостьянова О.Ф. Студенчество: социальная защита в аспекте теории риска // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 3. С. 81–86.
5. Шеремет А.Н. Социальная эксклюзия в современном российском обществе: масштабы, разновидности, прогноз // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 3. С. 209–212.
6. Муйзиник Н.В. Социальная эксклюзия как угроза гармоничному обществу // Управленческое консультирование : научно-практический журнал Северо-западной академии государственной службы. 2006. № 1. С. 219–226.
7. Макеева И.А. Социальная эксклюзия и инклюзия в контексте образования: сущность, подходы // Известия Российского педагогического университета им. И.А. Герцена. 2020. № 198. С. 45–55.
8. Зиновьева В.И. Формирование социальной идентичности студентов с ограниченными возможностями в вузовской среде // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 86–89.

References

1. Zhmaylo, A.I. (2008) Sotsial'nyy risk kak pokazatel' sotsietal'noy transformatsii sovremennogo obshchestva [Social risk as an indicator of societal transformation of modern society]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.Sotsial'nye nauki*. 11. pp. 83–88.
2. Nikulina, M.A., Dzhamalova, B.B., Kolodiev, M.Yu. & Shulova, E.Yu. (2018) Sotsial'nye riski v sovremennom rossiyskom obshchestve: filosofskaya refleksiya [Social risks in modern Russian society: philosophical reflection]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 10(2). pp. 48–64.
3. Konkova, T.N. (2020) Osobennosti sotsial'nykh riskov [Features of social risks]. *Meridian*. 4. pp. 1–4.
4. Mekhrishvili, L.L. & Sevostyanova, O.F. (2011) Studenchestvo: sotsial'naya zashchita v aspekte teorii riska [Students: Social protection in the aspect of risk theory]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*. 3. pp. 81–86.
5. Sheremet, A.N. (2022) Sotsial'naya eksklyuziya v sovremennom rossiyskom obshchestve: masshtaby, raznovidnosti, prognoz [Social exclusion in modern Russian society: scale, varieties, forecast]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*. 3. pp. 209–212.
6. Muyzinik, N.V. (2006) Sotsial'naya eksklyuziya kak ugroza garmonichnomu obshchestvu [Social exclusion as a threat to a harmonious society]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie: nauchno-prakticheskiy zhurnal Severo-zapadnoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*. 1. pp. 219–226.
7. Makeeva, I.A. (2020) Sotsial'naya eksklyuziya i inklyuziya v kontekste obrazovaniya: sushchnost', podkhody [Social exclusion and inclusion in the context of education: essence, approaches]. *Izvestiya Rossiyskogo pedagogicheskogo universiteta im. I.A. Gertsena*. 198. pp. 45–55.
8. Zinovieva, V.I. (2016) Special aspects of disabled people's identification in a higher education institution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 86–89. (In Russian).

***Сведения об авторе*:**
Берсенев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bersenev Maxim V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work of Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; принята к публикации 03.10.2023

The article was submitted 28.04.2023; accepted for publication 03.10.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 85

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 31.10.2023 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 26,5. Усл. печ. л. 24,6. Тираж 50 экз. Заказ № 5634. Цена свободная.

Дата выхода в свет 09.11.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университтета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru